

БИБЛІОТЕКА

ТВОРЕНІЙ СВ. ОЦЕВЪ И УЧИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ

ЗАПАДНЫХЪ

издаваемая при Кіевской Духовной Академіи.

КНИГА 9.

Творенія блаженнаго Августина

Епископа Иппонійскаго.

ЧАСТЬ 2.

КІЕВЪ.

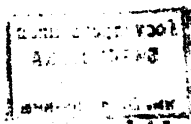
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго (бывшая Давиденко).

1879.

ТВОРЕНІЯ
БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА

Епископа Иппонійскаго.

ЧАСТЬ 2.

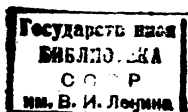

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго (бывшая Давиденко).

1879.

Изъ журнала „Труды Кіевской духовной Ака-
деміи“ за 1879 годъ.

4525-63

БЛАЖЕННОГО АВГУСТИНА,

епископа иппонійскаго,

ПРОТИВЪ АКАДЕМИКОВЪ

ТРИ КНИГИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Въ предисловіи этой книги блаженный Августинъ убъждаетъ Романіана заняться философіею; а въ самой книгѣ излагаетъ три состязанія, въ которыя вступалъ сынъ Романіана Лиценцій съ Трицеіемъ. Первый, державшій сторону Академиковъ, утверждалъ, что блаженная жизнь состоитъ въ самомъ изслѣдованіи истины; а другой, напротивъ, не въ изслѣдованіи, а только—въ познаніи истины. Въ предметъ спора входитъ и опредѣленіе заблужденія, равно какъ и опредѣленіе мудрости, которая разгъясняется съ особою обстоятельностью.

ГЛАВА I.

Убъждаетъ Романіана предаться истинной философіи.

О еслибы, Романіанъ, добродѣтель могла пригоднаго себѣ чловѣка отбирать у противодѣйствующей ей фортуны такъ, что не позволяла бы послѣдней никого отнимать у себя снова! Она безъ сомнѣнія уже наложила бы на тебя

руку, провозгласила бы тебя человѣкомъ вольнымъ и ввела бы во владѣніе имуществомъ самымъ благонадежнымъ, чтобы не допускать раболѣпствовать даже и счастливымъ случаямъ. Но по грѣхамъ ли нашимъ, или по естественной необходимости устроено такъ, что присущій смертнымъ божественный духъ никоимъ образомъ не входитъ въ гавань мудрости, гдѣ не тревожило бы его ни противное, ни благоприятное дуновеніе фортуны, если не введетъ его въ ту гавань сама же фортуна, счастливая ли то, или кажущаяся несчастною. Поэтому намъ не остается ничего другаго, кромѣ молитвъ за тебя, которыми мы испросили бы, если можемъ, у пекущагося о томъ Бога, чтобы Онъ возвратилъ тебя самому себѣ; ибо тѣмъ самымъ Онъ легко возвратитъ тебя и намъ, и позволить твоему уму, который уже давно едва имѣетъ чѣмъ дышать, выбраться наконецъ на воздухъ истинной свободы. Вѣдь возможно, что то, что обыкновенно называется фортуною, управляется нѣкоторымъ сокровеннымъ повелѣніемъ,—и случаемъ въ событіяхъ мы называемъ не что другое, какъ то, основаніе и причина чего для насъ тайны, и ничего не случается выгоднаго или невыгоднаго въ частности, что не было бы согласно и соображено съ общимъ. Эту мысль, высказанную въ основныхъ положеніяхъ самыхъ плодоносныхъ ученій и весьма удаленную отъ пониманія людей непосвященныхъ, и общаетъ доказать своимъ истиннымъ любителямъ философія, въ которой я приглашаю тебя. Поэтому, если и случается съ тобою многое, недостойное твоего духа, не презирай самаго себя. Ибо, если божественное провидѣніе простирается и на насъ,—въ чемъ сомнѣваться не слѣдуетъ,—то повѣрь мнѣ—съ тобою такъ и должно дѣлаться, какъ дѣлается. Такъ, когда ты съ такими природными своими свойствами, которыми я всегда удивляюсь, съ первыхъ дней юности неподдерживаемою разумомъ и скользкою стезею вступилъ въ

человѣческую жизнь, переполненную всякими заблужденіями, — водоворотъ богатствъ охватилъ тебя, и сталъ поглощать въ обольстительныхъ омутахъ тотъ возрастъ и духъ, который съ радостію слѣдовалъ всему, что казалось прекраснымъ и честнымъ; и только тѣ дуновения фортуны, которыя считаются несчастіями, почти утопющаго извлекли тебя оттуда.

Вѣдь еслибы тебя, когда бы ты давалъ бои медвѣдей и никогда невиданныя на нихъ нашими гражданами зрѣлища, всегда встрѣчало оглушительное рукоплесканіе театра; если бы дружные и единопущные голоса глухихъ людей, которыхъ толпа безмѣрна, превозносили тебя до небесъ; еслибы никто не осмѣлился быть тебѣ врагомъ; еслибы муниципальныя таблицы объявляли тебя мѣдными письменами патрономъ не только гражданъ, но и сосѣднихъ округовъ; воздвигались бы тебѣ статуи, текли почести, придавались степени власти, превышающія объемъ власти муниципальной; устраивались тучные столы для ежедневныхъ пиршествъ; еслибы каждый, кому что необходимо, и даже кому что желательно для наслажденія, безъ отказа бы просилъ, безъ отказа получалъ, а многое раздавалось бы и не просящимъ; и хозяйство, тщательно и добросовѣстно управляемое твоими приставниками, оказывалось бы достаточнымъ и готовымъ на удовлетвореніе такихъ издержекъ; а самъ ты проводилъ бы между тѣмъ жизнь въ изящнѣйшихъ громадахъ зданій, въ роскоши бань, въ играхъ, чести непротивныхъ, на охотахъ, на пирахъ; слылъ бы на устахъ кліентовъ, на устахъ гражданъ, на устахъ наконецъ цѣлыхъ народовъ челоувѣколюбивѣйшимъ, щедрѣйшимъ, красивѣйшимъ, счастливѣйшимъ, какимъ бы и былъ: кто тогда осмѣлился бы напомнить тебѣ, Романіанъ, о другой блаженной жизни, которая одна только блаженна? Кто, спрашиваю? Кто могъ бы убѣдить тебя, что ты не только не былъ счастливъ, но

быль тѣмъ болѣе жалокъ, чѣмъ менѣе такимъ казался себѣ? Теперь же, благодаря такимъ и столькимъ перенесеннымъ тобою несчастіямъ, какъ коротки для тебя увѣщанія! Чтобы убѣдить тебя, какъ непостоянно, непрочно и полно бѣдствій все то, что смертные считаютъ благами, примѣровъ далекихъ не нужно: до извѣстной степени ты такъ хорошо испыталъ это самъ, что твоимъ примѣромъ мы можемъ убѣждать другихъ.

Итакъ то, то твое, въ силу чего ты стремился всегда къ прекрасному и честному, въ силу чего ты хотѣлъ лучше быть щедрымъ, чѣмъ богатымъ, въ силу чего ты никогда не желалъ быть болѣе могущественнымъ, чѣмъ справедливымъ, никогда не поддавался бѣдствіямъ и мерзостямъ,—то самое, говорю, божественное, что было усыплено въ тебѣ, не знаю—какимъ сномъ этой жизни и какою летаргією, таинственное провидѣніе опредѣлило пробудить оными разнообразными и суровыми потрясеніями. Пробудись же, пробудись, прошу тебя! Повѣрь мнѣ, ты будешь много благодарить, что никакими почти благополучіями, которыми уловляются неосторожные, тебѣ не польстили дары этого міра,—дары, которые готовы были уловить и меня самого, всегда ими плѣнявшагося, еслибы боль душевная не принудила меня отвергнуть подверженный вѣтрамъ образъ жизни и искать убѣжища въ нѣдрахъ философіи. Это она теперь питаетъ и грѣетъ меня въ покоѣ, котораго мы такъ сильно желали. Это она освободила меня вполне отъ того суевѣрія, въ которое я опрометчиво увлекалъ и тебя вмѣстѣ съ собою. Ибо это она учитъ, и учитъ справедливо, не почитать рѣшительно ничего, а презирать все, что только ни зрится очами смертныхъ, чего только ни касается какое либо чувство. Это она общаетъ показать съ ясностію Бога истиннѣйшаго и таинственнѣйшаго, и вотъ—вотъ какъ бы обрисовываетъ уже Его въ свѣтломъ туманѣ.

Въ усердныхъ занятіяхъ ею проводилъ со мною время нашъ Лиценцій. Отъ юношескихъ обольщеній и наслажденій онъ всецѣло обратился къ ней; такъ что я не безъ основанія рѣшаюсь предложить его для подражанія его отцу. Ибо если на кого, то не на философію станеть жаловаться какой бы то ни было возрастъ за устраненіе отъ нея сосцевъ. А чтобы побудить тебя охотнѣе за нее взяться и черпать изъ ней, я, хотя и хорошо знаю твою жажду, рѣшилъ однакоже послать тебѣ лишь кусочекъ для отвѣдыванья, и прошу не обмануть моей надежды, что кусочекъ этотъ будетъ для тебя весьма пріятнымъ и, такъ сказать, возбуждающимъ аппетитъ. Я послалъ тебѣ занесенное на письмо состязаніе, которое вели между собою Тригецій и Лиценцій. Ибо и перваго юношу насколько привлекла было къ себѣ служба, какъ бы для освобожденія отъ скуки ученія, настолько же возвратила намъ пламеннѣйшимъ и неустаннымъ ревнителемъ великихъ и почтенныхъ знаній. Итакъ, спустя нѣсколько дней послѣ того, какъ мы стали жить въ деревнѣ, когда, располагая и одушевляя ихъ къ занятіямъ, я увидѣлъ ихъ даже болѣе, чѣмъ желалъ, готовыми къ этимъ занятіямъ и страстно къ нимъ стремившимися: то и захотѣлъ испытать, что они могутъ по своему возрасту, тѣмъ болѣе, что Гортензій Цицерона, казалось, уже въ значительной мѣрѣ ознакомилъ ихъ съ философіею. Взявши писца, чтобы трудъ нашъ не былъ разсѣянъ вѣтромъ, я не допустилъ погибнуть ничему. Въ этой книгѣ ты прочитаешь дѣйствительный ходъ дѣла и сужденія ихъ, равно какъ слова мои и Алипія.

ГЛАВА II.

Состязаніе 1.

Для жизни блаженной необходимо ли познание истины, или только — изслѣдованіе ея.

Итакъ, когда по приглашенію моему сошлись мы все для этого въ одно мѣсто, нашедши удобный случай я сказалъ: сомнѣваетесь ли вы въ томъ, что намъ должно знать истину?—Нисколько, отвѣчалъ Тригецій; а остальные выразили свое одобреніе ему знаками.—А если, говорю я, мы можемъ быть блаженными и не познавъ истины: считаете ли вы познаніе истины необходимымъ?—На это Алипій сказалъ: Я полагаю, что мнѣ удобнѣе быть судьей въ этомъ вопросѣ. Мнѣ предстоитъ путь въ городъ; а потому мнѣ слѣдуетъ освободить себя отъ обязанности принять ту или другую сторону; такъ какъ обязанность судьи я могу передать кому бы то ни было легче, чѣмъ обязанность защитника той или иной стороны. Поэтому ни для какой изъ двухъ сторонъ не ждите отъ меня ничего.—Когда все предоставили ему это, и я повторилъ вопросъ, Тригецій сказалъ: Быть блаженными мы дѣйствительно желаемъ; и если можемъ достигнуть этого безъ истины, то искать истины намъ нѣтъ нужды.—Какъ это такъ, говорю я? Ужъ не думаете ли вы, что мы можемъ быть блаженными, даже не нашедши истины?—Тогда Лиценцій сказалъ: Можемъ, если истину будемъ искать.—Когда при этомъ я настойчиво потребовалъ мнѣнія остальныхъ, Навигій отвѣчалъ: Я склоняюсь на сторону сказаннаго Лиценціемъ. Можеть быть и въ самомъ дѣлѣ жизнь блаженная въ томъ именно и состоитъ, чтобы жить изслѣдованіемъ истины.—Тригецій же сказалъ: Опредѣли, въ чемъ состоитъ блаженная жизнь, чтобы на основаніи этого мнѣ сообразить, что слѣдуетъ

отвѣчать.—Неужели ты думаешь, говорю я, что жить блаженно значить что другое, а не жить согласно тому, что есть въ человѣкѣ наилучшаго?—Я не буду, отвѣчалъ онъ, напрасно терять словъ: я полагаю, что ты же долженъ опредѣлить мнѣ, что это—самое наилучшее.—Кто усумнится, говорю я, что наилучшее въ человѣкѣ есть не иное что, какъ та часть души его, которая въ немъ господствуетъ и которой все остальное въ человѣкѣ должно повиноваться? А чтобы ты не потребовалъ еще новаго опредѣленія,—такою частію можетъ назваться умъ или разумъ. Если же ты несогласенъ съ этимъ, попытайся блаженную жизнь или наилучшее въ человѣкѣ опредѣлить самъ.—Согласенъ, сказалъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ, говорю я, возвратимся къ предмету. Представляешь ли ты себѣ, что можно жить блаженно и не нашедши истины, лишь бы только искать ее?—Я повторяю, отвѣчалъ онъ, свое прежнее положеніе: Я отнюдь не представляю этого.— А вы, говорю, какъ думаете?—Тогда Лиценцій сказалъ: Мнѣ кажется, что можно вполнѣ: потому что предки наши, которыхъ мы знаемъ за людей мудрыхъ и блаженныхъ, жили хорошо и блаженно въ силу того только, что искали истину.—Благодарю, сказалъ я, что сдѣлали меня судьбою вмѣстѣ съ Алипіемъ, которому, признаюсь, я сталъ было завидовать. Итакъ, поелигу одному изъ васъ кажется, что блаженная жизнь можетъ быть достигнута однимъ изслѣдованіемъ истины, а другому—не иначе, какъ обрѣтеніемъ истины, Навигій же не задолго передъ этимъ заявилъ, что хочетъ перейти на твою, Лиценцій, сторону: то я жду съ нетерпѣніемъ, какими вы окажетесь защитниками своихъ мнѣній. Ибо предметъ этотъ великой важности, и весьма заслуживаетъ тщательнаго изслѣдованія.—Если предметъ великой важности, замѣтилъ Лиценцій, то требуетъ и мужей великихъ.—Не ищи, говорю

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА

я, особенно въ этомъ городѣ того, что трудно найти въ какой бы то ни было странѣ; а лучше поясни смыслъ сказаннаго тобою, полагаю, не наобумъ, и на какомъ основаніи тебѣ такъ кажется. Ибо предметы и величайшей важности, когда изслѣдываются людьми небольшими, дѣлаютъ обыкновенно и малыхъ великими.

ГЛАВА III.

Защищается мнѣніе Академиковъ, что блаженство заключается въ изслѣдованіи истины.—Что такое заблужденіе.

Лиценцій сказалъ: Такъ какъ ты, вижу я, настойчиво побуждаешь насъ вступить во взаимное состязаніе,—что, надѣюсь, дѣлаешь изъ желанія пользы,—то спрашиваю: почему бы не могъ быть блаженнымъ тотъ, кто ищетъ истины, хотя бы ее и не нашелъ?—А потому, отвѣчалъ Тригедій, что отъ блаженнаго мы требуемъ совершенства, мудрости во всемъ. Кто же еще только ищетъ, тотъ не совершенъ. Поэтому я рѣшительно не понимаю, какъ выставляешь ты такого блаженнымъ.—На это тотъ возразилъ: Можетъ для тебя имѣть значеніе авторитетъ предковъ?—Не всѣхъ, сказалъ Тригедій.—Кого же изъ нихъ именно?—А тѣхъ, которые были мудрыми.—Тогда Лиценцій сказалъ: Считаешь ли ты мудрымъ Карнеада?—Я не грекъ, отвѣчалъ тотъ, не знаю, кто таковъ былъ этотъ Карнеадъ.—Въ такомъ разѣ, сказалъ Лиценцій, что думаешь ты о нашемъ знаменитомъ Цицеронѣ?—Послѣ долгаго молчанія, тотъ отвѣчалъ: Онъ былъ мудръ.—Тогда тотъ: Итакъ мнѣніе его по данному предмету имѣетъ для тебя какойнибудь вѣсъ?—Имѣетъ, говоритъ.—Такъ выслушай же его въ томъ видѣ, въ какомъ оно есть; ибо я думаю что это ускольз-

нуло изъ твоей памяти. Нашъ Цицеронъ полагалъ, что блаженъ тотъ, кто изслѣдываетъ истину, хотя бы и не былъ въ силахъ достигнуть открытія ея.—Гдѣ же такъ сказалъ Цицеронъ, возразилъ этотъ?—На это Лиценцій: Кому не извѣстно, что онъ съ особою силою утверждалъ, что воспріять ¹⁾ человекъ не можетъ ничего, и что мудрому не остается ничего, кромѣ тщательнѣйшаго изысканія истины, потому что, если бы онъ принялъ на вѣру то, что неизвѣстно, не могъ бы освободиться отъ заблужденія; а это со стороны мудраго величайшая ошибка? Почему, если мудраго необходимо считать блаженнымъ, а настоящій удѣлъ мудрости есть одно только изслѣдваніе истины: то почему бы мы усумнились назвать жизнь блаженною, хотя бы она становилась таковою сама по себѣ чрезъ самое изслѣдваніе истины?

Тогда этотъ: А можно ли возвратить назадъ необдуманно сдѣланную уступку?—На это я замѣтилъ: Тому обыкновенно не дозволяютъ этого, кто вступаетъ въ споры не изъ желанія найти истину, а изъ ребяческаго легкомыслія. Но я, особенно во вниманіи къ тому, что вы находитесь въ состояніи воспитанія и обученія, не только дозволяю, но и желаю, чтобы вы приняли за правило возвращаться къ обсужденію того, въ чемъ сдѣлали не вполнѣ обдуманную уступку.—И Лиценцій сказалъ: Я считаю не малымъ успѣхомъ въ философіи, когда ведущій споръ ставитъ побѣду ни во что въ сравненіи съ открытіемъ правды и истины. Поэтому я охотно слѣдую твоимъ правиламъ и мнѣнію и, такъ какъ это отъ меня зависитъ, дозволяю Тригедію возвратиться къ тому, что онъ считаетъ уступленнымъ съ его стороны необдуманно.—Тогда Алипій: Согласитесь сами, что до выпол-

¹⁾ Регсіреге. Разумѣется воспріятіе въ сознаніе внѣшней дѣйствительности въ актѣ познанія.

ненія мною принятыхъ на себя обязанностей еще не дошла очередь. А между тѣмъ прежде еще задуманная поѣздка вынуждаетъ меня прервать ихъ отправленіе. Поэтому принявшій вмѣстѣ со мною обязанность судьи пусть не откажется до моего возвращенія, выполняя обязанность и за меня, располагать удвоенною властью; ибо я вижу, что споръ затянется надолго.—Когда онъ ушелъ, Лиценцій сказалъ: Говори, въ чемъ ты сдѣлалъ необдуманную уступку?—Тотъ отвѣчалъ: Я небдуманно согласился, что Цицеронъ былъ мудрымъ.—Какъ, не былъ мудрымъ Цицеронъ, которымъ философія на языкѣ латинскомъ и начата, и погончена?—Если и соглашусь, что онъ былъ мудрымъ, отвѣчалъ тотъ, тѣмъ не менѣе одобряю у него не все.—Но ты долженъ отвергнуть и многое другое у него, чтобы не показаться безстыдно порицающимъ то, о чемъ идетъ рѣчь.—А если я готовъ утверждать, что онъ только это понималъ не правильно? Полагаю что для васъ важно лишь то, какого вѣса представляю я доказательства въ пользу того, что хочу утверждать.—Продолжай, сказалъ онъ.—Ибо что осмѣлюсь я возражать тому, кто объявляетъ себя противникомъ Цицерона, прибавилъ онъ.

Тогда Тригецій сказалъ: Я хочу обратить вниманіе твое, нашъ судья, на то, какъ опредѣлилъ ты выше блаженную жизнь; ты сказалъ, что блаженъ тотъ, кто живетъ тою частію души, которой прилично повелѣвать остальными. Тебя же, Лиценцій, прошу по крайней мѣрѣ въ томъ уступить мнѣ (ибо во имя той свободы, которую философія обѣщаетъ намъ обезпечивать по преимуществу, я уже сбросилъ иго авторитета), что тотъ, кто только ищетъ истину, не есть еще совершенъ.—На это онъ, послѣ долгаго молчанія, отвѣчалъ: Не уступаю.—Тригецій: Объясни, пожалуйста, почему? Я слушаю и весьма желаю узнать, какимъ образомъ человѣкъ можетъ быть совершеннымъ, и въ тоже

время—еще искать только истины.—На это онъ отвѣчалъ: Признаю, что недостижшій цѣли не есть совершенъ. Но полагаю, что оную истину знаетъ одинъ только Богъ, и можетъ быть узнаеть душа человѣка, когда оставитъ это тѣло, т. е. эту мрачную темницу. Но цѣль человѣка—совершеннымъ образомъ искать истины; и мы называемъ его совершеннымъ, но совершеннымъ—какъ человѣка.—Тригедій: Итакъ человѣкъ блаженнымъ быть не можетъ. Да и какъ могъ бы, когда онъ не въ силахъ достигнуть того, къ чему всячески стремится? Но человѣкъ можетъ жить блаженно, если можетъ жить тою частію души, которой слѣдуетъ господствовать въ человѣкѣ. А потому можетъ находить и истину. Или же пусть онъ сдерживаетъ себя и не стремится къ истинѣ, чтобы не быть по необходимости несчастнымъ, когда не будетъ въ состояніи достигнуть ее.—Но это самое, возразилъ тотъ, и составляетъ блаженство для человѣка—совершеннымъ образомъ искать истины. Это и значить—достигать цѣли, далѣе которой идти нельзя. Почему тотъ, кто ищетъ истины менѣе настойчиво, чѣмъ слѣдуетъ искать, цѣли человѣческой не достигаетъ. А кто прилагаетъ къ изысканію истины столько старанія, сколько человѣкъ можетъ и долженъ прилагать, тотъ блаженъ, хотя бы ее и не нашель. Ибо онъ сдѣлалъ все, что сдѣлать онъ рожденъ. Если же нѣтъ открытія истины, нѣтъ того, чего не дала природа. Наконецъ, если человѣку необходимо быть или блаженнымъ, или несчастнымъ: то не будетъ ли ложью назвать несчастнымъ того, кто дни и ночи, насколько можетъ, трудится надъ изслѣдываніемъ истины? Итакъ онъ будетъ блаженнымъ. За тѣмъ, тоже самое опредѣленіе, какъ думаю я, оказывается болѣе полезнымъ для меня. Ибо, если блаженъ, какъ и дѣйствительно блаженъ, тотъ, кто живетъ тою частію души, которой прилично повелѣвать остальными; а часть эта называется раз-

умомъ: то, спрашиваю, — неужели не живетъ разумомъ тотъ, кто совершеннымъ образомъ ищетъ истины? Если же это нелѣпость, то зачѣмъ сомнѣваться назвать блаженнымъ человѣка въ силу одного только изслѣдыванія истины?

— Мнѣ же, сказалъ этотъ, кажется, что и разумомъ не живетъ, и вовсе не блаженъ тотъ, кто заблуждается. Заблуждается же всякій, кто всегда ищетъ и не находитъ. Почему тебѣ нужно доказать одно изъ двухъ, или что заблуждающій можетъ быть блаженнымъ, или что тотъ не заблуждается, кто никогда не находитъ чего ищетъ.—На это тотъ: Блаженный заблуждаться не можетъ. И послѣ долгаго молчанія, прибавилъ: Тотъ не заблуждается, кто ищетъ; ибо для того онъ совершеннымъ образомъ и ищетъ, чтобы не заблуждаться.—Тригецій же возразилъ: Правда, онъ ищетъ, чтобы не заблуждаться; но заблуждается, потому что не находитъ. Ты же подумалъ, что для тебя будетъ полезно то, что онъ не желаетъ заблуждаться: какъ будто никто не заблуждается по неволѣ, или заблуждается ктонибудь вообще, кромѣ заблуждающагося невольно.—Когда тотъ долго замедлилъ отвѣтомъ, я сказалъ: Вамъ слѣдуетъ опредѣлить, что такое заблужденіе? Тогда вамъ легче будетъ видѣть границы этого блужданія, въ которое вы уже втянулись.— Я, отвѣчалъ Лиценцій, неспособенъ ни къ какимъ опредѣленіямъ, хотя заблужденіе легче опредѣлить, чѣмъ положить ему предѣлы ¹⁾.—А я, сказалъ другой, опредѣлю; потому что для меня это несравненно легче, благодаря не способностямъ, а правотѣ защищаемаго мною положенія. Заблуждаться значить—всегда только искать и никогда не находить.—Еслибы мнѣ, отвѣчалъ Лиценцій, удалось легко опро-

¹⁾ Трудно передаваемая на русскомъ игра словъ: *definire facilius quam finire*.

вергнуть это опредѣленіе, я вполне защитилъ бы свое мнѣніе. Но такъ какъ или этотъ предметъ труденъ самъ по себѣ, или такимъ онъ представляется мнѣ, я попрошу васъ отложить вопросъ до завтрашняго дня, если сегодня, размысливъ надъ нимъ внимательно самъ съ собою, я не найдусь, что отвѣчать.—Такъ какъ я полагалъ, что ему слѣдовало сдѣлать эту уступку, и другіе тому не противорѣчили, то мы встали, чтобы идти на прогулку; и въ то время, какъ мы шли между собою множество разговоровъ о разныхъ вещахъ, онъ былъ погруженъ въ размышленія. Почувствовавъ же бесполезность ихъ, онъ пожелалъ облегчить душу и вмѣшался въ нашъ разговоръ. Послѣ, когда уже вечерѣло, они возобновили было споръ; но я прекратилъ его и убѣдилъ ихъ отложить его до другаго дня. Затѣмъ отправились въ бани.

ГЛАВА IV.

Состязаніе 2.

Когда на другой день мы усѣлись вмѣстѣ, я сказалъ: Продолжите вчера начатое.—Тогда Лиценцій сказалъ: Если не ошибаюсь, мы отложили споръ по моей просьбѣ, такъ какъ опредѣленіе заблужденія было для меня очень трудно.—На этотъ разъ, говорю я, ты дѣйствительно не ошибаешься, и я желаю искренно, чтобы это было тебѣ добрымъ предзнаменованіемъ для послѣдующаго.—Итакъ выслушай сказалъ онъ, что сказалъ бы я и вчера, еслибы ты не прервалъ спора: заблужденіе, по моему мнѣнію, есть утвержденіе лжи за истину. Въ него никогда не впадетъ тотъ, кто полагаетъ, что истину всегда слѣдуетъ искать. Ибо лжи никогда не можетъ утверждать тотъ, кто ничего не утверждаетъ. Поэтому онъ не можетъ и заблуждаться; а быть блаженнымъ можетъ весьма легко. Чтобы далеко не

ходить за примѣрами: если бы намъ самимъ можно было жить каждый день также, какъ жили вчера, — я не вижу причины, почему бы мы могли усумниться назвать себя блаженными. Ибо мы провели время въ великомъ покоѣ сердечномъ, освободивъ духъ отъ всякой грязи тѣлесной, удалившись до возможной степени отъ огня страстей, и давая, насколько человѣку возможно, занятіе разуму, т. е. живя именно тою божественною частію души, въ которой, по установленному между нами вчера опредѣленію, заключается блаженная жизнь; хотя, какъ думается мнѣ, мы не нашли ничего, а только искали истины. Итакъ блаженная жизнь можетъ быть достигаема человѣкомъ посредствомъ одного изслѣдованія истины, хотя бы найти ее онъ рѣшительно не могъ. Ибо обрати вниманіе, съ какою легкостію устраняется твое опредѣленіе общимъ понятіемъ. Ты сказалъ, что заблуждаться значить — всегда искать и никогда не находить. Но если кто не ищетъ ничего, а будучи спрошенъ, напри- мѣръ, день ли теперь, — ни съ того ни съ сего вообразить вдругъ, что теперь ночь, и такъ отвѣтитъ? Неужели ты не найдешь, что онъ заблуждается? Этотъ родъ заблужденія, самый многочисленный, не обняло твое опредѣленіе. А если притомъ оно обнимаетъ и незаблуждающихъ, то какое еще другое опредѣленіе можетъ быть неправильнѣе его? Если кто старается добраться до Александріи и направляется къ ней прямымъ путемъ: думаю, что ты не можешь назвать его заблуждающимъ. А если онъ, задерживаемый разными случайными препятствіями, проведетъ въ дорогѣ долгое время и будетъ застигнутъ въ ней смертію? Развѣ онъ не всегда искалъ, и никогда не находилъ; и однакожь не заблуждался? — Онъ не всегда искалъ, возразилъ тотъ.

— Ты правду говоришь, отвѣчалъ Лиценцій, и кстати дѣлаешь замѣчанія. Поэтому-то твое опредѣленіе совершенно не идетъ къ дѣлу. Я вѣдь не сказалъ, что блаженъ тотъ,

кто всегда ищетъ истину. Да это и невозможно; во первыхъ потому, что человѣкъ существуетъ не всегда; во вторыхъ и потому, что не съ перваго же мгновенія, какъ начинаетъ быть человѣкомъ, онъ уже и можетъ, встрѣчая препятствія со стороны возраста, искать истину. А если ты полагаешь, что выраженіе—всегда, нужно употребить въ такомъ случаѣ, если онъ не даетъ потеряться ни одной минутѣ времени съ тѣхъ поръ, какъ уже можетъ искать: то тебѣ снова слѣдуетъ обратиться къ Александріи. Представь, что кто нибудь съ того времени, какъ возрастъ или занятія дозволили ему предпринять путь, пустился въ означенную дорогу, и хотя не сбивался съ нея никогда, однако умеръ прежде, чѣмъ прошелъ ее. Ты будешь въ полномъ заблужденіи, если вообразишь, что онъ заблуждался; хотя онъ все время, какое могъ, не переставалъ искать, но къ чему стремился, того найти не могъ. Итакъ, если мое представленіе о дѣлѣ вѣрно, и если, согласно съ нимъ, не заблуждается тотъ, кто совершеннымъ образомъ ищетъ истину, хотя бы ее и не находилъ, и блаженъ, потому что живетъ согласно съ разумомъ; а твое опредѣленіе опровергнуто; да еслибы и было опровергнуто,—не должно обращать на себя моего вниманія, какъ скоро дѣло достаточно подтверждено однимъ тѣмъ опредѣленіемъ, какое сдѣлалъ я: то, спрашиваю, неужели еще не рѣшенъ споръ между нами?

ГЛАВА V.

Что такое мудрость.

На это Тригецій сказалъ: Согласенъ ли ты, что мудрость есть прямой путь жизни?—Согласенъ, отвѣчалъ онъ, безъ всякаго сомнѣнія; но однакоже я хочу, чтобы ты опредѣлилъ мнѣ мудрость, чтобы знать, то ли имѣешь о ней представленіе ты, какое и я.—Тотъ сказалъ: Неужели она

кажется тебѣ недостаточно опредѣленною самымъ вопросомъ, который тебѣ предложенъ теперь? Ты даже и согласился съ тѣмъ, чего я хотѣлъ. Если я не ошибаюсь, прямой—то путь жизни вполнѣ вѣрно и называется мудростію.—На это Лиценцій отвѣчалъ: Ничто мнѣ не кажется такъ смѣшнымъ, какъ это опредѣленіе.—Можетъ быть, сказалъ тотъ; но я потихоньку попросилъ бы тебя, чтобы смѣху твоему предшествовалъ разумъ: потому что ничего нѣтъ постыднѣе смѣха, который самъ заслуживаетъ насмѣшки.—Почему такъ, возразилъ онъ? Развѣ ты не признаешь, что смерть противоположна жизни?—Признаю, отвѣчалъ тотъ.—Ну такъ я, сказалъ онъ, не считаю путемъ жизни никакого другого пути, кромѣ того, которымъ идетъ каждый, чтобы избѣжать смерти.—Тригемій съ этимъ согласился.—Итакъ, если какойнибудь путникъ, избѣгая поворота съ дороги,—такъ какъ слышалъ, что поворотъ этотъ держится разбойниками въ осадѣ,—будетъ идти прямо по дорогѣ, и такимъ образомъ избѣжитъ опасности: то не будетъ ли онъ слѣдовать путемъ жизни и путемъ прямымъ; и однакоже этого пути никто не назоветъ мудростію? Какимъ же образомъ послѣ этого всякій прямой путь жизни будетъ мудростію? Я согласился, что мудрость есть такой путь, но не одинъ онъ—мудрость. Опредѣленіе не должно обнимать ничего чуждаго предмету. Итакъ опредѣли снова, если угодно, что такое, по твоему мнѣнію, мудрость.

Тотъ долго молчалъ. Потомъ сказалъ: Опредѣлю, пожалуй, снова, если ты порѣшилъ не ставить этому предѣла. Мудрость есть прямой путь, ведущій къ истинѣ.—И это, отвѣчалъ онъ, одинаково опровергается. Ибо у Виргилія мать говорить Энею:

Только иди, и куда поведетъ тебя путь, направляй свой шагъ.

Слѣдую этимъ путемъ, онъ доходить туда, куда сказано, т. е. къ истинѣ: Настаивай, если угодно, что можно назвать мудростію то, куда ставилъ онъ ногу. Впрочемъ, я дѣлаю совершенную глупость, стараясь опровергнуть это опредѣленіе твое: потому что оно какъ нельзя болѣе подтверждаетъ мое мнѣніе. Ибо мудростію ты назвалъ не самую истину, а путь, ведущій къ ней. Поэтому, кто пользуется этимъ путемъ, тотъ вполнѣ пользуется мудростію; а кто пользуется мудростію тотъ необходимо и мудръ. Итакъ мудрымъ будетъ тотъ, кто совершеннымъ образомъ ищетъ истину, хотя до ней еще не достигъ: ибо подъ путемъ, ведущимъ къ истинѣ, по мнѣнію моему, ничего нельзя разумѣть лучше, какъ тщательное изслѣдываніе истины. Итакъ пользующійся однимъ путемъ этимъ потому самому будетъ уже мудрымъ; а никто мудрый не можетъ быть несчастнымъ; всякій же человѣкъ или несчастенъ, или блаженъ. Слѣдовательно блаженнымъ дѣлаетъ не только открытіе истины, но и изслѣдываніе ея, само по себѣ взятое.

Тогда тотъ, смѣясь, сказалъ: По дѣломъ это мнѣ, за то, что я довѣрчиво дѣлаю удобное своему противнику: какъ будто я въ опредѣленіяхъ весьма силенъ, или считаю что нибудь въ спорѣ болѣе лишнимъ. Ибо будетъ ли какой конецъ, если и я въ свою очередь потребовалъ бы, чтобы ты опредѣлилъ что нибудь; а потомъ сталъ бы настаивать, дѣлая видъ, что ничего не понимаю, чтобы ты опять опредѣлялъ слова тогоже опредѣленія и всё вытекающія изъ него слѣдствія, каждое оособо? Чего въ самомъ дѣлѣ не въ правѣ я заставить опредѣлить наяснѣйшимъ образомъ, если отъ меня требуютъ опредѣленія мудрости? Ибо о какомъ другомъ предметѣ природа вложила въ наши умы болѣе ясное понятіе, какъ о мудрости? Однакоже,—не знаю, какъ это случается,—едва это понятіе какъ бы выйдетъ изъ гавани нашего ума, едва какъ бы натянетъ себѣ пару-

са словъ, тотчасъ встрѣчаетъ тысячи кораблекрушеній, въ видѣ порицаній. Поэтому, или опредѣленіе мудрости пусть не требуется, или пусть нашъ судья приметъ его подъ свое покровительство.—Тогда я, принимая во вниманіе, что ночь уже мѣшала записыванію, а съ другой стороны увидѣвъ, что поднимается какъ бы новый вопросъ, требующій весьма серьезнаго обсужденія, отложилъ дѣло до другаго дня: потому что мы начали разсужденія, когда солнце склонялось уже къ загату; а день почти весь провели частію въ распоряженіяхъ по деревенскому хозяйству, частію въ пересмотрѣ первой книги Виргилія.

ГЛАВА VI.

Состязаніе 3.

Дается опредѣленіе мудрости и оспаривается. Предвѣщанія Альбицерія.

Едва потомъ разсвѣло, мы приступили тотчасъ же къ продолженію дѣла: ибо такъ было условлено наканунѣ, чтобы имѣть болѣе досуга. Я^{сказалъ}: Ты, Тригецій, попробовалъ вчера, чтобы я отъ обязанностей судьи перешелъ къ защитѣ мудрости: какъ будто въ вашей бесѣдѣ кто либо оказывается противникомъ мудрости, или будучи кѣмъ либо защищаема, она такъ терпитъ, что должна умолять о болѣе сильной помощи! Вѣдь между вами возникъ лишь вопросъ о томъ, что такое мудрость; при чемъ ни одинъ изъ васъ не возстаетъ противъ нея, потому что и тотъ, и другой стремятся къ ней. Затѣмъ, если ты считаешь себя несостоятельнымъ для опредѣленія мудрости, то изъ-за этого еще не долженъ оставлять дальнѣйшей защиты своего мнѣнія. Поэтому отъ меня ты не дождешь ничего другаго, кромѣ

опредѣленія мудрости, которое и не мое, и не новое, а мужей древнихъ; и я удивляюсь, что вы не вспомнили о немъ сами. Вѣдь не въ первый разъ вы слышите, что мудрость есть знаніе вещей человѣческихъ и божественныхъ.

Тогда Лиценцій, который—полагалъ я—послѣ этого опредѣленія долго будетъ придумывать, что ему сказать, тотчасъ же подхватилъ: Въ такомъ случаѣ я спросилъ бы, почему мы не называемъ мудрымъ извѣстнаго развратнѣйшаго человѣка, который, какъ мы хорошо знаемъ, обыкновенно предавался распутству съ безчисленнымъ множествомъ публичныхъ женщинъ? Я говорю о томъ Альбицеріѣ, который въ продолженіи многихъ лѣтъ давалъ въ Карфагенѣ обращавшимся къ нему съ вопросами нѣкоторые удивительные и вѣрные отвѣты. Я могъ бы припомнить безчисленное множество ихъ, еслибы велъ рѣчь не съ тѣми, которые знаютъ ихъ по опыту сами, и еслибы въ настоящемъ случаѣ не было достаточно немногаго для той цѣли, какую я имѣю въ виду. Когда не оказалось въ домѣ кохлеарія ¹⁾ и онъ былъ по твоему приказанію спрошенъ, развѣ не отвѣтилъ онъ (говорилъ онъ мнѣ же) скорѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ образомъ не только чего ищутъ—но и чья именно была вещь и гдѣ находилась? Также точно въ моемъ присутствіи,—не говорю уже, что ни въ чемъ рѣшительно онъ не солгалъ, о чемъ его ни спрашивали,—но когда несшій деньги слуга укралъ извѣстную часть ихъ во время нашего пути къ нему, онъ приказалъ ему пересчитать ихъ и принудилъ его на нашихъ же глазахъ возвратить украденное, и все это прежде, чѣмъ увидѣлъ эти деньги самъ или слышалъ отъ насъ, сколько ему было принесено.

Отъ тебя же мы слышали, что ученѣйшій и знаменитѣйшій мужъ Флакціанъ съ удивленіемъ обыкновенно раз-

¹⁾ Кохлеарій—родъ ложки.

сказывалъ, какъ онъ, условившись о покупкѣ имѣнія, обратился къ этому прорицателю, чтобы тотъ сказалъ, если можетъ, что онъ сдѣлалъ. И тотъ въ ту же минуту объявилъ не только родъ сдѣлки, но даже, о чемъ Флакціанъ говорилъ съ особымъ удивленіемъ, самое названіе имѣнія, до такой степени нелѣпное, что его едва удерживалъ въ памяти самъ Флакціанъ. Я не могу также безъ крайняго изумленія рассказывать, какъ нашему другу, бывшему ученику, вздумавшему докучать ему, и съ необычною привязчивостью требовавшему сказать, о чемъ онъ самъ съ собою втихомолку размышлялъ, тотъ отвѣчалъ, что онъ держитъ въ мысли стихъ Виргилія. Приведенный въ изумленіе, ученикъ не могъ этого отрицать, и продолжалъ допрашивать, какой это былъ стихъ. И вотъ Альбицерій, который видѣлъ школу грамматики развѣ только когда нибудь мелькомъ, проходя мимо, не усумнился спокойно и шутливо пропѣть самый стихъ. Итакъ, неужели вещи, о которыхъ его спрашивали, не были вещами человѣческими, или онъ безъ знанія вещей божественныхъ отвѣчалъ спрашивающимъ такъ точно и истинно? Но то и другое нелѣпо. Ибо и вещи человѣческія суть не иное что, какъ вещи людей, въ родѣ—серебра, монеть, имѣнія, да наконецъ—и самой мысли; и вещами божественными кто сочтетъ ошибкою признать тѣ, которыя даютъ человѣку самую способность предсказанія? Итакъ, Альбицерій былъ мудръ, если допустить опредѣленіе, что мудрость есть знаніе вещей человѣческихъ и божественныхъ.

ГЛАВА VII.

Защищается данное опредѣленіе мудрости.

На это Тригедій отвѣчалъ: Я не называю того знанія знаніемъ, въ которомъ заявляющій его иногда обманывается. Ибо знаніе состоитъ не только въ вещахъ поня-

тыхъ, но такъ именно понятыхъ, что въ немъ никогда не долженъ никто ни заблуждаться, ни колебаться, хотя бы и встрѣчалъ возраженія съ чьей либо стороны. Поэтому нѣкоторые философы говорятъ совершенно вѣрно, что его нельзя найти нивъ комъ, кромѣ мудраго, который долженъ имѣть не только воспріятимъ, но и непоколебимо содержимымъ въ своемъ сознаніи то, что созерцаетъ и чему слѣдуетъ. А о томъ, кого ты представилъ въ примѣръ, мы знаемъ, что онъ часто говорилъ много ложнаго. Это извѣстно мнѣ не только отъ другихъ, рассказывавшихъ мнѣ; иногда наблюдалъ это я и самъ лично. Итакъ, неужели я назову его знающимъ, когда онъ часто говорилъ ложь, — его, котораго я не назвалъ бы знающимъ, еслибы онъ говорилъ и истину, но говорилъ нерѣшительно? То, что сказалъ я, относите и къ гаруспексамъ, и къ авгурамъ, и ко всѣмъ тѣмъ, которые гадаютъ по звѣздамъ, и къ толкователямъ сновъ. Или укажите, если можете, изъ людей этого рода кого либо, кто, будучи спрошенъ, никогда не сомнѣвался бы въ своихъ отвѣтахъ, никогда наконецъ не давалъ бы отвѣтовъ ложныхъ. Упомянуть о пророкахъ я не считаю съ своей стороны нужнымъ, такъ какъ они говорятъ чужимъ умомъ.

Далѣе, чтобы согласиться съ тобою, что вещи человѣческія суть вещи людей; — скажи, считаешь ли ты чтонибудь нашимъ изъ того, что можетъ дать намъ или отнять у насъ случай? Или когда говорится о знаніи вещей человѣческихъ, разумѣется ли то знаніе, по которому ктонибудь знаетъ, сколько и какихъ у насъ имѣній, сколько золота, сколько серебра и сколько наконецъ держимъ въ умѣ чужихъ стиховъ? Истинное знаніе вещей человѣческихъ есть то, которое знаетъ свѣтъ благоразумія, красоту воздержанія, силу мужества, святость справедливости. Ибо это есть такое, что мы, не боясь никакой фортуны, смѣло называемъ своимъ. Его-то еслибы изучилъ упомянутый Альбице-

рій, повѣрь мнѣ, никогда не жилъ бы такъ невоздержно и безобразно. А что онъ сказалъ, какой стихъ держалъ въ умѣ спрашивавшій его,—то, по моему мнѣнію, и этого не слѣдуетъ считать между нашими вещами. Это не потому, чтобы я отрицалъ нѣкоторую принадлежность нашей душѣ достойнѣйшихъ уваженія знаній, а потому, что пѣть и проносить чужой стихъ дается и самымъ невѣжественнымъ людямъ. И потому, когда нѣчто такое приходитъ намъ на память, не удивительно, что оно можетъ быть ощущаемо нѣкоторыми презрѣннѣйшими воздушными животными, которыхъ зовутъ демонами,—которые, соглашаюсь, могутъ превосходить насъ острою и тонкостію чувствъ, но отрицаю—чтобы превосходили разумомъ. Бываетъ же это, не знаю какимъ, таинственнѣйшимъ и для нашихъ чувствъ недоступнѣйшимъ образомъ. Но изъ—за того, что мы удивляемся пчелѣ, неизвѣстно по какому чутью, которымъ она превосходить человѣка, налетающей отовсюду на поставленный медъ, мы еще не должны ставить ее выше себя, или по крайней мѣрѣ сравнивать съ собою.

Итакъ я скорѣе полагалъ бы, что Альбицерій, будучи спрошенъ, узналъ самые стихи отъ того, кто желалъ отъ него ихъ узнать, или вынужденный гѣмъ либо изъ спрашивавшихъ, пропѣлъ на предметъ ему въ то время предложенный стихи свои собственные. Тоже самое, какъ нерѣдко воспоминашь ты, часто говорилъ и Флакціанъ, когда съ рѣдкою возвышенностію ума осмѣивалъ и приводилъ въ презрѣніе этотъ родъ гаданія, и приписывалъ его ни въсть какой гнуснѣйшей душонкѣ (такъ онъ выражался), благодаря которой, какъ бы возбужденный и исполненный духомъ, онъ обыкновенно отвѣчалъ. Ибо этотъ ученѣйшій мужъ спрашивалъ удивлявшихся подобнымъ вещамъ, можетъ ли Альбицерій учить грамматику, музыку или геометрію? А кто знавшихъ его не зналъ въ тоже время, что во всемъ

этомъ онъ совершеннѣйшій невѣжда? Почему Флакціанъ въ концѣ концовъ убѣждалъ, чтобы изучившіе эти науки не колеблясь цѣнили свои души выше того гаданія, и старались свой умъ наставить и подкрѣпить такими знаніями, которыя дадутъ ему возможность превзойти оную воздушную натуру невидимыхъ животныхъ и воспарить надъ нею.

ГЛАВА VIII.

Мудръ ли ворожей, и что такое мудрый.

Затѣмъ, если вещи божественныя, въ чемъ согласны всѣ, гораздо лучше и священнѣе вещей человѣческихъ, — какимъ образомъ могъ постигнуть эти вещи тотъ, кто даже не зналъ, что онъ такое? Развѣ не считаешь ли ты звѣзды, которыя мы видимъ ежедневно, чѣмъ либо великимъ въ сравненіи съ истиннѣйшимъ и таинственнѣйшимъ Богомъ, котораго умъ можетъ быть и касается, но рѣдко, а чувство — никогда, между тѣмъ какъ звѣзды всегда передъ нашими глазами? Итакъ и не эти звѣзды то божественное, что предполагается знающею одна мудрость; все же остальное, чѣмъ пользуются для пустаго чванства или для корысти эти невѣсты какіе гадатели, въ сравненіи съ звѣздами гораздо презрѣннѣе. Итакъ Альбицерій не былъ причастенъ знанію вещей человѣческихъ и божественныхъ; а такимъ пріемомъ ты бесполезно стараешься подорвать наше опредѣленіе. Наконецъ, если мы должны считать ничтожнымъ и рѣшительно презирать все, кромѣ вещей человѣческихъ и божественныхъ: то скажи, пожалуйста, въ какихъ вещахъ этотъ мудрецъ твой ищетъ истины? — Въ божественныхъ, отвѣчалъ тотъ: потому что добродѣтель, хотя и въ человѣкѣ, безъ сомнѣнія — божественна. — Такъ Альбицерій стало быть зналъ уже тѣ вещи, которыя твой мудрый всегда только ищетъ? — На это Лиценцій ска-

заль: Да, онъ зналъ вещи божественныя, но не тѣ, которыя должны быть предметомъ исканія для мудраго. Ибо кто, не извращая обычнаго словоупотребленія, усвоить ему гаданія, и въ тоже время—отниметь у него вещи божественныя, которыя даютъ имя самому гаданію ¹⁾? Поэтому оное ваше опредѣленіе заключаетъ въ себѣ невѣсть что такое другое, къ мудрости неотносящееся.

Тогда Тригецій сказалъ: пусть это опредѣленіе защищаетъ, если угодно, тотъ, кто высказалъ сго. Я же въ данномъ случаѣ желаю получить отвѣтъ отъ тебя, чтобы перейти наконецъ къ дѣлу. — Слушаю, говоритъ онъ. — Полагаешь ли, говоритъ Тригецій, что Альбицерій зналъ истину? — Полагаю, отвѣчалъ тотъ. — Стало бытъ зналъ лучше твоего мудраго?—Нисколько, сказалъ тотъ. Ибо того рода истины, которой ищетъ мудрый, не достигаетъ не только оный сумазбродный ворожей, но и самъ мудрый, пока живетъ въ этомъ тѣлѣ; родъ же тотъ истины таковъ, что гораздо превосходнѣе его всегда искать, чѣмъ другой когда нибудь находить.—Противъ такихъ тонкостей, сказалъ Тригецій, мнѣ необходимо обратиться къ помощи опредѣленія. Если оно показалось тебѣ неправильнымъ потому, что обнимаетъ и того, кого мы не можемъ назвать мудрымъ, то спрашиваю: одобришь ли его, если мудростію мы назовемъ знаніе вещей человѣческихъ и божественныхъ, но—такихъ, которыя относились бы къ жизни блаженной?—Есть и тамъ мудрость, отвѣчалъ онъ, но не одна,—опредѣленіе прежде захватываетъ чужое; но это опускаетъ и свое. Поэтому первое можно упрекать въ жадности, а это въ глупости. Ибо мудрость (чтобы высказать, какъ думаю о предметѣ самъ я, опредѣленіемъ же), по моему мнѣнію, есть не

¹⁾ Гаданіе на латинскомъ—*divinatio*, отъ *divinus*—божественный.

одно знаніе, но и тщательное изслѣдываніе вещей человѣческихъ и божественныхъ, относящихся въ жизни блаженной. Если захочешь раздѣлить это опредѣленіе на части, то часть первая, которая говоритъ о знаніи, относится къ Богу, а та, которая довольствуется изслѣдываніемъ, — къ человѣку. Тою мудростію блаженъ Богъ, а этою человѣкъ. — Тогда тотъ сказалъ: удивляюсь, что твой мудрый, какъ ты утверждаешь, напрасно теряетъ свой трудъ. — Какимъ образомъ онъ теряетъ свой трудъ напрасно, возразилъ Лиценцій, если онъ ищетъ съ такою выгодною? Вѣдь потому самому, что онъ ищетъ, онъ мудръ; а чѣмъ онъ мудръ, тѣмъ и блаженъ, потому что, насколько можетъ, высвобождаетъ свой умъ изъ-подъ тѣлесныхъ прикрытій, и сосредоточивается въ себѣ самомъ, не позволяя терзать себя похотямъ, а всегда съ спокойнымъ созерцаніемъ обращаясь къ себѣ и къ Богу, чтобы и здѣсь разумно воспользоваться тѣмъ блаженствомъ, которое мы выше признали за таковое, и въ послѣдній день жизни оказаться приготовленнымъ получить то, къ которому особенно стремился, и воспользовавшись прежде блаженствомъ человѣческимъ, насладиться по заслугамъ и блаженствомъ божественнымъ.

ГЛАВА IX.

Заключеніе.

Когда Тригедій долго раздумывалъ, что ему слѣдовало отвѣчать, я сказалъ: не думаю, Лиценцій, чтобы у него не достало доводовъ, если мы дозволимъ ему спокойно поискать ихъ; ибо чего недостаетъ ему, чтобы отвѣчать на какой угодно пунктъ? Поелику вопросъ возникъ о блаженной жизни, а блаженный необходимо долженъ быть мудрымъ, такъ какъ глупость, по мнѣнію самихъ же глупыхъ, есть несчастіе: то онъ самъ же первый поставилъ на видъ,

что мудрый долженъ быть совершенъ, а совершеннымъ нельзя назвать того, кто еще только ищетъ, что такое истина; а потому онъ и не блаженъ. Когда ты въ этомъ пунктѣ противопоставилъ ему величiе авторитета, онъ нѣсколько растерялся передъ именемъ Цицерона, но тотчасъ оправился, и съ нѣкоторымъ благороднымъ духомъ независимости ставъ въ положенiе въ высшей степени свободное, возвратилъ себѣ снова то, что было вырвано изъ его рукъ, и спросилъ тебя: считаешь ли ты совершеннымъ того, кто еще ищетъ? Это для того, чтобы, если ты признаешь такого совершеннымъ, возвратиться къ началу, и доказать, если можно, посредствомъ извѣстнаго опредѣленiя, что совершенъ тотъ человѣкъ, который располагаетъ жизнь по закону ума; а чрезъ это доказать и то, что блаженнымъ можетъ быть только совершенный. Когда же ты избѣжалъ этой ловушки съ большою осторожностiю, чѣмъ я предполагалъ, и человѣкомъ совершеннымъ назвалъ тщательнѣйшаго изслѣдывателя истины, и самоувѣренно и открыто сталъ защищаться тѣмъ же самымъ опредѣленiемъ, въ которомъ мы назвали подъ конецъ блаженною ту жизнь, которая ведется согласно съ разумомъ,—онъ совершенно низложилъ тебя, потому что овладѣлъ самымъ убѣжищемъ твоимъ, будучи изгнанъ изъ котораго, ты потерялъ бы свое дѣло окончательно, если бы временное прекращенiе спора не дало тебѣ собраться съ силами. Ибо въ чемъ иномъ нашли себѣ убѣжище академики, мнѣнiе которыхъ ты защищаешь, какъ не въ опредѣленiи заблужденiя? Если бы тебѣ не пришло это на умъ,—можетъ быть ночью во снѣ,—ты не имѣлъ бы уже что отвѣчать, потому что тоже самое ты говорилъ и прежде, при изложенiи мнѣнiя Цицерона. Затѣмъ былъ сдѣланъ переходъ къ опредѣленiю мудрости, и когда ты старался опровергнуть его съ такою изворотливостiю, что ухищренiй твоихъ быть можетъ не постигъ бы и самъ помощникъ твой, Альбицерiй,—онъ про-

тивостоялъ тебѣ съ такою бдительностію и съ такими силами, что почти затмилъ и уничтожилъ тебя, если бы въ заключеніе ты не защитилъ себя новымъ своимъ опредѣленіемъ, и не сказалъ, что человѣческая мудрость состоитъ въ изслѣдываніи истины, изъ котораго, въ силу покоя душевнаго, возникаетъ блаженная жизнь. На послѣднюю твою мысль онъ не станетъ отвѣчать, особенно—если пожелаетъ, чтобы на дальнѣйшее время дня или на остающуюся часть его и ему въ свою очередь дали покой изъ благодарности.

Но чтобы не затягивать, покончимъ уже, если угодно, этотъ разговоръ, продолжать который я нахожу даже и лишнимъ. Ибо предметъ для предполагаемой цѣли рассмотрѣнъ настолько достаточно, что можетъ закончиться нѣсколькими словами; развѣ я пожелалъ бы только поупражнять васъ, и что особенно важно, поиспытать ваши силы и занятія: ибо рѣшившись побудить васъ всячески къ изысканію истины, я сталъ выпытывать отъ васъ, какъ высоко вы ее цѣните. При этомъ вы всѣ высказали къ ней уваженія столько, что болѣе я могу и не желать. Ибо, если мы желаемъ быть блаженными, а это не можетъ быть иначе, какъ подъ условіемъ или открытія, или по крайней мѣрѣ тщательнаго изслѣдыванія истины: то она должна быть предметомъ нашихъ изысканій преимущественно предъ всѣми другими вещами, если мы желаемъ быть блаженными. Почему, какъ я сказалъ, мы уже закончимъ этотъ споръ, и занесши его на письмо, прежде всего пошлемъ его твоему, Лиценцій, отцу, котораго я уже успѣлъ рѣшительнымъ образомъ расположить къ философіи; но прошу еще фортуны, чтобы онъ дѣйствительно за нее принялся. Когда же онъ узнаетъ не по слуху только, но и самъ прочитавъ это разсужденіе, что ты предался уже ей вмѣстѣ со мною, онъ сильнѣе воспламенится къ занятіямъ этого рода. А ты, если тебѣ, какъ вижу, нравятся Академики, приготовь для защиты ихъ бо-

лѣе сильныя средства; потому что я рѣшился потребовать ихъ къ суду. — Когда это было сказано, насъ извѣстили, что готовъ обѣдъ, и мы встали.

КНИГА ВТОРАЯ.

Снова, съ выраженіемъ благодарности сердечной, приглашаетъ своего Мецената, Романіана, къ занятіямъ философіею, и описываетъ ему три состязанія, изъ коихъ въ первомъ разъясняются положенія Академиковъ; во второмъ указываются различія древней и новой Академіи, и опровергается мнѣніе этихъ философовъ, которые, хотя и полагали, что истину познать нельзя, однакоже говорили о себѣ, что они слѣдуютъ подобію истины. Въ третьемъ говорится о томъ, что они называли подобнымъ истинѣ или впрямнымъ.

ГЛАВА I.

Противъ мнѣній Академиковъ нужна помощь Божія.

Если бы какъ необходимо то, что человѣкъ, не занимающійся наукою и познаніемъ истины, не можетъ быть мудрымъ, также было бы необходимо, чтобы онъ и находилъ ее, какъ скоро бы искалъ: то конечно вся ложь Академиковъ, или ихъ упрямство, или своенравіе, или (какъ иногда мнѣ кажется) ихъ сообразное своему времени мнѣніе, были бы похоронены вмѣстѣ съ самымъ же временемъ и съ тѣлами тѣхъ же Карнеада и Цицерона. Но вслѣдствіе ли многихъ и различныхъ волненій житейскихъ, какъ испыталъ это на себѣ и ты, Романіанъ, или по нѣкоторой оцѣпенѣлости умственныхъ способностей, или по безразсудству, или по тупости свойственной косности, или вслѣдствіе отчаянія въ возможности найти, — такъ какъ мерцаніе мудро-

сти не такъ легко зрится умами, какъ этотъ свѣтъ глазами,—или наконецъ въ силу общаго заблужденія народовъ, по которому люди, въ ложномъ мнѣнн о найденной будто бы ими истинѣ, и не ищутъ ее тщательно—если ищутъ, и отвращаются отъ желанія искать,—происходитъ то, что знаніе ея достигается рѣдко, и не многими. Отъ этого и бываетъ, что оружіе Академиковъ, когда съ ними приходится бороться, кажется непобѣдимымъ и какъ бы вулкановымъ не какимъ либо мужамъ посредственнымъ, но и остроумнымъ, и хорошо образованнымъ. Посему противъ оныхъ волненій и бурь фортуны какъ должны мы запастись веслами какихъ либо добродѣтелей, такъ прежде всего должны со всякою преданностію и благочестіемъ молить о божественной помощи, чтобы постоянное стремленіе къ упражненію въ полезныхъ наукахъ удерживало свой курсъ, отъ котораго не заставилъ бы его уклониться никакой случай, препятствующій ему войти въ безопаснѣйшую и пріятнѣйшую гавань философіи. Это—первый вопросъ для тебя; изъ-за этого я о тебѣ беспокоюсь; отъ этого я желаю тебѣ свободы; поэтому же не перестаю я и ежедневно молить (если только достоинъ, чтобы умолить) о попутныхъ тебѣ вѣтрахъ. Молю же я саму Силу и Мудрость верховнаго Бога. Ибо что Она другое, какъ не Сынъ Божій, о которомъ учать насъ таинства.

Но ты много поможешь моимъ молитвамъ за тебя, если не будешь отчаяваться въ возможности быть намъ услышанными, если приложишь и самъ вмѣстѣ съ нами свое стараніе не только обѣтами, но и доброю волею, и тою естественною высотой ума твоего, ради которой я ищу тебя, которою особенно улаждаюсь, которой всегда удивляюсь, которая въ тебѣ, о преступленіе! заволакивается какъ молнія, облаками частныхъ дѣлъ и скрывается отъ многихъ, почти ото всѣхъ; но отъ меня, отъ другаго и третьяго изъ

ближайшихъ друзей твоихъ она укрыться не можетъ. Мы часто не только явственно слышали твои рокоты, но и видѣли нѣкоторыя блистанія, свойственныя молніямъ. Ибо кто,— чтобы умолчать до времени объ остальномъ, а припомнить лишь одно,—кто, говорю, такъ неожиданно когда нибудь загремѣлъ и блеснулъ такимъ свѣтомъ ума, чтобы подъ однимъ громовымъ раскатомъ разума, подъ своего рода молніею воздержанія, въ одинъ извѣстный день навсегда умерла похоть, наганунѣ самая необузданная? Итакъ, неужели не пробьетъ наружу никогда эта сила, не обратитъ въ ужасъ и оцѣпененіе смѣхъ многихъ отчаянныхъ, и проговоривъ на землѣ какъ бы нѣкія знаменія будущаго, снова отбросивъ тяготу тѣлесную, не возвратится на небо? Неужели все это Августинъ сказалъ напрасно о Романіанѣ? Нѣтъ, этого не допустить тотъ, кому я отдался всецѣло, кого теперь я началъ уже узнавать снова.

ГЛАВА II.

Предлагаетъ Романіану услуги благодарной души, и убѣждаетъ его къ занятіямъ философіею.

Итакъ, приступи со мною къ философіи. Въ ней есть все, что обыкновенно удивительнымъ образомъ возбуждаетъ тебя, часто грустнаго и сомнѣвающагося. Въ тебѣ я не боюсь встрѣтить ни нравственной безопасности, ни тупости умственныхъ способностей. Ибо, когда удавалось намъ воспользоваться нѣкоторымъ роздыхомъ, кто оказывался бодрѣе тебя въ рѣчахъ, и кто проницательнѣе? Неужели я не отплачу тебѣ благодарностію? Или можетъ быть малымъ я тебѣ обязанъ? Бѣднаго юношу, который шелъ для занятій научныхъ въ чужую сторону, ты принялъ въ домъ, на содержаніе, и что того болѣе—въ расположеніе душевное. Сироту, потерявшаго отца, ты утѣшилъ дружбою, одушевилъ увѣщаніями, поддержалъ помощію. Въ самой муниципіи нашей по-

кровительствомъ, дружбою, знакомствомъ съ домою твоимъ ты сдѣлалъ меня почти одинаково съ собою знаменитымъ и знатымъ. А когда я возвращался въ Кароагенъ для занятія болѣе почетной преподавательской катедры, и не открывая никому изъ своихъ, открылъ свои намѣренія и свои надежды тебѣ, то, хотя по врожденной тебѣ любви къ родинѣ (ибо тамъ я уже преподавалъ) нѣкоторое время ты и удерживалъ меня, однако потомъ, не будучи въ состояніи побѣдить стремленія юноши къ тому, что казалось ему лучшимъ, съ удивительною кротостію благорасположенія обратился изъ отговаривающаго въ помощника. Ты снабдилъ меня на дорогу всѣмъ необходимымъ. Да и тамъ ты, который охранялъ колыбель и какъ бы гнѣздо моихъ научныхъ занятій, ты же поддержалъ и мои первые опыты, когда я осмѣлился летать. Даже когда я, въ твое отсутствіе и безъ твоего вѣдома, отплылъ по морю, ты нисколько не рассердился за то, что я по обыкновенію не посоветовался о томъ съ тобою, и подозрѣвая въ этомъ все что угодно кромѣ преректорства, остался въ дружбѣ непоколебимымъ; и тебя не болѣе занимали оставленные на глазахъ твоихъ учителемъ дѣти, чѣмъ тайныя стремленія и чистота моего сердца.

Наконецъ, если я пользуюсь какимъ нибудь покоемъ; если я избѣжалъ оковъ лишнихъ прихотей, если, сложивъ съ себя тягости мертвыхъ заботъ, я перевожу духъ, прихожу въ чувство, возвращаюсь къ самому себѣ; если ищу съ особымъ стараніемъ истину; если начинаю уже находить ее; если надѣюсь, что достигну самаго высшаго ея предѣла: то это ты одушевилъ меня; ты далъ мнѣ толчекъ; ты это сдѣлалъ. А чѣмъ ты былъ служителемъ, я прозираю пока болѣе вѣрою, чѣмъ понимаю разумомъ. Ибо когда я лично излагалъ тебѣ внутреннія движенія моей души, и съ силою и часто увѣрялъ тебя, что никакая фортуна не кажется мнѣ счастливою кромѣ той, которая даетъ досугъ для философ-

ствованія; что нѣтъ блаженной жизни кромѣ той, которая проводится въ философіи; но что самъ я связанъ обязанностями въ отношеніи къ роднымъ, жизнь которыхъ зависитъ отъ исполненія мною своего долга, и множествомъ нуждъ, раждаемыхъ или ложнымъ стыдомъ моимъ, или безвыходною бѣдностію родныхъ: то ты пришелъ въ такой восторгъ, такъ воспламенился святымъ желаніемъ этой жизни, что сказалъ о себѣ, что если бы ты какимъ либо образомъ сбросилъ съ себя оковы извѣстныхъ докучливыхъ тяжбъ, то разбилъ бы и мои оковы, сдѣлавъ меня участникомъ въ своемъ имуществѣ.

И послѣ того, какъ придавъ намъ возбужденія, ты оставилъ насъ, мы никогда не переставали жаждалъ философіи, и не думали рѣшительно ни о чемъ другомъ, кромѣ той жизни, о которой рѣшили и согласились между собою. Дѣйствуя въ этомъ направленіи постоянно, мы хотя дѣйствовали и съ недостаточною твердостію, думали однако, что дѣлали довольно. И такъ какъ не было еще того пламени, которое, разгорѣвшись до высшей степени, имѣло охватить насъ,—мы считали величайшимъ пламенемъ то, которымъ слегка согрѣвались. Когда же случилось неожиданно, что нѣкоторыя, полныя содержанія книги, обдавая насъ, какъ говоритъ Цельсинъ, благовопіями Аравіи, набросали мельчайшихъ капель драгоцѣннѣйшей масти на тотъ огонекъ,—онѣ раздули пожаръ невѣроятный;—да, Романіанъ, невѣроятный,—невѣроятный болѣе, чѣмъ можешь повѣрить обо мнѣ ты,—даже (чего болѣе?) невѣроятный обо мнѣ для меня же самаго! Какой тогда почетъ, какая пышность человѣческая, какое желаніе пустой славы, какая наконецъ отрада и привязанность этой смертной жизни могли имѣть значеніе для меня? Я совершенно весь и вдругъ возвратился въ себя самого. Только, признаюсь я оглянувшись,

какъ бы съ дороги, на ту религію, которая внушена намъ съ дѣтства и проникла въ глубину души, но привлекала меня къ себѣ безъ моего сознанія. И вотъ съ колебаніемъ, торопливо, въ замѣшательствѣ хватаю я апостола Павла. Нѣтъ, говорю я, они не имѣли бы въ дѣйствительности такой силы, и не жили бы такъ, какъ несомнѣнно жили, если бы ихъ писанія и правила противорѣчили этому столь великому благу! Я перечиталъ его всего съ глубокимъ вниманіемъ и строгою отчетливостію.

Тогда, какъ ни малъ уже былъ озарившій меня свѣтъ, философія явилась мнѣ въ такой красотѣ, что еслибы я могъ показать ее, не говорю уже—тебѣ, который, и не зная ее, всегда къ ней влекея съ пламеннымъ желаніемъ, но и самому врагу твоему, который, не знаю, не болѣе ли приучалъ тебя къ ней, чѣмъ отвлекалъ отъ нея,—то и онъ, отвергнувъ и забывъ и теплыя воды, и увеселительныя загородныя мѣста, и изящныя и блестящія пиры, и домашнихъ пантомимовъ, и все наконецъ, что сильно влечетъ его къ какимъ бы то ни было удовольствіямъ, полетѣлъ бы на встрѣчу ея прелестямъ съ любовію нѣжною и святою, удивленный, взволнованный желаніемъ, охваченный страстію. Ибо есть и у него, въ чемъ нужно признаться, нѣкоторая красота душевная, или лучше—какъ бы ввѣренныя нивѣ сѣмена красоты, которыя въ своихъ усиліяхъ прорасти въ истинную красоту, пускаютъ свои побѣги извивисто и безобразно между шероховатостію пороковъ и между терніемъ ложныхъ мнѣній, но все же пробиваться не перестаютъ, и тѣмъ немногимъ, кто всматривается въ чашу съ проникательностью и вниманіемъ, даютъ себя замѣчать. Отсюда-то извѣстное его гостепріимство; отсюда въ его пиршествахъ множество приправъ радушія; отсюда самое изящество, блескъ, высшая степень приличія во всемъ, и во всемъ разлитая тонкая наружная вѣжливость.

ГЛАВА III.

Филокалія и философія.

Это называется на вульгарномъ языкѣ филокаліею. Не пренебрегай предметомъ изъ за вульгарности названія. Ибо филокалія и философія названы почти одинаково, и представляются, и суть въ дѣйствительности, какъ бы родныя между собою. Ибо что такое философія? — Любовь къ мудрости. А что филокалія? — Любовь къ прекрасному. Справься у грековъ. А что такое мудрость? Развѣ она не есть истинно-прекрасное? Итакъ онѣ совершенно родныя сестры, и родились отъ одного и того же отца; но хотя эта и совлечена силами похоти съ неба, и заперта простонародьемъ въ влѣтку, однако сходство имени удержала, для напоминанія ловцу, чтобы онѣ не презиралъ ее. И ее-то, опозоренную, безъ крыльевъ, въ нуждѣ, свободно нарящая сестра узнаеть часто, но освобождаетъ рѣдко; ибо филокалія и не знала бы, откуда ведетъ родъ свой, если бы не философія. Всю эту басню (такъ какъ я неожиданно сдѣлался Эзопомъ) Лиценцій сообщитъ тебѣ въ болѣе пріятномъ видѣ, въ стихахъ; ибо онѣ поэтъ почти порвостепенный. Итакъ онѣ, еслибы, немножко полечивъ и раскрывъ глаза, могъ увидѣть красоту истинную, будучи любителемъ только ложной, — съ какимъ наслажденіемъ онѣ принялъ бы къ лону философіи? А узнавъ тамъ тебя, съ какими истинно-братскими объятіями онѣ встрѣтилъ бы тебя? Ты удивляешься этому, и можетъ быть смѣешься. А если я поясню это соотвѣтственно высказанному положенію? Что если бы онѣ по крайней мѣрѣ голосъ философіи (такъ какъ лица ея еще и ты видѣть не могъ) могъ услышать? Удивляйся, пожалуй, но не смѣйся, не отчаявайся. Повѣрь мнѣ, что отчаяваться не слѣдуетъ ни за кого, а за такихъ менѣе всего. Есть достаточно примѣровъ, что этотъ родъ пернатыхъ легко усколь-

заетъ, легко улетаетъ, къ великому удивленію многихъ заключенныхъ.

Но возвратимся къ себѣ. Начнемъ, говорю, философствовать мы, Романіанъ. Скажу тебѣ пріятную вѣсть: сынъ твой уже началъ занятія философіею. Я его сдерживаю, чтобы, изучивъ предварительно необходимыя науки, онъ приобрѣлъ болѣе силъ и твердости. За свое же знакомство съ этими науками,—если я хорошо тебя узналъ,—ты не бойся. Тебѣ я желаю только свободнаго воздуха. Ибо что могу сказать я о твоихъ природныхъ дарованіяхъ? Если бы они не были такъ рѣдки въ людяхъ, какъ они несомнѣнны въ тебѣ! Останется два затрудненія и препятствія къ открытію истины; но я и за нихъ немного опасаюсь въ отношеніи къ тебѣ. Я боюсь, чтобы ты не презиралъ себя и не отчаявался въ возможности найти, или не подумалъ, что ты уже нашелъ ее. Если первое есть въ тебѣ, то его можетъ устранить послѣдующее состязаніе. Ибо ты часто сердился на Академиковъ,—сердился тѣмъ больше, чѣмъ менѣе ихъ изучилъ, но и тѣмъ охотнѣе, чѣмъ большею любовію влекся къ истинѣ. Итакъ, съ соизволенія твоего, я вступаю уже въ состязаніе съ Алипіемъ, и легко заставляю тебя убоѣдиться въ томъ, въ чемъ хочу, по крайней мѣрѣ какъ—въ вѣроятномъ. Ибо самой истины ты не увидишь, пока въ философію не войдешь всецѣло. Что же касается втораго, т. е. что ты можешь воображать, что нашелъ что нибудь, хотя ты оставилъ насъ ищущимъ и сомнѣвающимся: то если бы и закралось въ твою душу какое либо суевѣріе, оно будетъ конечно выброшено, какъ скоро я пошлю тебѣ нѣкое состязаніе между нами »о границѣ¹⁾«, или какъ скоро поболѣе поговорю съ тобою лично.

¹⁾ De Regione, сочиненіе не встрѣчающееся между дошедшими до насъ сочиненіями блаж. Августина.

Ибо въ настоящее время я не дѣлаю ничего другаго, какъ только очищаю себя самого отъ ложныхъ и пагубныхъ мнѣній. Поэтому не сомнѣваюсь, что мнѣ лучше, чѣмъ тебѣ. Есть лишь одно, въ чемъ я завидую твоей Fortunѣ, это—что ты одинъ пользуешься моимъ Люцилiемъ. Но можетъ быть завидно и тебѣ, что я назвалъ его моимъ? Но не назвалъ ли я его и твоимъ, и всѣхъ тѣхъ, кто составляетъ одно? Но зачѣмъ однакоже мнѣ просить тебя, чтобы облегчилъ ты мою скуку за нимъ? Попроси ты за меня самъ себя, сколько знаешь, потому что это долгъ твой. Но я скажу вамъ обоимъ: остерегайтесь почестъ себя знающими что либо кромѣ того, что вы изучили по крайней мѣрѣ до такой степени, до какой знаете, что одинъ, два, три и четыре, сложенные вмѣстѣ, даютъ въ суммѣ десять. А вмѣстѣ съ тѣмъ берегитесь прійти къ мысли, что вы въ философи истины не узнаете, или что она и не можетъ никоимъ образомъ быть познана. Повѣрьте мнѣ, или лучше — тому, кто говоритъ: *Ищите, и обрящете* (Матѣ. VII. 7), что въ познанiи ея не слѣдуетъ отчаяваться, и что она будетъ яснѣе, чѣмъ вышеприведенныя числа. Теперь приступимъ къ предположенному. Немного поздно сталъ я опасаться, чтобы это начало не перешло мѣры, и опасаться не безъ основанiя. Ибо мѣра безъ всякаго сомнѣнiя божественна. Но она обольстила меня, потому что приятно вела. Буду осмотрительнѣе, когда сдѣлаюся мудрымъ.

ГЛАВА IV.

Состязанiе 1.

Повторяется подвергнутое обсужденiю въ первой книгѣ.

Послѣ предыдущаго разговора, изложеннаго въ первой книгѣ, мы въ продолженiи семи почти дней состязанiемъ не

занимались, хотя перечитали только три книги Виргилія, послѣ первой, и объясняли ихъ, когда время казалось для того удобнымъ. Однакоже при этихъ занятіяхъ Лиценцій до такой степени увлекся изученіемъ поэзіи, что мнѣ показалось необходимымъ нѣсколько попридержать его. Ибо отвлекать себя отъ этого занятія къ какому либо другому предмету онъ уже позволялъ не охотно. Впрочемъ на послѣдокъ, когда я, насколько могъ, восхвалилъ свѣтъ философіи, онъ безъ принужденія приступилъ къ разсмотрѣнію отложеннаго нами вопроса объ Академикахъ; и по счастью выпалъ такой свѣтлый день, что ни къ чему другому не казался болѣе подходящимъ, какъ къ свѣтлому успокоенію нашихъ душъ. Итакъ мы оставили пораньше свои обычные постели и занялись немножко съ поселянами, какъ того требовало время года. Затѣмъ Алипій сказалъ: Прежде чемъ услышу вашъ споръ объ Академикахъ, я попрошу прочитать мнѣ ту вашу рѣчь, которая, по вашимъ словамъ, закончена въ мое отсутствіе; ибо въ противномъ случаѣ,—такъ какъ поводъ къ настоящему состязанію возникъ оттуда,—я могу или ошибаться, или понимать дѣло съ крайнимъ трудомъ.—Когда это было сдѣлано, и мы увидѣли, что на то пошло почти все до-полуденное время, мы рѣшили возвратиться домой съ поля, по которому прохаживались.— При этомъ Лиценцій сказалъ: прошу тебя, не поставь себѣ въ трудъ повторить мнѣ до обѣда въ короткихъ словахъ мнѣніе Академикова въ всей его полнотѣ, чтобы я не упустилъ изъ него чего либо, служащаго въ мою пользу.—Изволь, говорю, и тѣмъ охотнѣе, что иначе, занятый этою мыслию, ты не будешь обѣдать.—Нѣтъ, сказалъ онъ, на этотъ счетъ ты можешь быть покоенъ: я замѣчалъ часто, что многіе, а особенно мой отецъ тѣмъ больше ѣсть, чѣмъ болѣе озабоченъ. Да и ты самъ, когда я работаю мыслию надъ извѣстными метрами, не вынесъ изъ опыта того убѣжденія, чтобы моя озабочен-

ность оставляла столь нетронутымъ. Я удивляюсь обыкновенно самъ про себя: какъ это выходитъ, что тогда-то мы съ особымъ аппетитомъ и налегаемъ на пищу, когда душа наша устремлена на другое? Или что бы такое значило, что когда и руки и зубы наши заняты, душа надъ нами властительствуетъ?—Выслушай лучше, говорю я, что спрашивалъ объ Академикахъ; потому что иначе, занятый своими метрами, ты будешь не только въ пищѣ, но и въ вопросахъ безъ метра ¹⁾. А если я что либо скрою въ пользу своего мнѣнія; пусть уличить меня Алипій. — Съ твоей стороны нужна полная добросовѣстность, отвѣчалъ Алипій; потому что еслибы пришлось опасаться, что ты что нибудь скроешь; то мнѣ, думаю, съ трудомъ удалось бы уличить того, отъ кого, какъ извѣстно всякому меня знающему, я самъ это изучилъ; а особенно потому, что побужденія къ раскрытію истины будутъ лежать для тебя не въ желаніи побѣды, а въ сердцѣ твоёмъ.

ГЛАВА V.

Положенія Академиковъ.

Поступлю добросовѣстно, говорю я, такъ какъ ты въ правѣ этого требовать.—Академики полагаютъ, что человѣкъ не можетъ достигнуть познанія тѣхъ только вещей, которыя относятся къ философіи (потому что Карнеадъ утверждалъ, что объ остальномъ онъ не заботится); тѣмъ не менѣе однакоже человѣкъ можетъ быть мудрымъ, и все дѣло мудраго они (какъ и ты, Лиценцій, говорилъ въ прежней рѣчи) поставляли въ изыскиваніи истины. Отсюда выводилось, что мудрый не довѣряетъ ничему: ибо онъ необходимо заблуждался бы (что со стороны мудраго преступно), еслибы довѣрялъ вещамъ сомнительнымъ. А что все сомнительно, они не только говорили, но и подтверждали многочислен-

¹⁾ Непереводимая игра словомъ метръ—metrum, которое значить и стихъ, и вообще мѣра.

нѣйшими доказательствами. Положеніе, что истины постигнуть нельзя, они враждебнымъ образомъ вывели изъ извѣстнаго опредѣленія стойка Зенона, что за истину можно принять то, что такъ впечатлѣлось въ душу оттуда, откуда было, какъ не могло впечатлѣться оттуда, откуда не было. Короче и яснѣе это выражается такъ: истина можетъ быть познаваема по тѣмъ признакамъ, какихъ признаковъ не можетъ имѣть то, что ложно. Они и употребили всѣ свои усилія, чтобы доказать, что распознать это рѣшительно невозможно. Отсюда и выдвинуты были въ защиту такого ученія разногласія философовъ, обманы чувствъ, сны и бѣшенства, софизмы и сориты. А такъ какъ отъ того же Зенона узнали они, что нѣтъ ничего недостойнѣе, какъ мнѣніе, то и построили весьма лукаво такое положеніе: если—де познать ничего нельзя, а мнѣніе весьма недостойно, то мудрый ничего никогда не станетъ утверждать.

Это возбудило противъ нихъ большую ненависть. Казалось совершенно послѣдовательнымъ, что тотъ не станетъ и ничего дѣлать, кто ничего не утверждаетъ. Казалось, что Академики изображали своего мудреца, котораго считали ничего не утверждающимъ, всегда спящимъ и уклоняющимся отъ исполненія всякихъ обязанностей. Вслѣдствіе этого они, вводили нѣчто вѣроятное, что называли также истинopodobнымъ, стали утверждать, что мудрый никоимъ образомъ не перестаетъ исполнять обязанности, такъ какъ имѣетъ чему слѣдовать. Но истина—де скрывается отъ него, или потому, что заслонена нѣкоторымъ естественнымъ мракомъ, или потому, что не выдѣляется изъ множества подобныхъ вещей. Впрочемъ, они называли великою дѣятельностію мудраго и самое воздержаніе и какъ бы колебаніе въ довѣрїи. — Мнѣ кажется, что я изложилъ коротко все, какъ ты, Алипій, желалъ, и ни въ чемъ не отступилъ отъ твоего требованія, т. е. поступилъ, какъ говорится, добросовѣстно.

Если же что сказалъ не такъ, какъ оно есть, или чего быть можетъ не сказалъ, то сдѣлавъ это невольно. То добросовѣстно, что высказывается по лучшему разумѣнію. Человѣкъ долженъ смотрѣть на человѣка обманувшагося какъ на такого, котораго слѣдуетъ учить, а на обманывающаго какъ на такого, котораго слѣдуетъ опасаться: первый изъ нихъ требуетъ добраго учителя, а послѣдній осторожнаго ученика.

Тогда Алипій сказалъ: Я очень благодаренъ тебѣ, что ты и Лиценція удовлетворилъ, и съ меня снялъ тяжелое бремя. Ибо не столько слѣдовало опасаться тебѣ сказать что нибудь менѣе, ради испытанія меня (ибо какъ и могло это быть иначе?), сколько мнѣ, еслибы въ чемъ нибудь оказалось необходимымъ уличить тебя. Не поскучай же объяснить и то, чего недостаетъ не столько вопросу, сколько самому спрашивающему, — различіе новой Академіи отъ древней. — Признаюсь, сказалъ я, это рѣшительно скучная вещь. Ты окажешь мнѣ благодѣяніе (ибо я не могу отрицать, что и это, о чемъ упоминаешь, весьма относится къ дѣлу), если, пока я отдохну нѣсколько, потрудишься различить при мнѣ эти школы и объяснишь происхожденіе новой Академіи. — Я подумалъ бы, отвѣчая оны, что ты рѣшилъ отбить охоту отъ обѣда и у меня, если бы не считалъ тебя гораздо болѣе перепуганнымъ недавно Лиценціемъ, и еслибы его требованіе не заставляло насъ именно распутать ему до обѣда все, что есть въ этомъ запутаннаго. — Но когда оны хотѣлъ продолжать, наша мать (ибо мы были уже дома) такъ настойчиво стала звать насъ къ обѣду, что говорить уже было некогда.

ГЛАВА VI.

Состязаніе 2.

Разрывъ между древнею и новою Академіею.

Потомъ, когда мы приняли столько нищѣ, сколько было достаточно для удовлетворенія голода и возвратились на лугъ, Алипій сказалъ: Повинуюсь твоему приговору и не смѣю отказываться. Но если ничто отъ меня не ускользнетъ, я буду обязанъ за то благодарностию какъ твоему ученію, такъ и своей памяти. А если бы я случайно въ чемъ ошибся, ты исправилъ ошибку, чтобы на будущее время я не боялся подобнаго рода порученій. По моему мнѣнію, разрывъ не столько произошелъ у новой Академіи съ древнею, сколько возбужденъ у ней со стоиками. Разрывомъ и не слѣдуетъ еще считать то, что потребовалось разрѣшить и подвергнуть обсужденію новый вопросъ, внесенный Зенономъ. Мысль о невозможности воспріятія не безъ основанія считается присущею умамъ и древнихъ Академикомъ, хотя никакія столкновенія ее впередъ не выдвигали. Доказать это легко авторитетомъ самого Сократа, Платона и другихъ древнихъ, которые думали, что они до тѣхъ лишь поръ могли считать себя обезпеченными отъ заблужденія, пока слѣпо не довѣрялись (впечатлѣніямъ); хотя нарочитыхъ разсужденій объ этомъ предметѣ они не ввели въ свои школы, и никогда не ставили съ полною ясностію вопроса, можетъ или не можетъ быть воспринимаема истина. Когда же Зенонъ поставилъ его рѣзко и ново, и сталъ утверждать, что ничего нельзя познать, кромѣ того, что будетъ такъ истинно, что дастъ отличить себя отъ ложнаго несходными съ нимъ признаками, и что мудрый не долженъ подчиняться установившимся мнѣніямъ: тогда, услышавши объ этомъ, Архезилай сталъ отрицать возможность для человѣка от-

крыть что либо въ этомъ родѣ, а вмѣстѣ и возможность для мудраго ввѣрять свою жизнь пагубному руководству мнѣнія. Отсюда онъ вывелъ и заключеніе, что довѣрять ничему не слѣдуетъ.

Но когда дѣло находилось въ такомъ положеніи, что древняя Академія казалась болѣе усилившеюся, чѣмъ подвергшеюся нападеніямъ, явился слушатель Филона Антиохъ, который, будучи по мнѣнію нѣкоторыхъ болѣе любителемъ славы, чѣмъ истины, привелъ во враждебное столкновеніе мнѣнія той и другой Академіи. Онъ говорилъ, что новые Академики усиливаются ввести вещь необычную и совершенно чуждую образу мыслей древнихъ. Онъ обращался по этому предмету къ свидѣтельствамъ древнихъ физиковъ и другихъ великихъ философовъ; нападалъ онъ и на самихъ Академиковъ, которые утверждали, что слѣдуютъ истинно-подобному, хотя признавались, что самой истины не знаютъ. Собралъ онъ и много доказательствъ, которыхъ я не считаю нужнымъ приводить въ данное время. Болѣе же всего онъ защищалъ то, что мудрый можетъ воспринимать истину.—Таково, по моему мнѣнію, было разногласіе между новыми и древними Академиками. Если это было иначе, я попрошу тебя за насъ обоихъ ознакомить Лиценція съ этимъ предметомъ болѣе обстоятельно. А если было такъ, какъ съумѣлъ передать я, то продолжите начатое состояніе.

ГЛАВА VII.

Противъ Академиковъ.

Тогда я сказалъ: Насколько успокоительно удовлетворяетъ тебя, Лиценцій, наша болѣе длинная, чѣмъ я ожидалъ, рѣчь? Ты слышалъ, Кто таковы твои Академики?—Онъ, съ скромною улыбкою и нѣсколько взволнованный этимъ обра-

щеніемъ къ нему отвѣчалъ: Мнѣ жаль, что я съ такимъ усиленіемъ утверждалъ противъ Тригеція, что блаженная жизнь состоитъ въ изслѣдываніи истины. Самый вопросъ этотъ такъ меня волнуетъ, что я почти несчастенъ, и долженъ дѣйствительно казаться вамъ такимъ, если въ васъ есть сколько нибудь челоуѣколюбія. Ноизъза чего однакожь я, нелѣпый, мучу себя? Развѣ я боюсь чего, имѣя опору въ такой справедливости защищаемаго мнѣнія? Во всякомъ случаѣ я уступлю только истинѣ. — Нравятся ли тебѣ, говорю я, новые Академики? — Весьма, отвѣчалъ онъ. — Итакъ, по твоему мнѣнію, они учили истинѣ? — Тогда онъ, готовый уже согласиться, но ставшій болѣе осторожнымъ вслѣдствіе усмѣшки Алиція, нѣсколько смѣшался, а потомъ сказалъ: Повтори вопросъ. — Истинно ли, говорю я, по твоему мнѣнію, учили Академики? — И снова долго помолчавъ онъ отвѣчалъ: Истинно ли, не знаю; но вѣроятно. Ибо я не вижу чему болѣе слѣдовать. — А знаешь ли, говорю я, что вѣроятное они называли истиноподобнымъ? — Кажется такъ, отвѣчалъ онъ. — Поэтому, говорю я, мнѣніе Академикова истинноподобно? — Да, сказалъ онъ. — Прошу же теперь, говорю я, слушать внимательнѣе. Еслибы кто, увидѣвъ твоего брата, сталъ утверждать, что онъ похожъ на твоего отца, а самого отца твоего не зналъ бы: не показался ли онъ тебѣ безумнымъ и нелѣпымъ? — И послѣ этого онъ долго молчалъ, а потомъ сказалъ: Мнѣ это не кажется несообразностію.

— Когда я началъ было возражать ему, онъ сказалъ: Прошу тебя, подожди немножко. Потомъ, улыбаясь, говорить: Скажи мнѣ, пожалуйста, ты уже увѣренъ въ своей побѣдѣ? — На это я отвѣчалъ: Положимъ, что увѣренъ; но ради этого ты не долженъ оставлять защиту своего мнѣнія, особенно потому, что это состязаніе предпринято нами ради твоего упражненія и для сообщенія уму гибкости въ спорахъ. — Да развѣ я читалъ Академикова, отвѣчалъ

онъ, или настолько знакомъ съ науками, во всеоружіи которыхъ ты выступаешь противъ меня?—Академикомъ, говорю я, не читали и тѣ, которые впервые защищали это мнѣніе. А если тебѣ не достаетъ учености и большого запаса свѣденій, то все же умъ твой не настолько долженъ быть безсиленъ, чтобы ты, когда еще не сдѣлали никакого нападенія, уступилъ нѣсколькимъ моимъ словамъ и вопросамъ. Но я начинаю уже опасаться, чтобы Алипій не заступилъ тебя скорѣе, чѣмъ я желалъ бы того; а имѣя его своимъ противникомъ, я буду считать себя не въ такой степени безопаснымъ. — О еслибы, отвѣчалъ онъ, я былъ уже побѣжденнымъ, чтобы услышать, наконецъ, а еще лучше — увидѣть васъ разсуждающими: болѣе счастливаго зрѣлища мнѣ не можетъ представиться. Такъ какъ вамъ все это угодно какъ бы сливать (*ex сосудѣ*), а не разливать, потому что выпадающее изъ устъ вы ловите стилемъ и не позволяете, какъ говорится, падать на землю, и все это можно будетъ вамъ прочитатъ: то, когда поднесутъ это къ глазамъ своимъ сами тѣ, между которыми ведется рѣчь, наполнить ли это превосходное состязаніе душу ихъ особою пользою — не знаю, но что наполнить большимъ удовольствіемъ, это—вѣрно.

— Благодаримъ, сказалъ я. Но эта неожиданная радость твоя заставила тебя необдуманно сказать, что для тебя не могло бы представиться болѣе счастливаго зрѣлища. А если ты увидишь своего отца, который, послѣ столь долгой жажды припавъ съ большимъ, чѣмъ кто нибудь, жаромъ къ философіи, станетъ размышлять и разсуждать съ нами объ этомъ? Я буду считать себя въ то время счастливейшимъ, чѣмъ когда нибудь; а ты что найдешь для себя приличнымъ чувствовать и говорить?—При этомъ онъ прослезился; и когда былъ въ состояніи говорить, поднявъ руки и глаза къ небу, сказалъ: Когда, о

Боже, увижу я это? Но надежды на Тебя не должно терять ни въ чемъ.—Когда при этомъ мы почти всё, отвлекишись вниманіемъ отъ предмета состязанія, готовы были отдаться слезамъ, я, преодолевая себя, и едва приходя въ себя, сказалъ: Мужайся, и соберись съ силами, заpastись которыми, откуда можно, я задолго прежде совѣтовалъ тебѣ, будущему защитнику Академіи,—заpastись не для того, разумѣется, чтобы дрожь охватила твои члены еще до звука трубы, или чтобы изъ желанія посмотрѣть на чужое, ты тотчасъ же и пожелалъ бы быть въ плѣну.—Тогда Тригедій, замѣтивъ, что лица наши уже достаточно просвѣтлѣли, сказалъ: А почему же бы этому столь святому человѣку и не пожелать, чтобы Богъ далъ ему это прежде его о томъ молитвъ? Только вѣруй, Лиценцій; потому что когда ты не находишь что отвѣчать, а между тѣмъ еще желаешь быть побѣдителемъ, то кажешься мнѣ человѣкомъ малой вѣры.—Мы разсмѣялись.—Тогда Лиценцій сказалъ: Болтай, блаженный не только тѣмъ, что истины не находишь, но даже тѣмъ, что и искать-де ее не слѣдуетъ.

Когда отъ этой шутливости юношей мы стали веселѣе, я сказалъ: Вникни же въ вопросъ, и вступи снова на ту же дорогу съ большею, если можешь, твердостью и силою.—Готовъ, отвѣчалъ онъ, насколько могу. Предположимъ, что тотъ, кто смотритъ на брата моего, благодаря молвѣ, прослышалъ, что онъ похожъ на отца: можетъ ли онъ быть названъ безумнымъ или нелѣпымъ?—А по крайней мѣрѣ глупымъ, говорю я, можетъ быть названъ?—Нисколько, отвѣчалъ онъ; развѣ сталъ бы утверждать, что знаетъ это. Если же онъ приметъ лишь за вѣроятное то, что распространила молва,—его нельзя упрекать ни въ какомъ безразсудствѣ.—Тогда я: Остановимся нѣсколько на этомъ предметѣ и представимъ дѣло какъ бы происходящимъ передъ нашими глазами. Пусть воображаемый нами человѣкъ, кто

бы онъ тамъ ни былъ, стоитъ здѣсь. Приходить откуда бы то ни было братъ твой. Тотъ спрашиваетъ: »Этотъ отрокъ чей сынъ?« — Ему отвѣчаютъ: Нѣкоего Романіана. — На это онъ: »Какъ онъ похожъ на отца; какіе вѣрные дошли до меня объ этомъ слухи!« — При этомъ ты или другой кто спросилъ бы: А ты добрый человѣкъ знаешь Романіана? — »Нѣтъ, не знаю, отвѣчаетъ онъ; однакоже (отрокъ) мнѣ кажется похожимъ на него«... Могъ ли бы кто удержаться при этомъ отъ смѣха? — Никоемъ образомъ, отвѣчалъ онъ. — Итакъ, говорю, ты видишь самъ, что отсюда слѣдуетъ. — Вижу давно, сказалъ онъ; но желаю слышать это заключеніе отъ тебя. Поймавъ въ клѣтку, ты долженъ и покормить пойманнаго. — Отъ чего же и не сдѣлать заключенія, говорю я? Само дѣло говоритъ, что подобнымъ же образомъ слѣдуетъ смѣяться и надъ твоими Академиками, которые говорятъ о себѣ, что они въ жизни слѣдуютъ истиноподобному, между тѣмъ какъ что такое сама истина, — не знаютъ.

ГЛАВА VIII.

Увертка Академиковъ.

Тогда Тригедій сказалъ: Мнѣ кажется, что осмотрительность Академиковъ далеко непохожа на нелѣпость того человѣка, котораго ты представилъ. До того, что они называютъ истиноподобнымъ, они доходятъ разумнымъ путемъ; а тотъ нелѣпый руководится молвою, значеніе которой ничтожнѣе всего. — Да развѣ онъ не былъ бы еще нелѣпѣе, говорю я, еслибы сказалъ: Хотя я и отца его не знаю, и молва не доходила до меня, чтобы онъ похожъ на отца, однако онъ кажется мнѣ похожимъ. — Дѣйствительно, нелѣпѣе, отвѣчалъ онъ. Но къ чему это? — А къ тому, говорю я, что таковы же и тѣ, которые говорятъ: Хотя истины мы

и не знаемъ, однако то, что мы видимъ, непохоже на то, чего не знаемъ.—Они говорятъ—вѣроятно, замѣтилъ онъ.—Что ты хочешь этимъ сказать, говорю я ему? Не отрицаешь ли, что они говорили объ истинopodobномъ?—Онъ отвѣчалъ: Я сказалъ это для того, чтобы устранить представленное тобою подобіе. Ибо мнѣ кажется, что молва не кстати втянута въ вашу вопросъ; потому что Академики не вѣрили и глазамъ человѣческимъ, хотя бы у молвы ихъ были не только тысячи, какъ представляютъ поэты, но и съ чудовищными зрачками. Впрочемъ, какой изъ меня защитникъ Академіи? Развѣ не желаете ли вы и меня втянуть въ этотъ вопросъ? Есть же вотъ у тебя Алипій. Пусть его приходъ принесетъ намъ праздникъ. Полагаемъ, что ты не напрасно побаиваешься его.

— Когда при этомъ произошло молчаніе, глаза обоихъ обратились на Алипія. Тотъ сказалъ: Я дѣйствительно желалъ бы, насколько позволяютъ мои силы, помочь скольконибудь защищаемой вами сторонѣ, если бы ваша неудача, какъ плохое предзнаменованіе, не наводила на меня страха. Впрочемъ, если надежда не обманываетъ меня, я легко избѣгну этой опасности. Меня ободряетъ при этомъ то обстоятельство, что теперешній противникъ Академіи принялъ на себя обязанности Тригеція почти уже побѣжденнаго, но который теперь въ вашемъ сознаніи вѣроятно уже обратился въ побѣдителя. Болѣе боюсь я того, что мнѣ нельзя будетъ избѣжать упрека за пренебреженіе обязанности оставленной, и за безстыдное принятіе на себя новой. Вы, полагаю, не забыли, что на меня была возложена обязанность судьи.—На это Тригецій отвѣчалъ: То само по себѣ, а это само по себѣ. Мы просимъ, чтобы ты на нѣкоторое время считалъ себя частнымъ человѣкомъ.—Изволь, сказалъ онъ; потому что, желая избѣжать безстыдства или небрежности, я впалъ бы въ сѣти гордости, порока самаго худ-

шаго, если бы предоставленную мнѣ вами честь удерживалъ долѣе, чѣмъ вы позволяете.

ГЛАВА XI.

Необходимость войти серьезно въ разсмотрѣніе мнѣнія Академиковъ.

Итакъ я желалъ бы, чтобы ты, строгій обвинитель Академиковъ, объяснилъ мнѣ принятую на себя обязанность, т. е. защищая кого ты на нихъ нападаешь? Ибо я опасуюсь, что, опровергая Академиковъ, ты желаешь доказать, что ты самъ Академикъ. — Ты, полагаю, хорошо знаешь, отвѣчалъ я, что обвинителей есть два рода. Если Цицеронъ по скромности сказалъ, что онъ потому только является обвинителемъ Верреса, что желаетъ быть защитникомъ сицилійцевъ: то изъ этого еще не слѣдуетъ непременно, чтобы обвиняющій кого либо имѣлъ въ виду защищать другого. — На это онъ: Такъ не имѣешь ли ты по крайней мѣрѣ чего либо такого, на чемъ твое мнѣніе установилось твердо? — На этотъ вопросъ, говорю я, отвѣчать легко, особенно мнѣ, для котораго онъ не представляется неожиданнымъ. Обо всемъ этомъ я уже рассуждалъ съ собою, и думалъ долго и много. Поэтому выслушай, Алипій, то, что, полагаю, ты уже прекрасно знаешь: я вовсе не желаю, чтобы состязаніе это было предпринято ради состязанія. Достаточно уже того, что мы дозволили себѣ прелюдію съ этими юношами, въ которой философія какъ бы любезно пошутила съ нами. Отбросимъ же въ сторону дѣтскія побасенки. Дѣло идетъ о жизни нашей, о нравахъ, о душѣ, которая мечтаетъ, что она преодолѣетъ вражду всякой лжи, и познавъ истину, какъ бы возвращающаяся въ область своей родины восторжествуетъ надъ похотями, и сочетавшись за тѣмъ съ воздержаніемъ, какъ бы съ супругомъ, будетъ

царствовать, имѣя обезпеченнымъ для себя возвратъ на небо. Понимаешь, что я хочу сказать? Итакъ въ сторону все это. Упражняться въ войнахъ оставимъ мужу, любителю войны. Если я когда нибудь желалъ чего менѣе всего, такъ этого, чтобы между тѣми, кто долго со мною жили и часто вели разсужденія, возникло что либо такое, изъ-за чего открылось бы нѣчто въ родѣ новой борьбы. Заносить же на письмо то, о чемъ мы нерѣдко разсуждали между собою, я хотѣлъ ради памяти, которая не бываетъ надежнымъ хранителемъ домысловъ; а вмѣстѣ и для того, чтобы эти юноши научились внимательно слушать то и приобрѣли опытность въ нападеніи и защитѣ.

Итакъ, развѣ ты не знаешь, что я не имѣю еще ничего вѣрнаго, на чемъ могъ бы остановиться своею мыслию, а искать это вѣрное мнѣ препятствуютъ доводы и разсужденія Академиковъ? Не знаю какимъ образомъ, но они возбудили въ душѣ вѣроятность (чтобы не бросать пока ихъ выраженія), что человѣкъ найти истины не можетъ. Это сдѣлало меня лѣнливымъ и совершенно безпечнымъ; и я не осмѣливался искать того, чего не суждено было найти мужамъ проникательнѣйшимъ и ученѣйшимъ. Поэтому если я не буду убѣжденъ предварительно, что истину можно найти, какъ они убѣдили себя, что найти нельзя, — я не осмѣлюсь искать, и не имѣю ничего, что сталъ бы защищать. Итакъ возьми, если угодно, свой вопросъ назадъ, и лучше поразсудимъ между собою, насколько можемъ остроумно, можетъ ли быть найдена истина? Мнѣ кажется, что въ пользу своего мнѣнія я имѣю уже многое, въ чемъ и стараюсь найти для себя опору противъ ученія Академиковъ, хотя между ними и мною пока нѣтъ другой разности, кромѣ слѣдующей. Имъ показалось вѣроятнымъ, что истину найти нельзя; а мнѣ кажется вѣроятнымъ, что найти можно. Не-

вѣденіе же истины или принадлежитъ собственно мнѣ, если они притворялись, или обще и имъ, и мнѣ.

ГЛАВА X.

Разногласіе съ Академиками касается не словъ, а дѣла.

Тогда Алипій сказалъ: Теперь я приступлю къ дѣлу безъ опасеній; ибо вижу, что ты будешь не столько обвинителемъ, сколько помощникомъ. Но чтобы отъ дѣла болѣе не уклоняться, позаботимся, прошу, прежде о томъ, чтобы въ этомъ вопросѣ, который переданъ мнѣ въ наслѣдство отступившими передъ тобою, у насъ не вышло спора изъ-за словъ. Вѣдь согласно твоимъ же наставленіямъ мы часто, пользуясь словами Цицерона, назвали такой споръ дѣломъ самымъ постыднымъ. Если не ошибаюсь, когда Лиценцій сказалъ, что ему понравилась мысль Академиковъ о вѣроятности, ты спросилъ (что не колеблясь и тотъ подтвердилъ), извѣстно ли ему, что эта вѣроятность называется у нихъ истинно-подобіемъ. Что положенія Академиковъ не чужды тебѣ, я хорошо знаю, потому что отъ тебя же они извѣстны и мнѣ. Если же, какъ я сказалъ, они впечатлѣны въ твоихъ мысляхъ; то изъ-за чего ты гоняешься за словами, — я не понимаю. — Повѣрь мнѣ, отвѣчалъ я, что здѣсь большое противорѣчіе, не въ словахъ, а въ самой вещи. Я не считаю этихъ мужей такими, которые не умѣли бы называть вещи ихъ именами. Но мнѣ кажется, что они выбрали эти слова для того, чтобы съ одной стороны скрыть свою мысль отъ болѣе тупыхъ, а съ другой — дать уразумѣть и болѣе проникательнымъ. Почему и какъ это мнѣ кажется, я объясню, разсмотрѣвъ прежде то, что, по общему мнѣнію, высказано ими какъ врагами человѣческаго знанія. Итакъ я очень доволенъ, что нашъ сегодняшний разговоръ коснулся этого предмета: это установить съ достаточною ясностію предметъ,

о которомъ идетъ рѣчь между нами. По моему мнѣнію тѣ мужи были вполне серьезные и разумные. Если же есть что, противъ чего мы будемъ теперь спорить, это будетъ противъ тѣхъ, которые считали Академикомъ враждебными открытію истины. Но не считай меня и запуганнымъ. Я охотно вооружусь и противъ нихъ самихъ, если то, что мы читаемъ въ ихъ книгахъ, они защищали чистосердечно, а не для сокрытія своей мысли, чтобы своего рода святыня истины не была безразсудно выдаваема умамъ нецѣломудреннымъ и какъ бы нечестивымъ. Я сдѣлалъ бы это и сегодня, если бы закатъ солнца не заставлялъ насъ возвращаться домой.—Этимъ закончилось состязаніе въ тотъ день.

ГЛАВА ХІ.

Состязаніе 3.

Что такое въроятное.

На другой день, хотя погода была не менѣе пріятная и тихая, мы едва могли освободиться отъ домашнихъ занятій. Большую часть дня мы провели преимущественно въ писаніи писемъ. Вышли мы на лугъ, когда до вечера оставалось уже не болѣе двухъ часовъ. Необыкновенная ясность неба манила насъ, и мы рѣшили не потерять по крайней мѣрѣ того времени, какое еще оставалось. Когда мы подошли къ обычному дереву и остановились, я сказалъ: такъ какъ сегодня не слѣдуетъ приниматься за вопросъ важный, то я желалъ бы, юноши, чтобы вы припомнили мнѣ, какъ отвѣчалъ вчерашній день Алипій на вопросъ, приведшій васъ въ замѣшательство. — На это Лиценцій сказалъ: Это такъ коротко, что припомнить не составляетъ труда; какъ оно легко, ты увидишь самъ. По моему мнѣнію, онъ посоветовалъ тебѣ не спорить о словахъ, когда дѣло ясно. — А до-

статочно ли вы поняли, говорю я, что это значить и какую имѣть силу? — Мнѣ кажется, отвѣчалъ онъ, я понимаю, что это значить; но пояснить нѣсколько все же прошу тебя. Я часто отъ тебя слышалъ, что ведущимъ состязаніе можно продолжать споръ изъ-за словъ, когда для спора о предметѣ не остается мѣста. Однако это нуждается въ болѣе тонкомъ объясненіи, чѣмъ какого слѣдуетъ требовать отъ меня.

— Въ такомъ случаѣ выслушайте, говорю я, что это такое. Академики называютъ вѣроятнымъ или истинopodobнымъ то, что можетъ вызывать насъ на дѣятельность безъ довѣрія (*sine assensione*), Говорю—безъ довѣрія въ томъ смыслѣ, что то, что мы дѣлаемъ, мы за истину не считаемъ, однако дѣлаемъ. Напримѣръ, если бы насъ кто нибудь спросилъ: взойдетъ ли послѣ вчерашней свѣтлой и безоблачной ночи ясное солнце? Я думаю, что мы отвѣтили бы, что не знаемъ, но кажется-де такъ. »Такимъ, говорить Академикъ, и мнѣ кажется все, что я принялъ называть вѣроятнымъ или истинopodobнымъ. А если ты хочешь называть это другимъ именемъ, я спорить не стану. Для меня достаточно, если ты хорошо понялъ то, что я говорю, т. е. какія вещи я этимъ именемъ называю. Ибо мудрому прилично быть не кователемъ словъ, а изслѣдователемъ вещей«. Достаточно ли вы теперь поняли, какъ выбиты у меня изъ рукъ тѣ игрушки, которыми я занималъ васъ? — Когда они оба отвѣтили, что поняли, и самымъ взглядомъ просили меня продолжать, я сказалъ: Какъ вы полагаете, Цицеронъ, которому принадлежать эти слова, былъ такъ плохъ въ знаніи латинскаго языка, что давалъ предметамъ, о которыхъ мыслить, не достаточно годныя названія?

ГЛАВА XII.

Еще о вѣроятномъ и истиноподобномъ.

— Тогда Тригедій сказалъ: Мы уже рѣшили не поднимать никакихъ пустыхъ споровъ изъ-за словъ, когда предметъ ясенъ. Поэтому позаботься лучше объ отвѣтѣ тому, кто вступился за насъ, на которыхъ, отбитый, ты снова пытаешься напасть.— Но Лиценцій сказалъ: Подожди, пожалуйста; мнѣ просвѣчиваетъ что-то такое, изъ чего я вижу, что тебѣне слѣдовало бы давать такъ легко отнимать у себя столь важный аргументъ. — За тѣмъ углубившись въ размышленіе и нѣсколько помолчавъ, продолжалъ: По моему мнѣнію, нѣтъ ничего несообразнѣе, какъ утверждать, что незнающій, что такое истина, руководится истиноподобнымъ. Меня не смущаетъ и проведенное тобою сравненіе. Если бы меня дѣйствительно спросили, правда ли, что при этой ясности неба на утро не соберется дождь, я отвѣтилъ бы, что это истиноподобно, потому что не отрицаю, что знаю нѣчто истинное. Такъ я знаю, что это дерево не можетъ сейчасъ же сдѣлаться серебрянымъ, и утверждаю безъ всякаго самообольщенія, что знаю многое такое, истинное, на что нахожу похожимъ то, что называю истиноподобнымъ. Ты же, Карнеадъ, или какая другая греческая язва, чтобы пощадить своихъ (ибо зачѣмъ бы я сталъ колебаться перейти на эту сторону къ тому, которому, будучи плѣннымъ, обязанъ повиновеніемъ по праву побѣды?),—ты, который утверждаешь, что не знаешь ничего истиннаго, откуда ты получаешь это истиноподобное? Скажешь, что не могъ дать этому другаго названія? Въ такомъ случаѣ нечего намъ и толковать съ тѣмъ, кто не можетъ говорить.

— Ни я, сказалъ Алипій, не боюсь переметчиковъ, ни тѣмъ болѣе Карнеадъ, на котораго ты, не знаю—по юношескому или ребяческому легкомыслію, вздумалъ бросить

скорѣе злословіемъ, чѣмъ стрѣлою. Ибо въ подтвержденіе его мнѣнія, доведеннаго имъ до всяческой вѣроятности, ему вполне было бы достаточно слѣдующаго. Насколько мы удалены отъ познанія истины, тому великимъ доказательствомъ можешь послужить себѣ самъ же ты, который однимъ маленькимъ возраженіемъ такъ выбить изъ своего мѣста, что не знаешь уже, куда тебѣ стать. Но отложимъ это до другаго времени, вмѣстѣ съ тѣмъ знаніемъ твоимъ, которое, по недавнимъ словамъ твоимъ, впечатлѣлось въ тебѣ объ этомъ деревѣ. Хотя ты и перешолъ уже на другую сторону однако долженъ внимательно поразмыслить надъ тѣмъ, что я только что сказалъ. Какъ полагаю я, мы не дошли еще до вопроса о томъ, можетъ ли быть найдена истина; но надъ самымъ преддверіемъ моей защиты, въ которомъ я видѣлъ тебя падшимъ и простертымъ на зѣмлѣ, я нашолъ нужнымъ надписать лишь одно, т. е., что истинopodobнаго ли то, или вѣроятнаго, или называемаго другимъ, какимъ можно именемъ, что Академики считаютъ для себя достаточнымъ, искать не слѣдуетъ. Ибо, если ты кажешься самому себѣ уже прекраснымъ находчикомъ истины,—это меня пока не касается. Послѣ, если не отплатишь за мое покровительство неблагодарностью, можетъ быть научишь и меня тому же.

ГЛАВА XIII.

Скрывали ли Академики свое знаніе истины.

— Такъ какъ Лиценцій испугался нападенія Алипія, я сказалъ: Ты, Алипій, высказалъ все, за исключеніемъ лишь того, какъ слѣдуетъ разсуждать съ такими, которые говорить не умѣютъ. — На это онъ: Издавна извѣстно всѣмъ и въ настоящее время достаточно доказывается твоею преподавательскою дѣятельностію, что ты искусенъ въ словѣ. По

этому я желалъ бы, чтобы ты объяснилъ прежде, съ какою цѣлю ты дѣлалъ этотъ допросъ. Если онъ, какъ мнѣ думается, былъ излишнимъ, то тѣмъ болѣе излишне было отвѣчать на него, если же имѣлась въ виду какая либо цѣль, но я не могъ ее себѣ уяснить; то я попрошу тебя не потяготиться принять на себя обязанность наставника. — Ты помнишь, отвѣчалъ я, что вчера я обѣщалъ говорить объ извѣстныхъ словахъ послѣ. Но теперь вонъ это солнце убѣждаетъ меня попятать въ ящики выложенныя для дѣтей игрушки, тѣмъ болѣе, что я и выкладывалъ ихъ скорѣе для украшенія, чѣмъ для продажи. Теперь, прежде чѣмъ стилемъ нашимъ овладѣетъ мракъ, обыкновенный покровитель Академиковъ, я желалъ бы установить между нами съ полнѣйшею ясностію тотъ вопросъ, для разсмотрѣнія котораго намъ нужно будетъ встать рано съ утра. Итакъ прошу отвѣтить мнѣ: Думаешь ли ты, что Академики имѣли точное понятіе объ истинѣ, но не хотѣли безразсудно выдавать его душамъ несвѣдущимъ или нечистымъ? Или они такъ и думали, какъ излагается въ ихъ разсужденіяхъ?

— На это онъ сказалъ: Что они говорили искренно, это я докажу съ основательностію. Насколько можно заключать по книгамъ, ты лучше меня знаешь, что они обыкновенно обнаруживали въ словахъ свое мнѣніе. А если ты спрашиваешь меня о моемъ личномъ мнѣніи, то я думаю, что истина еще не найдена. Прибавлю даже (хотя ты спрашивалъ объ Академикахъ), что по моему мнѣнію она и не можетъ быть найдена, и это не только по засѣвшему — какъ всегда почти укорялъ ты — во мнѣ мнѣнію, но и на основаніи авторитета многихъ и знаменитѣйшихъ философовъ, предъ которыми, не знаю — слабость ли наша, или ихъ прозорливость заставляетъ насъ преклонять головы, хотя намъ и слѣдовало бы уже убѣдиться, что найти ничего нельзя. — Вотъ этого-то я и желалъ, отвѣчалъ я. Ибо

я опасался, чтобы состязаніе наше не осталось одностороннимъ, если бы и ты оказался одного со мною мнѣнія; потому что тогда не было бы никого, кто съ противной стороны побуждалъ бы овладѣвать предметомъ, чтобы по возможности лучше рассмотреть его. Еслибы это случилось, я готовъ былъ просить тебя взять сторону Академиковъ такъ, чтобы казалось, что ты не только спорилъ, но и дѣйствительно былъ убѣжденъ, что истины познать нельзя. Итакъ между нами идетъ рѣчь о томъ, вѣроятно ли, на основаніи приводимыхъ ими доказательствъ, что воспріять нельзя ничего и что не слѣдуетъ ничему довѣрять? Если ты докажешь это, я уступлю охотно. Но если я буду въ силахъ доказать, что гораздо вѣроятнѣе, что мудрый можетъ дойти до истины, а равно — что не всегда слѣдуетъ устранять довѣріе; то у тебя, полагаю, не останется причины, почему бы тебѣ не пристать къ моему мнѣнію. — Когда онъ и всѣ присутствовавшіе съ этимъ согласились, мы возвратились, въ вечернемъ уже сумракѣ, домой.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Излагаетъ два состязанія, въ началъ которыхъ утверждается положеніе, что фортуна не можетъ быть ни пособіемъ, ни препятствіемъ для мудраго. Вслѣдъ за тѣмъ Августинъ, при защитѣ Амніемъ своего мнѣнія, доказываетъ, что мудрый знаетъ нѣчто, т. е. знаетъ по крайней мѣрѣ мудрость. Потомъ разбираетъ опредѣленіе Зенона, и опровергаетъ два извѣстныхя положенія Академиковъ: ничего нельзя воспринять, и—ничему не слѣдуетъ довѣрять. Въ заключеніе говоритъ, что Академики, по его мнѣнію, думали не такъ, какъ представляютъ ихъ обыкновенно.

—

ГЛАВА I.

Состязаніе 1.

Должно всячески искать истину, отъ которой зависитъ блаженная жизнь.

Когда мы на другой день послѣ разговора, содержащагося во второй книгѣ, сидѣли вмѣстѣ въ баняхъ (такъ какъ день былъ слишкомъ пасмуренъ, чтобы у насъ явилась охота идти на лугъ), я началъ рѣчь такъ: Думаю, что вы уже достаточно уяснили себѣ, о какомъ предметѣ мы условились между собою вести разсужденіе. Но прежде чѣмъ приступлю къ изложенію своихъ возрѣній, клонящихся къ разъясненію его, я попрошу васъ съ охотою вы-

слушать немногое о надеждѣ, о жизни, о назначеніи нашемъ, отъ предмета неуклоняющееся. Я полагаю, что искать всячески истину не есть пустая или излишняя, но необходимая и самая важная обязанность наша. Въ этомъ мы согласны съ Алипіемъ. Ибо и прочіе философы думали, что ихъ мудрый находилъ ее; и Академики о своемъ мудрецѣ говорили, что онъ долженъ былъ съ величайшимъ усиліемъ искать ее, и что онъ дѣлалъ это усердно. Но такъ какъ она или скрывалась, будучи заслонена, или не выдѣлялась, будучи смѣшана; то за правило жизни онъ принималъ то, что находилъ вѣроятнымъ или истинopodobнымъ. Это вытекало какъ слѣдствіе и изъ вашего прежняго разсужденія. Ибо какъ скоро одинъ утверждалъ, что человѣкъ становится блаженнымъ, когда истина найдена, а другой - когда она только тщательно ищется; то никто изъ насъ не сомнѣвается, что мы не должны ничего ставить выше этой обязанности. Поэтому скажите, пожалуйста, какой по вашему мнѣнію провелъ я вчера день? Вамъ по крайней мѣрѣ удалось предаться своимъ занятіямъ. Ибо ты, Тригедій, услаждался твореніями Виргилія, а Лиценцій имѣлъ досугъ сочинять стихи, къ которымъ пристрастился такъ, что ради его—то главнымъ образомъ я и счелъ нужнымъ вступить въ этотъ разговоръ, чтобы философія (ибо этому уже время теперь) взяла и утвердила за собою въ его душѣ верхъ не только надъ поэзією, но и надъ всякою другою наукою.

ГЛАВА II.

Необходима ли фортуна мудрому.

Но скажите, пожалуйста, не пожалѣли ли вы обо мнѣ, что, отправившись наканунѣ въ постель съ мыслию встать только для отложеннаго вопроса и ни для чего другаго, я встрѣтилъ столько неотложныхъ дѣлъ по хозяйству, что

занятый ими всецѣло, едва могъ удѣлить для своего рѣздыха два послѣдніе часа дня? Поэтому моимъ всегдашнимъ мнѣніемъ было, что человѣку уже мудрому не нужно ничего; но чтобы сдѣлаться мудрымъ, весьма необходима фортуна. Но Алипію можетъ быть это кажется иначе?—На это онъ отвѣчалъ: Я еще не знаю хорошо, сколько правъ уверюешь ты фортунѣ. Если для того, чтобы презирать фортуну, ты считаешь нужною саму же фортуну, то съ мнѣніемъ твоимъ согласенъ и я. А если ты фортунѣ отводишь единственно то, что можетъ лишь по ея благосклонности удовлетворять необходимымъ тѣлеснымъ нуждамъ,—то я думаю не такъ. Ибо въ такомъ случаѣ и не мудрому еще, а только жаждущему мудрости можно и при противодѣйствіи фортуны и вопреки волѣ ея брать то, что признаемъ необходимымъ при жизни; или нужно допустить, что она господствуетъ надъ всею жизнію мудраго, такъ какъ и самъ мудрый не можетъ не нуждаться въ томъ, что необходимо для тѣла.

—Итакъ ты утверждаешь, говорю я, что фортуна необходима имѣющему любовь къ мудрости, но въ отношеніи къ мудрому это отрицаешь.—Дѣлу не вредить повтореніе того же, отвѣчалъ онъ. Но и я спрошу тебя, думаешь ли ты, что фортуна чѣмъ либо содѣйствуетъ къ своему собственному презрѣнію? Если ты думаешь такъ, то я скажу, что жаждущій мудрости всячески нуждается въ фортунѣ? Думаю, говорю я, что именно чрезъ нее онъ сдѣлается тахимъ, что будетъ въ состояніи презирать ее; и это не представляетъ никакой несообразности. Ибо точно такъ, когда мы малы, намъ необходимы и сосцы, которые дѣлають, что послѣ мы безъ нихъ можемъ жить и здравствовать. Наши мнѣнія, отвѣчалъ онъ, если мы другъ друга понимаемъ, очевидно, согласны; но кому нибудь можетъ быть кажется необходимымъ точнѣе обозначить, что какъ фортуна, такъ

и сосцы заставляют насъ презирать не сами сосцы или фортуна, а нѣчто другое. Не велика трудность, говорю я, употребить и другое подобіе. Какъ никто не можетъ перебраться черезъ море Эгейское безъ корабля, или какого либо перевозочнаго средства, или вообще (не исключая и самаго Дедала) безъ какихъ либо приспособленныхъ къ этому орудій или, безъ какой либо сокровеннѣйшей силы, хотя бы, предполагая достигнуть только этого, онъ готовъ былъ бросить и презрѣть все то, посредствомъ чего перебрался: такъ точно и всякому, кто пожелалъ бы достигнуть гавани мудрости и стать на твердѣйшую и спокойнѣйшую почву, по моему мнѣнію, необходимо для достиженія желанія имѣть фортуна, потому что онъ не будетъ въ состояніи это сдѣлать, если будетъ (чтобы опустить другое) слѣпой и глухой,—что находится во власти фортуны. Но когда онъ достигъ этого, то хотя бы и казался нуждающимся въ нѣкоторыхъ вещахъ, относящихся къ тѣлесному здравію, несомнѣнно однако то, что въ нихъ онъ нуждается не для того, чтобы быть мудрымъ, а для того, чтобы жить между людьми.—А по моему мнѣнію, сказалъ онъ, если кто слѣпъ и глухъ, тотъ даже въ правѣ презирать и изысканіе мудрости, и самую жизнь, ради которой мудрость ищется.

— Однако, говорю я, какъ скоро самая жизнь наша, которою мы живемъ, находится во власти фортуны, и какъ скоро только живя каждый можетъ быть мудрымъ; то не слѣдуетъ ли признать, что нужно ея покровительство, чтобы намъ дойти до мудрости?—Но если мудрость, отвѣчалъ онъ, необходима только живущимъ, а какъ скоро жизнь устранена, въ мудрости нужды болѣе нѣтъ никакой: то въ отношеніи къ продолженію жизни я фортуны не боюсь нисколько. Ибо желаю мудрости потоплику, поколику живу, а не потоплику хочу жизни, поколику желаю мудрости. Поэтому, если фортуна отниметь у меня жизнь, она уничто-

жить и причину искать мудрости. Итакъ я не имѣю ничего, почему бы, чтобъ быть мудрымъ, я желалъ бы покровительства фортуны, или страшился бы ея препятствій; развѣ ты найдешь сказать что другое.—На это я: Да развѣ ты не думаешь, что имѣющему любовь къ мудрости фортуна можетъ дѣлать препятствія къ достиженію мудрости, хотя бы жизни у него и не отнимала?—Не думаю, отвѣчалъ онъ.

ГЛАВА III.

Различаются мудрый и имѣющій любовь къ мудрости. Мудрый нѣчто знаетъ, потому что знаетъ по крайней мѣрѣ мудрость.

— Я желалъ бы, говорю я, чтобы ты объяснилъ мнѣ нѣсколько, какое, по твоему мнѣнію, различіе между мудрымъ и философомъ?—По моему мнѣнію, отвѣчалъ онъ, мудрый отъ имѣющаго любовь къ мудрости разнится тѣмъ только, что въ мудромъ есть нѣкоторое освоеніе съ тѣми вещами, къ которымъ у имѣющаго любовь къ мудрости одно только страстное стремленіе.—А что это за вещи такія, спрашиваю я? Мнѣ, напримѣръ, представляется между ними то только различіе, что одинъ знаетъ мудрость, а другой еще желаетъ знать.—Если ты знаніе разумѣешь въ скромныхъ границахъ, отвѣчалъ онъ, то ты сказалъ тоже самое, только яснѣе.—Какія бы границы ни давалъ я ему, говорю я, то признано всѣми, что знаніе не можетъ быть знаніемъ вещей ложныхъ.—На этотъ разъ, отвѣчалъ онъ, мнѣ казалось нужнымъ предпослать оговорку, чтобы въ случаѣ необдуманнаго соглашенія моего твоя рѣчь не вела противъ меня легкихъ атакъ по такимъ основнымъ вопросамъ.—Дѣйствительно, говорю я, ты не оставилъ мнѣ мѣста, куда я могъ бы направить атаку. Если не ошибаюсь, вѣдь мы подошли уже къ самому концу, который я давно подготавливаю. Ибо если, какъ тонко

и правильно выразился ты, между имѣющимъ любовь къ мудрости и мудрымъ существуетъ то лишь различіе, что тотъ любить, а этотъ усвоилъ ученіе мудрости,—почему ты не поколебался употребить и извѣстное выраженіе, т. е. *нѣкоторое освоеніе*; но усвоить ученія не можетъ никто, кто ничего не изучилъ, не изучилъ же ничего, кто ничего не знаетъ, а знать ложнаго никто не можетъ: то мудрый знаетъ истину; ибо самъ ты призналъ принадлежность душъ его ученія мудрости, т. е. освоеніе съ нимъ.—Не знаю, до какой степени я былъ бы безстыденъ, сказалъ онъ, еслибы захотѣлъ отрицать, что призналъ въ мудромъ освоеніе съ изысканіемъ вещей божественныхъ и человѣческихъ. Но почему тебѣ кажется, что освоенія съ находимымъ вѣроятнымъ нѣтъ, я не понимаю.—Но ты соглашаешься со мною, говорю я, что ложнаго никто не знаетъ?—Охотно, отвѣчалъ онъ.—Въ такомъ случаѣ, говорю, скажи, если можешь, что мудрый не знаетъ мудрости.—Но зачѣмъ, отвѣчалъ онъ, ты все сводишь къ тому положенію, что ему можетъ казаться, что онъ знаетъ мудрость?—Дай, говорю я, мнѣ свою руку. Если помнишь, я обѣщалъ вчера сдѣлать именно это, и очень радъ, что не самъ вывелъ теперь это заключеніе, а получилъ его вполне готовымъ отъ тебя же. Я говорилъ, что между мною и Академиками существуетъ то различіе, что имъ казалось вѣроятнымъ, будто истину познать нельзя; а мнѣ представляется, что хотя она и не найдена еще, однако можетъ быть найдена мудрымъ. Теперь же, вынужденный мною вопросомъ—неужели мудрый не знаетъ мудрости, ты сказалъ: Ему кажется, что знаетъ.—Но что же изъ этого, замѣтилъ онъ?—А изъ этого то, говорю я, что если ему кажется, что онъ знаетъ мудрость, то ему не кажется, что мудрый не можетъ ничего знать. Или, если мудрость ничто, подтверди это доказательствами.

—Я думалъ дѣйствительно, отвѣчалъ онъ, что мы подошли къ концу; но въ то самое время, какъ ты протянулъ руку, я вижу, что мы разъединены какъ нельзя болѣе и разошлись далеко. А именно. Вчера казалось, что между нами возникъ споръ лишь о томъ,—можетъ ли мудрый достигнуть познанія истины; ты утверждалъ это, я отрицалъ. Теперь же я сдѣлалъ тебѣ на мой взглядъ единственную уступку, что мудрому можетъ казаться, что онъ постигъ мудрость въ вещахъ вѣроятныхъ. Но думаю, никто изъ насъ не сомнѣвается, что подъ этою мудростію я разумѣю изслѣдываніе вещей божественныхъ и человѣческихъ.—Изъ того, что ты увертываешься, говорю я, не слѣдуетъ, чтобы вывернулся. Мнѣ кажется, что ты споришь уже ради своего упражненія. И такъ какъ хорошо знаешь, что эти юноши еще съ трудомъ могутъ различать остроту и тонкость въ сужденіяхъ, то и пользуешься неопытностію судей, чтобы говорить сколько тебѣ заблагоразсудится, не встрѣчая ни съ чьей стороны неодобренія. Вѣдь незадолго прежде, когда я спрашивалъ, знаетъ ли мудрый мудрость, ты сказалъ, что ему кажется, что знаетъ. Но кому кажется, что мудрый знаетъ мудрость, тому не можетъ казаться, чтобы мудрый ничего не зналъ. Противъ этого спорить нельзя, развѣ кто рѣшится утверждать, что мудрость есть ничто. Изъ этого вышло, что и тебѣ кажется то самое, что и мнѣ: мнѣ кажется, что мудрый нѣчто знаетъ; тоже, полагаю, и тебѣ, который сказалъ, что мудрому кажется, что мудрый знаетъ мудрость.—На это онъ: Думаю, что упражнять свои способности не столько желаю я, сколько ты, и удивляюсь этому: потому что ты не имѣешь нужды въ какомъ либо упражненіи по этому предмету. Можетъ быть я и слѣбѣ еще, но мнѣ кажется, что есть различіе между казаться себѣ знающимъ, и знать, и между мудростію, полагаемою въ изслѣдываніи, и истиною. И то и другое нами говорилось; но какимъ образомъ все это объединяется, я не понимаю.—Тогда я, такъ какъ насъ

позвали уже къ обѣду, сказалъ: Я не недоволенъ, что ты такъ упрямисься; потому что или оба мы не знаемъ, что говоримъ, и въ такомъ случаѣ нужно постараться снять намъ съ себя такой позоръ; или не знаетъ одинъ изъ насъ, что также оставить безъ вниманія и пренебречь было бы постыднымъ. Поэтому въ послѣобѣденные часы сойдемся снова. Ибо въ то время, какъ мнѣ казалось, что между нами все покончено, ты пустилъ въ дѣло даже кулаки.—На это отвѣтили смѣхомъ, и мы вышли.

ГЛАВА IV.

Состязаніе 2.

Снова о томъ, что тотъ не есть мудрый, кто ничего не знаетъ.

Когда мы возвратились, то нашли Лиценція, жажды котораго Геликонъ никогда не удовлетворялъ, ломающимъ голову надъ сочиненіемъ стиховъ. Почти съ половины обѣда,—хотя нашему обѣду конецъ былъ тамъ же, гдѣ и начало,—онъ тихонько всталъ, и ничего не пилъ. Я сказалъ ему: Отъ души желаю тебѣ выполнить задуманное тобою поэтическое произведеніе. Это не потому, чтобы меня особенно радовало его окончаніе, а потому, что вижу тебя такъ страстно увлечшимся, что освободить тебя отъ этой любви можетъ только отвращеніе; а оно обыкновенно является по окончаніи. А послѣ того,—такъ какъ ты имѣешь очень пріятный голосъ,—я желалъ бы, чтобы ты лучше давалъ намъ слышать твои стихи, чѣмъ, какъ въ извѣстныхъ греческихъ трагедіяхъ, пѣть слова, которыхъ не понимаешь самъ, какъ поютъ на глазахъ нашихъ птички, заключенныя въ кѣтки. Напомню однакоже, чтобы ты принялъ, если хочешь, питье, и потомъ возвратился въ нашу школу, если для тебя впрочемъ имѣютъ въ

настоящее время какое нибудь значеніе Гортензій и философія, которой ты въ прежней вашей бесѣдѣ уже принесъ въ жертву прекраснѣйшіе начатки, и которая воспламенитъ тебя сильнѣе, чѣмъ эта поэзія, къ познанію вещей великихъ и истинно плодотворныхъ. Но желая всячески привлечь васъ къ этимъ наукамъ, которыя служатъ къ образованію душъ, я боюсь, чтобы вы не попали въ лабиринтъ, и почти жалѣю уже, что сдержалъ ту твою страсть.—Онъ покраснѣлъ, и вышелъ пить; частію потому, что чувствовалъ сильную жажду, а частію потому, что это служило поводомъ избѣжать меня, который могъ наговорить гораздо болѣе и болѣе суроваго.

Когда онъ возвратился и всё готовы были слушать, я началъ такъ: Правда ли, Алипій, что мы не согласны между собою по предмету самому ясному?—Нѣтъ ничего удивительнаго, отвѣчалъ онъ, если для меня темно, что для тебя, какъ увѣряешь ты, вполне очевидно; ибо очень многое ясное можетъ другимъ казаться яснѣйшимъ, равно какъ и что либо темное можетъ для иныхъ быть темнѣйшимъ. Такъ если и это для тебя дѣйствительно ясно, то повѣрь мнѣ—есть кто нибудь другой, для котораго и это твое ясное гораздо яснѣе, а въ то же время есть и такой иной, для котораго мое темное гораздо темнѣе. Но чтобы ты долѣе не считалъ меня вздорливымъ, я буду просить тебя изложить это ясное пояснѣе.—Выслушай, пожалуйста, говорю я, внимательно и какъ бы на время отложивъ заботу отвѣчать. Если я хорошо знаю себя и тебя, то при стараніи легко уяснится то, что я говорю, и одинъ другаго убѣдить скоро. Не сказалъ ли ты,—или меня быть можетъ обмануль слухъ,—что мудрому кажется, что онъ знаетъ истину?—Онъ подтвердилъ.—Оставимъ, говорю, на время этого мудраго. Самъ ты мудръ, или нѣтъ?—Вовсе не мудръ, отвѣчалъ онъ.—Однакоже, говорю я, прошу тебя отвѣтить мнѣ, что думаешь ты лично о мудрому

академикъ: кажется ли тебѣ, что онъ знаетъ мудрость?—Но одно ли и то же, по твоему мнѣнію, отвѣчалъ онъ, казаться себѣ знающимъ и знать; или не одно? Ибо я опасаясь, чтобы эта неопредѣленность не послужила комунибудь изъ насъ средствомъ противъ другаго.

— Это, говорю я, называется обыкновенно тускою тягубою, когда, вчавши искъ, стараются не о томъ, что можетъ служить къ рѣшенію его, а о возраженіяхъ другому. Это и поэтъ нашъ (чтобы сказать нѣчто въ угодность Лиценцію) въ буюлическомъ стилѣ совершенно умѣтно счелъ деревенскимъ и вполне пастушескимъ; когда одинъ спрашиваетъ другаго, гдѣ разстояніе до неба не болѣе трехъ локтей,— тотъ отвѣчаетъ:

А скажи-ка мнѣ, въ какихъ земляхъ растутъ цвѣты,
Что зовутся царями ¹⁾.

Но ты, Алипій, не сочти пожалуйста этого умѣтнымъ для насъ, хотя бы и въ деревнѣ; пусть по крайней мѣрѣ эти баньки нѣсколько напоминаютъ о приличіи гимназій. Отвѣтъ, если угодно, на то, о чемъ тебя спрашиваю: Кажется ли тебѣ, что мудрый Академикъ знаетъ мудрость?—Чтобы отвѣчая словами на слова, сказалъ онъ, мы не зашли далеко,—кажется, ему кажется, что знаетъ.—Слѣдовательно тебѣ, говорю я, кажется, что не знаетъ. Ибо я спрашиваю не о томъ, что кажется тебѣ касательно кажущагося мудрому, а о томъ, кажется ли тебѣ, что мудрый знаетъ мудрость. Ты можешь, по моему мнѣнію, отвѣтить на это или утвердительно, или отрицательно.—О если бы, отвѣчалъ онъ, или мнѣ было такъ легко, какъ тебѣ, или тебѣ такъ трудно, какъ мнѣ: тогда ты не былъ бы такъ привязчивъ и не относился бы къ этому съ какою либо надеждою. Когда ты спрашивалъ меня, что кажется мнѣ относительно мудраго Академика, я отвѣчалъ:

¹⁾ Virgil. Eclog. III.

кажется мнѣ, ему кажется, что онъ знаетъ мудрость, — отвѣчалъ такъ для того, чтобы необдуманно не утверждать, что я знаю, или не сказать не менѣе же необдуманно, что онъ знаетъ. — Прежде всего, сказалъ я, сдѣлай мнѣ пожалуйста великое одолженіе, удостой отвѣчать на то, о чемъ спрашиваю я, а не на то, о чемъ спрашиваешь ты самъ себя. А затѣмъ, оставь пока на нѣсколько времени мою надежду, которая, я знаю вѣрно, не менѣе заботить и тебя, какъ твоя собственная. Вѣдь если я поймаюсь на этомъ вопросѣ, я тотчасъ же перейду на твою сторону, и мы покончимъ споръ. Наконецъ, устранивъ это какое-то безпокойство, замѣчаемое мною въ тебѣ, внимай внимательнѣе, чтобы тебѣ легче понимать, какого отвѣта я жду отъ тебя. Ты сказалъ, что ты не утверждаешь и не отрицаешь (что всячески слѣдовало сдѣлать на предлагаемый мною вопросъ) для того, чтобы не сказать необдуманно, что знаешь, когда на дѣлѣ не знаешь; какъ будто я спрашивалъ о томъ, что ты знаешь а не о томъ, какъ тебѣ кажется. Итакъ спрашиваю тебя на этотъ разъ яснѣе (если только можно говорить яснѣе): Кажется ли тебѣ, что мудрый знаетъ мудрость, или не кажется? — Если можетъ, отвѣчалъ онъ, найтись такой мудрый, какого представляеть разумъ, то мнѣ можетъ казаться, что онъ знаетъ мудрость. — Итакъ разумъ, говорю я, представляеть тебѣ, что есть такой мудрый, которому не безызвѣстна мудрость; и это вѣрно. Ибо иначе оно и не могло тебѣ казаться.

Но теперь я спрошю: можетъ ли найтись мудрый? Если можетъ, то онъ можетъ и знать мудрость, и тогда всякій споръ между нами рѣшенъ. Если же ты скажешь, что не можетъ, — вопросъ будетъ уже не о томъ, знаетъ ли что мудрый, а о томъ, можетъ ли кто либо быть мудрымъ. Установивъ это, нужно уже будетъ оставить Академиковъ, и насколько доставитъ силъ, рассмотреть этотъ вопросъ прилежно и внимательно вмѣстѣ съ тобою. Ибо для нихъ было дѣломъ рѣши-

нымъ, или лучше—имъ казалось, что человѣкъ можетъ быть мудрымъ, но въ тоже время—что знаніе не можетъ быть удѣломъ человѣка. Почему они и утверждали, что мудрый ничего не знаетъ. Тебѣ же кажется, что онъ знаетъ мудрость; что во всякомъ случаѣ не то, что ничего не знаетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ между нами, какъ и между всѣми древними и между самими Академиками, рѣшено, что ложнаго никто не можетъ знать. Поэтому тебѣ остается или доказывать, что мудрость ничто, или признать, что Академики представляютъ такого мудраго, какого разумъ не допускаетъ.

ГЛАВА V.

Отнимается у Академиковъ мнимое средство защиты.

Итакъ оставивъ ихъ, согласись изслѣдовать со мною, можетъ ли человѣкъ достигнуть такой мудрости, о какой говорить разумъ. Ибо не другую мы должны и можемъ называть поистинѣ мудростію.—Но если я, отвѣчалъ онъ, и сдѣлаю уступку, которой ты съ такимъ великимъ стараніемъ добиваешься, что мудрый знаетъ мудрость, и что мы умственно уловили это нѣчто, что мудрый можетъ воспріять; все же мнѣ представляется, что общая посылка (*силлогизма*) Академиковъ въ цѣломъ ея видѣ не опровергнута. На мой взглядъ имъ оставлено еще мѣсто для защиты, не устранено извѣстное колебаніе въ довѣріи, такъ что они могутъ находить защиту своему мнѣнію въ томъ самомъ, чѣмъ ты считаешь ихъ побѣжденными. Они точно также будутъ говорить о невозможности познанія, и о томъ, что ничему не должно довѣрять; такъ что и положеніе это о невозможности воспріять что либо, въ которомъ они до тебя убѣждали себя съ вѣроятностію опытомъ цѣлой почти жизни и которое теперь исторгнуто у нихъ онымъ умозаключеніемъ (тогда или теперь, по тупости ли ума моего или

по своему дѣйствительному вѣсу сила этого аргумента непобѣдима), не можеть заставить ихъ отступить отъ своего мнѣнія, такъ какъ они имѣють еще основаніе утверждать что и при этомъ не слѣдуетъ соглашаться ни съ чѣмъ. Ибо можеть случиться, что когда нибудь они или кто либо другой могутъ найти и противъ этого нѣчто, что будетъ сказано остроумно и съ вѣроятностію; и что образъ и какъ бы нѣкое отраженіе этого слѣдуетъ усматривать въ извѣстномъ Протеѣ, о которомъ рассказывается, что онъ обыкновенно ловился, когда его вовсе не ловили, а искавшіе его никогда не могли его найти, развѣ только по какому либо указанію божественному. Если такое указаніе будетъ и удостоить открыть намъ эту истину, составляющую предметъ столькихъ стараній, то и я, даже и противъ ихъ воли, чего однакоже не предполагаю, признаю ихъ побѣжденными.

— Дѣло идетъ такъ хорошо, говорю я, что лучшаго я и не желалъ. Ибо, прошу обратить вниманіе, сколько и въ какомъ родѣ высказано полезнаго для меня. Во первыхъ, Академики представляются уже до такой степени побѣжденными, что имъ не остается другаго средства къ защитѣ, кромѣ таковаго, которое невозможно. Ибо кто въ состояніи какимъ либо образомъ понять или повѣрить, что побѣжденный, на основаніи того самаго, чѣмъ побѣжденъ, станетъ выставлять себя побѣдителемъ? За тѣмъ, если у насъ и остается еще нѣкоторый предметъ спора съ ними, то онъ не въ томъ, что они говорятъ, будто нельзя ничего знать, а въ томъ, что они утверждаютъ, будто ничему не слѣдуетъ довѣрять. Итакъ мы пришли теперь къ соглашенію. Ибо какъ мнѣ, такъ и имъ кажется, что мудрый знаетъ мудрость. Они совѣтуютъ только удерживаться отъ довѣрія. Ибо говорятъ, что имъ только кажется; но знать,—какъ говорю я о себѣ, что знаю,—они ни коимъ образомъ не знаютъ. Говорю и я, что мнѣ то или другое кажется, потому что я

глупъ, какъ и они, если не знаютъ мудрости. Но все же я думаю, что мы должны утверждать нѣчто, т. е. истину. Спрашиваю я ихъ, отрицаютъ ли они это, т. е. полагаютъ ли они, что истинѣ не слѣдуетъ довѣрять. Они этого не говорятъ никогда, а стоять на своемъ, что ее нельзя найти. Итакъ они имѣютъ и въ данномъ случаѣ во мнѣ отчасти союзника себѣ, потому что и я и они не отвергаемъ, а слѣдовательно по необходимости полагаемъ, что съ истиною слѣдуетъ соглашаться. По кто, говорить, докажетъ ее? На этотъ разъ я не стану съ ними спорить. Для меня достаточно уже много, что невѣроятно, чтобы мудрый ничего не зналъ, дабы не принудить ихъ утверждать безмыслицу въ родѣ той, что мудрость есть ничто, или что мудрый не знаетъ мудрости.

ГЛАВА VI.

Безъ помощи божественной невозможно воспріятіе истины.

Ты сказалъ, Алипій, кто можетъ показать истину; и я постараюсь всячески быть въ этомъ согласнымъ съ тобою. Только нѣкоторая божественная сила, говорилъ ты, можетъ показать человѣку, что истинно; это и коротко, и вмѣстѣ благочестиво. Въ этой рѣчи нашей я ничего не выслушалъ болѣе пріятнаго, болѣе серіознаго, болѣе вѣроятнаго, и если этому, какъ вѣрю я, присуща сила божественная,—болѣе истиннаго. Да и въ самомъ воспоминаніи твоёмъ о Протейѣ, какая возвышенность ума, какое стремленіе къ высочайшему роду философіи! Протей этотъ (замѣтьте юноши, что философія не вовсе считаетъ презрѣнными поэтовъ) выставляется за образъ истины. Въ стихахъ, говорю. Протей показывасть и представляетъ собою олицетвореніе истины, которую никто не можетъ овладѣть, если, обольстившись ложными образами, ослабить или выпустить изъ рукъ сѣти по-

знанія. Ложные же образы суть тѣ, которые по условіямъ тѣлесной жизни посредствомъ тѣхъ чувствъ, которыми мы пользуемся для необходимостей этой жизни, вводятъ насъ въ обольщеніе и обманъ въ ту пору, когда истина достигнута и какъ бы находится уже въ рукахъ. Это третье изъ того, что высказано полезнаго для меня, и чему я не нахожу цѣны. Ибо мой искреннѣйшій другъ согласенъ со мною не только въ вѣроятномъ человѣческой жизни, но и въ самой религіи; а это яснѣйшій признакъ истиннаго друга. Ибо по самому точному и святому опредѣленію, дружба есть благосклонное и любовное согласіе въ вещахъ человѣческихъ и божественныхъ.

ГЛАВА VII.

Августинъ, по совѣту Алипія, держитъ далье непрерывную рѣчь противъ Академикозъ.

Впрочемъ, чтобы аргументы Академикозъ не казались распространяющими нѣкотораго тумана, или чтобы инымъ не показалось, что мы гордо возстаемъ противъ авторитета ученѣйшихъ мужей, между которыми особенно не можетъ не быть близкимъ нашему сердцу Тулліемъ (*Цицеронъ*), я прежде, если вамъ угодно, вступлю въ короткое разсужденіе противъ тѣхъ, кому вышеприведенные выводы кажутся противными истинѣ. Затѣмъ, согласно своему мнѣнію, я покажу, какая была у Академикозъ причина скрывать свое воззрѣніе. Итакъ, Алипіи, хотя я и вижу тебя всецѣло стоящимъ на моей сторонѣ, прими на время сторону ихъ. и отвѣчай мнѣ.—Такъ какъ ты сегодня, отвѣчалъ онъ, выступилъ, какъ говорится, при добрыхъ предзнаменованіяхъ; то я не стану мѣшать твоей полнѣйшей побѣдѣ, и попытаюсь по твоему требованію принять эту сторону съ большимъ уже спокойствіемъ; если впрочемъ то, что полагаешь дѣлать посредствомъ вопросовъ, ты обратишь, смотря по

удобству, въ рѣчь непрерывную, чтобы этими маленькими стрѣлами меня, твоего уже плѣнника, не терзать какъ дѣйствительнаго упорнаго противника, что совершенно несогласно и съ твоимъ челоуѣколюбіемъ.

— Замѣтивъ, что и другіе ожидали этого, я, какъ бы дѣлая новое вступленіе, сказалъ: уступаю вашему желанію. И хотя послѣ извѣстнаго труда по школѣ реторической я предполагалъ найти нѣкоторое отдохновеніе въ этомъ легкомъ упражненіи, разъясняя дѣло болѣе вопросами, чѣмъ рѣчью: однако, принимая во вниманіе съ одной стороны, что насъ очень не много, и потому мнѣ нѣтъ необходимости говорить особенно громко со вредомъ для моего здоровья, а съ другой—что въ этомъ стилѣ ради того же здоровья я рѣшилъ имѣть своего рода возницу и сдерживателя для своей рѣчи, чтобы не приходило въ болѣе возбужденное душевное состояніе, чѣмъ сколько того требуетъ попеченіе о тѣлѣ, я изложу, согласно вашему желанію, въ непрерывной рѣчи то, что думаю. Но прежде всего рассмотримъ одно обстоятельство, которымъ любители Академикова имѣютъ обыкновеніе особенно хвалиться. Въ книгахъ Цицерона, писанныхъ въ защиту этого ученія, есть одно мѣсто, изложенное на мой взглядъ съ удивительнымъ остроуміемъ, а на взглядъ другихъ—съ особою силою. Дѣйствительно, трудно предположить, чтобы кого либо не заинтересовало сказанное тамъ, а именно, что мудрому Академику всѣ, кажушіеся самимъ себѣ мудрыми, послѣдователи другихъ сектъ отводятъ второе мѣсто, усвоивъ первое естественно каждый самому себѣ. Изъ чего съ вѣроятностію можно заключать, что тотъ справедливо по собственному суду своему будетъ первымъ, кто по суду всѣхъ остальныхъ есть второй.

Представь себѣ для примѣра, что является на лицо мудрый Стоикъ (ибо противъ нихъ по преимуществу направлено остроуміе Академикова). И вотъ если Зенона или Хри-

зиппа спросить, кто мудрый,—онъ отвѣтитъ, что мудрый тотъ, кого опишетъ онъ. Напротивъ того Епикуръ или другой кто либо изъ противоположной секты станетъ отрицать это и будетъ настаивать, что мудрый—это искуснѣйшій ловецъ наслажденій. Доходить дѣло до спора. Зенонъ кричить, и весь такъ называемый портикъ поднимаетъ тревогу, что человѣкъ рожденъ ни для чего другаго, какъ только для честности, что она влечетъ къ себѣ души своимъ собственнымъ блескомъ, безъ всякаго обѣщанія какихъ либо внѣшнихъ выгодъ и безъ приманки награды; а такъ называемое удовольствіе Епикура обще-де однимъ скотамъ, и втягивать въ общеніе съ ними человѣка преступно. А этотъ напротивъ, созвавъ изъ садовъ на помощь себѣ какъ бы вольную толпу людей пьяныхъ, будто подъ вліяніемъ вина ищущихъ кого бы растерзать неопрытными ногтями и грубымъ языкомъ, выставляя въ слухъ народа преимущественное значеніе наслажденія, пріятности, покоя, съ силою настаиваетъ, что безъ нихъ никто не можетъ быть блаженнымъ. На споръ ихъ случайно приходитъ Академикъ, выслушиваетъ обоихъ, изъ коихъ каждый тянетъ его на свою сторону. Согласись онъ съ тою или другою стороною, сторона оставленная имъ провозгласитъ его сумасшедшимъ, невѣжественнымъ и безразсуднымъ. Но онъ внимательно выслушаетъ и ту, и другую, и когда спросятъ его, какъ это ему кажется, отвѣтитъ, что онъ сомнѣвается. Спроси послѣ этого Стоику: кто лучше, Епикуръ ли, который провозглашаетъ его помѣшаннымъ, или Академикъ, который заявляетъ, что о такомъ важномъ предметѣ ему нужно еще подумать? Нѣтъ сомнѣнія, что Академикъ будетъ поставленъ выше. Обратись затѣмъ къ другому и спроси, кого онъ больше любитъ, Зенона ли, который называетъ его животнымъ, или Архезилая, отъ котораго слышитъ: «Ты, можетъ быть, и правду говоришь, но я изслѣдую это внимательно». Не очевидно ли,

что Епикуръ признаеть весь такъ называемый портикъ безумнымъ, а Академиковъ сравнительно съ ними людьми скромными и осмотрительными? Въ такомъ родѣ съ особою полнотою представляетъ Цицеронъ читателямъ забавнѣйшее зрѣлище, относительно всѣхъ себѣ, какъ бы показывая, что нѣтъ въ нихъ никого, кто, усвоивъ себѣ, какъ и естественно, первое мѣсто, не отводилъ бы втораго тому, кого усматриваетъ не отвергающимъ, а только сомнѣвающимся. Въ этомъ случаѣ я не противорѣчу и не отнимаю у нихъ никакой славы. Но нѣкоторымъ справедливо кажется, что Цицеронъ здѣсь не шутилъ, а хотѣлъ собрать и представить въ одномъ очеркѣ нѣкоторыя проявленія безсмыслицы и пустоты, чуждыя ¹⁾ легкомыслию самихъ грековъ.

ГЛАВА VIII.

Опровергается приведенное изъ Цицерона мѣсто.

Дѣйствительно, если бы я пожелалъ противостать этому хвастовству, мнѣ ничто не мѣшаетъ показать съ несомнѣнною ясностію, что гораздо меньшее зло быть неученымъ, чѣмъ неспособнымъ чему нибудь научиться. Вѣдь если бы этотъ хвастливый Академикъ явился бы къ каждому въ качествѣ ученика и никто не былъ бы въ состояніи убѣдить его въ томъ, въ чемъ считаетъ себя знающимъ,—онъ былъ бы потомъ осмѣянъ ими съ полнымъ единодушіемъ. Ибо каждый изъ нихъ придетъ къ заключенію, что того или другаго изъ противниковъ своихъ онъ не могъ ничему научить, а этотъ ничему не могъ научиться. Поэтому въ концѣ всего его выгнали бы изъ всѣхъ школъ не розгами, что было бы болѣе некрасиво, чѣмъ больно, а дубинами и палками извѣстныхъ греческихъ ученыхъ. Ибо не велика трудность противъ об-

¹⁾ По нѣкоторымъ изданіямъ—*нечуждыя*.

щей язвы обратиться къ помощи своего рода геркулесовскихъ орудій циниковъ. А если бы вздумалось спорить съ ними изъ-за этой ничтожнѣйшей славы, что мнѣ хотя и философствующему, но еще не мудрому, весьма извинительно, — что могутъ они найти такого, что въ состоянїи опровергнуть? Представимъ себѣ, что я и Академикъ попали на описанные споры философовъ; всѣ они при томъ на лицо. Всѣ, смотря по обстоятельствамъ, излагаютъ кратко свои мнѣнія. Спрашиваютъ у Карнеада, какъ думаетъ онъ. Этотъ отвѣчаетъ, что онъ сомнѣвается. Въ силу этого каждый изъ нихъ поставилъ его выше остальныхъ. А слѣдовательно и всѣ—выше всѣхъ. Слава дѣйствительно великая и высокая. Кто не захотѣлъ бы подражать ему? Поэтому, когда и меня спросятъ, я отвѣчу тоже. Похвала будетъ равная. Итакъ мудрый утѣшается такою славой, въ которой равняется съ нимъ глупый? А что если глупый даже и превзойдетъ его? Не будетъ ли стыдно? Я остановлю на примѣръ этого Академика, когда онъ уже будетъ выходить изъ суда. Вѣдь глупость болѣе жадна къ славѣ этого рода. Итакъ, задержавъ его, я открою судьямъ то, чего они не знаютъ. Я скажу имъ: почтенные мужи, я имѣю съ нимъ то общее, что оба сомнѣваемся, кто изъ васъ держится истины. Но мы имѣемъ и свои особыя мнѣнія, на счетъ которыхъ я прошу вашего суда. Хотя мнѣ, когда я слышу ваши главныя положенія, и неизвѣстно, на чьей сторонѣ истина; но это потому, что я не знаю, кто изъ васъ мудръ. А этотъ не допускаетъ, чтобы и мудрый что либо зналъ, не исключая и самой мудрости, отъ которой носить названіе мудраго. Кому не ясно, чьею будетъ вышесказанная пальма? Если противникъ мой подтвердитъ это, я превзойду его славою. А если, изъ-за стыда, признаетъ, что мудрый знаетъ мудрость, я одержу надъ нимъ побѣду образомъ мыслей.

ГЛАВА ІХ.

Разбирается опредѣленіе Зенона.

Но удалимся изъ этого спорливаго трибунала въ какое нибудь мѣсто, гдѣ насъ не беспокоила бы никакая толпа, и о если бы—въ ту школу Платона, которая, говорятъ, отъ того получила и свое имя, что была для народа недоступна! Здѣсь, насколько это будетъ по силамъ нашимъ, поговоримъ между собою уже не о славѣ, что легкомысленно и прилично дѣтямъ, а о самой жизни и о нѣкоторой надеждѣ душевнаго блаженства. Академики отрицаютъ возможность знать что либо. Откуда у васъ такое заключеніе, люди преданнѣйшіе наукѣ и ученѣйшіе?—Насъ поколебало, говорятъ они, опредѣленіе Зенона.—Отъ чего такъ, спрашиваю? Вѣдь если оно истинно,—то зналъ нѣчто истинное тотъ, кто по крайней мѣрѣ зналъ его. А если оно ложно,—оно не должно было колебать людей постояннѣйшихъ. Но посмотримъ, что говоритъ Зенонъ. Ему кажется, что можетъ быть познаваемо и воспріемлемо такое, что не имѣло бы признаковъ общихъ съ ложнымъ. Это ли побудило тебя, человѣкъ школы Платоновой, отнимать всѣми силами у желающихъ учиться надежду научиться, чтобы при помощи нѣкоторой, достойной плача, умственной оцѣпенѣлости они оставили всякое занятіе философією?

— Но какъ-де оно и не побудило бы его, если онъ ничего такого найти не можетъ, а между тѣмъ можетъ воспріять только такое?—Но если это такъ, то слѣдовало лучше сказать, что мудрость недоступна человѣку, чѣмъ говорить, что мудрый не знаетъ, для чего живетъ,—не знаетъ, какимъ образомъ живетъ,—не знаетъ, живетъ ли, и наконецъ—превратище, безтолковѣе и глупѣе чего нельзя придумать—что онъ въ одно и тоже время и мудръ, и не знаетъ мудрости. Не тверже ли положеніе, что человѣкъ не можетъ быть муд-

рымъ, чѣмъ—мудрый не знаетъ мудрости? Не о чемъ будетъ и спорить, если дѣло поставлено такъ, что разсужденій не требуетъ.—Но если такъ будетъ сказано, люди-де могутъ совершенно бросить философію; а теперь они должны быть вводимы въ заблужденіе пріятнѣйшимъ и святѣйшимъ именованіемъ мудрости.—Но для чего?—Чтобы, утративъ годы жизни и ничему не научившись, осыпаться потомъ страшными проклятіями тебя, послѣдовавъ которому они лишились, какихъ бы тамъ ни было, удовольствій тѣлесныхъ, а приобрѣли терзанія душевныя.

Но на самомъ дѣлѣ, кто болѣе отвратитъ людей отъ философіи?—Тотъ ли, кто скажетъ: послушай другъ мой, философіею называется не самая мудрость, а любовь къ мудрости; если ты къ ней обратишься, то хотя и не будешь мудрымъ, пока живешь (ибо мудрость у Бога, и человѣку доступна быть не можетъ), однако если достаточно утвердишь себя въ любви къ ней и очистишь себя, то духъ твой послѣ этой жизни, т. е. когда перестанешь быть человѣкомъ, несомнѣнно будетъ владѣть ею?—Или тотъ, кто сказалъ бы: Обратитесь смертные къ философіи; въ ней великая польза. Ибо что дороже для человѣка мудрости? Обратитесь къ ней, чтобы быть мудрыми, но мудрости, впрочемъ, вы не узнаете...—Я такъ не сказалъ бы, говорить онъ.—Но это значитъ—обманывать; потому что у тебя содержится именно это, а не другое что. Поэтому, если ты скажешь такъ, они удалятся отъ тебя, какъ отъ безумнаго; а если другимъ образомъ приведешь ихъ къ тому же, сдѣлаешь ихъ безумными. Но допустимъ, что въ силу того и другаго мнѣнія люди одинаково не захотятъ философствовать. Пусть опредѣленіе Зенона вынуждаетъ сказать нѣчто вредное для философіи. Что слѣдуетъ, любезный мой, сказать человѣку,—то ли, что заставить его горевать о себѣ, или то, что заставить посмѣяться надъ тобою?

Впрочемъ, насколько при своей глупости можемъ, разберемъ опредѣленіе Зенона. Онъ говоритъ, что можно уловить знаніемъ тотъ образъ, который является такъ, какъ образъ ложный явиться не можетъ. Очевидно, что ничто другое не можетъ подлежать и воспріятію.—И я такъ же смотрю на дѣло, говоритъ Архезилай, и на этомъ основаніи учу, что ничего нельзя воспріять. Потому что ничего такого открыть нельзя.—Можетъ быть и нельзя это тебѣ и другимъ глупымъ. Но почему бы это нельзя мудрому? Впрочемъ я полагаю, что ты не могъ бы отвѣтить ничего и самому глупому, если онъ скажетъ тебѣ, чтобы ты съ своимъ замѣчательнымъ остроуміемъ опровергъ это самое опредѣленіе Зенона; если ты не будешь въ состояніи этого сдѣлать, то само же оно для тебя и есть предметъ воспріятія; а если опровергнешь, то не будетъ для тебя основанія не допускать воспріятія. Я не вижу возможности опровергнуть его, и потому считаю вполне истиннымъ. Слѣдовательно, зная его, я, хотя и глупъ, нѣчто знаю. Но пусть оно подается передъ изворотливостію ума твоего. Я употреблю въ дѣло самую надежную дилемму. Опредѣленіе это или истинно, или ложно. Если оно истинно, то я справедливо держусь его; а если ложно, то можетъ подлежать воспріятію нѣчто, хотя бы имѣло признаки общіе съ ложнымъ.—Откуда, скажетъ онъ, можетъ?—Въ такомъ случаѣ Зенонъ опредѣлилъ совершенно истинно, и всякій, кто съ нимъ согласился по крайней мѣрѣ въ этомъ, не впалъ въ заблужденіе. Развѣ это недостаточный признакъ достоинства и точности опредѣленія, если оно, вопреки имѣвшимъ многое возражать противъ воспріятія, обозначая, каково то, что можетъ подлежать воспріятію, показываетъ такимъ себя же само? Поэтому оно служить и опредѣленіемъ предметовъ познаваемыхъ, и образчикомъ такихъ предмстовъ.—Но, отвѣчаетъ онъ, истинно ли и оно само, я не знаю. Но поелику оно вѣроятно, то слѣдуя ему

я показываю, что такого нѣтъ ничего, каго, по его выраженію, можетъ подлежать познанію.—Показываешь скорѣе вопреки ему, и видишь самъ, что изъ этого слѣдуетъ. Ибо если мы находимся и въ сомнѣніи относительно его, и въ такомъ случаѣ знаніе не оставляетъ насъ! Мы знаемъ по крайней мѣрѣ, что оно или истинно, или ложно; слѣдовательно не вовсе ничего не знаемъ. Хотя меня лично никакою выводъ не заставитъ быть неблагодарнымъ, и я считаю это опредѣленіе совершенно истиннымъ. Ибо въ противномъ случаѣ они могутъ воспріять и ложное; а этого сильно боятся Академики. Или не могутъ воспріять и того, что похоже на ложное; слѣдовательно опредѣленіе то истинно. Но обратимся уже къ дальнѣйшему.

ГЛАВА X.

Два положенія Академикозъ. Противъ положенія, что ничего нельзя воспріять.

Хотя этого, если не ошибаюсь, можетъ быть достаточно для побѣды,—будетъ пожалуй мало для пресыщенія побѣдою. Два положенія высказываются Академиками, и противъ нихъ-то мы рѣшились выступить, насколько будемъ въ состояніи. Это — что *ничего нельзя воспріять*, и что *ничему не слѣдуетъ довѣрять*. О довѣри послѣ; теперь же скажемъ о воспріятіи. Не утверждаете ли вы, что все ничего нельзя познать?—На этомъ вопросѣ проснулся Карнеадъ (ибо никто изъ нихъ не уснулъ менѣе глубокимъ сномъ, чѣмъ онъ) и оглянулъ очевидность вещей. И вотъ я представляю его, какъ это бываетъ, говорящимъ съ самимъ собою: Неужели ты, Карнеадъ, говоритъ онъ, станешь утверждать, что не знаешь, человекъ ли ты, или муравей? Вѣдь надъ тобою пожалуй восторжествуетъ Хризиппъ? Скажемъ, что мы не знаемъ того, надъ изысканіемъ чего тр-

дятся философы, а прочее-де до насъ не касается. Это для того, чтобы я, если зашнуь при свѣтѣ обыденномъ и представляющемъ собою общее достояніе, могъ апеллировать къ тому невѣжественному мраку, въ которомъ видать что нибудь развѣ только очи божественныя; а кто и разглядѣлъ бы, что я споткнулся и упалъ, тотъ не въ состояніи будетъ выдать меня слѣпымъ, а особенно относящимся (*къ философіи*) презрительно, которымъ и сказать о томъ будетъ стыдно.—О греческая промысловатость! Выступаешь ты великолѣпно, подпоясанная, снаряженная, но упускаешь изъ виду, что опредѣленіе это есть открытіе философа, что оно поставлено и утверждено въ самомъ преддверіи философіи. Если попытаешься ты подрубить его,—обоюду—острая сѣкира, отскочивъ, ударить въ голени: потому что, какъ скоро оно поколеблено, не только можетъ подлежать воспріятію нѣчто, но можетъ подлежать и то, что весьма похоже на ложь; если же не осмѣлишься его ниспровергнуть, въ виду того, что оно служить для тебя норою, изъ которой ты бѣшено выскакиваешь и набрасываешься на неосторожныхъ прохожихъ: то какой нибудь Геркулесъ задушить тебя, какъ получеловѣка Какуса, въ твоей пещерѣ и ея же массою прикроетъ тебя въ назиданіе, что есть въ философіи нѣчто, что, какъ подобное ложному, не могло быть тебѣ неизвѣстнымъ. Впрочемъ, поспѣшу перейти къ остальному. Побуждающій меня къ этому наносить тебѣ лично, Карнеадъ, великое оскорбленіе; потому что думаетъ, что я одержу надъ тобою, какъ мертвымъ, побѣду, съ какой бы стороны и на что бы ни напалъ. Если же этого не думаетъ, то онъ безжалостенъ, принуждая меня выступить изъ укрѣпленій и сражаться съ тобою въ открытомъ полѣ; потому что начавъ было выходить изъ нихъ, я попятился назадъ, уstraшенный однимъ твоимъ именемъ, и сколько съ возвышеннаго мѣста бросилъ въ тебя стрѣль, не знаю. Тѣ, подъ наблюденіемъ которыхъ

мы сражались, видѣли, достигли ли онѣ до тебя и что онѣ сдѣлали. Но чего боюсь я, нелѣпый? Если память мнѣ не измѣняется, ты умерь, и могилу твою уже не по праву от-стаиваетъ Алипій; противъ тѣни же твоей Богъ легко мнѣ поможетъ.

Ты говоришь, что въ области философіи ничто не можетъ подлежать воспріятію. А чтобы дать своей рѣчи болѣе широкое развитіе, ты хватаешься за споры и разногласія философовъ, и думаешь, что эти разногласія даютъ тебѣ оружіе противъ нихъ. Дѣйствительно, какъ разберемъ мы споръ между Демокритомъ и бывшими до него фѣзиками о единомъ и безчисленныхъ мірахъ, когда между нимъ самимъ и его наслѣдникомъ Епикуромъ согласіе удержаться не могло? Ибо этотъ любитель роскоши, дозволившій атомамъ, какъ бы молодымъ служанкамъ (т. е. маленькимъ тѣламъ, которыя онъ съ услажденіемъ ловилъ во мракѣ), не держаться своего пути, а уклоняться туда и сюда на чужую дорогу произвольно, расточилъ черезъ тяжбы все родовое имущество. Но это меня нисколько не касается. Ибо если знаніе чего либо въ этомъ родѣ относится къ мудрости, это отъ мудраго укрыться не можетъ. А если мудрость есть иное нѣчто, то мудрый ее знаетъ, а то презираетъ. Впрочемъ я, хотя и далекъ еще отъ сосѣдства съ мудрымъ, кое-что знаю и въ этихъ физическихъ предметахъ. Такъ я знаю навѣрное, что міръ или одинъ, или не одинъ; а если не одинъ, то число міровъ или опредѣленное, или безконечное. Пусть Карнеидъ покажетъ, что это положеніе похоже на ложное. Равнымъ образомъ я знаю, что этотъ нашъ міръ получилъ такое устройство или въ силу природы тѣль, или по волѣ нѣкагого провидѣнія, и что онъ или былъ и будетъ всегда, или, начавъ свое существованіе, быть не перестанетъ, или, не имѣя во времени начала, будетъ имѣть въ немъ конецъ, или какъ началъ свое существованіе, такъ и не навсегда

пребудеть; и такого рода физических свѣдѣній я имѣю безчисленное множество. Этого рода истины представляются совершенно раздѣльно, и никто не можетъ смѣшать ихъ по какому либо сходству съ ложью.—Но ты прими изъ сказаннаго что нибудь опредѣленное, говорить Академикъ. — Не хочу. Потому что это значитъ: брось то, что знаешь; а говори то, чего не знаешь.—Но сужденіе колеблется.—Дѣйствительно, оно скорѣе колеблется, чѣмъ падаетъ: потому что поставлено ясно, и можетъ быть названо или ложнымъ, или истиннымъ. Я утверждаю, что знаю его. А ты, который не отрицаешь, что предметы этого рода относятся къ философіи и въ тоже время утверждаешь, что ничего изъ этого нельзя знать, докажи, что я этого не знаю: скажи, что эти раздѣленія ложны или что имѣютъ что либо общее съ ложью, чрезъ что вовсе не могутъ быть различаемы.

ГЛАВА XI.

Изъ слабости чувствъ не слѣдуетъ, чтобы ничто истинное не могло быть воспріемлемо; тоже и относительно сна и умопомышательства.

— Откуда, говорить онъ, ты знаешь, что этотъ міръ существуетъ, если чувства обманываются?—Ваши доказательства никогда не могли до такой степени подорвать значеніе чувствъ, чтобы вы убѣдили насъ, что мы ничего не видимъ. Да вы рѣшительно никогда и не осмѣливались на попытки этого рода, а съ особымъ усиліемъ старались убѣдить, что это можетъ быть иначе, чѣмъ какъ кажется. Итакъ, это все, каково оно ни есть, что насъ содержитъ, что насъ питаетъ, все это, говорю, что является моимъ глазамъ, что—чувствуется мнѣ—имѣетъ землю и небо, или какъ бы землю и какъ бы небо, я называю міромъ, Если ты говоришь: Мнѣ ничего не видится,—я въ заблужденіи не буду. Ибо въ

заблужденіи находится тотъ, кто составляетъ неосновательное сужденіе о томъ, что ему кажется. Но вы говорите, что чувствующіе могутъ видѣть ложное, а не утверждаете, что они ничего не видятъ. Вся область состязаній, въ которой вамъ угодно господствовать, совершенно уничтожилась бы, еслибы мы не только ничего не знали, но и ничего намъ не казалось. Если же ты отрицаешь, что кажущееся мнѣ есть міръ, то дѣлаешь предметомъ спора имя, такъ какъ я называю это міромъ.

— Неужели, говоришь ты, міръ будетъ и тотъ, который ты видишь, когда спишь?—Сказано уже, что я называю міромъ все, что такимъ мнѣ кажется. Но если тебѣ угодно называть міромъ только тотъ, который видятъ бодрствующіе и даже здоровые, то докажи, если можешь, что спящіе или помѣшанные сходятъ съ ума и спятъ не въ мірѣ. Въ этомъ смыслѣ я и говорю, что вся эта масса тѣлъ и машина, въ которой мы существуемъ, сонные ли то или сумасшедшіе, бодрствующіе или здоровые, или одна, или не одна. Разъясни, какимъ образомъ это положеніе можетъ быть ложнымъ. Если я сплю, можетъ случиться, что я ничего не скажу; или если изъ устъ спящаго, какъ бываетъ обыкновенно, и вылетятъ слова, можетъ случиться, что я скажу не здѣсь, не такъ сидя, не въ слухъ этихъ людей; но чтобы это было ложно, быть не можетъ. Поэтому я и не говорю, чтобы воспріялъ это потому, что бодрствую. Ты можешь сказать, что это могло казаться мнѣ и сонному; и потому это можетъ быть весьма похоже на ложное. Но если міровъ одинъ и шесть, то въ какомъ бы я состояніи ни находился, міровъ, очевидно, семь, и я не безстыдно утверждаю, что знаю это. Докажи мнѣ, что это заключеніе или вышеприведенныя логическія положенія въ силу сна, или безумія, или обманчивости чувствъ могутъ быть ложны; тогда, если по пробужденіи вспомню ихъ, я признаю себя побѣжденнымъ. Я

считаю уже достаточно разъясненнымъ то, что можетъ казаться ложнымъ въ силу сна или безумія; это то, что относится къ чувствамъ тѣлеснымъ. Ибо что трижды три есть девять, и представляетъ собою непремѣнный квадратъ отвлеченныхъ чиселъ, будетъ вѣрно и въ ту пору, когда родъ человѣческій погрузится въ глубокой сонъ. Хотя и о самыхъ чувствахъ я нахожу возможнымъ сказать многое, что оказывается не опровергнутымъ Академиками. Ибо я не думаю, чтобы чувства были виноваты въ томъ, что безумные получаютъ ложныя представленія, или что мы видимъ ложное во снѣ. Если они бодрствующимъ и здоровымъ передаютъ истинное, то что бы ни измышляла для себя душа спящаго и безумствующаго, до нихъ не касается.

Остается изслѣдовать, истину ли они передаютъ, когда дѣйствительно они передаютъ. Представь, что какой нибудь Епикурецъ скажетъ: Я не имѣю ничего, за что сталъ бы обвинять чувства. Ибо несправедливо требовать отъ нихъ больше, чѣмъ сколько они дать могутъ; насколько же могутъ видѣть глаза, они видятъ истину.—Такъ неужели истинно то, что они видятъ относительно весла въ водѣ?—Совершенно истинно. Ибо если прилучилась причина, почему это такъ должно казаться, то я скорѣе сталъ бы упрекать свои глаза за ложное извѣщеніе въ этомъ случаѣ, если бы погруженное въ воду весло представлялось прямымъ. Ибо тогда они не видѣли бы того, что при существованіи такихъ причинъ слѣдовало видѣть.—Есть ли нужда въ чемъ большемъ? Тоже можетъ быть сказано о движеніи высокихъ башенъ, то же о крылышкахъ птицъ, то же объ остальномъ безчисленномъ.— Но я все же обманываюсь, если довѣряю, скажетъ кто нибудь.— Не довѣрай болѣе, чѣмъ сколько нужно, чтобы убѣдить себя, что это такъ тебѣ кажется, и никакого обольщенія не будетъ. Я не вижу, какъ Академикъ опровергнетъ того, кто говоритъ: Я знаю, что это мнѣ кажется бѣлымъ;

знаю, что это услаждаетъ мой слухъ; знаю, что это для меня пріятно пахнетъ; знаю, что это сладко на мой вкусъ; знаю, что это для меня холодно. — Скажи-ка лучше, сами ли по себѣ горьки листья дикой маслины, къ которымъ такъ упрямо тянется козель? — О наглость человѣческая! не скромнѣе ли тебя и самый козель? Каковы они для скота, я не знаю; но для меня они горьки. Чего же ты добиваешься большаго? — Но можетъ быть есть и изъ людей кто нибудь, кому они не горьки. — Не спрашиваешься ли ты на непріятность? Развѣ я сказалъ, что они горьки для всѣхъ; я сказалъ, что они горьки для меня, и это утверждено не безусловно. Ибо при измѣнившихся условіяхъ то, что теперь сладко, можетъ почувствоваться во рту горькимъ. Я утверждаю то, что человѣкъ, когда что либо вкушаетъ, можетъ добросовѣстно поклясться, что онъ знаетъ, что то пріятно или не пріятно для его нѣба, и что никакая греческая каверза не отвлечетъ его отъ этого знанія. Кто будетъ такъ безстыденъ, что скажетъ мнѣ, хотя я для своего удовольствія дозволю себѣ какую либо роскошь. Вѣдь можетъ быть ты не кушаешь, а это сонъ? Остановлюсь ли я? Пусть это по крайней мѣрѣ доставитъ мнѣ удовольствіе во снѣ. Поэтому того, о чемъ я сказалъ, что знаю, не спутаетъ никакое подобіе ложнаго. И Еникуръ, и Киренаики можетъ быть говорятъ и многое другое въ пользу чувствъ, противъ чего, какъ мнѣ извѣстно, Академики ничего не сказали. Но что изъ того? Если хотятъ, и если могутъ, пусть опровергають даже и съ моею помощію. Что ни говорятъ они противъ чувствъ, это не имѣетъ силы противъ всѣхъ философовъ. Есть между ними такіе, которые признають, что все то, что душа воспринимаетъ посредствомъ чувствъ тѣлесныхъ, можетъ родить мнѣніе, но отрицають, чтобы могло родить знаніе. Они полагають, что это знаніе содержитсяъ въ понятіи, и живетъ въ умѣ удаленное отъ чувствъ. Можетъ быть въ числѣ ихъ — то и есть тотъ мудрый, котораго мы ищемъ. Но объ этомъ послѣ. Теперь перейдемъ къ дальнѣй-

шему, что въ виду сказаннаго уже потребуетъ отъ меня, если не ошибаюсь, немногаго для своего разъясненія.

ГЛАВА XII.

Наставляетъ, что Академики неосновательно ссылаются на обманы чувствъ сна, и безумія.

Чему помогаетъ или чему мѣшаетъ тѣлесное чувство, когда изслѣдывается вопросъ о добрыхъ нравахъ? Если и тѣмъ самимъ, которые полагали высшее благо человѣка въ наслажденіи, ни голубиная шейка, ни безотчетный голосъ, ни великая тяжесть для человѣка того, что легко верблюдамъ, не мѣшаютъ утверждать, что они знаютъ, что дѣйствительно наслаждаются тѣмъ, чѣмъ наслаждаются, или получаютъ боль отъ того, что имъ причиняетъ боль (чего я не вижу возможности отвергнуть): то развѣ поколеблѣтъ они того, кто верхъ блага полагаетъ въ разумѣ? Чего держишься ты изъ этихъ двухъ? Если спросишь, какъ мнѣ это кажется, — то я полагаю, что высшее благо человѣка въ разумѣ. Но въ данномъ случаѣ вопросъ идетъ о знаніи. Поэтому спроси мудраго, который не можетъ не знать мудрости; хотя впрочемъ и мнѣ, тупому и глупому, позволительно знать, что верхъ человѣческаго блага, съ которымъ соединяется блаженная жизнь, или не существуетъ вовсе, или находится въ душѣ, или въ тѣлѣ, или въ той и другомъ вмѣстѣ. Вотъ въ незнаніи этого, если можешь, обличи меня; такъ какъ ваши пресловутые доводы ни коимъ образомъ этого не дѣлаютъ. Но если ты этого не можешь, потому что не находишь на какую ложь оно похоже: то поколеблѣюсь ли я заключить, что мнѣ справедливо кажется, что мудрый знаетъ, что въ философіи есть нѣчто истинное, если и я успѣлъ узнать изъ ней такъ много истиннаго?

Но можетъ быть онъ боится, чтобы выборъ высшаго блага не былъ сдѣланъ спящимъ? Опаснаго ничего нѣтъ:

когда проснется, отвергнетъ, если оно не понравится, и удержитъ, если понравится. Ибо кто, не нарушая справедливости, станетъ укорять его за то, что видѣлъ ложное во снѣ? Или быть можетъ ужаснется того, что спящій потеряетъ мудрость, если приметъ ложь за истину? На этотъ разъ онъ, хотя и не спитъ, осмѣливается утверждать бредъ, называя мудрымъ бодрствующаго, и отрицая за нимъ мудрость, если онъ спитъ. Все это можно сказать и о безуміи; но рѣчь спѣшится къ другому. Однако я не оставлю этого безъ самаго вѣрнаго заключенія. Или мудрость въ состояніи безумія теряется, и въ такомъ случаѣ не будетъ мудрымъ тотъ, кого вы провозглашаете не знающимъ истины; или знаніе его остается въ его умѣ, хотя остальная часть души все, что получаетъ отъ чувствъ, представляетъ себѣ какъ бы въ сновидѣніяхъ.

ГЛАВА XIII.

Многое можетъ подлежать познанію въ діалектикѣ.

Остается діалектика, которую истинно мудрый хорошо знаетъ, и которую, не впадая въ заблужденіе, можетъ знать всякій. Если же мудрый ее не знаетъ,—знаніе ея къ мудрости не относится, такъ какъ безъ него онъ могъ быть мудрымъ, и тогда излишне намъ доискиваться, истинна ли она и можетъ ли подлежать познанію. При этомъ случаѣ можетъ быть ктонибудь мнѣ скажетъ: Ты, глупый, имѣешь обычай представлять въ болѣе широкихъ размѣрахъ то, что знаешь. Неужели ты могъ чтонибудь узнать изъ діалектики?—Гораздо болѣе, чѣмъ изъ какой другой части философіи. Во первыхъ, это она меня научила, что всѣ вышеприведенныя положенія, которыми я пользовался, истинны. За тѣмъ черезъ нее я узналъ и многое другое истинное. А какъ его много, сосчитайте, если можете. Если въ мірѣ четыре стихіи, то ихъ не пять. Если солнце одно, то ихъ не два. Одна и таже душа не можетъ умереть и быть безсмертною. Не можетъ человѣкъ

въ одно и тоже время быть и блаженнымъ и несчастнымъ. Въ данномъ мѣстѣ не можетъ и солнце свѣтить и быть ночь. Или мы бодрствуемъ, или спимъ. То, что, кажется мнѣ, я вижу, или есть тѣло, или не есть тѣло. Все это и многое другое, что было бы слишкомъ долго припоминать, я узналъ отъ нея за истинное, и въ какомъ бы состояніи ни находились чувства наши, за истинное само въ себѣ. Она научила меня, что если часть предшествующая въ только что изложенныхъ мною положеніяхъ будетъ признана, то она по необходимости повлечетъ за собою и то, что съ нею связано. А то, что я изложилъ въ видѣ противоположеній или раздѣленій, имѣетъ то свойство, что какъ скоро будетъ отвергнуто прочее, одно ли то, или многое, останется нѣчто, что получить подтвержденіе чрезъ устраненіе прочаго. Научила она меня также, что когда предметъ, ради котораго слова употребляются, ясенъ, то о словахъ спорить не должно. И если кто это дѣлаетъ, то буде дѣлаетъ по неопытности, долженъ быть вразумляемъ, а буде съ дурнымъ умысломъ,—оставляемъ. Если же вразумиться онъ не можетъ, нужно посовѣтовать ему не терять времени и труда по пустякамъ; а если не послушаетъ, слѣдуетъ пренебречь имъ. Касательно же умозаключеньицъ софистическихъ и ложныхъ, правило коротко: если они лукаво обоснованы на сдѣланной уступкѣ, слѣдуетъ уступленное возвратить. Если же истина и ложь соединяются въ одномъ заключеніи, нужно взять изъ него то, что подлежитъ разумнью, а что не можетъ быть распутано, то слѣдуетъ отбросить. Если же въ отношеніи къ какимъ либо предметамъ отъ человѣка ускользаютъ совершенно границы, добиваться знанія ихъ не слѣдуетъ. Все это я имѣю отъ діалектики, равно какъ и многое другое, упоминать о чемъ нѣтъ необходимости. Я не долженъ быть благодарнымъ. Но тотъ мудрый или пренебрегаетъ этимъ, или, если діалектика дѣйствительно самое знаніе истины, такъ ее знаетъ, что съ пре-

зрѣніемъ и безъ состраданія заставитъ умереть съ голоду ихъ ябеду на здравый смыслъ: если-де истинно, то ложно; если ложно, то истинно. Этого я полагаю достаточнымъ о воспріятіи; потому что когда я стану говорить о довѣрціи, ко всему этому придется возвращаться снова.

ГЛАВА XIV.

*Мудрый долженъ довѣрять по крайней мѣрѣ
мудрости.*

Итакъ перейдемъ теперь къ той сторонѣ предмета, въ отношеніи которой Алипій оказывается еще сомнѣвающимся. И во первыхъ, рассмотримъ свойство того самаго, что заставляетъ колебаться тебя, человѣкъ проникательнѣйшій и осмотрительнѣйшій. Ты сказалъ: Если мнѣніе Академиковъ, полагавшихъ, что мудрый не знаетъ мудрости, подтвержденное столькими и такими доказательствами, ниспровергается твоими соображеніями, которыя вынуждаютъ насъ признать гораздо болѣе вѣроятнымъ, что мудрый знаетъ мудрость: то это еще болѣе должно удерживать отъ довѣрія. Ибо это-де самое доказываетъ, что нѣтъ такого мнѣнія (какими бы многочисленными и точными доказательствами оно ни могло бы быть обставлено), которому съ противоположной точки зрѣнія человѣкъ даровитый не представилъ бы не менѣе, если не болѣе, остроумнаго опроверженія. Поэтому-де Академикъ, будучи побѣжденнымъ, окажется побѣдителемъ...—О еслибы побѣдить его! Владѣй онъ хоть искусствомъ Пеласага, ему не удастся уйти отъ меня въ одно и тоже время побѣжденнымъ и побѣдителемъ. Если же бы не оказалось возможнымъ возразить что нибудь другое противъ этого самаго, я охотно признаю себя побѣжденнымъ. Ибо у насъ рѣчь не о приобрѣтеніи славы, а объ открытіи истины. Для меня достаточно какимъ бы то ни было образомъ перешагнуть эту громаду, которая встаетъ наперерѣзъ пути входящимъ въ философію, и

темнѣя не вѣсть какими закоулками, грозить, что и вся философія такова, и не позволяетъ надѣяться найти въ ней сколько нибудь свѣта. Желаній чего либо большаго я не имѣю, если достигнута вѣроятность, что мудрый нѣчто знаетъ. Ибо если казалось вѣроятнымъ, что мудрый долженъ удерживаться отъ довѣрія, то лишь по той причинѣ, что было вѣроятно, что онъ ничего не можетъ познавать. Какъ скоро это устранено (пбо сдѣлана уступка, что мудрый знаетъ по крайней мѣрѣ самую мудрость), не остается основанія, почему бы мудрый не довѣрялъ по крайней мѣрѣ самой мудрости. Ибо нѣтъ сомнѣнія, что гораздо чудовищнѣе представлять мудраго не одобряющимъ мудрости, чѣмъ мудраго не знающимъ истины.

Прошу васъ представить себѣ, если можно, какъ бы происходящимъ передъ нашими глазами такого рода зрѣлище.—Идетъ нѣкій споръ между мудрымъ и мудростію. Что иное утверждаетъ мудрость, какъ не то, что она есть мудрость? А тотъ напротивъ: Не вѣрю, говоритъ. Кто говоритъ мудрости: Не вѣрю, что ты мудрость? Кто, какъ не тотъ, съ кѣмъ она могла говорить и въ комъ удостоила обитать, т. е. мудрый? Идите теперь и отыскивайте меня, который борется съ Академиками: вы встрѣтите уже новое сраженіе; сражаются между собою мудрый и мудрость. Мудрый не хочетъ сочувствовать мудрости. Я съ вами спокойно жду конца. Ибо кто не увѣренъ, что мудрость непобѣдима? Однако же оградимъ себя нѣкоторою дилеммою. Въ этомъ сраженіи или Академикъ побѣдитъ мудрость, и въ такомъ случаѣ будетъ побѣжденъ мною, потому что не будетъ мудрымъ; или будетъ побѣжденъ ею, и въ такомъ случаѣ мы докажемъ, что мудрый сочувствуетъ мудрости. Итакъ, или Академикъ не есть мудрый, или мудрый чему нибудь довѣряетъ; развѣ можетъ быть тотъ, кто постыдился сказать, что мудрый не знаетъ мудрости, не постыдится утверждать, что мудрый не

сочувствуетъ мудрости? Но если уже правдоподобно, что мудрому доступно знаніе по крайней мѣрѣ мудрости, и нѣтъ причины, почему бы онъ не довѣрялъ тому, что можетъ познавать; то я нахожу правдоподобнымъ то, чего желалъ, т. е. что мудрый будетъ довѣрять мудрости. Если спросишь, гдѣ найдетъ онъ эту мудрость, я отвѣчу—въ самомъ себѣ. Если скажешь, что онъ не знаетъ чтó имѣетъ,—возвратишься къ той нелѣпости, что мудрый не знаетъ мудрости. Если отрицаешь возможность найти самага мудраго, то объ этомъ разсудимъ въ другой рѣчи уже не съ Академиками, а съ тобою, который такъ думаешь. Ибо они, когда разсуждаютъ объ этомъ, разсуждаютъ именно о мудромъ. Себя самага Цицеронъ называетъ исключительно человѣкомъ мнѣній (предположеній), но относительно мудраго ставитъ это предметомъ своего изслѣдованія. Если вамъ, юноши, это незнакомо еще, то можете прочесть въ Гортензіѣ: »Итакъ если точнаго ничего нѣтъ, а довольствоваться мнѣніемъ не прилично мудрому, то мудрый ничто никогда не станетъ утверждать.« Отсюда очевидно, что въ своихъ разсужденіяхъ, противъ которыхъ мы ратуемъ, они говорятъ о мудромъ.

Итакъ я полагаю, что мудрому извѣстна мудрость, т. е. что мудрый воспріялъ мудрость. А поэтому, когда онъ довѣряетъ мудрости, онъ не гаданіями ограничивается. Ибо онъ довѣряетъ тому, не воспріявъ чего онъ не былъ бы мудрымъ. Да и они утверждаютъ, что не слѣдуетъ довѣрять только такимъ вещамъ, которыя не могутъ быть воспринимаемы. Мудрость же не есть ничто. Итакъ, если мудрый и знаетъ мудрость и довѣряетъ мудрости, то знаетъ онъ не ничто, и довѣряетъ не вещи не существующей. Чего же бы хотѣли вы большаго? Развѣ поговоримъ нѣсколько о томъ заблужденіи, котораго они полагаютъ избѣжать вовсе, если душа не будетъ склоняться довѣріемъ ни къ какому предмету?—Ибо заблуждается, говорятъ они, всякій, кто одобряетъ не

только вещь ложную, но и сомнительную, хотя бы она была и истинна; несомнѣннаго же я не нахожу ничего.—Но мудрый, какъ мы сказали, находить такую самую мудрость.

ГЛАВА XV.

Избѣгнетъ ли заблужденія тотъ, кто руководится въ дѣятельности вѣроятнымъ безъ довѣрія.

Но вы желаете, можетъ быть, чтобы я уже оставилъ это. Не охотно оставляются мѣста надежнѣйшія, когда имѣешь дѣло съ людьми лукавѣйшими; тѣмъ не менѣе повинуюсь вамъ. Но что скажу я потомъ? Что и какъ? Разумѣется, долженъ говорить то старое, на что имѣютъ и они что отвѣчать? Что въ самомъ дѣлѣ буду дѣлать я, котораго вы вытѣснили вонъ изъ своего лагеря? Не обращусь ли за помощію къ ученѣйшимъ, съ которыми быть можетъ, если побѣдить не удастся, менѣе стыдно будетъ остаться побѣжденнымъ? Итакъ брошу, насколько хватитъ силъ, копье хоть и закоптѣлое, и работы грубой но, если не ошибаюсь, самое большое: »Кто ничего не утверждаетъ, тотъ ничего не дѣлаетъ; и откуда это у тебя, невѣжественный человѣкъ, вѣроятное? откуда истинноподобное?«—Исполнено ваше желаніе: Слышите ли, какъ звучать греческіе щиты? Они приняли на себя, хоть и весьма массивное (копье), но съ такою же силою, съ какою нами брошено. Помощники мои ничего болѣе дѣйствительнаго мнѣ не доставили; и какъ вижу, мы не нанесли никакой раны. Обращусь къ тому, чѣмъ служить мнѣ деревня и поле: болѣе важное меня скорѣе обременяетъ, чѣмъ снабжаетъ.

Когда въ этой деревнѣ я долго размышлялъ на досугъ, какимъ образомъ это вѣроятное и истинноподобное могло бы предохранить наши дѣйствія отъ заблужденія, мнѣ показалось сперва, какъ обыкновенно казалось, когда я это мнѣніе поддерживалъ, что прикрытіе и ограда этимъ дается превосходная. Но затѣмъ, когда я обсудилъ все внимательнѣе, мнѣ

показалось, что я усмотрѣлъ одно отверстіе, чрезъ которое врывается заблужденіе къ считающимъ себя обезопасенными. Я полагаю, что не тотъ только заблуждается, кто слѣдуетъ ложнымъ путемъ, но и тотъ, кто не слѣдуетъ путемъ истиннымъ. Представимъ себѣ двухъ путешественниковъ, направляющихся въ одно и тоже мѣсто, изъ коихъ одинъ поставилъ себѣ за правило ничему не вѣрять, а другой довѣрчивъ до крайности. Прибыли они къ мѣсту, гдѣ дорога раздвояется. Довѣрчивый обращается къ случившемуся тутъ пастуху или какому либо другому поселянину: Здравствуй, добрый человѣкъ; скажи, пожалуйста, по какой дорогѣ слѣдуетъ идти въ такое-то мѣсто? Тотъ отвѣчаетъ: Если пойдешь этою, не заблудишь. Тогда онъ къ спутнику: Онъ говоритъ правду; отправимся этою.—Смѣется мужъ осторожнѣйшій, и забавнѣйшимъ образомъ потѣшается надъ такимъ легковѣріемъ, и когда тотъ уходитъ, между тѣмъ, останавливается на распутии. Черезъ нѣсколько времени ему начинаетъ уже казаться неприличнымъ стоять, какъ вдругъ съ другой вѣтви дороги появляется нѣкій изящно одѣтый и съ виду образованный всадникъ и начинаетъ приближаться. Тотъ очень радъ. Когда всадникъ подѣзжаетъ, тотъ, поздоровавшись съ нимъ, сообщаетъ ему куда направляется, спрашиваетъ о дорогѣ, рассказываетъ и причину своей остановки, чтобы расположить его къ большому благоволенію за предпочтеніе его пастуху. А случилось такъ, что это былъ фигляръ изъ тѣхъ, которыхъ народъ зоветъ самардаками. Негодный человѣкъ остался вѣренъ своему ремеслу, даже и бесплатно.—Ступай этою дорогою, говоритъ онъ: я ѣду оттуда.—Обмануль и уѣхаль.—Но развѣ онъ-де когда нибудь обманется?—Я не признаю, разсуждаетъ онъ, этого указанія за истинное; но я считаю его истиноподобнымъ. Притомъ, оставаться здѣсь и неприлично, и бесполезно; пойду этою дорогою.—И вотъ, между тѣмъ какъ тотъ, который ошибся

довѣриемъ, принявъ сразу за истину слова пастуха, уже отдыхалъ на мѣстѣ, куда отправлялся; этотъ не ошибающійся, хотя руководится вѣроятнымъ, колесить не вѣсть по какимъ лѣсамъ и не встрѣчаетъ уже и такого человѣка, которому было бы извѣстно самое мѣсто, куда онъ предполагалъ идти. Скажу вамъ откровенно,—когда я представлялъ себѣ это, я не могъ удержаться отъ смѣха, что Академики какимъ-то образомъ сочиняютъ, что идущій прямою дорогою, хотя бы и случайно, заблуждается, а тотъ, котораго ведутъ непроходимыми горами, и который не находитъ той страны, куда стремится, оказывается не заблуждающимъ. Если заслуживаетъ справедливаго осужденія безразсудное довѣріе, то скорѣе они оба заблуждаются, чѣмъ не заблуждается этотъ. Послѣ этого я сталъ уже внимательнѣе сопоставлять съ ихъ мнѣніями самые поступки и нравы человѣческіе. Но тогда мнѣ пришло на мысль тагъ много и такого важнаго противъ нихъ, что я уже не смѣялся, а отчасти негодовалъ, отчасти скорбѣлъ, что люди ученѣйшіе и даровитѣйшіе вдалились въ такія преступленія мысли и въ такія постыдныя дѣла.

ГЛАВА XVI.

Длать то, что кажется вѣроятнымъ, хотя бы и безъ душевнаго къ тому расположенія, преступно.

То, пожалуй, вѣрно, что не всякій, кто заблуждается, грѣшитъ; однакоже всякій, кто грѣшитъ, или дозволяетъ себѣ заблуждаться или дѣлаетъ нѣчто худшее. Представимъ себѣ, что какой нибудь юноша услышитъ ихъ разсуждающими тагъ: »Постыдно заблуждаться, и поѣтому мы не должны соглашаться ни съ чѣмъ. Однакоже тотъ не грѣшитъ и не заблуждается, кто дѣлаетъ то, что ему кажется вѣроятнымъ. Одно только пусть помнитъ, что онъ не долженъ принимать за истину ничего, что представляется его душѣ или чувствамъ.« Итагъ юноша это услышитъ и покусится на цѣломудріе чужой жены. Спрашиваю по этому предмету твоего

миѣнія, Маркъ Туллій: мы трактуемъ о правахъ юношей и о жизни, воспитанію и упорядоченію которой посвящены всѣ твои сочиненія. Что другое скажешь ты, какъ не то, что тебѣ не вѣроятно, чтобы юноша такъ поступилъ? Но ему это вѣроятно. Ибо если бы мы жили на основаніи чужаго вѣроятнаго, то и ты не долженъ былъ управлять республикою; потому что Епикуру казалось, что этого не слѣдуетъ дѣлать. Итакъ тотъ юноша обезчестить чужую жену. Гдѣ же тогда, если будетъ пойманъ въ преступленіи, найдетъ онъ тебя, который защитилъ бы его; а если бы и нашелъ, что скажешь ты тогда? Станешь конечно отрицать. Но что если дѣло такъ ясно, что заpiresательство будетъ напраснымъ? Станешь безъ сомнѣнія убѣждать, какъ въ гимназій буманской, а до того времени—неаполитанской, что онъ-де ничѣмъ не согрѣшилъ, и даже въ существѣ дѣла не впалъ въ заблужденіе. Потому что онъ не убѣдилъ себя, какъ въ истинѣ, въ томъ, что онъ долженъ былъ совершить прелюбодѣяніе, а представилъ это себѣ какъ вѣроятное, послѣдовалъ ему, сдѣлалъ; а можетъ быть и не сдѣлалъ, а показалось ему, что сдѣлалъ. А этотъ мужъ, человѣкъ глупый, все перепутываетъ въ своихъ жалобахъ, вступаясь за честь своей жены, съ которою можетъ быть и теперь спитъ, но того не знаетъ.—Если судьи это уразумѣютъ, они или оставятъ Академикомъ безъ вниманія и накажутъ преступленіе какъ вполне дѣйствительное, или послушавъ ихъ же самихъ, осудятъ человѣка правдоподобно и вѣроятно, такъ что и самъ этотъ патронъ его не будетъ знать, что далѣе дѣлать. Сердиться ему будетъ не на кого, потому что всѣ скажутъ ему, что они не впали въ заблужденіе, какъ скоро, не довѣряя ничему, они поступили такъ, какъ имъ казалось вѣроятнымъ. И вотъ онъ сложитъ съ себя личину патрона, а приметъ личину философа утѣшителя; и юношу, оказавшаго уже въ Академіи такіе успѣхи, легко убѣдить, чтобы онъ счи-

талъ себя осужденнымъ какъ бы во снѣ. Но вы думаете, что я шучу. Готовъ погляться всеѣмъ божественнымъ, что рѣшительно не знаю, какимъ образомъ онъ согрѣшитъ, если не грѣшитъ никто, кто дѣлаетъ то, что кажется ему вѣроятнымъ. Развѣ быть можетъ они скажутъ, что иное совершенно заблуждаться, и иное грѣшитъ, и что они проповѣдуютъ извѣстные правила, чтобы мы не заблуждались, а грѣхъ не считаютъ дѣломъ важнымъ.

Умалчиваю о человекоубійствахъ, оскорбленіяхъ величества, святотатствахъ, о всеѣхъ вообще постыдныхъ дѣлахъ и преступленіяхъ, которыя могутъ быть совершены или задуманы, и которыя, что особенно тяжело, оправдываются у мудрѣйшихъ судей немногими словами: Я не сочувствовалъ этому въ душѣ, и потому не сдѣлалъ ошибки. Но какъ же бы я этого не сдѣлалъ, если оно казалось мнѣ вѣроятнымъ? А кто не думаетъ, что въ этомъ можно убѣдиться какъ въ вѣроятномъ, тѣ пусть прочитаютъ рѣчь Катилины, въ которой онъ убѣждаетъ выступить на разрушеніе отечества,—на дѣло, въ которомъ содержатся всеѣ преступления? —Кто не посмѣется тому, о чемъ была рѣчь прежде? Самы же они говорятъ, что въ своихъ дѣйствіяхъ слѣдуютъ только вѣроятному, но ищутъ всячески истины, когда имъ вѣроятно, что ее найти нельзя. Удивительная чудовищность! Но то оставимъ. Оно насъ не касается, не имѣетъ особой важности для нашей жизни, не грозитъ опасностію нашему благосостоянію. Вотъ это опасно, это странно, это должно внушать ужасъ всякому честному человѣку: если указанное возрѣніе будетъ принято за вѣроятное, то всякое злодѣяніе,—если только кому нибудь покажется вѣроятнымъ, что его слѣдуетъ совершить,—онъ совершитъ, не подвергаясь укору не только за преступленіе, но и за заблужденіе, лишь бы онъ не сочувствовалъ этому какъ истинѣ. Итакъ чтоже? Неужели они не видѣли этого? Нѣтъ, видѣли какъ нельзя

проницательнѣе и всестороннѣе. Я никоимъ образомъ не позволю себѣ думать, чтобы я могъ въ какомъ нибудь отношеніи угнаться за М. Туллиемъ въ томъ, что касается искусства, бдительности, дарованій, учености. Однакоже если бы ему, когда онъ утверждалъ, что человѣкъ не можетъ ничего знать, сказали только одно: я знаю, что это мнѣ такъ кажется,—онъ не нашелъ бы, чѣмъ это опровергнуть.

ГЛАВА XVII.

Почему Академики скрывали свое мнѣніе.

Итакъ, почему такимъ мужамъ вздумалось постоянными и упорными спорами вести дѣло такъ, чтобы казалось, что знаніе истины недоступно никому? Выслушайте теперь нѣсколько повнимательнѣе не то, что я знаю, а то, что я думаю; я поберегу это къ концу, чтобы объяснить вамъ, если буду въ состояніи, общую цѣль, которую, на мой взглядъ, имѣли въ виду Академики. О Платонѣ, этомъ мудрѣйшемъ и ученѣйшемъ мужѣ своего времени, который такъ говорилъ, что все, что бы онъ ни сказалъ, было великимъ, и такое говорилъ, что какъ бы ни высказалъ, оно не было малымъ,—объ этомъ Платонѣ говорятъ, что по смерти учителя своего Сократа, котораго онъ особенно любилъ, онъ изучалъ многое и у Пифагорейцевъ. Пифагоръ же, недовольный греческою философіею, которая въ то время или почти не существовала, или содержалась въ слишкомъ большой тайнѣ, слушалъ, путешествуя повсюду, многихъ мудрыхъ послѣ того какъ, подъ влияніемъ разсужденій нѣкоего сирійца Ферециды, пришелъ къ убѣжденію, что душа бессмертна. Итакъ говорятъ, что Платонъ, присоединивъ къ сократовской привлекательности и тонкости, какую высказывалъ въ нравственнаго свойства разсужденіяхъ, знаніе вещей естественныхъ и божественныхъ, которое старательно приобрѣлъ отъ тѣхъ, о комъ я упомянулъ, и прибавивъ къ этому, какъ бы

образовательницу и судью означенныхъ частей философіи, діалектику, которая или сама есть мудрость, или такова, что безъ ней мудрость рѣшительно невозможна,—Платонъ составилъ совершеннѣйшую систему философіи, о которой, впрочемъ, входить въ разсужденія въ настоящее время не у мѣста. Для моей цѣли достаточно сказать, что Платонъ думалъ, что есть два міра, одинъ подлежащій умственному разумѣнію, другой подлежащій чувствамъ,—очевидно тотъ, который мы ощущаемъ посредствомъ зрѣнія и осязанія. Первый онъ считалъ истиннымъ, а послѣдній истинopodobнымъ и созданнымъ по образу того. И поэтому онъ представлялъ, что въ душѣ самосознающей истина какъ бы прочищается и выясняется изъ того міра; а въ душахъ глупыхъ отъ міра этого можетъ рождаться не знаніе, но мнѣніе. А то, что совершается въ этомъ мірѣ силою тѣхъ добродѣтелей, которыя онъ называлъ гражданскими, подобныхъ добродѣтелямъ истиннымъ, не извѣстнымъ никому, кромѣ не многихъ мудрыхъ,—то, думалъ онъ, можно называть только истинopodobнымъ.

Все это и другое того же рода между послѣдователями его, какъ мнѣ кажется, насколько возможно соблюдалось и сохранялось какъ таинство. Это или потому, что усвоается оно легко только тѣми, которые, очистивъ себя отъ всѣхъ пороковъ, усвояютъ себѣ нѣкоторый иной, болѣе чѣмъ человѣческій образъ жизни; или потому, что тяжело грѣшнѣть тотъ, кто, зная это, захотѣлъ бы этому учить всякаго встрѣчнаго. Поэтому я предполагаю, что когда Зенонъ, глава Стоииковъ, пришелъ въ школу оставленную Платономъ, которую тогда поддерживалъ Полемонъ,—пришелъ послѣ того, какъ нѣкоторыхъ уже слушалъ и отнесся къ ихъ ученію довѣрчиво,—его приняли подозрительно и не сочли такимъ, которому бы упомянутое ученіе Платона, какъ бы нѣкіе священные догматы, сразу слѣдовало открывать и вѣрять,

прежде чѣмъ позабудеть то, что принесъ въ эту школу заимствованное отъ другихъ. Полемонъ умираетъ. Ему наследуетъ Архезилай, хотя и соученикъ Зенона, но съ учительскимъ званіемъ Полемона. Поэтому когда Зенонъ сталъ увлекаться своимъ мнѣніемъ о мірѣ и особенно о душѣ, составляющей предметъ попеченія для истинной философіи, говоря, что она смертна, что кромѣ этого чувственного міра ничего нѣтъ и что въ немъ дѣйствуютъ только силы тѣлесныя, такъ какъ и самаго Бога онъ представлялъ огнемъ: то Архезилай, когда зло это мало по малу распространилось широко, по моему мнѣнію, весьма мудро и съ великою пользою скрылъ рѣшительно мнѣніе Академіи, и закопалъ его какъ бы золото, которое должны были найти когда нибудь потомки. А такъ какъ толпа очень склонна бросаться въ ложныя мнѣнія, и по привычкѣ къ тѣлесному весьма легко, но со вредомъ, слагается убѣжденіе, что все тѣлесно: то остроумнѣйшій и человеколюбивѣйшій мужъ поставилъ для себя цѣлю лучше разучивать худо наученныхъ, которыхъ къ себѣ принималъ, чѣмъ учить тѣхъ, кого считаемъ неспособными къ наученію. Отсюда и родилось все то, что приписывается Академіи новой, такъ какъ древніе необходимости въ этомъ не имѣли.

Если бы въ свое время очнулся Зенонъ и увидѣлъ, что какъ познанію можетъ подлежать лишь такое, какое опредѣлялъ онъ, такъ и то, что такого ничего нельзя найти въ тѣлахъ, которымъ онъ усвоялъ все: то уже давно прекратился бы этотъ родъ споровъ, возбужденный крайнею необходимостію. Но Зенонъ подѣ видомъ мнимаго постоянства былъ, какъ казалось самимъ Академикамъ и какъ кажется и мнѣ, упрямъ; и эта пагубная вѣра въ тѣлесное дожила, какъ смогла, до Хризиппа, который, какъ человѣкъ весьма сильный, готовъ былъ дать ей большія средства для широкаго распространенія, если бы съ другой стороны Карнеадъ,

бывшій болѣе остроумнымъ и бдительнымъ, чѣмъ всѣ его предшественники, не противосталъ ей съ такимъ отпоромъ, что я удивляюсь, какъ послѣ того мнѣніе это еще могло удержать нѣкоторую силу. Ибо Карнеадъ прежде всего отложилъ это своего рода безстыдство порицанія, которымъ, какъ онъ видѣлъ, не мало обезславилъ себя Архезилай,—отложилъ, чтобы не казалось, будто онъ хочетъ говорить противъ всего изъ тщеславія; а поставилъ прямо своею задачею опроверженіе Стоиковъ и Хризиппа.

ГЛАВА XVIII.

Какимъ образомъ Академики ввели въроатное.

Далѣе, такъ какъ онъ подвергся бы со всѣхъ сторонъ нападенію за то, что мудрый, если бы ничему не довѣрялъ ничего бы не дѣлалъ,—онъ (человѣкъ поистинѣ удивительный, или пожалуй потому не удивительный, что выходилъ изъ самыхъ основъ Платоновой философіи) весьма мудро обратилъ вниманіе на свойство тѣхъ дѣйствій, которыя они одобряли, и разсматривая ихъ какъ подобныя какимъ-то истиннымъ, назвалъ истиноподобнымъ все, чѣмъ должна была руководиться дѣятельность человѣка въ этомъ мірѣ. Чему это было подобнымъ онъ прекрасно зналъ, но мудро скрылъ, и называлъ также это въроатнымъ. Ибо тотъ имѣетъ понятіе объ образѣ, кто усматриваетъ подражаніе ему. Ибо какимъ бы образомъ мудрый одобрялъ, или какимъ бы образомъ онъ слѣдовалъ подобію истины, если бы не зналъ, что такое само истинное? Итакъ они знали и одобряли ложное, въ которомъ усматривали похвальное подражаніе истиннымъ предметамъ. Но поелику обнаруживать это передъ непосвященными было преступно и неудобно, они оставили это потомкамъ, а въ свое время тѣмъ, кому могли, показывали знаки своего мнѣнія. Последнимъ, прекраснымъ діалектикамъ, они шуткою и насмѣшкою запрещали возбуждать споры изъ—за словъ. Поэтому-то о Карнеадѣ говорятъ, что онъ былъ главою и основателемъ даже третьей Академіи.

Столкновеніе это продолжалось потомъ до нашего Туллія, но оно уже было тогда ослабѣвшимъ совершенно и должно было надуть латинскую литературу своимъ послѣднимъ дыханіемъ. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ ничего не кажется надутѣе, какъ наговорить съ большимъ обиліемъ и краснорѣчіемъ множество разныхъ вещей, думая объ нихъ иначе. Однако-же этими вѣтрами, какъ кажется мнѣ, былъ достаточно разнесенъ и разсѣянъ извѣстный изъ сѣна сложенный Платоникъ Антиохъ (ибо стада Епигурейцевъ устроили козлиныя стойла въ душахъ сладострастныхъ народовъ). Этотъ Антиохъ былъ слушателемъ Филона, —человѣка, насколько слышалъ я, осмрительнѣйшаго, который уже начиналъ отказывавшимся отъ своего мнѣнія врагамъ какъ бы открывать двери, и возвращать Академію къ ученію и законамъ Платона. Прежде него пытался сдѣлать это и Метродоръ, о которомъ говорятъ, что онъ первый сознался, что невозможность познанія не есть основное положеніе Академикомъ, но что этого рода оружіе они приняли по необходимости противъ Стоиковъ. Итакъ Антиохъ, какъ началъ я говорить, бывъ слушателемъ Академика Филона и Мнезарха Стоика, пробрался въ древнюю Академію, какъ бы не имѣвшую защитниковъ, да при отсутствіи врага и беззаботную, —пробрался въ качествѣ споспѣшника и гражданина, внося въ тоже время какую-то скверну изъ праха Стоиковъ, которою оскорбилъ святыню Платона. Тогда, схвативъ снова прежнее оружіе, ему противустоялъ, пока не умеръ, Филонъ, а оставленное имъ покончилъ нашъ Туллій, не могшій равнодушно видѣть, что предметъ его любви былъ испровергаемъ и сквернимъ. Черезъ небольшой промежутокъ времени послѣ того, когда всякое упрямство и упорство прекратилось, чистѣйшее и свѣтлѣйшее въ философіи лицо Платона, раздвинувъ облаки заблужденія, возсіяло, особенно въ Плотинѣ. Этотъ философъ платоникъ до такой степени былъ признанъ похожимъ на Платона, что казалось, будто

они жили вмѣстѣ, а въ виду раздѣлявшаго ихъ огромнаго промежутка времени — что одинъ ожилъ въ другомъ.

ГЛАВА XIX.

Многообразный родъ философіи.

Въ настоящее время мы не видимъ почти философовъ, кромѣ Циниковъ, Перипатетиковъ, Платониковъ. И Циниковъ между прочимъ потому, что имъ доставляетъ удовольствіе нѣкоторая свобода и распушенность жизни. Что же касается ученія и основныхъ положеній философскихъ, и тѣхъ нравовъ, которые признаются полезными для души, то нашлись такіе проницательнѣйшіе мужи, которые своими разсужденіями уяснили, что Аристотель и Платонъ такъ между собою согласны, что кажутся противорѣчащими только людямъ несвѣдущимъ и невнимательнымъ. Поэтому, хотя и многими вѣками и продолжительными спорами, однако, какъ думается мнѣ, выработана наконецъ одна система истиннѣйшей философіи. Философія эта не есть философія этого міра, которой совершенно отвращается наша религія, но философія другаго, постигаемаго умомъ. Въ этотъ міръ и самый тончайшій разумъ никогда не воззвалъ бы души, ослѣпленныя разнообразными мраками заблужденія и залѣпленныя толстыми слоями грязи тѣлесной, если бы верховный Богъ, по нѣкоторому милосердію къ народу, не приклонилъ и не низвелъ высоты божественнаго ума къ самому человѣческому тѣлу, чтобы души, возбужденныя не только заповѣдями, но и дѣлами Его, могли войти въ самихъ себя и безъ особыхъ состязаній устремились взоры на отчизну.

ГЛАВА XX.

Заключеніе сочиненія.

Таковы мои убѣжденія относительно Академиковъ, къ которымъ я пришелъ какъ къ вѣроятнымъ, насколько могъ. Если они ложны, мнѣ то неважно; для меня достаточно не

думать, чтобы человекъ не могъ найти истину. Кто же полагаетъ, что Академики именно такъ думали, тотъ пусть выслушаетъ самаго Цицерона. Ибо онъ говоритъ, что они имѣли обыкновеніе скрывать свое мнѣніе, и если обыкновенно открывали его, то лишь тому, съ кѣмъ доживали вмѣстѣ до самой старости. Какое это было мнѣніе, извѣстно Богу; но я полагаю однако же, что это было мнѣніе Платона. Чтобы передать вамъ коротко всю общую мысль мою, скажу, что въ какомъ бы положеніи человѣческая мудрость ни находилась, я не считаю еще себя постигшимъ ее. Но имѣя отъ роду тридцать третій годъ, я полагаю, что не долженъ отчаяваться когда нибудь пріобрѣсть ее. По крайней мѣрѣ, презрѣвъ все остальное, что смертными признается за благо, я порѣшилъ предаться всецѣло изслѣдованію ея. Такъ какъ отъ этого дѣла меня не мало отвлекали умозаключенія Академикомъ, то думаю, что я достаточно оградилъ себя отъ нихъ этимъ разсужденіемъ. Никто не сомнѣвается, что учиться насъ побуждаетъ двойная сила, сила авторитета и сила разума. Но для меня рѣшено одно, что я никогда отнюдь не уклонюсь отъ авторитета Христова; ибо не нахожу болѣе сильнаго. Что же касается изслѣдованій чистаго разума, то я уже такъ настроенъ, что если бы особенно сильно пожелалъ уразумѣть что либо истинное не вѣрою только, но и пониманіемъ, увѣренъ, что найду это у Платониковъ между тѣмъ, что не противорѣчитъ нашей религіи.

Когда я закончилъ свою рѣчь, была уже ночь, и кое что было записано уже при внесенной лампадѣ. Однако наши юноши съ напряженнымъ вниманіемъ ожидали, пообщаетъ ли Алипій отвѣчать на нее по крайней мѣрѣ на другой день.—Тогда онъ сказалъ: Я готовъ утверждать, что никогда ничего не произошло такъ согласно съ моимъ желаніемъ, какъ то, что я выхожу изъ настоящаго состязанія побѣжденнымъ; и думаю, что радость эта не должна быть

только моею радостію. Я подѣлюсь ею съ вами, мои соперники или наши судьи. Быть побѣжденными при такихъ условіяхъ отъ своихъ потомковъ желали, конечно, и сами Академики. Да и что можетъ намъ казаться или представиться пріятнѣе этого изящества рѣчи, обдуманнѣе этой серіозности сужденій, благосклоннѣе доброжелательства, опытнѣе знанія? Я рѣшительно не могу достойно удивиться, съ какою тонкостію разбирались вопросы трудные, съ какою смѣlostію рѣшались безнадежные для рѣшенія, съ какою скромностію — неоспоримо доказанные, съ какою ясностію — темные. Поэтому свое нетерпѣніе, которымъ вы, друзья мои, вызывали меня на отвѣтъ, обратите вмѣстѣ со мною на занятіе наукою, съ болѣе вѣрною на этотъ разъ надеждою. Мы имѣемъ такого вождя, который по указанію Божію проведетъ уже насъ въ самыя тайники истины.

Тогда я, замѣтивъ по выраженію лица ихъ, что они были какъ бы обмануты въ своемъ дѣтскомъ ожиданіи, на которое Алипій очевидно отказывался отвѣчать, улыбаясь сказалъ: Вы завидуете, что меня хвалятъ. Но такъ какъ въ постоянствѣ Алипія я уже увѣренъ, и нисколько его не боюсь, то чтобы и вы меня поблагодарили, я дамъ вамъ оружіе противъ него, за то что онъ оскорбилъ чувство вашего увѣреннаго ожиданія. Читайте Академиковъ, и когда найдете тамъ (а что можетъ быть этого легче?), что Цицеронъ торжествуетъ надъ этими пустягами, то заставьте его тогда защищать эту нашу рѣчь противъ тѣхъ непобѣдимыхъ доводовъ. Такъ сильно я наказываю тебя, Алипій за твои ложныя мнѣ похвалы. — Они засмѣялись, и своему спору мы положили конецъ, — очень ли прочный, не знаю, но скромный и скорый болѣе, чѣмъ я надѣялся.

О ЖИЗНИ БЛАЖЕННОЙ.

ОДНА КНИГА.

Эта, три дня веденная книга, содержитъ въ себѣ состязанія, посвященныя Θεодору, которыя сводятъ дѣло къ опредѣленію, что блаженная жизнь исключительно состоитъ въ познаніи Бога.

ГЛАВА I.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Посвящаетъ книгу Θεодору, и открываетъ ему, какими своего рода вътрами онъ загнанъ былъ въ гавань христіанской философіи. Поводъ къ состязанію.

Если бы, мужъ благосклоннѣйшій и великій Θεодоръ, въ ту гавань, изъ которой вступаютъ уже въ страну и на почву блаженной жизни, приводили разумомъ данное направленіе (*кораблю*) и сама собою взятая добрая воля: то не знаю, имѣлъ ли бы я или не имѣлъ основаній сказать, что этой гавани тогда достигало бы гораздо меньшее число людей; хотя и теперь, какъ видимъ, входятъ въ нее весьма рѣдкіе и немногіе. Ибо когда Богъ, или натура, или законъ необходимости, или наша воля, или нѣчто иное съ этимъ соединенное, или все это вмѣстѣ (ибо вопросъ этотъ весьма темный, хотя ты уже и взялся за его разъясненіе) бросаетъ насъ какъ бы безпричинно и какъ пришлось въ этотъ міръ будто въ нѣкое бурное море: насколько и кто отдалъ бы

себѣ отчетъ, куда ему нужно стремиться, какою стороною возвращаться, если бы когда нибудь какая либо невзгода, казущаяся глупымъ несчастною, не прибила невѣдущихъ и блуждающихъ, противъ даже ихъ воли, и вопреки принятому ими направленію, къ землѣ желаннѣйшей?

Итакъ люди, которыхъ философія можетъ принять (въ свою гавань), кажутся мнѣ какъ бы тремя родами плавающихъ. Одинъ изъ нихъ тѣ, которые съ недальняго разстоянія, гдѣ застанетъ ихъ возрастъ, владѣющій разумомъ, при помощи небольшого взмаха и удара весель уходятъ и укрываются въ этомъ покойномъ мѣстѣ; и оттуда остальнымъ гражданамъ, кому могутъ, подаютъ яснѣйшій знакъ что кому дѣлать, дабы недоумленные этимъ стремились къ нимъ. Другой родъ, противоположный предыдущему, представляютъ собою тѣ, которые, обольстившись обманчивымъ видомъ моря, порѣшили выйти въ открытое море, отважились плавать вдали отъ родины и часто ее забываютъ. Если такимъ (не знаю, какъ это бываетъ, но бываетъ чрезвычайно таинственнымъ образомъ) подуетъ вѣтеръ отъ кормы, считающійся благоприятнымъ, — они доходятъ до величайшихъ бѣдствій, гордятся и радуются, что имъ постоянно льститъ самое обманчивое ведро наслажденій и почестей. Чего, въ самомъ дѣлѣ, пожелать имъ въ такихъ обстоятельствахъ, которыя, подталкивая, улавливаютъ ихъ, какъ не дурной погоды, а если мало, то и жестокой бури и противнаго вѣтра, который бы привелъ ихъ, хоть плачущихъ и вздыхающихъ, но къ радостямъ вѣрнымъ и прочнымъ? Впрочемъ изъ этого рода многие, еще не очень далеко забредшіе, бываютъ приводимы назадъ нѣкоторыми и не столь великими скорбями. Это тѣ люди, которые, или вслѣдствіе печально-трагической судьбы своихъ богатствъ, или же вслѣдствіе досадливыхъ неудачъ въ мелкихъ дѣлахъ, какъ бы за неимѣніемъ другихъ занятій вчитавшись въ книги людей ученыхъ и мудрѣйшихъ,

пробуждаются нѣкоторымъ образомъ въ самой гавани, откуда уже не выманиваютъ ихъ никакія обѣщанія коварно улыбающагося моря. Третій между этими родъ людей представляютъ собою тѣ, которые на самомъ ли то порогѣ юности, или уже много и долго носимые вѣтромъ, усматриваютъ позади себя нѣкоторые знаки, вспоминаютъ среди волнъ о своей милой отчизнѣ, и ничѣмъ не обманываясь, нисколько не медля, спѣшатъ къ ней по прямому направленію; а большая часть ихъ, сбившись съ прямого пути среди тумановъ, или располагая его по заходящимъ звѣздамъ, или обольстившись нѣкоторыми соблазнами, откладываютъ время добраго плаванія и блуждаютъ долѣе; часто они подвергаются и опасности. Часто и ихъ пригоняетъ къ желаннѣйшей и мирной отчизнѣ крушеніе скоропреходящихъ благъ, какъ бы нѣкая противная ихъ усиліямъ буря.

Но все они, какимъ бы кто образомъ ни былъ принесенъ къ странѣ жизни блаженной, должны крайне страшиться и съ особою осторожностію избѣгать одной ужаснѣйшей горы, расположенной передъ самою гаванью, которая причиняетъ и входящимъ великія опасности. Ибо она такъ блеститъ, такимъ облечена ложнымъ свѣтомъ, что не только дошедшимъ, но еще не вошедшимъ предлагаетъ себя для обитанія и обѣщаетъ удовлетворить всемъ ихъ пожеланіямъ, какъ и самая блаженная земля; но весьма часто привлекаетъ къ себѣ людей изъ самой гавани и удерживаетъ ихъ иногда на себѣ, давая имъ наслаждаться самою высотой, откуда имъ пріятно съ презрѣніемъ смотрѣть на остальныхъ. Впрочемъ послѣдніе нерѣдко напоминаютъ идущимъ, чтобы они остерегались скрытыхъ подъ водою скалъ, или чтобы не считали дѣломъ легкимъ взойти къ нимъ; и самымъ благосклоннѣйшимъ образомъ наставляютъ, какъ войти (въ гавань), не подвергаясь опасности отъ сосѣдства этой земли. Завидуя имъ въ пустѣйшей славѣ, они показываютъ такимъ образомъ мѣсто

надежнѣйшее. Подъ этою горою, которой должны опасаться приближающіеся къ философіи и вошедшіе въ ея область, здравый смыслъ даетъ разумѣть не другое что, какъ горделивое пристрастіе къ пустѣйшей славѣ. До такой степени она не имѣетъ внутри себя ничего плотнаго и твердаго, что ходящихъ по ней гордецовъ погружаетъ и поглощаетъ въ проламывающуюся хрупкую почву, и возвращая ихъ въ мракъ, лишаетъ свѣтлѣйшаго дома, который они почти уже видѣли.

Если это такъ, вникли, мой Теодоръ,—ибо въ тебѣ я вижу и всегда чту единственнаго и наиболѣе способнаго человека, могущаго удовлетворить моимъ желаніямъ,—вникни, говорю, къ какому роду людей изъ означенныхъ трехъ я принадлежу, въ какомъ мѣстѣ я на твой взглядъ нахожусь, и какого рода помощи я могу навѣрное ждать отъ тебя. Мнѣ былъ двадцатый годъ моего возраста, когда въ школѣ ритора я прочиталъ извѣстную книгу Цицерона, называемую Гортензіемъ, и воспламенился такою любовію къ философіи, что помышлялъ перейти къ ней тогда же. Но какъ не было для меня недостатка въ туманахъ, которые затрудняли мой путь; такъ долго, признаюсь, руководился я и погружающимися въ океанъ звѣздами, которыя вводили меня въ заблужденіе. Сперва удерживала меня отъ изслѣдованія этого рода нѣкоторая дѣтская робость; а когда я сдѣлался бодрѣе, разогналъ этотъ мракъ и пришелъ къ убѣжденію, что скорѣе слѣдуетъ вѣрить учащимъ, чѣмъ повелѣвающимъ,—попалъ на такихъ людей, которымъ этотъ, воспринимаемый глазами, свѣтъ казался достойнымъ почитанія наравнѣ съ высочайшимъ и божественнымъ. Я съ этимъ не соглашался; но думалъ, что они скрываютъ подъ этимъ покровомъ нѣчто великое, что откроютъ когда нибудь послѣ. Когда, по разсѣяніи ихъ, я ускользнулъ отъ нихъ, особенно послѣ того, какъ переплылъ это море, мои рули, противоборствующіе всѣмъ вѣтрамъ, долго среди волнъ держали въ своихъ рукахъ Ага-

демики. Затѣмъ пришелъ я въ эти земли; здѣсь узналъ сѣверное созвѣздіе, которому могъ себя ввѣрить. Изъ рѣчей нашего священника, а иногда изъ твоихъ, я увидѣлъ, что не слѣдуетъ мыслить ничего тѣлеснаго, когда мыслишь о Богѣ, равно и когда мыслишь о душѣ; такъ какъ это предметъ одинъ изъ всѣхъ—ближайшій къ Богу. Но признаюсь, привлекательность женщины и служебной карьеры удерживала меня погрузиться немедленно въ лоно философіи: извѣдавши это, я полагалъ потомъ уже,—что удастся немногимъ счастливейшимъ, — устремиться на всѣхъ парусахъ и веслахъ въ эту гавань, и тамъ успокоиться. Прочитавъ же нѣсколько книгъ Платона, жаркимъ приверженцомъ котораго я тебя знаю, и сопоставивъ съ ними, насколько могъ, авторитетъ тѣхъ, которые предали намъ божественныя тайны, я воспламенился до такой степени, что готовъ былъ обрубить всѣ эти якоря, если бы не поколебало меня мнѣніе нѣкоторыхъ людей. Затѣмъ, что больше оставалось, какъ не то, чтобы на помощь мнѣ, предававшемуся пустымъ упражненіямъ, подоспѣла буря, считающаяся несчастіемъ? И вотъ меня охватила такая сердечная боль, что не будучи въ состояніи переносить тяжесть той профессіи, которая, быть можетъ, унесла бы меня къ сиренамъ, я бросилъ все и привелъ разбитый въ щепы корабль въ желанное затишье.

Итакъ ты видишь, въ какой философіи, какъ бы въ гавани, плаваю я. Но хотя эта гавань широко раскрывается предо мною и хотя ея пространство уже менѣе опасно, однако и она не исключаетъ вполне заблужденія. Ибо я рѣшительно не знаю, къ какой части земли, единственно блаженной, приблизиться и пристать мнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что твердаго выработалъ я, когда меня колеблетъ и приводитъ въ недоумѣніе еще вопросъ о душѣ? Посему умоляю тебя во имя твоей добродѣтели, во имя челоуѣколюбія, во имя союза и общенія душъ, протяни мнѣ руку. А это значить,

люби меня и вѣрь, что въ свою очередь и я люблю тебя, и ты мнѣ дорогъ. Если я вымолю это у тебя, то весьма легко и безъ особеннаго усилія достигну самой блаженной жизни, обладателемъ которой считаю тебя. А дабы ты зналъ, чѣмъ я занимаюсь и какъ собираю своихъ друзей къ той гавани, и дабы отсюда полнѣе узналъ мою душу (иныхъ знаковъ я не нахожу, которыми бы показалъ тебѣ себя), я рѣшилъ адресовать тебѣ и посвятить твоему имени начало моихъ состязаній, которое, мнѣ кажется, вышло и болѣе благоговѣйно, и болѣе достойно твоего имени. И это весьма естественно: потому что мы разсуждали о блаженной жизни; а я не вижу ничего, что болѣе слѣдовало бы назвать даромъ Божиимъ. Меня не смущаетъ твое краснорѣчіе: ибо не могу я бояться того, что люблю, хотя имъ и не обладаю; а высоты фортуны боюсь еще менѣе: ибо на твой взглядъ, какъ бы она ни была велика, она имѣетъ второстепенное значеніе; надъ кѣмъ же она господствуетъ, тѣхъ самихъ дѣлаетъ вторыми. Теперь прошу тебя выслушать то, что я передамъ тебѣ.

Въ ноябрскія иды былъ день моего рожденія. Послѣ объѣда, настолько скромнаго, чтобы не обременить имъ ни одной изъ душевныхъ способностей, я позвалъ всѣхъ, которые въ этотъ день, какъ и ежедневно, раздѣляли съ нами столъ, посидѣть въ бани; потому что это мѣсто представлялось мнѣ соотвѣтствующимъ погодѣ и уединеннымъ. Были же со мною, — осмѣливаюсь сдѣлать ихъ поименно извѣстными твоему рѣдкому радушію, — во первыхъ моя мать, заслугъ которой, думаю, принадлежитъ все, чѣмъ я живу; потомъ братъ мой Навигій; затѣмъ граждане и ученики мои Тригедій и Лиценцій; даже мнѣ хотѣлось, чтобы находились тутъ же мои двоюродные братья, Ластидіанъ и Рустикъ; хотя они не терпятъ никого даже изъ грамматиковъ, но ихъ общій здравый смыслъ я считалъ необходимымъ въ дѣлѣ, которое предпринималъ. — Былъ, наконецъ, съ нами и наименьшій изъ всѣхъ лѣтами,

но способности котораго, если не обманываетъ меня любовь, объщаютъ нѣчто великое; это—мой сынъ Адеодатъ. Когда они настроили свое вниманіе, я началъ такъ.

ГЛАВА II.

Состязаніе перваго дня.

Мы состоимъ изъ души и тѣла. Для тѣла необходима пища. И для души существуетъ своего рода пища. Тотъ не блаженъ, кто не имѣетъ чего желаетъ. Но блаженъ и не всякій имѣющій то, чего желаетъ. Что долженъ приобрести человекъ, чтобы быть блаженнымъ. Кто имѣетъ Бога. Академикъ не можетъ быть блаженнымъ, слѣдовательно онъ не мудръ.

Представляется ли вамъ яснымъ, что мы состоимъ изъ души и тѣла?—Когда всѣ согласились, Навигій отвѣчалъ, что онъ этого не знаетъ.—Совершенно ли ты ничего не знаешь, спрашиваю я, или къ кое-чему такому, чего ты не знаешь, слѣдуетъ причислить и это?—Не думаю, отвѣчаетъ, чтобы я ничего не зналъ.—Можешь ли, спрашиваю, сказать намъ что-нибудь изъ того, что знаешь?—Могу, говорить.—Скажи же, говорю, что-нибудь, если это не тяжело для тебя. И когда онъ колебался, я спросилъ: знаешь ли, по крайней мѣрѣ, что ты живешь?—Знаю, говорить.—Знаешь, слѣдовательно, и то, что имѣешь жизнь? Никто вѣдь не можетъ жить иначе, какъ жизнью.—Знаю, говорить, и это.—Знаешь и то, что имѣешь тѣло?—Сказалъ, что знаетъ.—Итакъ, ты знаешь уже и то, что состоишь изъ тѣла и жизни?—Между прочимъ знаю и это; но тѣло ли только и жизнь существовать, этого не знаю.—Итакъ, говорю, въ этихъ двухъ, тѣлѣ и душѣ, ты не сомнѣваешься; но не знаешь, нѣтъ ли чего еще и другаго, что служить къ восполненію и усовершен-

ствованію человѣка. — Да, говорить. — Что это такое, — мы говорю, изслѣдуемъ, если можемъ, въ другое время; а теперь, поелику мы всѣ согласны, что человѣкъ не можетъ быть ни безъ тѣла, ни безъ души, — я всѣхъ спрашиваю: ради чего изъ нихъ мы нуждаемся въ пищѣ? — Ради тѣла, говоритъ Лиценцій. Остальные же колебались и разсуждали между собою, какимъ это образомъ пища можетъ казаться необходимою для тѣла, когда она требуется для жизни, а жизнь принадлежитъ только душѣ. — Кажется ли вамъ, сказалъ я тогда, что пища имѣетъ отношеніе къ той части, которая, какъ мы видимъ это, отъ пищи возрастаетъ и дѣлается крѣпче? — Съ этимъ согласились всѣ, за исключеніемъ Тригеція. Онъ возразилъ: Отчего же не выросъ я больше вслѣдствіе своей прожорливости? — Всѣ тѣла, сказалъ я на это, имѣютъ свой, природою установленный размѣръ, переростать который они не могутъ; однако они дѣлаются меньше въ объемъ, если имъ недостаетъ пищи, какъ это легче всего мы замѣчаемъ на животныхъ. И никто не сомнѣвается, что тѣла всѣхъ животныхъ худѣютъ, какъ скоро лишаютъ ихъ пищи. — Худѣтъ, возразилъ Лиценцій, не значитъ уменьшаться. — Для того, сказалъ я, чего мнѣ хотѣлось, достаточно и сказаннаго. Ибо вопросъ въ томъ, принадлежитъ ли тѣлу пища? А она принадлежитъ ему, потому что тѣло, когда его лишаютъ пищи, доводится до худобы. — Всѣ согласились, что это такъ.

Не существуетъ ли, спросилъ я, и для души своей пищи? Представляется ли вамъ пищею души знаніе? — Совершенно такъ, отвѣчала мать: я полагаю, что душа питается не инымъ чѣмъ, какъ разумѣніемъ вещей и знаніемъ. Когда Тригецію это мнѣніе показалось сомнительнымъ, мать сказала ему: Не самъ ли ты нынѣ научилъ насъ тому, откуда и гдѣ питается душа? Ибо, послѣ одного обѣденнаго блюда ты сказалъ, что не замѣтилъ, какою мы пользовались посудою, потому что думалъ о чемъ-то другомъ, хотя отъ самого блю-

да не удерживалъ рукъ и зубовъ. И такъ, гдѣ былъ твой духъ въ то время, когда не наблюдалъ за этимъ при твоей ѣдѣ, оттуда и такого рода пищею, вѣрь мнѣ, и питается твоя душа, питается т. е. умозрѣніями и размышленіями, если можетъ чрезъ нихъ познать что нибудь.— Не согласны ли вы,—сказалъ я, когда они шумно заспорили объ этомъ предметѣ,—что души людей ученѣйшихъ какъ бы въ своемъ родѣ полнѣе и больше, чѣмъ душа несвѣдущихъ? — Несомнѣнно такъ, отвѣчали.— Значитъ, будетъ правильно сказать, что души тѣхъ людей, которые не обогащены никакою наукою, не насыщены никакимъ добрымъ познаніемъ, души тощія и какъ бы голодныя? — Полагаю, возразилъ Тригемій, что души и такихъ людей полны, но пороковъ и распутства.— Это самое, сказалъ я, представляетъ собою—повѣрь мнѣ—нѣкотораго рода бесплодіе и какъ бы голодъ духа. Ибо какъ тѣло, когда его лишаютъ пищи, почти всегда подвергается болѣзнямъ и шолудямъ, которые служатъ въ немъ указаніемъ на голодъ; такъ точно и души тѣхъ людей полны такихъ недуговъ, которые свидѣтельствуютъ о ихъ голодности. На этомъ основаніи древніе назвали матерью всѣхъ пороковъ распутство, потому что оно представляетъ собою нѣчто отрицательное ¹⁾, т. е. потому, что оно—ничто. Противоположная сему пороку добродѣтель называется воздержностію. Такимъ образомъ, какъ эта послѣдняя получила свое названіе *отъ плода* ²⁾, ради нѣкоторой духовной производительности, такъ то названо распутствомъ *отъ бесплодности*, т. е. *отъ ничто*: ибо ничто есть все то, что уничтожается, что разрушаетъ

¹⁾ Nequidquam sit, есть не-нѣчто, т. е. не есть нѣчто, иначе: представляетъ собою нѣчто *отрицательное*. Nequidquam составляетъ игру словъ съ nequitia, распутство.

²⁾ Воздержность, frugalitas,... отъ плода, а fruge: опять игра словъ.

ся, что исчезаетъ и какъ бы постоянно погибаетъ. Оттого и называемъ мы подобныхъ людей погибшими. Напротивъ того, есть нѣчто пребывающее, постоянное, остающееся всегда такимъ же: такова именно добродѣтель, значительная часть которой и самая прекрасная называется умѣренностію или воздержностію. Если же это представляется для васъ не настолько яснымъ, чтобъ вы могли понять, то согласитесь со мною въ томъ по крайней мѣрѣ, что какъ для тѣлъ, такъ и для душъ,—поелику души и несвѣдущихъ какъ бы полны,—существуетъ двухъ родовъ пища, одна здоровая и полезная, другая нездоровая и зловредная.

А если это такъ, то полагаю, что въ день своего рожденія я долженъ предложить немного лучшую трапезу не только для нашихъ тѣлъ, но и для душъ, такъ какъ мы согласны вѣдь между собою, что человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души. Но я предложу вамъ эту трапезу, если только вы голодны. Ибо если я стану стараться накормить васъ, когда вы будете не хотѣть и брезгать, то напрасно потрачу трудъ; а было бы желательнѣе, чтобы вы требовали болѣе этого рода пищи, чѣмъ пищи тѣлесной. Это случится, если ваши души будутъ здоровы; потому что больныя, какъ мы видимъ это и въ недугахъ тѣла, отказываются отъ своей пищи и не принимаютъ ея.—Съ довольнымъ видомъ лица и въ одинъ голосъ сказали всѣ, что все, что бы ни изготовилъ я, они уже заранѣе принимаютъ и благодарятъ меня.

Желаемъ ли мы быть блаженными, спросилъ я, вступая снова въ бесѣду?—Едва произнесъ я эти слова, всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали, что это такъ.—Считаете ли вы, спрашиваю далѣе, блаженнымъ того, кто не имѣетъ, чего желаетъ?—Нѣтъ, отвѣчаютъ.—Значитъ, блаженъ всякій, кто имѣетъ то, чего желаетъ?—Блаженъ, отвѣчаетъ мать, если онъ желаетъ и имѣетъ доброе; если же желаетъ худаго, то несчастенъ, хотя бы и имѣлъ.—Ты, мать, говорю я ей съ

улыбкой радости, рѣшительно овладѣла самою крѣпостію философіи. Только за недостаткомъ, безъ сомнѣнія, словъ ты выразилась не такъ пространно, какъ Туллій, съ изреченіемъ котораго согласны слова твои. Именно, въ сочиненіи *Гортензіи*, написанномъ имъ въ похвалу и защиту философіи, онъ говоритъ слѣдующее: »Вотъ всѣ,—не философы, впрочемъ, а люди готовые поспорить,—говорятъ, что блаженные суть тѣ, которые живутъ такъ, какъ имъ хочется; но это не вѣрно, поелику хотѣтъ того, что неприлично, само по себѣ есть величайшее несчастье. Не получить желаемаго не столько бѣдственно, сколько желать получить недолжное. Ибо порочность воли дѣлаетъ каждому болѣе зла, нежели фортуна добра.« Этими словами она (мать) высказалась такъ, что мы совершенно забывши о ея полѣ, подумали, что съ нами возсѣдаетъ цѣлкій великій мужъ,—между тѣмъ какъ я понималъ, насколько могъ, изъ какаго и сколь божественнаго источника они проистекли.—Но, говоритъ Лиценцій, ты долженъ, сказать намъ, чего каждый долженъ желать и къ чему слѣдуетъ ему стремиться, дабы быть блаженнымъ. — Если угодно, замѣтилъ я ему, пригласи меня въ день своего рожденія; я охотно буду кушать все, что ты мнѣ ни предложишь.—На такихъ же условіяхъ прошу сегодня кушать и у меня, и не требовать того, что, быть можетъ, не изготовлено.—Когда онъ началъ сожалѣть о своемъ скромномъ и боязливомъ замѣчаніи, я сказалъ: Итакъ мы согласны, что кто не имѣетъ того, чего желаетъ, не можетъ быть блаженнымъ; а съ другой стороны, не всякій блаженъ и тотъ, кто имѣетъ то, чего желаетъ?—Отвѣчали, что согласны.

Не согласитесь ли вы, спрашиваю, и съ тѣмъ, что тотъ несчастенъ, кто не блаженъ?—Сомнѣвающихся не оказалось.—Значить, спрашиваю опять, всякій, кто не имѣетъ чего желаетъ, несчастенъ?—Всѣ согласились, что это такъ.—Что же, продолжаю я, человекъ долженъ приготовить себѣ,

чтобы быть блаженным? Можетъ статься, на этомъ нашемъ пиршествѣ и оно будетъ подано, чтобы голодъ Лиценція не оставался неудовлетвореннымъ: ибо, на мой взглядъ, для него должно приготовить то, что онъ имѣлъ бы, когда бы ни захотѣлъ.—Сказали, что это несомнѣнно.—Итакъ, говорю я, оно должно быть всегда пребывающимъ, независимымъ отъ Фортуны и не подлежащимъ никакимъ случайностямъ. Поелику чего бы то ни было смертнаго и преходящаго мы не можемъ имѣть въ то время, когда желаемъ и какъ скоро желаемъ.—Съ этимъ согласились всѣ. Но Тригецій возразилъ: Есть много такихъ счастливыхъ, которые обладаютъ въ избыткѣ этими тѣнными и случайностямъ подлежащими, но для настоящей жизни приятными, вещами, такъ что у нихъ нѣтъ недостатка ни въ чемъ такомъ, чего они желаютъ.— На это я сказалъ ему: Представляется ли тебѣ блаженнымъ тотъ, кто боится?—Не представляется, говоритъ.—Но можетъ ли, говорю, не бояться каждый, если онъ можетъ лишиться того, что любитъ?—Не можетъ, отвѣчаетъ.—Однакожь, эти случайныя блага могутъ быть утрачены. Слѣдовательно тотъ, кто ихъ любитъ и обладаетъ ими, не можетъ быть блаженнымъ.—Противъ этого спорить онъ не сталъ.—Но, возразила при этомъ мать, если бы онъ былъ и спокоенъ на счетъ того, что всего этого не утратитъ, и въ такомъ случаѣ онъ не можетъ быть довольнымъ подобнаго рода вещами. Значитъ, онъ несчастенъ уже потому самому, что остается постоянно нуждающимся.—На это я сказалъ ей: Не представляется ли тебѣ блаженнымъ человѣкъ, въ избыткѣ обладающій всѣми этими вещами, если онъ ограничиваетъ свои желанія, и довольный этими вещами, наслаждается ими пристойно и съ пріятностію?—Въ такомъ случаѣ, отвѣчала она, онъ блаженъ не этими вещами, а умѣренностію своего духа.— Прекрасно, сказалъ я; на этотъ вопросъ, даже и не отъ тебя, иного отвѣта не должно быть. Итакъ, мы не сомнѣваемся

нисколько, что тотъ, кто рѣшился быть блаженнымъ, долженъ приобрести для себя то, что всегда пребываетъ и что не можетъ быть похищено никакою свирѣпою фортуною.—Съ этимъ, замѣтилъ Тригедій, мы еще раньше согласились.— Не представляется ли вамъ, спросилъ я, Богъ вѣчнымъ и всегда пребывающимъ?—Это, отвѣчалъ Лиценцій, такъ несомнѣнно, что не нуждается и въ вопросѣ.—Съ этимъ благочестивымъ отвѣтомъ согласились и прочіе.—Итакъ, сказалъ я, блаженъ тотъ, кто имѣетъ Бога.

Когда они съ радостію и вполне охотно приняли это, я сказалъ: Мнѣ думается, что намъ ни о чемъ больше не слѣдуетъ спрашивать, какъ о томъ, кто изъ людей имѣетъ Бога; ибо такой будетъ поистинѣ блаженнымъ. А вы какъ объ этомъ думаете? — На это Лиценцій сказалъ, что Бога имѣетъ тотъ, кто живетъ хорошо; а Тригедій—что тотъ имѣетъ Бога, кто дѣлаетъ угодное Богу. Съ мнѣніемъ послѣдняго согласился и Ластидіанъ.—Отрокъ же нашъ, меньшій всѣхъ, отвѣчалъ, что Бога имѣетъ тотъ, кто не имѣетъ нечистаго духа.—Мать же одобрила всѣ мнѣнія, но особенно послѣднее. Навигій молчалъ; а когда я спросилъ его, какъ думаетъ онъ, отвѣчалъ, что ему нравится послѣднее. Слѣдуетъ, подумалъ я, и у Рустика, который молчалъ затрудняемый, казалось мнѣ, скорѣе застѣнчивостію, чѣмъ размышленіемъ, спросить, какого онъ мнѣнія относительно столь важнаго предмета; онъ согласился съ Тригедіемъ.

Тогда я сказалъ: Я имѣю мнѣніе всѣхъ о предметѣ истинно великомъ, далѣе котораго ни о чемъ не должно быть спрашиваемо, да и ничто не можетъ быть найдено; если только мы будемъ изслѣдывать его такъ же спокойно и чисто-сердечно, какъ и начали. Но такъ какъ на сегодня этого было бы много, и такъ какъ есть своего рода неумѣренность въ нищѣ и для душъ, какъ скоро онѣ набрасываются на нее сверхъ мѣры и съ жадностію (ибо въ такомъ случаѣ

онѣ худо перевариваютъ ее, откуда для здоровья умовъ возникаетъ не меньшая опасность, какъ и отъ голода): то, буде угодно, примемся за этотъ вопросъ завтра впроголодь. Теперь же прошу васъ полакомиться лишь тѣмъ, что мнѣ, вашему прислужнику, пришло на умъ на скорую руку подать къ столу; и что, если не ошибаюсь, изготовлено и спечено какъ бы на шгольномъ меду, въ родѣ тѣхъ блюдъ, какія обыкновенно подаются послѣдними.—Услышавъ это, всѣ какъ бы потянулись къ внесенному блюду, и понуждали меня поскорѣе сказать, что это такое.—А какъ вы думаете, сказалъ я: весь этотъ поднятый нами вопросъ не поконченъ ли уже съ Академиками? — Лишь только услышано было это имя, тѣ трое, которымъ предметъ этотъ былъ извѣстенъ, быстро поднялись и какъ бы простерли руки, чтобы помочь—какъ это дѣлается—вносящему (кушанья) служителю, показывая, какими только могли, словами, что они ни о чемъ не намѣрены слушать охотнѣе.

Тогда я поставилъ дѣло такъ: очевидно, сказалъ я, что тотъ не блаженъ, кто не имѣетъ, чего желаетъ, какъ это немного раньше нами доказано. Между тѣмъ, никто не ищетъ того, чего не хочетъ найти; ищутъ же они постоянно истины, слѣд. желаютъ найти ее. Но они ее не находятъ; слѣдовательно не имѣютъ того, чего желаютъ, и потому не блаженны. Но никто не бываетъ мудрымъ, кромѣ блаженнаго; слѣдовательно Академикъ не мудръ.—При этомъ они, какъ бы сразу схватывая все, вскрикнули. Но Лиценцій, останавливаясь на предметъ съ большимъ вниманіемъ и осторожностію, побоялся своего согласія и присовокупилъ: Схватилъ и я вмѣстѣ съ вами, потому что вскрикнулъ, пораженный этимъ заключеніемъ. Но изъ этого я ничего не пропущу въ свой желудокъ, а сберегу свою часть для Алипія: пусть онъ пососетъ ее вмѣстѣ со мною, или убѣдитъ меня, почему не должно ея касаться.—Сладкаго, сказалъ я,

слѣдовало бы бояться скорѣе Навигію, при его поврежденной селезенкѣ.—Напротивъ, усмѣхаясь сказалъ тотъ; такія вещи излечать меня. Не знаю отъ чего, но это верченое и колющее, что ты предложилъ, имѣеть, какъ нѣкто выразился о иметскомъ медѣ, остро-сладкій вкусъ, и нисколько не пучить желудка. Почему все это, хотя немножко и щиплетъ небо, я могу съ большимъ удовольствіемъ отправлять въ желудокъ. Ибо я не вижу, какъ бы могло быть опровергнуто твое заключеніе.—Рѣшительно никакъ не можетъ, сказалъ Тригецій. Поэтому я радуюсь, что давно уже сталъ къ нимъ (Академикамъ) въ недружелюбное отношеніе. Не знаю подъ какимъ влияніемъ природы или—вѣрнѣе сказать—Бога, не знаю даже, чѣмъ должны быть они опровергаемы, однако я буду ихъ рѣшительнымъ противникомъ.

А я, сказалъ на это Лиценцій, пока не оставляю ихъ.—Значить, возразилъ Тригецій, ты несогласенъ съ нами?—А вы, спросилъ тотъ въ свою очередь, развѣ расходитесь въ этомъ съ Алипіемъ?—Не сомнѣваюсь, сказалъ я на это, что Алипій, еслибы находился здѣсь, согласился бы съ моимъ умозаключеніемъ. Ибо онъ не могъ бы держаться того нелѣпаго мнѣнія, чтобы блаженнымъ считался тотъ, кто не имѣеть такого духовнаго блага, котораго желаетъ самымъ пламеннымъ образомъ,—или чтобы они (Академики) не желали найти истину,—или, чтобы мудръ былъ тотъ, кто не блаженъ: ибо то, чего ты побоялся отвѣдать, приправлено этими тремя (положеніями), какъ бы медомъ, мукою и орѣхомъ.—Онъ ли, возразилъ Лиценцій, увлекся бы этою маленькою дѣтскою приманкой, бросивъ то обиліе Академиковъ, которое если бы разлилось, уничтожило бы или поглотило это коротенькое, не знаю какъ назвать его?—Какъ будто, сказалъ я, мы спрашиваемъ о чемъ-нибудь пространномъ, особенно противъ Алипія: ибо по собственному тѣлу онъ можетъ заключить, что эта малость не мало крѣпка и полезна. Но ты, по-

рѣшившій судить, опираясь на авторитетъ отсутствующаго, ты-то почему не одобряешь золота? Развѣ по твоему блаженъ тотъ, кто не имѣеть чего желаетъ? Или ты отрицаешь, что Академики желаютъ найти истину которую усиленно отыскиваютъ? Или же представляется тебѣ кто-нибудь мудрый не блаженнымъ? — Блаженъ вполне, кто не имѣеть чего желаетъ, сказалъ онъ, смѣясь какъ бы съ сердцемъ. — Когда я приказалъ, чтобъ эти слова его были записаны, онъ сказалъ, вскрикивая: »я этого не говорилъ«. А когда я далъ знакъ, чтобы записано было и это, онъ сказалъ: »я говорилъ«. Но мною однажды навсегда приказано было, чтобы ни одно слово не оставалось не записаннымъ. Такимъ образомъ этого юношу я держалъ въ границахъ почтительности и постоянства.

Но между тѣмъ какъ мы, шутя, какъ бы понуждали его екушать свою порційку, я замѣтилъ, что остальные, не знавшіе всего дѣла, но желавшіе знать, о чемъ одни мы толкуемъ между собою такъ пріятно, смотрѣли на насъ безъ смѣху. Мнѣ они показались—какъ обыкновенно случается весьма часто—похожими на людей, которые, находясь на пиршествѣ среди весьма голодныхъ и жадно-хватающихся за ѣду товарищей, не спѣшатъ брать вслѣдствіе солидности, или же робѣютъ—вслѣдствіе застѣнчивости. А такъ какъ угощаль я, и на пиршествѣ этомъ представлялъ собою лицо нѣкоего великаго человѣка, и притомъ, чтобы высказаться вполне, угощающаго человѣка истиннаго, то и не могъ допустить этого; и разность и неравенство за моимъ столомъ встревожили меня. Я улыбнулся матери. Она же, какъ бы съ полнѣшею готовностію приказывая достать изъ своей кладовой чего не доставало, сказала: Скажи же намъ, что за люди эти Академики и чего хотятъ они?—Когда я кратко и ясно изложилъ дѣло, такъ чтобы никто изъ нихъ не остался незнающимъ, она сказала: «эти люди—припадочные (такимъ

простонароднымъ именемъ называются у насъ люди, подверженныя падучей болѣзни); и съ этимъ встала, чтобы уйти. Тогда и всѣ мы начали расходиться, будучи довольны и радуясь тому, что наступилъ конецъ.

ГЛАВА III.

Состязаніе втораго дня.

*Кто имѣетъ Бога такъ чтобы быть блаженнымъ?
Нечистый духъ обыкновенно называется дяволомъ.*

На другой день, также послѣ обѣда, но нѣсколько позже, чѣмъ наканунѣ, усѣвшись на томъ же мѣстѣ, я сказалъ: поздно пришли вы на пирь, что случилось съ вами, думаю, не въслѣдствіе недоспѣлости кушаній, а въслѣдствіе увѣренности въ ихъ малости: нѣтъ, казалось вамъ, надобности спѣшить къ тому, что думали вы скоро скушать. Ибо нельзя было думать, чтобы осталось много остатковъ тамъ, гдѣ и въ самый день пиршества встрѣчено было столь немногое. Оно, можетъ быть, и хорошо. Но что для васъ приготолено, этого вмѣстѣ съ вами не знаю и я. Ибо есть другой, кто не перестаетъ подавать всѣмъ какъ всякую, такъ и этого рода пищу; но перестаемъ по большей части ѣсть мы, то въслѣдствіе нездоровья, то въслѣдствіе сытости, то по причинѣ занятій дѣлами; а что этотъ другой, пребывая въ людяхъ, дѣлаетъ ихъ блаженными, относительно этого вчера, если не ошибаюсь, мы пришли между собою къ благочестивому и твердому согласію. Поелигу, когда разумъ доказалъ, что блаженъ тотъ, кто имѣетъ Бога, и никто изъ васъ не воспротивился этому мнѣнію: то предложенъ былъ вопросъ о томъ, кто, по вашему мнѣнію, имѣетъ Бога? На этотъ вопросъ, если хорошо помню, высказаны были три мнѣнія.—Одни полагали, что Бога имѣетъ тотъ, кто дѣлаетъ угодное Бѣгу; нѣкоторые сказали, что тотъ имѣетъ Бога, кто живетъ хорошо;

наконецъ, по мнѣнію остальныхъ, Богъ пребываетъ въ тѣхъ, въ коихъ нѣтъ духа, называемаго нечистымъ.

Но можетъ быть, подъ разными словами вы всѣ разумѣли одно и тоже. Ибо если обратимъ мы вниманіе на два первыя мнѣнія, то всякій, кто живетъ хорошо, тѣмъ самымъ дѣлаетъ и угодное Богу; и всякій, кто дѣлаетъ угодное Богу, потому и живетъ хорошо: жить хорошо значитъ не иное что, какъ дѣлать угодное Богу. Но можетъ быть вамъ представляется это иначе?—Они согласились со мною. Но третье мнѣніе слѣдуетъ разсмотрѣть нѣсколько внимательнѣе; потому что въ христіанской религіи названіе нечистый духъ, насколько я понимаю, употребляется обыкновенно двояко. Съ одной стороны, это—духъ, который извнѣ, овладѣвая душою и возмущая чувства, подвергаетъ людей нѣкоторому бѣснованію, и для изгнанія котораго приглашаются имѣющіе власть возлагать руки и дѣлать заклинанія, т. е. изгонять посредствомъ религіозно-обрядовыхъ заклатій. Но, съ другой стороны, нечистымъ духомъ называется и всякая вообще нечистая душа, т. е. душа оскверненная пороками и заблужденіями. Итакъ, дитя, я спрашиваю тебя, высказавшаго это мнѣніе, конечно съ болѣе свѣтлымъ и чистымъ духомъ: кто, по твоему мнѣнію, не имѣетъ нечистаго духа,—тотъ ли кто не имѣетъ демона, который дѣлаетъ, обыкновенно, людей бѣсноватыми; или же тотъ, кто очищаетъ свою душу отъ всякихъ пороковъ и грѣховъ?—Мнѣ кажется, отвѣчалъ онъ, что тотъ не имѣетъ нечистаго духа, кто живетъ цѣломудренно.—Но, спросилъ я, кого называешь ты цѣломудреннымъ,—того ли, кто ни въ чемъ не грѣшитъ, или же того, кто воздерживается только онъ непозволительнаго сожительства?—Какимъ образомъ, отвѣчалъ онъ, можетъ быть цѣломудреннымъ тотъ, кто, воздерживаясь отъ непозволительнаго сожительства, не перестаетъ осквернять себя прочими грѣхами? Тотъ истинно цѣломудренъ, кто преданъ Богу и на Него одного

надѣется.—Сдѣлавъ распоряженіе, чтобы эти слова отрока записаны были такъ, какъ они имъ высказаны,—я сказалъ: Такой непремѣнно житье хорошо, а кто живетъ хорошо, необходимо таковъ; но можетъ быть тебѣ представляется это иначе?—Онъ и остальные согласились со мною.—Стало быть въ этомъ, сказалъ я, заключается одно изъ высказанныхъ мнѣній.

Сдѣлаю вамъ еще нѣсколько вопросовъ: желаетъ ли Богъ, чтобы человекъ искалъ Бога?—Отвѣчали утвердительно.—Спрашиваю еще: неужели мы можемъ сказать, что тотъ, кто ищетъ Бога, худо живетъ?—Ни въ какомъ случаѣ, отвѣчали.—Отвѣтите мнѣ и на третій еще вопросъ: можетъ ли нечистый духъ искать Бога?—Это отвергли всѣ, за исключеніемъ нѣсколько сомнѣвавшагося Навигія, который потомъ согласился съ мнѣніемъ остальныхъ.—Итакъ, сказалъ я, если тотъ, кто ищетъ Бога, дѣлаетъ угодное Богу и живетъ хорошо, и не имѣетъ духа нечистаго; а кто ищетъ Бога, тотъ еще не имѣетъ Бога: то не всякій, кто живетъ хорошо, дѣлаетъ угодное Богу, не имѣетъ нечистаго духа, долженъ непремѣнно быть считаемъ имѣющимъ Бога.—Когда всѣ начали смѣяться, что пойманы ихъ же собственными уступками, мать, долго находившаяся въ изумленіи, попросила меня распутать и разъяснить ей сдѣланный мною посредствомъ умозаключенія выводъ.—Когда это мною было сдѣлано; она сказала: Но никто не можетъ достигнуть Бога, если Бога не ищетъ.—Прекрасно, отвѣчалъ я; однакожь, тотъ, кто только ищетъ, еще не достигъ Бога, хотя бы жилъ и хорошо. Значитъ, не всякій, кто живетъ хорошо, имѣетъ Бога.—Мнѣ думается, возразила она, что Бога никто не имѣетъ; но кто живетъ хорошо, къ тому Онъ милостивъ, а кто—худо, къ тому непріязненъ.—Въ такомъ случаѣ, сказалъ я, вчерашній день мы неосновательно согласились, что тотъ блаженъ, кто имѣетъ Бога. Ибо хотя

всякій человѣкъ имѣеть Бога, однако не всякій блаженъ.— Бога милостиваго, прибавь, сказала она.

Достаточно ли, сказалъ я, согласны мы въ томъ, по крайней мѣрѣ, что блаженъ тотъ, къ кому Богъ милостивъ?—И желалъ бы согласиться, отвѣчалъ Навигій, да боюсь, чтобы ты не вывелъ заключенія, что блаженъ еще только ищущій, въ особенности же тотъ Академикъ, который вчера названъ былъ хотя простонароднымъ и не совсѣмъ латинскимъ, но, какъ кажется мнѣ, совершенно мѣткимъ наименованіемъ припадочнаго. Ибо я не могу сказать, чтобы Богъ былъ непріязненъ къ человѣку, который Бога ищетъ: если сказать это не пристойно, значить Онъ будетъ къ нему милостивъ, а тотъ, къ кому Богъ милостивъ, блаженъ. Слѣдовательно блаженнымъ будетъ и тотъ, кто ищетъ. А всякій ищущій еще не имѣеть того, чего желаетъ. Слѣдовательно блаженнымъ будетъ и тотъ человѣкъ, который не имѣеть того, чего желаетъ; а это всѣмъ намъ показалось вчера нелѣпостію и мы вслѣдствіе того подумали-было, что мракъ Академиковъ разсѣянъ. И потому Лиценцій восторжествуетъ надъ нами, а мнѣ, какъ благоразумный врачъ, пропишетъ наказанія за тѣ сладости, которыя безразсудно кушалъ я, вопреки своему здоровью.

Когда при этомъ даже и мать улыбнулась, Тригедій сказалъ: я не согласенъ съ тѣмъ, чтобы Богъ былъ непременно непріязненъ тому, къ кому Онъ немилостивъ; думаю, есть нѣчто среднее.—Однакожь, отвѣчалъ я ему, ты соглашаешься, что этотъ средній человѣкъ, къ коему Богъ ни милостивъ, ни непріязненъ, имѣеть Бога?—Когда онъ медлилъ отвѣтомъ, мать сказала: иное дѣло имѣть Бога, иное не быть безъ Бога.—Что же лучше, спросилъ я,—имѣть ли Бога, или не быть безъ Бога?—Насколько я могу понимать, отвѣчала она, мое мнѣніе таково: кто живетъ хорошо, тотъ имѣеть Бога милостиваго, а кто худо, тотъ имѣеть Бога, но непріязнен-

наго. А кто только ищетъ Бога и не нашель еще, тотъ не имѣеть Его ни милостиваго, ни непріязненнаго; но онъ—не безъ Бога.—Не таково ли, спросилъ я всѣхъ, и ваше мнѣніе?—Таково, отвѣчали.—Скажите же мнѣ пожалуйста, говорю, не представляется ли вамъ, что Богъ милостивъ къ тому человѣку, которому онъ благодѣтельствуетъ?—Сказали, что это такъ.—А не благодѣтельствуетъ ли, говорю, Богъ тому человѣку, который его ищетъ?—Благодѣтельствуетъ, отвѣчали.—Значитъ, говорю, кто ищетъ Бога, къ тому Богъ милостивъ, а всякій, къ кому Богъ милостивъ, блаженъ. Слѣдовательно блаженнымъ будетъ и тотъ, кто ищетъ. А кто ищетъ, тотъ еще не имѣеть того, чего желаетъ. Слѣдовательно блаженнымъ будетъ и тотъ, кто не имѣеть того, чего желаетъ.—Мнѣ, возразила мать, отнюдь не кажется блаженнымъ тотъ, кто не имѣеть, чего желаетъ.—Въ такомъ случаѣ, замѣтилъ я, не всякій тотъ блаженъ, къ кому Богъ милостивъ.—Если, сказала она, этого требуетъ разумъ, я не могу отрицать.—Итакъ, заключилъ я, получится такое раздѣленіе: всякій, кто уже обрѣлъ Бога и къ кому Богъ милостивъ, потому самому и блаженъ; тотъ же, кто ищетъ Бога, къ тому Богъ милостивъ, но онъ еще не блаженъ; а тотъ, кто отдаляется отъ Бога пороками и грѣхами, тотъ не только не блаженъ, но и Богъ къ нему не милостивъ.

Когда всѣ съ этимъ согласились, я сказалъ: Все это хорошо; только я опасаясь, какъ бы не поколебалось васъ то, въ чемъ мы уже согласились раньше, именно—что всякій тотъ несчастенъ, кто не блаженъ. Изъ этого будетъ слѣдовать, что тотъ человѣкъ несчастенъ, который считаетъ Бога милостивымъ къ себѣ; потому что такого, пока онъ ищетъ Бога, мы еще не называли блаженнымъ. Развѣ уже, какъ говоритъ Туллій, называя господь владѣющихъ многими помѣстьями на землѣ, богачами, людей, обладающихъ всяче-

скими добродѣтелями, станёмъ звать бѣдняками? Но обратите вниманіе на то, тагъ ли истинно, что всякій несчастный нуждается, какъ истинно то, что всякій нуждающійся несчастенъ? Ибо въ такомъ случаѣ будетъ истиннымъ и то, что несчастье есть не что иное, какъ нужда—мнѣніе, которое я, подумали вы, одобряю, когда оно было высказано. Но сегодня разсуждать объ этомъ долго; почему я прошу васъ не побрезгать—собраться къ этому столу и завтра. Когда всѣ сказали, что принимаютъ приглашеніе съ полнѣйшею готовностію, мы встали.

ГЛАВА IV.

Состязаніе третьяго дня.

Должно говорить о вопросѣ, предложенномъ на канунъ. Всякій нуждающійся несчастенъ. Мудрый совершенно не нуждается ни въ чемъ. Всякій ли несчастный нуждается. Скудость душевная. Полнота духа. Кто же наконецъ блаженъ?

На третій день нашего состязанія утреннія тучи, загонявшія насъ въ бани, разсѣялись, и въ послѣобѣденное время наступила весьма ясная погода. Мы порѣшили спуститься на ближайшій лужокъ, и когда всѣ разсѣлись, гдѣ кому показалось удобнымъ, остальная рѣчь ведена была такимъ образомъ. — Почти на все, сказалъ я, на что я хотѣлъ своими вопросами добиться вашего согласія, я согласіе ваше получилъ. Почему на нынѣшній день, которымъ мы могли бы прервать на нѣкоторое время это наше пиршество, или не остается ничего, или останется немного, на что, какъ думаю, мнѣ необходимо бы получить вашъ отвѣтъ. Мать сказала, что несчастье есть не что иное, какъ нужда; и мы со-

гласились, что всё нуждающіеся суть несчастны. Но всё ли несчастные нуждаются,—это осталось однимъ изъ вопросовъ, разрѣшить который вчерашній день мы не могли. Между тѣмъ, если разумъ докажетъ, что это такъ: то вполне найдено, кто блаженъ; ибо таковымъ будетъ тотъ, кто не нуждается. Потому что всякій, кто не есть несчастный, блаженъ. Слѣдовательно, блаженъ тотъ, кто не имѣетъ нужды, если будетъ доказано, что то, что мы называемъ нуждою, и есть самое несчастіе.

А почему бы, сказалъ Тригетій, изъ той очевидной истины, что всякій нуждающійся несчастенъ, нельзя было вывести заключенія, что всякій ненуждающійся блаженъ? Вѣдь, помнится мнѣ, мы согласились, что между несчастнымъ и блаженнымъ нѣтъ ничего средняго.—А не находишь ли ты, сказалъ я, чего нибудь средняго между живымъ и мертвымъ? Не всякій ли человекъ—или живой или мертвый?—Признаюсь, отвѣчалъ онъ, что и здѣсь нѣтъ ничего средняго. Но зачѣмъ этотъ вопросъ?—А затѣмъ, сказалъ я, что ты, думаю, признаешь и то, что всякій кто за годъ предъ симъ похороненъ, мертвъ.—Этого онъ не отрицалъ.—Слѣдуетъ ли изъ этого, что всякій, кто за годъ предъ симъ не похороненъ, живъ? — Не слѣдуетъ, отвѣчалъ.—Значить, сказалъ я, и изъ того, что всякій нуждающійся несчастенъ, не слѣдуетъ, чтобы всякій не нуждающійся былъ блаженнымъ; хотя между несчастнымъ и блаженнымъ, какъ между живымъ и мертвымъ, не можетъ быть найдено ничего средняго.

Нѣкоторые изъ нихъ поняли это не сразу, а послѣ того уже, какъ въ выраженіяхъ по возможности приспособленныхъ къ ихъ разумѣнію мною сдѣланы были объясненія и измѣненія; затѣмъ я сказалъ: Итакъ, никто не сомнѣвается, что всякій, кто нуждается, несчастенъ. Что есть нѣчто не-

обходимое для тѣла мудрыхъ, это не можетъ быть для насъ возраженіемъ. Ибо въ этомъ нуждается не самый духъ, въ которомъ полагается блаженная жизнь. Онъ совершенъ, а никто совершенный не нуждается ни въ чемъ; но если есть то, что вается необходимымъ для тѣла, пользуется имъ, а если нѣтъ, недостатокъ въ томъ не сокрушаетъ его. Ибо всякій мудрый—силенъ, а всякій сильный не боится ничего. Поэтому мудрый не боится ни тѣлесной смерти, ни болѣзни, для удаленія, или избѣжанія, или отерочки которыхъ необходимо то, въ чемъ можетъ у него оказываться недостатокъ. Но онъ, впрочемъ, не перестаетъ пользоваться этимъ надлежащимъ образомъ, если оно у него есть. Ибо весьма вѣрно извѣстное изреченіе: «Глупо допускать то, чего можешь избѣжать»¹⁾. Поэтому, насколько возможно и прилично, онъ будетъ избѣгать смерти и болѣзни; а если бы не избѣжалъ, то былъ бы несчастенъ не потому, что это съ нимъ случилось, а потому, что не хотѣлъ избѣжать ихъ, когда избѣжать могъ,— что составляетъ явный знакъ глупости. Итакъ, не избѣгая этого, онъ будетъ несчастнымъ не вслѣдствіе перенесенія подобныхъ вещей, а вслѣдствіе глупости. Если же онъ не въ состояніи избѣжать ихъ, хотя и старается объ этомъ прилежно и приличнымъ образомъ, то, обрушиваясь на него, онъ не дѣлаютъ его несчастнымъ. Ибо не менѣе истинно и другое изреченіе того же комика. «Такъ какъ то, чего желаешь, дѣло невозможное, то желай того, что возможно²⁾». Какимъ образомъ будетъ несчастнымъ тотъ, съ которымъ не случается ничего помимо его воли? Ибо онъ не можетъ желать того, что, на его взглядъ, не можетъ осуществиться. Онъ желаетъ несомнѣннѣйшаго, т. е. когда дѣлаетъ что нибудь,

1) *Terent., in Eunuchio, act. IV, scen. 6.*

2) *Terent., in Andria, act. II, scen. 1.*

дѣлаетъ не иначе, какъ по нѣкоторому предписанію добродѣтели и божественному закону мудрости, каковыхъ онъ не можетъ быть лишенъ никонмъ образомъ.

А теперь обратите вниманіе на то, всякій ли несчастный нуждается. Ибо согласиться съ этимъ мнѣніемъ мѣшаетъ то обстоятельство, что многіе обставлены великимъ изобиліемъ случайныхъ вещей, которыя дѣлаютъ для нихъ все такъ легкимъ, что по ихъ мановенію является все, чего только потребуетъ прихоть. Правда, такую жизнь не легко встрѣтить. Но представимъ себѣ кого-нибудь такого, какимъ, по словамъ Туллія, былъ Оратъ. Кто скажетъ, что Оратъ находился въ нуждѣ,—онъ, человѣкъ богатѣйшій, роскошнѣйшій, изнѣжнѣйшій, у котораго не было недостатка ни въ удовольствіи, ни въ красотѣ, ни въ добромъ и неспорченномъ здоровьи? Было у него, сколько душъ угодно, и доходнѣйшихъ помѣстій, и пріятнѣйшихъ друзей, и всемъ этимъ пользовался онъ вполне сообразно съ тѣлеснымъ здоровьемъ, и коротко сказать—всякое намѣреніе и всякое желаніе его сопровождалось счастливымъ успѣхомъ. Развѣ только кто-нибудь изъ васъ скажетъ, что онъ хотѣлъ бы имѣть больше, чѣмъ сколько имѣлъ. Этого мы не знаемъ. Но для насъ въ данномъ случаѣ достаточно предположить, что онъ не желалъ болѣе того, что имѣлъ. Представляется ли вамъ, что онъ нуждался? — Если я и соглашусь, отвѣчалъ Лиценцій, что онъ ничего не желалъ,—хотя я не знаю какъ это допустить въ человѣкѣ не мудромъ, — однако, будучи, какъ говорится, человѣкомъ не плохаго смысла, онъ боялся, какъ бы не лишиться ему всего этого въ одно несчастное мгновеніе. Ибо не трудно было понять, что все такое, какъ бы оно ни было велико, зависитъ отъ случая.—Ты, Лиценцій, сказалъ я смѣясь, видишь препятствіе для этого человѣка къ блаженной жизни въ добромъ смыслѣ. Поелику чѣмъ проницательнѣе былъ онъ, тѣмъ лучше видѣлъ, что всего

этого может лишиться; этот страх сокрушалъ его, и онъ достаточно оправдывалъ народную поговорку, что лугавый человѣкъ искрененъ въ отношеніи къ своей бѣдѣ.

Когда при этомъ и онъ и остальные улынулись, я сказалъ: однако, мы должны внимнуть въ это внимательнѣе, потому что хотя онъ и боялся, но не нуждался; а вопросъ именно объ этомъ. Ибо нуждаться значитъ не имѣть, а не бояться утратить то, что имѣешь. Между тѣмъ, онъ былъ несчастенъ потому, что боялся, хотя нуждающимся не былъ. Слѣдовательно не всякій, кто несчастенъ, нуждается.—Это, вмѣстѣ съ другими, одобрила и сама та, мнѣніе которой защищалъ я; но нѣсколько колеблясь сказала: Впрочемъ, я не знаю и еще не вполне понимаю, какимъ образомъ возможно отдѣлять отъ нужды несчастіе и, наоборотъ, нужду отъ несчастія. Ибо и онъ, бывшій человѣкомъ богатымъ и всѣмъ обильно снабженнымъ, и ничего, какъ говорите вы, не желавшій большаго, тѣмъ не менѣе поколику боясь лишиться всего этого, нуждался въ мудрости. Развѣ назвавъ его нуждающимся, если бы онъ имѣлъ нужду въ серебрѣ и деньгахъ, мы не назовемъ его такимъ, когда онъ имѣетъ нужду въ мудрости?—При этомъ всѣ воскликнули отъ удивленія; и я самъ былъ не мало доволенъ и радъ, что ею именно высказано было то наилучшее, что я готовился предложить изъ книгъ философовъ, какъ нѣчто великое и послѣднее.—Не видите ли, сказалъ я, что иное—многія и разнообразныя доктрины и иное—духъ преданный Богу? Ибо откуда произошло то, чему мы удивляемся, если не отъ Бога?—Рѣшительно, воскликнулъ при этомъ Лиценцій, ничего истиннѣе и божественнѣе этого не могло быть сказано! Ибо нѣтъ большаго и бѣдственнѣйшаго недостатка, какъ недостатокъ мудрости; и тотъ, кто не нуждается въ мудрости, не можетъ нуждаться уже ни въ чемъ рѣшительно.

Итакъ, сказалъ я, скудость души есть не что иное,

какъ глупость. Ибо она противоположна мудрости, и противоположна такъ, какъ смерть жизни, какъ блаженная жизнь жизни несчастной, т. е. безъ средняго чего-либо. Какъ всякій не блаженный человѣкъ—несчастенъ, а всякій не мертвый—живъ, такъ, очевидно, и всякій не глупый—человѣкъ мудрый. Отсюда уже можно видѣть и то, что Сергій Орать былъ несчастенъ не отъ того, что боялся, какъ бы не лишиться извѣстныхъ даровъ фортуны, а отъ того, что былъ глупъ. Отсюда слѣдуетъ, онъ былъ бы еще несчастнѣе, если нисколько не боялся за эти столь случайныя и колеблющіяся вещи, которыя онъ считалъ благами. Въ такомъ случаѣ онъ былъ бы болѣе безопаснымъ не вслѣдствіе мужества душевнаго, а вслѣдствіе умственнаго усыпленія, и несчастливцемъ, погруженнымъ въ глубочайшую глупость. Но если всякій, лишенный мудрости, терпитъ великую скудость, а всякій, обладающій мудростію, не нуждается ни въ чемъ: то само собою слѣдуетъ, что глупость есть скудость. А какъ всякій глупый есть человѣкъ несчастный, такъ и всякій несчастный есть человѣкъ глупый. Итакъ неоспоримо, что какъ всякая скудость—несчастіе, такъ и всякое несчастіе—скудость.

Когда Тригедій сказалъ, что онъ не совсѣмъ понимаетъ это заключеніе, я спросилъ его: Въ чемъ согласны мы въ отношеніи этого довода? — Въ томъ, отвѣчалъ онъ, что тотъ нуждается, кто не имѣетъ мудрости.—Что значить, говорю я, нуждается?—Не имѣть мудрости, отвѣчалъ онъ.—Что значить, спросилъ я, не имѣть мудрости?—Когда онъ на это молчалъ, я прибавилъ: не еначить ли это имѣть глупость?—Да, отвѣчалъ онъ. — Слѣдовательно, сказалъ я, имѣть скудость—не что иное, какъ имѣть глупость; откуда уже необходимо называть иначе скудостію, когда рѣчь идетъ о глупости. Хотя я и не знаю, какъ бы могли сказать: «онъ имѣетъ скудость», или «онъ имѣетъ глупость». Это было бы

похоже на то, какъ если бы о какомъ-нибудь лишенномъ свѣта мѣстѣ мы сказали, что оно имѣеть темноту, что означать не что иное, какъ что оно не имѣеть свѣта. Ибо быть темнымъ значить не то, что тьма какъ бы приходила, или уходила; а значить просто — быть лишены свѣта, подобно тому, какъ быть лишены одежды значить тоже, что быть нагимъ. Ибо, съ приближеніемъ одежды, нагота не бѣжитъ какъ бы какой-нибудь движущійся предметъ. Такимъ образомъ, когда говоримъ, что нѣкто имѣеть скудость, мы говоримъ также, какъ бы что онъ имѣеть наготу. Ибо скудость есть названіе не-имѣнія. Поэтому, чтобы выразить, насколько это возможно, свою мысль, — говорится: «онъ имѣеть скудость», т. е. какъ бы: «онъ имѣеть не-имѣніе». Итакъ, если доказано, что глупость представляетъ собою самую подлинную и несомнѣнную скудость: то смотри, не разрѣшена ли уже предпринятая нами на себя задача. Между нами оставалось сомнѣніе на счетъ того, разумѣемъ ли мы иное что, а не скудость, когда говоримъ о несчастіи. Между тѣмъ нами приведено основаніе, по которому глупость правильно называется скудостью. Итакъ, какъ всякій глупый есть человѣкъ несчастный, а всякій несчастный есть человѣкъ глупый: такъ необходимо признать, что не только всякій нуждающійся несчастенъ, но и всякій несчастный есть человѣкъ нуждающійся. Но если изъ того, что всякій глупый — несчастенъ, а всякій несчастный — глупъ, выводится заключеніе, что глупость есть несчастіе: то почему бы и изъ того, что всякій нуждающійся — несчастенъ, а всякій несчастный нуждается, не вывести намъ заключенія, что несчастіе есть не что иное, какъ скудость?

Когда всѣ согласились съ этимъ, я сказалъ: Теперь намъ слѣдуетъ разсмотрѣть, кто не терпитъ скудости; ибо тотъ будетъ мудрымъ и блаженнымъ. Скудость же есть глупость, и именемъ скудости, обыкновенно, обозначается нѣко-

тораго рода безплодіе и недостатокъ. Вникните, пожалуйста, поглубже въ то, съ какимъ раченіемъ древніе люди составляли всё или, какъ это очевидно, нѣкоторыя слова, въ особенности для такихъ предметовъ, знаніе коихъ наиболѣе необходимо. Вы согласились уже, что всякій глупый человѣкъ нуждается, а всякій, кто нуждается, глупъ; думаю, что вы согласны и съ тѣмъ, что глупый духъ есть духъ порочный, и что всё пороки духа заключаются въ одномъ названіи глупости. Въ первый день нашего состязанія мы сказали, что распутство названо такъ потому, что оно представляетъ собою нѣчто отрицательное, и что противоположная ему воздержность получила свое имя отъ плода. Въ этихъ двухъ противоположностяхъ, т. е. воздержности и распутствѣ, выступаютъ особенно на видъ—бытіе и не бытіе. Что же теперь сочтемъ мы противоположнымъ той скудости, о которой идетъ рѣчь у насъ? — Когда они нѣсколько замедлили отвѣтомъ, Тригецій сказалъ: Я назвалъ бы богатство; но вижу, что ему противоположна бѣдность.—Есть близость, замѣтилъ я; ибо бѣдность и скудость, обыкновенно, принимаются за одно и тоже. Однако, слѣдуетъ найти другое слово, чтобы лучшая сторона не оставалась съ однимъ именемъ, такъ чтобы сторона, представляемая бѣдностію и скудностію, обилвала словомъ, а сторона противоположная противопоставила ей одно лишь имя богатства. Ибо ничего не можетъ быть недѣльнѣе, какъ скудость слова на той именно сторонѣ, которая противоположна скудости. — Если слово: полнота, примѣнимо, сказалъ Лиценцій, то оно кажется мнѣ прямо противоположнымъ скудости.

Можетъ быть послѣ, сказалъ я, мы потолкуемъ о словѣ обстоятельнѣе. Но при изысканіи истины, не объ этомъ должно стараться. Хотя Саллюстій, весьма разборчивый въ словахъ, скудости противопоставляетъ достаточность, однако и противопоставляю ей полноту. Не въ настоящемъ случаѣ мы

будемъ страшиться грамматиковъ; иначе прицлось бы бояться за небрежное употребленіе словъ наказанія отъ тѣхъ, которые оставили намъ для употребленія свои имущества. — Когда они засмѣялись при этихъ словахъ, я сказалъ: Такъ какъ я положилъ себѣ—не пренебрегать, когда вы углублены бываете въ Бога, вашими умами, какъ бы нѣкотораго рода оракулами, то приглашаю васъ обратить вниманіе на то, что означаетъ это наименованіе (полнота); ибо, думаю, ничего нѣтъ болѣе сообразнаго съ истинною. Итакъ, полнота и скудость противоположны между собою; и здѣсь, подобно тому какъ въ распутствѣ и воздержности, являются тѣ же представленія о бытіи и небытіи. И если скудость есть сама глупость, то полнота будетъ мудростію. Не безъ основанія многіе и воздержность называли матерью всѣхъ добродѣтелей. Согласно съ ними и Туллій въ одной народной рѣчи говоритъ: »Пусть всякій понимаетъ, какъ хочетъ; а по моему мнѣнію воздержность, т. е. умѣренность и равновѣсіе, есть величайшая добродѣтель«¹⁾. И это вполне учено и вполне прилично. Ибо онъ въ виду имѣлъ при этомъ плодъ, т. е. то, что мы называемъ существующимъ, въ противоположность несуществующему. Но по причинѣ простонароднаго образа выраженія, на которомъ воздержность называется бережливостію, онъ свою мысль пояснилъ добавленіемъ словъ умѣренность и равновѣсіе. Эти два термина мы должны разсмотрѣть внимательнѣе.

Умѣренность такъ названа отъ мѣры равновѣсія, — отъ вѣса. А гдѣ мѣра и вѣсъ, тамъ не бываетъ ничего ни слишкомъ большаго, ни слишкомъ малаго. Итакъ полнота, которую противопоставили мы скудости, гораздо лучший терминъ, чѣмъ если бы мы употребили слово преизбытокъ. Потому что подъ преизбыткомъ разумѣется излишество и какъ бы

¹⁾ *Orat. pro Deiotaro.*

разлитіе чего-нибудь черезчуръ переполненнаго. Когда этого бываетъ больше, чѣмъ сколько нужно, тогда бываетъ желательна мѣра; и слишкомъ большое нуждается въ мѣрѣ. Поэтому крайній избытокъ не чуждъ скудости; и то, что больше, и то, что меньше, одинаково чужды мѣры. Если согласишься и выраженіе—обезпеченное состояніе, найдешь и въ немъ понятіе мѣры. Ибо обезпеченное состояніе называется отъ обезпеченія. А какимъ образомъ можетъ обезпечивать то, что чрезмѣрно, когда оно часто дѣлаетъ болѣе заботъ, нежели малое? Итакъ, все, что мало, равно и все, что чрезмѣрно, поколику нуждается въ мѣрѣ, впадаетъ въ скудость. Мѣра же духа—мудрость. Поелику же никто изъ насъ не отрицаетъ, что мудрость противоположна глупости, глупость же есть скудость, а скудости—противоположна полнота: то мудрость—будетъ полнотою. Въ полнотѣ же мѣра; слѣдовательно мѣра духа заключается въ мудрости. Отсюда то это знаменитое и не напрасно превозносимое это первое, практически полезное, правило жизни: »Ничего чрезъ мѣру«¹⁾.

Въ началѣ нынѣшняго состязанія мы сказали, что, если найдемъ, что несчастіе есть не иное что, какъ скудость, то признаемъ, что блаженъ тотъ, кто не терпитъ скудости. Это теперь найдено; слѣдовательно быть блаженнымъ значить не иное что, какъ не терпѣть скудости, т. е. быть мудрымъ. Если же вы спросите, что такое мудрость (ибо и она подлежитъ раскрытію и разслѣдованію со стороны разума, насколько это возможно въ настоящее время), то она—не иное что, какъ мѣра духа, т. е. то, чѣмъ духъ держитъ себя въ равновѣсіи, чтобы ни слишкомъ расширяться, ни суживаться ниже полноты. А расширяется онъ въ роскоши, въ господствованіи, въ гордости и въ прочемъ подобномъ, чѣмъ души людей неумѣренныхъ и несчастныхъ думаютъ снис-

¹⁾ *Terent., in Andria, act. I, scen. 1.*

вать себѣ радости и могущество. Напротивъ, сокращается онъ въ нечестности, страхѣ, печали, жадности и иномъ подобномъ, въ чемъ и несчастные полагаютъ людское несчастье. Но когда онъ созерцаетъ обрѣтенную истину, когда—пользуясь выраженіемъ сего отрока—держится ея, и не волнуемый никакою тщетою, перестаетъ обращаться къ лживости статуѣ, грузъ которыхъ сваливается и испровергается силою Божіею, тогда онъ не боится никакой неумѣренности, никакой скудости, и потому, никакого несчастья. Итакъ, всякій кто имѣетъ свою мѣру, т. е. мудрость, блаженъ.

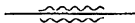
Какая же мудрость должна быть названа мудростію, если не мудрость Божія? По свидѣтельству же божественному мы знаемъ, что Сынъ Божій есть не что иное, какъ Премудрость Божія (1 Кор. I, 24); а сей Сынъ Божій есть воистину Богъ. Поэтому всякій имѣющій Бога блаженъ,—положеніе, съ которымъ мы согласились уже прежде, когда приступали къ этому нашему пиршеству. Но что такое, по мнѣнію вашему, мудрость, если не истина? Ибо и это сказано: *Азъ есмь истина* (Іоан. XIV, 6). Истина же, чтобы быть истинною, участвуетъ бытію отъ нѣкоей высочайшей мѣры, отъ которой она происходитъ и къ которой, совершенная, возвращается. Для самой же высочайшей мѣры не полагается уже никакой другой мѣры; ибо, если высочайшая мѣра измѣряется высочайшею мѣрою, то измѣряется сама собою. Но необходимо, чтобы высочайшая мѣра была и мѣрою истинною,—чтобы какъ истина рождается отъ мѣры, такъ и мѣра познавалась истинною. Итакъ, ни истина не была никогда безъ мѣры, ни мѣра безъ истины. Кто таковъ Сынъ Божій?—Сказано: *Истина*. Кто, не имѣющій Отца, кто иной Онъ, какъ не высшая мѣра? Итакъ, кто приходитъ къ высшей мѣрѣ чрезъ истину, тотъ блаженъ. А это значитъ—имѣть Бога въ душѣ, т. е. улаживаться Богомъ. Все же остальное, хотя и отъ Бога, но безъ Бога.

Наконецъ изъ самого источника истины исходить пѣ-кое увѣщаніе, побуждающее насъ памятовать о Богѣ, искать Его и страстно, безъ всякой брезгливости, жаждать Его. Это озареніе нашимъ внутреннимъ очамъ исходитъ отъ онаго таинственнаго солнца. Все то истинное, что говоримъ мы, отъ Него, — даже и въ томъ случаѣ, когда мы еще боимся смѣло пользоваться и смотрѣть на все своими или нездоровыми, или только что открывшимися глазами. И очевидно, что оно есть не иное что, какъ Богъ, совершенство котораго не умаляется никакимъ перерожденіемъ. Вполнѣ и все въ Немъ совершенно, и въ тоже время это—всемогущій Богъ. Но пока однакоже мы только ищемъ, но изъ самого источника, изъ самой — пользуюсь извѣстнымъ выраженіемъ — полноты еще не насыщены, — мы должны признать, что мѣры своей еще не достигли; и потому, хотя и пользуемся Божіею помощію, еще не мудры и не блаженны. Итакъ, полная душевная сытость, настоящая блаженная жизнь состоитъ въ томъ, чтобы благочестиво и совершенно знать, кто ведетъ тебя къ истинѣ, какою истиною питаешься, чрезъ что соединяешься съ высочайшею мѣрою. Эти три, по устраненіи тщеты разнovidнаго суевѣрія, являютъ пронизательнымъ единаго Бога и единую сущность. — При этомъ мать, припомнивъ слова, глубоко взрѣзавшіяся въ ея памяти и какъ бы пробуждаясь въ своей вѣрѣ, весело проговорила извѣстный стихъ нашего первосвященника: »Призри, Троице, на молящихся!« ¹⁾ и прибавила: безъ всякаго сомнѣнія, блаженная жизнь — жизнь совершенная, и стремясь къ ней, мы должны напередъ знать, что можемъ къ ней прійти только твердою вѣрою, живою надеждою, пламенною любовію.

Итакъ, сказалъ я, самая мѣра убѣждаетъ насъ — прервать на нѣсколько дней это наше пиршество; поэтому я

¹⁾ *Ambrosius in hym., Deus creator omnium.*

возношу, по мѣрѣ силъ моихъ, благодареніе высочайшему и истинному Богу Отцу, Господу и Свободителю душъ. А затѣмъ — благодарю и васъ, которые, единодушно принявъ приглашеніе, и меня самого осыпали многими дарами. Ибо вы такъ много привнесли въ нашу рѣчь, что я не могу не признаться, что насыщенъ моими гостями.—Когда при этомъ все радовались и хвалили Бога, Тригецій сказалъ: Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы ты питалъ насъ такъ ежедневно!—Во всемъ, отвѣтилъ я, должно сохранять и любить мѣру, если вамъ желательно наше возвращеніе къ Богу.—Послѣ этихъ словъ, такъ какъ состязаніе было окончено, мы разошлись.

О ПОРЯДКЪ

ДВѢ КНИГИ:

КНИГА ПЕРВАЯ.

Представляетъ два состязанія, изъ коихъ первое учитъ, что рѣшительно все, и доброе и злое, подчинено порядку божественнаго провидѣнія. Второе касается превосходства и отчасти—понятія этого порядка. Въ этомъ второмъ состязаніи, по встрѣтившемуся поводу, блаженный Августинъ строго осуждаетъ безпорядочныя душевныя движенія и ребяческія, изъ—за тщеславія, ссоры своихъ воспитанниковъ, и въ тоже время утверждаетъ, что Моника, ради своего пола, не должна устраниваться отъ философскаго состязанія.

ГЛАВА I.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Все управляется божественнымъ провидѣніемъ.

Изслѣдывать и познавать порядокъ вещей свойственно, Зиновій, всякому; но въ тоже время постигнуть и разъяснить тотъ общій порядокъ, которымъ держится и управляется этотъ міръ, дѣло для людей весьма трудное и рѣдко осуществимое. Къ тому же присоединяется, что если бы кто достигъ одного, не можетъ достигнуть другаго, именно—найти для столь божественныхъ и таинственныхъ предметовъ слушателя достойнаго какъ по добродѣтельной жизни, такъ и

по нѣкому складу своихъ научныхъ занятій. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые лучшіе умы ничего такъ страстно не доискиваются, а наблюдающіе съ возможнымъ мужествомъ своего рода скалы и бури этой жизни—ничего съ большимъ усердіемъ не стараются узнать и изучить, какъ то—какимъ образомъ это бываетъ, что Богъ о дѣлахъ человѣческихъ печется, а между тѣмъ въ этихъ человѣческихъ дѣлахъ всюду и всегда проявляется такая превратность, какую трудно приписать не только божественному, но и рабскому управленію, если бы дать такую власть рабу. Почему принимающимъ къ сердцу этого рода вопросы остается какъ бы по необходимости прійти къ заключенію, что божественное провидѣніе не простирается до этого дальняго и дольняго, или что все это зло въ дѣйствительности совершается волею Божіею. И то и другое нечестиво, но особенно—последнее. Хотя быть того мнѣнія, чтобы что нибудь было оставлено Богомъ, какъ невѣжественно, такъ и въ высшей степени опасно для души; однако никто и между самими людьми не ставитъ никому въ преступленіе невозможность что либо сдѣлать. Да и хула въ пренебреженіи гораздо извинительнѣе, нежели хула въ злости и жестокости. Поэтому разумъ нечуждый благочестія какъ бы вынужденъ полагать, что божество не можетъ управлять этимъ земнымъ, или—что оно скорѣе пренебрегаетъ и презираетъ его, чѣмъ управляетъ имъ такъ, что всякая жалоба на Бога была бы еще жалобою кроткою и не заслуживающею порицанія.

Но кто настолько слѣпецъ умомъ, что усумнится приписать божественному дѣйствию и управленію все то разумное въ движеніи тѣлъ, что происходитъ независимо отъ распоряженія и воли человѣческой? Или припишетъ, можетъ быть, случайности образованіе такъ точно и тонко соразмѣренныхъ членовъ какихъ либо самыхъ малѣйшихъ животныхъ? А если отвергнетъ случай, долженъ будетъ признать въ этомъ

дѣло разума. Да и во всей совокупности природы развѣ осмѣлимся мы, руководясь какиминибудь бреднями суетнаго мнѣнія, представлять чуждымъ таинственному манію Верховнаго Правителя то, что въ какихъ либо отдѣльныхъ предметахъ удивляетъ насъ своимъ устройствомъ, нисколько не нуждавшимся въ искусствѣ человѣческомъ? Напротивъ, это и возбуждаетъ множество недоумѣній, что члены блохи расположены и организованы удивительнымъ образомъ, а жизнь человѣческая между тѣмъ вращается и течетъ въ непостоянствѣ безчисленныхъ превратностей. Но вѣдь это тоже, какъ если бы кто, имѣя до такой степени слабое зрѣніе, что взоръ его не могъ бы на мозаическомъ полу охватить пространство больше одного квадрата, сталъ бы укорять художника за неумѣніе давать (*квадратикамъ*) порядокъ и извѣстное расположеніе; между тѣмъ какъ этихъ мозаическихъ работъ, сливающихся въ одно прекрасное цѣлое, онъ не могъ видѣть разомъ и во всей совокупности. Не другое что случается и съ людьми неучеными, которые, не будучи въ силахъ слабымъ умомъ своимъ обнять всю совокупность и гармонію вещей, когда чтонибудь причиняетъ имъ вредъ, въ силу того, что вредъ этотъ великъ на ихъ взглядъ, считаютъ присущею и всему великую мерзость.

ГЛАВА II.

Посвящаетъ это твореніе Зиновію.

Важнѣйшая причина этого заблужденія заключается въ томъ, что человѣкъ не знаетъ самъ себя. Чтобы познать себя, нужна большая привычка отвлекаться отъ чувствъ, сосредоточивать душу и удерживать ее саму въ себѣ. А этого достигаютъ лишь тѣ, кто всякія раны мнѣній, наносимыя теченіемъ обыденной жизни, или прижигаютъ уединеніемъ, или излечиваютъ, занимаясь свободными науками. Возвраща-

ценная такимъ образомъ самой себѣ душа уразумѣваетъ, въ чемъ состоитъ красота вселенной (*universitatis*), правильно такъ названной отъ единства (*ab uno*). Отъ того-то этой красоты и нельзя видѣть душѣ, которая обращена на множество отдѣльныхъ предметовъ, съ жадностію гоняется за ницетою и не знаетъ, что ея можно избѣгать простымъ удаленіемъ отъ толпы. Подъ толпою же я разумѣю не людскую толпу, а толпу всего, что дѣйствуетъ на чувства. И неудивительно, что душа терпитъ тѣмъ большую ницету, чѣмъ большее количество старается охватить. Какъ бы ни былъ обширенъ кругъ, въ немъ есть одна средняя точка, къ которой склоняется все, называемая геометрами центромъ; и хотя части его окружности могутъ быть дѣлимы безъ числа, кромѣ этой нѣтъ другой точки, отъ которой прочія всё находились бы въ равномъ разстояніи и которая господствовала бы надъ всѣми какъ бы по нѣкоему праву уравненія. Выйди отсюда въ какую либо часть круга, и потеряешь черезъ это все, чѣмъ множество держится въ единствѣ. Такъ и душа, вылившаяся изъ себя самой, разсѣивается въ нѣкоторой безпредѣльности и истощается до полного нищенства, такъ какъ ея природа принуждаетъ ее во всемъ искать одного, а множество находить его не дозволяетъ.

Свойство сказаннаго мною, причину, отъ которой зависитъ заблужденіе душъ, а равно и то, какимъ образомъ все сливается въ одно и является совершеннымъ, а грѣховъ все же избѣгать слѣдуетъ, — все это ты уразумѣешь вполне, мой Зиновій. Съ такой именно стороны я знаю твои природныя дарованія и твою душу, любящую красоту всякаго рода безъ страстной неумѣренности и нечистоты. Эта печать будущей въ тебѣ мудрости служить тебѣ во имя Божіе защитою противъ гибельныхъ страстей; не бросай своего дѣла, увлекшись ложными удовольствіями; ничего не можетъ быть гнуснѣе и опаснѣе подобной сдѣлки. Итакъ, повѣрь мнѣ, ты

уразумѣешь все указанное, если предашься научнымъ занятіямъ, которыя очищаютъ и образовываютъ душу, до того времени даже вовсе неспособную, чтобы ввѣрить ей божественныя сѣмена. Какимъ способомъ все это можетъ случиться и къ какому приведетъ порядку, что сулитъ разумъ учащимся и добрымъ, какую жизнь проводимъ мы, твои друзья, и какой плодъ собираемъ отъ своего благороднаго досуга,—все это, полагаю, уяснять тебѣ эти книги, болѣе пріятныя намъ твоимъ именемъ, чѣмъ нашею обработкою, особенно если и ты самъ, избирая лучшее, захочешь ввести и включить себя въ тотъ порядокъ, о которомъ къ тебѣ пишу.

Когда болѣзнь желудка принудила меня оставить школу,—меня, который, какъ извѣстно тебѣ, и безъ подобной крайности задумывалъ предаться философіи, я тотчасъ же перебрался на дачу ближайшаго друга своего Верекунда. Нужно ли говорить, что это—съ охотою даннаго имъ согласія? Ты знаешь прекрасно рѣдкое благоволеніе этого человека какъ ко всѣмъ, такъ и ко мнѣ. Тамъ мы разсуждали между собою обо всемъ, что казалось намъ полезнымъ, присоединивъ къ тому благоразумно стиль, который устранялъ все, что я находилъ поддерживающимъ свою болѣзнь. Ибо какъ скоро я сдерживался нѣкоторою заботливостію о своихъ выраженіяхъ, въ состязаніяхъ не проявлялось никакой неумѣренной горячности. А вмѣстѣ съ этимъ, если бы намъ заблагоразсудилось что либо перенести на письмо, не представилось или необходимости сказать иначе, или труда припоминать. Вели со мною эти состязанія Алипій, мой братъ Навигій и Лиценцій, неожиданно предавшійся до крайности поэзіи. Въ то же время возвратила намъ военная служба и Тригеція, который, какъ ветеранъ, подлюбилъ исторію. Имѣли мы кое что для этого и въ книгахъ.

ГЛАВА III.

Состязаніе 1.

Поводъ къ состязанію.

Въ одну ночь, бодрствуя по обычаю, я размышлялъ самъ съ собою, молча, обо всемъ, что откуда бы то ни было всходило на умъ. Изъ любви къ изслѣдованію истины у меня обратилось въ привычку—первую ли то, если являлось къ тому расположеніе, или послѣднюю, но во всякомъ случаѣ почти половинную часть ночи, бодрствуя размышлять о чемъ нибудь. При этомъ я не позволялъ юношамъ отвлекать меня отъ себя самаго ихъ ночными работами. Ибо и они въ продолженіи цѣлаго дня столько трудились, что мнѣ казалось чрезмѣрнымъ, еслибы они употребляли для своихъ научныхъ занятій еще какую либо часть ночи. Сверхъ того и сами они имѣли отъ меня наставленіе дѣлать кое что съ собою и помимо книгъ и приучать свою душу жить саму въ себѣ. Итакъ я, повторяю, бодрствовалъ, какъ вотъ до слуха моего донесся шумъ воды, протекавшей позади бань, и я вслушался въ него внимательнѣе обыкновеннаго. Мнѣ показалось тогда очень страннымъ, что пробѣгавшая по булыжнику таже самая вода журчала то внятно, то глуше. Сталъ я спрашивать себя, какая бы могла быть тому причина, и признаюсь, не придумалъ никакой. Въ это время Лиценцій ударомъ по дереву своей кровати пугнулъ догучливыхъ мышей и этимъ далъ замѣтить, что не спитъ. Тогда я сказалъ ему: Обратилъ ли ты вниманіе, Лиценцій (ибо я вижу, что муза твоя засвѣтила огонь для ночныхъ твоихъ занятій), какъ неодинаково шумитъ этотъ потокъ?—Для меня, отвѣтилъ онъ, это вовсе не новость. Когда одно время проснулся я подъ влияніемъ сильнаго желанія хорошей погоды и прислушивался, не идетъ ли дождь, эта вода шу-

мѣла также, какъ и теперь.—Тоже подтвердилъ и Тригепій. Ибо и онъ, лежа на кровати своей въ тойже спальнѣ, бодрствовалъ, хотя мы о томъ и не знали: потому что въ комнатахъ было темно, что въ Италиі—дѣло почти необходимости и для людей денежныхъ.

Итакъ, когда я увидѣлъ, что моя школа въ ея наличномъ составѣ (ибо Алипій и Навигій ушли въ городъ) не спитъ и въ эти часы, а упомянутое теченіе воды побуждало меня завести рѣчь о немъ, я сказалъ: какая, по вашему мнѣнію, причина того, что этотъ звукъ такъ мѣняется? Вѣдь немислимое же дѣло, чтобы кто нибудь въ эти часы останавливалъ этотъ потокъ, переходя его или мѣя въ немъ чтолибо.—А не отъ того ли это, отвѣчалъ Лиценцій, что разнаго рода листья, постоянно и во множествѣ падающіе осенью, скопившись гдѣ нибудь въ узкихъ мѣстахъ канала, по временамъ пересиливаются и уступаютъ напору воды, а когда напиравшая волна пройдетъ, снова собираются и сплочиваются? Притомъ развѣ различное положеніе плавающихъ листьевъ не можетъ дѣлать и чего либо другаго, чтобы подобнымъ же образомъ то задерживать, то освобождать потокъ?—Такъ какъ другаго объясненія я не имѣлъ, то это мнѣ показалось вѣроятнымъ, и похваливъ остроуміе Лиценція, я признался, что не придумалъ ничего, хотя и долго искалъ причины явленія.

За тѣмъ, помолчавъ нѣсколько, я сказалъ: Ты былъ въ правѣ не удивляться и витать мыслию подлѣ Калліопы.—Да, въ правѣ, отвѣчалъ онъ. Но сейчасъ заставилъ меня крайне удивиться ты.—Какимъ это образомъ, спросилъ я?—А тѣмъ, отвѣчалъ онъ, что ты удивился этому.—Да что же, сказалъ я, и производитъ удивленіе, или какая мать этого порока, какъ не вещь необычная, являющаяся внѣ очевиднаго порядка причинъ?—«Внѣ очевиднаго», отвѣчалъ онъ, согласенъ; но «внѣ порядка», по моему мнѣнію, не бываетъ ничего.—

Такъ какъ умъ этого юноши, почти со вчерашняго только дня обратившійся къ этимъ (*философскимъ*) занятіямъ, обнялъ такъ быстро и такой высокой предметъ, то я рѣшительнѣе и съ болѣе оживленною надеждою, чѣмъ обыкновенно, когда обращаюсь къ нимъ съ какими нибудь вопросами, сказалъ: превосходная, во всѣхъ отношеніяхъ превосходная мысль и мужественная отвага. Этимъ великимъ шагомъ, повѣрь мнѣ, ты далеко переступилъ Геликонъ, до вершины котораго ты силишься добраться, будто до неба. Но я желалъ бы, чтобы ты защищалъ эту мысль, потому что попытаюсь ее опровергать. — Оставь меня, пожалуйста, въ покоѣ въ настоящую минуту, отвѣчалъ онъ; потому что сильно занятъ другимъ. — Тогда я, опасаясь отчасти, чтобы вдавшись всецѣло въ поэзію онъ не отвлекся слишкомъ отъ философіи, сказалъ: Меня сердить, что ты, распѣвая и завывая на всѣ роды метра, вымучиваешь изъ себя эти стихи свои, которые воздвигаютъ между тобою и истинною стѣною болѣе огромную, чѣмъ какая существовала между твоими влюбленными; потому что послѣдніе перешептывались между собою по крайней мѣрѣ черезъ естественно образовавшуюся (*въ стѣнѣ*) трещину. — Лиценцій собирался въ то время воспѣть Пирама ¹⁾.

Такъ какъ я высказалъ это голосомъ болѣе суровымъ, чѣмъ предполагалъ, то онъ на нѣкоторое время примолкъ. А я думалъ уже оставить начатое и сосредоточиться снова въ себѣ, чтобы напрасно и безъ толку не занимать предзанятаго. Но онъ заговорилъ: У Теренція не такъ кстати сказано, какъ могъ бы это сказать теперь я о себѣ:

Несчастенъ я, какъ обнаружившая себя мышь).

¹⁾ Легенда о Пирамѣ и Тизбѣ читается у Овидія, *Metamorph.* IV. 2.

²⁾ In Eunucho, act. V, scen. 6.

Только то, что слѣдуетъ у него далѣе, можетъ обратиться въ противоположное. Онъ говоритъ:

Теперь я пропалъ;

а я можетъ быть теперь то и найдусь. Ибо (если вы придаете какое нибудь значеніе тому, что прорицатели имѣютъ обычай совершать гаданія и по мышамъ) если я ту домовую или полевую мышь, которая меня, какъ не спящаго, тебѣ выдала, убѣдилъ своимъ стукомъ вернуться, если есть у ней сколько нибудь смысла, въ свою норку и успокоиться: то почему бы и меня эта суровость твоего голоса не убѣдила лучше философствовать, чѣмъ пѣть? Ибо философія, какъ я началъ уже вѣрить твоимъ ежедневнымъ доказательствамъ, есть наше истинное и незыблемое обиталище. Поэтому, если тебѣ не неприятно и если ты находишь, что это такъ слѣдуетъ, спрашивай меня о чемъ хочешь; насколько могу, я стану защищать порядокъ вещей и буду доказывать, что внѣ порядка ничего быть не можетъ. Ибо я до такой степени проникся мыслию о немъ, что еслибы кто и побѣдилъ меня въ настоящемъ состязаніи, я и это приписалъ бы не случайности, а порядку вещей. Побѣда будетъ не надъ самымъ предметомъ, а надъ Лиценціемъ.

ГЛАВА IV.

Безъ причины не бываетъ рѣшительно ничего.

Я снова съ радостію къ нимъ обратился.—А ты какъ думаешь, спросилъ я Тригеція?—Я весьма въ пользу порядка, отвѣчалъ онъ, но нахожусь въ состояніи сомнѣнія, и желаю подвергнуть такой важный предметъ самому тщательному обсужденію.—Въ пользу порядка, говорю я, и та сторона, какъ и ты; а что ты находишься въ состояніи сомнѣнія, это, полагаю, обще у тебя и съ Лиценціемъ, и со мною самимъ.—Вовсе нѣтъ, возразилъ Лиценцій, я въ этой мысли

убѣжденъ твердо. За чѣмъ бы я сталъ колебаться разрушить ту стѣну, о которой ты упомянулъ, прежде чѣмъ она поднимется совершенно? Ибо отвратить меня отъ философіи можетъ не столько поэзія, сколько неувѣренность въ открытіи истины. — Тогда Тригепій торжественно провозгласилъ: Каково? Нашъ Лиценцій уже не Академикъ! А вѣдь обыкновенно онъ защищалъ ихъ съ особою ревностію. — Оставь это, пожалуйста, въ данную минуту, отвѣчалъ онъ; пусть подобнаго рода хитрости и уловки не отклоняютъ и не отрываютъ меня отъ какого-то божественнаго предмета, который началъ представляться моей мысли и къ которому я съ жадностію стремлюсь. — Тогда я, чувствуя свою радость болѣе полною, чѣмъ когда либо осмѣливался желать, съ восхищеніемъ продекламировалъ извѣстный стихъ:

Таеъ онній отецъ боговъ, таеъ всевышній Аполлонъ
Да совершить; елади начало ¹⁾.

Ибо онъ самъ, который даетъ въ настоящее время предзнаменованіе и проникаетъ въ наши души, онъ самъ и доведетъ, если только пойдешь туда, куда онъ велитъ идти и гдѣ обосновать мѣстопробываніе. Но всевышній Аполлонъ это—не тотъ Аполлонъ, который въ пещерахъ, на горахъ, въ рощахъ, возбужденный чадомъ куреній и гибелью (*приносимыхъ въ жертву*) животныхъ, овладѣваетъ душами изступленныхъ, а Аполлонъ совершенно другой, справедливо называемый всевышнимъ, а сказать безъ обиняковъ—сама истина. Прорицатели ея всѣ, кто можетъ быть мудрымъ. Итакъ, Лиценцій, обнадеженные благочестіемъ своего богопочитанія, начнемъ идти, и своими стопами затопчемъ пагубный огонь смрадныхъ страстей.

¹⁾ Aeneid. X. v. 874. 875.

— Спрашивай же, прошу тебя, сказалъ онъ, если только я въ состояніи буду это нѣчто великое объяснить, пользуясь и твоими, и своими словами. — Прежде всего, говорю я, объясни мнѣ то самое, почему тебѣ кажется, что эта вода стекаетъ такъ не случайно, а въ силу порядка. То, что вода пущена по деревяннымъ желобамъ и проведена для нашего употребленія, можетъ относиться къ порядку. Люди, владѣющіе разумомъ, сдѣлали такъ, что давъ ей одно и то же направленіе, они въ одно и то же время пользуются ею и для питья, и для купанья, и удобство мѣстоположенія наводило на мысль именно такъ сдѣлать. Но что въ нее, по твоимъ словамъ, нападали листья такъ, что произошло то, чему мы удивились,—сочтемъ ли мы и это происшедшимъ въ порядкѣ вещей, а не отнесемъ ли скорѣе къ случайности?—То есть, отвѣчалъ онъ, кому нибудь, прекрасно понимающему, что безъ причины ничего не можетъ быть, можетъ показаться, что листья должны были или могли упасть иначе, чѣмъ упали. Но зачѣмъ ты желаешь непременно, чтобы я входилъ въ подробное разъясненіе положенія деревьевъ и вѣтвей, и самой тяжести, какую природа сообщила листьямъ? Зачѣмъ мнѣ нужно изслѣдывать подвижность ли то воздуха, которая заставляеть ихъ [летать, или рѣдкость, которая заставляеть ихъ опускаться, и разнообразныя паденія ихъ, зависящія отъ состоянія погоды, отъ тяжести, отъ фигуры ихъ, и отъ другихъ безчисленныхъ и болѣе тайныхъ причинъ? Подобныя вещи укрываются отъ нашихъ чувствъ, укрываются совершенно. Но какимъ-то образомъ отъ души нашей не скрыто одно, что безъ причины ничего не бываетъ; и этого достаточно для разсматриваемаго нами вопроса. Человѣкъ невыносимо-надоѣдливый можетъ продолжать допрашивать, какая-де была причина, что тамъ насажены деревья? Я отвѣчу, что люди соображались съ плодородіемъ почвы. А если то деревья неплодовитыя, а выросли

случайно? И въ такомъ случаѣ я отвѣчу, что мы знаемъ мало. Ибо выростившая ихъ природа вовсе не случайна. Прибавлять ли еще что? Или докажите мнѣ, что можетъ что либо быть безъ причины, или вѣрьте, что внѣ опредѣленнаго порядка причинъ не можетъ быть ничего.

ГЛАВА V.

Богъ управляетъ всѣмъ въ порядкѣ.

Хотя, сказалъ я ему, ты и называешь меня невыносимо надоѣдливимъ (а не быть такимъ я едвали могъ, потому что помѣшалъ твоимъ бесѣдамъ съ Пирамомъ и Тисбою), однако я продолжу свои вопросы тебѣ. Эта природа, въ которой ты хочешь видѣть порядокъ, для какого блага (чтобы не говорить объ остальныхъ безчисленныхъ предметахъ) произвела эти самыя деревья, не приносящія плода?—Пока онъ раздумывалъ, что сказать, Тригедій отвѣчалъ: Да развѣ древесная растительность доставляетъ людямъ пользу одними плодами? А сколько есть другаго: сколько она приноситъ своею тѣнью, своими бревнами и досками, самыми наконецъ своими вѣтвями и листьями?—Не отвѣчай, пожалуйста, такъ на его вопросы, сказалъ Лиценцій. Есть безчисленное множество вещей, отъ которыхъ людямъ нѣтъ никакой пользы, или если есть, то такая неясная и сомнительная, что людямъ, а особенно намъ, раскрыть или доказать ее невозможно. Пусть лучше онъ самъ докажетъ намъ, что бываетъ что нибудь такое, чему не предшествуетъ причина.—Мы увидимъ это, отвѣчалъ я, послѣ. Потому что мнѣ уже нѣтъ необходимости быть учителемъ, пока ты, заявившій открыто, что имѣешь точныя свѣденія по этому предмету, не научишь меня, крайне желающаго научиться и поэтому только проводящаго безъ сна дни и ночи.

— Что ты хочешь этимъ сказать; возразилъ онъ? Не то ли, что я слѣдую за тобою легче, чѣмъ тѣ листья за вѣтромъ, который бросаетъ ихъ въ протекающую мимо воду, такъ что они не только падаютъ, но и уносятся? Ничто другое и будетъ, если Лиценцій станетъ учителемъ Августина, и притомъ—по существеннымъ предметамъ философіи.— Не унижай, пожалуйста, сказалъ я, и себя такъ, и не превозноси меня. Ибо и я дитя въ философіи, и когда спрашиваю, не особенно забочусь о томъ, черезъ кого отвѣтитъ мнѣ Тотъ, Кто ежедневно слышитъ мои молитвы. Пророкомъ Его, я вѣрю, нѣкогда будешь и ты; и это нѣкогда быть можетъ недалеко. А между тѣмъ даже и другіе, вовсе чуждые занятій этого рода, могутъ кое чему научить, когда привлекаются къ кружку разсуждающихъ какъ бы цѣпями вопросовъ. Кое что же это отнюдь не есть ничто. Или ты не видишь (пользуюсь съ удовольствіемъ твоимъ сравненіемъ), что тѣ самыя листья, которыя летятъ по вѣтру и уплываютъ по водѣ, до извѣстной степени сопротивляются уносящему ихъ потоку, и напоминаютъ людямъ о порядкѣ вещей, если только справедливо то, что ты защищаешь.

— При этихъ словахъ онъ, соскочивъ даже съ кровати отъ радости, сказалъ: Кто станетъ отрицать, великій Боже, что ты управляешь всѣмъ въ порядкѣ? Какъ все направляется къ тому, съ какою точно расчитанною послѣдовательностію все сплетается, сколько и чего сдѣлано, чтобы мы завели рѣчь объ этомъ; сколько дѣлается, чтобы мы обрѣли Тебя? Ибо откуда, какъ не изъ порядка вещей, вытекаетъ и объясняется то самое, что мы не знали, что ты замѣтилъ этотъ шумъ, что доискивался про себя причины ему, что не нашелъ причины для такой бездѣлицы? Подвернулась даже мысль, чтобы я, неспавшій, выдалъ себя. Наконецъ и самая рѣчь твоя, можетъ быть и безъ твоего вѣдома (ибо никто не властенъ въ томъ, что приходитъ на

умь), ведеться какъ-то такъ, что учить меня сама, какъ долженъ я тебѣ отвѣчать. Согласись, вѣдь еслибы сказанное нами, будучи предано, какъ предположилъ ты, письмени, получило нѣсколько болѣе широкую извѣстность между людьми, развѣ это событіе не покажется настолько великимъ, чтобы спрошенный объ немъ какойнибудь великій прорицатель или халдей долженъ былъ предсказать его гораздо ранѣе, чѣмъ оно случилось? И еслибы предсказалъ, развѣ не назвали бы его тѣмъ болѣе провидящимъ, развѣ не провожали бы его тѣмъ большими похвалами, что никто не рѣшился бы и вывѣдывать отъ него, для чего падаетъ листъ съ дерева или не надокучить ли бродячая мысль лежащему человѣку? Ибо говорилъ ли ктонибудь когдалибо изъ нихъ о чемънибудь подобномъ, имѣющемъ быть, самъ отъ себя; или вынужденъ ли былъ предсказать чтолибо такое обращавшимся къ нему съ вопросомъ? А между тѣмъ, если бы онъ предсказалъ, что имѣеть появиться нѣкая не рядовая книга, и увидѣлъ, что это необходимо случится (ибо иначе онъ не могъ бы и предсказывать): то все, что ни дѣлають летающія листья въ полѣ или ничтожнѣйшій звѣрекъ въ домѣ совершенно также необходимы въ порядкѣ вещей, какъ и эти письмена. Ибо послѣднія зависятъ отъ нашихъ словъ, которые безъ тѣхъ предшествующихъ ничтожнѣйшихъ обстоятельствъ не могли бы ни прійти на умъ, ни быть высказаны и переданы потомству. Поэтому пусть, пожалуйста, никто не спрашиваетъ меня, почему что бываетъ. Достаточно и того, что ничего не дѣлается, ничего не происходитъ, чего не произвела бы и не сдѣлала какаянибудь причина.

ГЛАВА VI.

Порядокъ обнимаетъ все.

Изъ этого видно, сказалъ я, что тебѣ, юноша, неизвѣстно, какъ много и какими мужами высказано противъ предсказаній. Теперь скажи мнѣ, не бываетъ ли чего либо безъ причины? Но такъ какъ ты, вижу я, рѣшительно не хочешь отвѣчать на этотъ вопросъ: то какъ тебѣ кажется, этотъ защищаемый тобою порядокъ есть ли нѣчто доброе, или злое?—Онъ ворчливо отвѣчалъ: Ты не такой предложилъ вопросъ, чтобы я могъ отвѣчать одно изъ двухъ. Я вижу въ этомъ нѣчто среднее. Порядокъ, по моему мнѣнію, не есть ни добро, ни зло. — Но скажи, по крайней мѣрѣ, продолжалъ я, что ты считаешь противнымъ порядку?—Ничего, отвѣчалъ онъ. Ибо какимъ образомъ что либо можетъ быть противнымъ тому, что все обнимаетъ, все содержитъ? Ибо все, что будетъ противно порядку, по необходимости, будетъ внѣ порядка. А внѣ порядка, по моему мнѣнію, ничего нѣтъ. Слѣдовательно, не слѣдуетъ ничего считать и противнымъ порядку. — Неужели, возразилъ Тригецій, заблужденіе не противно порядку? — Нисколько не противно, отвѣчалъ онъ. Ибо я не думаю, чтобы кто нибудь заблуждался безъ причины. Послѣдовательность же причинъ входитъ въ порядокъ. И самое заблужденіе не только является вслѣдствіе причины, но и производитъ нѣчто, чего служить причиною. Почему, не будучи внѣ порядка, оно не можетъ быть и противно порядку.

— Послѣ этого Тригецій замолчалъ, а я не помнилъ себя отъ радости, видя, что юноша, сынъ дорогаго друга, сдѣлался и моимъ сыномъ, даже болѣе — возвысился и выросъ до друга мнѣ, и между тѣмъ какъ я отчаявался въ расположеніи его къ занятіямъ посредственными науками, ока-

зался какъ бы на правахъ полнаго хозяина разомъ вошедшимъ въ самую сущность философіи. Пока я молча удивлялся и отъ радости волновался, онъ, какъ бы неожиданно охваченный нѣкоторою мыслию, вскричалъ: О еслибы я могъ выразить что хочу? Гдѣ вы, слова, гдѣ? Помогите мнѣ. И добро и зло въ порядкѣ вещей. Вѣрьте, если хотите. Потому что объяснить это я не умѣю.

ГЛАВА VII.

Богъ не любитъ зла хотя оно имѣетъ отношеніе къ порядку.

Я удивлялся и молчалъ. Тригецій же, замѣтивъ, что человекъ, какъ бы подъ влияніемъ опьяненія, сдѣлался нѣсколько болѣе общительнымъ и разговорчивымъ, сказалъ: Мнѣ кажется, Лиценцій, что утверждаемое тобою нелѣпо и совершенно чуждо истины; но ты, пожалуйста, дай мнѣ высказаться, и не перебивай своими восклицаніями.—Говори что хочешь, отвѣчалъ онъ. Я не боюсь, что ты отклонишь меня отъ того, что я вижу и чѣмъ почти овладѣлъ.—Если бы—то, сказалъ тотъ, ты не отклонился уже отъ защищаемого тобою порядка,—ты не взвелъ бы на Бога (чтобы выразиться мягче) такого нерадѣнія. Ибо что можно сказать болѣе нечестиваго, какъ то, что даже зло входитъ въ порядокъ? Вѣдь Богъ несомнѣнно любитъ порядокъ.—Дѣйствительно любить, отвѣчалъ онъ; порядокъ отъ Него истекаетъ и Имъ держится. А что о такомъ возвышенномъ предметѣ можно было бы сказать болѣе подходящее, подумай, пожалуйста, о томъ самъ. Ибо я въ данное время не въ состояніи тебя этому учить.—Зачѣмъ думать, возразилъ Тригецій? Я беру просто твои слова, и довольствуюсь тѣмъ, что въ нихъ понимаю. Вѣдь ты сказалъ, что и зло входитъ въ порядокъ, а самый порядокъ истекаетъ отъ всевышняго Бога,

Который и любить его. Изъ этого слѣдуетъ, что и зло происходитъ отъ всевышняго Бога, и Богъ любить зло.

Это заключеніе заставило меня бояться за Лиценція. Но онъ, продолжая выражать сожалѣніе о трудности подыскать слова, и заботясь вовсе не о томъ, что слѣдуетъ отвѣчать, а о томъ, какъ выразить то, что слѣдовало отвѣчать, сказалъ: Богъ зла не любить, и не почему либо другому, какъ потому, что не въ порядкѣ, чтобы Богъ любилъ зло. Но почему бы самое зло могло не быть въ порядкѣ, если его Богъ не любить? Ибо въ томъ-то и состоитъ порядокъ зла, что его Богъ не любитъ. Или тебѣ кажется такой порядокъ вещей презрѣннымъ, что Богъ добро любить, хотя самый порядокъ любить; ибо Онъ то именно и любитъ, чтобы любить добро и не любить зла; а это — принадлежность великаго порядка и распоряженія божественнаго. Этотъ порядокъ и распоряженіе, поколику охраняетъ единство всего въ самой противоположности, производитъ то, что и самое зло является необходимымъ. Черезъ это, какъ бы нѣкоторымъ образомъ изъ антитезовъ (что намъ пріятно бываетъ и въ рѣчи) т. е. изъ противопоставленій, образуется красота всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ вещей.

Послѣ этого онъ нѣсколько помолчалъ. Но за тѣмъ, приподнимаясь и обращаясь въ ту сторону, гдѣ была постель Тригедія, неожиданно заговорилъ: Скажи, пожалуйста, правосуденъ ли Богъ?—Тотъ молчалъ, чрезвычайно, какъ признался послѣ, удивленный и пораженный новымъ неожиданнымъ вдохновеніемъ, какое выразилось въ рѣчи его соученика и друга. Пока тотъ молчалъ, этотъ продолжалъ: Если отвѣтишь, что Богъ несправосуденъ, то войдешь конечно, какой подвергаешься опасности ты, только что укрывшій меня въ нечестіи. Если же, какъ намъ предано и какъ насъ вынуждаетъ думать самый порядокъ, Богъ правосуденъ, то Онъ правосуденъ именно тѣмъ, что каждому

распредѣляетъ свое. Какое же можетъ быть распредѣленіе тамъ, гдѣ не соблюдается никакого различенія? Или какое можетъ быть различеніе, если все добро? Да и что можетъ быть признано существующимъ внѣ порядка, если правосудіе Божіе воздаетъ и добрымъ и злымъ, каждому по его заслугамъ? Но мы всё признаемъ Бога правосуднымъ. Слѣдовательно, порядокъ обнимаетъ собою все. — Сказавъ это, онъ соскочилъ съ постели, и такъ какъ никто не говорилъ ему ни слова, голосомъ уже болѣе тихимъ сказалъ: Неужели ничего не отвѣтишь мнѣ и ты, который меня вызвалъ на это?

На тебя это нашолъ теперь новый духъ благочестія, — я готовъ отвѣчать, сказалъ я ему. Но что мнѣ представится, я отвѣчу днемъ, который, повидимому, уже наступаетъ, если этотъ свѣтъ, проникающій въ окна, не свѣтъ лунный. Ибо съ одной стороны нужно позаботиться, чтобы такъ прекрасно сказанное тобою, Лиценцій, не было забыто. Развѣ записи наши не требовали когда нибудь заносить въ нихъ подобное? Я безъ околичностей выскажу тебѣ, что думаю самъ, но буду спорить съ тобою, насколько могу, такъ какъ для меня не можетъ быть большаго торжества, какъ быть побѣжденнымъ тобою. Если же передъ уловками или тонкостію какого либо заблужденія тѣхъ людей, сторону которыхъ я не пытаюсь принять, твои слабыя умственные силы, не укрѣпленные изученіемъ наукъ, окажутся не состоятельными для того, чтобы защитить такія представленія о Богѣ: то это обстоятельство уяснить тебѣ, какими ты долженъ запастись силами, чтобы съ большею твердостью защищать ихъ потомъ. Съ другой же стороны я желаю, чтобы настоящее наше состязаніе вышло болѣе обработаннымъ, потому что я предназначаю его для человѣка съ тонкимъ вкусомъ. Нашъ Зиновій часто подолгу разсуждалъ со мною о порядкѣ вещей и я никогда не могъ удовлетво-

рить его пытливости въ отношеніи къ столь возвышенному предмету, частію по причинѣ темноты этого предмета, частію по недостатку времени. Частыя отлучки истощили до такой степени его терпѣніе, что онъ, чтобы понудить меня отвѣчать ему съ большею тщательностію и обстоятельностью, вызывалъ меня къ тому даже стихами, и стихами хорошими; за что ты долженъ любить его тѣмъ болѣе. Эти стихи не могли быть тогда прочитаны тебѣ, потому что ты былъ весьма далекъ отъ подобнаго рода занятій; не могутъ быть прочитаны и теперь, потому что его отъѣздъ былъ такъ внезапенъ и столько при немъ было суеты, что намъ не могло придти и въ голову ни о чемъ подобномъ; а онъ предполагалъ отдать ихъ мнѣ, когда я отвѣчу. Много есть и другихъ причинъ, почему наше состязаніе должно быть отослано ему. Прежде всего, это—долгъ. Затѣмъ, будетъ вполне прилично подобнымъ образомъ показать его къ намъ благосклонности, какого рода жизнь проводимъ мы въ настоящее время. Наконецъ, онъ никому не уступаетъ въ той радости, которую возбуждаютъ надежды на тебя. Ибо и тогда, когда находился здѣсь, по дружбѣ съ твоимъ отцемъ, или лучше съ отцемъ всѣхъ насъ, онъ сильно беспокоился не столько о томъ, чтобы какая—нибудь искорка твоихъ душевныхъ способностей, которыя наблюдалъ онъ прилежно, осталась не раздутою моими стараніями, сколько о томъ, чтобы она не была погашена твоимъ небреженіемъ. А когда онъ узнаетъ, что ты занимаешься и поэзіею, то такъ будетъ доволенъ, что, мнѣ кажется, я уже вижу его прыгающимъ отъ радости.

ГЛАВА VIII.

Лиценцій воспламененъ любовію къ философіи. Мони-ка укоряетъ его за то, что, вышедши для естественной нужды, онъ распѣвалъ стихъ изъ псалма. Польза свободныхъ наукъ.

Мнѣ, сказалъ Лиценцій, весьма пріятны твои слова, но будете ли вы смѣяться надъ моею юношескою подвижностію и легкомысленностію, или же такъ произошло по какому-то божественному манію и порядку, только не колеблясь говорю вамъ, что я вдругъ охладѣлъ къ стихотворству: другое, совершенно другое что-то, начинаетъ теперь свѣтиться въ душѣ моей. Философія, сознаю, гораздо прекраснѣе, чѣмъ Тизба, чѣмъ Пирамъ, чѣмъ сама Венера и Купидонъ, чѣмъ все эти страстные чувства. — При этомъ онъ со вздохомъ приносилъ благодареніе Христу. Говорить ли, что я принялъ это съ удовольствіемъ; да и почему не сказать? Пусть всякій другой принимаетъ, какъ хочетъ; я о томъ не забочусь. Можетъ быть только я радовался неумѣренно.

Между тѣмъ, немного спуста, наступилъ день. Они встали, а я долго и со слезами молился. И вотъ слышу, что Лиценцій весело и звучно распѣваетъ слова изъ псалма: *Боже силъ, обрати ны, и просвѣти лице твое, и спасемъя* (пс. LXXIX, 8). Этотъ стихъ, вышедши наканунѣ послѣ ужина изъ комнаты для естественной нужды, онъ запѣлъ настолько громко, что наша мать не могла потерпѣть, чтобы въ извѣстномъ мѣстѣ были распѣваемы такія постоянно повторяемыя слова. Другихъ же словъ онъ не произносилъ, потому что недавно еще усвоивъ самый напѣвъ, и, какъ это бываетъ, услаждался самою новостію мелодіи. Мать, женщина, какъ знаешь, чрезвычайно набожная, начала выговаривать ему за то, что онъ выбралъ для пѣнія этихъ словъ неприличное мѣсто. — Какъ будто, сказалъ онъ шутя, если бы какой-нибудь

врагъ заключилъ меня въ этомъ мѣстѣ, Господь Богъ не услышалъ бы моего голоса!

Итакъ, поутру, возвратившись въ комнату одинъ,—оба они выходили изъ нея по одной и тойже причинѣ,—онъ (Лиценцій) подошелъ къ моей кровати.—Скажи мнѣ, обратился онъ ко мнѣ, по правдѣ, что ты обо мнѣ думаешь (ибо мы должны поступать такъ, какъ этого хочешь ты)?—Что думаю я о тебѣ, сказалъ я, взявши его за правую руку, это ты и самъ чувствуешь, знаешь и понимаешь. По моему мнѣнію, ты вчера не даромъ такъ долго распѣвалъ о томъ, чтобы Богъ силъ обратившемуся тебѣ явилъ лице свое. Вспомнивъ объ этомъ съ удивленіемъ, онъ замѣтилъ: ты сказалъ весьма много и совершенно истинно. Меня и самого не мало удивляетъ то обстоятельство, что я, обнаружившій столько досады, когда ты отвлекъ меня вчера отъ пустаго занятія стихотворствомъ, теперь самъ стыжусь возвращаться къ нему,—до такой степени я всецѣло отдаюсь кое-чему великому и дивному. Не это ли на самомъ дѣлѣ значитъ быть обращеннымъ къ Богу? Въмѣстѣ съ этимъ я радуюсь и тому, что оказался неосновательнымъ сдѣланный мнѣ шепетильнымъ религиознымъ чувствомъ укоръ за то, что въ извѣстномъ мѣстѣ я распѣвалъ вчера такой стихъ изъ псалма.—Мнѣ, сказалъ я, это не кажется заслуживающимъ осужденія, и по моему мнѣнію относится къ тому же порядку, такъ какъ и по этому поводу мы можемъ сказать нѣчто. Ибо этой пѣснѣ, на мой взглядъ, соответствовали и мѣсто, которымъ мать была оскорблена, и ночь? Ибо отъ какихъ, по твоему мнѣнію, дѣлъ и предметовъ молимся мы быть обращенными къ Богу и увидѣть лице Его, какъ не отъ нѣкоторой тѣлесной начистоты и грязи, а также отъ тьмы, которою охватываетъ насъ заблужденіе? Или—что другое означаетъ быть обращеннымъ къ Богу, какъ не подняться до самаго себя посредствомъ добродѣтели и умѣренности, удалившись отъ неумѣренности

пороковъ? Да и что иное—лице Божіе, какъ не та самая истина, которой мы жаждемъ и для которой, возлюбленный, мы дѣлаемъ себя чистыми и прекрасными?—Лучшаго, восплибнулъ онъ, нельзя и сказать. Затѣмъ тише, какъ бы на ухо, прибавилъ: Смотри, пожалуйста, сколько встрѣчается такого, чтобы я вѣрилъ, что и для насъ дѣлается кое—что въ силу счастливѣйшаго порядка!

Если, сказалъ я, о порядкѣ заботишься ты, то тебѣ слѣдуетъ снова обратиться къ своимъ стихамъ. Ибо изученіе свободныхъ наукъ, добросовѣстное разумѣется и отчетливое, дѣлаетъ любителей истины въ стремленіи къ ней болѣе бодрыми, болѣе настойчивыми и болѣе подготовленными, такъ что они и пламеннѣе желаютъ ея, и съ большимъ постоянствомъ ея ищутъ и, наконецъ, съ большею пріятностію прилѣпляются къ ней; это, Лиценцій, и называется блаженною жизнію. При имени послѣдней всѣ поднимаютъ голову и какъ бы смотрятъ тебѣ въ руки, имѣешь ли ты что дать нуждающимся и одержимымъ различными недугами. Но когда мудрость станетъ повелѣвать имъ пригласить врача и довѣриться терпѣливо его леченію, они прячутся въ свои лохмотья. Заражаемые чрезъ согрѣваніе ими, они охотнѣе соблюдаютъ чесотку жалкихъ похотей, чѣмъ, чрезъ принятіе и выполненіе нѣсколько суровыхъ и въ болѣзни тяжелыхъ совѣтовъ врача, возвращаются къ здоровому состоянію и къ свѣту. И вотъ они живутъ несчастные, довольствуясь, какъ бы милостынею, именемъ и предъощущеніемъ высочайшаго Бога,—однако живутъ. Другихъ же людей, или правильнѣе сказать, другія души, оный превосходнѣйшій и прекраснѣйшій женихъ зоветъ въ свой чертогъ уже тогда, когда онѣ носятъ еще это тѣло; потому что имъ хочется не просто жить, а жить блаженною жизнію. Итакъ, иди пока къ своимъ музамъ. Но знаешь ли, чего я желалъ бы, чтобъ ты сдѣлалъ? — Приказывай, что тебѣ угодно, отвѣчалъ онъ

Въ томъ мѣстѣ своей поэмы, сказалъ я, гдѣ намѣренъ ты воспѣть, какъ умертвили себя Пирамъ, а на немъ полумертвомъ его возлюбленная, ты имѣешь въ самой скорби, которою прилично съ особою силою воспламениться твоему стиху, обстоятельство весьма выгодное. Разразись проклятіемъ этой мерзкой похоти и ядовитому пламени, изъ—за которыхъ случаются подобныя несчастія, а затѣмъ обратись весь въ похвалу любви чистой и непорочной, которою души, обогащенные познаніями и добродѣтелию, бывають соединены прекраснымъ образомъ съ разумомъ посредствомъ философіи, и не только избѣгаютъ смерти, но и наслаждаются блаженнѣйшею жизнію.—Послѣ этого онъ, молча и долго оставаясь въ раздумьи, вышелъ покачавъ головою.

Затѣмъ всталъ и я, и, вознесши къ Богу обычныя молитвы, мы пошли въ бани. Это мѣсто, когда, по причинѣ пасмурной погоды, мы не могли находиться въ полѣ, было удобнымъ и обычнымъ мѣстомъ для нашихъ состязаній. И вотъ предъ самыми дверьми мы увидѣли пѣтуховъ, вступившихъ въ чрезвычайно жаркій бой. Захотѣлось намъ посмотрѣть. Ибо на чемъ только не останавливаются, гдѣ только не бродятъ взоры любителей въ ожиданіи, не угажетъ ли имъ гдѣ-нибудь на что красота разума, распоряжающагося и управляющаго всѣмъ вѣдомо и невѣдомо,—та красота, которая влечетъ къ себѣ жаждущихъ ея читателей, гдѣ бы и какимъ бы путемъ ни повелѣвала она имъ искать себя? Ибо откуда и гдѣ не можетъ она дать знака о себѣ? Такъ и въ этихъ самыхъ пѣтуховъ стоило посмотрѣть на вытянутыя впередъ головы, на растопыренные на головахъ и шеяхъ перья, ожесточенные удары, на предусмотрительныя увертки; да и вообще, какъ въ каждомъ движеніи этихъ, лишенныхъ разума, тварей не было ничего некрасиваго, такъ какъ всѣмъ управлялъ иной разумъ, свыше. Стоило, затѣмъ, посмотрѣть и на законъ побѣдите-

ли, на его гордое пѣніе и на членовъ (*курчянаго рода*), собранныхъ въ своего рода кружокъ, точно въ показаніе власти; знакомъ же побѣжденнаго служили выщипанныя съ шеи перья, въ голосъ и движеніяхъ все безобразное, но тѣмъ самымъ, не знаю какъ, съ законами природы согласное и, потому, красивое.

Много вопросовъ приходило намъ на мысль. Почему такъ дѣлають всё? Почему именно — ради господствованія надъ подлежащими ихъ власти женщинами? Почему, далѣе, намъ, и помимо подобнаго соображенія, самый видъ боя доставлялъ удовольствіе? Что есть въ насъ такое, что ищетъ многого, отъ чувствъ далекаго? Что опять такое, что дается намъ этими именно чувствами? Мы говорили себѣ: гдѣ нѣтъ закона? Гдѣ власть принадлежитъ не лучшему? Гдѣ нѣтъ отображенія неизмѣннаго порядка вещей? Гдѣ нѣтъ отблеска истиннѣйшей красоты? Гдѣ нѣтъ мѣры? Но вспомнивъ при этомъ, что должна быть мѣра и нашему зрѣлищу, мы отправились туда, куда предположили. Здѣсь, по мѣрѣ возможности, весьма прилежно занялись мы собраніемъ всѣхъ отрывочныхъ записей состязанія въ эту часть книги (ибо все это было на свѣжей памяти, и столь важныя вещи еще не успѣли ускользнуть изъ памяти трехъ, преданныхъ наукѣ). Въ видахъ сбереженія здоровья, въ этотъ день я другаго ничего не сдѣлалъ, какъ только предъ ужиномъ выслушалъ, по заведенному обыкновению, половину книги *Виргилія*, потому что въ своихъ занятіяхъ мы ничего такъ внимательно не наблюдаемъ какъ мѣру. Ибо не одобрять ее никто не можетъ; но чувствовать ее, когда кто занятъ чѣмънибудь серьезно, дѣло весьма трудное и рѣдкое.

СОСТЯЗАНІЕ ВТОРОЕ.

ГЛАВА ІХ.

Порядокъ есть вождь къ Богу.

На другой день весьма рано мы живо собрались въ свое обычное мѣсто и усѣлись въ немъ. И когда они оба обратили на меня свои взоры, я сказалъ: Побудь здѣсь, Лиценцій, сколько можешь, а также и ты, Тригецій; потому что дѣло идетъ о предметѣ не маловажномъ,—мы разсуждаемъ о порядкѣ. Къ чему мнѣ, впрочемъ, пространно и цвѣтисто выхвалять предъ вами въ настоящее время порядокъ, точно бы я находился въ той школѣ, выходу изъ которой по какому бы тамъ ни было случаю я радуюсь? Слушайте, если хотите, даже дѣлайте, какъ хотите, но другой похвалы порядку, ни болѣе краткой, ни болѣе, на мой взглядъ истинной, сказать нельзя. Порядокъ есть то, что если мы будемъ его держаться въ своей жизни, приведетъ насъ къ Богу, а если не будемъ держаться, не придемъ къ Богу. Но если мои чувства не обманываютъ меня относительно васъ, для насъ уже дѣло предрѣшенное и мы надѣемся, что достигнемъ Бога. Поэтому вопросъ о первомъ мы должны рассмотреть и разрѣшить самымъ внимательнымъ образомъ. Желалъ бы я, чтобы при этомъ находились и остальные, которые обыкновенно принимаютъ съ нами участіе въ подобныхъ занятіяхъ. Желалъ бы я, если бы то было возможно, чтобы не только они, но и всѣ наши друзья, способностямъ коихъ я всегда удивляюсь, присутствовали здѣсь съ такимъ-же вниманіемъ, какъ и вы,—или по крайней мѣрѣ только Зиновій, который постоянно этого добивался, но котораго я, въ виду обширности предмета, никогда не имѣлъ досуга удовлетворить. Но послѣдству моему желанію не суждено осуществиться, то пусть они читаютъ наши за-

писи, такъ какъ мы уже рѣшими не терять ни одного слова изъ своихъ разсужденій объ этомъ предметѣ, и заключать какъ бы въ оковы письмени ускользящія изъ памяти вещи, съ цѣлю приводить ихъ снова на память. Этого, быть можетъ, требуетъ и самый порядокъ, устроившій ихъ отсутствіе. Ибо и вы въ такомъ великомъ дѣлѣ, въ виду того, что на насъ однихъ возложена обязанность выполнить его, безъ сомнѣнія, употребите наибольшее напряженіе духа; и когда они, составляющіе для насъ предметъ величайшихъ заботъ, прочитавши, найдутъ какой—нибудь поводъ къ возраженіямъ; то тогда настоящее состязаніе наше дастъ случай къ новымъ состязаніямъ и въ самомъ этомъ преествѣ бесѣды видѣнъ будетъ свой наставляющій порядокъ. Но теперь, насколько дозволяютъ обстоятельства, я буду, какъ общалъ Лиценцію, возражать ему, хотя онъ почти уже довелъ до конца все дѣло, если только можетъ оградить его твердою и прочною стѣною защиты.

ГЛАВА X.

Что такое порядокъ. Что въ юношахъ, занимающихся науками, должно возбуждать движенія зависти и пустого тщеславія.

Послѣ того, замѣтивъ по молчанію, выраженію лицъ, глазамъ и неподвижности и спокойствію членовъ, что они достаточно возбуждены возвышенностію предмета и одушевлены желаніемъ слушать, я сказалъ: Итакъ, Лиценцій, если хочешь, собери всѣ, какія только можешь, силы, напряги всю, какую имѣешь, проницательность и опредѣли, что такое порядокъ.—Услышавъ, что его приглашаютъ сдѣлать опредѣленіе, онъ перепугался, точно окаченный холодною водою, и, глядя на меня съ весьма смущеннымъ выраженіемъ лица и улыбаясь (какъ это случается) отъ этого

смятенія, сказалъ: Что это значить? Чѣмъ, ты воображаешь меня? или не думаешь ли, что я на самомъ дѣлѣ вдохновленъ какимъ-то пришлымъ духомъ? Но, тотчасъ оправившись, промолвилъ: А можетъ быть, со мною и дѣйствительно творится что нибудь. Затѣмъ, сказалъ гораздо бодрѣе: Порядокъ есть то, посредствомъ чего совершается все, что постановилъ Богъ.

А не представляется ли тебѣ, спрашиваю, что и самъ Богъ дѣйствуетъ на основаніи порядка? — Совершенно такъ, отвѣчалъ онъ. — Значить, возразилъ Тригецій, порядкомъ управляется и Богъ? — На это онъ отвѣчалъ: А развѣ ты отрицаешь Божество Христа, который и пришелъ къ намъ во исполненіе порядка, и который говоритъ о Себѣ, что посланъ отъ Бога Отца? А если Богъ послалъ къ намъ Христа во исполненіе порядка, и если мы не отрицаемъ, что Христосъ есть Богъ, то Богъ не только управляетъ всѣмъ въ порядкѣ, но и Самъ управляется порядкомъ. — Не знаю, сказалъ при этомъ въ нерѣшительности Тригецій, какъ могу я принять это. Поелику, при имени Богъ на умъ, такъ сказать, приходитъ не Христосъ, но Богъ Отецъ; Христосъ же — при имени Сынъ Божій. — Прекрасно дѣлаешь, замѣтилъ Лиценцій: значить, мы должны отрицать, что Сынъ Божій — Богъ? — Хотя Тригецію и представлялось опаснымъ отвѣчать на этотъ вопросъ, тѣмъ не менѣе онъ принудилъ себя и сказалъ: И Онъ, конечно, Богъ, но въ собственномъ смыслѣ мы называемъ Богомъ Отца. — Одумайся, прервалъ я его. Вѣдь и Сынъ не въ переносномъ смыслѣ называется Богомъ. — И когда, движимый благоговѣніемъ, онъ не захотѣлъ, чтобы послѣднія слова его были записаны, Лиценцій, по ребяческому ли обычаю, или же по обычаю всѣхъ почти людей, въ виду нелѣпости сказаннаго, сталъ настаивать, чтобы слова эти были записаны непременно, какъ будто между нами дѣло шло изъ за тщеславія. Когда же я въ очень строгихъ

выраженіяхъ высказалъ порицаніе такому движенію его души, онъ покраснѣлъ отъ стыда; между тѣмъ я замѣтилъ, что Тригегія это смущеніе размѣшило и развеселило. Тогда я, сказалъ имъ обоимъ: Такъ вы такъ дѣлаете? Неужели не беспокоить васъ, что громоздите на себя такую массу пороковъ и покрываете себя такимъ мракомъ невѣжества? Неужели такова была ваша передъ этимъ преданность Богу и истинѣ, которой я, неразумный, радовался? О, если бы вы видѣли, хотя бы и такими больными глазами, какъ я, въ какія опасности повергаемся мы и какой недугъ безумія означаетъ этотъ смѣхъ! О, если бы вы знали, какъ скорои какъ надолго этотъ смѣхъ превратится для васъ въ плачъ! Несчастные, вы не понимаете, гдѣ мы находимся! Быть погрязшими, конечно, общая участь душъ людей глухихъ и неученыхъ; но мудрость не одинаково всеѣмъ погрязшимъ подаетъ руку и помощь. Повѣрьте, есть такия, которыя воззываются ею кверху, и есть такия, которыя оставляются уходить въ бездну. Не удвойте же, умоляю васъ, моего несчастія. Достаточно для меня и своихъ ранъ, и хотя я каждодневно со слезами молю Бога, дабы Онъ уврачевалъ ихъ, но часто и самъ убѣждаюсь, что я не настолько достоинъ, чтобы выздороветь такъ скоро, какъ хочется мнѣ. Прошу васъ, если вы хоть сколько нибудь обязаны мнѣ чувствомъ любви, или дружбы, если понимаете, какъ я люблю васъ, какъ много дѣлаю для васъ, какихъ тревогъ стоитъ мнѣ забота о вашей нравственности, если я достоинъ того, чтобы вы не пренебрегали мною, если, наконецъ, я не лгу, въ чемъ свидѣтель Богъ, что я ничего не желаю для себя большаго, чѣмъ для васъ,—прошу васъ—воздайте мнѣ добромъ за добро. И если вы называете меня своимъ учителемъ искренно, вознаградите меня: будьте добрыми.

При этомъ слезы помѣшали мнѣ говорить больше. Тогда Лиценцій, крайне раздосадованный, что все записыва-

лось, говорить: Скажи, пожалуйста, что такое сдѣлали мы?— Такъ ты, сказалъ я, еще и не сознаешь своего грѣха? Ты не знаешь, какъ обыкновенно я очень досадовалъ въ школѣ, что дѣти увлекались не пользою и красотою науки, а любовью къ пустѣйшей похвалѣ до такой степени, что нѣкоторые изъ нихъ не стыдились даже говорить урокъ по чужимъ словамъ, и даже (зло достойное сожалѣнія) принимали рукоплесканія отъ тѣхъ самихъ, кому принадлежало то, что они отвѣчали. Хотя вы, полагаю, никогда не дѣлали ничего подобнаго, однако въ область философіи и той жизни, каковую, къ удовольствію моему, довелось мнѣ наконецъ проводить, вы вносите и всѣваете самую послѣднюю, но своимъ вредомъ превосходящую всѣ прочія, язву растлѣвающей зависти и пустаго тщеславія. И можетъ быть, изъ-за того, что я отвращаю васъ отъ этой суетности и этого недуга, вы сдѣлаетесь лѣнивѣе въ занятіяхъ наукою, и удаленные отъ ядовитаго запаха славы, застынете въ бездѣтельномъ оцѣпенѣніи. Я несчастенъ, если и теперь мнѣ необходимо терпѣть такихъ же людей, которые не могутъ разстаться съ своими пороками, не замѣстивъ ихъ другими.—Ты увидишь на дѣлѣ, сказалъ Лиценцій, какъ мы будемъ исправляться. Только всѣмъ, что ты любишь, умоляемъ тебя—прости насъ и прикажи все это изгладить; но въ то же время береги на табличкахъ остальное. Потому что еще ничего изъ того, о чемъ мы разсуждали долго, не переписано въ книги.—Нѣтъ, возразилъ Тригедій, пусть все это остается цѣликомъ въ наше наказаніе, чтобы то самое тщеславіе, которое увлекаетъ насъ, своимъ же бичемъ и отпугивало насъ отъ любви къ нему. Постараемся только съ своей стороны, чтобы эти книги были извѣстны однимъ нашимъ друзьямъ и близкимъ намъ людямъ.—Тотъ согласился.

ГЛАВА XI.

Моника ради пола не должна быть устраняема отъ участія въ философскомъ состязаніи.

Между тѣмъ вошла мать и спросила, какъ далеко подвинулись мы въ рѣшеніи вопроса; такъ какъ вопросъ былъ извѣстенъ и ей. Когда я приказалъ записать, по обыкновению, о ея приходѣ и сдѣланномъ ею вопросѣ, она сказала: Зачѣмъ вы это дѣлаете? Развѣ слышала я когда нибудь изъ тѣхъ книгъ, которыя вы читаете, чтобы женщины были допускаемы къ подобнаго рода состязанію?—Я не обращаю много вниманія, сказалъ я ей, на сужденіе людей гордыхъ и невѣжественныхъ, которые одинаково поступаютъ при чтеніи книгъ и при привѣтствованіи людей. Они думаютъ не о томъ, каковы они сами по себѣ эти люди, а о томъ, въ какія одежды одѣты и какою пышностію богатствъ и фортуны блистаютъ. А въ книгахъ они мало обращаютъ вниманія на то, откуда возникаетъ вопросъ, какимъ путемъ разсуждающіе стараются достигнуть его разрѣшенія, что, наконецъ, этими послѣдними уяснено и разрѣшено. Встрѣчаются, конечно, между ними и такіе, души коихъ не должны быть презираемы, такъ какъ носятъ въ себѣ зачатки образованности и легко вводятся чрезъ золотыя и изукрашенныя двери въ святилище философіи; но для такихъ достаточно сдѣлано нашими предками, книги которыхъ, полагаю, тебѣ изъ нашего чтенія извѣстны. И въ настоящее время,—не говоря о другихъ,—Теодоръ, и по дарованіямъ, и по краснорѣчію, и по самымъ высокимъ дарамъ фортуны, и—что важнѣе всего—по уму, человѣкъ превосходнѣйшій, котораго ты и сама хорошо знаешь, старается о томъ, чтобы и теперь, и послѣ, изъ потомковъ, никто не имѣлъ права жаловаться на литературу нашего времени. Что же касается мо-

ИХЪ КНИГЪ, ТО ЕСЛИ СЛУЧИТСЯ, ЧТО КТО—НИБУДЬ ВОЗЬМЕТЬ ИХЪ ВЪ РУКИ, И, ПО ПРОЧТЕНІИ МОЕГО ИМЕНИ, НЕ СПРОСИТЬ «КТО ЭТО ТАКОЙ» И НЕ ОТОДВИНЕТЪ КНИГУ, А ИЗЪ ЛЮБОПЫТСТВА ИЛИ ИЗЪ ОСОБОЙ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТИ, ПРЕНЕБРЕГШИ НИЗОСТІЮ ВХОДА, ПРОНИКНЕТЪ ВЪ САМОЕ ИХЪ СОДЕРЖАНІЕ: ТАКОЙ НЕ БУДЕТЬ ТЯГОТИТЬСЯ, ЧТО Я ФИЛОСОФСТВУЮ СЪ ТОБОЮ, И ПО ВСЕЙ ВѢРОЯТНОСТИ, НЕ ОТНЕСЕТСЯ СЪ ПРЕЗРѢНІЕМЪ КЪ КОМУ ЛИБО ИЗЪ ТѢХЪ, СЪ КѢМЪ Я ВЪ НИХЪ БЕСѢДУЮ. Ибо собесѣдники мои—люди не только свободные, чего уже достаточно для какой бы то ни было науки, а тѣмъ болѣе для философіи, но и принадлежать къ знатнѣйшимъ фамиліямъ. А между тѣмъ есть книги ученѣйшихъ людей, которыя представляютъ философствующими даже башмачниковъ и людей еще болѣе низкихъ состояній, которыя однагоже сіяли такимъ свѣтомъ ума и добродѣтелей, что ни подъ какимъ видомъ не захотѣли бы, хотя бы и могли, помѣняться своими благами съ какою бы то ни было аристократіею этого рода. Найдется, повѣрь мнѣ, родъ людей, которымъ то, что я философствую съ тобою, понравится гораздо болѣе, чѣмъ еслибы они встрѣтили здѣсь чтонибудь другое, шуточное или серьезное. Ибо у древнихъ философствовали и женщины, а твоя философія мнѣ весьма нравится.

А чтобы тебѣ, мать, не оставалось ничего неизвѣстнымъ, знай, что это греческое слово, служащее именно для философіи, по латынѣ означаетъ любовь къ мудрости. Поэтому и божественныя писанія, коимъ ты горячо предана, повелѣваютъ избѣгать и осмѣивать не всѣхъ философовъ, а философовъ *міра сего*. Но что есть другой міръ, недоступный для этихъ глазъ, на который взираетъ лишь разумъ немногихъ здоровыхъ, это показываетъ самъ Христосъ, говоря: *не-царство Мое нѣсть отъ міра, а-царство Мое нѣсть отъ міра сего* (Іоан. ХVIII, 36). Поэтому каждый, кто думаетъ, что избѣгать должно всякой философіи, требуетъ отъ насъ

ничего иного, какъ того, чтобы мы не любили мудрости. Я пренебрегъ бы, конечно, тобою въ своихъ сочиненіяхъ, если бы ты не любила мудрости; но не пренебрегу, если будешь любить хоть нѣсколько, а еще болѣе не пренебрегу, если будешь любить столько же, сколько и я. Но теперь, когда ты любишь ее гораздо больше, чѣмъ меня самого а) я знаю, какъ ты меня любишь), и когда сдѣлала въ ней такіе успѣхи, что тебя уже не страшитъ никакая неблагопріятная случайность, ни даже самая смерть, что и для самыхъ ученѣйшихъ мужей—дѣло весьма трудное и всѣми признается верховъ совершенства въ философіи: то не отдамъ ли я охотно и себя самого въ ученики тебѣ?

При этомъ, когда она ласково и скромно замѣтила, что я никогда еще такъ не лгалъ, а самъ я увидѣлъ, что мы говорили такъ много, что если все записать, будетъ достаточно для книги, да и табличекъ болѣе не останется,—я порѣшилъ отложить вопросъ; вмѣстѣ съ тѣмъ считалъ я нужнымъ побережъ и свой желудокъ. Ибо на него болѣе, чѣмъ я хотѣлъ, повліяло то, что показалось мнѣ необходимымъ высказать моимъ юношамъ. Но когда мы собирались уходить, Лиценцій сказалъ мнѣ: Помни, сколь многое и сколь необходимое, что должны мы получить отъ тебя, доставляется таинственнымъ и божественнымъ порядкомъ, помимо даже твоего вѣдома.—Вижу, промолвилъ я, и не остаюсь неблагодарнымъ Богу, а о васъ, замѣчающихъ это, по тому самому заключаю, что вы станете лучшими.—Это лишь и было моимъ дѣломъ въ тотъ день.

КНИГА ВТОРАЯ.

Въ этой книгѣ содержатся два состязанія, въ которыхъ разговаривающіе, разбирая опредѣленіе порядка, подвергаютъ разсмотрѣнію различные вопросы, именно: Какимъ образомъ мудрый пребываетъ неподвижно съ Богомъ; управляется ли божественнымъ порядкомъ и то, что дѣлается людьми неправо; былъ ли Богъ правосуденъ до начала зла; изъ божественнаго ли порядка произошло зло? Въ заключеніе говорится довольно подробно о порядкѣ въ занятіяхъ наукою, который требуетъ, чтобы по надлежащемъ образованіи нравственномъ и пріобрѣтеніи гуманитарныхъ познаній, духъ чело­вѣка приступалъ къ уразумѣнію высшихъ и божественныхъ предметовъ.

Состязаніе первое.

ГЛАВА I.

Подвергается разбору опредѣленіе порядка.

Затѣмъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней, пришелъ Алипій; случился весьма свѣтлый день; безоблачное небо и пріятная, насколько это возможно въ тѣхъ мѣстахъ зимою, погода расположили насъ спуститься на лужокъ, въ которомъ мы гуляли чаще и съ большимъ удовольствіемъ. Была съ нами и мать наша; дарованія и пламенные стремленія души ея къ божественнымъ предметамъ были мнѣ знакомы изъ продолжительнаго сожительства съ нею и прилежнаго наблюденія; а на одномъ состязаніи о немаловажномъ предметѣ, которое имѣлъ я съ своими учениками въ день моего рожденія и внесъ въ книгу, умъ ея выказался предо мною настолько, что могъ быть признанъ вполне способнымъ къ истинной философіи. Поэтому я рѣшился, когда она окажется свободною, поставить дѣло такъ, чтобы и она уча-

ствовала въ нашемъ разговорѣ. Это тебѣ извѣстно уже изъ первой книги настоящаго сочиненія.

Итакъ, когда мы усѣлись въ упомянутомъ мѣстѣ съ возможнымъ удобствомъ, я сказалъ тѣмъ двумъ юношамъ: Хотя я и разсердился на ваше ребяческое отношеніе къ великимъ предметамъ, однако, по милости Божіей, не безъ порядка, мнѣ кажется, случилось, что на рѣчь, которою я старался отвлечь васъ отъ этого легкомыслія, ушло столько времени, что разсужденіе о столь важномъ предметѣ отложено было до прихода Алиція. Поэтому,—такъ какъ я познакомилъ уже его съ вопросомъ и показалъ, какъ далеко подвинулись мы въ немъ,—готовъ ли ты, Лиценцій, защищать то дѣло, которое ты принялъ на себя вмѣстѣ съ своимъ опредѣленіемъ? Потому что, помнится мнѣ, ты сказалъ, что порядокъ есть то, посредствомъ чего Богъ управляетъ всѣмъ.—Готовъ, говорить, насколько есть у меня силъ.—Какъ же, спросилъ я, посредствомъ порядка Богъ управляетъ всѣмъ: такъ ли, что посредствомъ порядка управляетъ и Собою, или чрезъ порядокъ Имъ управляется остальное, за исключеніемъ Его Самого?—Тамъ, отвѣчалъ онъ, гдѣ все—добро, порядка не существуетъ. Тамъ—высшее равенство, которое въ порядкѣ не нуждается нисколько.—А развѣ ты, говорю я, отрицаешь, что у Бога все—добро? — Нѣтъ, не отрицаю, отвѣчалъ онъ.—Значить, ни Богъ и ни что у Бога порядкомъ не управляются?—Да, согласился онъ.—Такъ неужели все доброе, по твоему мнѣнію, ничто? — Напротивъ, оно—самая сущность.—Въ такомъ случаѣ, гдѣ же то, сказанное тобою, что все сущее управляется порядкомъ и что не существуетъ рѣшительно ничего, что было бы внѣ порядка?—Но, сказалъ онъ, существуетъ еще зло, вслѣдствіе котораго и произошло то, что порядокъ обнимаетъ собою и добро. Потому что порядкомъ управляется не одно добро, но добро и зло вмѣстѣ. Когда же мы говоримъ,—все, то ни-

какъ не разумѣемъ одно только добро. Отсюда все въ совокупности, чѣмъ управляетъ Богъ, управляется порядкомъ.

На это я ему сказалъ: Какъ по твоему мнѣнію — движется ли то, что управляется, или же ты считаешь его неподвижнымъ? — То, что совершается въ этомъ мірѣ, отвѣчалъ онъ, по моему мнѣнію, движется. — А остальное, спрашиваю, нѣтъ? — Что съ Богомъ существуетъ, говоритъ онъ, то не движется; все же остальное, по моему мнѣнію, движется. — Итакъ, говорю, полагая, что существующее съ Богомъ не движется а остальное движется, ты тѣмъ самымъ даешь понять, что все, находящееся въ движеніи, съ Богомъ не существуетъ. — Повтори, сказалъ онъ, это самое пояснѣе. — Онъ пожелалъ, чтобы я это сдѣлалъ, какъ мнѣ показалось, не вслѣдствіе трудности понять мой вопросъ, а желая протянуть время, чтобы найдтись что отвѣтить. Ты сказалъ, говорю я, что существующее съ Богомъ не движется; все же остальное движется. Слѣдовательно, если то, что движется, не двигалось бы, еслибы находилось съ Богомъ; поелику во всемъ, находящемся съ Богомъ, движеніе ты отрицаешь: то получается такой выводъ, что все движущееся существуетъ безъ Бога — Послѣ этихъ словъ онъ еще нѣсколько времени молчалъ. Но наконецъ сказалъ: Мнѣ кажется, что если и въ этомъ мірѣ что-либо не движется, оно существуетъ съ Богомъ. — Это, говорю, не имѣетъ для меня никакого значенія. Ибо ты, думаю, признаешь, что существующее въ этомъ мірѣ не все не движется. Отсюда слѣдуетъ, что не все въ этомъ мірѣ существуетъ съ Богомъ. — Да, говоритъ, не все. — Значитъ, нѣчто существуетъ безъ Бога. — Не согласенъ, говоритъ. — Въ такомъ случаѣ — все существуетъ съ Богомъ. — Я, сказалъ онъ долго подумавъ, не говорилъ того, чтобы безъ Бога не существовало ничего; ибо рѣшительно все движущееся, по моему мнѣнію, съ Богомъ не существуетъ. — Значитъ, говорю я, это небо существуетъ безъ Бога, потому

что движения его не оспариваетъ никто.—Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, оно не безъ Бога.—Значить, съ Богомъ существуетъ и нѣчто такое, что движется.— Не могу, какъ хотѣлъ бы, сказать онъ, выяснить свою мысль; и потому прошу, не ожидая моихъ словъ, если можете, чутьемъ догадываться о томъ, что я силюсь сказать. Мнѣ думается, съ одной стороны, что безъ Бога не существуетъ ничего, а съ другой, что существующее съ Богомъ остается неподвижнымъ. Тѣмъ не менѣе я не могу сказать, чтобы небо было безъ Бога. Не могу этого сказать не только потому, что безъ Бога, какъ думаю, ничего не существуетъ, но и потому, что считаю небо имѣющимъ нѣчто неподвижное; это—или Богъ, или нѣчто съ Богомъ существующее; хотя само по себѣ небо несомнѣнно вращается и движется.

ГЛАВА II.

Что такое—быть съ Богомъ. Какимъ образомъ мудрый пребываетъ неподвижнымъ съ Богомъ.

Опредѣли же, говорю, если угодно, что значитъ быть съ Богомъ и не быть безъ Бога? Ибо, если между нами возникаетъ споръ изъ за словъ, то мы легко прекратимъ его, какъ только мы увидимъ самый предметъ, который ты представляешь своимъ умомъ.—Я, сказалъ онъ, ненавижу опредѣленія.—Такъ что же намъ дѣлать?—Опредѣляй, говоритъ, самъ. Ибо для меня легче видѣть, что не заслуживаетъ моего одобренія въ опредѣленіи другаго, чѣмъ самому объяснять что бы-то ни-было посредствомъ хорошаго опредѣленія.—Изволь, сказалъ я. Представляется ли тебѣ существующимъ съ Богомъ то, что Имъ управляется?—Этого, говорить, я не разумѣлъ, когда говорилъ, что съ Богомъ существуетъ то, что не движется.—Смотри же говорю, правится ли тебѣ, по крайней мѣрѣ, такое опредѣленіе: съ Богомъ существуетъ все то, что разумѣетъ Бога?—Съ этимъ,

говорить, я согласенъ.—Такъ что же, спрашиваю я, мудрый тебѣ не кажется разумѣющимъ Бога?—Кажется такимъ, отвѣчаетъ онъ.—Но поелику мудрые могутъ находиться въ движеніи не только въ одномъ домѣ или городѣ, а и совершая сушею и водою путешествія по громаднымъ пространствамъ, то, спрашивается, какимъ образомъ будетъ истиннымъ положеніе, что все, существующее съ Богомъ, не движется?—Ты заставляешь меня смѣяться, отвѣчалъ онъ; какъ будто, по моимъ словамъ, съ Богомъ существуетъ то, что мудрый дѣлаетъ! Съ Богомъ—только то, что онъ знаетъ.— А развѣ, говорю, мудрый не знаетъ своихъ книгъ, мантии, туники, своего скарба, буде онъ его имѣеть, и прочаго въ этомъ родѣ, что хорошо знаютъ и глупые?—Полагаю, говорить, что знать тунуку и знать мантию не значитъ быть съ Богомъ.

Итакъ, сказалъ я, не все то, по твоимъ словамъ, существуетъ съ Богомъ, что знаетъ мудрый; но что только существуетъ съ Богомъ мудраго, то мудрый знаетъ.—Именно такъ, сказалъ онъ: съ Богомъ существуетъ не то, что знаетъ мудрый при помощи чувствъ, а то лишь, что уразумѣваетъ онъ духомъ. Больше сказать, быть можетъ, будетъ уже смѣлостію, однако я скажу: ваше, оцѣнщики, дѣло подтвердить или вразумить меня, — именно: всякій, кто знаетъ то лишь одно, чего касаются чувства, по моему мнѣнію, не существуетъ не только съ Богомъ, но и съ самимъ собою.—Замѣтивъ при этомъ по выраженію лица Тригедія, что онъ будто хочетъ что-то сказать, но по скромности воздерживается, опасаясь взять на себя не свое, я, при наступившемъ молчаніи Лиценція, предоставилъ ему высказать, что онъ желалъ.—Что касается, сказалъ онъ, тѣлесныхъ чувствъ, этого, мнѣ кажется, не знаетъ рѣшительно никто. Иное дѣло чувствовать, и иное—знать. Поэтому, если мы знаемъ что—нибудь, то это что—нибудь, по моему

мнѣнію, содержится единственно въ умѣ и постигается имъ однимъ. Отсюда, если съ Богомъ существуетъ то, что мудрый знаетъ при помощи ума, то все, что знаетъ мудрый, все это можетъ быть съ Богомъ.—Мнѣніе это одобрилъ и Лиценцій, присовокупивши съ своей стороны и нѣчто другое, на что я ни въ какомъ случаѣ не могъ не обратить вниманія.—Мудрый, сказалъ онъ, несомнѣнно существуетъ съ Богомъ, ибо онъ знаетъ и самого себя. Это вытекаетъ одинаково какъ изъ того, что я отъ тебя услышалъ, именно: съ Богомъ—то, что разумѣетъ Бога, такъ и изъ того, что сказано нами, именно: то—съ Богомъ, что постигаетъ мудрый. Но, признаюсь, не знаю и я той стороны мудраго, посредствомъ которой онъ пользуется тѣлесными чувствами (полагаю, что мы не обязаны принимать ее въ расчетъ, когда говоримъ о мудромъ), и рѣшительно не догадываюсь, какого она рода.

Итакъ, сказалъ я, ты отрицаешь не только то, что мудрый состоитъ изъ тѣла и души, но и то, что онъ состоитъ изъ полной души; хотя было бы безуміемъ — отрицать принадлежность душѣ той стороны, которая пользуется чувствами. Чувствуютъ вѣдь не самые глаза, или уши, а нѣчто другое. И если это чувство не приписать уму, то оно не можетъ быть приписано и никакой другой части души. Остается развѣ приписать его тѣлу; но нелѣпѣ этого, по моему мнѣнію, нельзя ничего сказать.—Душа мудраго, сказалъ онъ, очищенная добродѣтелями и уже соединенная съ Богомъ, достойна и названія мудрой, — другаго въ ней ничего нельзя называть мудрымъ; но при этомъ, однакоже, тотъ, такъ сказать, трауръ и тѣ грязныя одежды, отъ которыхъ такая душа очистилась и какъ бы ушла въ себя саму, продолжаютъ еще служить ей. Если и это все должно быть названо душею, то оно конечно находится въ услуженіи и подчиненіи у той асти души, которую един-

ственно прилично называть мудрою. Полагаю, что въ этой подчиненной части обитаетъ и память. Такимъ образомъ, мудрый пользуется этою частию души, какъ бы рабою, повелѣвая ей и указывая ей, какъ покоренной и подчиненной, такия границы закона, чтобы она не осмѣливалась превозноситься или гордиться передъ господиномъ, пользуясь тѣми чувствами, которыя необходимы не мудрому, а ей же самой, или беспорядочно и неумѣренно пользоваться и тѣмъ самымъ, что принадлежитъ ей самой. Къ этой низшей части относятся и то, что преходяще. А для чего нужна память, какъ не для того, что преходить и какъ бы убѣгаетъ? Мудрый же объемлетъ Бога; онъ наслаждается Тѣмъ, Кто всегда пребываетъ, Кого не ждуть, чтобы Онъ былъ, не страшатся, что Его не будетъ, но Кто потому самому истинно сущій, что пребываетъ всегда. Но будучи неподвижнымъ и въ себѣ самомъ пребывая, мудрый до нѣкоторой степени заботится и о собственности своего раба, дабы и бдительный рабъ надлежащимъ образомъ пользовался этою собственностію, какъ плодомъ, и бережно охранялъ ее.

Обсуждая съ удивленіемъ это его мнѣніе, я припомнилъ, что когда то я самъ кратко высказалъ тоже самое въ присутствіи Лиценція. — Благодари, Лиценцій, улыбаясь сказалъ я, этого слугу твоего: не приготовь онъ для тебя кое-чего изъ своего собственного запаса, ты теперь, можешь быть, не имѣлъ бы что и сказать. Ибо, хотя память принадлежитъ той части души, которая отдаетъ себя, какъ слугу, подъ управленіе здраваго ума, однако теперь повѣрь мнѣ, именно она помогла тебѣ высказать это. И я, прежде чѣмъ перейдти опять къ разсужденію о порядкѣ, спрашиваю тебя, не нужна ли, по твоему мнѣнію, мудрому память по крайней мѣрѣ для такихъ, т. е. почетныхъ и необходимыхъ, научныхъ занятій? — Зачѣмъ, говоритъ, мудрому нужна будетъ память, когда всѣ предметы его позна-

нія находятъся у него на лицо? Вѣдь въ помощи памяти не нуждаются и самыя чувства, когда что нибудь находится предъ нашими глазами. Тѣмъ болѣе для мудраго, у котораго все находится предъ внутренними очами его разума, который т. е. созерцаетъ постоянно и неизмѣнно самого Бога, какая нужда въ памяти? А если я нуждаюсь въ памяти для удержанія того, что слышалъ отъ тебя, то, значить, я еще не господинъ этой рабы, но пока самъ служу ей, хотя боюсь, чтобы не служить ей, и какъ бы пытаюсь освободиться отъ нея. И если случается, что иногда я повелѣваю надъ нею, а она мнѣ повинуется и часто заставляетъ меня думать, что я уже побѣдилъ ее; то въ иныхъ случаяхъ она опять такъ поднимаетъ свою голову, что я несчастный повергаюсь къ ногамъ ея. Поэтому-то, когда говоримъ мы о мудромъ, я не хочу, чтобы ты разумѣлъ меня.—Да и меня, сказалъ я. Но, впрочемъ, неужели мудрый можетъ бросить друзей своихъ и, доколѣ дѣйствуетъ еще его тѣло, въ которомъ онъ содержитъ этого раба связаннымъ узами его закона, неужели перестанетъ оказывать, кому можетъ, благодѣянія, въ особенности же учить самой мудрости, чего отъ него ожидаютъ особенно сильно? А желая быть учителемъ какимъ слѣдуетъ, а не негоднымъ, онъ часто подготавливаетъ кое-что заранѣе, о чемъ, по напередъ составленному плану, говорить потомъ и разсуждаетъ, — что необходимо исчезло бы изъ его мысли, если бы онъ не ввѣрилъ его памяти. Такимъ образомъ, ты долженъ или отвергнуть въ мудромъ долгъ доброжелательства, или признать, что и онъ хранитъ кое-что памятью. А если нѣчто изъ своего богатства, необходимое положимъ не для него самого, а для его друзей, онъ повелѣваетъ хранить памяти, то возможное ли дѣло, чтобы она, какъ вѣрный и послушный распоряженіямъ господина рабъ, не сохранила того, если ужъ не ради приведенія глупыхъ къ мудрости, то ради того, что ей это при-

казано хранить?—По моему мнѣнію, сказалъ онъ, мудрый не ввѣряетъ памяти рѣшительно ничего, поелику онъ всегда твердо держится въ Богѣ, и когда молчитъ, и когда говоритъ съ людьми. Но его память, этотъ уже хорошо приученный рабъ, прилежно хранитъ то, чѣмъ могла бы иногда служить своему господину при его состязаніяхъ и тѣмъ выполнить свой признательный долгъ къ тому, подъ властью котораго живетъ она. И это ей дѣлается не по какому нибудь соображенію, а въ силу высшаго закона и высшаго порядка.—Въ настоящее время, замѣтилъ я, я оставляю твои разсужденія безъ возраженій, чтобы поскорѣе перейти къ продолженію начатаго. Но въ другое время мы поговоримъ объ этомъ предметѣ пообстоятельнѣе (ибо предметъ этотъ немаловажный и не можетъ довольствоваться столь короткою рѣчью о немъ), если самъ Богъ укажетъ къ тому благопріятный случай.

ГЛАВА III.

Существуетъ ли съ Богомъ глупость.

Итакъ мы опредѣлили, что значить быть съ Богомъ. И когда мною высказано было, что съ Богомъ—то, что разумѣть Бога, вы прибавили нѣчто больше, именно—съ Богомъ, сказали вы, то, что разумѣть мудрый. Въ этомъ случаѣ меня сильно поразило то обстоятельство, какимъ образомъ поставили вы съ Богомъ неожиданно и глупость. Ибо, если съ Богомъ существуетъ все то, что разумѣть мудрый, а мудрый не можетъ избѣгать глупости иначе, какъ понявши ее: то съ Богомъ будетъ и эта зараза, хотя сказать такъ и грѣшно.—Когда, встревоженные этимъ заключеніемъ, они нѣкоторое время оставались въ молчаніи, Тригедій сказалъ: пусть на это отвѣчаетъ тотъ, прибытіе котораго къ настоящему состязанію, случившееся такъ кстати,

мы, думаю, привѣтствовали не напрасно.—Помилуй Богъ, отвѣчалъ на это Алипій; неужели мнѣ суждено было хранить свое, такъ для меня дорогое, молчаніе только до сихъ поръ? Да, покой мой нарушенъ. Но какъ бы то ни было, я постараюсь теперь отвѣтить на этотъ вопросъ, если заручусь на будущее время и вы мнѣ пообѣщаете, что болѣе этого отвѣта ничего отъ меня не потребуете.—Не къ лицу твоей доброжелательности и твоему великодушію, Алипій, замѣтилъ я, отказываться подавать свое мнѣніе въ нашемъ разговорѣ,—мнѣніе, при томъ, весьма нами желательное. Впрочемъ, сдѣлай то, что предположилъ; остальное произойдетъ такъ, какъ укажетъ то самый порядокъ. То правда, отвѣчалъ онъ, что я долженъ ожидать лучшаго отъ порядка, въ подтвержденіе котораго, между прочимъ, вы меня выставили. Если не ошибаюся, по твоему заключенію вышло, что они представляютъ себѣ глупость соединенною съ Богомъ именно потому, что сказали, что все, что разумѣтъ мудрый, существуетъ съ Богомъ. Въ какой степени послѣднее положеніе должно быть принято, я говорить теперь не буду; обрати нѣсколько вниманіе на самое свое заключеніе. Съ Богомъ, сказалъ ты, существуетъ все то, что мудрый разумѣтъ, а мудрый-де не можетъ избѣжать глупости, не уразумѣвъ ея.— Но вѣдь дѣло ясное, что никто не можетъ быть удостоенъ имени мудраго прежде, чѣмъ избѣжитъ глупости. Далѣе, сказано, что съ Богомъ существуетъ то, что мудрый разумѣтъ. Поэтому, если кто-нибудь постигаетъ глупость, чтобы избѣжать глупости, то онъ еще не мудръ. Когда же онъ сдѣлается мудрымъ, тогда уже глупость не должна быть причисляема къ тому, что онъ разумѣтъ. На этомъ основаніи, поелику съ Богомъ соединено то, что разумѣтъ уже мудрый, будетъ правильно, если мы устранимъ отъ Бога глупость.

Ты, Алипій, сказалъ я, отвѣчалъ по обыкновенію остроумно, но отвѣчалъ такъ, какъ естественно отвѣчать попавшему въ чужое затруднительное положеніе. Въ подобномъ положеніи, такъ какъ ты, думаю, не откажешься побыть пока глупымъ со мною, что сдѣлали бы мы, встрѣтивши такого мудреца, который бы взялся охотно освободить насъ отъ этой бѣды путемъ наученія и состязанія? Мнѣ думается, я съ своей стороны попросилъ бы его прежде всего—показать мнѣ, что такое глупость, почему и какого рода она бываетъ. Потому что—не знаю, какъ тебя, а меня глупость настолько и дотолѣ задерживаетъ собою, насколько и доколѣ я не уразумѣю ея. Итакъ, держась твоего мнѣнія, этотъ мудрецъ долженъ бы сказать намъ слѣдующее: «съ своими вопросами вамъ слѣдовало бы обратиться ко мнѣ въ то время, когда я былъ глупъ; теперь же вы только сами и можете быть для себя учителями: ибо я уже не понимаю глупости». Получивъ отъ него подобный отвѣтъ, я не задумываясь попросилъ бы его пристать къ нашему обществу, и вмѣстѣ съ нами поискать иного учителя. Ибо хотя я и не вполне понимаю глупость, тѣмъ не менѣе, на мой взглядъ, глупѣе подобнаго отвѣта не можетъ быть ничего. Но, быть можетъ, ему стыдно будетъ и оставить насъ безо всего, и слѣдовать за нами. Въ такомъ случаѣ онъ вступитъ съ нами въ состязаніе и распространится о злополучіяхъ глупости. А мы, въ ожиданіи добра для себя, будемъ внимательно слушать человѣка, не знающаго, что онъ говорить; или будемъ думать, что онъ знаетъ то, чего не понимаетъ; или наконецъ—что глупость соединена и съ Богомъ, согласно съ мнѣніемъ тѣхъ, которыхъ ты взялся защищать. Первыхъ двухъ положеній, по моему мнѣнію, нельзя защитить никакимъ образомъ; остается, значить, послѣднее, хотя оно и не нравится вамъ.—Я, сказалъ онъ, никогда не считалъ тебя человѣкомъ злымъ. И теперь, оставаясь вполне непоколеби-

мымъ въ своемъ умозаключеніи, ты заставляешь меня только, —буде я взялъ какое нибудь вознагражденіе за защиту тѣхъ, кого, по твоему выраженію, принялъ подъ эту защиту,—возвратить имъ взятое назадъ. Въ такомъ случаѣ пусть они будутъ довольны уже тѣмъ, что, занявшись съ тобою, я далъ имъ не мало времени для размышленія; а еслибы захотѣли послѣдовать совѣту своего, безъ всякой съ его стороны вины побѣжденнаго адвоката,—пусть на этотъ разъ уступятъ тебѣ, а на будущее время будутъ осторожныѣе.

Я не пренебрегу, сказалъ я, тѣмъ, что, во время твоей защиты, сильно порывался сказать Тригедій, и сдѣлаю это съ твоего позволенія: быть можетъ, недавно принявши участіе въ этомъ дѣлѣ, ты не достаточно познакомился съ нимъ; а потому, оставивъ въ сторонѣ твою защиту, я какъ и прежде, терпѣливо выслушаю отъ нихъ самихъ ихъ мнѣнія по этому предмету.—Принимайте, какъ хотите, мои слова, сказалъ Тригедій (Лиценція совсѣмъ не было), и смѣйтесь надъ моею глупостью; но мнѣ кажется, что того не слѣдуетъ называть умомъ, чѣмъ воспринимается глупость, представляющая собою единственную и главнѣйшую причину неразумія.—Не могу, сказалъ я, отказаться отъ принятія твоего мнѣнія. Правда, меня сильно озадачиваетъ мнѣніе Алипія, именно: какимъ образомъ можетъ кто-нибудь учить правильно о томъ, каковъ извѣстный предметъ, котораго онъ не понимаетъ, и какой вредъ уму можетъ причинить то, чего никто не видитъ умомъ; взвѣсивая это, онъ поопасался сказать то, что сказалъ ты, такъ какъ это мнѣніе было извѣстно ему и изъ книгъ мужей ученыхъ. Однако обращая вниманіе на чувство тѣлесное, и принимая въ соображеніе съ одной стороны, что этимъ же чувствомъ пользуется душа, а съ другой, что сама душа единственно и идетъ въ нѣкоторое сравненіе съ умомъ, я прихожу къ заключенію, что никто не можетъ видѣть тьмы. Отсюда, если

для ума понимать тоже, что для чувства видѣть, и если тьмы видѣть не можетъ никто, хотя бы глаза его были открыты, здоровы и чисты: то нѣтъ ничего нелѣпаго сказать, что глупость не можетъ быть понимаема; такъ какъ подъ глупостію мы разумѣемъ ничто иное, какъ угнетенную тьму. Послѣ этого меня не смутитъ уже и вопросъ о томъ, какимъ образомъ возможно избѣжать глупости, не понимая ея. Ибо какъ глазами избѣгаемъ мы тьмы потому, что намъ не хочется не видѣть; такъ точно и тотъ, кто желаетъ избѣжать глупости, не глупость старается понять, а скорбитъ, что вслѣдствіе глупости не понимаетъ того, что можетъ быть понимаемо, и чувствуетъ въ себѣ присутствіе глупости не поколику понимаетъ ее саму, а поколику мало понимаетъ предметы сторонніе.

ГЛАВА IV.

Въ порядокъ ли человекъ дѣлаетъ то, что дѣлаетъ дурно. Зло, приведенное въ порядокъ, служитъ къ украшенію вселенной.

Но возвратимся къ порядку, чтобы намъ возвратитъ къ себѣ наконецъ Лиценція снова. Спрашиваю васъ, въ силу ли порядка, по мнѣнію вашему, поступаетъ глупый во всемъ, что ни дѣлаетъ? Но обратите вниманіе, какъ можетъ связать васъ этотъ вопросъ. Если скажете, что онъ поступаетъ въ силу порядка, то гдѣ будетъ ваше опредѣленіе, что порядокъ есть то, посредствомъ чего Богъ управляетъ всѣмъ существующимъ, если и глупый въ своихъ дѣйствіяхъ поступаетъ согласно порядку? Если же, напротивъ, скажете, что въ дѣйствіяхъ глупаго порядка нѣтъ, то окажется нѣчто такое, чѣмъ порядокъ не управляетъ. Ни того, ни другаго вы не хотите. Въ такомъ случаѣ смотрите же, какъ бы защитою самаго порядка вы не перепутали всего. Хотя, ска-

залъ при этомъ Тригецій (Лиценція все еще не было), и легко отвѣтить на это твое заключеніе; но у меня въ настоящее время нѣтъ въ виду такого сравненія, которымъ бы, по моему мнѣнію, я долженъ былъ подтвердить и пояснить мою мысль. Впрочемъ, скажу, какъ думаю; а ты и въ данномъ случаѣ поступи также, какъ поступилъ передъ этимъ: потому что извѣстное упоминаніе твое о тьмѣ пролило не мало свѣта на то, что въ моихъ словахъ было темнаго. Жизнь глухихъ, хотя отъ нихъ самихъ опредѣленнаго направленія не получаетъ и не упорядочивается, однако дѣйствіемъ божественнаго Провидѣнія вся включена въ необходимый порядокъ вещей, и ей какъ бы нѣкоторая мѣстность, расположенная по неизмѣнному и вѣчному закону, не дозволяетъ быть тамъ, гдѣ ей и не слѣдуетъ быть. Отсюда каждый, останавливающий исключительное вниманіе на ней только одной, получаетъ отвращеніе, какъ бы поражаемый великою нечистотою. Но если, поднявшись своими мысленными входами шире и выше, онъ станетъ обозрѣвать все въ цѣломъ, то не найдетъ ничего беспорядочнаго, а напротивъ—все какъ бы распределеннымъ и расположеннымъ по своимъ мѣстамъ.

О, какъ много и сколько удивительнаго отвѣчаетъ мнѣ чрезъ васъ Богъ, и самый этотъ (чтобы я болѣе и болѣе въ него вѣровалъ) какой-то сокровенный порядокъ вещей! Ибо то, что вы высказываете, до такой степени представляется мнѣ истиннымъ и возвышеннымъ, что я не понимаю ни того, какимъ образомъ можно такъ говорить, не имѣя о предметѣ свѣдѣній, ни того, какимъ образомъ вы могли пріобрѣсть эти свѣденія. Но высказывая свое мнѣніе, ты выражалъ желаніе подтвердить его хотя однимъ примѣромъ. Такихъ примѣровъ я имѣю въ виду безчисленное множество; они располагаютъ меня вполне согласиться съ твоимъ мнѣніемъ. Что, напр., можетъ быть гнуснѣе палача? Что грубѣе и жестче его души? И однако роль палача признается

необходимою самыми законами и входить въ порядокъ благоустроенной общественной жизни, и—палачъ, будучи преступнымъ по своей душѣ, служить наказаніемъ другихъ преступниковъ. Что гнуснѣе, что жалче красоты и полнѣе безстыдства непотребныхъ женщинъ, сводницъ и подобныхъ имъ людей? Между тѣмъ, устрани распутницъ изъ человѣческихъ обществъ, и распутство внесетъ всюду безпорядокъ. Но, съ другой стороны, поставь ихъ на мѣсто матронъ, и ты обезчестишь все позоромъ и безобразіемъ. До такой степени этотъ родъ людей нечистъ въ жизни по своимъ нравамъ, и презрѣнъ по своему, условливаемому законами порядка, положенію! Въ тѣлахъ животныхъ ты видишь одни члены и не можешь видѣть другихъ; хотя порядокъ природы не захотѣлъ, чтобы ихъ не было, такъ какъ они необходимы, но онъ не дозволилъ имъ выставляться наружу, такъ какъ они безобразны. И они, занявши свое мѣсто, мѣсто лучшее уступили лучшимъ членамъ. Что было намъ пріятнѣе и что въ деревнѣ и на дачѣ намъ болѣе всего напомнило театръ, какъ не тотъ бой пѣтуховъ, о коемъ упоминалось много въ предыдущей книгѣ? При этомъ видѣли ли мы что нибудь безобразнѣе побѣжденнаго пѣтуха? А между тѣмъ отъ этого-то безобразія красота боя становилась совершеннѣе.

Таково, думаю, и все; но требуется только глазъ. Поэты полюбили такъ называемые солецизмы и барбаризмы, и порѣшили, измѣнивши наименованія, называть ихъ лучше схемами и метаплазмами, чѣмъ избѣгать такихъ очевидныхъ недостатковъ. Выбрось однакоже ихъ изъ стиховъ, и мы почувствуемъ недостатокъ въ самыхъ лучшихъ приправахъ. А съ другой стороны собери множество всего этого въ одно мѣсто, все это грубое, противное, отвратительное, надоѣсть мнѣ. Внеси это въ прозаическую или судебную рѣчь, и тебѣ всякій посоветуетъ отправиться съ нею въ балаганы. Порядокъ, управляющій и соразмѣряющій все это, не терпитъ въ

рѣчи поэтической излишняго, а во всякой другой ей чуждаго. Нѣкоторая простота, даже какъ бы своего рода грубость рѣчи, своею противоположностію выставляетъ въ особомъ свѣтѣ ея оживленные обороты и прекрасныя мѣста. Будь въ ней одна простота и грубость, ты отбросишь ее, какъ низкую; но съ другой стороны не будь въ ней этой простоты и грубости, всё тѣ прекрасныя мѣста не выдѣлятся въ ней, не будутъ господствовать, такъ сказать, въ своихъ границахъ и владѣніяхъ, а будутъ мѣшать сами себѣ собственнымъ блескомъ и въ цѣломъ производить безпорядокъ.

ГЛАВА V.

Какимъ образомъ нужно помогать заблужденію тѣхъ, которые думаютъ, что вещи не управляются никакимъ порядкомъ.

И въ этомъ случаѣ красота зависитъ отъ порядка. Кто не боится, кто не гнушается умозаключеній обманчивыхъ, или прообрадовающихся въ сознаніе мало по малу, путемъ ли ослабленія фальши, или вызыванія согласія съ нею? Однако, и въ состязаніяхъ добросовѣстныхъ, будучи высказываемы кстати, онѣ часто имѣютъ такую силу, что не знаю какъ, но чрезъ нихъ становится сладкимъ и самый обманъ. Не похвалить ли порядокъ и за это?

Наконецъ, въ музыкѣ, въ геометріи, въ движеніяхъ небесныхъ свѣтилъ, въ непреложныхъ законахъ чиселъ порядокъ господствуетъ до такой степени, что если бы кто пожелалъ видѣть его, такъ сказать, источникъ и самыя тайны, найдеть ихъ въ этихъ наукахъ, или чрезъ нихъ приведенъ будетъ къ нему безошибочно. Ибо занятіе этими науками, если только кто предается ему умѣренно (ибо ничего не слѣдуетъ бояться здѣсь, какъ излишества), воспринимаетъ въ человѣкѣ

такого борца и даже вождя философіи, что онъ и самъ восходитъ, и возводитъ многихъ другихъ къ той высшей мѣрѣ, дальше которой нельзя, не слѣдуетъ и нежелательно уже искать ничего. Съ этой высоты, останавливая вниманіе на дѣлахъ человѣческихъ, онъ такъ широко охватываетъ ихъ своимъ взоромъ, и такъ все различаетъ, что его не тревожатъ подобные вопросы: почему-де одинъ желаетъ имѣть дѣтей и не имѣть, а другой тяготеетъ плодovitостію своей жены; почему нуждается въ деньгахъ тотъ, который готовъ бы щедро дарить ихъ, а изсохшій и паршивый ростовщикъ спитъ на зарытыхъ сокровищахъ; почему громадные наслѣдства расточаются и проматываются роскошью, а нищій, проливая цѣлый день слезы, вымалываетъ едва одну мелкую монету; почему иной недостойный возвышается во власти и чести, а люди съ чистѣйшею нравственностію остаются незамѣченными въ толпѣ.

Эти и подобныя явленія человѣческой жизни весьма часто располагаютъ людей нечестиво думать, будто нами не управляетъ никакой порядокъ божественнаго провидѣнія. Иные же, благочестивые, добродѣтельные и одаренные свѣтлымъ умомъ люди, хотя и не могутъ примириться съ мыслию, что мы оставлены Всевышнимъ Богомъ, однако смущенные своего рода мракомъ и нестроеніемъ подобныхъ явленій, не видятъ въ нихъ никакого порядка, и желая, чтобы имъ разъяснили сокровеннѣйшія причины, часто жалуются на свои заблужденія даже въ стихахъ. Если бы они предложили только одинъ этотъ вопросъ: почему итальянцы всегда желаютъ ведренной зимы, между тѣмъ какъ наша бѣдная Гетулія постоянно жаждетъ дождя; кто не затруднился бы отвѣтить имъ? Или у кого изъ насъ нашлось бы какое нибудь предположеніе относительно этого порядка? Что касается меня, то, если я могу посовѣтовать что-нибудь своимъ друзьямъ по мѣрѣ своего разумѣнія, я полагаю, что они должны

изучать всѣ упомянутыя науки. Только такимъ путемъ, а не иначе какъ-нибудь, возможно для насъ понять все это яснѣе дня. Если они довольно лѣнны, или преданы другимъ занятіямъ, или уже неспособны къ наукѣ, пусть они обратятся къ вѣрѣ, узами которой привлекается ихъ къ Себѣ, и освобождаетъ отъ этихъ горестныхъ и мрачныхъ золъ Тотъ, Кто не попускаетъ погибнуть ни одному, вѣрующему въ него искренно, какъ предписываетъ религія.

Ибо есть два пути, которыми мы можемъ слѣдовать, когда насъ мучитъ мракъ окружающихъ явленій: это—разумъ, а если не онъ, то—авторитетъ. Разумъ общаетъ философія; но она освобождаетъ отъ мрака весьма немногихъ. Впрочемъ, она побуждаетъ ихъ не только не пренебрегать тайнами вѣры, а напротивъ понимать ихъ такъ, какъ онѣ должны быть понимаемы. Эта истинная и, такъ сказать, подлинная философія своею задачею имѣетъ не иное что, какъ научить, что служить безначальнымъ Началомъ всѣхъ вещей, какой въ Немъ пребываетъ разумъ и что отъ Него, помимо всякаго поврежденія, происходитъ для нашего спасенія. О семъ единомъ и троюмоцномъ Богѣ, Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ, учить достопокланяемая религія, освобождающая народы силою чистой и непоколебимой вѣры,—учить не смутно, какъ говорятъ о ней нѣкоторые, и не недостойно Божества, какъ утверждаютъ многіе. Что же касается того, что сей Всевышній Богъ благоволилъ принять и носить наше человѣческое тѣло, то чѣмъ болѣе кажется это низкимъ, тѣмъ болѣе оно исполнено милости и тѣмъ менѣе имѣетъ общаго съ высокоуміемъ человѣческимъ.

А откуда душа ведетъ свое начало, зачѣмъ она живетъ въ этомъ мірѣ, насколько разнствуетъ отъ Бога, что имѣетъ своего собственнаго, что вноситъ въ ту и другую природу, насколько подлежитъ смерти и чѣмъ оправдывается ея безсмертіе; все это—вопросы не великаго ли порядка, чтобы

заняться ихъ изученіемъ? Безъ сомнѣнія великаго и съ точностію опредѣленнаго! Но объ этомъ, если найдемъ время, скажемъ въ краткихъ чертахъ послѣ. А пока прошу васъ принять отъ меня къ свѣдѣнію слѣдующее: Если кто осмѣлится добиваться знанія этихъ предметовъ необдуманно и не въ извѣстномъ порядкѣ научныхъ занятій, тотъ вмѣсто любознательнаго сдѣлается преступно-любопытнымъ, вмѣсто ученаго—легковѣрнымъ, вмѣсто осторожнаго—невѣрующимъ. Въ виду этого, слыша только что ваши такіе хорошіе и дѣльные отвѣты на вопросы, я удивляюсь, откуда это у васъ, хотя въ тоже время не могу и не соглашаться съ ними. Посмотримъ, однако, какъ долго можетъ продержаться это, для меня тайное, напряженіе ваше. Теперь пусть прочитаютъ намъ слова Лиценція, который, не знаю чѣмъ занятый, такъ давно устранился отъ нашего разговора, что и ему, думается мнѣ, придется читать высказанное нами въ его отсутствіе, какъ и тѣмъ изъ нашихъ друзей, которые не присутствуютъ теперь съ нами. Иди-ка, Лиценцій, сюда, прошу тебя, и постарайся быть здѣсь; я обращаю рѣчь свою къ тебѣ. Ты одобрилъ мое опредѣленіе того, что значитъ быть съ Богомъ, и хотѣлъ, насколько я могъ понять, доказать, что умъ мудраго пребываетъ неподвижнымъ съ Богомъ.

Меня сильно затрудняетъ слѣдующее соображеніе: какимъ образомъ возможно, чтобы умъ этого мудраго оставался неподвижнымъ, когда его тѣло—ибо безспорно и онъ, доколѣ живетъ среди людей, тѣло имѣетъ,—движется сюда и туда. Подобнымъ образомъ ты могъ бы сказать, что, когда движется корабль, находящіеся на немъ люди не движутся; хотя мы не станемъ оспаривать, что кораблемъ владѣютъ и управляютъ они. Да если бы они управляли имъ и заставляли его идти, куда хотятъ, только мыслію, и тогда, находясь на немъ же, они не могли бы не двигаться, какъ скоро двигался бы онъ.—Духъ, сказалъ Лиценцій, живетъ въ тѣлѣ

не такъ, чтобы тѣло повелѣвало духу.—Да этого и я не говорю, отвѣчалъ я. Но вѣдь и всадникъ сидитъ на конѣ не такъ, чтобы конь управлялъ имъ; однако, хотя онъ заставляетъ идти коня, куда хочетъ, вмѣстѣ съ движеніемъ коня движется необходимо и самъ.—Самъ всадникъ, говорить, можетъ сидѣть неподвижно.—Ты, сказалъ я, заставляешь насъ опредѣлить, что значитъ находится въ движеніи, —сдѣлай же это, прошу тебя, если можешь.—Продолжи, отвѣчалъ онъ, свою милость ко мнѣ, какъ продолжается и моя къ тебѣ просьба: не спрашивай у меня вторично, желательное ли для меня дѣло—составлять опредѣленія; я самъ скажу тебѣ, когда буду въ состояніи ихъ дѣлать.—Когда онъ это сказалъ, изъ дому прибѣжалъ къ намъ мальчикъ, на котораго возложена была этого рода обязанность, и возвѣстивъ намъ, что пора обѣдать.—Этотъ мальчикъ, сказалъ я, заставляетъ насъ не только опредѣлить, но и наглазно показать, что значитъ двигаться. Идемъ же и перейдемъ изъ этого мѣста въ другое; потому что, если не ошибаюсь, это и значитъ двигаться.—На эти слова они отвѣтили смѣхомъ, и мы вышли.

ГЛАВА VI.

Состязаніе 2.

Умъ мудраго неподвиженъ.

Подкрѣпивъ свои тѣла, мы, такъ какъ небо заволакивали тучи, усѣлись на обычномъ мѣстѣ въ банѣ.—Такъ что же, Лиценцій, сказалъ я: согласенъ ли ты, что движеніе—не иное что, какъ переходъ пзъ одного мѣста въ другое?—Согласенъ, говорить.—Но согласенъ ли ты, продолжаю я, что никто не можетъ быть въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ не былъ, и оставаться неподвижнымъ?—Этого я не понимаю, отвѣчалъ онъ.—Если, говорю, что-нибудь сперва было въ одномъ мѣстѣ, а теперь въ другомъ, согласенъ ли ты, что

въ этомъ есть движеніе?—Онъ согласился.—Но можетъ же, говорю я, живое тѣло извѣстнаго мудреца находиться съ нами здѣсь такъ, что душа его будетъ отсюда далеко?—Можетъ, отвѣчалъ онъ.—Даже, прибавилъ я, еслибы онъ и разговаривалъ съ нами, и училъ насъ?—Если бы, отвѣчалъ онъ, онъ училъ насъ и самой мудрости, я тогда сказалъ бы, что онъ—не съ нами, а съ самимъ собою.—Значить, онъ—не въ тѣлѣ?—Не въ тѣлѣ, говоритъ.—Но тѣло, которое лишено духа, не признаешь ли ты мертвымъ, между тѣмъ какъ я имѣлъ въ виду тѣло живое?—Не умѣю, отвѣчалъ онъ, объяснить это. Съ одной стороны я признаю, что тѣло человѣка не можетъ быть живымъ, если въ немъ нѣтъ духа; съ другой не могу сказать, чтобы духъ мудраго не былъ съ Богомъ, гдѣ бы ни находилось его тѣло.—Я помогу тебѣ объяснить это, сказалъ я. Такъ какъ Богъ—ездѣ, то пожалуй куда бы мудрый ни пошелъ, онъ вездѣ найдетъ Бога, съ Коемъ можетъ быть. Отсюда для насъ есть возможность не отрицать и того, что мудрый переходитъ съ мѣста на мѣсто, а это и значить быть въ движеніи, и того, что онъ—съ Богомъ.—Я соглашаюсь, сказалъ онъ, что тѣло дѣлаетъ такой переходъ съ мѣста на мѣсто, но отрицаю это въ отношеніи къ уму, къ которому собственно примѣнимо названіе мудраго.

ГЛАВА VII.

Какимъ образомъ могъ быть порядокъ, когда не было зла.

Пока я уступаю тебѣ, сказалъ я, дабы этотъ таинственный предметъ, требующій болѣе продолжительнаго и внимательнаго обсужденія, не помѣшалъ тому, что мы предположили себѣ въ настоящій разъ. Но остановимъ вниманіе вотъ на чемъ: такъ какъ мы опредѣлили, что значить быть съ Богомъ, то не можемъ ли мы знать и того, что

значить быть безъ Бога; хотя это, какъ думаю, ясно уже само по себѣ. Ибо я думаю, что тѣ, которые—не съ Богомъ, на твой взглядъ, суть безъ Бога.—Если бы, сказалъ онъ, у меня не было недостатка въ словахъ, я, быть можетъ, сказалъ бы такъ, что мой отвѣтъ тебѣ понравился бы. Но, пожалуйста, извини мое дѣтство, и какъ это тебѣ прилично, своимъ быстрымъ умомъ предугадывай, что я желалъ бы выразить. На мой собственно взглядъ, хотя такіе люди и не съ Богомъ, однако Богомъ они не оставляются. Поэтому я не могу сказать, что тѣ, коихъ Богъ не оставляетъ, суть безъ Бога. Но, съ другой стороны, не скажу, что они и съ Богомъ, такъ какъ они Бога не имѣютъ. Имѣть же Бога,—какъ рѣшено было между нами въ томъ состязаніи, которое съ такимъ удовольствіемъ вели мы въ день твоего рожденія, — не иное что значить, какъ наслаждаться Богомъ. Но признаюсь, что меня утрашаетъ это противорѣчіе, какимъ образомъ возможно быть ни безъ Бога, ни съ Богомъ.

Не тревожься этимъ, сказалъ я. Кто станетъ обращать вниманіе на слова, когда самое дѣло будетъ безспорно? Но возвратимся еще разъ къ данному тобою опредѣленію порядка. Порядокъ, сказалъ ты, это то, посредствомъ чего Богъ управляетъ всѣмъ. А на мой взглядъ, нѣтъ ничего, чѣмъ ни управлялъ бы Богъ: вѣдь отсюда ты вывелъ заключеніе, что внѣ порядка нельзя найти ничего.—Я остаюсь при своемъ, отвѣчалъ онъ; но я уже вижу, что хочешь ты сказать, именно—управляетъ ли Богъ и тѣмъ, что, на нашъ взглядъ, совершается нехорошаго?—Прекрасно, сказалъ я: ты совершенно проникъ въ мою мысль. Но если ужъ ты угадалъ то, о чемъ я хотѣлъ спросить, то угадай и то, что слѣдуетъ отвѣтить на мой вопросъ.—Не соберусь съ мыслями, отвѣчалъ онъ, покачивая головою и плечами.—На этотъ вопросъ неожиданно пришла къ намъ мать. Тогда послѣ нѣкотораго

молчанія, онъ попросилъ меня снова спросить его о томъ же. Онъ не зналъ, что на этотъ вопросъ отвѣчалъ уже Тригедій.—Что, сказалъ я, или зачѣмъ мнѣ повторять? Сдѣланнаго, говорятъ, не дѣлай. Поэтому я лучше посоветую тебѣ по крайней мѣрѣ прочесть то, что было сказано прежде, если ты слышать того не могъ. Я впрочемъ не сердился на твое уклоненіе отъ нашей бесѣды и терпѣлъ это уклоненіе такъ долго, съ одной стороны чтобы не мѣшать тому, о чемъ, углубившись въ себя и удалившись отъ насъ, ты размышлялъ про себя, а съ другой потому, что продолженіе моей рѣчи при помощи этого стилия не могло быть потеряннымъ и для тебя.

Теперь я спрашиваю о томъ, чего мы не пытались еще изслѣдовать внимательно. Ибо вслѣдъ затѣмъ, какъ, не знаю всилу какого порядка, возникъ у насъ вопросъ о порядкѣ, ты, помнится мнѣ, сказалъ, что правосудіе Божіе различаетъ между добрыми и злыми и воздастъ каждому по заслугамъ. Яснѣе опредѣлить правосудіе, насколько я понимаю, и нельзя. Но скажи мнѣ, думаешь ли ты, что Богъ былъ нѣкогда не правосуденъ?—Никогда, отвѣчалъ онъ.—А если, говорю, Богъ всегда былъ правосуденъ, то, значитъ, добро и зло существовали всегда.—Другаго слѣдствія, по моему мнѣнію, сказала мать, и не можетъ быть. Въ самомъ дѣлѣ, когда не было никакого зла, тогда не было и суда Божія; и если когда нибудь Богъ не воздавалъ добрымъ и злымъ по ихъ заслугамъ, то Онъ не могъ быть и правосуднымъ.—Такъ стало быть, замѣтилъ ей Лиценцій, по твоему мнѣнію, надлежитъ сказать такъ, что зло существовало всегда?—Этого, отвѣтила она, я не смѣю сказать.—Что же мы скажемъ, спросилъ я? Если Богъ правосуденъ потому, что творить судъ надъ добрыми и злыми, то Онъ не былъ правосуденъ, когда не было зла.—При этомъ, когда они молчали, я замѣтилъ, что хочеть отвѣчать Тригедій, и дозволилъ ему это. Богъ, сказалъ онъ, былъ правосуденъ вообще. Онъ могъ различить добро и зло, если бы суи но-

шествовали, и потому самому, что могъ, былъ правосуденъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы говоримъ, что Цицеронъ изслѣдовалъ заговоръ Катилины благоразумно, показалъ умѣренность, не запятнавши себя никакою корыстію, чтобы пощадить злыхъ, со всею справедливостію предалъ ихъ вышнему наказанію сената, мужественно перенесъ всѣ стрѣлы враговъ и, какъ самъ выражается, громаду зависти,—неужели, спрашивается, не было бы въ немъ всѣхъ этихъ добродѣтелей, если бы Катилина не приготовилъ для республики столь великой опасности? Добродѣтель и въ человѣкѣ должна быть разсматриваема сама по себѣ, а не по какому либо дѣлу этого рода, а тѣмъ болѣе такъ должна быть она разсматриваема въ Богѣ, если, впрочемъ, при ограниченности понятій и словъ, позволительно въ этомъ отношеніи такъ или иначе сопоставлять ихъ между собою. Чтобы понять это, скажемъ такъ. Поелику Богъ всегда былъ правосуденъ, то, когда явилось зло, которое надлежало отдѣлить отъ добра, Онъ тотчасъ же сталъ воздавать каждому по заслугамъ: ибо въ этомъ случаѣ Ему не нужно было учиться правосудію, а только приложить къ дѣлу то, которое имѣлъ Онъ всегда.

Когда и Лиценцій и мать должны по необходимости одобрить это мнѣніе, я сказалъ: Ну, Лиценцій, что теперь ты скажешь? Оправдывается ли твое мнѣніе, что »помимо порядка ничего не бываетъ«,—мнѣніе, которое ты такъ настойчиво защищалъ? Ибо дѣйствіе, вызвавшее къ бытію зло, не есть дѣйствіе въ божественномъ порядкѣ; но когда зло родилось, оно вставлено въ божественный порядокъ.—Я, сказалъ онъ удивляясь и чувствуя неловкость, что такъ неожиданно потерялъ свое дѣло,—я рѣшительно утверждаю, что порядокъ свое начало получилъ съ того момента, съ котораго началось зло.—Итакъ, сказалъ я, чтобы зло было, это совершилось не въ силу порядка; если порядокъ начался

послѣ того, какъ произошло зло. Но у Бога порядокъ существовалъ всегда; и было ли это ничто, которое называется зломъ, всегда, или оно началось когда-нибудь,—поелику порядокъ есть или самъ добро или отъ добра,—безъ порядка никогда ничего не было и не будетъ. Есть какое-то и болѣе сильное возраженіе, но оно по обычаю ускользнуло изъ памяти; чтó, по моему мнѣнію, тоже въ порядкѣ, соотвѣтственно заслугамъ, или состоянію, или порядку жизни.—Не знаю, отвѣчалъ онъ, какимъ образомъ я высказалъ такъ необдуманно это сужденіе, которое я теперь самъ отвергаю: ибо я долженъ былъ сказать не то, что порядокъ начался послѣ того, какъ явилось зло, а то, что какъ правосудіе, о коемъ разсуждалъ Тригедій, такъ и порядокъ существовали у Бога; но свое примѣненіе получили они послѣ того, какъ появилось зло.—И опять ты, сказалъ я, спотыкаешься на томъ же самомъ: ибо то, чего тебѣ хочется всего менѣе, остается неопровержимымъ. Въ самомъ дѣлѣ, былъ ли порядокъ у Бога, или начался съ того времени, съ котораго появилось и зло, во всякомъ случаѣ зло произошло помимо порядка. Если ты съ этимъ согласишься, то долженъ будешь признать, что нѣчто могло произойти помимо порядка; а это подрываетъ и разбиваетъ защищаемое тобою мнѣніе. Если же не согласишься, въ такомъ случаѣ зло окажется получившимъ начало изъ божественнаго порядка, и ты долженъ будешь признать Бога виновникомъ зла; а гнуснѣе подобнаго богохульства, на мой взглядъ, не можетъ быть ничего.—Онъ или не понималъ этого, или притворялся, что не понимаетъ; и когда я уяснялъ ему свою мысль, измѣняя и переворачивая ее на разные лады, онъ не нашелся, чтó сказать, и замолчалъ.—Я, сказала тогда мать, не думаю, чтобы внѣ божественнаго порядка не могло быть ничего; ибо зло, которое появилось, никоимъ образомъ не могло появиться въ силу божественнаго порядка; но божественное правосудіе не захотѣло, чтобы оно остава-

лось беспорядочнымъ, и обратило и привело его къ заслуженному имъ порядку.

Видя, что все они ищутъ Бога весьма усердно и каждый по мѣрѣ своихъ силъ, но не обладаютъ самымъ, составляющимъ предметъ нашего разсужденія, порядкомъ, подъ условіемъ котораго возможно достигнуть уразумѣнія неизъяснимаго величія Божія, я сказалъ: Если вы, какъ это я вижу, такъ сильно любите порядокъ, то не допустимъ себя быть превратными и беспорядочными. Ибо хотя сокровеннѣйшій разумъ и обѣщаетъ намъ доказать, что ничего не бываетъ помимо божественнаго порядка; однако еслибы мы услышали какого-нибудь школьнаго учителя, старающагося выучить складамъ мальчика, котораго раньше никто не училъ буквамъ, то, полагаю, мы сочли бы его достойнымъ не только того, чтобы осмѣять его, какъ глупаго, но и связать, какъ бѣсноватаго, и именно за то, что онъ не соблюдаетъ порядка въ обученіи. Никто не станетъ спорить, что людьми простыми дѣлается многое такое, что осуждается и осмѣивается учеными, и сумасшедшими такое, что осуждается даже глупыми; и однако даже это все, что представляется намъ извращеннымъ, нѣкая возвышенная наука, которой толпа даже не подозреваетъ, душамъ преданнымъ наукѣ и возлюбившимъ Бога и душу, обѣщаетъ доказать совершающимся не видѣ божественнаго порядка, и доказать съ такою ясностію, что самыя суммы чиселъ въ сложеніи не могутъ быть для насъ вѣрнѣе.

ГЛАВА VIII.

Сообщаются юношамъ прежде всего правила жизни, за тѣмъ порядокъ занятія науками.

Эта наука — самый божественный законъ, который, вѣчно оставаясь у Бога неподвижно и непреложно, какъ бы переписывается въ душѣ мудрыхъ, дабы они могли знать, что

живутъ тѣмъ лучше и возвышеннѣе, чѣмъ совершеннѣе созерцаютъ этотъ законъ въ мысли и чѣмъ прилежниѣ исполняютъ его въ жизни. Такимъ образомъ, наука эта тѣмъ, которые желаютъ знать ее, повелѣваетъ слѣдовать въ одно и то же время двоякому порядку, одна сторона котораго касается жизни, другая занятія науками. Юноши, преданные ей, должны жить, воздерживаясь отъ любовныхъ похощеній, отъ приманокъ чрева и горла, отъ нескромнаго украшенія и убранства тѣла, отъ пустыхъ занятій играми, отъ сна и лѣнности, отъ тщеславія, зависти и ненависти, отъ чистолюбія и властолюбія, даже отъ неумѣреннаго желанія похвалы. Любовь къ деньгамъ пусть считаютъ вѣрнѣйшею отравою всякой своей надежды. Пусть не дѣлаютъ ничего вяло, но ничего—и рьяно. Къ ошибкамъ ближнихъ пусть не питаютъ никакого гнѣва, или же обуздываютъ его такъ, чтобы казалось, будто его нѣтъ. Пусть не питаютъ ненависти ни къ кому. Ни одного порока пусть не оставляютъ безъ вниманія. Когда наказываютъ, пусть берегутся, какъ бы ни быть слишкомъ строгими, когда прощаютъ—слишкомъ скупыми. Пусть не наказываютъ ничего такого, что не въ состояніи быть лучше, не извиняютъ, что дѣлается хуже. Пусть считаютъ своими родными всѣхъ тѣхъ, надъ коими дана будетъ имъ власть. Пусть служатъ такъ, чтобы господствовать надъ ними было стыдно, господствуютъ—такъ, чтобы пріятно было служить имъ. Къ чужимъ ошибкамъ пусть не будутъ суровы. Вражды пусть избѣгаютъ самымъ тщательнымъ образомъ, вражду къ себѣ переносятъ равнодушно, мирятся какъ можно скорѣе. Въ сношеніяхъ и обращеніи съ людьми достаточно сохранить одну эту народную поговорку: никому пусть не дѣлаютъ ничего такого, чего не желаютъ себѣ. Республикою управлять пусть не добивается никто, кромѣ совершенныхъ. Но совершенными стать пусть стараются въ возрастѣ сенаторскомъ, или точнѣе въ самой юности. Но и тотъ, кто

обратится къ этому поздно, пусть не думаетъ, что для него не существуетъ никакихъ правилъ; въ возрастѣ зрѣломъ онъ во всѣхъ отношеніяхъ сохранить ихъ легче. Во всю жизнь, на всякомъ мѣстѣ, во всякое время пусть имѣютъ или стараются имѣть друзей. Людямъ достойнымъ пусть услуживаютъ, хотя бы того они и не ожидали. На гордыхъ пусть мало обращаютъ вниманія, и сами гордыми пусть не будутъ. Пусть живутъ прилично и пристойно. Пусть чтутъ Бога, размышляютъ о Немъ, ищутъ Его, укрѣпляясь вѣрою, надеждою, и любовію. Пусть желаютъ спокойствія и твердаго порядка въ своихъ научныхъ занятіяхъ и занятіяхъ своихъ товарищей и для себя и тѣхъ, кому могутъ,—здраваго ума и мирной жизни.

ГЛАВА IX.

Къ ученію ведутъ насъ авторитетъ и разумъ. Двойной авторитетъ.

Теперь слѣдуетъ мнѣ сказать о томъ, какъ должны учиться тѣ преданные наукѣ юноши, которые вознамѣрились жить такъ, какъ объ этомъ сказано выше. Къ изученію наукъ ведетъ насъ двойной путь—авторитетъ и разумъ. По отношенію ко времени первенствуетъ авторитетъ, а по отношенію существу дѣла—разумъ. Ибо первое предпочитается когда нужно располагать, а другое наиболѣе цѣнится при достиженіи. Итакъ хотя авторитетъ людей добрыхъ представляется полезнѣе для невѣжественной толпы, а разумъ приличнѣе для ученыхъ; однако, такъ какъ всякій человѣкъ дѣлается образованнымъ изъ необразованнаго, а всякій необразованный не можетъ знать того, какимъ онъ долженъ явиться предъ людьми учащими и посредствомъ какой жизни можетъ сдѣлаться способнымъ къ ученію: то для всѣхъ желающихъ учиться великому и современному, дверью къ

этому служить лишь авторитетъ. Вступившій въ эту дверь слѣдуетъ безъ всякаго колебанія правиламъ наилучшей жизни; сдѣлавшись же посредствомъ нихъ способнымъ учиться, онъ потомъ узнаетъ, насколько разумно все то, чему онъ слѣдовалъ прежде раскрытія разума; и что такое самый этотъ разумъ, которому онъ слѣдуетъ теперь, вышедши изъ колебали авторитета вѣршимъ и зрѣлымъ; и что такое умъ, въ которомъ—все, или, лучше, который самъ—все; и что, будучи внѣ всего, служить началомъ всего. До этого познанія въ настоящей жизни достигаютъ немногіе, а дальше него, даже и послѣ настоящей жизни, не можетъ достигнуть никто. Что касается тѣхъ, которые, довольствуясь однимъ авторитетомъ, постоянно заботятся лишь о добрыхъ нравахъ и благочестивыхъ обѣтахъ, или презирая, или не будучи въ состояніи, учиться свободнымъ и возвышеннымъ наукамъ: то я и не знаю, какъ назвать ихъ блаженными, пока они еще живутъ среди людей; впрочемъ увѣренъ непоколебимо, что они, лишь только покидаютъ свое тѣло, освобождаются отъ своего невѣжества легче или труднѣе, смотря по тому, болѣе ли или менѣе хорошо жили.

Авторитетъ же бываетъ частію божественный, частію человѣческій; но истинный, прочный и высшій авторитетъ тотъ, который называется божественнымъ. Въ отношеніи его, впрочемъ, надлежитъ бояться удивительной лживости воздушныхъ животныхъ, которыя посредствомъ нѣкоторыхъ предсказаній о вещахъ, относящихся къ тѣлеснымъ чувствамъ, и нѣкоторыхъ проявленій своего могущества, привыкли весьма легко обольщать души жаждущія проникнуть въ тайны скорогибнущаго счастья, или добывающіяся переходящей власти, или же робѣющія предъ пустыми чудесами. Итакъ, божественнымъ авторитетомъ долженъ быть названъ тотъ, который не только въ чувственныхъ знаменіяхъ превышаетъ всякую человѣческую способность, но, управляя человѣкомъ, показываетъ ему, до

какой степени принизился онъ самъ ради его; повелѣваетъ ему не поддаваться чувствамъ, для которыхъ предсказанія тѣ представляются достойными удивленія, а возвышаться до ума; а въ то же время уясняетъ, насколько, упомянутая лживость сильна здѣсь, почему она это дѣлаетъ и какъ мало заслуживаетъ вниманія. Ибо этотъ авторитетъ долженъ своими дѣлами показать свою власть, своимъ уничтоженіемъ научить милосердію, своими предписаніями законамъ природы; а все это преподается болѣе таинственнымъ и вѣрнымъ образомъ въ той религіи, въ которую мы посвящаемся, и въ которой жизнь добродѣтельныхъ весьма легко очищается не двусмысленными состязаніями, а авторитетомъ таинствъ. Авторитетъ же человѣческой по большей части обманчивъ; впрочемъ, онъ, повидимому, по праву усвоится тѣмъ, которые, насколько можетъ воспринять чувство людей невѣжественныхъ, представляютъ много опытовъ своего удачнаго преподаванія, и сами живутъ такъ, какъ предписываютъ жить другимъ. Если они получаютъ и кое-какіе дары фортуны, чрезъ употребленіе которыхъ они являются великими, а чрезъ презрѣніе еще большими, и въ такомъ случаѣ трудно сказать, чтобы заслуживалъ справедливаго укора тотъ, кто отнесся бы довѣрчиво къ даваемымъ ими правиламъ жизни.

ГЛАВА X.

Немногіе сохраняютъ правила жизни.

Величественный образъ жизни, сказалъ при этомъ Алипій, и полно, и кратко начертанъ тобою предъ нашими глазами; хотя мы и постоянно стремимся къ нему, наставляемые твоими ежедневными уроками, однако сегодня ты заставилъ насъ болѣе его желать и пламеннѣе искать. Если бы возможно было достигнуть и держаться его не только намъ, но и всеѣмъ людямъ, я желалъ бы, чтобы все это было такъ же

легкимъ для подражанія, какъ оно было удивительнымъ для слуха. Ибо не знаю какъ (о еслибы отъ этого по крайней мѣрѣ сами мы далеки), но духъ человѣческій, пока это слышать, провозглашаетъ это небеснымъ, божественнымъ и вполне истиннымъ; но въ достиженіи этого ведетъ себя иначе; такъ что, на мой взглядъ, такимъ образомъ могутъ жить или люди божественные, или не безъ божественной помощи. — Эти правила жизни, сказала я, которыя тебѣ, Алипій, какъ и всегда, весьма понравились, хотя выражены моими словами, но изобрѣтены не мною, какъ ты прекрасно это знаешь. Ими переполнены книги людей великихъ и почти божественныхъ; я счелъ нужнымъ высказать ихъ не ради тебя, а ради этихъ юношей, съ тою цѣлю, чтобы они не имѣли права пренебречь ими, какъ бы моимъ личнымъ мнѣніемъ. Ибо я хочу, чтобы мнѣ вѣрили только какъ учащему и представляющему доказательства; полагаю, что и ты вставилъ свое слово для большаго возбужденія ихъ въ виду величія предмета. Въ самомъ дѣлѣ, не для тебя же должно быть дѣломъ труднымъ слѣдовать тому, что ты схватилъ съ такою жадностію и къ чему рванулся съ такою стремительностію своей удивительной природы, что я для тебя сдѣлался учителемъ словъ, а ты для меня учителемъ дѣлъ. Теперь нѣтъ ни малѣйшей причины, или, по крайней мѣрѣ, повода — лгать: ты, думаю, вслѣдствіе моей ложной похвалы не сдѣлаешься болѣе преданнымъ наукѣ, и эти, что съ нами, знаютъ насъ обоихъ, да и тотъ, кому эта книга посылается, знаетъ всѣхъ насъ.

Число же людей добродѣтельныхъ и преданныхъ наилучшимъ нравамъ, по моему мнѣнію, ты, — если думаешь тоже, что и говоришь, — представляешь себѣ гораздо меньшимъ, чѣмъ какъ оно представляется мнѣ; но вѣдь многіе изъ нихъ совершенно укрываются отъ тебя. Да и изъ числа извѣстныхъ, многіе скрываютъ то, что есть въ нихъ удивительнаго; потому что все это находится въ душѣ, которая не доступна

для чувствъ; и весьма часто, желая принаровиться къ разговорамъ людей порочныхъ, человекъ говоритъ то, что одобряетъ или желаетъ только для вида. Многие дѣлаютъ онъ даже противъ своего желанія, во избѣжаніе или ненависти или вздорливости людской; о чемъ случая или наблюдая, мы судимъ лишь такъ, какъ говорятъ намъ о томъ чувства слуха и зрѣнія. Отсюда-то и происходитъ, что многихъ мы считаемъ не такими, каковы они на самомъ дѣлѣ и какими ихъ знаютъ ихъ друзья. Въ этомъ ты можешь убѣдиться по тѣмъ нѣкоторымъ великимъ духовнымъ дарамъ нашихъ друзей, о которыхъ извѣстно только намъ однимъ. Это заблужденіе зависитъ отъ того главнымъ образомъ, что многіе обращаются къ добродѣтельной жизни не вдругъ; и пока не сдѣлаются извѣстными какими-либо блестящими дѣлами, считаются такими, каковыми были. Чтобы не ходить за примѣромъ далеко: кто изъ знавшихъ раньше этихъ юношей легко можетъ повѣрить, что они ищутъ великаго съ такимъ усердіемъ и показали въ себѣ неожиданно въ такомъ возрастѣ такую вражду къ удовольствіямъ? Изгонимъ же изъ своей души это мнѣніе: ибо и та божественная помощь, о которой упомянулъ ты благочестиво въ концѣ своей рѣчи (какъ это было и прилично), расточаетъ свою милость на всѣ народы гораздо шире, чѣмъ какъ нѣкоторые думаютъ объ этомъ. Но возвратимся опять къ порядку нашего состязанія; и такъ какъ объ авторитетѣ сказано довольно, посмотримъ, какое значеніе имѣетъ разумъ.

ГЛАВА XI.

Что такое разумъ и слѣды его въ томъ, что подлѣжитъ чувствамъ. Чѣмъ различается разумное субъективное и разумное объективное.

Разумъ есть движеніе мысли, имѣющее силу различать и объединять то, что подлежить изученію. Пользоваться од-

накоже его руководствомъ въ познаніи Бога, равнѣ и самой души, существующей въ немъ или гдѣ бы то ни было, родъ человѣческій можетъ чрезвычайно рѣдко. И это не почему иному, какъ потому, что всякому, выступившему въ область этихъ чувствъ, трудно возвратиться въ самого себя. Поэтому, хотя люди въ этихъ обманчивыхъ условіяхъ и стараются дѣлать все согласно съ разумомъ, за исключеніемъ весьма не многихъ, не знаютъ вовсе, что такое самый разумъ и какія свойства его. Это кажется страннымъ, но оно такъ на дѣлѣ. Въ данномъ случаѣ достаточно этой оговорки: потому что если бы я вздумалъ въ настоящее время разъяснить вамъ, какъ слѣдуетъ понимать этотъ важный предметъ, я былъ бы также неслѣпъ, какъ былъ бы нагло-высокомѣрецъ, если бы заявилъ, что по крайней мѣрѣ самъ я уже понялъ его. Впрочемъ, насколько разуму угодно проявляться въ вещахъ, которыя кажутся намъ извѣстными, мы станемъ, если будемъ только въ состояніи, наследивать его въ той мѣрѣ, сколько это нужно для предмета нашей рѣчи.

И во первыхъ разсмотримъ тѣ случаи, въ которыхъ обыкновенно употребляется это слово—разумъ. Въ особенности, конечно, мы должны остановить свое вниманіе на томъ, что древніе мудрецы самого человѣка опредѣляли такъ: человѣкъ есть животное разумное смертное. Послѣ указанія рода, названнаго словомъ—животное, мы находимъ здѣсь приданными два отличія, которыя по моему мнѣнію, должны напоминать человѣку, куда онъ долженъ возвращаться, и откуда долженъ убѣгать. Ибо какъ выходъ души есть паденіе въ область смертнаго, такъ возвращеніе ея должно быть въ область разума. Однимъ изъ этихъ словъ, именно названіемъ—разумное, душа выдѣляется отъ животныхъ безсловесныхъ, другимъ, названіемъ—смертное, отъ божественнаго. Итакъ, если она не удержитъ за собою перваго,

будеть животнымъ безсловеснымъ; а не устранился отъ послѣдняго—не будетъ божественною. Но ученѣйшіе мужи имѣють обыкновеніе съ остроуміемъ и тонгостію различать субъективно-разумное (*rationale*) и объективно-разумное (*rationabile*). Этого различенія никоимъ образомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду и намъ, для нашей цѣли. Субъективно-разумнымъ они назвали то, что пользуется или можетъ пользоваться разумомъ; а объективно-разумнымъ то, что сдѣлано или сказано разумно. Напримѣръ, объективно-разумными мы можемъ назвать эти бани и нашу рѣчь; субъективно же разумными или того, кто эти бани построилъ, или насъ, которые говоримъ. Итакъ отъ субъективно-разумной души разумъ переходитъ въ объективно-разумное, т. е. въ то, что дѣлается или говорится.

И такъ я вижу два рода предметовъ, въ которыхъ могущество и сила разума можетъ поднасть даже наблюденію самыхъ чувствъ: это—дѣла человѣческія, подлежащія зрѣнію, и слова подлежащія слуху. Въ отношеніи къ тѣмъ и другимъ душа, по необходимымъ условіямъ тѣлесной жизни, пользуется двумя вѣстниками: одинъ изъ нихъ—глаза, другой—уши. Поэтому когда мы видимъ что нибудь образованнымъ изъ частей взаимно-соразмѣрныхъ, мы не безъ основанія говоримъ, что оно представляется разумнымъ. Также точно слыша какое нибудь стройное пѣніе, мы не колеблемся сказать, что оно звучитъ разумно. Но всякаго осмѣяли бы, если бы кто сказалъ: разумно пахнетъ, или разумно отзывается на языкѣ, или разумно—мягко; развѣ только онъ употребилъ бы такое выраженіе въ отношеніи къ чему либо, нарочито приготовленному людьми, чтобы оно такъ пахло, или имѣло такой вкусъ, или такъ согрѣвало, или вызывало иное ощущеніе. Такъ было бы не смѣшно, если бы кто о мѣстѣ, изъ котораго изгоняются змѣи вещами, издающими сильный запахъ, сказалъ, принимая въ

соображеніе причину, по которой это сдѣлано: оно разумно такъ пахнетъ; или назвалъ бы разумно горькимъ или разумно сладкимъ питье, приготовленное врачомъ; или по тому случаю, что врачъ велѣлъ бы для больного умѣрить температуру ванны, сказалъ бы, что она горяча или тепловата разумно. Но никто, вошедши въ садъ и поднося къ носу розу, не рѣшится сказать: какъ разумно она благоухаетъ, — хотя бы нюхать ее велѣлъ ему и врачъ. Ибо въ послѣднемъ случаѣ называется разумно даннымъ приказаніе врача, но не называется разумнымъ запахъ; и это не потому, что запахъ этотъ естественный. Ибо хотя приготовленное поваромъ кушанье мы можемъ назвать приготовленнымъ разумно: однако вовсе не принято говорить, что оно разумно дѣйствуетъ на вкусъ, если нѣтъ на то никакой виѣшней причины, а кушанье удовлетворяетъ просто насущной потребности. Вѣдь если спрашиваютъ у того, кому приготовилъ питье врачъ, зачѣмъ оно должно быть такъ сладко на вкусъ; то приводится особая причина, по которой оно таково, именно, родъ болѣзни; а эта причина уже не въ самомъ томъ чувствѣ, а особо отъ него въ тѣлѣ. А если спросить лакомку, возбужденнаго аппетитомъ, почему извѣстное кушанье пріятно; онъ отвѣтитъ, что оно ему просто нравится или доставляетъ ему наслажденіе. Никто не назоветъ его лакомства разумно-сладкимъ, развѣ только доставляемое имъ удовольствіе необходимо для чего нибудь другаго, и то, что ждетъ онъ, для того именно такъ приготовлено.

Остановимся, на сколько могли открыть ихъ, на нѣкоторыхъ слѣдахъ разума въ чувствахъ, а относительно зрѣнія и слуха, и на самомъ доставляемомъ ими удовольствіи. Въ отношеніи другихъ чувствъ, какъ сказано, разумное обыкновенно проявляется не въ удовольствіи, ими доставляемомъ, а въ кое чѣмъ иномъ, то есть въ томъ, что оно вызвано живымъ разумнымъ существомъ для какой либо

извѣстной цѣли. Что касается зрѣнія, то все, въ чемъ замѣчается разумная соразмѣрность частей, обыкновенно называется прекраснымъ. А что касается слуха, то когда мы находимъ звукъ разумнымъ и разбѣренное пѣніе слагающимся разумно же, пріятность, отсюда получаемая, называется уже ея собственнымъ именемъ. Но ни въ прекрасныхъ вещахъ мы не имѣемъ обыкновенія называть разумнымъ того, если намъ правится самый цвѣтъ, ни въ удовольствіяхъ слуха того, если получившая ударъ струна звучитъ какъ бы съ полною ясностію и чистотою. Итакъ въ удовольствіяхъ, доставляемыхъ этими чувствами, мы признаемъ относящимся къ разуму то, въ чемъ проявляется нѣкоторая разбѣренность и стройность.

Такъ въ этомъ самомъ зданіи, разсматривая внимательно частности, не можемъ не быть непріятно пораженными, что видимъ изъ дверей поставленную съ боку, а другую почти на срединѣ, и однакоже не въ самой срединѣ. Это потому, что во всякихъ сооруженіяхъ неправильность разбѣренія частей, если не вынуждена никакою необходимостію, кажется какъ бы наносящею нѣкоторое оскорбленіе самому зрѣнію. А какое при внимательномъ разсмотрѣніи доставляютъ намъ удовольствіе и какъ кажутся привлекательными эти три наружныя окна, одно посрединѣ и двое съ боковъ, это очевидно само собою и не требуетъ много словъ для указанія вамъ. Поэтому и сами архитекторы называютъ это на своемъ техническомъ языкѣ разумомъ (*ratio*), и когда части бывають расположены нестройно, говорятъ, что въ нихъ нѣтъ разума. Это имѣетъ обширное приложеніе и распространяется на всѣ почти искусства и дѣла человѣческія. И въ самыхъ стихахъ, въ которыхъ мы также находимъ разумъ, имѣющимъ отношеніе къ удовольствію слуха, кто не чувствуетъ, что вся эта пріятность доставляется соразмѣрностію? Но когда пляшетъ гистріонъ, то хотя стройныя

движенія его членовъ доставляютъ удовольствіе глазамъ также соразмѣрностію, однако если всѣ его жесты представляются внимательнымъ зрителямъ знаками тѣхъ или иныхъ предметовъ, его пляска называется разумною потому, что хорошо что нибудь обозначаетъ или поазываетъ, но съ исключеніемъ при этомъ удовольствія чувствъ. Также если кто изобразитъ Венеру брылатою, а Купидона въ епанчѣ, то хотя бы на картинѣ было придано имъ удивительное движеніе и положеніе, изображеніе это будетъ оскорблять не глаза, но черезъ глаза душу; потому что для глазъ было бы оскорбленіемъ, если бы не было красоты въ движеніяхъ. Послѣднее относилось бы къ чувству, въ которомъ душа получаетъ удовольствіе тѣмъ самымъ, что смѣшана съ тѣломъ. Итакъ иное дѣло чувство, и иное дѣло чрезъ чувство: чувству доставляетъ наслажденіе прекрасное движеніе; но душѣ чрезъ чувство—только прекрасный смыслъ въ движеніи. Еще яснѣе усматривается это въ томъ, что касается слуха: ибо то, что пріятно звучитъ, доставляетъ удовольствіе и наслажденіе самому слуху; но тотъ смѣсль, который выражается этимъ звукомъ, хотя передается и слухомъ, но относится исключительно къ душѣ. Такъ, когда мы слышимъ извѣстные стихи:

Quid tantum Oceano properent se tingere soles
Hyberni, vel quae tardis mora noctibus obstet ¹⁾,

мы иначе хвалимъ метры, и иначе ихъ мысль; и не въ одномъ и томъ жѣ смѣслѣ говоримъ: разумно звучитъ, и разумно сказано.

¹⁾ Virg. Georg. II: Чего спѣшать такъ погружаться въ Океанъ зимнія солнца,
И какос препятствіе задерживаетъ долгія ночи.

ГЛАВА XII.

Разумъ изобрѣтательъ всѣхъ знаній. Поводъ къ изобрѣтенію словъ. Поводъ къ изобрѣтенію письменъ. Поводъ къ изобрѣтенію цифръ. Поводъ къ различенію буквъ, слоговъ и словъ. Поводъ къ появленію исторіи.

Итакъ есть три рода предметовъ, въ которыхъ обнаруживается это объективно-разумное. Это во первыхъ—въ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ какой либо цѣли, во вторыхъ—въ словахъ, въ третьихъ — въ удовольствіяхъ. Первое побуждаетъ насъ ничего не дѣлать необдуманно; второе—надлежащимъ образомъ передавать мысль посредствомъ слова; послѣднее—блаженно созерцать. Первое выражается въ нравахъ; два послѣднія—въ знаніяхъ, о которыхъ у насъ рѣчь. Ибо то субъективно-разумное, которое существуетъ въ насъ, то есть то, что разумомъ одарено и разумно-объективное производитъ, или слѣдуетъ ему, связывается нѣкоторыми естественными узами общенія съ тѣми, съ которыми у него этомъ разумъ общій. Но такъ какъ человѣкъ не могъ бы установить прочнаго общенія съ человѣкомъ, если бы они между собою не разговаривали и такимъ образомъ не передавали другъ другу взаимно свои чувства и мысли: то это субъективно-разумное нашло нужнымъ дать предметамъ слова, то есть нѣкоторые, служащіе знаками, звуки; такъ чтобы люди, не могшіе чувствовать своихъ душъ, пользовались для установленія между ними взаимнаго сношенія чувствомъ, какъ бы переводчикомъ. Но слышать словъ отсутствующихъ они не могли. Поэтому разумъ тотъ изобрѣлъ письмена, обозначивъ и различивъ всѣ звуки гортани и языка. Но ничего этого сдѣлать онъ не могъ бы, если бы множество вещей являлось въ представленіи безконечнымъ, безъ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ границъ. По необходимости обращено было вниманіе на пользу счисления.

Когда были сдѣланы эти два открытія, появилась профессія книжниковъ и счетчиковъ,—какъ бы нѣкоторое дѣтство грамматики,—которую Варронъ называетъ грамотностію, а какъ это называется погречески, я теперь хорошо не припомню.

Продолжая идти впередъ, разумъ замѣтилъ, что изъ тѣхъ же самыхъ звуковъ, которыми мы говоримъ и которые онъ уже обозначилъ письменами, одни вылетаютъ изъ различнымъ образомъ раскрываемой гортани какъ бы равными и чистыми, безъ всякихъ столкновеній; другіе же отъ различнаго сжатія устъ удерживаютъ лишь нѣкоторый звукъ; иные же наконецъ не иначе могутъ выходить явственно изъ устъ, какъ присоединивъ къ себѣ первые. Поэтому онъ назвалъ буквы въ томъ порядкѣ, въ какомъ изложены, гласными, полугласными и нѣмыми. Потомъ онъ отмѣтилъ слоги; потомъ были раздѣлены слова на восемь родовъ и формъ, и искуснымъ и тонкимъ образомъ были различены ихъ измѣненіе, правильность, совоупленіе. Затѣмъ уже, не теряя изъ виду чиселъ и измѣренія, онъ обратилъ вниманіе на самое, различнымъ образомъ замедляемое, произношеніе словъ и слоговъ, и открылъ долготу удвоенную и простую, съ которою произносились слоги долгиѣ и короткіѣ. И это онъ отмѣтилъ, и подвелъ подъ точныя правила.

Грамматика могла бы быть уже законченною; но такъ какъ самымъ именемъ своимъ она провозглашаетъ, что общаетъ письменные рассказы, почему латини и называется литературою: то все, что предавалось письмени, какъ достойное памяти, стали по необходимости относить къ ней. И такъ къ этой наукѣ присоединилась исторія, хотя и подъ однимъ именемъ, но предметъ безпредѣльный, многосложный доставляющій болѣе хлопотъ, чѣмъ пріятности или истины, и задающій не столько труда самимъ историкамъ, сколько грамматикамъ. Ибо кто скажетъ, что видѣлъ такого певѣ-

жественнаго человѣка, который не слышалъ бы, что Дедалъ леталъ? Не показался ли бы выдумавшій это лжемъ, повѣрившій этому дуракомъ, а спрашивавшій объ этомъ наглцомъ? Или, если бы наши друзья (въ этихъ случаяхъ я обыкновенно сердечно сожалѣю о нихъ) не отвѣтили, какъ называлась мать Евріала, развѣ не были бы обвинены въ невѣжествѣ; хотя бы они и имѣли право самихъ спрашивающихъ назвать пустыми и нелѣпыми, но не любознательными?

ГЛАВА XIII.

Изобрѣтеніе діалектики и риторики.

Итакъ оный разумъ, закончивъ и расположивъ грамматику, пришелъ къ мысли отыскать и изслѣдовать ту самую силу, которая родила искусство. Ибо опредѣленіемъ, раздѣленіемъ и приведеніемъ ея къ сознанию онъ не только упорядочивалъ ее и давалъ ей извѣстную стройность, но и защищалъ ее отъ всякой примѣси лжи. Да и какъ онъ приступилъ бы къ созданію другаго, если бы прежде не различилъ, не обозначилъ и не привелъ въ порядокъ эти своего рода орудія и инструменты свои, и не произвелъ ту науку наукъ, которую называютъ діалектикою? Она учитъ учить; она же учитъ учиться: въ ней обнаруживаетъ себя разумъ и показываетъ, чтò онъ такое, чего хочетъ, что можетъ. Она знаетъ знать; она одна не только хочетъ, но и можетъ дѣлать знающими. Но такъ какъ есть очень много глупыхъ людей, которые, будучи убѣждаемы къ чему нибудь прямо, въ видахъ пользы и честнымъ образомъ, слѣдуютъ не истинѣ въ ея неподдѣльномъ видѣ, которую понимаетъ рѣдкій умъ, а своимъ собственнымъ чувствамъ и привычкамъ: то такихъ нужно было не только учить, насколько ихъ можно было учить, но часто и сильно возбуждать. Ту часть свою,

которая дѣлала бы это, наполнивъ лоно свое забавами для разбрасыванія ихъ народу,—часть, содержаніе которой болѣе вынужденное обстоятельствами, чѣмъ чистое,—она назвала риторикою. Настолько подвинулась въ свободныхъ занятіяхъ и наукахъ та сторона (разума), которая обозначается названіемъ объективно-разумнаго.

ГЛАВА XIV.

*Музыка и поэзія. Три рода звука. Откуда стихи.
Ритмъ.*

Послѣ этого оный разумъ пожелалъ устремиться къ блаженнѣйшему созерцанію самихъ божественныхъ вещей. Но чтобы не упасть съ высоты, онъ позаботился найти опору, и проложилъ себѣ путь чрезъ свои же владѣнія и въ опредѣленной постепенности. Онъ искалъ красоты, которую могъ бы созерцать одинъ и самъ по себѣ; но ему мѣшала чувства. Итакъ онъ вступилъ въ борьбу отчасти съ самыми чувствами, которыя, провозглашая, что въ нихъ истина, своею докучливою трескотнею отвлекали его, торопившагося идти къ иному. Онъ началъ во первыхъ со слуха, который называлъ своею собственностію самыя слова, изъ коихъ разумъ составилъ уже и грамматику, и діалектику и риторику. Весьма могущественный въ различеніи, онъ тотчасъ усмотрѣлъ, какое различіе между звукомъ и тѣмъ, знакомъ чего онъ служитъ. Онъ понялъ, что сужденію слуха не подлежитъ ничего, кромѣ звука, а этотъ звукъ есть трехъ родовъ: одинъ онъ нашелъ въ голоеѣ существѣ одушевленныхъ, другой въ томъ, который производится дуновеніемъ въ инструментъ, и третій въ томъ, который издается отъ удара. Къ первому принадлежатъ трагедіи, комедіи, всякаго рода хоры и все вообще, что поется собственнымъ голосомъ. Для второго рода предназначены флейты и по-

добные имъ инструменты. Третьему даны цитары, лиры, цимбалы и все, что издаеть гармоническій звукъ отъ ударенія.

Но онъ нашель этотъ матеріалъ самымъ презрѣннымъ, если звуки образовывались безъ точнаго размѣра времени и безъ опредѣленнаго разнообразія остроты и густоты. Въ этомъ онъ узналъ тѣ самые элементы, которые въ грамматикѣ, когда занимался внимательно слогами, назвалъ стопами и удареніями. И такъ какъ было легко замѣтить, что краткость и долгота слоговъ въ словахъ разсыпана по рѣчи въ равномъ почти количествѣ, онъ непробовалъ означенныя стопы располагать и соединять въ извѣстные ряды, и слѣдуя при томъ прежде всего самому смыслу, выдѣлилъ небольшія части, которыя назвалъ цезами и членами. А чтобы ряды стопъ не удлиннялись до такой степени, что могли утомлять его вниманіе, онъ поставилъ имъ предѣлъ, отъ котораго они бы возвращались, и отъ этого самаго назвалъ ихъ стихами ¹⁾. А чему не было установлено опредѣленнаго конца, но что выражалось однакоже разумною послѣдовательностію стопъ, то онъ обозначилъ именемъ ритма, которое на латинскій языкъ можетъ быть переведено словомъ *numerus* (число). Такимъ образомъ онъ произвелъ поэтовъ. Когда же увидѣлъ великую важность произведеній ихъ не только со стороны звуковъ, но и со стороны языка и содержанія, усвоилъ имъ великій почетъ, и предоставилъ имъ власть всякихъ, какіе пожелаютъ, разумныхъ вымысловъ. Но судьями надъ ними дозволилъ быть грамматикамъ, такъ какъ происхожденіе свое они вели отъ той науки.

Итакъ, сдѣлавъ этотъ четвертый шагъ, онъ замѣтилъ, что и здѣсь, какъ въ ритмахъ, такъ и въ самой мѣрности

¹⁾ Латинское *versus* — стихъ отъ глагола *vertere* — оборачивать, возвращать.

рѣчи, царствуютъ и все дѣлають числа. Всмотрѣлся самымъ внимательнымъ образомъ, какого рода они, и нашелъ ихъ божественными и вѣчными, особенно потому, что при помощи ихъ онъ вырабатывалъ все болѣе возвышенное. И ему становилось уже больно терпѣть, что ихъ блескъ и ясность затемнялись тѣлесною матеріею звуковъ. А поелику то, что созерцается умомъ, всегда бываетъ настоящимъ, и признается безсмертнымъ, каковыми являются числа; звукъ же, поелику есть вещь подлежащая чувствамъ, переходить во время прошедшее и запечатлѣвается въ памяти: то, при содѣйствіи уже разума разумному поэтическому вымыслу, было придумано (нужно ли спрашивать, что въ этомъ подобнаго происхожденію поколѣній?), что музы дочери Юпитера и Меморіи (*памяти*). Отъ того эта наука, — берущая часть отъ чувства, часть отъ ума, — получила названіе музыки.

ГЛАВА XV.

Геометрія и астрономія.

Отсюда разумъ перешолъ въ область зрѣнія, и осматривая землю и небо, почувствовалъ, что ему правится не что другое, какъ красота, а въ красотѣ образы, въ образахъ измѣренія, въ измѣреніяхъ числа. И задалъ онъ самому себѣ вопросы, такова ли тамъ линія, такова ли округлость, таковы ли все другіе формы и образы, какіе существуютъ въ его понятіи. Онъ нашелъ ихъ далеко худшими, — нашелъ, что все, что ни видятъ глаза, ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть сравниваемо съ тѣмъ, что усматриваетъ умъ. Различивъ и приведши въ порядокъ, онъ возвелъ и это въ науку и назвалъ геометріею. Сильное впечатлѣніе произвело на него движеніе неба, и вызвало на внимательное его изслѣдованіе. И тамъ въ постояннѣйшемъ чередованіи времени годовыхъ, въ точныхъ и опредѣленныхъ теченіяхъ звѣздъ,

въ извѣстныхъ пространствахъ разстояній, онъ увидѣлъ господство ничею иного, какъ того же самаго измѣренія и тѣхъ же самыхъ чиселъ. Сводя подобнымъ же образомъ, чрезъ опредѣленіе и различеніе, къ порядку и это, онъ произвелъ астрологію, предметъ высокой важности для суевѣрныхъ и пытку для любопытныхъ.

Итакъ во всѣхъ этихъ наукахъ онъ встрѣчалъ все подчиненнымъ числамъ, но такъ однакоже, что числа эти яснѣе выступали въ тѣхъ измѣреніяхъ, которыя онъ, размышляя и взвѣсивая самъ про себя, усматривалъ истиннѣйшими; а эти, которыя подлежатъ чувствамъ, скорѣе напоминали ему лишь тѣни и слѣды тѣхъ. Это придадо ему бодрость и великую рѣшимость: онъ осмѣлился доказывать безсмертіе души. Изслѣдовалъ онъ все внимательно; понялъ вполне, что онъ очень многое можетъ сдѣлать, и что можетъ—можетъ посредствомъ чиселъ. Его пробудило нѣкое чудо и онъ началъ подозрѣвать, что можетъ быть и самъ-то онъ есть число, то самое число, которымъ все исчисляется; а если онъ не былъ число, то въ числѣ есть Тотъ, къ которому онъ стремился достигнуть. Онъ схватился всеми своими силами за Него, который,—будущій указатель всеобщей истины, тотъ самый, о которомъ упомянулъ Алипій, когда мы рассуждали объ Академикахъ¹⁾),—былъ уже въ рукахъ, какъ Протей. Ибо ложные образы тѣхъ вещей, которыя мы исчисляемъ, отступающіе отъ того таинственнѣйшаго, при помощи чего мы исчисляемъ, отвлекають на себя мысль и часто даютъ ускользать ему, уже пойманному.

ГЛАВА XVI.

Свободныя науки возводятъ умъ къ божественному.

Если же кто не поддается имъ, и все, что пространно и подробно излагается въ столькихъ наукахъ, успѣетъ при-

¹⁾ Противъ Академиковъ кн. III, гл. 5.

вести къ нѣкоторому простому единству, истинному и точному, тотъ, достойнѣйшій имени человѣка ученаго, не напрасно уже ищетъ онаго божественнаго не только для вѣры, но и для созерцанія, для уразумѣнія и для познанія. А кто, будучи еще рабомъ похотей и страшно ища вещей гибнущихъ, или хотя и убѣгая ихъ и живя чисто, однако не зная, что такое ничто, что такое безформенная матерія, что такое образованіе бездушное, что—тѣло, что—пространство, что—время, что существуетъ въ пространствѣ, что во времени; что такое движеніе въ пространствѣ, что—движеніе не въ пространствѣ, что—движеніе непрерывное, что такое вѣчность; что значитъ не быть въ пространствѣ и нигдѣ; и что значитъ въѣ времени, и всегда; и что—нигдѣ не быть и нигдѣ не не быть, и никогда не быть, и никогда не не быть,—итакъ кто, не зная всего этого, вздумалъ бы задаваться вопросами и разсуждать, не говорю—объ Ономъ Высочайшемъ Богѣ, который лучше познается невѣденіемъ, а о самой душѣ своей, онъ погрѣшитъ такъ много, какъ только можетъ погрѣшитъ; но гораздо легче познаетъ это тотъ, кто уразумѣлъ числа простыя и умомъ постигаемыя. Не говорю уже, что самыя числа уразумѣваетъ тотъ, кто достаточно изучаетъ упомянутый рядъ наукъ, располагая для этого извѣстными умственными дарованіями, пользуясь досугомъ въ силу его привиллегій возраста или какихъ-либо счастливыхъ обстоятельствъ, и имѣя особо горячую ревность къ занятіямъ. Ибо хотя всѣ эти свободныя искусства изучаются частію для житейскаго употребленія, частію для познанія и созерцанія вещей, приобрѣсть въ нихъ опытность весьма трудно, за исключеніемъ того, кто, будучи одаренъ отличными способностями, посвятить себя непрерывнымъ и постояннымъ занятіямъ ими съ самаго дѣтства.

ГЛАВА XVII.

Вопросовъ трудныхъ не должны касаться необразованные въ наукахъ.

А что изъ этихъ наукъ нужно для нашего вопроса, то пусть не пугаетъ тебя, мать, будто нѣкій неизмѣримый лѣсъ предметовъ. Ибо изъ всего будетъ выбрано числомъ весьма не многое, но силою весьма вѣское, и хотя для пониманія многихъ трудное, но для тебя, мать, умъ которой выказывается мнѣ ежедневно съ новыхъ сторонъ, и которой душа, въ силу ли возраста или удивительнаго воздержанія чуждая всякихъ мелочей, глубоко сосредоточена сама въ себѣ, тѣмъ болѣе легкое, чѣмъ труднѣе оно для малоспособныхъ и проводящихъ жалкую жизнь. Конечно, я бы грубо солгалъ, если бы сказалъ, что ты легко усвоишь рѣчь, чуждую погрѣшностей въ выговорѣ и языкѣ. Ибо и меня самага, которому было весьма необходимо изучать это, итальянцы еще упрекаютъ за произношеніе многихъ словъ; хотя въ свою очередь укоряются и мною въ томъ, что касается самага произношенія. Ибо иное дѣло знать языкъ путемъ изученія, иное —наслѣдственно. Чтоже касается такъ называемыхъ солецизмовъ, то весьма возможно, что какой нибудь ученый при внимательномъ наблюденіи откроетъ ихъ въ моей рѣчи; былъ человекъ, который съ большимъ знаніемъ доказалъ мнѣ, что и самъ Цицеронъ дѣлалъ нѣкоторыя погрѣшности этого рода. Варваризмы же до такой степени ходячи въ наше время, что варварскою кажется даже та рѣчь, которая сохранилась въ Римѣ. Но ты, пренебрегну этими вещами, какъ ребяческими и до тебя не касающимися, такъ усвоила, божественную почти, силу и природу грамматики, что кажешься, будто душу ея удержала у себя, а тѣло оставила другимъ.

О прочихъ этого рода наукахъ я скажу слѣдующее.

Если ты въ глубинѣ души своей, быть можетъ, презираешь ихъ, то насколько, какъ сынъ, смѣю и насколько позволишь ты, прошу тебя, сохраняй твердо и бережно ту вѣру свою, которую получила отъ досточтимыхъ таинствъ, а затѣмъ оставайся твердою-и бдительною въ этой жизни и нравственности. Но о предметахъ весьма темныхъ, и въ тоже время божественныхъ, напримѣръ: какимъ образомъ Богъ и ничего злаго не творить, и есть всемогущъ; какимъ образомъ столько злаго; для какого блага Богъ сотворилъ міръ, въ которомъ Онъ нужды не имѣлъ; и всегда ли существовало зло или началось во времени; и если существовало всегда, то существовало ли по установленію Божию; и если существовало оно, то существовалъ ли всегда этотъ міръ, въ которомъ это зло по божественному порядку господствуетъ; если же міръ съ нѣкого времени началъ свое существованіе, то какимъ образомъ прежде, чѣмъ онъ сталъ быть, Божія власть управляла зломъ; и какая нужда была творить міръ, чтобы заключить въ него, въ наказаніе душамъ, зло, которое уже сдерживала власть Божія; а если было время, когда зло подъ властію Божіею не было, то отъ чего вдругъ случилось то, чего не случилось въ предшествующія вѣчныя времена. Ибо утверждать, что у Бога явилось новое рѣшеніе, не скажу нечестиво, но—въ высшей степени нелѣпо. Если же мы скажемъ, что зло было для Бога неудобно и какъ бы страшно, какъ думаютъ нѣкоторые, то ни какой ученый не удержится отъ смѣха, а всякій неученый разсердится. Ибо какой вредъ могла причинить Богу эта невѣсть какая природа зла? Если скажутъ, что она причинить его не могла, не будетъ причины для творенія міра; а если скажутъ, что могла, будетъ непростительнымъ преступленіемъ полагать, что Богъ можетъ подвергаться растлѣнію, такъ по крайней мѣрѣ, чтобы не предохранилъ своею силою отъ поврежденія своего собственного существа.

Вѣдь признають же они, что душа при подобныхъ условіяхъ подвергается наказаніямъ, и въ тоже время между существомъ ея и существомъ Божиимъ не хотять видѣть никакого совершенно различія. Если же скажемъ, что этотъ міръ не сотворенъ,—полагать такъ нечестиво и неблагодарно, и отнюдь не будетъ еще слѣдовать, что Богъ его не сотворитъ. Итакъ обо всѣхъ этихъ и другихъ того же рода предметахъ или должно производить изслѣдованіе въ вышеизложенномъ порядкѣ научныхъ занятій, или не производить никакихъ вовсе.

ГЛАВА XVIII.

Въ какомъ порядкѣ душа доходитъ до познанія самой себя и своего единства. Все стремится къ единству.

А чтобы не подумалъ кто нибудь, что требованія наши слишкомъ широки, я скажу яснѣе и короче слѣдующее. Никто не долженъ домогаться познанія означенныхъ предметовъ безъ онаго какъ бы двойнаго знанія—умѣнья правильно рассуждать и знанія силы чиселъ. Если же кто считаетъ и это слишкомъ многимъ, пусть лучше изучитъ одни числа или одну діалектику. А если и это представляется ему безмѣрнымъ, пусть знаетъ только въ совершенствѣ, что такое единица въ числахъ, и какое она имѣетъ значеніе, не въ отношеніи еще къ оному высшему закону и высшему порядку всѣхъ вещей, но въ отношеніи къ нашимъ обыденнымъ мыслямъ и дѣйствіямъ. Ибо тотъ родъ знанія составляетъ уже предметъ самой философіи; и философія ищетъ въ немъ также единства, но болѣе возвышеннаго и болѣе божественнаго. Два вопроса составляютъ предметъ ея изслѣдованія: одинъ о душѣ, другой о Богѣ. Первый приводитъ насъ къ познанію самихъ себя, другой къ познанію нашего происхожденія. Тотъ пріятнѣе намъ, этотъ

дороже: тотъ дѣлаетъ насъ достойными блаженной жизни, а этотъ блаженными. Первый—предметъ изслѣдованія для учащихся, послѣдній—для ученыхъ уже. Таковъ тотъ порядокъ упражненій въ мудрости, посредствомъ котораго каждый дѣлается способнымъ къ пониманію порядка вещей, т. е. къ познанію двухъ міровъ и Самаго Отца вседенной, о Которомъ въ душѣ нѣтъ другаго познанія, кромѣ знанія, каковымъ образомъ она не знаетъ Его.

Итакъ, держась этого порядка, преданная уже философіи душа, прежде всего изучаетъ саму себя; и когда это изученіе убѣдитъ ее, что разумъ ея принадлежность, или что она сама есть разумъ, а въ разумѣ нѣтъ ничего лучше и могущественнѣе чисель, или и самъ разумъ есть ничто иное, какъ число: она такъ будетъ бесѣдовать сама съ собою.— По нѣкоторому своему внутреннему и тайному движенію, и могу то, что подлежитъ изученію, различать и объединять, и эта сила моя называется разумомъ. Но что иное можетъ подлежать различенію, какъ не то, что считается однимъ, но не есть одно, или въ дѣйствительности не такъ единично, какъ считается? Съ другой стороны, для чего и объединять что-нибудь, если не для того, чтобы оно было по возможности однимъ? Итакъ и въ различеніи, и въ объединеніи я желаю единства и люблю единство. Но когда различаю, имѣю цѣлю очистить, когда объединяю—возвратить къ первоначальному виду. Въ первомъ случаѣ устраняется чуждое, въ послѣднемъ—соединяется свое, чтобы вышло нѣчто современное. Чтобы камень былъ камнемъ, всѣ части его и вся его природа сплочены въ одно. А дерево развѣ не перестанетъ быть деревомъ, если не будетъ однимъ? А члены и внутренности какого либо животнаго, и все, изъ чего они состоятъ?—вѣдь если единство ихъ подвергнется раздѣленію, животное перестанетъ быть животнымъ. И что такое друзья, какъ не люди, стремящіеся быть однимъ?—и чѣмъ боаѣе они

одно, тѣмъ болѣе они друзья. Народъ составляетъ одно государство, для котораго разномысліе въ высшей степени опасно; а что такое разномысліе, какъ не отсутствіе единомыслія? Изъ многихъ воиновъ составляется одно войско, и не всякая ли армія тѣмъ менѣе побѣдила, чѣмъ болѣе сплочивается въ одно? Отсюда и самое сплоченіе въ одно названо *сипеис* ¹⁾, какъ бы—*сипеис* (соединеніе). Что такое всякая любовь, какъ не желаніе быть одно съ тѣмъ, кого любить? И становится одно съ нимъ, если достигаетъ его. И самая страсть тѣмъ и доставляетъ сильнѣйшія наслажденія, что любящія взаимно тѣла соединяется въ одно. Изъ чего возникаетъ гибельная скорбь? Изъ того, что бывшее однимъ силится расторгнуться. Поэтому-то вредно и опасно быть однимъ съ тѣмъ, что можетъ отдѣлиться.

ГЛАВА XIX.

Чѣмъ человекъ превосходитъ животныхъ. Какимъ образомъ онъ можетъ видѣть Бога.

Изъ множества предметовъ, прежде тамъ и сямъ разбросанныхъ, но потомъ собранныхъ вмѣстѣ по одному чертежу, я строю домъ. Самъ я лучшій, поелику я дѣлаю то, что онъ получаетъ бытіе; потолику я лучшій, поколику я дѣлаю; несомнѣнно поэтому, что я лучше дома. Но поэтому я еще не лучше ласточки или пчелы; ибо и первая мастерски строитъ гнѣзда, а послѣдняя—соты; но я потому лучше ихъ, что я животное одаренное разумомъ. Но если въ правильно рассчитанныхъ измѣреніяхъ проявляется разумъ: то развѣ то, что и птицы строятъ, соразмѣрено менѣе искусно и менѣе точно? Расчисленій тамъ даже несравненно болѣе. Итакъ я не тѣмъ лучше, что дѣлаю такое, что

¹⁾ *Сипеис*—особенно употребительное у римлянъ клинообразное построение войска въ сраженіяхъ.

требуетъ расчислений, а тѣмъ, что знаю числа. Слѣдовательно тѣ, и не зная чиселъ, могутъ дѣлать такое, что требуетъ расчислений? Могутъ вполне. Откуда они этому научаются? А отсюда же, откуда и мы съ извѣстною соразмѣрностію прикладываемъ языкъ къ зубамъ и нѣбу, чтобы изъ нашихъ устъ вылетали буквы и слова, и когда говоримъ, не думаемъ о томъ, посредствомъ какаго движенія рта должны мы это дѣлать. Затѣмъ какой хорошей пѣвецъ, еслибы онъ даже былъ въ музыкѣ несвѣдущъ, не соблюдаетъ въ пѣніи по памяти ритма и принятой мелодіи, руководясь самымъ естественнымъ чувствомъ? Что можетъ требовать болѣе расчислений? Неученый не знаетъ этого, и однакоже дѣлаетъ это; потому что такъ дѣлаетъ за него природа. Когда же онъ становится лучшимъ, и когда долженъ быть ставимъ выше скотовъ? Когда знаетъ, что онъ дѣлаетъ. Меня возвышаетъ надъ скотомъ нечто другое, какъ то, что я животное разумное.

Но какимъ образомъ разумъ безсмертенъ, а себя я определяю какъ нѣчто въ одно и то же время и разумное и смертное? Или и разумъ не есть безсмертенъ? Но отношеніе одного къ двумъ или двухъ къ четыремъ есть отношеніе въ высшей степени истинное. И не болѣе оно было истинно вчера, чѣмъ сегодня, и не болѣе будетъ истинно завтра или черезъ годъ; да еслибы погибъ и весь этотъ міръ, отношеніе это не можетъ перестать существовать. Ибо оно таково же всегда; а этотъ міръ ни вчера не имѣлъ, ни завтра не будетъ имѣть того, что имѣетъ сегодня; да и въ самый сегодняшній день, въ промежутокъ даже одного часа не имѣетъ солнца въ одномъ и томъ же мѣстѣ, такъ что въ немъ нѣтъ ничего пребывающаго (неизмѣнно), не имѣетъ онъ ничего въ одномъ и томъ же видѣ даже въ продолженіи незначительнаго времени. Итакъ если разумъ безсмертенъ, а я, который все это различаю и объединяю, емь разумъ: то не мое то, изъ-за чего я называюсь смертнымъ. Или, если душа не есть

тоже, что и разумъ, но разумомъ я однако же пользуюсь, и чрезъ разумъ я превосходиѣ: то должно отъ худшаго стремиться къ лучшему, отъ смертнаго къ безсмертному. Объ этомъ и о многомъ другомъ (чего перечислять я не хочу, чтобы, желая научить васъ порядку, не переступить мѣры, которая есть отецъ порядка) говоритъ сама съ собою и размышляетъ хорошо образованная душа. Такъ какъ она тщательно наблюдаетъ силу и могущество чисель, то ей будетъ казаться крайне недостойнымъ и крайне печальнымъ, если ея знаніе будетъ стройно, какъ прекрасный стихъ, и благозвучно, какъ цитра, а ея жизнь и сама она, душа, будетъ идти путемъ ложнымъ, и отдавшись подъ власть похоти, развить съ собою гнустнымъ скриномъ пороговъ.

Когда же она приведетъ себя въ надлежащій видъ и порядокъ, и сдѣлается стройною и прекрасною, тогда получить дерзновеніе видѣть Бога, видѣть самый источникъ, изъ котораго истекаетъ всякая истина, видѣть самаго Отца истины. Боже великій, что это будутъ за глаза, какъ они будутъ здоровы, какъ прекрасны, какъ зорки, какъ тверды, какъ свѣтлы, какъ блаженны! А что такое увидятъ они? Что, спрашиваю? Какъ представимъ мы это себѣ, какъ оцѣнимъ, какъ выразимъ? Вертятся на языкѣ слова обыденныя, и всеъ они загрязнены ничтожнѣйшими предметами. Скажу одно: они обѣщаютъ намъ такое зрѣлище красоты, но подражанію которой все остальное прекрасно, но по сравненію съ которою — безобразно. Кто увидитъ эту красоту (а увидитъ тотъ, кто хорошо живетъ, хорошо молится, хорошо занимается наукою), такого развѣ поколеблетъ когда-нибудь то обстоятельство, что одинъ, желая имѣть дѣтей, не имѣетъ ихъ, а другой выбрасываетъ ихъ, потому что имѣетъ слишкомъ много, иной же ненавидитъ и тѣхъ, которые имѣютъ родиться, а иной любить родившихся? Не отвергнетъ ли онъ всячески мысль,

что можетъ что-либо быть такое, что не совершилось бы предъ лицомъ Бога, въ установленномъ имъ для всего необходимомъ порядкѣ, не исключаящемъ однакоже дѣйствительности молитвъ къ Богу? Да и когда вообще заставить колебаться мужа праведнаго какія-либо тягости, какія-либо ласкательства фортуны? Ибо въ этомъ чувственномъ мірѣ необходимо принимать въ постоянное соображеніе время и мѣста: когда что-либо доставляетъ удовольствіе въ части, мѣста ли то или времени, то цѣлое, котораго оно служить частію, должно быть представляемо гораздо лучше; и опять, если что кажется несообразнымъ въ части, человѣку ученому будетъ ясно, что оно кажется несообразнымъ потому, что не видно цѣлаго, съ которымъ эта часть согласуется удивительнымъ образомъ. Въ томъ же, умомъ постигасмомъ мірѣ всякая часть, какъ и цѣлое, прекрасна и совершенна. Обо всемъ этомъ будетъ сказано пространнѣе, если ваши ученые занятія, какъ я совѣтую и надѣюсь, будутъ идти въ упомянутомъ выше мною или пожалуй въ другомъ, болѣе краткомъ и удобномъ, но во всякомъ случаѣ—правильномъ порядкѣ, и будутъ идти исполнѣ строго и постоянно.

ГЛАВА XX.

Эпилогъ, совѣтующій добрую жизнь.

Чтобы это было возможно для насъ, мы должны особенно позаботиться о доброй нравственности. Ибо иначе Богъ нашъ не можетъ насъ услышать. Живущихъ же хорошо Онъ выслушиваетъ весьма легко. Итакъ будемъ молиться не о богатствѣ, не о почестяхъ, ни о другихъ того же рода вещахъ, текущихъ, колеблющихся, и при всякомъ съ чьей либо стороны сопротивленіи, проходящихъ мимо насъ, но о томъ, что сдѣлаетъ насъ добрыми и блаженными. А чтобы

обѣты эти были выполнены самымъ святымъ образомъ, мы привлекаемъ къ этому дѣлу особенно тебя, мать, по молитвамъ которой, какъ я несомнѣнно вѣрю и утверждаю, Богъ далъ мнѣ такое душевное расположеніе, что я не предпочитаю рѣшительно ничего изслѣдованію истины, ничего другаго не желаю, ни о чемъ не думаю, ничего не люблю. И я не перестану вѣрить, что и это великое благо, котораго мы по твоимъ заслугамъ пожелали, по твоимъ о немъ же молитвамъ и получимъ. Тебя же, Алипій, зачѣмъ бы я сталъ ободрять или увѣщавать? Если ты не преданъ дѣлу чрезмѣрно, то потому развѣ, что какая угодно любовь къ подобнымъ предметамъ можетъ, пожалуй, быть названа малою, но чрезмѣрною по справедливости не можетъ быть названа никогда.

На это онъ сказалъ: своими ежедневными разсужденіями и тѣмъ удивленіемъ, которое ты возбудилъ въ насъ къ себѣ въ настоящее время, ты поистинѣ сдѣлалъ то, что преданія объ ученѣйшихъ и великихъ мужахъ, казавшіяся нѣбогда невѣроятными судя по великости усвоившихся имъ открытій въ области знаній, представляются намъ теперь не только не подлежащими сомнѣнію, но и такими, достовѣрность которыхъ, въ случаѣ нужды, мы могли бы подтвердить влѣтвую. Ибо что другое раскрылъ ты теперь передъ нашими глазами, какъ не досточтимое и почти божественное, — какимъ по праву оно считалось и оказалось на дѣлѣ, — ученіе Пифагора? И правила жизни, и не столько пути, сколько самыя поля и открытыя равнины знанія, и что особенно высоко чтить оный мужъ — самое святилище истины, — гдѣ оно находилось, каково оно было, какихъ поклонниковъ требовало, — все это ты объяснилъ кратко и такъ полно, что хотя мы догадываемся и думаемъ, что тебѣ извѣстно еще нѣчто болѣе тайное, однако сочли бы съ своей

стороны безстыдствомъ, если бы вздумали выпытывать отъ тебя что либо большее.

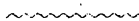
Съ удовольствіемъ слышу это, отвѣчалъ я. Утѣшаютъ и поощряютъ меня, впрочемъ, не столько слова твои, которыя невѣрны, сколько искреннее въ словахъ чувство. Кстати, это сочиненіе мы предположили послать тому, кто имѣеть обыкновеніе думать объ насъ больше, чѣмъ каковыя мы въ дѣйствительности. Впрочемъ, если бы прочитали его и другіе, я не думаю, чтобы и они разсердились на тебя. Ибо кто не извинить съ полною благосклонностію ошибки въ сужденіи со стороны человѣка любящаго? Что же касается сдѣланнаго тобою упоминанія о Пиеагорѣ, то думаю, что оно пришло тебѣ на умъ въ силу того же невѣдомаго божественнаго порядка. Ибо я рѣшительно упустилъ изъ виду вещь самую необходимую, которой я въ этомъ мужѣ (если вѣрить тому, что передается письменно; хотя кто не повѣритъ Варрону?) обыкновенно удивляюсь и которую, какъ тебѣ извѣстно, превозношу ежедневно похвалами, именно— что онъ ученіе объ управленіи республикою преподавалъ своимъ слушателямъ какъ самое послѣднее, когда они были уже учеными, уже совершенными, уже мудрыми, уже блаженными. Въ этомъ управленіи онъ видѣлъ столько волнъ, что ввергать въ эти волны не хотѣлъ никого, кромѣ мужа, который бы, управляя почти божественнымъ образомъ, могъ бы избѣжать скалъ, и если бы измѣнило ему все, сохранился бы самъ въ тѣхъ волнахъ какъ скала. Ибо объ одномъ мудромъ можно съ полною истиною сказать:

Противостоитъ онъ, будто въ морѣ скала неподвижная¹⁾,

равно какъ и прочее, что говорится на ту же тему въ пре-

¹⁾ Virg. Aeneid. VII.

красныхъ стихахъ. На этомъ состязаніе было покончено, и мы оставили собраніе при общей радости и возбужденныхъ большихъ надеждахъ, когда была уже подана ночная лампа.

МОНОЛОГОВЪ

ДВѢ КНИГИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Блаженный Августинъ настроиваетъ самъ себя, чтобы приступить къ познанію Бога и души; прежде всего онъ проситъ божественной помощи; затѣмъ, признавъ превосходство того знанія, къ которому стремится, разговариваетъ самъ съ собою о необходимости озаботиться оздоровленіемъ души, чтобы потомъ возвыситься безопасно до созерцанія Бога. Къ концу этой книги приходитъ къ заключенію, что все, что существуетъ истинно, безсмертно.

ГЛАВА I.

Молитва къ Богу.

Долго о многомъ и различномъ размышляя я самъ съ собою, и многіе дни подвергалъ тщательному изслѣдованію и себя самаго, и свое благо, и то зло, котораго слѣдовало избѣгать; какъ вдругъ говорить мнѣ,—я ли то самъ, или кто другой, внѣ ли или внутри меня, не знаю: ибо это было то самое, что я всячески усиливаюсь познать,—итакъ говорить мнѣ Р. ¹⁾: Представь себѣ, что вотъ ты что нибудь открылъ; кому ты ввѣришь его на сохраненіе, чтобы перейти къ другимъ открытіямъ? А. Разумѣется, памяти. Р.

¹⁾ г. е. Разумъ. Буквою А. бл. Августинъ отличаетъ свою рѣчь.

Но такова ли она, чтобы сохранила вѣрно все, до чего ты додумался? А. Это трудно, а пожалуй и невозможно. Р. Итакъ нужно записать. Но что станешь ты дѣлать, если твое здоровье не дозволяетъ письменной работы? А между тѣмъ и диктовать этого не слѣдуетъ; потому что оно требуетъ полнаго уединенія. А. Ты говоришь правду. Что мнѣ дѣлать, я рѣшительно не знаю. Р. Молись о здоровьи и о помощи, чтобы достигнуть тебѣ желаемого, и это самое занеси на письмо, чтобы мысль о потомствѣ поддержала въ тебѣ бодрость. Затѣмъ, что откроешь, изложи коротко въ немногихъ заключеньицахъ. Только не старайся о привлеченіи толпы читателей; немногіе изъ твоихъ согражданъ удовлетворятся этимъ. А. Сдѣлаю такъ.

Боже, творецъ вселенной, даруй мнѣ во первыхъ, чтобы я усердно помолился Тебѣ, потомъ—чтобы я сдѣлался достойнымъ быть тобою услышаннымъ, наконецъ—чтобы ты исполнилъ мою молитву. Боже, чрезъ котораго стремится быть все, что само по себѣ не было Боже, который не попускаешь погибать и тому, что само губить себя взаимно. Боже, сотворившій изъ ничего этотъ міръ, который глаза всѣхъ находятъ прекраснѣйшимъ. Боже, который зло не творишь, но дозволяешь ему быть, чтобы оно не было еще злѣйшимъ. Боже, который немногимъ, прибѣгающимъ къ тому, что истинно, показываешь, что зло есть ничто. Боже, чрезъ котораго вселенная и съ своею дурною стороною совершенна. Боже, чрезъ котораго не существуетъ рѣшительно никакого разногласія, такъ какъ худшее согласуется съ лучшимъ. Боже, котораго любить все, что можетъ любить, зная ли то, или не зная. Боже, въ которомъ существуетъ все, по которому ни мерзость всей вообще твари не мерзка, ни злоба не вредитъ, ни заблужденіе не заблуждаетъ. Боже, который не восхотѣлъ, чтобы истину зналъ кто либо, кромѣ чистыхъ. Боже, отецъ истины, отецъ муд-

рости, отецъ истины и высшей жизни, отецъ блаженства, отецъ добра и красоты, отецъ умственнаго свѣта, отецъ пробужденія и просвѣщенія нашего, отецъ залога, побуждающаго насъ возвратиться къ Тебѣ.

Тебя призываю, Богъ истина, въ которомъ, отъ котораго и чрезъ котораго истинно все, что истинно. Богъ мудрость, въ которомъ, отъ котораго и чрезъ котораго мудрствуетъ все, что мудрствуетъ. Богъ жизнь истинная и высшая, въ которомъ, отъ котораго и чрезъ котораго живетъ все, что живетъ истинно и возвышенно. Богъ блаженство, въ которомъ, отъ котораго и чрезъ котораго блаженствуетъ все, что блаженно. Богъ добро и красота, въ которомъ, отъ котораго и чрезъ котораго все добро и прекрасно, что только добро и прекрасно. Богъ умный свѣтъ, въ которомъ, отъ котораго и чрезъ котораго разумно сіяетъ все, что сіяетъ разумомъ. Богъ, царство котораго весь міръ, коего чувство не знаетъ. Богъ, законъ царства котораго распространяется на эти царства. Богъ, отъ котораго отвратиться значитъ пасть; къ которому обратиться—возстать; въ коемъ пребывать—стоять твердо. Богъ, отъ котораго удалиться тоже, что умереть; къ которому возвратиться—ожить; въ коемъ обитать—жить. Богъ, котораго никто не оставляетъ, кромѣ обманутаго; котораго никто не ищетъ, кромѣ вразумленнаго; котораго никто не находитъ, кромѣ очистившагося. Богъ, котораго оставить тоже, что и погибнуть; къ которому стремиться тоже, что и любить; котораго видѣть тоже, что имѣть. Богъ, вѣра въ котораго насъ возбуждаетъ; надежда на котораго ободряетъ, а любовь къ которому съ Нимъ соединяетъ. Богъ, чрезъ котораго побѣждаемъ мы врага, Тебя я молю! Богъ, отъ котораго мы получили то, что до конца не погибнемъ. Богъ, отъ котораго вразумляемся бодрствовать. Богъ, чрезъ котораго надѣемся блага отъ зла. Богъ, чрезъ котораго мы избѣгаемъ зла и получаемъ благо. Богъ, чрезъ ко-

торого мы не поддаемся несчастіямъ. Богъ, чрезъ котораго хорошо служимъ и хорошо господствуемъ. Богъ, чрезъ котораго мы узнаемъ, что то чужое, что нѣкогда мы считали своимъ, и наше, что нѣкогда считали чужимъ. Богъ, чрезъ котораго мы не ловимся на приманки и прелести зла. Богъ, чрезъ котораго вещи малыя не умаляютъ насъ. Богъ, чрезъ котораго наше лучшее не подчинено худшему. Богъ, чрезъ котораго смерть пожирается въ побѣду (I Кор. XV. 54). Богъ, который обращаешь насъ. Богъ, который совлекаешь съ насъ несущее и облакаешь насъ сущимъ. Богъ, который творишь насъ достойными быть услышанными. Богъ, который ограждаешь насъ. Богъ, который облакаешь насъ во всякую истину. Богъ, который говоришь намъ всеблагое, не дѣлаешь самъ и никому не позволяешь дѣлать насъ безумными. Богъ, который возвращаешь насъ на путь. Богъ, который приводишь насъ къ двери. Богъ, который дѣлаешь то, что толкующему отверзается (Мат. VII. 8). Богъ, который даешь намъ хлѣбъ жизни. Богъ, чрезъ котораго мы жаждемъ питья, вкусивъ однакоже коего, мы не возжаждемъ никогда (Іоан. VI. 35). Богъ, который обличаешь міръ о грѣхѣ, и о правдѣ, и о судѣ (Іоан. XVI. 8). Богъ, чрезъ котораго насъ не приводятъ въ сомнѣніе тѣ, кто не вѣруютъ. Богъ, чрезъ котораго мы отвергаемъ заблужденіе тѣхъ, кто думаютъ, что заслуги душъ ничто предъ Тобою. Богъ, чрезъ котораго мы не служимъ немощнымъ и худымъ стихіямъ (Гал. IV. 9). Богъ, который очищаешь насъ и приготовляешь къ божественнымъ наградамъ, Ты милостивый, приди ко мнѣ.

Во всемъ, что сказалъ я, Ты приди ко мнѣ на помощь, Ты Богъ единый, единая вѣчная истинная сущность, гдѣ нѣтъ никакой разности, никакого смѣшенія, никакого измѣненія, никакого оскудѣнія, никакой смерти. Гдѣ высочайшее согласіе, высочайшая очевидность, высочайшее постоянство,

высочайшая полнота, высочайшая жизнь. Гдѣ ничего нѣтъ въ недостаткѣ, ничего нѣтъ въ излишкѣ. Гдѣ раждающій и раждаемый едино. Богъ, которому служить все, что служить; которому повинуются всякая добрая душа. По законамъ котораго вращаются полюсы, звѣзды совершаютъ свои теченія, солнце находится въ движеніи весь день, луна умѣряетъ мракъ ночи; и весь міръ,—изо дня въ день, чрезъ взаимную смѣну свѣта и ночи,—отъ мѣсяца до мѣсяца, чрезъ возрастаніе и убыль луны, отъ года до года, чрезъ послѣдовательное появленіе весны, лѣта, осени и зимы,—отъ пятилѣтія до пятилѣтія, чрезъ совершеніе своего теченія солнцемъ,—и отъ одного изъ великихъ періодовъ до другаго, чрезъ возвращеніе небесныхъ свѣтилъ къ своимъ восходамъ,—стройностію и кругообращеніемъ время охраняетъ постоянство вещей, насколько позволяетъ то чувственная матерія. Богъ, законы коего, во вѣки непреложные, не допускаютъ приходить въ безпорядокъ непостоянному движенію вещей измѣнчивыхъ, и придаютъ ему подобіе неподвижности всегдашнимъ круговращеніемъ вѣковъ; по законамъ котораго воля души свободна, а награды добрымъ, и наказанія злымъ, распределены во всемъ съ неизмѣнною необходимостію. Богъ, отъ котораго распространяются на насъ всѣ блага, который устраняетъ отъ насъ всякое зло. Богъ, выше котораго ничто, внѣ котораго ничто, безъ котораго ничто. Богъ, подъ которымъ все, въ которомъ все, съ которымъ все. Ты, сотворившій человѣка по образу и подобію своему, чтѣ узнаетъ, кто знаетъ себя самаго. Услышь, услышь, услышь меня, Богъ мой, Господь мой, царь мой, отецъ мой, причина моя, надежда моя, богатство мое, честь моя, домъ мой, родина моя, спасеніе мое, свѣтъ мой, жизнь моя. Услышь, услышь, услышь меня съ тою благосклонностію твоею, которая весьма извѣстна немногимъ.

Тебя одного люблю я, Тебѣ одному я слѣдую, Тебя одного я ищу, одному Тебѣ готовъ я служить, потому что одинъ

Ты праведно господствуешь; въ Твоей власти я быть желаю. Повели, молюсь, и прикажи, что Тебѣ будетъ угодно; но исцѣли и открой слухъ мой, чтобы я услышалъ слова твои. Исцѣли и открой глаза мои, чтобы я увидѣлъ ими манія твои. Изгони изъ меня безуміе, чтобы я снова узналъ Тебя. Скажи мнѣ, куда я долженъ обратить взоры свои, чтобы увидѣть Тебя, и я надѣюсь исполнить все, что повелишь Ты. Прими меня, молю, обратно бѣглеца твоего, Господи, отецъ все милостивый: довольно уже понесъ я наказаній; довольно послужилъ я врагамъ Твоимъ, которые подъ ногами у Тебя; довольно былъ я игрушкою обмановъ. Прими меня раба своего, убѣгающаго отъ нихъ, ибо и они приняли нѣкогда меня, раба чужаго, когда я убѣгалъ отъ Тебя. Я чувствую, что долженъ возвратиться къ Тебѣ: пусть откроются мнѣ толкующему двери твои; научи меня, какъ прійти къ Тебѣ. Ничего другаго не имѣю я, кромѣ доброй воли; ничего другаго не знаю я, кромѣ того, что все текущее и гибнущее должно быть предметомъ презрѣнія, а неизмѣнное и вѣчное—предметомъ исканія. Я это и дѣлаю, Отецъ мой, потому что только это знаю; но какимъ путемъ доходить до Тебя, того я не знаю. Ты присовѣтуй, Ты покажи, Ты снабди меня необходимымъ на дорогу. Если прибѣгающіе къ Тебѣ находятъ Тебя вѣрою, дай вѣру; если—добродѣтелию, дай добродѣтель; если—знаніемъ, дай знаніе. Усиль вѣру во мнѣ; усиль надежду, усиль любовь. О удивленія достойная и единственная благодать твоя!

Тебя я взыскую, и у Тебя же прошу того, какъ можно взыскать Тебя. Ибо если Ты оставляешь, все гибнетъ; но Ты не оставишь, потому что Ты высочайшее благо, котораго никто, надлежащимъ образомъ ищущій, не ищетъ напрасно. А надлежащимъ образомъ ищетъ всякій, для котораго Ты сдѣлалъ, чтобы онъ надлежащимъ образомъ искалъ. Даруй мнѣ, Отецъ, искать Тебя, освободи меня отъ заблужде-

нія: пусть, когда я буду искать Тебя, ничто другое вмѣсто Тебя не попадаетъ мнѣ на встрѣчу. Если я не желаю ничего, кромѣ Тебя, то прошу Тебя, Отецъ, пусть я наконецъ найду Тебя. А если есть во мнѣ желаніе чего либо излишняго, очисти меня самъ и сдѣлай способнымъ видѣть Тебя. Остальное, что касается здоровья этого смертнаго тѣла моего, пока будетъ отъ него—не знаю какая—польза для меня или тѣхъ, кого я люблю, я предоставляю твоей волѣ, Отецъ премудрый и всеблагой, и буду просить не забывать о томъ, что будетъ благовременно. Я молю только высочайшую милость твою, чтобы Ты всецѣло обратилъ меня къ себѣ, чтобы Ты устранилъ всякія препятствія при моемъ стремленіи къ Тебѣ, чтобы повелѣлъ Ты, пока я двигаю и ношу самое тѣло это, быть мнѣ чистымъ, великодушнымъ, справедливымъ и благоразумнымъ,—совершеннымъ любителемъ и понимателемъ мудрости твоей,—достойнымъ обитаніемъ и обитателемъ блаженнѣйшаго царства твоего. Аминь, аминь.

ГЛАВА II.

Что должно любить.

А. Вотъ я помолился Богу. Р. Такъ что же ты хочешь знать? А. Именно то все, о чемъ молился. Р. Скажи это кратко. А. Я желаю знать Бога и душу. Р. А болѣе ничего? А. Рѣшительно ничего. Р. Въ такомъ случаѣ начинай спрашивать. Но сперва разъясни, какимъ образомъ тебѣ нужно показать Бога, чтобы ты могъ сказать: довольно. А. Какимъ образомъ мнѣ должно быть показано, чтобы я сказалъ довольно, того я не знаю; ибо я не думаю, чтобы я зналъ что нибудь такъ, какъ желаю знать Бога. Р. Такъ что же мы станемъ дѣлать? Развѣ ты не думаешь, что прежде всего тебѣ слѣдуетъ знать, какимъ образомъ познать Бога будетъ для тебя достаточнымъ, чтобы болѣе не искать послѣ того,

какъ достигнешь этого? А. Думать, думаю; но какъ это можетъ быть, не знаю. Развѣ я позналъ когда нибудь что либо подобное Богу, чтобы могъ сказать: Какъ знаю я это, такъ хочу познать и Бога? Р. Но если ты Бога еще не знаешь, то откуда знаешь, что ты ничего не знаешь подобнаго Богу? А. А оттуда, что если бы я зналъ что либо подобное Богу, то я безъ сомнѣнія любилъ бы то; въ настоящее же время я не люблю ничего, кромѣ Бога и души, которыхъ, ни того, ни другой, не знаю. Р. Поэтому и друзей своихъ ты не любишь? А. Какимъ образомъ, любя душу, я могъ бы не любить ихъ? Р. Такъ въ такомъ случаѣ ты любишь и блохъ и клоповъ? А. Я сказалъ, что я люблю душу, а не одушевленныхъ животныхъ. Р. Или твои друзья не люди, или ты ихъ не любишь: потому что всякій человекъ есть животное одушевленное, а ты сказалъ что одушевленныхъ животныхъ не любишь. А. И люди они, и люблю я ихъ,—люблю не за то, что они животныя одушевленные, а за то, что они люди, т. е. за то, что они имѣютъ разумныя души, которыя я люблю даже въ разбойникахъ. Ибо мнѣ дозвоительно любить разумъ во всякомъ, хотя и справедливо ненавижу того, кто дурно пользуется тѣмъ, что я люблю. Поэтому я тѣмъ болѣе люблю своихъ друзей, чѣмъ лучше они пользуются разумною душою, или точнѣе—чѣмъ больше желаютъ хорошо ею пользоваться.

ГЛАВА III.

Познаніе Бога.

Р. Пусть будетъ такъ; но если бы однакожъ кто сказалъ тебѣ: Я сдѣлаю, что ты будешь знать Бога такъ, какъ знаешь Алипія,—не поблагодарилъ ли бы ты его, и не сказалъ ли бы: Довольно? А. Поблагодарить, пожалуй, поблагодарилъ бы, но сказать—довольно, не сказалъ бы. Р. Поче-

муже такъ? А. А потому, что хотя я и не знаю Бога такъ, какъ знаю Алипія, однако я и Алипія не знаю достаточно. Р. Смотри, не слишкомъ ли дерзко съ твоей стороны желать достаточно знать Бога, если ты не знаешь достаточно Алипія. А. Одно изъ другаго не слѣдуетъ. Что, напримѣръ, можетъ быть презрѣннѣ моего ужина сравнительно съ свѣтилами небесными? А между тѣмъ, что я буду ужинать завтра, я не знаю; тогда какъ безъ всякаго нарушенія скромности признаюсь, что я знаю, въ какомъ созвѣздіи будетъ находится луна. Р. Такъ, можетъ быть, для тебя будетъ достаточно знать Бога такъ, какъ ты знаешь, въ какое созвѣздіе перейдетъ на завтра луна? А. Нѣтъ, недостаточно; потому что объ этомъ я заключаю на основаніи чувствъ. Между тѣмъ я не могу утверждать, чтобы Богъ или другая какая нибудь тайная сила природы не могла неожиданно измѣнить направленія и теченія луны. Если бы послѣднее случилось, окажется ложнымъ все, что я ни предполагалъ. Р. И ты вѣришь, что это возможно? А. Не вѣрю. Но я спрашиваю о томъ, что я знаю, а не о томъ, чему я вѣрю. Обовсемъ, что мы знаемъ, мы можемъ совершенно правильно сказать, что мы тому и вѣримъ; но не обо всемъ, чему вѣримъ, можемъ сказать, что мы и знаемъ то. Р. И такъ ты отвергаешь по этому предмету всякое свидѣтельство чувствъ? А. Рѣшительно отвергаю. Р. Ну, а этого друга своего, о которомъ сказалъ ты, что еще не знаешь его, ты желаешь знать чувствомъ или умомъ? А. То, что знаю я въ немъ чувствомъ,—если только чувствомъ познается что нибудь,—само по себѣ ничтожно и достаточно; но ту часть его, которою онъ мнѣ другъ, т. е. самую душу его я желаю узнать умомъ. Р. А иначе не можешь знать? А. Никкимъ образомъ. Р. И такъ ты рѣшаешься сказать, что не знаешь своего друга и при томъ самаго искренняго? А. А почему же бы не рѣшиться? Я считаю въ высшей степени справедливымъ тотъ за-

ровъ дружбы, который предписываетъ любить друга какъ не менѣе, такъ и не болѣе самаго себя. Поэтому, если я не знаю самаго себя, — какимъ образомъ я могу оскорбить друга, сказавши, что не знаю его, особенно если и самъ онъ, какъ я вѣрю, не знаетъ себя же самаго? Р. Въ такомъ случаѣ, если то, что хочешь ты знать, относится къ тому роду предметовъ, который постигается умомъ: то когда я сказалъ, что дерзко съ твоей стороны желать знать Бога, если ты не знаешь Алипія, ты не долженъ былъ приводить въ сравненіе свой ужинъ и луну, если послѣдніе относятся, какъ ты сказалъ, къ чувству.

ГЛАВА IV.

Какое знаніе вѣрное.

Впрочемъ, для насъ это безразлично. Ты скажи мнѣ теперь вотъ что: если сказанное о Богѣ Платономъ и Плотинномъ истинно, будетъ ли для тебя достаточно знать Бога такъ, какъ знали они? А. Если сказанное ими и истинно, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы они непременно то знали. Многіе весьма обстоятельно говорятъ о томъ, чего не знаютъ; какъ и самъ я обо всемъ, о чемъ молился, сказалъ, что желаю то знать. Подобнаго желанія я не выразилъ бы, если бы зналъ; а между тѣмъ могъ же я говорить о томъ? Вѣдь говорилъ я не то, что постигъ умомъ, а что успѣлъ съ разныхъ сторонъ усвоить себѣ памятью, и вочто, насколько могъ, увѣровалъ. Знать же есть нѣчто иное. Р. Скажи, пожалуйста, знаешь ли ты по крайней мѣрѣ, что такое въ геометріи линія? А. Это я знаю съ полною точностію. Р. И говоря такъ, ты не боишься Академиковъ? А. Вовсе нѣтъ. Ибо они не допускали, чтобы заблуждался мудрый; а я не мудрый. Поэтому и не опасаясь пока признаться въ знаніи

тѣхъ вещей, которыя знаю. А когда достигну, какъ того желаю, мудрости, тогда буду поступать по ея внушенію. Р. Пусть такъ. Но продолжаю вопросы: Такъ ли ты знаешь и шаръ, который называютъ сферою, какъ знаешь линію? А. Знаю и шаръ. Р. Но одинаково ли знаешь и то и другое, или одно болѣе, другое менѣе? А. Совершенно одинаково. Ибо относительно обоихъ ни въ чемъ не ошибаюсь. Р. Скажи же, чувствами или умомъ воспринялъ ты это знаніе? А. Чувствами въ этомъ случаѣ я воспользовался какъ кораблемъ. Когда они доставили меня до мѣста, къ которому я стремился, я ихъ оставилъ тамъ; и когда, какъ бы высадившійся уже на берегъ, я сталъ все это придумывать мыслию, мои шаги долго колебался. Поэтому мнѣ кажется, что скорѣе можно плавать на кораблѣ по сушѣ, чѣмъ усвоить геометрію посредствомъ чувствъ, хотя они и помогаютъ нѣсколько начинающимъ учиться. Р. Итакъ науку объ этихъ вещахъ, если ты считаешь ее наукою, ты не колеблешься назвать знаніемъ? А. Нѣтъ, если позволять стойки, которые не приписываютъ знанія никому, кромѣ мудраго. Я не отрицаю, что имѣю представленіе обо всемъ этомъ; имѣть представленіе они дозволяютъ и глупости. Впрочемъ, не боюсь пожалуй и ихъ. Я вполне знаю все то, о чемъ ты спрашивалъ; продолжай только; посмотримъ, къ чему клонятся твои вопросы. Р. Не спиши, у насъ довольно досуга. Вдумывайся только внимательнѣе, чтобы не согласиться съ чѣмъ нибудь неосмотрительно. Я имѣю въ виду дать тебѣ возможность наслаждаться такими вещами, по отношенію къ которымъ ты не будешь бояться ни за какую случайность, а ты между тѣмъ велишь торопиться, какъ будто дѣло это пустое? А. Дай Богъ, чтобы было такъ, какъ ты говоришь. Поэтому спрашивай какъ тебѣ будетъ угодно, и побрани посильнѣе, если что нибудь такое же случится послѣ этого.

Р. Ясно ли тебѣ, что линію нельзя никоимъ образомъ

разсѣчь продольно на двѣ линіи? А. Ясно. Р. А поперечно? А. Поперечно, разумѣется, можно разсѣкать до безконечности. Р. А не одинаково ли ясно, что можно имѣть два равные круга, если съ какою бы то ни было стороны разсѣчь сферу черезъ центръ? А. Совершенно одинаково. Р. А линія и сфера?—Кажутся ли онѣ тебѣ чѣмъ нибудь однимъ и тѣмъ же, или нѣсколько различными между собою? А. Кто не знаетъ, что онѣ весьма различны? Р. Но если ты одинаково знаешь и то, и это, а между тѣмъ признаешь, что то и другое весьма различны между собою: въ такомъ случаѣ есть знаніе безразличное вещей различныхъ? А. Кто это отрицалъ? Р. Отрицалъ ты нѣсколько прежде. Ибо когда я спрашивалъ тебя, какъ бы ты желалъ знать Бога, чтобы могъ сказать: довольно,—ты отвѣчалъ, что не можешь объяснить этого потому, что не имѣешь такого познанія, подобное которому ты желаешь получить о Богѣ,—что ничего не знаешь подобнаго Богу. А въ данномъ случаѣ что? Линія и сфера развѣ подобны? А. Кто это говорилъ? Р. Но вѣдь я спрашивалъ не о томъ, зналъ ли ты что подобное, а о томъ, какъ ты желаешь знать Бога. Ты также точно знаешь линію, какъ знаешь и сферу; хотя линія представляется вовсе не такую, какою является сфера. Поэтому отвѣтъ мнѣ, достаточно ли для тебя знать Бога такъ, какъ знаешь ты этотъ геометрическій шаръ, т. е. чтобы не сомнѣваться и относительно Бога, какъ не сомнѣваешься относительно этой геометрической фигуры?

ГЛАВА V.

Тожe ли или одинаково ли знаніе вещей различныхъ.

А. Хотя ты возражаешь и опровергаешь меня весьма сильно, тѣмъ не менѣе я не рѣшаюсь сказать, что желаю знать Бога такъ, какъ знаю это. Ибо не только предметъ,

но и самое знаніе лицъ кажется различнымъ. Во первыхъ, линія и сфера не на столько различаются между собою, чтобы познаніе ихъ не было предметомъ одной и тойже науки; между тѣмъ какъ никакой геометръ не принимался учить о Богѣ. Затѣмъ, еслибы познаніе Бога и этихъ предметовъ было одинаково, я столько же радовался бы, узнавъ послѣдніе, сколько предполагаю, сталъ бы радоваться, узнавъ Бога. Между тѣмъ въ настоящее время я до такой степени презираю ихъ въ сравненіи съ Богомъ, что мнѣ думается иногда, что если бы я постигъ Его и увидѣлъ такъ, какъ Онъ можетъ быть зримымъ, то всѣ эти предметы исчезли бы изъ моего знанія; потому что и теперь при любви къ нему они едва приходятъ мнѣ на умъ. Р. Пусть твоя радость будетъ и гораздо большею, когда ты познаешь Бога, чѣмъ отъ познанія этихъ предметовъ; но это—отъ различія предметовъ, а не пониманія. Вѣдь не иными глазами ты смотришь на землю и не иными на голубой сводъ небесный; а между тѣмъ видъ этого доставляетъ тебѣ гораздо большее удовольствіе, чѣмъ видъ той. Но если глаза не обманываютъ, я думаю, что еслибы тебя спросили — дѣйствительно ли ты видишь также землю, какъ и небо, —ты долженъ былъ бы отвѣтить — дѣйствительно также; хотя красота и блескъ неба радуютъ тебя болѣе, чѣмъ красота земли. А. Признаюсь, это сравненіе поражаетъ меня, и я вынужденъ согласиться, что насколько различны въ своемъ родѣ земля и небо, настолько же эти истинныя и точныя научныя доказательства далеки отъ постигаемаго умомъ величія Божія.

ГЛАВА VI.

Чувства, которыми душа усматриваетъ Бога.

Р. Хорошо, что это тебя поражаетъ. Ибо разумъ, разговаривающій съ тобою, обѣщаетъ показать тебѣ Бога такъ, какъ видимо солнце для глазъ. Потому что чувства душевныя

представляютъ собою въ отношеніи къ уму какъ бы глаза его; всякія же точнѣйшія научныя положенія похожи на то, что освѣщается солнцемъ до возможности видѣть, какъ на-примѣръ земля и все земное; а Богъ есть самъ тотъ, кто освѣщаетъ. Я же, разумъ, въ отношеніи къ уму тоже, что способность смотрѣть въ отношеніи къ глазамъ. Ибо имѣть глаза не тоже, что смотрѣть, или смотрѣть не тоже, что видѣть. Итакъ душѣ нужны три вещи: имѣть глаза, которыми бы она могла пользоваться надлежащимъ образомъ, смотрѣть, видѣть. Здоровые глаза представляютъ собою умъ, чистый отъ всякой заразы тѣлесной, т. е. удалившійся и очистившій себя отъ пожеланій вещей смертныхъ; а это доставляетъ ему не иное что, какъ вѣра прежде всего. Ибо, какъ скоро ему нельзя показать этого, пока онъ оскверненъ и болѣетъ пороками,—потому что видѣть онъ можетъ только въ здоровомъ состояніи: то, если онъ не увѣруетъ, что иначе не увидитъ, не станетъ стараться о своемъ оздоровленіи. Но вѣдь еслибы онъ и увѣровалъ, что это дѣйствительно такъ, и что если онъ можетъ видѣть, то увидитъ только при этомъ условіи; а между тѣмъ отчаявался бы въ возможности выздоровѣть: развѣ не упалъ ли бы онъ духомъ, не сталъ ли бы презирать себя и не сталъ ли бы дѣйствовать вопреки предписаніямъ врача? А. Совершенно вѣрно, особенно въ виду того, что предписанія эти, естественно, покажутся противными для болѣзни. Р. Поэтому къ вѣрѣ должна быть присоединена надежда. А. Думаю, что такъ. Р. Но если онъ и вѣритъ, что все это такъ дѣйствительно, и надѣется, что можетъ излѣчиться; а между тѣмъ самаго свѣта, который ему обѣщается, не будетъ любить, не будетъ желать, и порѣшить, что ему слѣдуетъ довольствоваться своимъ мракомъ, пріятнымъ ему уже вслѣдствіе самой привычки: развѣ и въ этомъ случаѣ не отвергаетъ онъ врача? А. Совершенно вѣрно. Р. Итакъ, въ третьихъ, необходима любовь. А. Дѣй-

ствительно, болѣе необходима, чѣмъ чтонибудь. Р. Итакъ безъ этихъ трехъ не излѣчится никакая душа, чтобы могла видѣть, т. е. постигать своего Бога.

А если будетъ имѣть здоровые глаза, то что остается? А. Остается смотрѣть. Р. Взглядъ души это—разумъ. Но такъ какъ изъ того, что ктонибудь смотритъ, не слѣдуетъ, чтобы онъ видѣлъ, то настоящій и совершенный взглядъ, который т. е. дѣйствительно видитъ, называется добродѣтелью ибо добродѣтель есть настоящій или совершенный разумъ. Но и такой взглядъ не можетъ обратить къ свѣту хотя бы и здоровыхъ уже глазъ, если не будетъ этихъ трехъ: вѣры, которая будетъ полагать, что предметъ, на который обращенъ взглядъ, дѣйствительно таковъ, что если будетъ усмотрѣнъ, сдѣлаетъ взглядъ блаженнымъ; надежды, которая предрѣшитъ, что увидитъ непременно, если хорошо посмотреть; любви, которая бы желала и видѣть, и наслаждаться. За взглядомъ слѣдуетъ уже самое видѣнiе Бога, которое есть конецъ зрѣнiя, —не потому, впрочемъ, чтобы зрѣнiе послѣ этого не имѣло уже примѣненiя, а потому, что далѣе этого стремленiя его не простираются. Это и есть совершенная добродѣтель,—разумъ, достигающій своей цѣли, дѣлающій блаженною жизнь. Самое же видѣнiе есть то разумѣнiе, которое является въ душѣ, которое слагается изъ уразумѣвающаго и того, что уразумѣвается; какъ и примѣнительно къ глазамъ то, что мы называемъ—видѣть состоитъ изъ самаго чувства и того, что подлежить чувству, такъ что еслибы не было чего либо изъ двухъ, видѣть нельзя было бы ничего.

ГЛАВА VII.

До какого момента необходимы вѣра, надежда и любовь.

Теперь посмотримъ, необходимы ли эти три и въ то время, когда душѣ уже удастся увидѣть Бога, т. е. уразу-

мѣть Бога. Зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ была бы необходима вѣра, если она уже видитъ? А надежда тѣмъ менѣе, такъ какъ она уже владѣетъ. У любви же не только ничто не отнимается, а напротивъ, ей придается весьма многое. Ибо съ одной стороны, увидѣвъ эту единственную и истинную красоту, душа тѣмъ болѣе ее полюбитъ; съ другой, если бы она не вперила съ особенною любовію глазъ, такъ что никогда не отводила бы ихъ въ сторону,—она не могла бы оставаться въ блаженнѣйшемъ созерцаніи. Но пока душа находится въ этомъ тѣлѣ, то хотя бы она и полнѣйшимъ образомъ видѣла, т. е. уразумѣвала Бога, однако, поколику тѣлесныя чувства продолжаютъ еще совершать свои отправленія, и если не для обмана, то для недоумѣнія поводовъ всегда множество, можно назвать еще вѣрою то расположеніе души, которымъ одно отвергается, а другое принимается по преимуществу за истинное. Далѣе, хотя, уразумѣвъ Бога, душа будетъ уже блаженна и въ этой жизни, однако, поколику она терпитъ множество тѣлесныхъ скорбей, ей естественно надѣяться, что послѣ смерти всѣхъ этихъ неудобствъ не будетъ. Поэтому и надежда не оставляетъ души; пока она находится въ этой жизни. Но послѣ этой жизни, когда она вся соберется въ Бога, останется любовь, которая и тамъ удержится. Ибо нельзя сказать, что она будетъ имѣть вѣру въ истинность всего того, какъ скоро ея не будетъ тревожить никакая примѣсь лжи; не останется ей ничего и ожидать, такъ какъ она будетъ владѣть всѣмъ съ полною безмятежностію. Итакъ отъ души требуются три вещи,—чтобы была здорова, чтобы смотрѣла, чтобы видѣла. Изъ этихъ трехъ вещей для первой и второй всегда необходимы другія три: вѣра, надежда и любовь; а для третьей — въ этой жизни необходимы всѣ три, а послѣ этой жизни необходима одна любовь.

ГЛАВА VIII.

Что необходимо для познанія Бога.

Теперь выслушай, насколько уместно то по ходу рѣчи. нѣкоторое ученіе мое о Богѣ, основанное на вышеприведенномъ сравненіи съ вещами чувственными. И Бога мы постигаемъ умомъ, и извѣстныя научныя положенія мы также постигаемъ умомъ; тѣмъ не менѣе они весьма различны между собою. И земля видима, и свѣтъ видимъ; но земли видѣть нельзя, если она не освѣщена свѣтомъ. Такъ и относительно положеній научныхъ, которыя всякій, понимающій ихъ, признаетъ безъ всякаго колебанія за самыя истинныя, слѣдуетъ думать, что ихъ нельзя было бы уразумѣть, если бы они не были освѣщены какъ бы нѣкоторымъ своимъ солнцемъ. Поэтому какъ въ отношеніи къ видимому солнцу слѣдуетъ различать три вещи, именно: что оно есть, что оно свѣтится, что оно освѣщаетъ; такъ и въ отношеніи къ этому таинственнѣйшему Богу, котораго хочешь ты уразумѣть, различаются три же стороны, именно: что Онъ есть, что Онъ познается, и наконецъ—что даетъ познавать остальное. Я рѣшаюсь учить тебя познанію двухъ предметовъ, т. е. тебя же самаго и Бога. Но скажи мнѣ, какъ примешь ты это: какъ вѣроятное, или какъ истинное? А Разумѣется, какъ вѣроятное; и долженъ признаться, что жду этого съ большимъ нетерпѣніемъ: потому что до сихъ поръ, кромѣ сказаннаго тобою о линіи и шарѣ, ты не сказалъ ничего такого, о чемъ я могъ бы сказать, что знаю. Р. Это неудивительно: потому что до сихъ поръ еще ничто не было изложено такъ, чтобы можно было требовать отъ тебя сознательнаго усвоенія.

ГЛАВА IX.

Любовь къ самимъ себѣ.

Но зачѣмъ медлимъ? Приступимъ къ дѣлу. Прежде всего, впрочемъ, посмотримъ, здоровы ли мы. А. Это ты

видишь, если только можешь что нибудь видѣть въ себѣ и во мнѣ; впрочемъ, на вопросы твои я буду отвѣчать что чувствую. Р. Любишь ли ты что нибудь, кромѣ познанія самаго себя и Бога? А. Судя по тому, какъ я чувствую себя въ настоящее время, я могъ бы отвѣчать, что ничего болѣе не люблю; но для большей безопасности отвѣчу, что не знаю. Ибо со мною часто случалось, что въ ту пору, какъ я вѣрилъ, что ничто другое меня не разшевелить, вдругъ всходило что нибудь на умъ, что поражало меня совсѣмъ иначе, чѣмъ я предполагалъ. Также точно часто какой нибудь предметъ, приходя мнѣ на мысль, не тревожилъ меня; но когда то случалось на дѣлѣ, возмущалъ гораздо болѣе, чѣмъ я думалъ. Впрочемъ полагаю, что меня могутъ тревожить только три вещи: страхъ потерять тѣхъ, кого люблю, страхъ болѣзни, страхъ смерти. Р. Итакъ ты любишь, чтобы съ тобою вмѣстѣ жили любимые тобою; любишь доброе свое здоровье; любишь самую жизнь свою въ этомъ тѣлѣ: потому что иначе ты не боялся бы потерять все это. А. Признаюсь, что это такъ. Р. Стало быть, какъ скоро съ тобою нѣтъ всѣхъ друзей твоихъ и какъ скоро твое здоровье не совсѣмъ хорошо, это причиняетъ нѣкоторую боль твоей душѣ: потому что и это, на мой взглядъ, вытекаетъ изъ сказаннаго. А. Выводъ вѣрный; я не могу отрицать его. Р. Но если ты вдругъ почувствуешь и убѣдишься, что тѣло твое здорово, и увидишь, что всѣ, кого ты любишь, одинаково съ тобою пользуются благороднымъ досугомъ, не обнаружишь ли ты и значительной радости? А. Обнаружу, пожалуй, и значительную; да и зачѣмъ бы, особенно еслибы это, какъ ты говоришь, случилось неожиданно, я сталъ бы обманывать себя, зачѣмъ сталъ бы скрывать этотъ родъ радости? Р. Слѣдовательно ты еще поддаешься всякаго рода болѣзнямъ и сильнымъ движеніямъ душевнымъ. Каково же должно быть безстыдство подобныхъ

глазъ, если они хотять видѣть то солнце? А. Ты вывелъ такое заключеніе, какъ будто я вовсе не чувствую, насколько улучшилось мое здоровье, или отъ сколькихъ язвъ я освободился и сколько ихъ осталось. Заставь меня отказаться отъ этого.

ГЛАВА X.

Любовь къ предметамъ тѣлеснымъ и внѣшнимъ.

Р. Развѣ ты не знаешь, что эти тѣлесные глаза даже и въ здоровомъ состояніи часто поражаются свѣтомъ вещественнаго солнца, отворачиваются отъ него и ищутъ убѣжища въ темнотѣ? А ты, думающій о томъ, насколько подвинулся впередъ, не думаешь о томъ, что хочешь видѣть. Впрочемъ, разберемъ внимательно то, въ чемъ, по твоему мнѣнію, мы сдѣлали успѣхи. Ты не желаешь богатства? А. И не теперь впервые не желаю ихъ. Мнѣ теперь тридцать третій годъ; а я пересталъ его желать почти четырнадцать лѣтъ назадъ, и отъ всего того, что доставлялось случаемъ, не желалъ ничего, кромѣ необходимаго для жизни и для упражненія въ свободныхъ наукахъ. Одна изъ книгъ Цицерона вполне убѣдила меня, что богатства желать несколько не слѣдуетъ, но еслибы оно пришло, слѣдуетъ распоряжаться имъ мудро и бережливо. Р. А почести? А. Признаюсь, что я только что, и почти на этихъ дняхъ, пересталъ ихъ желать. Р. А жену? Неужели тебя не манить по временамъ мечта о женѣ прекрасной, цѣломудренной, послушной, образованной или по крайней мѣрѣ такой, которой бы легко ты могъ дать образованіе самъ, приносящей съ собою столько приданаго (такъ какъ богатство ты презираешь), сколько нужно, чтобы она несколько не обременила тебя собою,—особенно, если бы ты при томъ надѣялся и былъ увѣренъ, что она ничѣмъ не досадитъ тебѣ? А. Какъ ты

ни стараешься раскрасить ее и надѣлать всяческими благами, я порѣшилъ ничего не избѣгать такъ, какъ сожителства съ женщиною. По моему мнѣнію ничто такъ не лишаетъ твердости мужественный духъ, какъ женскія прелести и то соприкосновеніе тѣлесное, безъ котораго жена не можетъ обойтись. Поэтому, если забота о дѣтяхъ относится къ обязанности мудраго (чего я еще навѣрное не знаю), то всякій, кто ради этого вступаетъ въ сожителство съ женщиною, можетъ быть для меня предметомъ удивленія, но подражанія—ни въ какомъ случаѣ: ибо гораздо болѣе опасностей испытать это, чѣмъ счастья имѣть къ тому возможность. Поэтому я полагаю, что поступилъ довольно справедливо и для свободы души своей полезно, приказавъ себѣ не желать, не искать и не брать жены: Р. Но я не спрашиваю въ настоящемъ случаѣ о томъ, что ты рѣшилъ, а о томъ, не борешься ли ты еще, или уже ты побѣдилъ свое желаніе. Потому что вопросъ идетъ о здоровьи твоихъ глазъ. А. Я вовсе ничего подобнаго не ищю, ничего не желаю; я даже съ ужасомъ и содроганіемъ объ этомъ вспоминаю. Чего тебѣ больше? И такое доброе расположеніе у меня растетъ съ каждымъ днемъ; ибо чѣмъ болѣе увеличивается надежда увидѣть ту красоту, къ которой я пламенѣю желаніемъ, тѣмъ болѣе къ ней обращается вся любовь и страсть моя. Р. Ну, а пріятность пищи? Насколько ты объ ней заботишься? А. Чего я рѣшился не ѣсть, то не влечетъ меня. А то, отъ чего я не отказался, то, признаюсь, когда есть на лицо, доставляетъ мнѣ удовольствіе, но такъ однакоже, что еслибы было отнято послѣ того, какъ я видѣлъ и отвѣдалъ, не произвело бы во мнѣ душевнаго волненія. А если нѣтъ этого вовсе, желаніе подобнаго рода не осмѣливается проявиться, чтобы помѣшать моимъ размышленіямъ. Да и вообще, относительно ли пищи или питья, или бань и другихъ удовольствій тѣлесныхъ на всякій твой вопросъ могу сказать:

всего этого я желаю имѣть настолько, насколько оно можетъ помогать здоровью.

ГЛАВА XI.

Внѣшними выгодами, не ради ихъ самихъ, а ради другихъ истинныхъ благъ, правильнѣе дозволять себѣ пользоваться, чѣмъ добиваться ихъ.

Р. Ты сдѣлалъ значительные успѣхи. Однакоже остающееся служить еще очень большимъ препятствіемъ къ тому, чтобы видѣть оный свѣтъ. Остановлю вниманіе на одномъ, что, на мой взглядъ, легко доказать; именно: или не должно оставаться ничего, что намъ нужно было бы еще погорять, или мы не сдѣлали рѣшительно никакихъ успѣховъ, и гнѣніе то, что мы считаемъ отсѣченнымъ, продолжается. Для примѣра спрошу у тебя,—не пожалѣешь ли ты о богатствѣ и не пожелаешь ли его, если бы убѣдился, что со множествомъ дорогихъ для тебя лицъ ты можешь посвящать свою жизнь изученію мудрости только подъ условіемъ, чтобы извѣстной обширности имѣніе могло удовлетворять вашимъ нуждамъ? А. Съ этимъ я согласенъ. Р. Ну, а если станетъ очевиднымъ, что ты успѣешь многихъ расположить къ мудрости, если твой авторитетъ увеличится твоимъ почетнымъ общественнымъ положеніемъ, и сами друзья твои окажутся не въ состояніи ограничить свои желанія и всецѣло обратиться къ изысканію Бога иначе, какъ если и они получаютъ почетное общественное положеніе, а послѣднее будетъ возможно только подъ условіемъ твоего высокаго общественнаго положенія и сана? Развѣ не слѣдуетъ въ такомъ случаѣ желать и этого, и не слѣдуетъ всячески настаивать, чтобы такъ случилось? А. Ты говоришь вѣрно. Р. О женѣ я, пожалуй, не спорю; можетъ быть для взятія ея и не представится такой необходимости: хотя, еслибы ея обширное

имѣніе могло обезпечить содержаніе всѣхъ, съ кѣмъ ты хотѣлъ бы жить покойно въ одномъ мѣстѣ и сама она на то искренно соглашалась, а особенно если бы она была такого знатнаго происхожденія, что чрезъ нее ты легко бы могъ достигнуть того почетнаго положенія, которое призналъ необходимымъ, я не знаю, обязанъ ли ты пренебречь этимъ. А. Развѣ когда нибудь я осмѣлюсь надѣяться на это?

Р. Ты говоришь это такъ, какъ будто я спрашиваю въ настоящемъ случаѣ о томъ, чего ты надѣешься. Спрашиваю не о томъ, что не манить къ себѣ потому, что его мы лишены; а о томъ, что можетъ доставить намъ удовольствіе, когда намъ представится. Ибо иное дѣло зараза вырванная съ корнемъ, и иное—заглушонная. Къ послѣдней примѣнимо сказанное нѣкоторыми учеными мужами: какъ безуміе всѣхъ дураковъ, такъ и дурной запахъ всякой нечистоты чувствуешь не всегда, а когда пошевелишь. Большая разница—уничтожается ли пожеланіе вслѣдствіе безнадежности душевной, или вслѣдствіе здраваго состоянія. А. Хотя я и не въ состояніи отвѣчать тебѣ, однако ты никогда не убѣдишь меня, чтобы то душевное расположеніе, которое я въ себѣ чувствую, не было съ моей стороны хоть какимъ нибудь успѣхомъ. Р. Полагаю, что это тебѣ кажется потому, что хотя ты и можешь желать означенныхъ вещей, однако опѣ должны быть, на твой взглядъ, желаемы не ради ихъ самихъ, а ради другаго. А. Это именно я и хотѣлъ сказать. Ибо въ былое время, когда я желалъ богатства, я желалъ его для того, чтобы быть богатымъ, и самыхъ почестей, желаніе которыхъ я только что, какъ сказалъ, подавилъ въ себѣ, я хотѣлъ, привлекаемый ни вѣсть какимъ блескомъ ихъ; и когда думалъ я о женѣ, я думалъ всегда ни о чемъ другомъ, какъ о томъ наслажденіи, которое доставитъ она мнѣ съ доброю славою. Въ то время у меня было прямое желаніе всего этого. Теперь же я все это рѣшительно пре-

зираю. Но еслибы доступъ къ тому, чего я желаю, былъ невозможенъ иначе, какъ посредствомъ этого, гнаться для достиженія его. не буду, но подчиниться ему готовъ. Р. Прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ. Вѣдь и я не считаю правильнымъ назвать пожеланіемъ извѣстныхъ вещей то, если эти вещи ищутся ради чего либо иного.

ГЛАВА XII.

Все должно быть желаемо лишь настолько, насколько содѣйствуетъ высшему благу, и всего слѣдуетъ бояться лишь настолько, насколько отъ него отвлекаетъ.

Но скажи, пожалуй, для чего ты желаешь, чтобы жили и жили вмѣстѣ съ тобою тѣ люди, которыхъ ты любишь? А. Для того, чтобы вмѣстѣ и согласно изслѣдывать наши души и Бога. Ибо при этомъ условіи первый, которому удастся узнать, безъ труда приведетъ къ тому же остальныхъ. Р. Ну, а если они не желаютъ изслѣдывать это? А. Я постараюсь убѣдить, чтобы они пожелали. Р. А если не будешь въ состояніи, или они будутъ думать, что уже знаютъ или нельзя этого знать, или встрѣтятъ къ тому препятствіе въ заботахъ и желаніи другихъ вещей? А. Буду имѣть ихъ, какъ и они меня, такими, какими можно. Р. А если ихъ присутствіе будетъ мѣшать самому изслѣдованію? Не постараешься ли ты и не позаботишься ли,—если иначе они съ тобою быть не могутъ,—чтобы они лучше не были съ тобою, чѣмъ были такъ? А. Признаюсь, ты говоришь правду. Р. И такъ ихъ жизни и присутствія ты желаешь не ради самой жизни и присутствія, но ради изысканія мудрости? А. Совершенно согласенъ. Р. Ну, а если бы ты убѣдился, что къ приобрѣтенію мудрости служить препятствіемъ самая жизнь твоя, пожелалъ ли бы ты ея продолженія? А. Я всячески избѣжалъ бы ее. Р. А еслибы узналъ, что муд-

рости можно достигнуть, какъ оставивъ это тѣло, такъ и пребывая въ немъ, заботился ли бы ты о томъ, здѣсь ли или въ другой жизни наслаждаться тѣмъ, что любишь? А. Если узнаю, что со мною ничего не случится худшаго, что лишило бы меня пріобрѣтенныхъ мною успѣховъ, я бы не заботился. Р. Стало бытъ ты теперь боишься умереть изъ опасенія попасть въ какую либо злѣйшую бѣду, которая лишитъ тебя божественнаго знанія? А. Боюсь не только лишенія того, что я уже узналъ, но и того, чтобы не былъ мнѣ прегражденъ доступъ къ тому, что я сильно желаю знать; хотя я и думаю, что то, что я уже имѣю, останется со мною. Р. Итакъ ты желаешь продолженія и самой жизни этой не ради ея самой, но ради мудрости? А. Именно такъ.

Р. Остается болѣзнь тѣлесная, которая, быть можетъ, страшитъ тебя своею собственною силою. А. Нѣтъ, и ея я не боялся бы особенно, еслибы она не мѣшала моимъ изысканіямъ. Хотя этими днями, страдая жестокою зубною болью, я въ состояніи былъ работать мыслию только надъ тѣмъ, что твердо изучилъ, и встрѣчалъ непреодолимое препятствіе изучить то, что мнѣ было нужно въ полное удовлетвореніе душевному стремленію; однако мнѣ казалось, что если бы моему уму блеснулъ оный свѣтъ истины, я или вовсе не чувствовалъ бы той болѣзни, или считалъ бы ее совершенно ничтожною. Но хотя я ничего болѣе сильнаго никогда не испытывалъ, однако размышляя часто, что могутъ случаться болѣзни и иссравненно болѣе тяжкія, вынужденъ согласиться съ Корнелиемъ Цельсомъ, который говоритъ, что наше высшее благо есть мудрость, а наибольшее зло—болѣзнь тѣлесная. И мнѣ кажется, что умозаключеніе его не лишено смысла. Онъ говоритъ, что поелику мы состоимъ изъ двухъ частей, т. е. изъ души и тѣла, изъ коихъ первая лучшая есть душа, а худшая тѣло: то наивысшее благо лучшей части есть самое наилучшее, а наибольшее зло худшей есть самое наи-

худшее; наилучшее же въ душѣ есть мудрость, наихудшее въ тѣлѣ—болѣзнь. Отсюда, по моему мнѣнію, безъ всякой натяжки выводится заключеніе, что наивысшее человѣческое благо—мудрость, наибольшее зло—болѣзнь. Р. Мы увидимъ это послѣ. Ибо мудрость, которой мы усиливаемся достигнуть, можетъ быть, убѣдить насъ въ другомъ. Если же покажетъ, что это вѣрно, тогда мы безъ колебанія будемъ держаться этой мысли о наивышемъ благѣ и наибольшемъ злѣ.

ГЛАВА XIII.

Какимъ образомъ и съ какою постепенностію познается мудрость. Истинная любовь.

Въ настоящее же время разузнаемъ, каковъ ты любитель мудрости, которую ты желалъ видѣть цѣломудреннымъ взоромъ и заключить въ свои чистыя объятія, не допуская никакого покровя, какъ бы нагою,—такою, какою она не дозволяетъ себя видѣть и обнимать никому, кромѣ весьма немногихъ и самыхъ избранныхъ своихъ любителей. Вѣдь если бы ты горѣлъ любовію къ какой нибудь прекрасной женщинѣ, она по праву не отдалась бы тебѣ, если бы открыла, что ты любишь что либо другое, кромѣ нея; неужели же чистѣйшая красота мудрости покажетъ тебѣ себя, если ты будешь пламенѣть не ею одною? А. Зачѣмъ до сихъ поръ приводятъ меня несчастнаго въ недоумѣніе и заставляютъ выносить терзанія, достойныя состраданія? Вѣдь я убѣдительно доказалъ, что ничего другаго не люблю, какъ скоро того не любятъ, что любятъ не ради его самаго. А я люблю ради ея самой только мудрость; все же остальное: жизнь, покой, друзей, я желаю имѣть при себѣ или боюсь не имѣть ради нея. И какія границы можетъ имѣть любовь къ этой красотѣ, въ отношеніи которой я не только не завидую про-

чимъ, но и весьма многихъ побуждаю вмѣстѣ со мною искать ее, вмѣстѣ со мною ея домогаться, вмѣстѣ овладѣвать, и вмѣстѣ со мною наслаждаться; и тѣмъ большими они мнѣ будутъ друзьями, чѣмъ болѣе общемо у насъ будетъ наша возлюбленная.

Р. Любителямъ мудрости вполне прилично быть такими. Такихъ ищетъ она, союзъ съ которою въ истинномъ смыслѣ чистъ и чуждъ всякаго пятна. Но достигаютъ его не однимъ путемъ, потому что всякій овладѣваетъ этимъ единственнымъ и истиннѣйшимъ благомъ соответственно его личному здоровью и твердости. Оно есть нѣкій невыразимый и непостижимый свѣтъ уместенный. Этотъ обыкновенный свѣтъ, насколько можетъ, учитъ насъ, какимъ образомъ тотъ получается. Ибо есть нѣкоторые глаза такіе здоровые и крѣпкіе, что, едва раскроются, безъ всякаго трепета обращаются на самое солнце. Для такихъ самый свѣтъ есть нѣкоторымъ образомъ здоровье, и они не нуждаются въ учителѣ, а нуждаются развѣ въ одномъ напоминаніи. Для такихъ достаточно вѣрить, надѣяться, любить. Но другіе болѣзненно поражаются самымъ блескомъ, который горячо желаютъ видѣть, и часто, не увидѣвъ его, съ удовольствіемъ уходятъ обратно во мракъ. Хотя бы они были и таковы, что могли бы по справедливости быть названы здоровыми, однако желать показать имъ то, чего они видѣть не въ силахъ, опасно. Поэтому ихъ слѣдуетъ упражнять прежде, а любовь ихъ полезнымъ образомъ сдерживать и питать. Сначала имъ нужно показывать такое, что не само собою свѣтитъ, но можетъ быть видимо при помощи свѣта, какъ одежда, или стѣна, или что другое тогоже рода. Затѣмъ показывать такое, что, хотя и не само собою, а при помощи свѣта, но издаетъ болѣе пріятный блескъ, какъ золото, серебро, и другое подобное, не столько впрочемъ блестящее, чтобы производило боль въ глазахъ. Потомъ, пожалуй, съ нѣкоторою осторожностію слѣ-

дуетъ показать земной огонь, далѣе — звѣзды, потомъ — луну, потомъ блескъ зари и затѣмъ сіяніе бѣлѣющаго неба. Привыкнувъ съ большею или меньшею скоростію, въ полномъ ли указанномъ порядкѣ, или съ нѣкоторыми пропусками, соотвѣтственно состоянію своего здоровья, всякій уже безъ трепета и съ великимъ наслажденіемъ увидитъ солнце. Нѣчто такого же рода дѣлають и лучшіе учителя для учащихся мудрости и владѣющихъ зрѣніемъ, хотя пока не остримъ. Ибо привести къ ней въ нѣкоторомъ опредѣленномъ порядкѣ — дѣло доброй науки; дойти же до ней не въ порядкѣ — дѣло едва вѣроятнаго счастья. Но на сегодня мы, полагаю, написали достаточно; слѣдуетъ побережь здоровье.

ГЛАВА XIV.

Мудрость сама помогаетъ глазамъ, чтобы они могли ее видѣть.

А. Укажи, пожалуйста, говорю я на другой день, мнѣ этотъ порядокъ. Веди, тани, куда хочешь, какою дорогою хочешь, какъ хочешь. Приказывай, что хочешь трудное, какое угодно тяжелое, лишь бы оно было въ моей власти, лишь бы посредствомъ его я не сомнѣвался достигнуть того, чего желаю. Р. Есть одно, что я могу тебѣ посовѣтовать; болѣе я не знаю ничего. Именно, пока живемъ мы въ этомъ тѣлѣ, мы рѣшительно должны избѣгать этого чувственнаго и всячески остерегаться, чтобы липкостію его не склеились наши крылья, которымъ нужно быть вполне свободными и совершенными, чтобы мы могли воспарить къ оному свѣту изъ этой тьмы: ибо свѣтъ тотъ не удостоитъ и показаться заключеннымъ въ эту клітку, если они не будутъ такими, чтобы могли, разбивъ и разломивъ ее, улетѣть въ свои воздушныя области. Поэтому, какъ скоро ты станешь такимъ, что ничто земное не будетъ доставлять тебѣ рѣшительно никакого удовольствія,

повѣрь мнѣ, въ ту же самую минуту, въ тотъ же самый моментъ ты увидишь что желаешь. А. Но скажи, будетъ ли это когда нибудь? Ибо я не думаю, чтобы я могъ дойти до полного презрѣнія этого, прежде чѣмъ увижу то, въ сравненіи съ которымъ это окажется грязнымъ.

Р. Такъ же точно могъ бы сказать и этотъ тѣлесный гласъ: Я тогда не стану любить мрака, когда увижу солнце. Кажется, будто и это въ порядкѣ вещей, однако на дѣлѣ оно далеко не такъ. Онъ любитъ мракъ, потому что онъ не въ здоровомъ состояніи; а солнце можетъ видѣть только здоровый. И душа часто обманываетъ себя въ томъ, что считаетъ и выставляетъ сама себя здоровою; и поелику не видитъ еще, считаетъ себя какъ бы въ правѣ жаловаться. Но та красота знаетъ, когда ей показать себя. Ибо она сама отправляетъ должность врача, и знаетъ, кто здоровъ, лучше, чѣмъ тѣ сами, кого она лечитъ. Мы же, насколько старались вынырнуть, думали о себѣ, что видимъ; но насколько мы были погружены и насколько успѣли подняться, мы не можемъ ни обсудить, ни чувствовать, и считаемъ себя здоровыми только сравнительно съ болѣе тяжкою болѣзнію. Не замѣтилъ ли ты, съ какою увѣренностію мы высказались вчера, что мы не одержимы уже никакою заразою и что не любимъ ничего, кромѣ мудрости, и если ищемъ и желаемъ остального, то только ея ради? Какими грязными, какими мерзкими, какими отвратительными, какими ужасными казались тебѣ объятія женщины, когда мы разсуждали между собою о желаніи жены! А между тѣмъ, бодрствуя этою ночью, когда мы снова передумывали съ тобою тоже самое, ты чувствовалъ вѣдь, что эти воображаемыя прелести и раздражающая пріятность щекотали тебя иначе, чѣмъ ты предполагалъ; все это конечно далеко менѣе, чѣмъ обыкновенно, но въ тоже время и далеко не такъ, какъ ты думалъ; такъ что оный таинственнѣйшій врачъ показалъ тебѣ

этимъ и то и другое, именно—отъ чего благодаря его помощи освободился и что остается еще излечить.

А. Молчи, пожалуйста, молчи. Чего ты меня мучишь? За чѣмъ роешь и проникаешь такъ глубоко? Я уже не удерживаю слезъ, уже ничего не обѣщаю, ничего не предполагаю, лишь бы ты не спрашивалъ меня объ этихъ вещахъ. Ты правду говоришь, что онъ, кого я страстно желаю видѣть, онъ самъ узнаетъ, когда я буду здоровъ; сдѣлаетъ, что ему угодно; покажетъ себя, когда ему заблагоразсудится; я уже предоставляю себя всецѣло его милости и попеченію. Я увѣровалъ разъ навсегда, что онъ не перестаетъ оказывать такого рода помощь расположеннымъ къ нему. О своемъ здоровьи я не скажу ничего, пока не увижу той красоты. Р. Много ничего и не дѣлай. Но отъ слезъ удержиись, и скрѣпи свое сердце. Ты слишкомъ много плакалъ, а это слишкомъ тяжело отзывается на твоей больной груди. А. Ты хочешь, чтобы я зналъ мѣру своимъ слезамъ, когда своему несчастію я мѣры не знаю? Или велишь мнѣ принимать въ соображеніе здоровье тѣла, когда самъ я разрушенъ тлѣніемъ? Но прошу тебя, если имѣешь какую нибудь власть надо мною, веди меня путемъ кратчайшимъ, веди въ нѣкоторой по крайней мѣрѣ близости къ тому свѣту, который, буде я оказалъ какіе нибудь успѣхи, я могу уже выносить. Досадно обращать глаза къ тому мраку, который оставилъ; если только можно назвать оставленнымъ то, что смѣетъ еще ласкать мою слѣпоту.

ГЛАВА XV.

Какимъ образомъ познается душа. Довѣренность къ Богу.

Р. Закончимъ, если угодно, эту первую книгу, чтобы потомъ уже во второй вступить на новый путь, который

окажется удобнымъ. Настоящее расположеніе духа твоего не должно быть оставляемо безъ умѣреннаго упражненія. А. Я рѣшительно не позволю закончить эту книгу, если ты не покажешь мнѣ хоть немногого изъ смежности того свѣта, къ которому я стремлюсь. Р. Врачъ тотъ, о которомъ мы говорили, исполняетъ твою волю. Какое-то, не знаю, озареніе побуждаетъ и толкаетъ меня, чтобы я тебя велъ. Слушай же внимательно. А. Веди, пожалуйста, и тащи, куда хочешь. Р. Правду ли ты говоришь, что хочешь познать душу и Бога? А. Къ этому направлены всѣ мои усилія. Р. А болѣе ни къ чему? А. Ни къ чему рѣшительно. Р. Ну, а истины ты не хочешь познать? А. А развѣ могъ бы я безъ нея узнать то? Р. Итакъ прежде слѣдуетъ узнать ее, потому что черезъ нее можно узнать остальное. А. Не отрицаю. Р. Разсмотримъ же во первыхъ слѣдующее. Есть два слова: истина и истинное. Какъ тебѣ кажется, двѣ ли вещи обозначаются этими словами, или одна? А. Мнѣ кажется—двѣ. Потому что иное дѣло чистота, и иное—чистое, какъ и многое другое въ томъ же родѣ; такъ точно думаю я, что иное есть истина, и иное то, что называется истиннымъ. Р. А что изъ этихъ двухъ ты считаешь болѣе превосходнымъ? А. Думаю, что истина. Ибо не отъ чистаго зависитъ чистота, а отъ чистоты чистое; такъ и то, что истинно, истинно въ силу истины.

Р. Ну, а если умереть ктонибудь чистый, полагаешь ли ты, что умерла и чистота? А. Никويمъ образомъ. Р. Итакъ, если погибнетъ что либо истинное, истина не погибнетъ? А. Но какимъ образомъ погибнетъ чтонибудь истинное? Этого я не понимаю. Р. Удивляюсь твоему вопросу. Развѣ передъ нашими глазами не погибаютъ тысячи вещей? Или, быть можетъ, ты думаешь, что это дерево, хотя и есть дерево, но не есть истинное дерево, или въ дѣйствительности не можетъ погибнуть? Хотя бы ты чувствалъ и не вѣрилъ, и могъ бы отвѣчать, что ты рѣшительно не знаешь дерево

ли это; однако ты, полагаю, не станешь отрицать, что оно дерево истинное, если дерево: ибо объ этомъ судимъ не чувствомъ, а умомъ. Ибо если оно дерево ложное, то оно не дерево; если же оно дерево, то по необходимости оно будетъ дерево истинное. А. Соглашаюсь съ этимъ. Р. Ну, а съ другимъ? Не согласенъ ты, что дерево относится къ тому роду вещей, который раждается и погибаетъ? А. Не могу отрицать. Р. Отсюда слѣдуетъ заключеніе, что погибаетъ нѣчто, что есть истинное. А. Не противорѣчу. Р. А далѣе? Не кажется ли тебѣ, что истина не гибнетъ, когда гибнутъ вещи истинныя, какъ не умираетъ чистота, когда умираетъ чистый? А. Теперь согласенъ я и съ этимъ, и съ нетерпѣніемъ жду, что предпримешь далѣе. Р. Слушай же. А. Слушаю.

Р. Кажется ли тебѣ истиннымъ слѣдующее положеніе: То, что существуетъ, по необходимости существуетъ гдѣ нибудь? А. Ни съ чѣмъ я не согласенъ до такой степени. Р. Но признаешь ли ты, что истина существуетъ? А. Признаю. Р. Итакъ намъ необходимо найти, гдѣ она существуетъ; ибо она не существуетъ въ пространствѣ, если въ пространствѣ не существуетъ ничего, кромѣ тѣла: развѣ не считаешь ли ты истину тѣломъ? А. Ничего подобнаго я не думаю. Р. Итакъ гдѣ же, полагаешь ты, существуетъ она? Вѣдь мы согласились, что то, что существуетъ, не есть нигдѣ. А. Еслибы я зналъ, гдѣ она; я ничего быть можетъ болѣе не искалъ бы. Р. Но можешь по крайней мѣрѣ узнать, гдѣ ея нѣтъ? А. Если напомнимъ, быть можетъ и буду въ состояніи. Р. Ея нѣтъ конечно въ вещахъ смертныхъ. Ибо то, что существуетъ, не можетъ пребывать въ чемъ либо, если не пребываетъ то, въ чемъ оно существуетъ; но истина, какъ мы не задолго передъ этимъ согласились, пребываетъ, хотя вещи истинныя и гибнутъ. Итакъ истина существуетъ не въ смертныхъ вещахъ. Однакоже она существуетъ, и существуетъ не нигдѣ. Слѣдовательно есть вещи безсмертныя. Ничто однакоже не истинно, въ чемъ

вѣтъ истины. Отсюда слѣдуетъ, что истинно только то, что безсмертно. Притомъ, всякое ложное дерево не есть дерево, и ложное бревно не есть бревно, и ложно серебро не есть серебро, и все вообще ложное не существуетъ. Все же, что не истинно, есть ложное. Итакъ истинѣ существующимъ можетъ быть названо только безсмертное. Обсуди внимательно самъ съ собою этотъ выводъ, чтобы не показалось тебѣ, что съ чѣмъ нибудь тебѣ не слѣдовало соглашаться. Если онъ вѣренъ, мы покончили почти все свое дѣло; впрочемъ это лучше уяснится въ другой книгѣ.

А. Благодарю, и какъ самъ съ собою, такъ потомъ и съ тобою, въ тишинѣ, обсужу это внимательно и осмотрительно, если не набѣжитъ никакой мракъ и не заставить меня, чего я весьма боюсь, находить удовольствіе въ немъ самомъ. Р. Твердо вѣрь въ Бога и предайся Ему, насколько можешь, всецѣло. Не желай такъ сказать принадлежать себѣ самому и быть самовластнымъ; но признай себя рабомъ этого милостивѣйшаго и полезнѣйшаго Господина. Въ такомъ случаѣ Онъ не перестанетъ тебя возвышать къ Себѣ, и не допустить, чтобы съ тобою случилось что нибудь, кромѣ полезнаго для тебя, хотя бы и безъ твоего вѣдома. А. Слышу, вѣрю, и, насколько могу, повинуюсь, и Его же усердно молю, чтобы могъ я возможно больше; развѣ не потребуешь ли отъ меня еще чего? Р. Пока достаточно; сдѣлаешь послѣ, что велитъ уже Онъ самъ, когда увидишь Его.

КНИГА ВТОРАЯ.

Въ этой книгѣ блаж. Августинъ пространно разсуждаетъ самъ съ собою объ истинномъ и ложномъ, чтобы, разъяснивъ съ обстоятельностью вѣчное бытіе истины, вывести заключеніе, что и сама душа человека, которая есть съдѣлице истины, безсмертна.

ГЛАВА I.

О безсмертіи человека.

А. Наши занятія были прерваны довольно на долгое время, а между тѣмъ любовь нетерпѣлива, и слезамъ нѣтъ мѣры, если любви не даютъ того, что она любитъ. Начнемъ поэтому вторую книгу. Р. Начнемъ. А. Будемъ вѣрить, что намъ поможетъ Богъ. Р. Разумѣется, будемъ вѣрить, если хоть это въ нашей власти. А. Наша власть Онъ самъ. Р. Въ такомъ случаѣ обратись къ Нему, насколько можешь, съ молитвою самою краткою и совершенною. А. Боже, который всегда тотъ же, пусть я узнаю себя, пусть я узнаю Тебя!—Я помолился. Р. Ты, который желаешь знать себя, знаешь ли ты, что существуешь? А. Знаю. Р. Откуда же знаешь? А. Не знаю. Р. Простымъ ли ты себя чувствуешь, или сложнымъ? А. Не знаю. Р. Знаешь ли ты, что ты движешься? А. Не знаю. Р. Знаешь ли ты, что ты мыслишь? А. Знаю. Р. Итакъ то истинно, что ты мыслишь? А. Истинно. Р. Знаешь ли, что ты безсмертенъ? А. Не знаю. Р. Изъ всего того, чего, по словамъ твоимъ, ты не знаешь, что желаешь ты знать прежде всего? А. Безсмертенъ ли я. Р. Итакъ ты любишь жизнь? А. Признаюсь. Р. А если ты узнаешь, что ты безсмертенъ, достаточно ли этого будетъ? А. Хотя это будетъ и многое, но для меня этого мало. Р. Однако же насколько ты будешь радъ этому малому? А. Весьма много. Р. Плакать уже не будешь? А. Рѣшительно

нѣтъ. Р. Ну, а если самая жизнь окажется такою, что въ ней нельзя будетъ узнать тебѣ ничего болѣе того, что ты знаешь? Удержишься ты отъ слезъ? А. Напротивъ, буду плакать такъ, какъ бы не было самой жизни. Р. Стало быть ты любишь жизнь не ради самой жизни, но ради знанія. А. Согласенъ съ заключеніемъ. Р. А если тоже самое знаніе вещей сдѣлаетъ тебя несчастнымъ? А. Думаю, что это никоимъ образомъ не можетъ случиться. Но если это такъ, то блаженнымъ не можетъ быть никто; потому что если я теперь несчастенъ, то не вслѣдствіе чего иного, какъ только незнанія вещей. Если же и знаніе вещей дѣлаетъ несчастнымъ, то несчастіе вѣчно. Р. Теперь я вижу вполне, чего ты хочешь. Такъ какъ ты думаешь, что знаніе никого не дѣлаетъ несчастнымъ, изъ чего съ вѣроятностію выводится заключеніе, что познаніе дѣлаетъ блаженнымъ; блаженнымъ же можетъ быть только живущій, а живетъ только тотъ, кто существуетъ: то ты желаешь существовать, жить и познавать; но—существовать, чтобы жить,—жить, чтобы познавать. И такъ ты знаешь, что существуешь; знаешь, что живешь; знаешь, что познаешь. Но желаешь знать, всегда ли будетъ все это, или ничего этого не будетъ, или нѣчто останется всегда, а нѣчто исчезнетъ, или оставаясь вообще, все это уменьшится или увеличится. А. Именно такъ. Р. И такъ, если мы докажемъ, что будемъ жить всегда, будетъ изъ этого слѣдовать, что мы всегда будемъ и существовать? А. Будетъ слѣдовать. Р. Останется вопросъ о познаніи.

ГЛАВА II.

Истина пребываетъ вѣчно.

А. Я нахожу этотъ порядокъ самымъ яснымъ и самымъ короткимъ. Р. Будь же готовъ съ осмотрительностію и твердостію отвѣчать на мои вопросы. А. Готовъ. Р. Если

этотъ міръ останется навсегда, истинно ли будетъ, что этотъ міръ имѣетъ пребывать всегда? А. Кто въ этомъ усумнится? Р. Ну, а если не останется? Не также ли точно будетъ истинно, что міръ не будетъ пребывать? А. Не отвергаю. Р. А когда погибнетъ, если имѣетъ погибнуть? Не будетъ ли тогда истинно то, что міръ погибъ? Ибо пока не будетъ истинно, что міръ исчезъ, онъ не исчезнетъ; такъ какъ этимъ отрицается, чтобы міръ исчезъ, и не будетъ истинно, чтобы міръ исчезъ. А. Соглашаюсь и съ этимъ. Р. Ну, а съ этимъ? Можетъ ли, по твоему мнѣнію, что либо быть истиннымъ, если истины не будетъ? А. Никонимъ образомъ. Р. И такъ истина будетъ, хотя бы и міръ погибъ? А. Не могу отрицать. Р. А если исчезнетъ сама истина, не будетъ ли истинно, что истина исчезла? А. Кто станетъ и это отвергать? Р. Но истиннаго не можетъ быть, если истины не будетъ. А. Съ этимъ я уже согласился прежде. Р. Слѣдательно истина не исчезнетъ никонимъ образомъ. А. Продолжай, какъ началъ, потому что ничего не можетъ истиннѣе такихъ выводовъ.

ГЛАВА III.

Если ложность будетъ всегда, а безъ чувства она быть не можетъ, то отсюда слѣдуетъ, что всегда будетъ существовать какая нибудь душа.

Р. Теперь я желалъ бы, чтобы ты отвѣтилъ, душа ли, по твоему мнѣнію, чувствуетъ, или тѣло? А. По моему мнѣнію, душа. Р. А кажется ли тебѣ, что умъ относится къ душѣ? А. Вполнѣ кажется. Р. Къ одной ли душѣ, или и къ другому чему? А. Кромѣ души и Бога я не представляю ничего, въ чемъ могъ бы допустить существованіе ума. Р. Теперь обратимъ вниманіе на слѣдующее. Если бы тебѣ сказалъ кто нибудь, что эта стѣна не стѣна, а дерево; что бы ты подумалъ? А. Подумалъ бы, что или его,

или мое чувство лжетъ, или что онъ этимъ именемъ называетъ стѣну. Р. Ну, а еслибы ему стѣна представлялась въ видѣ дерева, а тебѣ въ видѣ стѣны? Развѣ то и другое не могло бы быть истиннымъ? А. Никонимъ образомъ; потому что одна и таже вещь не можетъ быть и стѣною и деревомъ. Какъ споро каждому изъ насъ отдѣльно представляется особенное, то несомнѣнно, что одинъ изъ насъ имѣетъ представленіе ложное. Р. А если то и не стѣна, и не дерево, и вы оба обманываетесь? А. Можетъ быть и это. Р. Но ты прежде не допускалъ этого. А. Сознаюсь. Р. Ну, а если вы узнаете, что оно кажется вамъ иначе, чѣмъ есть? Неужели вы и тогда обманываетесь? А. Нѣтъ. Р. Итакъ возможно, что и представляющееся будетъ ложнымъ, и не будетъ обманываться тотъ, кому оно представляется? А. Возможно. Р. Стало бы слѣдуетъ признать, что не тотъ обманывается, кто видитъ ложное, а тотъ, кто довѣряетъ ложному? А. Слѣдуетъ признать вполне. Р. А что такое само ложное, и почему оно ложно? А. Ложное то, что существуетъ иначе, чѣмъ кажется. Р. Поэтому, если нѣтъ тѣхъ, кому бы оно могло бы казаться, то нѣтъ и ложнаго? А. Заключение вѣрное. Р. Итакъ ложность не въ вещахъ, а въ чувствѣ. Но тотъ не обманывается, кто не довѣряетъ ложному. Отсюда слѣдуетъ, что иное дѣло мы, и иное—чувство: потому что когда оно обманывается, мы можемъ не обманываться. А. Не имѣю чего возразить. Р. Но когда обманывается душа, рѣшишься ли ты утверждать, что ложнаго нѣтъ? А. Какимъ образомъ рѣшился бы я на это? Р. Но чувства нѣтъ безъ души, какъ нѣтъ и ложности безъ чувства. Душа или производитъ ложность, или содѣйствуетъ ложности. А. Предыдущее вынуждаетъ согласиться съ этимъ.

Р. Теперь отвѣтъ мнѣ, можетъ ли, по твоему мнѣнію, быть, что ложности когда нибудь не будетъ? А. Какимъ образомъ я могу быть такого мнѣнія, когда дойти до истины

такъ трудно, что сказать, что ложности быть не можетъ, гораздо несообразнѣе, чѣмъ сказать, что не можетъ быть истины? Р. Полагаешь ли ты, что можетъ чувствовать тотъ, кто не живетъ? А. Этого быть не можетъ. Р. Отсюда слѣдуетъ, что душа живетъ вѣчно. А. Ты слишкомъ быстро заставляешь меня радоваться: помаленьку, пожалуйста. Р. Но если мы справедливо согласились съ сказаннымъ, то я не вижу, почему бы слѣдовало сомнѣваться въ этомъ. А. Я говорю—слишкомъ быстро. Отъ этого скорѣе приду къ мысли, что согласился съ чѣмъ нибудь необдуманно, чѣмъ останусь въ убѣжденіи относительно безсмертія души. Развей по крайней мѣрѣ свое заключеніе, и покажи, какъ оно выведено. Р. Ты сказалъ, что ложность не можетъ быть безъ чувства, а она не быть не можетъ; слѣдовательно чувство существуетъ всегда. Но чувства нѣтъ безъ души; слѣдовательно душа вѣчна. Она не въ состояніи чувствовать, если не будетъ жить. Итакъ душа живетъ вѣчно.

ГЛАВА IV.

Можетъ ли безсмертіе души быть выводимо изъ непрерывнаго существованія ложности или истины.

А. Жалкое доказательство! Вѣдь ты могъ бы вывести заключеніе, что и человѣкъ безсмертенъ, если бы я согласился съ тобою, что этотъ міръ никогда не можетъ быть безъ человѣка, а міръ этотъ продолжить свое существованіе навсегда. Р. Ты весьма осмотрителенъ. Однако заключеніе наше, что природа вещей не можетъ существовать безъ души, развѣ только въ природѣ вещей когда нибудь можетъ ложности не быть, имѣетъ свое значеніе. А. Это заключеніе я признаю правильнымъ. Но полагаю, что слѣдуетъ обстоятельнѣе осмотрѣть, достаточно ли твердо то, въ чемъ мы выше согласились. По моему мнѣнію, въ заключеніи о без-

смертии души мы сдѣлали большой шагъ. Р. Достаточно ли ты обдумывалъ, чтобы не сдѣлать легкомысленной уступки? А. Пожалуй, что и достаточно, и не нахожу, за что сталь бы я упрекать себя въ безразсудствѣ. Р. Слѣдовательно правильно заключеніе, что природа вещей не можетъ существовать безъ живой души? А. Правильно въ томъ смыслѣ, что однѣ души поочередно могутъ раждаться, другія умирать. Р. Но еслибы ложность была устранена изъ природы вещей; не случится ли такъ, что все будетъ истиннымъ? А. Полагаю, что это будетъ такъ. Р. Скажи, почему тебѣ кажется, что эта стѣна истинная стѣна? А. Потому что видѣя не обманываетъ меня. Р. Стало быть потому, что она такою есть, какою кажется? А. Да. Р. Слѣдовательно, если что нибудь потому ложно, что кажется иначе, чѣмъ оно есть и потому истинно, что такъ есть, какъ кажется: то какъ скоро нѣтъ того, кому оно кажется, не будетъ ни ложнаго, ни истиннаго. Но если ложности нѣтъ въ природѣ вещей, то все истинно. Казаться же что либо можетъ только душѣ живущей. И такъ душа продолжаетъ свое существованіе въ природѣ вещей, если ложность устранена быть не можетъ; продолжаетъ—если и можетъ. А. Хотя этотъ выводъ сдѣланъ, на мой взглядъ, тверже, однако это добавленіе не подвинуло насъ впередъ. Представившееся мнѣ очень серьезное возраженіе остается въ своей силѣ, т. е. что души раждаются и умираютъ, и если онѣ не перестаютъ существовать въ мірѣ, то это достигается не безсмертіемъ ихъ, а вступленіемъ одной на мѣсто другой.

Р. Кажется ли тебѣ, что тѣлесное, т. е. чувственное, можетъ быть постигаемо умомъ? А. Нѣтъ, не кажется. Р. Почему такъ? Не думаешь ли ты, что Богъ пользуется для познанія вещей чувствами? А. Я не осмѣлюсь сказать что либо утвердительною образомъ по этому предмету; но насколько позволительно предполагать, думаю, что Богъ от-

нюдь не пользуется чувствами. Р. Отсюда мы заключаемъ, что чувствовать можетъ только душа. А. Заключай, пожалуйста, насколько то допускаетъ вѣроятность. Р. Почему такъ? Согласенъ ли ты, что эта стѣна, если она не есть истинная стѣна, не есть стѣна? А. Согласенъ болѣе, чѣмъ съ чѣмъ либо другимъ. Р. И что то не есть тѣло, что не есть тѣло истинное? А. И съ этимъ также. Р. И такъ, если истинно только то, что такъ есть, какъ оно кажется; если все тѣлесное можетъ быть видимо только чувствами; если чувствовать можетъ только душа; если то не можетъ быть тѣломъ, что не есть истинное тѣло: то отсюда слѣдуетъ, что тѣла быть не можетъ, если не будетъ души. А. Твои доказательства чрезвычайно сильны, и не имѣю ничего, что могъ бы противопоставить имъ.

ГЛАВА V.

Что такое истинное.

Р. Вникни внимательнѣе въ слѣдующее. А. Готовъ. Р. Этотъ камень дѣйствительно существуетъ; и онъ камень истинный, если существуетъ не иначе, чѣмъ кажется; и онъ не камень, если не есть камень истинный; и видимъ онъ можетъ быть только чувствами. А. Точно такъ. Р. Слѣдовательно камней нѣтъ въ сокровеннѣйшемъ лонѣ земли, и вообще вездѣ, гдѣ нѣтъ тѣхъ, которые чувствовали бы. Да и этого самаго камня не было бы, если бы мы его не видѣли; и онъ перестанетъ быть камнемъ, когда мы уйдемъ и никто другой стоя здѣсь, не будетъ его видѣть. Если ты замкнешь шкафъ, то хоть и многое будетъ въ немъ заперто, не будетъ въ немъ ничего. И самое дерево внутри не есть дерево. Ибо все, что есть въ глубинѣ непрозрачнаго тѣла, ускользаетъ отъ всѣхъ чувствъ, и потому вполне сводится къ ничтожеству. Ибо если бы оно было, оно было бы

истинно; истинно же то, что существуетъ такъ, какъ кажется; но оно не кажется; слѣдовательно оно не есть истинное. Или ты можешь быть имѣешь что возразить противъ этого? А. Я вижу, что это вытекаетъ изъ того, съ чѣмъ я прежде согласился; но оно такъ несообразно, что я готовъ скорѣе отказаться отъ чего либо изъ прежняго, чѣмъ признать истиннымъ это. Р. Изволь. Въ такомъ случаѣ обрати вниманіе на то, что хотѣлъ ты сказать выраженіями: тѣлесное можетъ быть усматриваемо только чувствами, или что чувствовать можетъ только душа, или что камень и что другое существуетъ, но не есть истинное; или не слѣдуетъ ли иначе опредѣлить истинное. А. Разсмотримъ, пожалуйста, вотъ это послѣднее.

Р. Въ такомъ случаѣ опредѣли, что такое истинное. А. Истинное есть то, что существуетъ такъ, какъ кажется познающему, если онъ хочетъ и можетъ познавать. Р. Слѣдовательно то не будетъ истиннымъ, чего никто не можетъ познать? Затѣмъ, если ложное есть то, что кажется иначе, чѣмъ какъ оно есть: то что если этотъ камень одному кажется камнемъ, а другому кускомъ дерева? Не будетъ ли одна и таже вещь и ложною и истинною? А. Меня болѣе озадачиваетъ первое, именно: какимъ образомъ изъ того, что какой либо предметъ не можетъ быть познанъ, выходитъ, что онъ не есть истинный. О томъ же, что одна и таже вещь есть вмѣстѣ и истинная и ложная, я особенно не забочусь. Ибо я вижу, что одна и таже вещь, если сравнить ее съ разными другими, въ одно и тоже время бываетъ и большею и меньшею. Но изъ этого выходитъ лишь то, что само по себѣ ничто ни большее, ни меньшее. Потому что это названія, даваемые по сравненію. Р. Но когда говоришь, что ничто не истинно само по себѣ, ты не опасешься, что изъ этого будетъ слѣдовать, что ничто не существуетъ само по себѣ? Вѣдь какъ скоро это дерево существуетъ, оно

потому самому есть и дерево истинное. Да и быть не можетъ, чтобы, будучи деревомъ само по себѣ, т. е. безъ познающаго, оно не было деревомъ истиннымъ. А. Послѣ этого я выражусь и опредѣлю такъ (безъ опасенія упрека моему опредѣленію за его чрезмѣрную краткость): истинное, по моему мнѣнію, то, что существуетъ. Р. Въ такомъ случаѣ ничто не будетъ ложнымъ; потому что все, что ни есть, есть истинное. А. Ты поставилъ меня въ величайшее затрудненіе; я рѣшительно не нахожу, что отвѣчать тебѣ. Хотя я и желалъ бы, чтобы ты училъ меня подобными вопросами, но послѣ этого боюсь уже и вопросовъ.

ГЛАВА VI.

Откуда ложность и гдѣ она.

Р. Богъ, которому мы предали себя, безъ всякаго сомнѣнія подастъ намъ помощь и освободитъ отъ этого затрудненія, если только мы будемъ вѣровать въ Него и усерднѣйшимъ образомъ помолимся Ему. А. Дѣйствительно, въ данномъ случаѣ я ничего не сдѣлаю съ большею готовностію: потому что никогда еще не окружалъ меня такой мракъ.— Боже, Отецъ нашъ, который и увѣщаешь насъ молиться Тебѣ, и подаешь то, о чемъ Тебя просятъ; если только мы, когда Тебя просимъ, живемъ лучше и бываемъ лучше: услышь меня метающагося въ этомъ мракѣ и простри мнѣ десницу Твою. Покажи мнѣ свѣтъ твой, вызови меня изъ заблужденій: пусть подъ твоимъ руководствомъ возвращусь я къ себѣ и къ Тебѣ. Аминь. Р. Не отвлекайся же, насколько можешь, слушай самымъ внимательнымъ образомъ. А. Говори, пожалуйста, если тебѣ что либо представилось, чтобы намъ не изнывать. Р. Не отзлекайся. А. Вотъ я уже не занятъ ничѣмъ другимъ.

Р. Прежде всего потолкуемъ еще и еще о томъ, что такое ложное. А. Я удивился бы, если бы ложнымъ было

чтолибо другое, а не то, что существуетъ не такъ, какъ кажется. Р. Лучше слушай, и прежде всего спросимъ самыя чувства. Вѣдь то, что видятъ глаза, не называется ложнымъ, если не имѣеть какого либо сходства съ истиннымъ. Напримеръ, человѣкъ, котораго мы видимъ во снѣ, не есть человекъ истинный, а ложный потому самому, что имѣеть сходство съ истиннымъ. Ибо кто, увидѣвъ собаку, могъ бы по совѣсти сказать, что видѣлъ во снѣ человека? И собака эта ложная потому, что похожа на истинную. А. Это такъ. Р. Ну, а если бодрствуя кто нибудь, увидѣвъ коня, подумалъ бы, что видитъ человека? Не потому ли обманулся бы онъ, что ему представилось нѣчто похожее на человека? Ибо если бы ему представился только видъ лошади, онъ не могъ бы подумать, что видитъ человека. А. Согласенъ вполне. Р. Также точно мы называемъ ложнымъ то дерево, которое видимъ нарисованнымъ, ложнымъ то лицо, которое отражается въ зеркалѣ, ложнымъ движеніе зданій, кажущееся плавающимъ, и ложнымъ изломъ весла, не почему другому, какъ по сходству съ истиннымъ. А. Это такъ. Р. Также точно мы обманываемся и въ близнецахъ, и въ яйцахъ, и въ отдѣльныхъ печатяхъ, сдѣланныхъ однимъ и тѣмъ же кольцомъ, и въ остальныхъ предметахъ такого же рода. А. Раздѣляю это мнѣніе вполне и соглашаюсь съ нимъ. Р. Слѣдовательно сходство вещей, дѣйствующее на глаза, есть мать ложности. А. Не могу отрицать.

Р. Но вся эта масса сходствъ, если не ошибаюсь, можетъ быть раздѣлена на два рода. Ибо сходства бываютъ частію въ вещахъ равныхъ, частію въ вещахъ худшихъ. Равенство бываетъ тогда, когда мы говоримъ, что это также похоже на то, какъ и то на это, какъ напримеръ сказано нами о близнецахъ или отпечаткахъ кольца. Къ худшимъ же относятся тѣ случаи, когда мы худшее называемъ похожимъ на лучшее. Ибо кто,

посмотрѣвъ въ зеркало, скажетъ по совѣсти, что онъ похожъ на то изображеніе, а не оно на него? Этотъ послѣдній родъ проявляется частію въ состояніяхъ душевныхъ, частію же въ тѣхъ вещахъ, которыя представляются наблюденію. Но и то, что совершается въ душѣ, частію совершается въ чувствѣ, какъ движеніе зданій напр., котораго въ дѣйствительности нѣтъ, частію — въ ней самой въ силу того, что она получила отъ чувствъ, каковы образы въ сновидѣніяхъ, а можетъ быть и въ безуміи. Далѣе, сходства, которыя оказываются въ самыхъ вещахъ, видимыхъ нами, одни вылѣпливаются и отливаются самою природою, другія существами одушевленными. Природа производитъ худшія подобія путемъ рожденія или отраженія. Путемъ рожденія, когда дѣти рождаются похожими на родителей; путемъ отраженія, какъ въ зеркалахъ разнаго рода. Ибо хотя и люди дѣлаютъ множество зеркалъ, однако не сами они рисуютъ тѣ образы, какіе зеркалами отражаются. Произведеніе существъ одушевленныхъ мы имѣемъ въ живописныхъ картинахъ и въ другихъ таковаго же свойства изображеніяхъ; къ тому же роду могутъ быть отнесены и тѣ образы, которые бывають дѣломъ демоновъ, если только они бывають дѣйствительно. Тѣни же тѣлъ, какъ скоро онѣ не слишкомъ удаляются отъ самаго предмета, такъ что удерживають подобіе тѣлъ и называются какъ бы ложными тѣлами, давая глазамъ охватить себя, слѣдуетъ отнести къ тому роду, который производитъ природа чрезъ отраженіе. Ибо всякое тѣло, выставленное на свѣтъ, отражаетъ его и отбрасываетъ въ противоположную сторону тѣнь. Или ты находишь, быть можетъ, какое нибудь возраженіе противъ этого? А. Возраженія я не нахожу. Но съ нетерпѣніемъ ожидаю узнать, къ чему это клонится.

Р. Пужно ждать терпѣливо, пока и остальные чувства дадутъ намъ знать, что ложность гнѣздится въ подобіи истинному. Ибо и въ области слуха является столько же почти родовъ сходства: напримѣръ, когда слыша голосъ говоряща-

го, невидимаго для насъ, мы принимаемъ его за кого либо другаго, на котораго онъ похожъ голосомъ; образцемъ же сходства въ худшихъ вещахъ служить напримѣръ эхо, или звонъ въ самихъ же ушахъ, или нѣкоторое подражаніе дрозду или ворону въ часахъ, или въ томъ, что представляютъ себѣ, будто слышать, видящіе сны или помѣшанные. А такъ называемые у музыкантовъ фальшивые тоны до невѣроятной степени, какъ это окажется послѣ, служатъ подтвержденіемъ истинѣ; но для настоящаго случая довольно и того, что и сами они не далеко отъ сходства съ тѣми тонами, которые называются истинными. Соглашаешься съ этимъ? А. Даже весьма охотно. Потому что я нисколько не затрудняюсь въ пониманіи этого. Р. Въ такомъ случаѣ, — чтобы долго не останавливаться, — кажется ли тебѣ, что можно легко различить лилію отъ лиліи по запаху, или тминный медъ отъ тминнаго же меда изъ разныхъ ульевъ по вкусу, или пухъ лебяжій отъ пуха гусинаго по осязанію? А. Не кажется. Р. А если намъ приснится, что мы такого свойства предметы обоняемъ, или вкушаемъ, или осязаемъ? Не обманетъ ли насъ это подобіе образовъ тѣмъ худшее, чѣмъ болѣе оно пустое? А. Ты правду говоришь. Р. Итакъ очевидно, что мы обманываемся во всѣхъ чувствахъ, обольщаемые сходствомъ или между вещами равными, или худшими; или если не обманываемся, удерживаясь отъ довѣрія или замѣчая различіе, должны называть вещами ложными тѣ, которыя считаемъ за истинно-подобныя. А. Не могу въ этомъ сомнѣваться.

ГЛАВА VII.

Объ истинномъ и подобномъ. Почему сочиненіе названо Монологами.

Р. Теперь усиль свое вниманіе, такъ мы снова вернемся къ тому же предмету, чтобы сдѣлать болѣе очевиднымъ, что

стараясь показать. А. Слушаю, говори что тебѣ угодно. Я рѣшилъ для себя разъ навсегда терпѣливо относиться къ этому кругообращенію и не почувствую на этотъ разъ усталости, поддерживаемый надеждою достигнуть того, къ чему мы стремимся. Р. Хорошо дѣлаешь. Но внимни внимательнѣе, въ томъ случаѣ, когда мы видимъ похожія одно на другое яйца, можемъ ли мы какое либо изъ нихъ по справедливости назвать ложнымъ? А. Мнѣ кажется нѣтъ. Потому что если всё они яйца, то они яйца истинныя. Р. Ну, а если видимъ образъ, отраженный зеркаломъ? По какимъ признакамъ мы узнаемъ, что онъ ложный? А. А по тѣмъ, что его не поймашь, что онъ не отзывается, что самъ собою не движется, что не живетъ, и по другимъ безчисленнымъ, которые пересчитывать было бы долго. Р. Вижу, что тебѣ не хочется медлить, и готовъ подчиниться твоей торопливости. Итакъ,—чтобы не останавливаться снова на частностяхъ,—назовемъ ли мы ложными людьми тѣхъ, которыхъ видимъ во снѣ, если бы они могли жить, говорить, быть удерживаемы бодрствующими, и если бы не было никакого различія между ними и тѣми людьми, съ которыми мы разговариваемъ и которыхъ видимъ проснувшись и въ здоровомъ состояніи? А. На какомъ основаніи мы могли бы ихъ такъ назвать? Р. Слѣдовательно, если они были бы истинными потому, что оказывались бы весьма похожими на истинныхъ и что между ними и истинными не было бы рѣшительно никакого различія: то не слѣдуетъ ли признать, что сходство есть мать истины, а несходство мать ложности? А. Не имѣю что сказать противъ этого, и мнѣ стыдно за свое такъ необдуманно передъ этимъ данное согласіе.

Р. Смѣшно, если ты стыдишься; какъ будто не ради этого именно мы и выбрали такого рода бесѣды, которыя я хочу назвать и подписать Монологами, такъ какъ мы разговариваемъ одни сами съ собою; хоть названіе это ново и можетъ

быть грубо, но оно довольно пригодно для обозначенія сущности дѣла. Ибо истина лучше всего можетъ раскрываться чрезъ вопросы и отвѣты; а между тѣмъ едвали можно найти какого либо человѣка, которому не было бы стыдно остаться побѣжденнымъ въ спорѣ; и при этомъ почти всегда случается, что рѣчь, искусно введенную для разъясненія вопроса, заглушаетъ дикій крикъ упрямства, большею частію съ затаенною, а иногда и открытою злостію душевною. Поэтому я полагаю, что избралъ самый спокойный и самый удобный способъ искать, при помощи Божіей, истину, отвѣчая самъ себѣ же на свои вопросы. Поэтому тебѣ нечего опасаться брать назадъ свое мнѣніе и отказываться отъ него, если ты необдуманно что либо утверждалъ; ибо другаго выхода изъ этого быть не можетъ.

ГЛАВА VIII.

Откуда истинное или ложное.

А. Ты говоришь правду. Но я не вполне ясно вижу, съ чѣмъ я согласился неудачно. Развѣ не назвать ли дѣйствительно ложнымъ то, что имѣеть нѣкоторое сходство съ истиннымъ, такъ какъ я рѣшительно не нахожу ничего другаго, что соотвѣтствовало бы названію ложнаго; но и при этомъ снова вынужденъ признаться, что такъ называемое ложное называется ложнымъ потому, что разнится отъ истиннаго. Отсюда вытекаетъ заключеніе, что причиною ложности есть тоже самое несходство. Поэтому я не соберусь съ мыслями; такъ какъ мнѣ ничего не приходитъ на умъ, что могло бы вытекать изъ этихъ противорѣчащихъ положеній. Р. Скажи, развѣ извѣстный родъ есть единственный въ природѣ вещей, и онъ только такъ именно существуетъ? Развѣ ты не знаешь, что если окинешь взоромъ безчисленные роды животныхъ, то найдешь, что только крокодилъ при бѣдѣ дви-

жетъ верхнею частью; при томъ едва ли и вообще можно найти что либо до такой степени похожее на другой предметъ, чтобы между ними не было хоть въ чемъ либо разности. А. Вижу, что это такъ; но когда обращаю вниманіе на то, что называемое нами ложнымъ имѣетъ нѣчто исходное съ истиннымъ и несходное, то я нахожу себя не въ состояніи разобрать, въ силу чего изъ двухъ по преимуществу оно заслуживало бы названіе ложнаго. Вѣдь если я скажу, что въ силу того, что оно не сходно; тогда не будетъ ничего, чего нельзя было бы назвать ложнымъ: потому что нѣтъ ничего, что не отличалось бы отъ какой либо вещи, которую мы признали бы за истинную. Съ другой стороны, если скажу, что оно должно быть названо ложнымъ въ силу того, что оно сходно; то не только возраженіемъ противъ этого будутъ тѣ яйца, которыя по тому самому яйца истинныя, что весьма схожи, но и не въ состояніи буду сопротивляться тому, кто станетъ принуждать меня признать, что ложно все: потому что мнѣ нельзя будетъ отрицать, что все въ какомъ либо отношеніи имѣетъ сходство между собою. Представь затѣмъ, что я рѣшился бы отвѣчать, что сходство и несходство вмѣстѣ даютъ дѣйствительное основаніе назвать что либо ложнымъ; какой бы ты тогда указалъ мнѣ выходъ? Вѣдь все таки возраженіе, что я все считаю ложнымъ, останется въ своей силѣ; потому что все, какъ сказано выше, въ извѣстномъ отношеніи оказывается сходнымъ между собою, а въ иномъ—различнымъ. Оставалось бы сказать, что ложное есть не иное что, какъ то, что иначе существуетъ, чѣмъ кажется, если бы я не опасался всѣхъ тѣхъ чудовищныхъ выводовъ, которыхъ считалъ себя недавно избѣгшимъ. Ибо я снова буду опровергнуть неожиданнымъ оборотомъ, что долженъ буду въ такомъ случаѣ называть истиннымъ то, что существуетъ именно такъ, какъ кажется. А изъ этого будетъ слѣдовать, что ничто не мо-

жетъ быть истиннымъ безъ познающаго. А тамъ-то я и боюсь потерпѣть крушеніе на таинственнѣйшихъ скалахъ, которыя истинны, хотя и невѣдомы. Или, если я скажу, что истинно то, что существуетъ, будетъ слѣдовать, что ложнаго нѣтъ нигдѣ, — слѣдствіе, которое опровергнетъ всякій, кто угодно. И вотъ томленія мои возвращаются снова, и я вижу, что со всѣмъ терпѣніемъ своимъ, съ какимъ относился я къ твоей медлительности, я нисколько впередъ не подвинулся.

ГЛАВА ІХ.

Что такое ложное, что лживое и что неправдивое.

Р. Лучше внимательнѣе вникай; потому что я никоимъ образомъ не могу примириться съ мыслию, чтобы мы напрасно молили о божественной помощи. Перепробовавъ по возможности все, я нахожу, что ложнымъ можно по справедливости назвать лишь то, что или выставляетъ себя тѣмъ, чѣмъ оно не есть, или всѣми силами стремится быть, но не есть. Но первый родъ ложнаго есть или лживый (*fallax*) или неправдивый (*mendax*). Ибо лживымъ правильно называется тотъ, кто имѣетъ желаніе обмануть кого либо, — котораго нельзя представлять безъ души, но который дѣлаетъ это отчасти пользуясь разумомъ, отчасти по природѣ; съ участіемъ разума это бываетъ въ животныхъ разумныхъ, напримѣръ въ человѣкѣ; по природѣ — въ животныхъ неразумныхъ, какъ въ лисицѣ. Неправдивымъ же я называю то, что высказывается говорящими неправду. Они тѣмъ отличаются отъ лжецовъ, что лжець желаетъ обмануть всякій; а говорящій неправду не всякій имѣетъ намѣреніе обманывать: потому что и мимы, и комедіи, и множество поэмъ переполнены неправдивымъ болѣе съ цѣлію доставить удовольствіе, чѣмъ обмануть; да и всѣ почти, кто шутить, го-

ворять неправду. Но лжецомъ или лгущимъ называется правильно тотъ, кто ставитъ для себя задачею кого либо обмануть. Тѣхъ же, которые не имѣютъ въ виду ввести кого либо въ заблужденіе, а только что либо выдумываютъ, называютъ право выдумщиками, или, если этого нѣтъ, то просто говорящими неправду. Но ты, можетъ быть, имѣешь что возразить противъ этого?

А. Продолжай, пожалуйста; можетъ быть теперь-то именно ты и началъ о ложномъ говорить неложное. Впрочемъ жду, что такое будетъ тотъ родъ, о которомъ ты сказалъ, что онъ стремится быть, но не есть. Р. Отъ чего бы и не подождать? Это все то, о чемъ мы много говорили выше. Не кажется ли тебѣ, что твое изображеніе въ зеркалѣ какъ бы желаетъ быть тобою самимъ, но остается ложнымъ потому, что не становится такимъ? А. Конечно, это кажется. Р. А всякое живописное изображеніе, или какая либо статуя, и весь этотъ родъ художественныхъ произведеній? Развѣ не стремятся они быть тѣмъ, по подобію чего каждое изъ нихъ сдѣлано? А. Соглашаюсь вполне. Р. Затѣмъ, полагаю, ты согласишься, что къ тому же роду относится все, чѣмъ обманываются спящіе или сумасшедшіе? А. Даже болѣе, чѣмъ съ чѣмънибудь: потому что ничто болѣе не стремится быть похожимъ на то, что видятъ бодрствующіе или здоровые; а вмѣстѣ съ тѣмъ оно и ложно, такъ какъ не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ быть стремится. Р. Къ чему бы, далѣе, я сталъ распространяться о движеніи высшихъ зданій, о погруженномъ въ воду веслѣ, или о тѣняхъ тѣлѣ? Думаю, что вполне ясно, что они должны быть подводимы подъ ту же мѣрку. А. Какъ нельзя яснѣе. Р. О другихъ чувствахъ умалчиваю; ибо всякій зрѣло обсуждающій найдетъ, что въ вещахъ, нами чувствуемыхъ, ложнымъ называется то, что стремится быть чѣмънибудь, но не есть.

ГЛАВА X.

Нѣкоторыя вещи потому истинны, что ложны.

А. Ты правду говоришь. Но удивляюсь, почему тебѣ показалось нужнымъ выдѣлить изъ этого рода поэмы, шутки и прочую ложь. Р. А потому, что иное дѣло желать быть ложнымъ, и иное не мочь быть истиннымъ. Поэтому такія произведенія человѣческаго, какъ комедіи, трагедіи, мимы и другія того же рода, мы можемъ приурочить къ произведеніямъ живописцевъ и ваятелей. Ибо нарисованный человѣкъ также точно не можетъ быть истиннымъ, хотя и достигаетъ вида человѣческаго, какъ и то, что содержится въ книгахъ комиковъ. И все это не желаетъ быть ложнымъ, или бываетъ ложнымъ не по какому либо собственному желанію, а по нѣкоторой необходимости, насколько можетъ подчиняться произволу измышляющаго. Но Росцій, по природѣ истинный человѣкъ, по волѣ своей былъ на сценѣ ложною Гегубою. Но по той же самой волѣ онъ былъ и истиннымъ трагикомъ, насколько т. е. выполнялъ свою роль, и ложнымъ Пріамомъ, потому что Пріаму подражалъ, но самимъ Пріамомъ не былъ. Отсюда выходитъ нѣчто своеобразное: но что оно такъ есть, въ томъ никто не сомнѣвается. А. Что же это такое? Р. А разумѣется то, что все это отъ того въ извѣстномъ отношеніи истинно, отъ чего въ другомъ отношеніи ложно, и къ истинности его въ данномъ отношеніи служить единственно то, что въ другомъ отношеніи оно ложно. Отъ чего оно никоимъ образомъ не достигнетъ того, чѣмъ хочетъ или должно быть; если избѣгаетъ быть ложнымъ. Какимъ бы образомъ этотъ Росцій, о которомъ мы упоминали, былъ истиннымъ трагикомъ, если бы не пожелалъ быть ложнымъ Гекторомъ, ложною Андромахою, ложнымъ Геркулесомъ, и проч., проч.? Или какимъ образомъ

было бы истиннымъ живописное изображеніе, если бы конь не былъ ложнымъ; или въ зеркалѣ истинное отображеніе человѣка, если бы оно не было человѣкомъ ложнымъ? Послѣ этого, если въ извѣстныхъ отношеніяхъ для того, чтобы нѣчто было истиннымъ, полезно, чтобы нѣчто было ложнымъ; то почему мы столько страшимся ложности, и стремимся къ истинѣ, считая ее за великое благо? А. Не знаю, и очень удивляюсь; развѣ только потому, что въ приведенныхъ примѣрахъ не вижу ничего достойнаго подражанія. Вѣдь не должны же и мы, подобно актерамъ, или какимъ либо отраженіямъ отъ зеркалъ, или какъ мѣдныя телицы Мирона, будучи въ извѣстномъ видѣ своемъ истинными, подкрашиваться и поддѣлываться подъ чужой видъ, и для этого становиться ложными; но должны искать такого истиннаго, которое не было бы, подобно двулицому образу, смотрящему въ противоположныя стороны, въ извѣстной части истиннымъ, а въ извѣстной ложнымъ. Р. Ты ищешь великаго и божественнаго. Но если бы мы его нашли, не сознались ли бы мы, что этимъ мы какъ бы изготовили и отлили самую истину, отъ которой получаетъ свое названіе все, что какимъ бы то ни было образомъ истинно? А. Соглашаюсь съ этимъ охотно.

ГЛАВА XI.

Истина наукъ. Что такое басня. Что такое грамматика.

Р. Какъ на твой взглядъ? Наука разсуждать истинная ли наука или ложная? А. Несомнѣнно истинная. Но истинна также и грамматика. Р. Также какъ и діалектика? А. Я не знаю, есть ли что истиннѣе истиннаго. Р. А то, конечно, что не имѣетъ ничего ложнаго. Незадолго же передъ этимъ ты встрѣчался съ такими вещами, которыя, какимъ-то об-

разомъ, не могли бы быть истинными, еслибы не были ложны. Развѣ неизвѣстно тебѣ, что къ грамматикѣ относится все это баснословное и открыто ложное? А. Это-то я знаю; но думаю, что не грамматика сочиняетъ это ложное, а она уясняетъ только свойство его,—а именно, что басня есть ложь, сочиненная для пользы и удовольствія. Сама же по себѣ грамматика есть блюстительница членораздѣльной рѣчи и наукоуководительница: она даетъ правила, по которымъ должна сочиняться всякая человѣческая рѣчь (не исключая и вымысловъ), предаваемая памяти и письму, не обращая это въ ложное, но преподавая и сообщая относительно этого нѣкоторые истинные приемы. Р. Прекрасно. О томъ, правильно ли ты опредѣлилъ и различилъ это, я пока не буду говорить; но остановлю вниманіе твое на томъ, сама ли грамматика доказываетъ, что все это тагъ, или наука сужденія? А. Я не отказываюсь силу и искусство дѣлать опредѣленія, которыя въ данномъ случаѣ я рѣшился выдѣлнить, приписать искусству разсужденія.

Р. Ну, а самая грамматика? Если она истинна, то не потому ли истинна, что она наука? Ибо наука получила названіе отъ наученія; а никто не можетъ сказать, что онъ не знаетъ того, чему научился и что помнить; и никто не знаетъ ложнаго. Слѣдовательно всякая наука есть наука истинная. А. Хоть я и не вижу, какая въ этомъ умозаключеніи допущена неправильность; однако я опасаясь, чтобы въ силу его не показались кому нибудь истинными и тѣ басни: потому что мы и ихъ изучаемъ и помнимъ. Р. Неужели учитель нашъ не хотѣлъ, чтобы мы вѣрили тому, и знали то, чему онъ училъ? А. Напротивъ, онъ сильно настаивалъ, чтобы мы знали. Р. Но настаивалъ ли онъ когда нибудь, чтобы мы вѣрили, что Дедалъ леталъ? А. На этомъ, дѣйствительно, не настаивалъ никогда; но говорилъ открыто, что если басни не выучимъ, то едва ли будемъ знать что-

нибудь. Р. Ты стало быть не считаешь истиннымъ того, что это басня и что такъ разславленъ Дедалъ? А. Нѣтъ, я признаю это за истинное. Р. Слѣдовательно ты не отрицаешь, что изучалъ истинное, когда изучалъ это. Ибо, если бы то, что Дедалъ леталъ, было истинно, а дѣти между тѣмъ принимали бы это и передавали за выдуманную басню: то они усвоили бы себѣ ложное потому самому, что то, что передавалось, было истиннымъ. Отсюда-то и является то своеобразное, о которомъ мы говорили выше, а именно, что басня о летаніи Дедала не была бы истинною баснею, если бы не было ложнымъ, что Дедалъ леталъ. А. Пусть это такъ; но я желалъ бы знать, что мы приобретаемъ изъ этого? Р. А то, что умозаключеніе наше, что наука не можетъ быть истинною, если не учить истинному, не есть умозаключеніе ложное. А. А это какое имѣетъ отношеніе къ дѣлу? Р. Я хочу, чтобы ты сказалъ мнѣ, почему грамматика есть наука: ибо она потолику истинна, поколику есть наука. А. Не знаю, что тебѣ сказать. Р. Не кажется ли тебѣ, что если бы въ ней не было ничего опредѣленнаго, ничего распредѣленнаго и раздѣленнаго на роды и части, то она никоимъ образомъ не могла бы быть наукою? А. Теперь я понимаю, что ты хочешь сказать; я не признаю никакого научнаго свойства за тою наукою, которая,—когда излагалось бы то и другое, когда всему отводилось бы свое мѣсто безъ смѣшенія частей, не опускалось бы ничего къ ней относящагося, не вводилось бы ничего чуждаго,—не нуждалась бы въ опредѣленіяхъ, раздѣленіяхъ, умозаключеніяхъ,—во всемъ томъ именно, почему называется наукою. Р. Стало быть и во всемъ томъ, почему называется наукою истинною. А. Слѣдуетъ логически.

Р. Теперь скажи, какая наука излагаетъ способъ опредѣленій, раздѣленій и развитія частей? А. Выше сказано уже, что это дается правилами разсужденія. Р. И такъ грам-

матика, какъ наука, и какъ наука истинная, обязана своимъ происхожденіемъ той же самой наукѣ, которую ты выше защитилъ отъ упрека въ ложности. Тоже заключеніе я могу вывести относительно не одной грамматики, но и всѣхъ вообще наукъ. Ты сказалъ, и сказалъ вѣрно, что нѣтъ науки, которая не получила бы свойства науки въ силу опредѣленія и логическаго расположенія. Но если науки по тому самому истинны, что онѣ науки, то кто станетъ отрицать, что та наука, чрезъ которую всѣ другія дѣлаются истинными науками, есть сама истина? А. Готовъ былъ бы согласиться съ этимъ; но меня останавливаетъ то, что мы и способъ разсужденія относимъ къ тѣмъ же наукамъ. Я скорѣе думаю, что истина есть то, что самый способъ этотъ дѣлаетъ истиннымъ. Р. Прекрасно и осмотрительно во всѣхъ отношеніяхъ; но полагаю, ты не отрицаешь, что она потолку истинна, поколику наука? А. Напротивъ, это-то меня и останавливаетъ. Потому что я вывелъ и обратное заключеніе: такъ какъ она наука, то поэтому же и истинна. Р. Почему такъ? Развѣ ты думаешь, что она могла бы быть наукою, если бы въ ней не было все опредѣлено и логически расположено? А. Болѣе я не имѣю ничего сказать. Р. Но если обязанность эта лежитъ на ней же, то она есть наука истинная благодаря себѣ же самой. Да и покажется ли кому нибудь странностію, если эта наука, дѣлающая истинными всѣ, сама чрезъ себя и сама въ себѣ будетъ истинною истиною? А. Теперь ничто не мѣшаетъ мнѣ прямо принять это мнѣніе.

ГЛАВА XII.

Два образа существованія одного въ другомъ.

Р. Въ такомъ случаѣ выслушай внимательно то немногое, что остается. А. Говори, если имѣешь что

сказать; пусть только оно будетъ таково, чтобы я его понималъ и охотно съ нимъ соглашался. Р. Говорятъ, какъ намъ не безъизвѣстно, что одно существуетъ въ другомъ двоякимъ образомъ. Во первыхъ, одно такъ существуетъ въ другомъ, что можетъ быть и отдѣлено отъ него и находится въ другомъ мѣстѣ, какъ существуетъ это бревно въ этомъ мѣстѣ, какъ находится солнце въ восточной сторонѣ неба; но во вторыхъ существуетъ что либо въ субъектѣ и такъ, что не можетъ быть отдѣлено отъ него, какъ форма и наружный видъ въ этомъ бревнѣ, какъ свѣтъ въ солнцѣ, какъ тепло въ огнѣ, какъ наука въ душѣ, и другое подобное тому. Или тебѣ кажется это иначе? А. Все это слишкомъ не ново для насъ и усвоено и изучено самымъ старательнымъ образомъ съ первыхъ дней юности; поэтому, будучи на этотъ счетъ спрошенъ, я могу согласиться съ этимъ безъ всякаго разсужденія. Р. Вотъ какъ? Такъ не согласишься ли, что и то, что есть въ субъектѣ неотдѣлимаго, не можетъ продолжать своего существованія, если самъ субъектъ перестанетъ существовать? А. И это я считаю неизбѣжнымъ. Ибо всякій, внимательно разсматривающій вещи, понимаетъ, что пока субъектъ продолжаетъ свое существованіе, то, что есть въ субъектѣ, можетъ прекращать свое существованіе. Такъ, на примѣръ, цвѣтъ этого тѣла можетъ по причинѣ болѣзни или возраста измѣниться, хотя самое тѣло еще не уничтожится. Хотя это примѣняется не ко всему одинаково, а лишь къ тому, что входитъ въ существованіе субъектовъ не для того, чтобы давать бытіе самимъ субъектамъ. На примѣръ, стѣна обращена въ этотъ цвѣтъ, который мы видимъ, не для того, чтобы она была этою стѣною; потому что если бы она по какому либо случаю почернѣла, или побѣлѣла, или приняла другой какой либо цвѣтъ, она тѣмъ не менѣе осталась бы и называлась бы стѣною. Но если бы огонь потерялъ тепло, онъ не былъ

бы и огнемъ; и свѣтъ мы можемъ называть свѣтомъ, если онъ будетъ бѣлъ.

ГЛАВА XIII.

Выводится заключеніе о безсмертіи души.

Но то, о чемъ ты спросилъ, развѣ можетъ быть кѣмъ либо допущено, или показаться кому либо возможнымъ, т. е. чтобы то, что существуетъ въ субъектѣ, продолжало свое существованіе по уничтоженіи самаго субъекта? Ибо неестественно и въ высшей степени несообразно съ истиною, чтобы то, чего не было бы, если бы не было въ субъектѣ, могло быть и послѣ того, когда не будетъ самаго субъекта. Р. Слѣдовательно то, чего мы искали, найдено. А. Что ты рассказываешь? Р. То, что слышишь. А. Неужели теперь ясно видно, что душа безсмертна? Р. Если то, съ чѣмъ ты согласился, истинно,—то какъ нельзя яснѣе; развѣ только скажешь, что душа, хотя бы и умерла, останется душою. А. Этого-то я никогда не скажу; но скажу, что отъ того самаго, что она умретъ, станется, что она душою не будетъ. И меня не отвлекаетъ отъ этой мысли то, что сказано великими философами, именно: что та вещь, которая, явившись куда бы то ни было, даетъ жизнь, смерти въ себя принять не можетъ. Ибо и свѣтъ, куда бы онъ ни проникъ, то мѣсто освѣщаетъ, и въ силу упомянутой противоположности, не можетъ принять въ себя мрака; однако гаснетъ, и когда свѣтъ погаснетъ, мѣсто то потемняется. Такимъ образомъ то, что сопротивлялось мраку и никоимъ образомъ не принимало въ себя мрака, также точно дало мраку мѣсто своимъ исчезновеніемъ, какъ могло бы дать удаленіемъ. Итакъ я опасаясь, чтобы также не прилучалось тѣлу, какъ мракъ мѣсту, порою чрезъ удаленіе души, какъ свѣта, порою чрезъ угасаніе ея тамъ же. Такъ какъ отъ смерти тѣлесной вооб-

ще безопасности уже нѣтъ, то желателенъ по крайней мѣрѣ такой родъ смерти, въ которомъ душа уходила бы изъ тѣла неповрежденною и переходила въ мѣсто (если только есть какое либо такое мѣсто), гдѣ она не могла бы угаснуть. А если это невозможно; если душа, какъ свѣтъ, зажигается въ самомъ тѣлѣ и не можетъ нигдѣ болѣе продолжать своего существованія, и смерть вообще есть нѣкоторое угасаніе души или жизни въ тѣлѣ: то слѣдуетъ, насколько то возможно человѣку, избирать какой нибудь такой родъ жизни, что то самое, что живется, жилось съ безмятежностію и спокойствіемъ; хотя я и не знаю, какимъ образомъ это можетъ быть, если душа умираетъ. О какъ блаженны тѣ, кто сами собою или при помощи другихъ пришли къ убѣжденію, что смерти не слѣдуетъ бояться, хотя бы душа и уничтожалась! А меня несчастнаго еще не могли убѣдить въ этомъ никакіе доводы, никакія книги.

Р. Не вздыхай, душа человѣческая безсмертна. А Чѣмъ ты это докажешь? Р. Тѣмъ, съ чѣмъ ты съ большою, какъ я думаю, осторожностію согласился передъ этимъ. А. Хотя я и помню, что ничего не отвѣчалъ на твои вопросы, не обсудивъ внимательно; однако представь, пожалуйста, самую сущность всего, чтобы видѣть, до чего мы дошли такими околичностями, и не спрашивай меня болѣе. Ибо если повторишь коротко то, съ чѣмъ я согласился, то на что могутъ понадобиться отъ меня отвѣты вновь? Развѣ на то, чтобы безцѣльно отсрочить радость для меня, если намъ удалось достигнуть чего либо хорошаго? Р. Сдѣлаю, какъ тебѣ желательно; но слушай внимательно. А. Говори же, я слушаю; за чѣмъ томишь? Р. Если все, что существуетъ въ субъектѣ продолжаетъ всегда свое существованіе, то необходимо будетъ продолжать свое существованіе и самый субъектъ. Но всякая наука существуетъ въ субъектѣ, въ душѣ. Слѣдовательно, если наука всегда продолжаетъ свое существова-

ніе, необходимо, чтобы всегда продолжала свое существованіе и душа. Но наука есть истина, а истина, какъ убѣдилъ разумъ въ началѣ этой книги, пребываетъ всегда. Слѣдовательно душа пребываетъ всегда, и не называется умершею душою. Поэтому безсмертіе души будетъ отрицать безъ явной нелѣпости только тотъ, кто докажетъ, что какая либо изъ вышеприведенныхъ уступокъ сдѣлана неправильно.

ГЛАВА XIV.

Разбирается предшествоующій силлогизмъ.

А. Я готовъ былъ бы уже предаться радости, если бы меня не удерживали нѣсколько двѣ вещи. Во первыхъ, меня смущаетъ, что мы употребили такой обходъ, держась не вѣсть какой цѣпи умозаключеній, между тѣмъ какъ все, о чемъ шла рѣчь, могло быть доказано такъ коротко, какъ оно доказано теперь. Меня тревожитъ, что рѣчь обходила вопросъ такъ долго какъ бы для того, чтобы завлечь въ засаду. За тѣмъ, я не вижу, какимъ образомъ въ душѣ всегда существуетъ наука, особенно наука сужденія, когда ее немногіе знаютъ, а кто и узнаетъ, тотъ столько времени съ дѣтства бываетъ не наученъ ей. Ибо мы не можемъ сказать ни того, чтобы души неученыхъ не были душами, ни того, чтобы въ душѣ существовала наука, которой они не знаютъ. Такъ какъ это былобы большою нелѣпостію, то остается заключить, что или истина не всегда существуетъ въ душѣ, или упомянутая наука не есть истина.

Р. Изъ этого ты видишь, что наше изслѣдованіе не напрасно нуждалось въ столькихъ околичностяхъ. Ибо мы доискивались, что такое истина, и все же я не вижу, чтобы въ этомъ своего рода лѣсу вещей, перебродивъ по всѣмъ почти тропинкамъ, мы и теперь могли напасть на ея слѣды. Но что станемъ дѣлать? Не бросить ли начатое и не подо-

ждать ли, не попадется ли что либо подъ руки изъ чужихъ книгъ, что удовлетворить этому вопросу? Ибо и до нашего времени, я думаю, написано много такихъ книгъ, которыхъ мы не читали; и въ настоящее время, когда мы можемъ полагать, что ничто отъ насъ не укрывается, намъ извѣстно что объ этомъ предметѣ писано и въ стихахъ и прозою; и притомъ писано такими мужами, и произведенія которыхъ отъ насъ укрыться не могутъ, и природныя дарованія которыхъ мы знаемъ такими, что можемъ надѣяться вполне найти въ ихъ сочиненіяхъ то, чего желаемъ,—особенно когда здѣсь же передъ нашими глазами находится тотъ, чье краснорѣчіе мы стали было оплакивать какъ умершее, но нашли ожившимъ въ совершеннѣйшемъ видѣ ¹⁾). Онъ ли, учившій въ своихъ сочиненіяхъ образу жизни, допустить насъ не знать природы жизни? А. Этого я не думаю, и надѣюсь отъ него многого, но скорблю объ одномъ, что мы не имѣемъ возможности, соотвѣтственно своему желанію, раскрыть передъ нимъ своего рвенія какъ къ нему, такъ и къ истинѣ. Онъ дѣйствительно сжалился бы надъ нашею жаждою, и гораздо скорѣе, чѣмъ теперь, подѣлился бы своимъ богатствомъ. Спокойный тѣмъ, что самъ вполне уже убѣдился въ безсмертіи души, онъ быть можетъ и не знаетъ, что есть люди, которые достаточно сознали тяжкое состояніе этого невѣденія, и которымъ отказать въ просимой помощи было бы крайне жестоко. А тотъ другой, хотя и знаетъ по дружбѣ наше сильное желаніе, но находится отъ насъ такъ далеко, а мы при томъ такъ теперь устроились на жительство, что едва ли есть возможность посылать къ нему и письма ²⁾).

¹⁾ Разумѣется, очевидно, св. Амвросій Медиоланскій. См. *Испов.* кн. VI. гл. 2 и 11.

²⁾ Вѣроятно, разумѣется Зиновій, о неожиданномъ отъѣздѣ котораго упоминается въ гл. 7. кн. I, *О порядкѣ*.

Я думаю, что пользуясь досугомъ по ту сторону Альпъ, онъ уже окончилъ стихи, обаяніемъ которыхъ изгналъ страхъ смерти и уничтожилъ оцѣпенѣніе и холодъ душевный, ожестѣвшіе подъ застарѣлымъ льдомъ. Но пока дѣло находится въ такомъ положеніи, которое не зависитъ отъ нашей власти, не позорно ли намъ терять напрасно свой досугъ и свою душу, лишенную свободы дѣйствія, оставлять въ зависимости отъ сомнительнаго третейскаго приговора?

ГЛАВА XV.

Природа истиннаго и ложнаго.

Къ чему же послужило намъ, что мы молились и молился Богу, чтобы Онъ указалъ намъ путь,—намъ, которые ищемъ не богатства, не удовольствій тѣлесныхъ, не блеска и почестей народныхъ, а свою душу и Его же самого? Ужъ не оставляетъ ли Онъ насъ, или не долженъ ли быть оставленъ нами? Р. Нѣтъ. Ему въ высшей степени не свойственно оставлять тѣхъ, кто стремится къ подобнымъ вещамъ; поэтому и мы должны быть далеки отъ мысли бросать такого вождя. Почему повторимъ, если угодно, то, изъ чего мы вывели извѣстные два положенія, что истина пребываетъ всегда, и что основныя начала разсужденія суть истина. Ты сказалъ вѣдь, что отъ шаткости этихъ положеній зависитъ то, что сущность всего добытаго нами не убѣждаетъ насъ. Или быть можетъ разсмотримъ лучше то, какимъ образомъ возможна наука въ душѣ необразованной, которую мы не можемъ однакоже не называть душою? По видимому ты въ этомъ нашель побужденіе снова подвергнуть сомнѣнію то, съ чѣмъ прежде согласился. А. Нѣтъ, разсмотримъ сперва первое, а за тѣмъ обсудимъ и послѣднее. Послѣ этого, думаю, не останется ничего спорнаго. Р. Пусть будетъ такъ, но сосредоточь все свое вниманіе и осмотри-

тельность. Вѣдь я знаю, что дѣлается съ тобою, когда ты слушаешь: устремивъ все свое вниманіе на выводъ и ожидая, что вотъ—вотъ онъ получится, ты не довольно тщательно обсуждаешь тѣ вопросы, съ которыми соглашаешься. А. Ты пожалуй говоришь правду; но я постараюсь, насколько могу, освободиться отъ этой слабости; только начинай уже спрашивать, чтобы намъ не медлить напрасно.

Р. Свое заключеніе, что истина не можетъ погибнуть, мы вывели, сколько помню, изъ того, что если бы погибли не только весь міръ, но и сама истина, то и тогда было бы истинно, что погибли міръ и истина. Но истиннымъ ничто не можетъ быть безъ истины. Слѣдовательно истина никоимъ образомъ не погибнетъ. А. Это я признаю справедливымъ, и очень удивился бы, если бы оно было ложно. Р. Въ такомъ случаѣ перейдемъ къ другому. А. Позволь, пожалуйста, мнѣ нѣсколько подумать, чтобы я послѣ, къ стыду своему, снова не возвращался къ этому. Р. А что? Развѣ не будетъ истиннымъ, что истина погибла? Если это не будетъ истиннымъ, то истина не погибнетъ. А если будетъ истиннымъ, то отсюда послѣ уничтоженія истины будетъ это истиннымъ, если истины уже нѣтъ никакой? А. Я обдумалъ и обесудилъ уже все; переходи къ другому. Постараемся непременно, насколько можемъ, сдѣлать такъ, чтобы это прочитали мужи ученые и благоразумные и исправили нашу неосмотрительность, если она есть: потому что я съ своей стороны не считаю возможнымъ ни теперь, ни когда бы то ни было найти какое либо возраженіе противъ этого.

Р. Называется ли что либо истинною кромѣ того, въ силу чего является истиннымъ то, что истинно? А. Нѣтъ. Р. Справедливо ли называется истиннымъ только то, что не есть ложно? А. Сомнѣваться въ этомъ было бы безуміемъ. Р. Не есть ли ложное то, что поддѣлано подъ видъ чего либо, и однакоже не есть то, на что является похожимъ?

А. Дѣйствительно, я не знаю ничего другого такого, что хотя́бы всего назва́лъ бы ложнымъ. Но обыкновенно ложнымъ называется и такое, что весьма далеко от сходства съ истиннымъ. Р. Кто это отрицаетъ? Но все же оно представляет собою хоть не большое подражаніе истинному. А. Какимъ образомъ? Вѣдь, когда разсказывается, что Медея летала на крылатыхъ змѣяхъ, разсказъ этотъ не представляет собою подражанія истинному; потому что то, что не существуетъ, не можетъ быть и предметомъ подражанія для чего либо, что также не существуетъ. Р. Ты правильно говоришь; но забываешь, что то, что не существуетъ вовсе, не можетъ быть названо и ложнымъ. Вѣдь если оно ложное, то оно существуетъ; а если оно не существуетъ, то оно не есть и ложное. А. Неужели этотъ невозобразимо—чудовищный разсказъ о Медѣ мы не назовемъ ложнымъ? Р. Не назовемъ; вѣдь еслибы онъ былъ ложнымъ, развѣ онъ былъ бы чудовищнымъ? А. Выходитъ что-то странное; неужели, когда мы скажутъ:

Змѣй огромныхъ крылатыхъ заряженныхъ въ ярмо ¹⁾).

я не назову это ложнымъ? Р. Назовешь конечно: потому что здѣсь есть нѣчто, что можешь назвать ложнымъ. А. Скажи, что такое? Р. Разумѣется та мысль, которая высказывается самымъ стихомъ. А. Но какое же въ ней заключается подражаніе истинному? Р. Она высказывается такъ, какъ бы Медея въ самомъ дѣлѣ это дѣлала. Ложная мысль подражаетъ истиннымъ мыслямъ самымъ выраженіемъ своимъ. Будучи невѣроятною, она тѣмъ только подражаетъ истиннымъ мыслямъ, что такъ высказывается, и есть только ложная, но не лживая. А если бы она рассчитывала на вѣру, она подражала бы несомнѣнно истинному. А. Теперь я понимаю, что

¹⁾ Стихъ, приводимый Цицерономъ, de Invent. I. 19.

есть большое различіе между тѣмъ, что мы говоримъ, и тѣми предметами, о которыхъ что либо говоримъ, и соглашаюсь уже съ тобою: потому что меня останавливало только это одно, именно, что то, что мы называемъ ложнымъ, мы только тогда правильно называемъ ложнымъ, когда оно представляетъ собою нѣкоторое подражаніе истинѣ. Дѣйствительно, кто не подвергся бы заслуженному осмѣянію, если бы сказалъ, что камень есть ложное серебро? Однако если бы кто сказалъ, что камень есть серебро, мы сказали бы, что онъ говоритъ ложное, т. е. высказываетъ ложную мысль. Но олово или свинецъ мы, по моему мнѣнію, не безъ смысла называемъ ложнымъ серебромъ, потому что въ вещахъ есть какъ бы нѣкоторое подражаніе; и мысль наша поэтому не есть ложная мысль, а ложно то, о чемъ она высказывается.

ГЛАВА XVI.

Можетъ ли лучшее называться именами худшаго.

Р. Понимаешь хорошо. Но обрати вниманіе на то, могли ли бы мы съ такою же умѣстностію назвать и серебро ложнымъ свинцомъ? А. Мнѣ кажется, нѣтъ. Р. Почему это? А. Не знаю; знаю только одно, что я назвалъ бы его такъ рѣшительно противъ своей воли. Р. А не потому ли, что серебро лучше, и что назвать его такъ было бы какъ бы въ поношеніе ему; между тѣмъ какъ для олова было бы какъ бы своего рода честью, если бы оно называлось ложнымъ серебромъ? А. Ты вполне выяснилъ, чего я желалъ. И поэтому—то, полагаю, законы считаютъ безчестными и не имѣющими права завѣщанія тѣхъ, которые являются публично въ женской одеждѣ, которыхъ я не знаю какъ лучше назвать, ложными ли женщинами, или ложными мужчинами. Но истинными комедіантами и истинными безчестными

(людьми) мы можем назвать ихъ не колеблясь; или если они дѣлають это тайно и что либо безчестное становится извѣстнымъ только по дурнымъ слухамъ, то мы, полагаю, не вопреки истинѣ называемъ ихъ истинными негодными людьми. Р. Для разсужденія объ этомъ у насъ будетъ другое мѣсто; ибо много дѣлается такого, что на обыкновенный взглядъ представляется безчестнымъ, но по своей похвальной цѣли оказывается честнымъ. Вопросъ заслуживаетъ внимательнаго обсужденія: поступаетъ ли согласно съ своимъ долгомъ мужчина, который ради освобожденія отечества одѣвается въ женскую тунуку и обманываетъ непріятели; и отъ того самаго, что становится ложною женщиною, не бываетъ ли онъ еще болѣе истиннымъ мужчиною? Также точно мудрый, если убѣжденъ, что жизнь его необходима для человечества, неужели пожелаетъ лучше умереть отъ стужи, чѣмъ прикрыться одеждою женскою, если бы другой не оказалось? Но объ этомъ, какъ я сказалъ, поговоримъ въ другомъ мѣстѣ. Ты видишь, конечно, сколько требуется для разъясненія, при какихъ условіяхъ это должно происходить, чтобы не обращаться въ неизвинительное безобразіе. А пока, что для настоящаго вопроса достаточно, я нахожу вполне очевиднымъ и неподлежащимъ сомнѣнію, что ложное есть не что иное, какъ нѣкоторое подражаніе истинному.

ГЛАВА XVII.

Есть ли что либо во всѣхъ отношеніяхъ ложное или во всѣхъ отношеніяхъ истинное.

А. Переходи въ дальнѣйшему; потому что въ этомъ я достаточно убѣдился. Р. Въ такомъ случаѣ я спрошу, можемъ ли мы, за исключеніемъ тѣхъ наукъ, которыя изучаемъ и къ которымъ слѣдуетъ причислить самую философію, найти что либо таковое истинное, что не было бы, по-

добно театральному Ахиллесу, также ложнымъ въ извѣстномъ отношеніи, какъ истиннымъ въ другомъ? А. Мнѣ кажется можно найти многое. Вѣдь этотъ камень не входитъ въ составъ наукъ, и однакоже онъ камень истинный и не подражаетъ ничему, вслѣдствіе чего могъ бы быть названъ ложнымъ. Согласись, что упомянувъ о немъ одномъ, можно умолчать о безчисленномъ множествѣ другихъ предметовъ, которые сами собою приходятъ на мысль. Р. Вполнѣ согласенъ. Но не кажется ли тебѣ, что всѣ эти предметы подходятъ подъ одно названіе тѣла? А. Казалось бы, если бы я не былъ увѣренъ, что не существуетъ ничего тщетнаго, или думалъ бы, что къ тѣламъ же слѣдуетъ причислять и самую душу, или полагалъ бы, что и Богъ есть нѣкое тѣло. Если все это существуетъ, то оно, полагаю, ложно и истинно не по подражанію чему нибудь. Р. Ты заставляешь насъ вдаваться въ длинныя разсужденія; но постараюсь, насколько могу, быть краткимъ. Вѣдь иное, конечно, есть то, что ты называешь тщетнымъ, и иное истина? А. Далеко иное. Развѣ было бы что либо болѣе тщетное, чѣмъ я самъ, если бы я считалъ истину за что либо тщетное, или стремился съ такимъ усиліемъ къ чему либо тщетному? Вѣдь я желаю найти не иное что, какъ истину. Р. Въ такомъ случаѣ ты можешь быть согласишься и съ тѣмъ, что все истинное становится истиннымъ отъ истины? А. Это стало очевиднымъ уже давно. Р. Не думаешь ли ты, что тщетное есть что нибудь другое, а не само тщетное, какъ напр. тѣло? А. Нисколько не думаю. Р. Въ такомъ случаѣ, полагаю, ты думаешь, что истина есть нѣкое тѣло. А. Никкимъ образомъ. Р. Такъ чтоже такое въ тѣлѣ? А. Не знаю; да это и безразлично. Вѣдь тебѣ, полагаю, во всякомъ случаѣ извѣстно, что если тщетное существуетъ, то оно существуетъ тамъ, гдѣ нѣтъ никакого тѣла. Р. Это дѣйствительно извѣстно? А. Такъ чего же мы останавливаемся на этомъ? Р. Кажется ли

тебѣ, что истина произвела тщетное, или что есть нѣчто истинное, въ которомъ истины нѣтъ? А. Не кажется. Р. Итакъ нѣтъ истиннаго тщетнаго, потому что тщетное могло произойти только отъ тщетнаго; а въ чемъ нѣтъ истины, то очевидно не есть истинно; и то вообще, что называется тщетнымъ, называется такъ отъ того, что оно ничто. Итакъ, какимъ образомъ можетъ быть истиннымъ то, что не существуетъ? Или какимъ образомъ можетъ существовать то, что есть совершенное ничтожество? А. Брось уже это; оставимъ тщетное, какъ тщетное.

ГЛАВА XVIII.

Истинно ли существуетъ тѣло.

Р. А объ остальномъ ты что говоришь? А. А что такое? Р. А то, какъ видишь, служить въ пользу моего мнѣнія. Остается душа и Богъ; если они истинны потому, что въ нихъ есть истина, то въ безсмертіи никто не усумнится. Но и душа предполагается безсмертною, что оказывается, что въ ней существуетъ истина, которая погибнуть не можетъ. Поэтому остановимся теперь на томъ дальнѣйшемъ, дѣйствительно ли тѣло не есть поистинѣ истинное, то есть, что въ немъ есть не истина, а какъ бы нѣкоторое подражаніе истины. Ибо, если бы и въ тѣлѣ, которое, какъ довольно извѣстно, подлежитъ уничтоженію, мы нашли такое же истинное, какое существуетъ въ наукахъ, то наука разсужденія, благодаря которой всѣ науки истинны, не была бы истинною. Ибо тогда будетъ истиннымъ и тѣло, которое не представляется образованнымъ по началамъ разсужденія. А если и тѣло истинно по нѣкоторому подражанію, и поэтому только, а не безотносительно истинно, то можетъ быть и не окажется ничего такого, что служило бы препятствіемъ началу разсужденія признать за самую истину. А. Займемся

пожалуй и тѣломъ; хотя я и не думаю, чтобы споръ покончился, если бы и это было доказано Р. А ты откуда знаешь, чего желаетъ Богъ? Итакъ слушай. Я думаю, что тѣло состоитъ изъ нѣкоторой формы и вида, которыхъ если бы не имѣло, не было бы тѣломъ, а если бы имѣло истинныя,—было бы душою. Или, быть можетъ, слѣдуетъ думать иначе? А. Отчасти соглашаюсь съ этимъ, отчасти же сомнѣваюсь. Соглашаюсь, что тѣло не было бы тѣломъ, еслибы не имѣю нѣкоторой фигуры. Но какимъ образомъ оно было бы душою, если бы имѣло фигуру истинную, этого я не понимаю вполнѣ. Р. Неужели ты не помнишь ничего изъ начала первой книги и изъ твоихъ тамъ геометрическихъ разсужденій? А. Кстати напомнилъ; воспроизвожу въ своемъ представленіи все и съ величайшею охотою. Р. Такія ли фигуры оказываются въ тѣлахъ, съ какими знакомитъ та наука? А. Напротивъ того, онѣ оказываются до невѣроятности худшими. Р. Какія же изъ нихъ ты считаешь истинными? А. Неужели ты считаешь нужнымъ спрашивать меня и объ этомъ? Кто такъ слѣпъ умомъ, чтобы не видѣлъ, что тѣ, о которыхъ учить геометрія, покоются на самой истинѣ, или что въ нихъ сама истина; а фигуры тѣла, хотя и представляются какъ бы стремящимися къ нимъ, являются какимъ-то лишь подражаніемъ истины, и потому ложны? Теперь я понимаю все, что ты старался доказать мнѣ.

ГЛАВА XIX.

Безсмертіе истины ведетъ къ заключенію о безсмертіи души.

Р. Нужно ли послѣ этого снова трактовать о наукѣ разсужденія? Покоются ли фигуры геометрическія на истинѣ, или въ нихъ самихъ заключается истина, никто не усум-

нится, что онѣ содержатся въ нашей душѣ, т. е. въ нашемъ умѣ; а отсюда необходимо слѣдуетъ, что и истина существуетъ въ нашей душѣ. А если какая либо существуетъ въ нашей душѣ, какъ въ субъектѣ, съ нею нераздѣльно, и истина погибнуть не можетъ: то скажи, пожалуйста, вслѣдствіе какой—такой привязанности къ смерти мы сомнѣваемся въ вѣчной жизни души? Или та линія, та четверугольная или круглая фигура, чтобы быть истинными, имѣютъ какой—либо предметъ для своего подражанія? А. Послѣднему я могъ бы повѣрить лишь въ такомъ случаѣ, если бы линією было что иное, а не долгота безъ широты, или кругомъ что другое, а не круговая линія, всюду одинаково отстоящая отъ центра. Р. Такъ чего же мы медлимъ? Или гдѣ это есть, тамъ истины нѣтъ? А. Пусть Богъ хранить отъ помѣшательства. Р. Или наука не въ душѣ существуетъ? А. Кто сталъ бы утверждать это? Р. Но можетъ быть, если бы субъектъ погибъ, то, что въ субъектѣ, продолжить свое существованіе? А. Какимъ образомъ меня убѣждать въ этомъ? Р. Остается, что уничтожилась истина. А. Какъ это можетъ стать? Р. Слѣдовательно душа безсмертна. Повѣрь же наконецъ своимъ выводамъ, повѣрь истинѣ: она провозглашаетъ, что обитаетъ въ тебѣ, что безсмертна она, и что никакая смерть тѣла не можетъ вытащить изъ-подъ ней ея сѣдалища. Отвернись отъ своей тѣни, возвратись въ себя самага; для тебѣ нѣтъ другой гибели, кромѣ забвенія, что ты погибнуть не можешь. А. Слышу, прихожу въ себя, начинаю оправляться. Но прошу разъяснить остальное, какимъ образомъ въ душѣ невѣственной, которой мы не можемъ назвать смертною, должно быть понимаемо существованіе науки и истины. Р. Вопросъ этотъ, если ты желаешь его рассмотреть тщательно, требуетъ особой книги. Вмѣстѣ съ этимъ я нахожу необходимымъ для тебя пересмотрѣть снова и все то, что по возможности нами изслѣдовано, потому что, если

НѢТЬ сомнѣнія въ томъ, въ чемъ мы согласились, то мы, полагаю, сдѣлали многое, и не должны съ легкомысленною безпечностію переходить къ другому.

ГЛАВА XX.

Нѣкоторымъ истиннымъ вещамъ мы въпримъ, нѣкоторыя же воспоминаемъ; а нѣкоторыя не схватываются ни чувствомъ, ни фантазією, а только разумомъ.

А. Пусть будетъ такъ, какъ ты говоришь; повинуюсь охотно твоимъ приказаніямъ. Но прежде чѣмъ закончить книгу, я попрошу показать мнѣ въ короткихъ словахъ по крайней мѣрѣ различіе между истинною фигурою и тою, какую рисуетъ себѣ мысль, называемая погречески фантазія или фантазма. Р. Ты просишь о томъ, что можетъ видѣть только чистѣйшій, и къ созерцанію чего ты мало подготовленъ; и въ настоящее время цѣлю этихъ нашихъ околичностей было не иное что, какъ упражненіе твое, чтобы сдѣлать тебя способнымъ созерцать то. Впрочемъ особую важность имѣеть то, какимъ образомъ это могло бы быть разъяснено, и я быть можетъ успѣю сдѣлать это понятнымъ. Представь себѣ, что ты забылъ что нибудь, и другіе желаютъ привести это тебѣ на память. И вотъ они говорятъ тебѣ, представляя въ видѣ похожихъ различныя вещи: Не это ли, или не другое ли? Ты же, хотя и не видишь того, что желаешь вспомнить, видишь однакоже, что оно не то, что тебѣ называютъ. Если бы такъ случилось съ тобою, показалось ли бы тебѣ это полнымъ забвеніемъ? Вѣдь то самое, что ты различаешь, что не принимаешь того, на что тебѣ ложно указываютъ, есть уже отчасти воспоминаніе А. Кажется такъ. Р. Стало быть такіе истины еще не видятъ; однакоже и быть обманутыми

и введенными въ заблужденіе не могутъ, и достаточно знаютъ, чего ищутъ. Но если кто нибудь скажетъ тебѣ, что ты спустя нѣсколько дней послѣ рожденія смѣялся, ты не рѣшишься назвать это ложнымъ; а если скажетъ такое лицо, которому слѣдуетъ вѣрить, ты, хотя и не вспомнишь, повѣришь: потому что все то время погребено для тебя въ полнѣйшемъ забвеніи. Или ты иначе думаешь? А. Согласенъ вполне. Р. Итакъ послѣднее забвеніе весьма различно отъ перваго; но первое—дѣло обыкновенное. Есть много другихъ вещей очень близкихъ и сродныхъ съ воспоминаніемъ и пересмотромъ истины. Подобное этому бываетъ, когда мы что нибудь видимъ и навѣрное припоминаемъ, что мы это когда-то видѣли, и утверждаемъ, что знали; но гдѣ, когда, какимъ образомъ и у кого мы съ этимъ познакомились, намъ нужно припоминать и передумывать. Если намъ случится это въ отношеніи къ человѣку, мы спрашиваемъ, гдѣ мы его видѣли; когда онъ намъ напомнитъ, тогда всѣ обстоятельства неожиданно какъ бы освѣщаются въ нашей памяти свѣтомъ, и воспоминаніе не составляетъ болѣе труда. Но можетъ быть это тебѣ неизвѣстно или непонятно? А. Что можетъ быть яснѣе этого? Или что случается со мною чаще?

Р. Таковы тѣ, которые изучили основательно свободныя науки; ибо, изучая, они безъ сомнѣнія какъ бы выкапываютъ и отрываютъ ихъ въ себѣ, зарытыя забвеніемъ; и не удовлетворяются, и не останавливаются, пока не раскроется во всей широтѣ и полнотѣ лицо истины, блескъ котораго до извѣстной степени уже просвѣчивается въ тѣхъ наукахъ. Но отъ этихъ же наукъ отражаются какъ бы въ зеркалѣ мысли нѣкоторыя ложныя цвѣта и формы, и часто обманываютъ изыскателей и вводятъ ихъ въ заблужденіе, заставляя думать, будто въ нихъ заключается все, что они знаютъ, или чего ищутъ. Такія представленія должны быть избѣгаемы съ особою осторожностію; ложь ихъ узнается потому, что

они мѣняются со смѣною какъ бы зеркала, между тѣмъ какъ лицо истины остается однимъ и тѣмъ же неизмѣнно. Мысль, напримѣръ, рисуетъ и представляетъ какъ бы передъ глазами у себя четвероугольникъ то одной, то другой величины; но внутренній умъ, который желаетъ знать истинное, обращается болѣе, если можетъ, къ тому, на основаніи чего признаетъ всѣ ихъ квадратными. А. Ну, а если намъ кто нибудь скажетъ, что умъ судить объ этомъ на основаніи того, что обыкновенно видитъ глазами? Р. Въ такомъ случаѣ на основаніи чего же онъ (если только хорошо образованъ) полагаетъ, что всякій истинный шаръ касается истинной плоскости въ одной лишь точкѣ? Что подобное этому видитъ когда либо или можетъ видѣть глазъ, если само воображеніе не въ состояніи представить что либо въ этомъ родѣ? Не тоже ли самое доказываемъ мы, когда описываемъ въ своемъ воображеніи самую маленькую круговую линію, и отъ ней проводимъ линію къ центру? Ибо, проведши двѣ линіи, между которыми едва ли бы могло вмѣститься остріе иглы, мы не въ состояніи провести между ними другихъ даже въ самомъ воображеніи своемъ такъ, чтобы онѣ доходили до центра, нисколько не сливаясь между собою; между тѣмъ какъ разумъ провозглашаетъ, что ихъ можно провести безчисленное количество, и что въ этомъ невѣроятно узкомъ пространствѣ онѣ могутъ войти въ соприкосновеніе только въ центрѣ, такъ что во всякомъ промежуткѣ между ними можно еще описать кругъ. Такъ какъ фантазія этого исполнить не въ состояніи и оказывается еще болѣе бессильною, чѣмъ самые глаза, хотя возбуждается къ дѣятельности ими: то очевидно, что она далеко отстоитъ отъ истины и въ представленіяхъ ея истина не проявляется.

Съ большею точностію и тонкостію объ этомъ сказано будетъ тогда, когда мы начнемъ разсужденія о познаніи; что мы предполагаемъ сдѣлать послѣ того, какъ разъясимъ

и устранимъ по возможности все, что беспокоить насъ относительно жизни души. Ибо, я полагаю, ты очень боишься, что человѣческая смерть, хотя и не умертвить души, однакоже повлечетъ за собою забвеніе всѣхъ вещей и самой истины, если бы таковая была найдена. А. Нельзя съ достаточною силою выразить, до какой степени слѣдуетъ бояться этого несчастія. Что будетъ то за вѣчная жизнь, и какая смерть не будетъ предпочтительнѣе ея, если душа будетъ жить такъ, какъ видимъ ее живущею въ едва родившемся дитяти? О той жизни, которая проводится во чревѣ, я и не говорю, хотя и не считаю не существующею. Р. Будемъ мужаться; Богъ, обещающій послѣ этого тѣла нѣчто блаженнѣйшее и исполненное истины безъ всякой лжи, защититъ насъ, какъ то мы чувствуемъ уже, по молитвамъ нашимъ. А. Да будетъ такъ, какъ мы надѣмся.

О БЕЗСМЕРТІИ ДУШИ

ОДНА КНИГА.

Книга эта содержитъ сводъ разумныхъ основаній въ пользу безсмертія души, а вмѣстѣ и рѣшеніе встрѣчающихся возраженій противъ него.

ГЛАВА I.

Первое разумное основаніе для безсмертія души въ томъ, что она есть субъектъ науки, которая существуетъ всегда.

Если наука существуетъ гдѣ нибудь, а существовать она можетъ только въ томъ, что живетъ; и если она существуетъ всегда, а то, въ чемъ существуетъ такое, что существуетъ всегда, не можетъ не существовать всегда: то въ чемъ существуетъ наука, то живетъ всегда. Если это умозаключаемъ мы, т. е. душа наша; и если правильно умозаключатъ безъ науки нельзя, а безъ науки можетъ существовать только та душа, въ которой нѣтъ науки: то въ душѣ человѣка наука существуетъ. Но наука существуетъ гдѣ нибудь: ибо она существуетъ; а то, что существуетъ, не можетъ существовать нигдѣ. Также точно наука не можетъ существовать ни въ чемъ, кромѣ того, что живетъ. Ибо то, что не живетъ, ничего не познаетъ; а въ томъ, что ничего не познаетъ, наука существовать не можетъ. Равнымъ образомъ наука всегда существуетъ. Ибо то, что су-

существует, и существует неизмѣнно, необходимо существуетъ всегда. А что наука существуетъ, этого не отрицаетъ никто. И кто признаетъ невозможнымъ, чтобы линія, проведенная черезъ центръ круга, не была наибольшею изъ всѣхъ линій, которыя проводятся не черезъ центръ, и признаетъ это истинною извѣстной науки, тотъ не отрицаетъ существованія неизмѣнной науки. Далѣе, все, въ чемъ существуетъ что либо всегда, не можетъ не существовать всегда. Ибо ничто, всегда существующее, не допустить лишить себя когда нибудь того, въ чемъ оно всегда существуетъ. Затѣмъ, когда мы умозаключаемъ, то это бываетъ дѣломъ души. Ибо это дѣло лишь того, что мыслить; тѣло же не мыслить; да и душа мыслить безъ помощи тѣла: потому что когда мыслить, отвлекается отъ тѣла. При томъ, то, что мыслится, есть таково всегда; тѣлесное же ничто не бываетъ таковымъ же всегда; поэтому тѣло не можетъ помогать душѣ въ ея стремленіи къ пониманію, такъ какъ для него довольно, если оно не мѣшаетъ. Потомъ, безъ науки никто не умозаключаетъ правильно. Ибо правильное умозаключеніе состоитъ въ усилии мысли дойти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному; а въ душѣ, которая ничего не знаетъ, извѣстнаго нѣтъ ничего. Все же, что знаетъ душа, она имѣетъ въ себѣ, и все, что обнимается знаніемъ, относится къ какой либо наукѣ. Ибо наука есть знаніе какихъ бы то ни было вещей. Слѣдовательно душа человѣческая живетъ всегда.

ГЛАВА II.

Другое основаніе для безсмертія души въ томъ, что она есть субъектъ разума, который неизмѣненъ.

Разумъ несомнѣнно есть или сама душа или въ душѣ. Но разумъ нашъ лучше, чѣмъ наше тѣло; а наше тѣло есть нѣкоторая субстанція; быть же субстанціею лучше,

чѣмъ ничѣмъ. Слѣдовательно разумъ не есть ничто. Затѣмъ, если въ тѣлѣ существуетъ какая либо гармонія, она необходимо существуетъ въ тѣлѣ, какъ субъектъ, неотдѣлимо отъ него; и ничего въ этой гармоніи не предполагается такого, что съ одинаковою необходимостію не существовало бы въ тѣлѣ, какъ субъектъ, съ которымъ нераздѣльна и сама гармонія. Но тѣло человеческое подлежитъ измѣненіямъ, а разумъ неизмѣненъ. Ибо измѣнчиво все, что не существуетъ всегда одинаковымъ образомъ. А два, и четыре, и шесть существуютъ всегда одинаковымъ образомъ. Также точно всегда остаются они тѣмъ же, чѣмъ есть: въ четырехъ содержится два и два; но въ двухъ столько не содержится; два не равняются четыремъ. Основное положеніе это неизмѣнно; слѣдовательно оно есть разумъ. Но когда измѣняется субъектъ, не можетъ не измѣняться то, что существуетъ въ субъектѣ неотдѣльно отъ него. Итакъ душа не есть гармонія тѣла. Съ другой стороны смерть не можетъ прилучиться вещамъ, не подлежащимъ измѣненію. Слѣдовательно душа живетъ всегда, есть ли она самый разумъ, или разумъ существуетъ въ ней, но существуетъ нераздѣльно отъ ней.

ГЛАВА Ш.

*Душа -- субстанція живая и неизмѣнная, и если под-
лежитъ некоторымъ образомъ измѣненію, не дѣлается
отъ этого смертною.*

Есть нѣкоторая доблесть постоянства. Но всякое постоянное неизмѣнно, а всякая доблесть можетъ нѣчто совершать, и совершая нѣчто, остается въ то же время доблестью. Далѣе, всякое дѣйствіе выражается движеніемъ или производитъ движеніе. Слѣдовательно или не все, что находится въ движеніи, или не все, что движеть, подлежитъ из-

мѣненію. Но все, что получаетъ движеніе отъ другаго и само не приводитъ въ движеніе ничего, есть смертное; и ничто смертное не есть неизмѣнное. Отсюда выводится прямое и безъ всякаго исключенія слѣдствіе, что не все, что движеть, подлежитъ измѣненію. Но нѣтъ движенія безъ субстанціи; а всякая субстанція или живетъ, или не живетъ; все же, что не живетъ, бездушно; и дѣйствія бездушнаго не существуетъ. Слѣдовательно то, что приводитъ въ движеніе такъ, что само не измѣняется, можетъ быть только живою субстанціею. Всякая же субстанція этого рода приводитъ въ движеніе тѣло съ нѣкоторою постепенностію. Слѣдовательно не все, что приводитъ въ движеніе тѣло, подлежитъ измѣненію. Тѣло же приводится въ движеніе не иначе, какъ съ извѣстною послѣдовательностію времени: оно движется, напримѣръ, медленнѣе и быстрѣе; слѣдовательно существуетъ нѣчто, что движеть съ послѣдовательностію времени; и однакоже не измѣняется. Все же, что движеть тѣло во времени, хотя стремится и къ одной цѣли, не можетъ однакоже совершить все разомъ, и не совершать дѣйствій множественныхъ. Ибо то, что можетъ дѣлиться на части, не можетъ быть вполне единичнымъ, какою бы силою оно ни приводилось въ движеніе; равно и тѣла нѣтъ никакого безъ частей, и времени безъ промежутковъ; и нельзя произнести самаго коротенькаго слога такъ, чтобы конецъ его ты не слышалъ тогда, когда начала уже не слышишь. Далѣе, когда совершается что такимъ образомъ,—предполагается ожиданіе, что оно можетъ совершаться, и память, которая по возможности удерживала бы все это. Ожиданіе относится къ вещамъ будущимъ, память—къ прошедшимъ. Съ другой стороны напряженіе дѣйствія относится къ настоящему времени; чрезъ него будущее переходитъ въ прошедшее; при чемъ ожиданіе конца начатаго движенія тѣла невозможно безъ памяти. Ибо какимъ образомъ стали бы мы ожидать прекращенія того, о

чемъ забыли, что оно началось, или даже — что оно приведено въ движеніе? Опять, напряженіе дѣйствія, имѣющее отношеніе къ настоящему, невозможно безъ ожиданія конца, который имѣетъ быть; нѣтъ ничего, чего бы или еще не было, или уже не было. Слѣдовательно въ дѣйствии можетъ быть нѣчто такое, что относится къ тому, чего еще нѣтъ. Въ дѣйствующемъ можетъ быть одновременно многое, хотя бы то многое, что приводится въ дѣйствіе, одновременно быть не могло. Можетъ поэтому оно быть и въ движущемъ, хотя бы въ движимомъ и не могло быть. Но то, что во времени разомъ быть не можетъ, и однако же переходитъ изъ будущаго въ прошедшее, естественно относится къ измѣняемому.

Отсюда мы выводимъ заключеніе, что можетъ быть нѣчто, что, приводя въ движеніе подлежащее измѣненію, само не измѣняется. Ибо, какъ скоро напряженіе движущаго довести до желаемаго конца тѣло, которое оно движетъ, не измѣняется, а въ силу этого движенія измѣняется поминутно самое тѣло, надъ которымъ дѣйствіе совершается; и то напряженіе совершить это дѣйствіе, которое очевидно остается неизмѣннымъ, приводитъ въ движеніе и самыя члены художника, и дерево и камень, подвластныя художнику: то кто усумнится въ логической послѣдовательности сказаннаго? Итакъ, если по дѣйствію души и совершается нѣкоторое измѣненіе тѣла, и оно входитъ въ намѣреніе души, — отсюда еще не слѣдуетъ съ необходимостію, чтобы измѣнялась она сама; и изъ этого не должно еще заключать, чтобы она и умирала. Ибо при этомъ напряженіи она можетъ имѣть и память о прошедшемъ, и ожиданіе будущаго; а все это невозможно безъ жизни. Хотя никакая смерть не происходитъ безъ измѣненія, а измѣненіе не бываетъ безъ движенія, однако не всякое измѣненіе производитъ смерть, и не всякое движеніе производитъ измѣненіе. О самомъ тѣлѣ нашемъ можно сказать, что какимъ либо дѣйствіемъ оно приведено въ сильное движеніе, и измѣнилось, пожалуй, вслѣдствіе

возраста; однако нельзя еще сказать, что оно умерло, т. е. остается безъ жизни. Позволительно поэтому думать, что и душа наша не непременно потеряетъ жизнь, еслибы ей и случилось въ силу движенія потерпѣть нѣкоторое измѣненіе.

ГЛАВА IV.

Наука основныя положенія чиселъ, будучи неизмѣнны, вьдрены въ душу вмѣстѣ съ жизнію.

Если есть въ душѣ нѣчто неизмѣнное, что безъ жизни существовать не можетъ, то въ душѣ необходимо есть и жизнь вѣчная. Ибо дѣло стоитъ именно такъ, что если есть первое, будетъ и второе. Но первое есть. Ибо, не упоминая о другомъ, кто осмѣлится утверждать, что основанія чиселъ измѣнчивы; или что какое либо искусство обязано своимъ существованіемъ не разуму; или что искусство не существуетъ въ художникѣ, хотя бы онъ и не употреблялъ его въ дѣло; или что оно можетъ существовать внѣ души его, или тамъ, гдѣ нѣтъ жизни; или что неизмѣнное можетъ когда нибудь не быть; или что иное нѣчто наука, иное разумъ? Ибо хотя мы и говоримъ о той или другой наукѣ, что она есть какъ бы нѣкоторый сводъ разумныхъ положеній; однако мы можемъ съ полною истиною называть и представлять науку какъ тотъ же самый разумъ. Но такъ ли это, или иначе, изъ этого во всякомъ случаѣ вытекаетъ, что наука неизмѣнна. Наука же, очевидно, не только существуетъ въ душѣ знающаго ее, но и нигдѣ не существуетъ, если не въ душѣ, и при томъ—съ нею нераздѣльно. Въдѣ если бы наука отдѣлилась отъ души, или существовала внѣ души, она или существовала бы нигдѣ, или переходила бы послѣдовательно изъ души въ душу. Но какъ мѣстопребыванія для науки нѣтъ безъ жизни, такъ и жизни соединенной съ разумомъ нѣтъ нигдѣ, кромѣ души. Далѣе, не воз-

можно, чтобы то, что существуетъ, не существовало нигдѣ, или чтобы то, что неизмѣнно, когда нибудь не существовало. А если бы наука переходила изъ души въ душу, переставая быть въ одной чтобы установить мѣстопребываніе въ другой, то всякій училъ бы наукѣ только теряя ее, или даже каждый становился бы знатокомъ въ наукѣ только благодаря забвенію или смерти учащаго. Если же это, какъ оно есть въ дѣйствительности, въ высшей степени нелѣпо и ложно, то душа человѣческая безсмертна.

Но если наука иногда существуетъ въ душѣ, иногда нѣтъ,—что проявляется обыкновенно забвеніемъ и невѣденіемъ,—вышеприведенное доказательство безсмертія души не будетъ имѣть своей силы, если только что сказанное не будетъ опровергнуто слѣдующимъ образомъ. Или въ душѣ существуетъ нѣчто, что въ данную минуту ей не приходитъ на мысль; или въ образованной душѣ знанія музыки въ ту пору нѣтъ, когда мысль ея исключительно занята геометриєю. Но послѣднее ложно; слѣдовательно первое истинно. Душа чувствуетъ себя имѣющею лишь то, что приходитъ ей на мысль. Слѣдовательно въ душѣ можетъ быть нѣчто такое, присутствія чего душа сама въ себѣ не чувствуетъ. Какъ долго это бываетъ, для дѣла не важно. Ибо если душа занята бываетъ другимъ такъ долго что не легко можетъ возвратиться къ тому, надъ чѣмъ прежде работала мыслию, это называется забвеніемъ или невѣденіемъ. Но если то, что мы открыли относительно какихъ либо свободныхъ наукъ, разсуждая сами съ собою или наводимые чужими вопросами, мы открыли не гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, а именно въ нашей душѣ (а открыть не то же, что создать или родить; ибо иначе душа временными открытіями раждала бы вѣчное, такъ какъ часто открываетъ вѣчное. Ибо что можетъ быть такъ вѣчно, какъ теорія круга; или что есть другое въ этого рода наукахъ, о чемъ можно было бы сказать, что

оно когда нибудь не было или не будет?): то очевидно, что душа человѣческая безсмертна, и что всѣ истинныя разумныя положенія существуютъ въ тайникахъ ея, хотя вслѣдствіе невѣденія или забвенія и кажется, что она не имѣетъ ихъ или потеряла.

ГЛАВА V.

Душа не измѣняется такъ, чтобы переставала быть душею.

Теперь разсмотримъ, до какой степени должно быть допускаемо измѣненіе души. Если душа есть субъектъ по отношенію къ наукѣ, существующей въ субъектѣ, и если субъектъ не можетъ измѣняться безъ того, чтобы не измѣнялось и то, что есть въ субъектѣ: то какъ мы можемъ владѣть неизмѣнною наукою и неизмѣннымъ разумомъ, если измѣнчива душа, въ которой они оказываются существующими? Нѣтъ большаго измѣненія, какъ измѣненіе въ противоположность; а кто станетъ отрицать, что душа (чтобы опустить остальное) въ одномъ случаѣ бываетъ глупою, въ другомъ мудрою? Итакъ разсмотримъ прежде всего, сколько допускается способовъ такъ называемаго измѣненія души. По моему мнѣнію, измѣненій этихъ, болѣе наглядныхъ и болѣе ясныхъ, есть два рода; видовъ же ихъ гораздо больше. Ибо душа представляется измѣняющеюся по дѣйствию страстей или тѣлесныхъ, или ея собственныхъ. По дѣйствию страстей тѣлесныхъ измѣненія происходятъ въ силу возраста, въ силу болѣзней, страданій, трудовъ, неудачъ, чувственныхъ наслажденій. Въ силу собственныхъ страстей душа терпитъ измѣненія въ желаніи, въ радости, въ страхѣ, въ досадѣ, въ любви къ наукѣ, въ изученіи науки.

Всѣ эти измѣненія, сами по себѣ отдѣльно взятыя, не должны внушать никакихъ опасеній, если не служатъ не-

сомнѣннымъ доказательствомъ смерти души. Но посмотримъ, не противорѣчатъ ли они тому нашему основному положенію, по которому съ измѣненіемъ субъекта по необходимости измѣняется все, что есть въ субъектѣ. Но они не противорѣчатъ. Ибо это положеніе имѣетъ мѣсто при такомъ измѣненіи субъекта, послѣ котораго онъ вынужденъ бываетъ совершенно измѣнить свое наименованіе. Но если воскъ приметъ почему либо вмѣсто бѣлаго чорный цвѣтъ, если вмѣсто вьадратной онъ получитъ круглую форму, изъ мягкаго сдѣлается твердымъ и изъ разогрѣтаго холоднымъ,—все это будетъ въ самомъ субъектѣ и субъектомъ останется воскъ же. Воскъ останется ни болѣе ни менѣе какъ воскомъ же, хотя и произойдутъ указанныя измѣненія. Слѣдовательно то, что существуетъ въ субъектѣ, можетъ подвергаться измѣненію, между тѣмъ какъ самъ субъектъ въ томъ, что составляетъ его особенность какъ субъекта, не измѣнится. Но еслибы съ тѣмъ, что есть въ субъектѣ, совершилось такое измѣненіе, что то, что подъ именемъ его разумѣлось, уже рѣшительно не могло разумѣться: какъ на примѣръ, еслибы воскъ отъ огня обратился въ пары и подвергся такому измѣненію, что субъектъ дѣйствительно считался бы измѣненнымъ, т. е. бывши воскомъ, пересталъ бы уже быть воскомъ; въ такомъ случаѣ уже никоимъ образомъ нельзя представлять, чтобы въ субъектѣ такъ или иначе осталось что нибудь изъ того, что существовало въ немъ потоплику, поколику онъ былъ этимъ, а не другимъ субъектомъ.

Поэтому если душа оказывается такимъ субъектомъ, въ которомъ, какъ мы сказали выше, разумъ существуетъ нераздѣльно и съ тою необходимостію, какая условливаетъ бытіе субъекта; и если душою можетъ быть только душа живая, и разумъ не можетъ въ ней быть безъ жизни, а разумъ безсмертенъ: то безсмертна и душа. Ибо разумъ никоимъ образомъ не можетъ продолжать своего существова-

ня, если перестанетъ существовать его субъектъ. А это и случилось бы, если бы съ душою произошло такое измѣненіе, которое сдѣлало бы ею не душою, т. е. заставило бы ее умереть. Но никакое изъ приведенныхъ измѣненій, производятся ли они тѣломъ или самою душою (хотя вопросъ о томъ, производятся ли нѣкоторыя изъ нихъ самою душою, т. е. сама ли она служитъ причиною ихъ, — вопросъ весьма спорный), не дѣлаютъ того, чтобы душа не была болѣе душою. Слѣдовательно измѣненія эти не только безопасны сами по себѣ, но не подрываютъ и нашихъ выводовъ.

ГЛАВА VI.

Разумъ, который неизмѣненъ, не можетъ быть отдѣленъ отъ самой души, существуетъ ли онъ въ душѣ или съ душою, или душа существуетъ въ немъ.

Итакъ я нахожу необходимымъ направить всѣ умозрительныя силы на то, чтобы разяснить, что такое разумъ и какія можно дать ему опредѣленія, чтобы разяснить всячески и вопросъ о безсмертіи души. Разумъ есть взоръ души, которымъ она сама собою, безъ посредства тѣла, созерцаетъ истинное; или онъ есть то самое созерцаніе истиннаго безъ посредства тѣла, или онъ есть то самое истинное, которое созерцается. Что первое существуетъ въ душѣ, въ томъ никто не сомнѣвается; о второмъ и третьемъ можетъ быть вопросъ. Впрочемъ и второе не возможно безъ души. Но относительно третьяго существуетъ сильный споръ: то истинное, которое душа можетъ созерцать безъ тѣла, какъ орудія, существуетъ ли само собою, а не въ душѣ, и можетъ ли оно существовать безъ души? Притомъ, какимъ бы образомъ оно ни существовало, душа не могла бы созерцать его сама собою безъ какой либо связи съ нимъ. Ибо все, что мы созерцаемъ, мы схватываемъ мыслию или чувствомъ и разумѣніемъ. Но то, что мы схватываемъ чувствомъ, мы

чувствуемъ существующимъ внѣ насъ и заключеннымъ въ пространствѣ, изъ котораго оно не можетъ быть изъято. А то, что представляется уму, представляется находящимся не гдѣ либо, а въ самомъ уже умѣ, который уразумѣваетъ, и притомъ не заключеннымъ въ опредѣленномъ мѣстѣ.

Поэтому связь между созерцающею душою и созерцаемымъ истиннымъ или такова, что субъектомъ служить душа, а это истинное существуетъ въ субъектѣ; или напротивъ— истинное служить субъектомъ, а душа существующимъ въ субъектѣ; или и то и другое есть субстанція. Если имѣетъ мѣсто первое изъ этихъ трехъ, то душа безсмертна, также какъ и разумъ, согласно предшествующему разсужденію; потому что разумъ можетъ быть присущъ только живой душѣ. Тоже слѣдствіе необходимо вытекаетъ и изъ втораго. Ибо если истинное есть то, что мы называемъ разумомъ, то въ немъ нѣтъ, какъ это очевидно, ничего подлежащаго измѣненію; ничто существующее въ немъ какъ въ субъектѣ измѣниться не можетъ. Итакъ весь споръ касается третьяго. Ибо если душа есть субстанція, и разумъ, съ которымъ она стоитъ въ связи, есть также субстанція, то никому не покажется нелѣпнымъ предположеніе, что первая можетъ прекратить свое существованіе въ ту пору, какъ послѣдній будетъ его продолжать. Но очевидно, что пока душа нераздѣльна отъ разума и тѣсно соединена съ нимъ, она неизбѣжно должна оставаться жить. Но какая же сила можетъ отдѣлить ее? Ужь не тѣлесная ли, которая и могуществомъ слабѣе, и происхожденіемъ ниже, и по свойству своему весьма отлична? Нигомимъ образомъ. Слѣдовательно одушевленная? Но и это какимъ образомъ? Неужели какой бы то ни было другой, болѣе могущественный духъ, не иначе можетъ созерцать разумъ, какъ только устранивъ отъ того другой духъ? Но съ одной стороны ни одному изъ созерцающихъ нельзя отказать въ разумѣ, если они оба созер-

цаютъ; а съ другой, если нѣтъ ничего могущественнѣе самаго разума, котораго нѣтъ ничего неизмѣннѣе, то духъ, не соединившійся еще съ разумомъ, никоимъ образомъ не можетъ быть могущественнѣе того, который соединенъ. Остается, чтобы или самъ разумъ отдѣлился отъ души, или душа по своей доброй волѣ отдѣлилась отъ него. Но въ природѣ разума нѣтъ той зависти, которая заставляла бы его отказывать душѣ пользоваться собою. Далѣе,—что болѣе важно,—всему, что соединяется съ разумомъ, разумъ тѣмъ самымъ сообщаетъ бытіе; а этому противоположно уничтоженіе. Не меньшею было бы нелѣпностію, еслибы кто сказалъ, что душа можетъ отдѣлиться отъ разума по доброй волѣ (если только возможно какое либо взаимное отдѣленіе между вещами, которыя не находятся въ опредѣленномъ мѣстѣ). Сказать такъ можно лишь вопреки всему вышесказанному; на что мы представили другія опроверженія. Итакъ что же? Не слѣдуетъ ли заключить, что душа безсмертна? Но можетъ быть, если она не можетъ отдѣлиться, можетъ угаснуть? Но если сила разума въ силу единенія своего извѣстнымъ образомъ дѣйствуетъ на душу,—а не дѣйствовать она не можетъ,—то безъ всякаго сомнѣнія дѣйствуетъ въ томъ смыслѣ, что даетъ ей продолжать существованіе. Въ силу того онъ и есть именно разумъ, что въ немъ предполагается высшая неизмѣнность. Поэтому, на кого онъ извѣстнымъ образомъ дѣйствуетъ, того онъ какъ бы принуждаетъ продолжать существованіе. Итакъ душа угаснуть не можетъ, если не будетъ отдѣлена отъ разума. Отдѣлиться же, какъ мы доказали выше, она не можетъ. Слѣовательно она не можетъ и умереть.

ГЛАВА VII.

Если душа и подвергается убыли въ своей субстанціи, это также не ведетъ ее къ уничтоженію.

Отвращеніе души отъ разума, слѣдствіемъ котораго бываетъ глупость, не можетъ не сопровождаться для ней убылью. Если обращеніе къ разуму и привязанность къ нему даетъ ей извѣстное превосходство, такъ какъ она прилѣпляется къ вещи неизмѣнной, какова истина, представляющая собою самое высшее и первоначальное: то отвращеніе отъ него уменьшаетъ для ней все это; что и составляетъ убыль. Всякая же убыль склоняется къ ничтожеству, а подъ смертію въ собственномъ смыслѣ то и слѣдуетъ разумѣть, что нѣчто, бывшее чѣмъ либо, становится ничѣмъ. Склоняться къ ничтожеству, значитъ склоняться къ смерти. Если душа такой убыли не подвергается, то трудно сказать, кто ей подвергается; а съ этимъ соединяется и остальное. Но чтобы то, что склоняется къ ничтожеству, непременно умирало, т. е. достигало ничтожества, это должно быть отвергаемо. Такой примѣръ можно указать на тѣлѣ. Всякое тѣло есть часть чувственнаго міра, и потому чѣмъ оно больше и чѣмъ болѣе занимаетъ мѣста, тѣмъ оно болѣе приближается къ цѣлому (*міру*); и насколько это дѣлаетъ его бѣльшимъ, настолько оно и больше. Ибо цѣлое больше, чѣмъ часть. Поэтому же, уменьшаясь, оно естественно становится меньше. Слѣдовательно, какъ скоро уменьшается, оно подвергается убыли. Уменьшается же оно, какъ скоро отдѣляется отъ него нѣчто чрезъ отсѣченіе. Изъ этого слѣдуетъ, что подобное отдѣленіе ведетъ тѣло къ уничтоженію. Но никакое отсѣченіе не доводитъ до ничтожества. Ибо всякая остающаяся часть продолжаетъ быть тѣломъ, а всякое тѣло занимаетъ въ пространствѣ какое нибудь мѣсто. А это было бы невоз-

можно, если бы оно не имѣло частей, на которыя въ свою очередь не могло бы быть разсѣчено. Слѣдовательно чрезъ безконечное сѣченіе оно можетъ уменьшаться до безконечности, подвергаться черезъ это убыли и склоняться къ уничтоженію, хотя дойти до ничтожества не можетъ никогда. Тоже можно сказать и усмотрѣть и относительно самаго пространства и какого угодно разстоянія. (Опредѣливъ ихъ и отдѣливъ отъ нихъ, на примѣръ, половину, а затѣмъ изъ остального отдѣляя постоянно также по половинѣ, мы будемъ уменьшать размѣръ и идти до конца, котораго однакоже никоимъ образомъ не достигнемъ. Зачѣмъ же намъ бояться этого относительно своей души? Во всякомъ случаѣ она лучше и живучѣ тѣла, которое отъ ней и получаетъ свою жизнь.

ГЛАВА VIII.

Какъ у тѣла нельзя отнять того, что дѣлаетъ его тѣломъ, такъ и у души того, что дѣлаетъ ее душою.

Но если то, что дѣлаетъ тѣло тѣломъ, заключается не въ массѣ его, а въ его видѣ? А подобная мысль имѣеть подъ собою неопровержимое основаніе; ибо тѣло тѣмъ преимущественнѣе, чѣмъ оно благовиднѣе и красивѣе, и тѣмъ ничтожнѣе, чѣмъ оно противнѣе и безобразнѣе. Такая убыль зависитъ не отъ отсѣченія массы, о которомъ сказано достаточно, а отъ потери вида. Нужно подумать и разсудить объ этомъ предметѣ, чтобы кто нибудь не сталъ утверждать, что душа умираетъ вслѣдствіе такой убыли, а именно: такъ какъ, будучи глупою, оно теряетъ нѣкоторымъ образомъ свой видъ, то можно-де думать, что потеря подобная можетъ дойти до такой степени, что душа совершенно лишится всякаго вида, и чрезъ это дойдетъ до ничтожества и будетъ вынуждена умереть. Поэтому, если бы мы оказались въ со-

стояніи доказать, что и съ тѣломъ не можетъ случиться, чтобы оно потеряло тотъ видъ свой, который дѣлаетъ его тѣломъ: то можетъ быть мы вправѣ были бы считать доказаннымъ, что тѣмъ болѣе у души нельзя отнять того, что дѣлаетъ ее душою. Ибо всякій, внимательно всмотрѣвшійся въ самага себя, признаетъ, что какая бы то ни было душа должна быть поставляема выше всякаго тѣла.

Итакъ вступленіемъ къ нашему разсужденію пусть будетъ положеніе, что никакая вещь не творить и не раждаетъ сама себя; ибо иначе она существовала бы прежде, чѣмъ получила свое существованіе. Если послѣднее ложно, то первое истинно. Также точно, что не сотворено и не рождено, а между тѣмъ существуетъ, то по необходимости должно быть вѣчнымъ. Кто усвоитъ подобную природу и превосходство какому нибудь тѣлу, тотъ крайне заблуждается. Но зачѣмъ намъ опровергать его? Вѣдь въ такомъ случаѣ мы тѣмъ болѣе вынуждаемся усвоить это душѣ. Вѣдь если есть хоть какое нибудь тѣло вѣчное, то души не вѣчной нѣтъ никакой. Ибо всякая какая бы то ни было душа должна быть предпочитаема всякому какому бы то ни было тѣлу, какъ и все вѣчное не вѣчному. Но если, какъ утверждаютъ справедливо, тѣло сотворено, то оно сотворено чѣмъ либо творившимъ, и при томъ—не низшимъ тѣла. Ибо оно не было бы въ состояніи дать тому, что творило, все то, что есть въ творимомъ, но и не равнымъ. Ибо творящему нужно для творенія имѣть нѣчто лучшее, чѣмъ то, что оно творить. О раждающемъ только говорится правильно, что оно есть тоже самое, что и раждается отъ него. Итакъ, міровое тѣло создано нѣкоторою силою и природою могущественнѣйшею и лучшею, но ни въ какомъ случаѣ—не тѣлесною. Ибо если бы тѣло было создано тѣломъ, оно не было бы міровымъ. Высказанное нами въ началѣ этого разсужденія положеніе, что никакая вещь не можетъ получить бытіе

сама отъ себя, вполнѣ истинно. Эта же сила и нетѣлесная природа, зиждительница міроваго тѣла, и держитъ міръ присушимъ могуществомъ. Ибо, сотворивъ, она не удалилась, и не оставила сотвореннаго. Она такая субстанція, которая не есть тѣло, и которая, такъ сказать, не имѣетъ движенія относительно мѣста, чтобы могла отдѣлиться отъ субстанціи, занимающей мѣсто; и зиждительная сила эта не можетъ оставаться въ бездѣйствіи, чтобы не охранять сотворенное ею и допускать терять видъ, какъ бы онъ ни былъ разнообразенъ. Ибо что существуетъ не само чрезъ себя, то непремѣнно перестанетъ существовать, если будетъ оставлено тѣмъ, чрезъ что существуетъ; и мы не можемъ сказать, чтобы тѣло, когда сотворено, получило то, что могло бы уже поддерживать само себя, хотя бы было и оставлено Творцемъ.

Но при всемъ томъ душа, которой превосходство надъ тѣломъ очевидно, имѣетъ это въ высшей степени. А если она можетъ продолжать свое существованіе сама чрезъ себя, это служить доказательствомъ ея близости къ безсмертію. Ибо все таковое естественно будетъ нетлѣннымъ, и потому не можетъ умереть, такъ какъ само себя не оставитъ. Измѣнчивость же тѣла очевидна. Это достаточно показываетъ общее движеніе самаго міроваго тѣла. Всматривающимъ внимательно въ это движеніе, насколько такого свойства природа можетъ быть наблюдаема, открывается, что порядокъ, въ которомъ происходятъ въ немъ измѣненія, служить поводомъ тому, что неизмѣнно. Но то, что существуетъ само чрезъ себя, не имѣетъ нужды и ни въ какомъ движеніи, такъ какъ все жизненное для него находится въ немъ же самомъ. Ибо всякое движеніе есть движеніе къ другому, въ которомъ движущееся имѣетъ нужду. Итакъ міровому тѣлу присущъ видъ, благодаря поддержкѣ и охраненію со стороны той лучшей природы, которая его создала; въ силу

чего упомянутая измѣнчивость не отнимаетъ у тѣла возможности быть тѣломъ, а заставляетъ его посредствомъ самаго упорядоченнаго движенія переходить изъ вида въ видъ. Ибо ни одна, какая бы то ни было, часть его не доводится до уничтоженія. Все обнимаетъ оная творческая сила своимъ могуществомъ не утомляющимся и не прекращающимся своей дѣятельности, и даетъ продолжать существованіе всему, что существуетъ чрезъ нее, насколько существуетъ. Поэтому никто не долженъ доходить до такой глупости, чтобы не считать за несомнѣнное, что душа лучше тѣла, или признавъ это думать, что хотя съ тѣломъ и не случается, чтобы оно переставало быть тѣломъ, съ душою однакоже случится, что она перестанетъ быть душою. А если это не случится, и душа не можетъ продолжать своего существованія, если не будетъ жить: то несомнѣнно, что душа никогда не умретъ.

ГЛАВА IX.

Душа есть жизнь, и потому не можетъ потерять жизни.

Если же кто скажетъ, что душѣ слѣдуетъ бояться не той смерти, въ силу которой бывшее вѣчто обращается въ ничто, а той, вслѣдствіе которой мы называемъ мертвымъ то, что лишено жизни; такой пусть обратитъ вниманіе на то, что никакая вещь не лишается самой себя. Душа есть жизнь извѣстнаго рода; поэтому все, что одушевлено, живетъ, а все неодушевленное, что могло бы быть одушевлено, считается мертвымъ, т. е. лишеннымъ жизни. Слѣдовательно душа не можетъ умереть. Ибо если бы она могла лишиться жизни, она была бы не душою, а чѣмъ то одушевленнымъ. Если же это нелѣпо, то душѣ еще гораздо менѣе слѣдуетъ бояться этого рода смерти, который вовсе не долженъ быть страшенъ для жизни. Вѣдь если бы душа умирала тогда, когда оставляла бы ее эта жизнь; то душою гораздо пра-

вильнѣе должна быть признаваема самая жизнь, которая въ данный моментъ оставляетъ: такъ что душою будетъ не то нѣчто, что оставляется жизнью, а эта самая жизнь, которая оставляетъ. Ибо когда мы называемъ что либо, оставленное жизнью, мертвымъ, то разумѣемъ, что это оставлено душою; а эта жизнь, оставляющая то, что умираетъ, есть сама душа, и себя самой не оставляетъ. Слѣдовательно душа не умираетъ.

ГЛАВА X.

Душа не есть организація тѣла.

Но можетъ быть мы должны считать душу за нѣкоторую организацію тѣла, какъ думали нѣкоторые? Но подобное представленіе никогда не пришло бы имъ на мысль, если бы тою же самою душою, отрѣшенной и очищенной отъ привычекъ тѣлесныхъ, они были въ состояніи созерцать то, что существуетъ истинно и пребываетъ неизмѣннымъ. Ибо кто хорошо всматривающійся въ себя не испыталъ, что онъ тѣмъ болѣе здраво понимаетъ чтобы то ни было, чѣмъ болѣе бываетъ въ состояніи отвлечь и освободить вниманіе умственное отъ чувствъ тѣлесныхъ? Этого никакъ не могло бы случиться, если бы душа была организаціею тѣлесною. Ибо такая вещь, которая не имѣла бы своей собственной природы и не была бы субстанціею, а была бы присуща субъекту—тѣлу какъ цвѣтъ и форма, никоимъ образомъ не усиливалась бы отстраняться отъ этого самаго тѣла для воспріятія постигаемаго только умомъ, а насколько могло бы тѣло, настолько же могла бы усматривать и она, и посредствомъ такого созерцанія могла бы становиться лучше и превосходнѣе. Ибо форма, или цвѣтъ, или даже самая организація тѣла, которая представляетъ собою опредѣленное смѣшеніе извѣстныхъ четырехъ стихій, изъ которыхъ состоитъ самое тѣло, никоимъ образомъ не можетъ отстраниться отъ того, въ чемъ существуетъ какъ въ

субъектъ нераздѣльно. Къ тому же, то, что уразумѣваетъ душа, когда отвлекается отъ тѣла, отнюдь не есть тѣлесное; тѣмъ не менѣе оно существуетъ, и существуетъ по преимуществу, потому что всегда существуетъ однимъ и тѣмъ же образомъ. Ничего не можетъ быть неслѣпѣе утверждения, что видимое нашими глазами существуетъ, а усматриваемое нашимъ умомъ не существуетъ, когда только безумному свойственно сомнѣваться въ томъ, что умъ несравненно превосходитъ глазъ. Созерцая же то, что представляется всегда существующимъ одинаковымъ образомъ, душа показываетъ, что она соединена съ этимъ нѣкоторымъ удивительнымъ и нетѣлеснымъ способомъ, т. е. не по мѣсту. Все это существуетъ въ ней, или она сама существуетъ въ этомъ. И при этомъ одно изъ двухъ: или одно существуетъ въ другомъ какъ въ субъектѣ, или и то и другое субстанція. Если имѣетъ мѣсто первое, то душа не существуетъ въ тѣлѣ, какъ субъектѣ, въ родѣ цвѣта и формы: потому, что она или сама есть субстанція, или присуща, какъ субъекту, другой субстанціи, которая не есть тѣло. Если же вѣрно второе, то душа не существуетъ въ тѣлѣ, какъ въ субъектѣ, въ видѣ цвѣта, потому что сама есть субстанція. Организация же тѣла существуетъ въ субъектѣ-тѣлѣ какъ цвѣтъ. Итакъ душа не есть организація тѣла; но душа есть жизнь; а никакая вещь не оставляетъ себя самой; то же, что умираетъ, оставляется жизнью. Слѣдовательно душа не можетъ умереть.

ГЛАВА XI.

Душа не умираетъ черезъ ложь, противную истинѣ, хотя бытіемъ своимъ душа обязана истинѣ.

Итакъ, если слѣдуетъ все же чего опасаться, то слѣдуетъ опасаться, чтобы душа не умерла отъ убыли, т. е. въ томъ случаѣ, если бы она потеряла самый видъ своего

существованія. Хотя мнѣ кажется, что объ этомъ предметѣ сказано достаточно и хотя нельзя съ точностію показать, какъ это могло бы случиться, однако слѣдуетъ прибавить, что для опасенія этого рода нѣтъ другой причины, кромѣ той, что въ душѣ глупой мы должны признать нѣкоторую убыль, а въ душѣ мудрой большую наличность и полноту сущности. Но если, въ чемъ никто не сомнѣвается, душа бываетъ самою мудрою тогда, когда созерцаетъ всегда одинаково существующую истину и пребываетъ въ ней неподвижно, соединенная съ нею божественною любовію, и если все то, что какимъ бы то ни было образомъ существуетъ, получаетъ бытіе отъ той сущности, которая существуетъ высшимъ и превосходнѣйшимъ образомъ: то душа, насколько существуетъ, или получаетъ бытіе отъ ней, или существуетъ сама чрезъ себя. Но если она существуетъ сама чрезъ себя, то поколику сама служитъ причиною своего существованія и никогда не оставляетъ себя, она никогда и не умираетъ, какъ разсуждали мы и выше. Но если она получаетъ бытіе отъ истины, то нужно внимательно разслѣдывать, что можетъ быть такое противное истинѣ, что отняло бы у души ея бытіе какъ души, доставляемое ей истинною. Что же это такое? Не ложь ли это, такъ какъ она—истина? Но насколько душѣ можетъ вредить ложь, это очевидно и у всѣхъ передъ глазами. Вѣдь большаго не можетъ она сдѣлать, какъ только обмануть? А обманывается только тотъ, кто живетъ. Слѣдовательно ложь не можетъ убить душу. Если же то, что противно истинѣ, не можетъ отнять у души ея бытіе какъ души, которое дала ей истина (ибо до такой степени непобѣдима истина): то что найдется другое, что отняло бы у души то, что она есть душа? Разумѣется, ничто: ибо ничто не можетъ быть сильнѣе противоположнаго для уничтоженія того, что производитъ противоположное ему.

ГЛАВА XII.

Истинь, благодаря которой душа есть то, что она есть, насколько она существуетъ сама, ничто не противно.

Но если мы станемъ искать противнаго истинѣ не насколько она есть истина, а насколько она существуетъ высшимъ и преимущественнѣйшимъ образомъ (хотя она настолько и существуетъ, насколько есть истина; потому что истинною мы называемъ то, въ силу чего истинно все, что въ какомъ либо видѣ существуетъ, а существуетъ оно настолько, насколько есть истинно): то и отъ этого я не уклонюсь, потому что это еще очевидноѣ будетъ въ мою пользу. Ибо никакая сущность, насколько она сущность, не имѣетъ чего либо противоположнаго себѣ; тѣмъ менѣе можетъ имѣть противоположное себѣ та первая сущность, насколько она сущность, которая называется истинною. Ибо всякая сущность не почему либо иному есть сущность, какъ потому, что она существуетъ. Существованію же противоположно только несуществованіе. Поэтому сущности противоположно ничто. Итакъ вовсе нѣтъ вещи, которая могла бы быть противоположна той субстанціи, которая существуетъ преимущественнымъ и первоначальнымъ образомъ. Если и душа имѣетъ отъ ней то самое, чѣмъ она есть (а она, если не имѣетъ отъ себя, и не можетъ этого имѣть ни откуда, какъ только отъ той вещи, которая этимъ самымъ превосходить душу), то нѣтъ никакой вещи, которая отняла бы это, потому что нѣтъ вещи противоположной той, отъ которой она это имѣетъ; и поэтому она не перестанетъ существовать. Но мудрость, которую душа имѣетъ вслѣдствіе обращенія своего къ тому, отъ чего получаетъ бытіе, она можетъ потерять вслѣдствіе отвращенія отъ него. Ибо обращенію противоположно отвращеніе. То же, что она имѣетъ отъ

того, чему ничто не противоположно, то не можетъ ни отъ чего потерять. Итакъ она не можетъ умереть.

ГЛАВА XIII.

Душа не обращается и въ тѣло.

При этомъ можетъ возникнуть одинъ вопросъ: такъ какъ душа не уничтожается, то не измѣняется ли она въ нѣкоторую худшую сущность? Ибо кому нибудь можетъ показаться, и не безъ основанія, что изъ этого разсужденія слѣдуетъ, что душа не можетъ дойти до ничтожества, но обратиться въ тѣло пожалуй можетъ. Вѣдь если бывшее прежде душою сдѣлается тѣломъ, оно отнюдь не перестанетъ существовать вовсе. Но этого не можетъ случиться иначе, какъ если или она сама того пожелаетъ, или будетъ вынуждена къ тому другимъ. Впрочемъ, сама ли бы душа того пожелала или была къ тому вынуждена, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы она могла сдѣлаться тѣломъ. Если бы такое случилось, то слѣдовало бы, что она того желаетъ или вынуждена къ тому. Но не слѣдуетъ, что если бы она пожелала или была принуждена къ тому, то это и было бы. Но она никогда этого и не захочетъ. Ибо всѣ желанія ея относительно тѣла сводятся къ тому, чтобы владѣть имъ, или оживлять его, или какимъ либо образомъ дѣйствовать, или въ какомъ либо отношеніи заботиться о немъ. Но всего этого быть не можетъ, если она не будетъ лучше тѣла. А если станетъ тѣломъ, то лучше тѣла ни въ какомъ случаѣ не будетъ. Слѣдовательно быть тѣломъ она не пожелаетъ. Впрочемъ, самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ этого будетъ то, если на этотъ счетъ спросить сама себя душа. Этимъ путемъ она легко откроетъ, что не имѣетъ никакого другого желанія, кромѣ желанія дѣлать что нибудь, или знать, или чувствовать, или только жить, насколько она располагаетъ своею собственною властію.

Если же ее принуждаютъ стать тѣломъ, то кто принуждаетъ? Конечно, кто нибудь болѣе могущественный. Въдъ само тѣло принуждать ее не можетъ. Ибо никакое тѣло не могущественнѣе какой бы то ни было души. Душа же болѣе могущественная принуждаетъ къ чему либо только подчиненное ей власти. Но душа подчиняется власти другой души единственно посредствомъ своихъ пожеланій. Итакъ и болѣе могущественная душа принуждаетъ лишь настолько, насколько дозволяютъ собственныя пожеланія той, которую она принуждаетъ. Но сказано, что душа не можетъ имѣть желанія быть тѣломъ. При томъ очевидно, что душа не достигнетъ никакого исполненія своего желанія, какъ скоро потеряетъ всякое желаніе; а она потеряетъ его, какъ скоро станетъ тѣломъ. Итакъ она не можетъ быть принуждена стать тѣломъ со стороны того, кто имѣетъ право принуждать только чрезъ подчиненныя его власти пожеланія. За тѣмъ, всякая душа, имѣющая во власти другую душу, естественно пожелаетъ лучше имѣть во власти ее, чѣмъ тѣло, и лучше ей пожелаетъ по добротѣ своей помочь, или съ зложелательствомъ давать повелѣнія. Поэтому она не захочетъ, чтобы та была тѣломъ.

Наконецъ, эта принуждающая душа есть или животное, или тѣла не имѣетъ. Но если она не имѣетъ тѣла, то она не есть и въ этомъ мірѣ. А если это такъ, то она въ высшей степени благая душа, и не можетъ желать другой такого гнуснаго измѣненія. Если же она животное, то и та, которую она принуждаетъ, есть также животное, или нѣтъ. Если она не животное, то не можетъ быть принуждена другою ни къ чему. Ибо тотъ не имѣетъ могущественнѣйшаго себя, кто стоитъ на высочайшей степени. Если же она существуетъ въ тѣлѣ, то къ чему ни принуждается отъ той, которая существуетъ также въ тѣлѣ, принуждается чрезъ тѣло. А кто усумнится, что такое измѣненіе души нико-

имъ образомъ не можетъ совершиться чрезъ тѣло? Совершилось бы, еслибы тѣло было могущественнѣе ея; между тѣмъ какъ все, къ чему она принуждается тѣломъ, въ существѣ дѣла принуждается не тѣломъ, а своими собственными пожеланіями, о которыхъ сказано достаточно. Всѣ согласны, что лучшее разумной души есть Богъ. А Богъ несомнѣнно печется о душѣ, и поэтому не Имъ можетъ быть принуждаема душа обратиться въ тѣло.

ГЛАВА XIV.

Ни сонъ, ни другое подобнаго рода состояніе тѣлесное не убавляетъ силы души.

Итакъ если ни по собственной волѣ, ни по чужому принужденію душа не подвергается этому, то что могло бы ее этому подвергнуть? Ужь не потому ли, что насъ часто невольно одолѣваетъ сонъ, намъ слѣдуетъ бояться, чтобы какимъ либо подобнымъ затемнѣніемъ душа наша не обратилась въ тѣло? Но развѣ отъ того, что сонъ приводитъ въ разслабленіе наши члены, душа наша дѣлается въ какомъ либо отношеніи безсильнѣе? Онъ не чувствуетъ только подлежащее чувствамъ, потому что то, что производитъ сонъ, возникаетъ изъ тѣла и дѣйствуетъ въ тѣлѣ. Онъ приводитъ въ безчувственное состояніе и нѣкоторымъ образомъ заелоняетъ тѣлесныя чувства, такъ однакоже, что душа уступаетъ этому измѣненію съ удовольствіемъ; потому что измѣненіе это, возобновляющее тѣлесныя силы послѣ трудовъ, происходитъ по закону природы. Онъ не отнимаетъ однакоже у души силы ни чувствовать, ни понимать. Ибо она имѣетъ предъ глазами и образы чувственныхъ предметовъ, съ такимъ даже выраженіемъ сходства, что въ то самое время ихъ нельзя отличить отъ тѣхъ предметовъ, которыхъ они суть образы; и если что уразумѣваетъ, то бываетъ одинаково истинно и для спящаго и для бодрствующаго. На-

примѣръ, если кто во снѣ увидитъ себя разсуждающимъ и будетъ въ состязаніи утверждать что нибудь на основаніи истинныхъ положеній, то положенія эти и по пробужденіи останутся тѣми же неизмѣнно, хотя и окажется ложнымъ остальное, какъ напримѣръ мѣсто, гдѣ представлялось веденнымъ разсужденіе, лицо, съ которымъ оно велось, самыя слова съ звуковой ихъ стороны, какими состязаніе велось, и другое тому подобное, что когда чувствуется и дѣлается даже бодрствующими, также проходитъ безслѣдно, и ни въ какомъ отношеніи не напоминаетъ вѣчнаго присутствія истинныхъ основоположеній. Это ведетъ къ заключенію, что такое тѣлесное измѣненіе, какое представляетъ собою сонъ, можетъ отнимать у души пользованіе тѣломъ, но не ея собственную жизнь.

ГЛАВА XV.

Снова о томъ, что душа не можетъ измѣниться въ тѣло.

Наконецъ, если съ тѣломъ, занимающимъ извѣстное мѣсто, душа связана не мѣстомъ, то тѣ высшія и вѣчныя причины, которыя пребываютъ неизмѣнно и не содержатся въ какомъ либо мѣстѣ, дѣйствуютъ прежде на душу, чѣмъ на тѣло, и не только прежде, но и преимущественнымъ образомъ. Дѣйствуютъ настолько прежде, насколько оно къ нимъ ближе, и настолько преимущественнымъ образомъ, насколько она лучше тѣла. Близость же эта разумѣется не по мѣсту, а по порядку природы. Подразумѣвается, что въ силу этого порядка верховная сущность даетъ чрезъ посредство души тѣлу тотъ видъ, въ которомъ оно существуетъ, насколько существуетъ. Итакъ тѣло существуетъ чрезъ душу, и въ силу того самаго, что одушевлено, общимъ ли образомъ, какъ міръ, или частнымъ, какъ всякое животное въ мірѣ. Отсюда прямое заключеніе, что душа

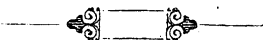
могла бы сдѣлаться тѣломъ черезъ душу, но иначе никакъ не можетъ. Но такъ какъ этого не бываетъ: потому что, пока душа пребываетъ въ томъ, чему она служить душою, тѣло существуетъ благодаря ей, которая даетъ ему видъ, а не отнимаетъ; то душа въ тѣло измѣниться не можетъ. Ибо если бы она не передавала тѣлу того вида, который получила отъ высочайшаго блага, тѣло существовало бы не черезъ нее; а еслибы оно не существовало черезъ нее, то или не существовало бы вовсе, или также получало бы свой видъ ближайшимъ образомъ, было бы тоже, что и душа. Ибо въ этомъ и заключается различіе: душа потопику лучше, что получаетъ ближайшимъ образомъ. Но и тѣло получало бы также ближайшимъ образомъ, если бы получало не чрезъ душу. Ибо при отсутствіи какого бы то ни было посредства оно непремѣнно получало бы стольже близкимъ образомъ. Кромѣ оживляющей души, нѣтъ ничего, что находилось бы между высочайшею жизнію, которая есть мудрость и неизмѣнная истина, и тѣмъ, что оживляется, какъ послѣднее по порядку, т. е. тѣломъ. Поэтому если душа передаетъ тѣлу видъ, чтобы оно было тѣломъ, насколько существуетъ какъ тѣло: то никоимъ образомъ она, передавая видъ, не отнимаетъ его. А она отнимала бы, измѣняя душу въ тѣло. Итакъ душа не дѣлается тѣломъ ни сама чрезъ себя, потому что тѣло существуетъ только подъ условіемъ пребыванія души чрезъ душу; ни чрезъ другую душу, потому что тѣло существуетъ только чрезъ душу передачею вида, а душа обратилась бы въ тѣло, если бы только обратилась, чрезъ отнятіе вида.

ГЛАВА XVI.

Душа разумная не обращается и въ душу неразумную. Душа находится вся какъ въ цѣломъ тѣлѣ, такъ и въ отдѣльных частяхъ.

Тоже можно сказать и относительно души или жизни неразумной, т. е. что душа разумная и въ нее не обращается. Ибо и неразумная душа подчинена разумной въ силу низшаго порядка, и чтобы быть таковою, отъ ней получаетъ видъ. По естественному порядку, видъ, принятый отъ высочайшей крассты, слабѣйшимъ передаютъ сильнѣйшія. Передавая же, они ни въ какомъ случаѣ не отнимаютъ. И слабѣйшія потоліку существуютъ, насколько существуютъ, поколику имъ передается видъ сильнѣйшими. Сильнѣйшія же вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшія. Такова уже особенность этихъ натуръ, что онѣ преимуществуютъ не большею массою надъ меньшими массами, а независимо отъ всякаго пространственнаго объема сильнѣе и лучше самымъ видомъ. Въ такомъ родѣ душа лучше и могущественнѣе тѣла. Поэтому-то, если чрезъ нее, какъ сказано, существуетъ тѣло,—сама она никоимъ образомъ въ тѣло обратиться не можетъ. Ибо тѣло существуетъ потому только, что получаетъ чрезъ душу видъ. Душа же, чтобы сдѣлаться тѣломъ, должна не принимать, а терять видъ; что невозможно, если только душа не заключена въ опредѣленномъ мѣстѣ и не соединена съ тѣломъ мѣстнымъ образомъ. Въ послѣднемъ случаѣ, пожалуй, бѣлая масса быть можетъ и была бы въ состояніи обратитъ лучшій видъ въ свой худшій, какъ масса воздуха малый огонекъ. Но этого нѣтъ. Ибо всякая масса, занимающая мѣсто, получаетъ цѣлостность свою отъ всѣхъ частей, а не существуетъ вся въ каждой отдѣльной части. Одна часть ея находится въ одномъ мѣстѣ, другая въ другомъ. Душа же не только всей массѣ своего тѣла, но и каж-

дой отдѣльной частичкѣ его присуща въ одно и то же время вся. Она вся чувствуетъ страданіе части тѣла, и чувствуетъ его однакоже не во всемъ тѣлѣ. Когда болить что нибудь на ногѣ, это замѣчаетъ глазъ, говоритъ о томъ языкъ, притягивается къ тому рука. Этого не было бы, если бы душа, насколько присуща въ тѣхъ частяхъ, не чувствовала и въ ногѣ; а чувствовать, что тамъ дѣлается, она не могла бы, если бы отсутствовала. Ибо невѣроятно, чтобы это дѣлалось чрезъ посредство какого либо вѣстника, не чувствующаго того, о чемъ извѣщаетъ; потому что страданіе, которое бываетъ, не пробѣгаетъ по непрерывному продолженію массы тѣлесной, чтобы не дать ему укрыться отъ остальныхъ частей души, находящихся въ другихъ мѣстахъ; а душа вся цѣликомъ чувствуетъ то, что происходитъ въ частичкѣ ноги, и чувствуетъ только тамъ, гдѣ оно происходитъ. Слѣдовательно она вся цѣликомъ присутствуетъ одновременно въ каждой изъ отдѣльныхъ частей: потому что вся одновременно чувствуетъ въ каждой изъ нихъ. И присутствуетъ цѣликомъ вся не такъ однакоже, какъ бѣлизна, или другое того же рода качество, бываетъ вполне присуща той или другой части тѣла. Ибо измѣненіе въ бѣлизнѣ, которое терпитъ тѣло въ одной части, можетъ не имѣть никакого отношенія къ бѣлизнѣ его въ другой. Это служитъ доказательствомъ, что соответственно взаимному между собою разстоянію частей массы тѣлесной и она сама находится въ извѣстныхъ отъ себя разстояніяхъ. А что въ душѣ этого нѣтъ, доказывается чувствомъ, о которомъ сказано.

О КОЛИЧЕСТВѢ ДУШИ.

ОДНА КНИГА.

Въ этомъ разговорѣ собесѣдникъ предлагаетъ блаженному Августину шесть вопросовъ о душѣ. Предположивъ рассмотреть болѣе обстоятельно третій изъ нихъ, именно—колика душа, блаженный Августинъ прежде всего различаетъ двоякій родъ количества: одинъ, подъ которымъ разумѣется масса и обширность занимаемаго предметомъ мѣста, и другой, подъ которымъ разумѣется сила и доблесть; первый, какъ свойственный тѣлу, онъ не допускаетъ въ отношеніи къ душѣ; послѣдній же открываетъ въ ней. За тѣмъ онъ обозначаетъ семь степеней этого количества, по которымъ судить, какую силу имѣетъ душа какъ въ тѣлѣ, такъ сама по себѣ и предъ Богомъ.

ГЛАВА I.

Евродій предлагаетъ шесть вопросовъ о душѣ. Откуда душа. Отчизна души—Богъ. Субстанція души своя особенная и простая

Такъ какъ я вижу, что у тебя много досуга, то прошу отвѣтить мнѣ на вопросы, которые занимаютъ меня, по моему мнѣнію, благовременно и умѣстно. Часто, когда я спрашивалъ тебя о многомъ, ты считалъ нужнымъ останавливать меня какимъ-то греческимъ изрѣченіемъ, которое запрещаетъ намъ доискиваться того, что выше насъ. Но въ данномъ случаѣ я не думаю, чтобы мы сами были выше насъ. Вѣдь если я спрашиваю о душѣ, не заслуживаю же отвѣта: Что намъ до того, что выше насъ? А вѣроятно заслуживаю услышать, что такое мы. А. Перечисли коротко, что ты желаешь слышать о душѣ. Е. Изволь: у меня это подготовлено долговременнымъ размышленіемъ. Я спрашиваю: откуда душа;

какова она; колика она; за чѣмъ она дана тѣлу; какую она становится, когда входить въ тѣло, и какую—когда оставляетъ его?

А. Твой вопросъ: откуда душа, я вынужденъ понимать въ двоякомъ смыслѣ. Въ одномъ смыслѣ мы говоримъ: откуда этотъ человѣкъ, когда желаемъ знать, гдѣ его отчизна; и въ другомъ—откуда онъ, когда спрашиваемъ, изъ чего состоитъ, т. е. изъ какихъ элементовъ и вещей составленъ. О чемъ изъ этого желаешь ты знать, когда спрашиваешь, откуда душа? Е. Я съ своей стороны желалъ бы знать о томъ и другомъ; но о чемъ слѣдуетъ знать прежде, предпочитаю предоставить твоему усмотрѣнiю. А. Собственно душѣ принадлежащее мѣстопробыванiе и отчизна ея, я полагаю, есть самъ Богъ, который сотворилъ ее. Но субстанцiю души я назвать не могу. Я не думаю, чтобы она была изъ тѣхъ обыкновенныхъ и извѣстныхъ стихiй, которыя подпадаютъ подъ эти тѣлесныя чувства. Я думаю, что душа не состоитъ ни изъ земли, ни изъ воды, ни изъ воздуха, ни изъ огня, ни изъ какого либо соединенiя ихъ. Если бы спросилъ у меня, изъ чего состоитъ это дерево, я назвалъ бы тебѣ эти четыре общеизвѣстныя стихiи, изъ которыхъ, нужно полагать, состоитъ все подобное; но если ты продолжишь спрашивать: изъ чего состоитъ сама земля, или вода, или воздухъ, или огонь,—я уже не найдусь, что сказать на это. Также точно, когда спрашиваютъ: изъ чего составленъ человѣкъ, я могу отвѣчать: изъ души и тѣла; и если еще спросишь о тѣлѣ, я сошлюсь на указанныя четыре стихiи. Но при вопросѣ твоемъ о душѣ, которая есть нѣчто всегдашнее и своей особенной субстанцiи, я нахожусь въ такомъ же затрудненiи, какъ если бы спросили: изъ чего земля? Е. Какимъ образомъ ты утверждаешь, что она имѣетъ свою собственную субстанцiю, когда ты сказалъ, что она сотворена Богомъ; этого я не понимаю. А. А такимъ же

образомъ, какъ не могу я отрицать, что Богъ сотворилъ и самую землю; и однакоже не могу сказать, изъ какихъ какъ бы другихъ тѣлъ состоитъ земля. Ибо земля есть тѣло простое потому самому, что она земля, и отъ того называется стихіею всѣхъ тѣхъ тѣлъ, которыя состоятъ изъ четырехъ стихій. Слѣдовательно высказанная нами мысль, что душа и Богомъ создана, и имѣеть нѣкоторую свою природу, не заключаетъ въ себѣ противорѣчія. Ибо эту нѣкоторую особенную ея и ея собственную природу сотворилъ самъ же Богъ, какъ сотворилъ природу огня, воздуха, воды и земли, изъ которыхъ вмѣстѣ составляется остальное.

ГЛАВА II.

Какова душа.

Е. Съ тѣмъ, откуда душа, т. е. что она отъ Бога, я пока соглашаюсь; внимательно объ этомъ самъ съ собою поразмыслию, и если встрѣтится какое нибудь недоумѣніе, спрошу послѣ. Теперь прошу объяснить мнѣ, какова она. А. Мнѣ кажется, что она подобна Богу. Вѣдь ты, если не ошибаюсь, спрашиваешь о душѣ человѣческой. Е. Этого-то именно я и желалъ, чтобы ты объяснилъ мнѣ, какимъ образомъ душа подобна Богу, когда о Богѣ мы вѣримъ, что Онъ не созданъ никѣмъ, а душа человѣческая, какъ ты выше сказалъ, создана Богомъ. А. Какъ, ты полагаешь, что Богу было трудно создать нѣчто подобное Ему, когда видишь, что это по силамъ и намъ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ? Е. Но вѣдь мы производимъ смертное; а Богъ создалъ душу, какъ думается мнѣ, бессмертную. Или тебѣ это, можетъ быть, кажется иначе? А. Стало бытъ ты хотѣлъ бы, чтобы и люди творили такое же, какое сотворилъ Богъ? Е. Я не говорилъ этого. Но какъ онъ, будучи самъ бессмертнымъ, сотворилъ нѣчто бессмертное по подобію своему, такъ и то, что творимъ по своему подобію мы, создан-

ные отъ Бога безсмертными, должно бы быть безсмертнымъ. А. Ты былъ бы правъ, если бы нарисовалъ картину по образу того, что считаешь въ себѣ безсмертнымъ; а при данныхъ условіяхъ ты изображаешь на ней подобіе тѣла, которое исполнѣ смертно. Е. Какимъ же образомъ я подобенъ Богу, если не могу творить ничего безсмертнаго, какъ творить Онъ? А. Какъ изображеніе твоего тѣла не можетъ имѣть той силы, какую имѣетъ твое тѣло, такъ не слѣдуетъ удивляться, если и душа не имѣетъ столько могущества, сколько имѣетъ Тотъ, по чьему подобію она сотворена.

ГЛАВА III.

Колика душа.

Е. Пока достаточно и этого. Теперь скажи, колика душа. А. Въ какомъ смыслѣ ты спрашиваешь, колика. Я не понимаю, спрашиваешь ли ты какъ бы о размѣрахъ ея широты, долготы, толщины, или всего этого вмѣстѣ; или желаешь знать, какую она обладаетъ силою. Мы имѣемъ, на примѣръ, обыкновеніе спрашивать, коликъ былъ Геркулесъ, т. е. сколькихъ футовъ достигалъ его ростъ; равно и коликъ онъ мужъ, т. е. какъ велика была его сила и доблесть. Е. Я желаю знать о душѣ и то и другое. А. Но первое не можетъ быть говоримо и даже мыслимо о душѣ. Ибо о душѣ никоимъ образомъ нельзя предполагать, чтобы она была или длинна, или широка, или какъ бы массивна: все это тѣлесное, и душу въ этомъ родѣ представляемъ мы по привычкѣ къ тѣламъ. Поэтому и въ таинствахъ благоразумно повелѣвается, чтобы презрѣлъ все тѣлесное и отрекся отъ этого міра (который, какъ мы видимъ, есть міръ тѣлесный) тотъ, кто желаетъ явиться такимъ, какимъ онъ сотворенъ отъ Бога, т. е. подобнымъ Богу, такъ какъ для души нѣтъ другаго спасенія, другаго обновленія, другаго примиренія съ

творцемъ ея. Поэтому сколько велика душа,—если изслѣдывать ее въ означенномъ направленіи,—я сказать тебѣ не могу; но могу утверждать, что она не длинна, не широка, не массивна, и не имѣетъ ничего, что обыкновенно отыскивается при измѣреніи тѣлъ. Почему я такъ думаю, я готовъ представить тебѣ, если угодно, и основаніе. Е. Мнѣ это угодно, и я сильно этого желаю: потому что мнѣ кажется, что душа есть какъ бы ничто, если въ ней нѣтъ ничего изъ сказаннаго. А. Но можетъ быть прежде я покажу тебѣ, что есть много вещей, о которыхъ ты не можешь сказать, что онѣ ничто, и въ которыхъ однакоже не можешь найти тѣхъ измѣреній, какихъ ищешь въ душѣ; такъ что ты увидишь изъ этого, что душа не только не есть ничто въ силу того, что въ ней не находишь ни долготы, ни другаго тому подобнаго, но еще тѣмъ цѣннѣе и тѣмъ почетнѣе, что ничего этого не имѣетъ. А потомъ мы разсмотримъ, дѣйствительно ли она ничего этого не имѣетъ. Е. Употребляя какой хочешь порядокъ и способъ; я готовъ слушать и учиться.

ГЛАВА IV.

*Душа есть ничто, хотя она ни длинна, ни широка.
Что такое высота. Что такое вѣтеръ.*

А. Прекрасно дѣлаешь. Но я хотѣлъ бы, чтобы ты отвѣчалъ мнѣ на мои вопросы; вѣдь можетъ случиться, что ты уже знаешь то, чему я усиливаюсь научить тебя. Полагаю, что ты не сомнѣваешься, что это дерево не есть рѣшительно ничто? Е. Кто сталъ бы въ этомъ сомнѣваться? А. Ну, а сомнѣваешься ли ты, что справедливость гораздо лучше дерева? Е. Это было бы поистинѣ смѣшно: какъ будто можетъ быть здѣсь какое сравненіе. А. Ты искренно ведешь со мною дѣло. Но обрати теперь вниманіе на слѣ-

дующее. Если ты согласенъ, что дерево настолько хуже справедливости, что по твоему мнѣнію не можетъ быть и сравненія для него, а между тѣмъ ты призналъ, что это дерево не есть ничто; то полагаешь ли ты, что мы сочтемъ за ничто эту справедливость? Е. Какой безумецъ счелъ бы ее такую? А. Совершенно справедливо. Но можетъ быть это дерево потому кажется тебѣ чѣмъ-то, что оно по своему длинно, широко и массивно, такъ что если бы отнялъ у него это, оно стало бы ничѣмъ. Е. Кажется такъ. А. Такъ стало быть справедливость, о которой ты сказалъ, что она не есть ничто, что она есть даже вѣчто далеко болѣе божественное и болѣе превосходное, чѣмъ дерево, кажется тебѣ длиною? Е. Мнѣ никакъ не можетъ прійти на мысль, чтобы справедливость была длинна, или широка, или что либо другое въ томъ же родѣ. А. Но если справедливость не есть что либо въ этомъ родѣ, и однакоже не есть ничто: то почему же тебѣ кажется ничѣмъ душа, если она не имѣетъ какой либо длины? Е. Представляй уже, что мнѣ не кажется, что душа потому ничто, что не длинна, не широка, и не массивна; но ты знаешь самъ, что еще ничѣмъ не доказалъ, что это дѣйствительно такъ. Весьма возможно, что многое не имѣющее этого, должно быть признаваемо за великое; но изъ этого по моему мнѣнію не слѣдуетъ, что я долженъ считать душу принадлежащею къ тому же роду.

А. Знаю, что мнѣ остается объяснить это и что на этомъ я общалъ по порядку остановиться; но такъ какъ предметъ этотъ весьма тонкій и требуетъ совершенно другихъ воззрѣній, чѣмъ какія люди привыкли имѣть въ дѣлахъ обыденной жизни: то я прошу тебя не тяготиться идти тѣмъ путемъ, какимъ считаю нужнымъ вести тебя, не утомляться нѣкоторою необходимою околичностію и не досадовать, что придешь нѣсколько позже къ тому, чего желаешь. Прежде всего спрошу тебя, полагаешь ли ты, что есть ка-

кое нибудь тѣло, которое не имѣло бы соотвѣтственно своему виду нѣкоторой длины, ширины и высоты? Е. Я не понимаю, что ты называешь высотой. А. Я называю высотой измѣреніе, которымъ опредѣляется внутреннее содержаніе тѣла, мыслимое или ощущаемое, если тѣло прозрачно, какъ стекло; ибо если ты отнимешь это у тѣлъ, то они,—по крайней мѣрѣ таково мое мнѣніе,—не могутъ быть ни ощущаемы, ни вообще правильно признаваемы за тѣла. Итакъ скажи, что ты думаешь по этому предмету. Е. Я нисколько не сомнѣваюсь, что всѣ тѣла не могутъ не имѣть этого. А. Ну, а думаешь ли ты, что эти три существуютъ только въ тѣлахъ? Е. Не понимаю, какъ могли бы они существовать въ чемъ либо другомъ. А. Стало быть ты думаешь, что душа есть ни что иное, какъ тѣло? Е. Если мы и вѣтеръ признаемъ за тѣло, то я не могу отрицать, что по моему мнѣнію и душа есть тѣло: потому что я представляю ее себѣ чѣмъ-то въ этомъ родѣ. А. Я согласенъ пожалуй, что вѣтеръ есть тѣло въ томъ смыслѣ, въ какомъ волна, если бы ты спросилъ о ней. Ибо мы чувствуемъ, что вѣтеръ есть ничто иное, какъ этотъ воздухъ, всколышенный и приведенный въ движеніе; въ мѣстѣ особо покойномъ и защищенномъ отъ всякихъ вѣтровъ это можно доказать маленькимъ опахаломъ, которымъ мы, даже прогоняя мухъ, приводимъ воздухъ въ колебаніе, и чувствуемъ дуновеніе. Когда же это происходитъ въ силу болѣе тайнаго движенія тѣлъ небесныхъ или земныхъ на большомъ пространствѣ міра, то называется вѣтромъ, который носитъ различныя имена по различнымъ странамъ неба. Или тебѣ это кажется иначе? Е. Мнѣ ничего не кажется, и то, что ты говоришь, я нахожу вѣроятнымъ; но я сказалъ, что душа есть не самый вѣтеръ, а нѣчто въ такомъ родѣ. А. Ты скажи мнѣ прежде, думаешь ли ты, что самый-то вѣтеръ, о которомъ ты упоминалъ, имѣетъ какую либо длину, ширину и вы-

соту? За тѣмъ мы посмотримъ, есть ли нѣчто въ томъ же родѣ душа, чтобы мы могли такимъ же образомъ изслѣдовать и ея величину. Е. Что можно найти большее по длинѣ, ширинѣ и высотѣ, чѣмъ этотъ воздухъ, который, какъ ты меня убѣдилъ теперь, если приведенъ въ движеніе, дѣлается вѣтромъ?

ГЛАВА V.

Сила души безпредѣльна.

А. Ты прекрасно говоришь; но не полагаешь ли ты, что душа твоя существуетъ только въ твоемъ тѣлѣ? Е. Я думаю такъ. А. Но какъ ты думаешь, существуетъ ли она только внутри, наполняя тѣло, какъ мѣхъ, или только снаружи, въ видѣ покрывала, или и снаружи и внутри? Е. Думаю такъ, какъ ты сказалъ въ заключеніе. Ибо если бы она не была внутри, не было бы ничего жизненнаго въ нашихъ внутренностяхъ; а если бы ея не было и снаружи, ты не могъ бы чувствовать и легкаго укола на кожѣ. А. Такъ ачѣмъ же тебѣ болѣе спрашивать, колика душа, если видишь, что она такова, какою дозволяетъ ей быть самый объемъ тѣла? Е. Если этому учить разумъ, я больше ни о чемъ не спрашиваю. А. Ты прекрасно поступаешь, если не ищешь болѣе того, чему учить разумъ. Но кажется ли тебѣ это заключеніе очень твердымъ? Е. Кажется, какъ скоро я не нахожу другаго. Но въ своемъ мѣстѣ я предложу тебѣ весьма занимающій меня вопросъ: сохранить ли она эту фигуру, когда выйдетъ изъ тѣла; я помню, что поставилъ это въ концѣ подлежащихъ разсмотрѣнію вопросовъ. А такъ какъ къ количеству же души, по моему мнѣнію, относится и вопросъ о числѣ душъ: то думаю, что въ своемъ мѣстѣ не слѣдуетъ обойти и этого. А. Мысль умѣстная; но прежде потолкуемъ, если угодно, объ объемѣ ея, который меня еще

продолжаетъ занимать, чтобы я и самъ чему нибудь поучился, если ты уже удовлетворенъ. Е. Спрашивай о чемъ хочешь: потому что это притворное сомнѣніе твое заставляетъ меня самымъ дѣйствительнымъ образомъ сомнѣваться въ томъ, что я предполагалъ уже поконченнымъ.

А. Скажи мнѣ, пожалуйста, то, что называется памятью; не кажется ли тебѣ пустымъ именемъ? Е. Кому это можетъ казаться? А. Считаешь ли ты ее принадлежностію души, или тѣла? Е. И въ этомъ сомнѣваться смѣшно: Развѣ можно вѣрить или быть убѣжденнымъ, что бездушное тѣло что нибудь помнитъ? А. Помнишь ли ты однакоже городъ Медиоланъ? Е. Весьма помню. А. Такъ какъ мы о немъ теперь вспомнили, то ты припоминаешь, конечно, какъ онъ великъ и каковъ онъ? Е. Разумѣется, припоминаю, и при томъ какъ нельзя живѣе и вѣрнѣе. А. Стало быть, не видя его въ настоящее время глазами, ты видишь душою. Е. Совершенно такъ. А. Полагаю тайже, что ты помнишь, какимъ большимъ пространствомъ областей онъ въ настоящее время отдѣленъ отъ насъ? Е. Помню и это. А. И такъ ты видишь душою и самое разстояніе мѣсть. Е. Вижу. А. Но если душа твоя находится здѣсь же, гдѣ и тѣло, и не простирается далѣе объема его, какъ то доказано вышеприведеннымъ заключеніемъ: то какъ это дѣлается, что оно все то видитъ? Е. Полагаю, что это дѣлается посредствомъ памяти; потому что она не присутствуетъ въ тѣхъ мѣстахъ. А. Слѣдовательно въ памяти содержатся образы тѣхъ мѣсть? Е. Думаю, что такъ: потому что я не знаю того, что въ настоящее время дѣлается тамъ; а я бы зналъ это, еслибы моя душа простиралась даже до тѣхъ мѣсть и чувствовала, что тамъ происходитъ въ настоящее время. А. Ты, на мой взглядъ, говоришь истину; но дѣйствительно ли образы эти суть образы тѣлъ? Е. Необходимо такъ: потому что города и области суть не что иное, какъ тѣла.

А. А не смотрѣлъ ли ты когда нибудь въ маленькое зеркальце, или не видѣлъ ли когда нибудь своего лица въ зрачкѣ чужаго глаза? Е. Даже часто. А. Почему оно представляется тамъ гораздо меньшимъ, чѣмъ есть на дѣлѣ? Е. А ты развѣ хотѣлъ бы, чтобы оно представлялось въ другомъ размѣрѣ, чѣмъ какой имѣеть зеркало? А. Слѣдовательно изображенія тѣлъ необходимо должны представляться малыми, если малы тѣла, въ которыхъ они представляются. Е. Совершенно необходимо. А. Но если душа также мала по объему, какъ и ся тѣло: то какимъ образомъ въ ней могутъ отпечатлѣваться такіе великіе образы, что она можетъ представлять въ своемъ воображеніи и города, и обширныя области и другія всякія громады? Я желалъ бы, чтобы ты нѣсколько внимательнѣе подумалъ надъ тѣмъ, сколько великаго и какъ много содержитъ въ себѣ наша память, которая въ свою очередь содержится въ душѣ. Какой слѣдовательно въ ней есть грунтъ, какое нѣдро, какая неизмѣримость, если она можетъ все это принять; между тѣмъ какъ вышеприведенное заключеніе по видимому доказываетъ, что она такова же по объему, какъ и тѣло? Е. Я не нахожу, что отвѣчать тебѣ, и не въ состояніи достаточно выразить, до какой степени меня это поколебало; согласившись такъ скоро съ вышеприведеннымъ заключеніемъ, я и самъ смѣюсь надъ собою, что опредѣлилъ величину души мѣрою этого тѣла. А. Такъ она уже не кажется тебѣ чѣмъ либо такимъ, каковъ вѣтеръ? Е. Никкимъ образомъ не кажется: потому что если и этотъ воздухъ, теченіе котораго, какъ полагаютъ съ вѣроятностію, производитъ вѣтеръ, можетъ наполнить весь этотъ міръ, то душа можетъ представить въ своемъ воображеніи такіе безчисленные и такіе великіе міры, что я не въ состояніи и подумать о томъ пространствѣ, которое могло бы содержать въ себѣ эти образы. А. Въ такомъ случаѣ подумай, не лучше ли полагать, что она, какъ я сказалъ выше,

ни длинна, ни широка, ни высока, подобно тому, какъ согласился ты со мною относительно справедливости. Е Я охотно бы съ этимъ согласился, если бы меня не приводилъ въ замѣшательство вопросъ: какимъ же все таки образомъ она, не имѣя сама ни долготы, ни широты, ни высоты, можетъ принимать въ себя безчисленные образы такихъ большихъ объемовъ?

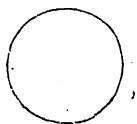
ГЛАВА VI.

Долгота чистая и простая.

А. Мы можетъ быть откроемъ это, насколько то доступно, если предварительно со вниманіемъ разберемъ отдѣльно эти три, т. е. долготу, широту и высоту. Итакъ постарайся представить мысленно такую долготу, которая еще не приняла никакой широты. Е. Ничего подобнаго я не могу представить себѣ. Если я нарисую въ умѣ своемъ нить паутины, тоньше которой мы обыкновенно ничего не видимъ, я встрѣчу и въ ней своего рода долготу, и широту, и высоту; какъ бы онѣ малы ни были, существованія ихъ я однакоже отрицать не могу. А. Твой отвѣтъ довольно не дуренъ; но когда ты усматриваешь въ нити паутины эти три измѣренія, ты вѣдь различаешь ихъ, и знаешь, чѣмъ они разнятся между собою? Е. Какъ не знать, что они разнятся? Въ противномъ случаѣ развѣ могъ бы я видѣть, что они есть въ этой нити? А. Въ такомъ случаѣ тѣмъ же умомъ, какимъ ты ихъ различилъ, ты можешь, и отдѣливъ ихъ между собою, представить и одну долготу, но только не представляя себѣ никакого тѣла: потому что каково бы тѣло ни было, оно будетъ имѣть ихъ всѣ. То, представленіе чего я желаю въ настоящемъ случаѣ вызвать въ тебѣ, безтѣлесно: потому что одна долгота можетъ быть представлена только умомъ, но въ тѣлѣ найдена быть не можетъ. Е. Теперь я понимаю. А. Итакъ, еслибы ты захотѣлъ эту долготу раз-

сѣчь мысленно продольно, ты нашель бы, что это вовсе не возможно: потому что въ противномъ случаѣ она имѣла бы и широту. Е. Это ясно. А. Въ такомъ случаѣ эту чистую и простую долготу мы назовемъ, если угодно, линією: этимъ именемъ ее называютъ обыкновенно ученые. Е. Называй какъ хочешь. Я не забочусь о названіяхъ, какъ скоро предметъ ясенъ.

А. И прекрасно дѣлаешь; я не только одобряю, но и убѣждаю, чтобы ты всегда заботился болѣе о вещахъ, чѣмъ о словахъ. Такъ если эту линію, которую ты полагаю я, уже хорошо себѣ представляешь, протягивать въ одну или обѣ стороны, насколько можно протянуть ее въ длину, — ты увидишь, что у ней нѣтъ конца. Или твоя мысль не въ состояніи дойти до такого представленія? Е. Представляю вполне и какъ нельзя легче. А. Въ такомъ случаѣ ты видишь также, что не можетъ выйти никакой фигуры, если не дѣлать ничего, какъ только протягивать линію. Е. Что ты называешь фигурою, я пока не понимаю. А. Фигурою въ данномъ случаѣ я называю то, когда извѣстное пространство бываетъ заключено въ линіи или въ линіяхъ, какъ, на примѣръ, если ты дѣлаешь кругъ

или соединяешь взаимно концами четыре линіи

такъ что ни одинъ конецъ какой либо изъ нихъ не остается не соединеннымъ съ концемъ другой. Е. То, что ты называешь фигурою, я какъ будто уже вижу передъ собою; но еслибы я также точно видѣлъ, къ чему это клонится, или что ты намѣренъ изъ этого сдѣлать, чтобы дать мнѣ искомое знаніе о душѣ.

ГЛАВА VII.

Путь къ воспріятію истины посредствомъ авторитета гораздо короче и безопаснѣе для большинства, чѣмъ путь посредствомъ разума.

А. Я съ самаго начала предупреждалъ тебя объ этомъ, и просилъ терпѣливо отнестись къ нѣкоторой околичности въ нашей рѣчи. Прошу и теперь о томъ же. Предметъ изслѣдывается не маловажный и не легкій для познанія; а мы желаемъ узнать его и овладѣть имъ вполне. Въдѣ иное дѣло, когда мы вѣримъ авторитету, и иное—когда разуму. Вѣра въ авторитетъ весьма сокращаетъ дѣло и не требуетъ никакого труда: Если она тебѣ нравится, ты можешь прочитать много такого, что объ этихъ предметахъ написали, какъ бы изъ снисхожденія, великіе и божественные мужи, находя это необходимымъ для пользы протѣйшихъ, и въ чемъ они требовали вѣры къ себѣ со стороны тѣхъ, для чьихъ душъ, болѣе тупоумныхъ или болѣе занятыхъ житейскими дѣлами, другаго средства къ спасенію быть не могло. Такіе люди, которыхъ всегда громаднѣйшее большинство, если желаютъ постигать истину разумомъ, весьма легко одурачиваются подобіемъ разумныхъ выводовъ и впадаютъ въ такой смутный и вредный образъ мыслей, что отрезвиться и освободиться отъ него не могутъ никогда, или могутъ только самымъ бѣдственнымъ для нихъ путемъ. Такимъ полезнѣе всего вѣрить превосходнѣйшему авторитету и соответственно ему вести жизнь. Если ты считаешь это безопаснѣе, я не только не возражаю противъ этого, а даже весьма одобряю. Но если ты не можешь обуздать въ себѣ того страстнаго желанія, подъ влияніемъ котораго рѣшился до истины путемъ разума, ты долженъ терпѣливо выносить многіе и длинные околичные пути, чтобы велъ тебя тотъ разумъ, который одинъ только долженъ быть называемъ

разумомъ, т. е. разумъ истинный, и не только истинный, но и точный, и чуждый всякаго подобія ложности (если только возможно для человѣка какимъ либо образомъ достигнуть этого), такъ чтобы тебя не могли отвлечь отъ него никакія разсужденія ложныя или истинноподобныя. Е. Я уже не захочу торопиться. Пусть дѣлаетъ свое дѣло разумъ и ведетъ какъ хочетъ, лишь бы только привелъ.

ГЛАВА VIII.

О математическихъ фигурахъ. Изъ сколькихъ линій образуется фигура. Какимъ образомъ фигура можетъ образоваться изъ трехъ линій.

А. Это устроить Богъ, которому слѣдуетъ молиться или о такихъ только вещахъ, или объ нихъ-то но преимуществу. Но возвратимся къ начатому дѣлу. Тебѣ уже извѣстно, что такое линія, и что такое фигура Поэтому я попрошу тебя отвѣтить мнѣ на такой вопросъ, именно: думаешь ли ты, что можетъ образоваться какая либо фигура, если продолжать линію съ той или съ другой стороны до безконечности? Е. Полагаю, что это никоимъ образомъ не возможно. А. Что же дѣлать въ такомъ случаѣ, чтобы мы могли образовать фигуру? Е. Ничего, какъ только то, чтобы линія не была безконечною, а была проведена кругомъ, чтобы коснулась себя другою стороною. Иначе я не вижу, какимъ образомъ въ одну линію заключить какое нибудь пространство; а если этого не сдѣлается, то по твоему описанію не будетъ и фигуры. А. Ну, а еслибы я захотѣлъ образовать фигуру изъ прямыхъ линій: можно ли образовать ее изъ одной линіи, или нельзя? Е. Никакъ нельзя. А. А изъ двухъ? Е. И изъ двухъ также. А. А изъ трехъ? Е. Думаю, что можно. А. Ты слѣдовательно прекрасно понялъ и усвоилъ, что если нужно образовать фигуру изъ прямыхъ линій, то менѣе, чѣмъ изъ трехъ линій, образовать ее нельзя. Но если

бы тебѣ представился противоположный этому доводъ, заставилъ ли бы онъ тебя отказаться отъ этого мнѣнія? Е. Если бы кто доказалъ мнѣ, что это ложно, въ таколь случаѣ не останется рѣшительно ничего, о чемъ я могъ бы сказать, что знаю это. А Теперь отвѣть мнѣ вотъ на что: какимъ бы образомъ ты сдѣлалъ фигуру изъ трехъ линий? Е. Соединивъ ихъ концами . А. А не кажется ли тебѣ, что тамъ, гдѣ онѣ соединяются, образуется уголь? Е. Это такъ. А. Изъ сколькихъ же угловъ состоитъ эта фигура? Е. Изъ столькихъ же, сколько линий. А. Ну, а самыя линіи ты проведъ равныя или не равныя? Е. Равныя. А. А углы все ли одинаковы, или одинъ сжатѣе, а другой открытѣе? Е. И ихъ я считаю также равными. А. А могутъ ли въ фигурѣ, которая и образована изъ трехъ равныхъ прямыхъ линій, углы быть не равными; или не могутъ? Е. Никакъ не могутъ. А. Ну, а если фигура состоитъ изъ трехъ прямыхъ, но не равныхъ между собою линій.—могутъ ли и въ ней углы быть равными; или ты иначе объ этомъ думаешь? Е. Рѣшительно не могутъ. А. Ты говоришь вѣрно. Но скажи пожалуйста, какая фигура тебѣ кажется лучше и красивѣе: та ли, которая состоитъ изъ равныхъ, или та, что изъ неравныхъ линій? Е. Кто усумнится, что лучше та, въ которой господствуетъ равенство?

ГЛАВА IX.

Какая фигура превосходнѣе. Что противоположитъ углу въ треугольникѣ.

А. Итакъ ты предпочитаешь равенство неравенству? Е. Не знаю, кто бы не предпочелъ? А. Теперь обрати вниманіе, что въ этой фигурѣ, которой придаютъ совершенство три равные угла, противоположно углу, т. е. лежитъ съ противоположной стороны,—линія или уголь? Е. Я вижу ли-

нїю. А. Ну, а еслибы углу противоположенъ былъ уголь, и линїи линїа; не нашелъ ли бы ты въ такой фигурѣ, въ которой этѣ представилось бы, еще бѣльшаго равенства? Е. Съ этимъ я согласенъ; но какъ это можетъ выйти при трехъ линїяхъ, рѣшительно не понимаю. А. А при четырехъ линїяхъ это можетъ случиться? Е. Вполнѣ можетъ. А. Стало бытъ фигура, состоящая изъ четырехъ прямыхъ

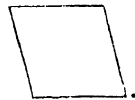
линїй лучше, чѣмъ изъ трехъ? Е. Думаю, что такъ, если въ ней господствуетъ равенство

А. Ну, а думаешь ли ты, что фигура, состоящая изъ четырехъ прямыхъ равныхъ линїй, можетъ образоваться и такъ, что въ ней не все углы будутъ между собою равны;

или не думаешь? Е. Думаю, что можетъ. А.

Какимъ образомъ? Е. Если два угла будутъ болѣе сжаты, а два болѣе открыты

А. Но замѣчаешь ли, что и два болѣе сжатые, и два болѣе открытые угла взаимно противоположны другъ другу? Е. Совершенно вѣрно и ясно. А. Слѣдовательно ты видишь издѣсь равенство, насколько могло сохраниться, сохраненнымъ; ибо видишь, что какъ скоро фигура образуется изъ четырехъ равныхъ линїй, то уже никакъ не можетъ быть, чтобы не были равными между собою или все, или два и два угла; и при томъ тѣ, которые равны; взаимно противоположны другъ другу. Е. Вижу и весьма твердо убѣжденъ въ этомъ.

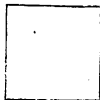
А. А не поражаетъ ли тебя такая и столь постоянная справедливость своего рода даже въ этихъ вещахъ? Е. Какимъ это образомъ? А. Да вѣдь, я полагаю, справедливостію мы называемъ ничто иное, какъ равномерность; а равномерность очевидно получила названіе отъ известнаго равенства. Но что въ этой добродѣтели составляетъ равномерность, какъ не то, чтобы каждому отдавать свое? Отдавать же каждому свое нельзя безъ нѣкотораго различенїя. Или ты иначе думаешь? Е. Это совершенно ясно; и я вполнѣ съ этимъ со-

гласень. А. Ну, а есть ли, по твоему мнѣнію, какое нибудь различіе, если все между собою равно и ничѣмъ рѣшительно взаимно не отличается? Е. Вовсе нѣтъ. А. Итакъ справедливость сохраняется только въ такомъ случаѣ, если въ вещахъ, въ которыхъ она сохраняется, существуетъ нѣкоторое, такъ сказать, неравенство и несходство. Е. Понимаю. А. Слѣдовательно, если мы признаемъ, что эти фигуры, о которыхъ говоримъ, несходны между собою, именно одна состоитъ изъ трехъ, а другая изъ четырехъ угловъ, хотя обѣ образуются изъ равныхъ линий,—не находишь ли ты, что удержана своего рода справедливость тѣмъ, что первая, которая не можетъ имѣть равенства противоположащихъ частей, сохраняетъ неизмѣнно равенство угловъ; а въ последней, въ которой существуетъ такая соразмѣрность противоположащихъ сторонъ, этотъ законъ угловъ допускаетъ нѣкоторое неравенство? Пораженный этимъ, я и нашелъ нужнымъ спросить тебя, насколько тебя привлекла къ себѣ эта истина, эта равномѣрность, это равенство. Е. Теперь я понимаю, о чемъ ты говоришь, и не мало тому удивляюсь. А. А теперь, такъ какъ ты справедливо предпочитаешь равенство неравенству, и такъ какъ, полагаю я, тогоже мнѣнія и всякій, кто только одаренъ человѣческимъ смысломъ, то поищемъ, если угодно, такой фигуры, въ которой могло бы оказаться высшее равенство. Оказавшаяся такою безъ всякаго сомнѣнія будетъ предпочтена остальнымъ. Е. Конечно, угодно; и какая это фигура я очень желаю знать.

ГЛАВА X.

Высшее равенство въ фигурахъ.

А. Но прежде отвѣть мнѣ на вопросъ: Кажется ли тебѣ, что изъ тѣхъ фигуръ, о которыхъ мы повидимому уже достаточно говорили, превосходиѣе та, которая состоитъ изъ четырехъ равныхъ ли-

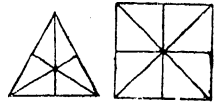

:

потому что въ ней, какъ видишь, есть и равенство линий, и равенство угловъ; и существуетъ равенство противолежащихъ частей: потому что, какъ видишь, линія лежитъ противъ линіи и уголь противъ угла; чего въ той фигурѣ, которая очерчивается тремя равными линіями

мы не находили. Е. Это такъ, какъ ты говоришь. А. Имѣеть ли она высшее равенство; или это иначе тебѣ кажется? Ибо если она имѣеть его, то мы напрасно задумали искать другую; а если не имѣеть, то я желалъ бы, чтобы ты доказалъ мнѣ это. Е. На мой взглядъ имѣеть: потому что тамъ, гдѣ и углы равны и линіи равны, и не нахожу возможности отыскать неравенства. А. Я же думаю иначе. Прямая линія, пока идетъ къ угламъ, имѣеть высшее равенство; но какъ скоро съ нею соединяется съ противоположной стороны другая линія и дѣлаеть уголь, то не считаешь ли ты этого самаго неравенствомъ? Или ты находишь, что та часть фигуры, которая ограничивается линіею, отвѣчаетъ по равенству и сходству той, которая заканчивается угломъ? Е. Нѣтъ, не кажется; и я стыжусь своей необдуманности. Я увлекся тѣмъ, что видѣлъ въ ней и углы и стороны между собою равными; но кто не увидѣлъ бы, какъ велико различіе этихъ сторонъ отъ угловъ? А. Обрати вниманіе и на другое яснѣйшее доказательство неравенства. Ты видишь безъ сомнѣнія, что какъ въ этой треугольной, состоящей изъ равныхъ линій, фигурѣ, такъ и въ той квадратной есть нѣкоторая середина. Е. Вижу ясно. А. Теперь, если бы изъ этой самой середины мы провели линіи ко всеъмъ частямъ фигуры, нашель ли бы ты эти линіи равными или неравными? Е. Онѣ рѣшительно неравны: потому что тѣ непременно будутъ болѣе длинными, которыя мы проведемъ въ углы

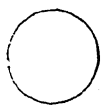

А. А сколько такихъ въ квадратной фигурѣ и сколько въ треугольной? Е. Четыре въ первой и три во второй. А. А

какія изъ нихъ меньшія, и сколько такихъ въ той и другой фигурѣ? Е. Ихъ тоже число, и онѣ тѣ, которыя идутъ на средину сторонъ. А Ты говоришь, по моему мнѣнію, совершенно вѣрно, и надъ этимъ нѣтъ нужды далѣе останавливаться. Для нашей цѣли достаточно этого: потому что ты, по моему мнѣнію, видишь, что хотя здѣсь сохраняется и великое равенство, но еще не во всѣхъ отношеніяхъ совершенное. Е. Вижу несомнѣнно, и сильно желаю знать, что это за фигура, которая имѣетъ высшее равенство.

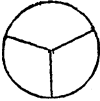
ГЛАВА XI.

Превосходство фигуръ. Что такое знакъ. Что такое точка.

А. А какая, полагаешь ты, какъ не та, которой и окраина отовсюду однообразна, безъ помѣхи равенству со стороны какого либо угла, и отъ середины которой ко всѣмъ частямъ окраины могутъ быть проведены равныя линіи? Е. Думаю, что я уже понимаю. Мнѣ кажется, что ты разумѣешь фигуру, очерченную круговою линіею .

А. Ты понялъ вѣрно. Теперь обрати вниманіе на слѣдующее. Изъ предшествующаго разсужденія мы узнали, что подъ линіею разумѣется - одна долгота и ей не придается никакой широты; и отъ того по длинѣ своей она не можетъ быть дѣлима. Полагаешь ли ты, что можно представить какую либо фигуру безъ широты? Е. Рѣшительно нѣтъ. А. Ну, а сама широта можетъ ли не имѣть долготы, такъ какъ бы существовала одна широта подобно тому, какъ мы выше говорили о долготѣ безъ широты; или не можетъ? Е. По моему мнѣнію, не можетъ. А. Если не ошибаюсь, ты понимаешь также, что широта можетъ быть дѣлима съ каждой стороны, тогда какъ линія продольно не можетъ. Е. Это ясно. А. Что же, по твоему мнѣнію, слѣдуетъ ставить выше,

то ли, что можетъ быть дѣлимо, или то, что не можетъ? Е. Разумѣется, то, что не можетъ. А. Слѣдовательно ты предпочитаешь линію широтѣ? Вѣдь если нужно предпочитать то, что не можетъ быть дѣлимо, то мы должны непремѣнно предпочитать и то, что менѣе дѣлимо. Широта же дѣлима со всѣхъ сторонъ, а долгота только поперекъ, такъ какъ дѣленія продольнаго не допускаетъ; поэтому она превосходитъ широты. Или ты иначе полагаешь? Е. Разумѣ рѣшительно принуждаетъ согласиться съ тѣмъ, что ты говоришь.

А. Теперь, если угодно, поищемъ чего либо въ такомъ родѣ, что рѣшительно не можетъ быть дѣлимо. Вѣдь такое будетъ превосходитъ даже самой линіи: потому что линія, какъ ты видишь, можетъ быть разсѣчена на безчисленное множество частей. Впрочемъ, я предоставляю найти это тебѣ самому. Е. По моему мнѣнію, не можетъ быть дѣлимо то, что мы назвали въ фигурѣ серединою, изъ которой проводятся линіи къ окраинамъ . Если бы она была дѣлима, то не могла бы не имѣть долготы, или и широты. Имѣй она одну долготу, изъ ней уже не будутъ проводимы линіи; а она сама будетъ линіею. Если же она будетъ имѣть широту, то потребуетъ другой середины, изъ которой къ окраинамъ широты проведутся линіи. И то и другое отвергается разумомъ. Слѣдовательно она есть то, что не можетъ быть дѣлимо. А. Ты вѣрно судишь. Но не представляется ли тебѣ чѣмъ либо такимъ и то, откуда начинается линія, хотя бы фигуры, о срединѣ которой мы говоримъ, еще и не было? Я разумѣю то начало линіи, откуда начинается долгота, которую ты долженъ представлять безъ всякой долготы. Потому что какъ скоро ты представляешь долготу, то уже никоимъ образомъ не представляешь того, откуда сама долгота начинается. Е. Представляется такимъ вполне. А. Итакъ вотъ это, что ты, по мо-

ему мнѣнію, уже понялъ, есть самое могущественное изъ всего, о чемъ мы говорили. Оно есть то, что недопускаетъ никакого дѣленія, и называется точкою (*punctum*), если находится въ срединѣ фигуры; а если представляетъ собою начало линіи или линій, или даже конецъ ихъ, или вообще обозначаетъ нѣчто такое, что слѣдуетъ представлять не имѣющимъ частей, и въ тоже время не занимаетъ середины фигуры, --- называется знакомъ (*signum*). Слѣдовательно знакъ есть мѣтка безъ отношенія къ чему либо; а точка есть мѣтка, указывающая средину фигуры. Мнѣ желательно условиться относительно этихъ названій, чтобы не входить въ оговорки при разсужденіи. Очень многіе, впрочемъ, называютъ точкою средину не всякой фигуры, а только круга или шара; но мы о названіяхъ много заботиться не имѣемъ нужды. Е. Согласенъ.

ГЛАВА XII.

Могущество точки.

А. Въ самомъ дѣлѣ, посмотри, какую имѣетъ она силу. Ею начинается линія, ею же оканчивается; мы видѣли, что изъ прямыхъ линій не можетъ образоваться никакой фигуры, если ею не завершился уголъ. За тѣмъ, если линія можетъ быть разсѣчена въ какомъ либо мѣстѣ, она разсѣкается ею; и соединяется всякая линія съ линіею только посредствомъ нея. Наконецъ, разумъ показалъ, что изъ всѣхъ плоскихъ фигуръ (ибо о высотѣ мы еще не говорили ничего) слѣдуетъ предпочитать ту, которая очерчивается круговою линіею, по причинѣ ея вышшаго равенства; а это самое равенство устанавливается не инымъ чѣмъ, какъ лежащею въ срединѣ ея точкою. Можно было бы много говорить о ея могуществѣ, но я буду умѣренъ, и предоставлю остальное обдумать тебѣ самому. Е. Пусть будетъ и такъ: я не буду

сгучать надъ изслѣдованіемъ и болѣе темныхъ вещей; а теперь, по моему мнѣнію, я достаточно вижу великую силу этого знака.

А. Теперь обрати вниманіе на слѣдующее Ты узналъ, что такое знакъ, что такое долгота и что такое широта. Что изъ этихъ трехъ, по твоему мнѣнію, нуждается въ другомъ, и въ чемъ именно, и нуждается такъ, что безъ него не можетъ существовать. Е. По моему мнѣнію, широта нуждается въ долготѣ, безъ которой ее вовсе нельзя представить. Затѣмъ я нахожу, что долгота хотя и не нуждается для своего существованія въ широтѣ, но безъ упомянутаго знака (точки) быть не можетъ. Знакъ же, очевидно, существуетъ самъ по себѣ и ни въ чемъ другомъ не нуждается. А. Это такъ. Но разсмотри внимательнѣе, дѣйствительно ли широта можетъ быть разсѣбаема со всѣхъ сторонъ, или есть сторона, съ которой и она не допускаетъ сѣченія, хотя допускаетъ его болѣе, чѣмъ линія. Е. Рѣшительно не понимаю, откуда бы она не могла. А. Думаю, что ты забылъ, потому что не знать этого ты никакъ не могъ. Я наведу тебя на мысль такъ. Вѣдь ты, конечно, представляешь себѣ широту не придавая ей мысленно никакой высоты? Е. Такъ точно. А. Слѣдовательно къ широтѣ можетъ присоединиться еще высота; а теперь скажи, можетъ ли присоединиться еще чтонибудь, чтобы могло еще болѣе быть разсѣбаемо со всѣхъ сторонъ. Е. Ты замѣчательно навелъ меня на мысль. Теперь я вижу, что высота можетъ принимать сѣченіе не только сверху или снизу, но и съ боковъ, и нѣтъ вообще никакого направленія, по которому она не могла бы быть дѣлима. Отсюда видно, что и широта не можетъ принимать сѣченія съ тѣхъ сторонъ, съ которыхъ встаетъ высота.

А. Такъ какъ ты, если не ошибаюсь, уяснилъ себѣ и долготу, и широту, и высоту, то скажи, можетъ ли не быть двухъ первыхъ тамъ, гдѣ есть высота? Е. Безъ долготы, на

мой взглядъ, высота быть не можетъ; но безъ широты можетъ. А. Въ такомъ случаѣ возвратись къ представленію широты, а если ты представлялъ ее въ своемъ воображеніи какъ бы лежащую, то пусть она поднимется на какую нибудь сторону такъ, какъ бы ты хотѣлъ провести ее чрезъ эту узенькую разщелину, которая замѣчается между створенными дверями. Понимаешь, что я хочу сказать? Е. Что ты говоришь, то я понимаю; но что ты хочешь сказать, того быть можетъ еще не понимаю. А. Я хочу, чтобы ты сказалъ мнѣ, кажется ли тебѣ, что поднятая такъ широта перешла въ высоту и потеряла уже названіе и свойство широты; или остается еще широтою, хотя приведена и въ такое положеніе? Е. На мой взглядъ она сдѣлалась высотой. А. Помнишь ли ты, скажи мнѣ на милость, какъ мы опредѣлили высоту? Е. Припоминаю хорошо, и стыжусь уже, что отвѣтилъ такъ. Широта, и такъ какъ бы поднятая, не допускаетъ сѣченія продольнаго сверху внизъ: ничего внутри содержащагося въ ней представлять нельзя, хотя и можно представлять средину и окраины. По опредѣленію же высоты, которое ты, какъ я припомнилъ, сдѣлалъ выше, тамъ рѣшительно нѣтъ высоты, гдѣ нельзя представить ничего внутри. А. Ты говоришь вѣрно, и я желалъ, чтобы ты вспомнилъ именно это. Поэтому теперь скажи мнѣ, предпочитаешь ли ты истинное ложному? Е. Сомнѣваться въ этомъ—невѣроятное безуміе. А. Въ такомъ случаѣ скажи мнѣ на милость, будетъ ли истинною линіею та, которая можетъ быть разсѣчена продольно; или истиннымъ знакомъ (*точкою*) тотъ, который можетъ быть разсѣченъ какимъ бы то ни было образомъ; или истинною широтою такая, которая, если ее поднять въ такомъ видѣ, какъ мы сказали, допускала бы продольное сѣченіе сверху внизъ? Е. Рѣшительно нѣтъ.

ГЛАВА XIII.

Безтѣлесная душа созерцаетъ безтѣлесное. Что такое душа.

А. Видѣлъ ли ты когда нибудь этими тѣлесными глазами такую точку, или такую линію, или такую широту? Е. Рѣшительно никогда: потому что онѣ не тѣлесныя. А. Въ такомъ случаѣ если тѣлесное, въ нѣкоторомъ удивительномъ актѣ познанія вещей, созерцается тѣлесными очами, то душа, которою мы усматриваемъ это безтѣлесное, по необходимости не должна быть тѣлесною или тѣломъ. Или ты иначе полагаешь? Е. Пусть такъ, я согласенъ, что душа не есть тѣло или что нибудь тѣлесное; но скажи же мнѣ наконецъ, что она такое? А. Да ты въ данномъ случаѣ обрати вниманіе на то, вытекаетъ ли изъ сказаннаго слѣдствіе, что душа вовсе не имѣетъ той величины, о которой у насъ теперь рѣчь; къ удивленію моему, ты забылъ, что вопросъ о томъ, что такое душа, былъ уже разобранъ нами. Вѣдь ты помнишь, что ты сперва спрашивалъ, откуда она; на этотъ вопросъ я, помню, отвѣчалъ двояко: сперва такъ, какъ бы дѣло шло о родинѣ ея; а потомъ такъ, какъ бы она была изъ земли, или изъ огня, или изъ другой какой либо изъ этихъ стихій, или изъ всѣхъ, или изъ нѣсколькихъ изъ нихъ. При этомъ намъ уяснилось, что объ этомъ также не слѣдуетъ спрашивать, какъ и о томъ, откуда земля или какая либо изъ остальныхъ стихій, отдѣльно взятыхъ. Ибо хотя Богъ и сотворилъ душу, но ее слѣдуетъ представлять такъ, что она не есть ни изъ земли, ни изъ огня, ни изъ воздуха, ни изъ воды; а имѣетъ свою особую субстанцію; развѣ только предположить, что Богъ, давшій землѣ, чтобы она не была ничѣмъ другимъ, какъ только землею, не далъ душѣ того, чтобы она не была ничѣмъ дру-

гимъ, какъ только душою. Если же ты хочешь, чтобы я опредѣлилъ тебѣ душу, и поэтому спрашиваешь, что такое душа: то я легко отвѣчу тебѣ. Душа, по моему мнѣнію, есть нѣкоторая субстанція, причастная разуму, приспособленная къ управленію тѣломъ.

ГЛАВА XIV.

Какую силу имѣетъ душа безтѣлесная.

Итакъ лучше обрати вниманіе на то, откуда возникаетъ сомнѣніе, не имѣетъ ли душа количества и, такъ сказать, пространственнаго объема. Какъ скоро душа не есть тѣло,—потому что иначе она не могла бы созерцать ничего безтѣлеснаго,—то безъ всякаго сомнѣнія она не имѣетъ и пространства, которымъ измѣряются тѣла; а поэтому не можетъ быть правильнымъ полагать, или мыслить, или представлять въ ней такое количество. Тебя приводитъ въ сомнѣніе то обстоятельство, какъ, не имѣя сама никакой величины, она содержитъ въ памяти такія пространства неба, земли и моря? Но она есть нѣкоторая удивительная сила, которую ты, насколько присущъ уму твоему свѣтъ, могъ замѣтить изъ того, что раскрыто нами. Какъ скоро разумъ показалъ, что нѣтъ такого тѣла, которое не имѣло бы длины, широты и высоты, и что ни одно изъ этихъ свойствъ не можетъ быть въ тѣлѣ безъ другихъ двухъ, а между тѣмъ относительно души мы признали, что нѣкоторымъ внутреннимъ окомъ, т. е. умомъ, она можетъ созерцать и одну линію: то я полагаю, что мы признали этимъ какъ то, что душа не есть тѣло, такъ и то, что она лучше тѣла. Признавъ это, мы, полагаю, не должны сомнѣваться, что она и лучше линіи. Ибо если всѣ эти три находятся въ тѣлѣ, какъ скоро оно есть тѣло: то было бы смѣшно, если бы не была лучшею всѣхъ этихъ трехъ та, которая лучше тѣла. Но и сама линія, надъ которою превосходство души дока-

зывается несомнѣнно, потолику превосходить широту и высоту, поколику менѣ этихъ двухъ можетъ подвергаться сѣченію. Далѣе, эти двѣ потолику подвергаются большему сѣченію, чѣмъ линія, поколику болѣе ея распространяются въ пространствѣ; линія же не имѣеть другаго протяженія, кромѣ долготы, по отнятіи которой не останется вовсе никакого пространства. Поэтому то, что лучше линіи, неизбѣжно не имѣеть никакого протяженія, и вовсе не можетъ быть дѣлимо и разсѣваемо. Слѣдовательно, мы напрасно, по моему мнѣнію, стараемся отыскать величину души, которой она не имѣеть, какъ скоро мы согласились, что она лучше линіи. И если изъ всѣхъ плоскихъ фигуръ самая лучшая есть та, которая очерчивается круговою линіею, а въ этой фигурѣ, по ученію разума, нѣтъ ничего лучше и могущественнѣе точки, которая, въ чемъ не сомнѣвается никто, частей не имѣеть: то что удивительнаго, если душа не есть тѣлесная, не протягивается въ длину, не распространяется въ широту, не нагромождается въ высоту; хотя тѣмъ не менѣ имѣеть столько силы въ тѣлѣ, что отъ ней зависитъ управленіе всѣми членами и она представляетъ собою какъ бы средоточную точку для всѣхъ тѣлесныхъ движеній?

Но какъ середина глаза, которая называется зрачкомъ, есть не иное что, какъ извѣстная точка глаза, въ которой однакоже такая сила, что съ какого нибудь возвышеннаго мѣста можетъ видѣть и охватывать половину неба, пространство котораго безпредѣльно: такъ не противорѣчитъ истинѣ и то, что душа не имѣеть никакой тѣлесной величины, опредѣляемой тремя указанными измѣреніями, хотя и можетъ представлять въ своемъ воображеніи какія угодно громады тѣлъ. Но не многимъ дано посредствомъ самой души созерцать душу, т. е. чтобы душа сама себя видѣла; видитъ же она посредствомъ ума. Ему одному предоставлено видѣть, что между вещами нѣтъ ничего могущественнѣе и величе-

ственности тѣхъ натуръ, которыя представляются существующими, такъ сказать, безъ вступченности. Вѣдь не безъ смысла же величина тѣла называется вступченностію, которая если бы имѣла большую цѣну, то слоны несомнѣнно были бы разумнѣе насъ. А если бы какой либо родня ихъ сталъ утверждать, что слоны мудры (встрѣчалъ я, хотъ и къ удивленію своему, но встрѣчалъ нерѣдко и такихъ людей, которые спорили и объ этомъ), такой, по мнѣнію моему, согласится по крайней мѣрѣ съ тѣмъ, что пчелка мудрѣ осла; а приравнить ихъ по величинѣ значило бы быть болѣе, чѣмъ осломъ. Но мы заговорили о глазѣ. Кому неизвѣстно, что глазъ орла гораздо меньше нашего? А между тѣмъ пара въ такой высотѣ, что и при дневномъ свѣтѣ мы съ трудомъ различаемъ его, онъ ясно видитъ зайчика, скрывающагося подъ кустомъ, и рыбку подъ волнами. Если же въ самыхъ чувствахъ, которымъ дано чувствовать только тѣлесное, не имѣетъ значенія для дѣла, т. е. для силы чувства, величина тѣла: то скажи на милость, слѣдуетъ ли бояться за душу человѣческую, которой превосходнѣйшій и почти единственный взоръ есть самъ разумъ, стремящійся постигнуть ее же саму, — бояться, что она ничто, если тотъ же разумъ, т. е. она же сама докажетъ, что она не имѣетъ никакой величины, занимающей мѣсто? Повѣрь мнѣ, что одушѣ слѣдуетъ мыслить нѣчто великое, но великое безъ всякаго представленія массивности. Это легче удастся тѣмъ, которые, будучи хорошо образованы, приступаютъ къ этому не изъ желанія пустой славы, а воспламененные божественною любовію къ истинѣ; или тѣмъ, которые упражняются въ изысканіяхъ этого рода, и хотя приступили къ нимъ недостаточно подготовленными наукою для изслѣдованій, но терпѣливо отдаются на ученіе добрымъ и отказываются, насколько это возможно въ настоящей жизни, отъ всякихъ связей тѣлесныхъ. Не можетъ же допустить божественное

провидѣніе, чтобы благочестивѣйшія души не имѣли возможности найти себя самихъ и Бога своего, т. е. истину, какъ скоро ищутъ ее благочестиво, съ чистымъ сердцемъ и съ усердіемъ.

ГЛАВА XV.

Ставится возраженіе, что душа растетъ съ возрастомъ человека.

Если у тебя не остается болѣе сомнѣній, то покончимъ уже, если угодно, съ этимъ вопросомъ, и перейдемъ къ другому. А что объ извѣстныхъ фигурахъ мы говорили быть можетъ пространнѣе, чѣмъ ты желалъ, то увидишь самъ, насколько это будетъ имѣть значеніе для другаго, если признаешь, что настоящему разсужденію это помогло не много. Ибо этотъ родъ знаній съ одной стороны упражняетъ душу, подготавливая ее къ созерцанію болѣе возвышенныхъ предметовъ, чтобы, пораженная ихъ свѣтомъ, и не будучи въ состояніи выносить его, она не бѣжала съ удовольствіемъ назадъ въ тотъ мракъ, изъ котораго желала уйти; а съ другою—доставляетъ доказательства, если не ошибаюсь, самыя точныя: такъ что когда при помощи ихъ бываетъ что либо найдено и доказано, то, насколько подобное дано изслѣдовать человѣку, сомнѣніе дѣлается безстыднымъ. Ибо я въ этихъ вещахъ сомнѣваюсь менѣе, чѣмъ въ тѣхъ, которыя видимъ мы этими глазами, вѣчно ведущими войну съ слизью. Что можетъ быть несноснѣе и непріятнѣе для слуха, когда утверждаютъ, что мы превосходимъ животныхъ разумомъ, а между тѣмъ ту вещь, которую мы видимъ тѣлесными глазами, и которую нѣкоторыя животныя даже лучше нашего видятъ, признаютъ за нѣчто существующее, а то, что мы созерцаемъ разумомъ, усиливаются представить не существующимъ? Вѣдь если бы сказать, что послѣднее таково же, какъ и то, что мы видимъ глазами, то и въ такомъ слу-

чаѣ, казалось бы, нельзя было бы сказать ничего болѣе недостойнаго.

Е. Принимаю это съ полною охотою и соглашаюсь съ тобою. Но хотя заключеніе, что душа не имѣетъ тѣлесной величины, для меня такъ ясно, что я рѣшительно не знаю, какъ бы я могъ опровергнуть эти доказательства и съ ка-кимъ изъ нихъ не согласиться, однако меня колеблетъ слѣдующее. Почему, прежде всего, какъ съ годами растетъ тѣло, такъ растетъ или кажется растущею и душа? Кто станетъ отрицать, что мальчики въ дѣтствѣ уступаютъ по способностямъ даже нѣкоторымъ животнымъ? Кто также усумнится, что съ возрастомъ ихъ въ нихъ нѣкоторымъ образомъ растетъ и самый разумъ? Затѣмъ, если душа распространяется по пространству тѣла своего, какимъ образомъ она величины не имѣетъ? А если бы не распространялась, какимъ образомъ она ощущала бы уколъ, гдѣ бы онъ ни былъ сдѣланъ? А. Ты задаешь точно такіе же вопросы, надъ которыми и я задумывался часто. Поэтому я также готовъ отвѣчать тебѣ, какъ обыкновенно отвѣчаю себѣ. Удовлетворителенъ ли будетъ отвѣтъ, будетъ судить разумъ, который руководить тобою. Каковъ бы впрочемъ онъ ни былъ, болѣе точнаго я дать не могу, развѣ только при помощи Божіей придетъ на умъ что лучшее во время самаго разсужденія. Но поведемъ, если угодно, рѣчь по обычаю своему такъ, чтобы ты подъ руководствомъ разума отвѣчалъ самъ себѣ; и прежде всего разсмотримъ, дѣйствительно ли то обстоятельство, что человѣкъ съ возрастомъ дѣлается способнѣе въ человѣческихъ отношеніяхъ и пріобрѣтаетъ въ нихъ все большую и большую опытность, служить вѣрнымъ доказательствомъ возрастанія души съ тѣломъ. А. Дѣлай, какъ тебѣ угодно. И я весьма одобряю этотъ способъ учить и учиться. Не знаю, какъ это происходитъ, но когда я самъ отвѣчаю на то, о чемъ по невѣденію спрашивалъ, самое

открытіе становится болѣе пріятнымъ не только по существу дѣла, но и по неожиданности, приводящей въ удивленіе.

ГЛАВА XVI.

Дается отвѣтъ на возраженіе, и доказывается, что душа дѣлаетъ успѣхи независимо отъ роста тѣлеснаго.

А. Итакъ скажи, думаешь ли ты, что словами—больше и лучше, обозначаются двѣ какія либо вещи, или двумя именами названо одно и тоже? Е. Одно разумѣю я подѣ тѣмъ, что называется больше, и другое подѣ тѣмъ, что—лучше. А. Къ чему изъ этихъ двухъ, по твоему мнѣнію, относится величина? Е. А къ тому, разумѣется, что мы называемъ больше. А. Ну, а когда мы признаемъ, что изъ двухъ фигуръ кругъ лучше квадрата, величина ли насъ побуждаетъ къ этому, или что другое? Е. Отнюдь не величина, а причиною этого превосходства служить то равенство, о которомъ мы говорили выше. А. Въ такомъ случаѣ обрати вниманіе на слѣдующее. Находишь ли ты, что душевная доблесть есть нѣкоторое равенство жизни, сообразующейся во всѣхъ отношеніяхъ съ разумомъ. Вѣдь если въ жизни одно идетъ въ разрѣзъ съ другимъ, то это, если не ошибаюсь, оскорбляетъ насъ болѣе, чѣмъ если какая либо часть круга находится въ большемъ или меньшемъ, чѣмъ другія, разстояніи отъ центра. Или тебѣ представляется это иначе? Е. Напротивъ, я согласенъ съ тобою, и принимаю это сдѣланное тобою опредѣленіе доблести душевной. Ибо и разумомъ долженъ быть называемъ и признаваемъ только разумъ истинный; и тотъ, чья жизнь во всѣхъ отношеніяхъ согласна съ истиною, тотъ только одинъ или по преимуществу живетъ хорошо и честно; и только такъ построенный долженъ быть признаваемъ имѣющимъ добродѣтель и ею живущимъ. А. Ты хорошо говоришь; но полагаю, замѣ-

чаешь и то, что кругъ имѣеть болѣе сходства съ душевною доблестію, чѣмъ какая либо другая изъ плоскихъ фигуръ. Отсюда у Горация, обыкновенно превозносимый великими похвалами, извѣстный стихъ, въ которомъ онъ говорить, когда ведетъ рѣчь о мудромъ:

Сильный, и въ себя самого весь свернувшійся, и округленный ¹⁾.

И это вѣрно. Ибо какъ въ числѣ добрыхъ качествъ душевныхъ не найдешь ничего, что во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствовало бы самому себѣ болѣе, чѣмъ добродѣтель; такъ и въ числѣ плоскихъ фигуръ—болѣе, чѣмъ кругъ. Поэтому, если кругъ превосходить остальные не величиною объема, а нѣкоторою стройностію образованія: то тѣмъ болѣе слѣдуетъ думать о душевной доблести, что она превосходить остальные расположенія душевныя не тѣмъ, что занимаетъ большее мѣсто, а нѣкоторою божественною соразмѣрностію и согласіемъ въ образѣ дѣйствій.

Теперь, когда отрокъ похвальнымъ образомъ совершенствуется, въ чемъ по преимуществу разумѣется это усовершенствованіе, какъ не въ доблести душевной? Или на твой взглядъ это не такъ? Е. Это очевидно. А. Послѣ этого ты не долженъ думать, будто душа совершенствуется какъ тѣло, черезъ ростъ. Совершенствуясь, она достигаетъ доблести, которой красота и совершенство, какъ мы признали, зависятъ не отъ пространственной величины, а отъ великой силы постоянства; и если, какъ ты согласился, иное есть больше, и иное лучше, то усовершенствованіе души возрастомъ, по моему мнѣнію, не значить, что она дѣлается больше, а лучше. Если же бы это происходило отъ величины

¹⁾ Serm. lib. II, sat. 7. v. 60.

членовъ, то былъ бы и благоразумнѣе тотъ, кто длиннѣе или больше. Но полагаю, ты не станешь отрицать, что на дѣлѣ это бываетъ иначе. Е. Кто сталъ бы отрицать это? Однакоже, такъ какъ и ты признаешь, что душа совершенствуется съ возрастомъ, я удивляюсь, какъ это бываетъ, что чуждая всякой величины душа получаетъ что-то, если не отъ объема членовъ, то отъ пространства времени.

ГЛАВА XVII.

Когда говорятъ, что душа растетъ временемъ, говорятъ метафорически.

А. Перестань удивляться, потому что и на это я отвѣчу тебѣ подобнымъ же доводомъ. Какъ нѣтъ доказательствъ на то, чтобы величина членовъ придавала что нибудь душѣ, потому что многіе, имѣющіе члены слабые и малые, оказываются мудрѣйшими нѣкоторыхъ, снабженныхъ большою массою тѣла: такъ точно мы видимъ, что нѣкоторые юнѣйшіе гораздо дѣятельнѣе и предпріимчивѣе очень многихъ старѣйшихъ. Поэтому я не нахожу основаній думать, чтобы состояніе времени въ человѣческихъ возрастахъ давало приращеніе какъ тѣламъ, такъ и душамъ. Вѣдь и между самыми тѣлами, которыя съ теченіемъ времени растутъ и занимаютъ болѣе обширныя пространства, болѣе многолѣтнія часто имѣютъ меньшій объемъ, и это не только старческія, которыя отъ продолжительности времени сморщиваются и уменьшаются, но даже и тѣла дѣтей; между послѣдними мы встрѣчаемъ меньшихъ по тѣлесному росту сравнительно съ такими, которыхъ они старше по лѣтамъ. Итакъ, если продолжительность времени не служитъ причиною увеличенія самыхъ тѣлъ, но вся сила въ этомъ отношеніи заключается въ сѣмени и въ нѣкоторой тайной и трудной для познанія естественной мѣрѣ; то тѣмъ менѣе слѣдуетъ думать, будто отъ долготы времени душа получаетъ большую долготу.

Изучаетъ она многое, какъ мы знаемъ, опытностію и настойчивостію.

Тебя, быть можетъ, приводитъ въ сомнѣніе то, что такъ называемую у грековъ *μακροθυρία*, мы обыкновенно переводимъ словомъ *longanimitas* ¹⁾. Но нужно замѣтить, что много словъ переносится отъ тѣла на душу, равно какъ и отъ души на тѣло. Если Виргилій называетъ гору недобросовѣстною, а землю справедливѣйшею, — именами, какъ видишь, перенесенными отъ души на тѣло, то что удивительнаго, если и обратно мы употребляемъ слово *longanimitas*, хотя долгими (*longa*) могутъ быть только тѣла? А та изъ добродѣтелей, которая называется величіемъ души, правильно понимается относящеюся не къ пространству, а къ нѣкоторой силѣ, именно къ могуществу и власти душевной; и добродѣтель эта тѣмъ высшую заслуживаетъ цѣну, чѣмъ большее она презираетъ. Но объ ней будемъ говорить послѣ, когда будемъ разсматривать вопросъ о томъ, какъ велика душа, въ такомъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно спрашивается, какъ великъ былъ Геркулесъ не по массивности членовъ, а по превосходству подвиговъ. Ибо такой мы выше установили порядокъ. Въ настоящемъ же случаѣ тебѣ слѣдуетъ припомнить то, что сказано нами о точкѣ, и сказано въ достаточномъ количествѣ. Разумъ училъ насъ, что она есть самое могущественное и по преимуществу господствующее въ фигурахъ. Могущество же и господство развѣ не указываютъ на нѣкоторое величіе? А между тѣмъ въ точкѣ мы не открыли никакого пространства. Поэтому, когда мы слышимъ или говоримъ о душѣ, что она великая или высокая, мы должны представлять не то, сколько она зани-

¹⁾ *Долготерпѣивіе*; по смыслу соответствуетъ русскому *долготерпѣивію*; употребляется и въ смыслѣ *великодущія*.

маеть мѣста, а то, какою располагаетъ она силою. Итакъ, если твой первый доводъ, по которому тебѣ казалось, будто душа растеть съ тѣломъ годами, разобранны уже достаточно, то перейдемъ къ другому.

ГЛАВА XVIII.

Способность говорить, которую дитя усваиваетъ понемногу, не слѣдуетъ приписывать возрастанію души.

Е. Все ли мы пересмотрѣли, что обыкновенно приводитъ меня въ немалое недоумѣніе, не знаю. Можетъ случиться, что изъ памяти моей ускользнуло что нибудь. Но разъяснимъ то, что пришло мнѣ на мысль въ настоящее время, именно, что въ младенествѣ дитя не говоритъ, а выростая начинаетъ говорить. А. Это легко сдѣлать. Ты, полагаю, знаешь, что каждое изъ нихъ говоритъ тѣмъ языкомъ, какимъ говорятъ люди, между которыми оно родилось и воспитано. Это знаетъ всякій. А. Представь же, что кто нибудь родился и выросъ тамъ, гдѣ люди не говорятъ, а передаютъ взаимно другъ другу свои мысли посредствомъ мановеній и движенія членовъ. Не думаешь ли ты, что и онъ будетъ дѣлать тоже, и что тотъ не будетъ говорить, кто не будетъ слышать никого говорящаго? Е. Не спрашивай меня о томъ, чего быть не можетъ. Развѣ я могу представить кого нибудь рожденнымъ между такими людьми. А. Неужели ты не видѣлъ въ Медиоланѣ юношу прекраснаго тѣлосложенія и въ высшей степени деликатнаго, который однакоже нѣмъ и такъ глухъ, что и другихъ можетъ понимать только по движеніямъ тѣла, и самъ не иначе можетъ выражать то, что желаетъ выразить? Этимъ онъ получилъ особую извѣстность. Я же зналъ одного крестьянина, который самъ говорилъ и отъ жены, также говорившей, родилъ всѣхъ дѣтей, четырехъ или болѣе того (теперь точно не припоминаю) мальчиковъ и дѣвочекъ, нѣмыми и глухими. Они были нѣмы, такъ

какъ не могли говорить; а такъ какъ они замѣчали дѣлаемые имъ знаки только глазами, то считались и глухими. Е. Перваго я хорошо знаю, а относительно другихъ, которыхъ не знаю, вѣрю тебѣ. Но что же изъ этого? А. Но вѣдь ты сказалъ, что не можешь представить себѣ, чтобы ктонибудь родился между такими людьми. Е. Я и теперь говорю тоже самое; потому что ты согласишься, если не ошибаюсь, что эти люди родились между такими, которые говорили. А. Я не отрицаю этого; но какъ скоро намъ известно, что такіе люди могутъ быть, то представь, пожалуйста, что изъ такихъ людей мужчина и женщина вступили бы между собою въ бракъ, и заброшенные по какомунибудь случаю въ пустыню, гдѣ однакоже могли бы жить, родили сына не глухаго. Какъ сталъ бы онъ разговаривать съ своими родителями? Е. А не иначе, разумѣется, какъ давая и съ своей стороны движеніями знаки, какіе давали бы ему родители. Но очень малое дитя не могло бы и этого дѣлать. Поэтому мой доводъ остается въ своей силѣ. Получаетъ ли душа съ возрастомъ способность говорить или дѣлать знаки движеніями, это не дѣлаетъ большой разницы; потому что и то и другое одинаково относится къ душѣ, которую мы не желаемъ признать возрастающею.

А. Послѣ этого мнѣ кажется, что по твоему мнѣнію и тотъ, кто ходитъ по канату, имѣетъ душу большую, чѣмъ тѣ, которые этого дѣлать не могутъ. Е. Это другое дѣло; въ этомъ всякій увидитъ искусство. А. А почему же искусство? Не потому ли, что онъ изучилъ его? Е. Точно такъ. А. Такъ почему же ты не считаешь искусствомъ, если ктонибудь изучитъ что либо другое? Е. Напротивъ, я не отрицаю, что все, что ни изучается, относится къ искусству. А. Стало быть тотъ не научился отъ родителей дѣлать движеніями знаки? Е. Научился, безъ сомнѣнія. А. Въ такомъ случаѣ ты долженъ согласиться, что и это есть дѣло своего

рода подражательнаго искусства, а не увеличенія души вслѣдствіе возраста. Е. Съ этимъ согласиться я не могу. А. Въ такомъ случаѣ не все, что изучается, относится къ искусству, хоть ты только что и согласился съ этимъ. Е. Непременно къ искусству. А. Тагъ тотъ не научился дѣлать движеніями знаки, съ чѣмъ ты также было согласился. Е. Онъ научился; но это не относится къ искусству. А. Но не задолго же передъ этимъ ты сказалъ, что то, что изучается, относится къ искусству. Е. Пожалуй, я уже согласенъ, что умѣнье и говорить и дѣлать движеніями знаки относится къ искусству, тагъ какъ мы этому научаемся. Но иного рода тѣ искусства, которыя мы изучаемъ, наблюдая за другими, и иного рода тѣ, которыя влагаются въ насъ учителями. А. Какія же изъ этихъ искусствъ, по твоему мнѣнію, усваиваетъ душа въ силу того, что дѣлается больше? Ужь не всѣ ли? Е. Думаю, что не всѣ, а именно первыя. А. А не изъ этого ли рода искусствъ будетъ, на твой взглядъ, искусство ходить по канату? По моему мнѣнію и это искусство пріобрѣтается посредствомъ наблюденія за тѣми, которые тагъ дѣлаютъ. Е. Думаю, что тагъ; но однакоже не всѣ, которые видятъ это и всматриваются съ великимъ стараніемъ, въ состояніи бывають усвоить это искусство, а только тѣ, которые отдаются въ науку знатокамъ этого дѣла. А. Ты очень хорошо говоришь. Въ томъ же родѣ я дамъ тебѣ отвѣтъ и относительно говоренія. Многіе греки слышатъ насъ, говорящихъ другимъ языкомъ гораздо чаще, чѣмъ смотрятъ на хожденіе по канату; однакоже, чтобы изучить нашъ языкъ, часто, какъ дѣлаемъ то и мы, желая изучить ихъ языкъ, обращаются къ учителямъ. Если это тагъ, то мнѣ кажется удивительнымъ, почему ты приписываешь возрастанію души то, что люди говорятъ, а не хочешь приписать ему же то, что они ходятъ по канату. Е. Не понимаю, какимъ образомъ ты смѣшиваешь это. Вѣдь тотъ, кто для изученія нашего языка

береть себѣ учителя, уже знаетъ извѣстный свой языкъ, который, по моему мнѣнію, онъ изучилъ вълѣдствіе возраста души; когда же затѣмъ онъ изучаетъ чужой, то это я приписываю уже не увеличенію души, а искусству. А. Ну, а если бы тотъ человѣкъ, который родился и выросъ между нѣмыми, понавѣ въ среду другихъ людей, научился говорить поздно и будучи уже юношею; полагаешь ли ты, что его душа выросла бы въ то время, когда онъ научился бы говорить? Е. Этого я никогда не рѣшусь сказать; и уже вѣрю выводу, и не считаю умѣнья говорить доказательствомъ увеличенія души. Иначе я вынужденъ былъ бы признать, что и всѣ другія искусства душа усвоитъ посредствомъ возрастанія. А сказавъ это, я долженъ былъ бы допустить въ заключеніи ту нелѣпость, что душа уменьшается въ ростѣ, какъ скоро что нибудь забываетъ.

ГЛАВА XIX.

Въ какомъ смыслѣ говорится, что душа растетъ или уменьшается.

А. Ты прекрасно понялъ дѣло, и настолько вѣрно, что я могу тебѣ сказать, что о душѣ правильно говорится, что она какъ бы растетъ, когда учится, и напротивъ уменьшается, когда разучивается; но говорится въ переносномъ смыслѣ, какъ показали мы это выше. При этомъ нужно однако остерегаться, чтобы при словѣ *растетъ* не представлять себѣ, будто она занимаетъ большее пространство; а нужно представлять, что, становясь болѣе свѣдущею, она приобретаетъ для дѣятельности нѣкоторую болѣшую силу, чѣмъ вакую имѣетъ менѣе свѣдущая. Большую разницу дѣлаетъ также и свойство того, что она изучаетъ и чѣмъ она представляется въ нѣкоторомъ родѣ увеличившеюся. Есть троякаго рода приращеніе въ тѣлѣ. Одно необходимое, которымъ придается членамъ естественная стройность. Другое

излишнее, когда что нибудь чрезъ увеличеніе нормальнаго состоянія разнится отъ другихъ членовъ. Такъ бываетъ, между прочимъ, когда люди рождаются съ шестью пальцами; таковы и многія другія отступленія, которыя, когда принимаютъ сверхъ обыкновенія чрезвычайныя размѣры, называются чудовищными. Третье вредное, которое, если случается, называется опухlostію. И въ послѣднемъ случаѣ о членахъ говорятъ, что они выросли, и на дѣлѣ они дѣйствительно занимаютъ большее пространство; но это съ потерю здороваго состоянія. Также точно и въ душѣ есть нѣкоторыя приращенія какъ естественныя, когда объ ней говорить, что она увеличивается почтенными и имѣющими приложеніе къ честной и блаженной жизни науками. Когда же мы изучаемъ такое, что болѣе возбуждастъ удивленіе, чѣмъ приноситъ пользу, то такое, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и очень выгодно, должно быть вообще признаваемо излишнимъ и относимо къ упомянутому второму роду. Изъ того, что извѣстный игрокъ на флейтѣ, какъ рассказываетъ Варронъ, доставилъ такое удовольствіе народу, что сдѣлался царемъ, не слѣдуетъ, чтобы мы должны были заботиться объ увеличеніи души своей этимъ мастерствомъ; также точно, какъ мы не пожелали бы имѣть зубы большіе человѣческихъ, еслибы услышали, что кто нибудь, имѣвшій такіе зубы, растерзалъ ими врага. Вредный же родъ искусствъ есть тотъ, который вредитъ здоровому состоянію души. Умѣнье, напримѣръ, съ удивительнымъ искусствомъ различать по запаху и вкусу кушанья; умѣнье сказать, въ какомъ озерѣ поймана рыба или сколькихъ лѣтъ вино, — умѣнье, заслуживающее сожалѣнія. Если какая либо душа, которая, пренебрегши умомъ, погрязла въ чувства, представляется выросшею такими искусствами, то объ ней слѣдуетъ сказать, что она только вспухла, или даже что она истощала.

ГЛАВА XX.

Не изъ самой ли себя душа приобретаетъ знанія.

Е. Допускаю это и соглашаюсь съ тобою; тѣмъ не менѣе сокрушаюсь, что душа наша является такою во всѣхъ отношеніяхъ невѣжественною и скотскою, какою мы видимъ ее, насколько то бываетъ возможно видѣть, въ недавно рожденномъ дитяти. Почему это она не приприситъ съ собою никакого знанія, если она вѣчна? А. Ты поднимаешь великій вопросъ, такой великій, что я не знаю, есть ли другой болѣе великій; и при томъ такой, по которому мнѣнія наши до такой степени противорѣчатъ себѣ взаимно, что тебѣ кажется, будто душа не принесла съ собою никакого знанія, а мнѣ кажется напротивъ, что принесла всѣ, и что такъ называемое ученье есть не иное что, какъ припоминаніе и представленіе прошедшаго въ настоящемъ. Но не замѣчаешь ли, что теперь не у мѣста заниматься вопросомъ, такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Теперь мы стараемся, если можно, разъяснить, что она называется малою или великою не по объему занимаемаго ею мѣста; о вѣчности же ея, если она дѣйствительна, намъ будетъ умѣстно разсуждать тогда, когда начнемъ по возможности отвѣчать на четвертый, поставленный тобою вопросъ, именно: зачѣмъ она дана тѣлу? Для вопроса же о такой ея величинѣ не имѣетъ значенія, — всегда ли или не всегда она была и будетъ, или что въ извѣстное время она несвѣдуща, а въ другое свѣдуща, — какъ скоро мы доказали выше, что продолжительность времени не служить причиною даже увеличенія тѣла, и какъ скоро извѣстно вполнѣ, что съ ростомъ можетъ не соединяться вовсе приобрѣтеніе знанія, а съ старостію соединяется часто. Сказано нами и многое другое, по моему мнѣнію достаточное для того, чтобы доказать, что съ увеличеніемъ тѣла, которое дается возрастомъ, душа не дѣлаетъ большею.

ГЛАВА XXI.

То обстоятельство, что силы въ большемъ возрастѣ большія, не служитъ доказательствомъ возрастанія души.

Поэтому, разсмотримъ, если угодно, твой другой доводъ, именно, что душа, которой мы не желаемъ давать никакого пространства, чувствуетъ прикосновеніе по всему пространству тѣла. Е. Я дозволилъ бы тебѣ перейти уже къ этому, еслибы не находилъ нужнымъ сказать кое что относительно силъ. Что же значить, что увеличивающіяся съ возрастомъ тѣла даютъ душѣ большія силы, если вмѣстѣ съ тѣмъ душа не дѣлается ббльшею? Хотя обыкновенно душѣ приписываютъ доблести, а силы тѣлу, однако я никогда не позволю себѣ отчуждать ихъ у души, какъ скоро вижу, что въ бездушныхъ тѣлахъ ихъ нѣтъ. Правда, отрицать нельзя, что душа пользуется силами, какъ и чувствами, при посредствѣ тѣла; тѣмъ не менѣе, если тѣло несетъ эту службу потому, что живетъ, никто не усумнится отнести это по преимуществу къ душѣ. Итакъ, если въ дѣтяхъ подростающихъ мы встрѣчаемъ силы большія, чѣмъ въ младенцахъ, и если потомъ отроки и юноши изо дня въ день вырастаютъ въ своихъ силахъ, которыя потомъ уменьшаются по мѣрѣ устарѣванія тѣла: то по моему мнѣнію это служить немаловажнымъ указаніемъ на то, что душа съ тѣломъ растетъ и съ тѣломъ старѣется.

А. То, что ты говоришь, не во всѣхъ отношеніяхъ недѣлно. Но я держусь обыкновенно того мнѣнія, что силы зависятъ не столько отъ объема тѣла и возраста, сколько отъ извѣстнаго упражненія и стройнаго образованія членовъ. Чтобы доказать тебѣ это, я спрошу тебя, полагаешь ли ты, что зависятъ отъ ббльшихъ силъ, что извѣстный человѣкъ можетъ дѣлать большія прогулки и менѣе утомляться, чѣмъ

другой? Е. Я такого мнѣнія. А. Почему же я, будучи мальчикомъ, когда упражнялся въ птицеловствѣ, безъ усталости дѣлалъ пѣшкомъ несравненно болѣе пути, чѣмъ будучи юношею, когда перешелъ къ другимъ занятіямъ, которыя принуждали меня болѣе сидѣть на мѣстѣ, если увеличеніе силъ слѣдуетъ приписать увеличенію возраста и вмѣстѣ съ нимъ возрастанію души? За тѣмъ, въ тѣлахъ самыхъ борцовъ учителя ихъ искусства весьма умно обращаютъ вниманіе не на массу или величину, а на извѣстныя связки мышцъ, и на отдѣльные мускулы, и на всю вообще фигуру тѣла. взаимно себѣ въ частяхъ соотвѣтствующую, и въ этомъ по преимуществу находятъ доказательство силъ. Однакоже и это все имѣетъ мало значенія, если къ нему не присоединится искусство и упражненіе. Мы часто видимъ, что людей огромнаго роста превосходятъ низенькіе и маленькіе, какъ въ движеніи, такъ въ поскѣ тяжестей, и даже въ самой борьбѣ. Кому неизвѣстно, что какой угодно побѣдитель на олимпійскихъ играхъ скорѣе устанетъ въ дорогѣ, чѣмъ какойнибудь рыночный торговецъ, котораго онъ могъ бы раздавить однимъ пальцемъ? Итакъ, если и силы мы называемъ великими не все одинаково, а нѣкоторыя, наиболѣе годныя къ извѣстному дѣлу; если и очертанія тѣлъ и фигуры ихъ имѣютъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ величина; если и упражненія придають столько, что, какъ провѣрялось это очень часто, человѣкъ, поднимая ежедневно маленькаго тѣленка, достигалъ того, что могъ поднимать и держать его, ставшаго быкомъ, не чувствуя большой тяжести, которая прибавлялась по немногу: то силы, обнаруживающіяся въ болѣшемъ возрастѣ, отнюдь не показываютъ возрастанія души.

ГЛАВА XXII.

Откуда у тѣла большія силы.

Если сравнительно большія тѣла животныхъ, вслѣдствіе того именно, что они больше, имѣютъ нѣсколько больше силъ, то причина этого въ томъ, что по закону природы тяжести меньшія уступаютъ большимъ. Законъ этотъ проявляется не только въ тѣхъ случаяхъ, когда тѣла сами собою стремятся занять свое мѣсто, какъ на примѣръ тѣла жидкія и земляныя—въ самомъ центрѣ міра, который находится въ самомъ низу, а тѣла воздушныя и огненныя—наоборотъ, вверху; но и въ тѣхъ, когда какимъ либо метательнымъ орудіемъ, или бросаньемъ, или толчкомъ, или отраженіемъ, они бываютъ вынуждены чуждою имъ силою идти не туда, куда стремились бы сами собою. Если ты пустишь съ высоты, хотя и вмѣстѣ, но различной величины два камня, то большій упадетъ на землю скорѣе; но если меньшій попадетъ подъ него и такъ будетъ охваченъ имъ, что не выскользнетъ изъ-подъ него, онъ поддастся ему совершенно и вмѣстѣ съ нимъ упадетъ на землю. Также точно если большій будетъ брошенъ сверху внизъ, а меньшій брошенъ снизу вверхъ, то тамъ, гдѣ они встрѣтятся, необходимо послѣдуетъ отраженіе и обратное движеніе меньшаго. А чтобы ты не подумалъ, что это случается потому, что меньшему дано вопреки природѣ насильственное движеніе въ высоту, тогда какъ другой направляется съ большимъ стремленіемъ къ своему мѣсту,—сдѣлай такъ, чтобы большій былъ брошенъ вверхъ и встрѣтился съ меньшимъ, падающимъ на землю; увидишь и въ этомъ случаѣ, что меньшій, будучи отраженъ, получитъ движеніе къ небу, и когда упадетъ потомъ внизъ, упадетъ не въ ту сторону, въ которую былъ направленъ, а въ другую. Также точно если два

камня не по естественному движенію, а потому, что брошены будутъ одинъ противъ другаго двумя, наприимѣрь, сражающимися на войнѣ, столкнутся между собою на срединѣ пролетаемаго ими разстоянія: кто усумнится, что меньшій уступить бѣльшему и оба полетятъ въ ту сторону, откуда летѣлъ первый и куда брошенъ послѣдній? Впрочемъ, хотя это и дѣйствительно такъ бываетъ, т. е. хотя тяжести меньшія, какъ сказано, и уступаютъ бѣльшимъ, однако большую важность имѣетъ при этомъ то, съ какою быстротою и силою они движутся другъ противъ друга. Если меньшій, брошенный посредствомъ какого нибудь сильнаго метательнаго орудія съ бѣльшею силою и стремительностію, столкнется съ бѣльшимъ, брошеннымъ съ меньшею силою или уже ослабѣвшимъ въ полетѣ, то хотя онъ и отскочитъ отъ послѣдняго, но замедлитъ его движеніе, или даже дастъ ему движеніе обратное, смотря по силѣ ударовъ и по тяжестимъ.

Предпославъ и уяснивъ это, я прошу тебя вникнуть, не подходятъ ли подъ это правило и такъ называемыя силы въ животныхъ. Кто станетъ отрицать, что тѣла всѣхъ вообще животныхъ имѣютъ свою тяжесть? Эта тяжесть, движутая по извѣстному направленію мановеніемъ души, имѣетъ значительную силу вслѣдствіе собственной величины. Но мановеніе душевное для движенія тяжести тѣла пользуется сухожиліями, какъ своего рода метательными орудіями; а сухожиліямъ придаетъ бѣльшую живость и подвижность сухость и умѣренная теплота, влажный же холодъ, напротивъ, расслабляетъ и обезсиливаетъ ихъ. Поэтому во снѣ, который медики называютъ холоднымъ и влажнымъ, подтверждая такое воззрѣніе на него доказательствами, члены приходятъ въ расслабленіе, и самое напряженіе силъ у просыпающихся отличается особенною слабостію; отъ того нѣтъ слабѣе и безсильнѣе летаргиковъ. Но нѣкоторые сумасшедшіе, у которыхъ бессонница, вино и острия лихорадки, т. е. все

такое, что вызываетъ жаръ, производятъ крайне напряженіе и жесткость жилъ, напротивъ того, какъ извѣстно, оказываютъ сопротивленіе большимъ силамъ, чѣмъ въ здоровомъ состояніи; и обнаруживаютъ значительную силу вообще; хотя тѣло ихъ отъ болѣзни бываетъ болѣе худо и сухо. Итакъ то, что называется силами, слагается изъ мановенія души, изъ извѣстнаго механизма сухожилій, и изъ тяжести тѣла. Мановеніе даетъ воля; оно бываетъ стремительнѣе при существованіи надежды или отважности, и обезсиливается страхомъ, а еще болѣе отчаяніемъ: потому что въ страхѣ, при которомъ еще есть мѣсто для надежды, силы оказываются обыкновенно бѣльшими. Механизмъ дается соответствующимъ образованіемъ тѣла; состояніе здоровья видоизмѣняетъ его, а упражненіе укрѣпляетъ. Тяжесть сообщается массивностію членовъ, приобретаемою возрастомъ и питаніемъ, а восстанавливаемою однимъ питаніемъ. У кого все это получаетъ одинаково значительное развитіе, тотъ возбуждаетъ удивленіе своими силами, и тѣмъ болѣе извѣстный человекъ слабѣе другаго, чѣмъ болѣе у него недостаетъ указаннаго. Но часто бываетъ и такъ, что человекъ, владѣющій меньшею тяжестію тѣла, въ силу настойчивости мановенія (*воли*) и лучшаго механизма, побѣждаетъ другаго, владѣющаго бѣльшею тѣлесною массою. И наоборотъ, массивность иногда бываетъ такъ велика, что при самомъ незначительномъ усиліи подавляетъ мелкаго противника, не смотря на дѣлаемыя имъ гораздо бѣльшія усилія. Но когда уступаетъ не тяжесть тѣла, и нерасположеніе и состояніе сухожилій, а самое мановеніе (*воли*), т. е. сама душа, такъ что побѣду одерживаетъ не сильнѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ, а во всемъ слабѣйшій, и болѣе отважный надъ трусливымъ,—я не знаю, слѣдуетъ ли и приписывать ее силамъ; развѣ только кто станетъ утверждать, что и душа имѣетъ свои силы, благодаря которымъ этотъ получилъ бѣльшую отважность и са-

моувѣренность. Въ такомъ случаѣ,—какъ скоро онѣ у одного есть, а у другого ихъ нѣтъ,—это даетъ понять, насколько душа превосходитъ тѣло даже въ томъ, что совершается черезъ тѣло.

Итакъ, какъ скоро у дитяти есть несомнѣнно одно только мановеніе (*воли*) притянуть къ себѣ или оттолкнуть что либо; но его сухожилія по причинѣ недавняго и еще несовершеннаго образованія неповоротливы, по причинѣ влажности, избылующей въ этомъ возрастѣ, вялы, и по отсутствію всякаго упражненія—слабы; а тяжесть до такой степени мала, что не даетъ сильнаго толчка даже когда бываетъ брошена другимъ, и вообще оказывается способною болѣе подвергаться гнѣту, чѣмъ производить его: кто, увидѣвъ, что все это, не бывшее прежде, принесено годами, и узнавъ, что годами же даны такимъ образомъ силы, сочтетъ правильнымъ и разумнымъ мнѣніе, будто выросла душа, которая на самомъ дѣлѣ только пользуется тѣмъ, что со дня на день увеличивается? Такой, еслибы увидѣлъ сперва, что не далеко летятъ и скоро падаютъ камышинки, бросаемыя со всею силою изъ слабаго лука юношею, скрытымъ отъ него промежуточною завѣсою, а вслѣдъ за тѣмъ увидѣлъ бы, что летятъ высоко къ небу стрѣлы, уже отягченныя желѣзомъ, пернатыя, брошенныя сильно натянутою тетивою,—такой, получивъ увѣреніе, что то и другое сдѣлано человекомъ съ равнымъ усиліемъ, могъ бы пожалуй подумать, что этотъ человекъ въ такое коротенькое время выросъ и увеличился въ своихъ силахъ? Что можно придумать вслѣдъ этого?

Далѣе, обрати вниманіе и на то, до такой степени невѣжественно, если душа вырастаетъ, ставить приращенія ея въ зависимость отъ силъ тѣлесныхъ, а не считать источникомъ ихъ увеличеніе познаній въ то время, когда какъ первымъ она придаетъ съ своей стороны только мановеніе (*воли*), а послѣдними владѣетъ нераздѣльно? За тѣмъ, если мы думаемъ, что душа вырастаетъ, когда придаются ей

силы; то должны думать, что она и уменьшается, когда силы отнимаются. Но силы отнимаются въ старости; отнимаются и при занятіяхъ научныхъ. А между тѣмъ въ это то время познанія пріобрѣтаются и увеличиваются. А увеличиваться и уменьшаться что либо въ одно и тоже время разомъ никакъ не можетъ. Слѣдовательно то обстоятельство, что въ большемъ возрастѣ силы бываютъ болѣшія, не служить доказательствомъ возрастанія души. Можно было бы сказать и много другаго, но если ты уже удовлетворишься, и покончу съ этимъ предметомъ, и мы перейдемъ къ другому. Е. Я убѣдился достаточно, что болѣшія силы зависятъ не отъ того, чтобы выросла душа. Я не буду упоминать о твоихъ другихъ основательныхъ сужденіяхъ; но полагаю, что самъ сумасшедшій, у котораго силы, какъ извѣстно каждому, дѣлаются болѣшими, чѣмъ обыкновенно бываютъ у здороваго,—самъ сумасшедшій не сказалъ бы, что помѣнательствомъ и болѣзнію тѣлесною душа возрастаетъ, хотя само тѣло уменьшается. Съ этихъ поръ я держусь по преимуществу того мнѣнія, что въ сухожиліяхъ заключается все, чему мы удивляемся, когда въ комъ либо оказываются чрезвычайныя силы. Поэтому я прошу тебя приступить уже къ тому, къ чему обращена теперь вся моя мысль, именно: Почему душа, если не имѣетъ таковой пространственной величины, какую имѣетъ тѣло, чувствуетъ его повсюду, гдѣ бы къ нему ни прикоснуться?

ГЛАВА XXIII.

Изъ того, что душа чувствуетъ по всему тѣлу, не слѣдуетъ, чтобы она была одинаковаго съ тѣломъ пространства. Что такое чувство, и какимъ образомъ происходитъ зрѣніе.

А. Приступимъ, пожалуй, къ тому, что ты желасшь. Но нужно, чтобы ты слушалъ меня гораздо внимательнѣе,

чѣмъ по твоему быть можетъ мнѣнію это слѣдуетъ. Поэтому сосредоточься до возможной степени и отвѣчай мнѣ, что такое, по твоему мнѣнію, это чувство, которымъ душа пользуется чрезъ тѣло (вѣдь это-то собственно и называется чувствомъ)? Е. Я слышалъ обыкновенно, что есть пять чувствъ: зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ и осязаніе; что сказать тебѣ больше, я не знаю. А. Раздѣленіе это весьма древне и часто употребляется въ рѣчахъ, обращенныхъ къ народу. Но я желалъ бы, чтобы ты опредѣлилъ мнѣ, что такое самое это чувство,—опредѣлилъ такъ, чтобы въ опредѣленіи твоёмъ заключались все указанныя чувства, и не подразумевалось ничего такого, что не было бы чувствомъ. Если это невозможно, я не настаиваю. Для дѣла будетъ достаточно, если ты будешь въ состояніи опровергнуть или подтвердить мое опредѣленіе. Е. Последнимъ я пожалуй услужу тебѣ, насколько могу; хотя и то не всегда безъ труда. А. Такъ слушай же. Чувство, по моему мнѣнію, есть то, въ силу чего отъ души не укрывается то, что испытываетъ тѣло. Е. Я одобряю это опредѣленіе. А. Въ такомъ случаѣ пристань къ нему, какъ къ своему собственному, и защищай его, пока я буду по немногу опровергать его. Е. Буду, пожалуй, защищать, если ты будешь помогать; а если нѣтъ, то я уже отъ него отказываюсь: потому что ты не напрасно, конечно, нашелъ нужнымъ опровергать его. А. Не подчиняйся до крайности авторитету, особенно—моему, который не существуетъ. »Смѣй разумѣть«, какъ говоритъ Гораций: пусть разумъ покоряетъ тебя прежде, чѣмъ страхъ. Е. Какъ бы дѣло ни велось, я рѣшительно ничего не боюсь. Ты конечно не допустишь меня до заблужденія. Но начинай уже; если что имѣешь сказать, чтобы откладываніе не утомило меня болѣе, чѣмъ самыя возраженія.

А. Такъ скажи же мнѣ, что испытываетъ твое тѣло,

когда ты меня видишь? Е. Нѣчто испытываетъ несомнѣнно: потому что глаза, если не ошибаюсь, суть части моего тѣла; если бы они ничего не испытывали, то какимъ бы образомъ я видѣлъ тебя? А. Но мнѣ недостаточно твоего увѣренія, что глаза твои нѣчто испытываютъ, если ты не объяснишь, что именно они испытываютъ. Е. Разумѣется, не другое что, какъ самое зрѣніе, потому что видятъ. Вѣдь если бы ты спросилъ, что испытываетъ больной, я отвѣчалъ бы, что—болѣзнь,—желающій—желаніе, — опасющійся—опасеніе, — радующійся—радость. Такъ почему же бы на вопросъ—что испытываетъ видящій, мой отвѣтъ—что испытываетъ самое зрѣніе, былъ неправиленъ? А. Но радующійся чувствуетъ радость, или нѣтъ? Е. Полагаю, что такъ. А. Тоже я могъ бы сказать и о другихъ душевныхъ волненіяхъ? Е. Думаю, что такъ. А. Стало бытъ, какъ скоро глаза что нибудь чувствуютъ, они то видятъ. Е. Съ этимъ я никакъ не могу согласиться: болѣзни никто не видитъ, хотя глаза часто ее чувствуютъ. А. Видно, что твое вниманіе обращено на глаза; ты слѣдишь за дѣломъ хорошо. И такъ всмотрись, также ли точной видящій, видя, чувствуетъ зрѣніе, какъ радующійся, радуясь, чувствуетъ радость? Е. А развѣ это можетъ быть иначе? А. Но все то, что видящій, видя, чувствуетъ, все то онъ непремѣнно и видитъ. Е. Не непремѣнно; а если видя, онъ чувствуетъ любовь: неужели любовь онъ видитъ? А. Осмотрительно и проникательно; радуюсь, что тебя трудно поймать. Но обрати теперь вниманіе на слѣдующее. Такъ какъ между нами рѣшено, что не все то, что глаза чувствуютъ, и не все то, что, видя, чувствуемъ, мы непремѣнно видимъ: то не считаешь ли ты истиннымъ по крайней мѣрѣ то, что все, что мы видимъ, то непремѣнно чувствуемъ? Е. Если бы я съ этимъ не согласился, то какимъ бы образомъ могло называться чувствомъ то, что мы видимъ? А. Ну, а не испытываемъ ли мы всего того, что чувствуемъ?

Е. Это такъ. А. Слѣдовательно, если все, что мы видимъ, чувствуемъ, и все, что чувствуемъ, испытываемъ: то мы испытываемъ все, что видимъ. Е. Не возражаю. А. Значить, когда мы видимъ другъ друга, ты испытываешь меня, а я взаимно тебя? Е. Думаю такъ, и признать это меня настойчиво принуждаетъ разумъ.

А. Смотри же, что изъ этого слѣдуетъ. Полагаю, что тебѣ показалось бы величайшею нелѣпостію и глупостію, если бы кто сталъ утверждать, что ты испытываешь какое либо тѣло тамъ, гдѣ нѣтъ самаго тѣла, которое ты испытываешь. Е. Нелѣпость ясна, и я полагаю, что оно такъ, какъ ты говоришь. А. Ну, а не очевидно ли для тебя, что мое тѣло находится въ одномъ мѣстѣ; а твое въ другомъ? Е. Это очевидно. А. Однако же глаза твои чувствуютъ мое тѣло; если же чувствуютъ, то непременно и испытываютъ; но они не могутъ испытывать тамъ, гдѣ нѣтъ того, что они испытываютъ; а между тѣмъ ихъ нѣтъ тамъ, гдѣ мое тѣло; слѣдовательно, они испытываютъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Е. Хоть я и согласился со всеѣмъ тѣмъ, съ чѣмъ казалось мнѣ нелѣпостію не согласиться; однако этотъ послѣдній выводъ нелѣпъ до такой степени, что я согласенъ скорѣе признать, что въ предшествующемъ сдѣлалъ какую нибудь неосмотрительную уступку, чѣмъ самый выводъ признать за истинный. Вѣдь я и во снѣ не рѣшился бы сказать, что глаза мои чувствуютъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. А. Въ такомъ случаѣ припомни, на какомъ мѣстѣ ты вздремнулъ: развѣ ускользнуло бы что нибудь вслѣдствіе твоей неосторожности, если бы ты былъ также внимателенъ, какъ не задолго передъ этимъ? Е. Я дѣйствительно стараюсь припомнить и снова обдумать все, о чемъ мы говорили; но не вижу съ достаточною ясностію, въ уступкѣ чего я долженъ былъ бы раскаяваться, кромѣ развѣ того, что, когда мы видимъ, чувствуютъ наши глаза. Чувствуетъ быть можетъ само зрѣніе. А. Пусть бу-

деть такъ. Зрѣніе дѣйствительно простирается повнѣ, и чрезъ глаза проникаетъ такъ далеко, что можетъ повсюду осматривать то, что мы видимъ. Отъ этого бываетъ, что оно скорѣе видитъ тамъ, гдѣ находится то самое, что оно видитъ, но не тамъ, откуда оно выходитъ, чтобы видѣть. Въ такомъ случаѣ, когда ты видишь меня, то не ты собственно видишь? Е. Какой безумецъ скажетъ это? Во всякомъ случаѣ вижу я; но вижу простерши зрѣніе посредствомъ глазъ. А. Если же ты видишь, то ты чувствуешь; если ты чувствуешь, то ты испытываешь; ты не можешь испытывать что либо тамъ, гдѣ тебя нѣтъ; тамъ, гдѣ ты меня видишь, тамъ нахожусь я; слѣдовательно ты испытываешь меня тамъ, гдѣ нахожусь я. Но если тамъ, гдѣ нахожусь я, тебя нѣтъ: то я рѣшительно не понимаю, какимъ образомъ ты рѣшишься утверждать, что видишь меня ты. Е. Я говорю, что вижу тебя, гдѣ ты находишься, простерши зрѣніе въ то мѣсто, въ которомъ ты находишься; но признаю, что меня тамъ нѣтъ. Если бы я напримѣръ дотронулся до тебя палкою, я дотронулся бы несомнѣнно, и чувствовалъ бы это; однакоже я не былъ бы тамъ, гдѣ дотронулся до тебя. Въ такомъ же смыслѣ я говорю, что вижу зрѣніемъ. Хотя меня и нѣтъ тамъ, это однакоже не вынуждаетъ меня признать, будто вижу не я.

А. Итакъ ты не сдѣлалъ никакой необдуманной уступки: потому что можешь отстоять и глаза свои, для которыхъ зрѣніе, какъ ты говоришь, есть какъ бы своего рода палка; и то заключеніе, что глаза твои видятъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, не представляется нелѣпностію. Или это иначе тебѣ кажется? Е. Оно дѣйствительно такъ, какъ ты говоришь; потому что мнѣ пришло въ настоящее время на мысль и слѣдующее: если бы глаза видѣли тамъ, гдѣ они находятся, они видѣли бы и самихъ себя. А. Ты правильнѣе бы сказалъ не »и самихъ себя«, а »только бы самихъ себя видѣли«. Вѣдь тамъ,

гдѣ они находятся, т. е. какое мѣсто они занимаютъ, они занимаютъ мѣсто одни; и тамъ, гдѣ они находятся, нѣтъ ни носа, и ничего другаго, смежнаго съ ними. Иначе и ты, пожалуй, былъ бы тамъ, гдѣ я нахожусь, потому что мы оба находимся другъ подлѣ друга. Если это такъ, и если бы глаза видѣли только тамъ, гдѣ они находятся, они не видѣли бы ничего, кромѣ самихъ себя. Если же они самихъ себя не видятъ, то мы должны согласиться, что они не только видятъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, но даже тамъ только и могутъ видѣть, гдѣ ихъ нѣтъ. Е. Послѣ этого у меня не остается никакого сомнѣнія. А. Слѣдовательно, ты не сомнѣваешься, что глаза испытываютъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Ибо гдѣ они видятъ, тамъ чувствуютъ: такъ какъ видѣть значитъ чувствовать; чувствовать же значитъ испытывать; поэтому, гдѣ они чувствуютъ, тамъ испытываютъ. Но видятъ они не въ томъ мѣстѣ, гдѣ находятся; слѣдовательно они испытываютъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Е. Изумительно, какъ все это я признаю за истину.

ГЛАВА XXIV.

Взвѣшивается опредѣленіе чувства.

А. Ты пожалуй и правъ. Но скажи на милость, все ли то мы видимъ, что узнаемъ посредствомъ зрѣнія? Е. Думаю, такъ. А. И думаешь также, что все, что мы узнаемъ видя, мы узнаемъ посредствомъ зрѣнія? Е. И это думаю. А. Въ такомъ случаѣ почему мы, видя одинъ только большой дымъ, узнаемъ, что подъ нимъ скрывается огонь, котораго мы не видимъ? Е. Ты говоришь правду, и я уже не думаю болѣе, что мы видимъ все то, что узнаемъ посредствомъ зрѣнія: потому что мы можемъ, какъ ты доказалъ, видя одно, узнавать другое, до чего зрѣніе не достигаетъ. А. Ну, а можемъ ли мы не видѣть того, что чувствуемъ зрѣніемъ? Е. Никкимъ

образомъ. А. Слѣдовательно иное дѣло чувствовать, и иное—
 звать. Е. Совершенно иное: потому что дымъ, который мы
 видимъ, мы чувствуемъ, а что подъ нимъ есть огонь, ко-
 торого мы не видимъ, то мы знаемъ. А. Ты прекрасно раз-
 суждаешь. Но замѣчаешь конечно, что когда это случается,
 то тѣло наше, т. е. глаза не испытываютъ ничего отъ огня,
 а испытываютъ отъ дыма, который они только одинъ ви-
 дятъ. Вѣдь мы согласились выше, что видѣть значить чув-
 ствовать, а чувствовать значить испытывать. Е. Это такъ
 и я согласенъ съ этимъ. А. Итакъ, когда вслѣдствіе испы-
 тываемаго тѣломъ впечатлѣнія что либо отъ души не укры-
 вается, то это не всегда извѣщается однимъ изъ упомяну-
 тыхъ пяти чувствъ, а лишь тогда, когда не укрывается са-
 мое испытываемое впечатлѣніе: потому что огня того мы не
 видимъ, не слышимъ, не обоняемъ, не вкушаемъ, не ощу-
 щаемъ, а онъ не укрывается отъ нашей души вслѣдствіе
 того, что видѣнъ дымъ. То, вслѣдствіе чего онъ не укры-
 вается, не называется чувствомъ, потому что отъ огня тѣло
 наше ничего не испытываетъ; а называется познаніемъ чрезъ
 чувство, потому что оно выведено и добыто изъ испыты-
 ваемаго тѣломъ впечатлѣнія, хотя и другаго, т. е. изъ усмо-
 трѣнія другой вещи. Е. Понимаю, и вижу прекрасно, что это
 отвѣчаетъ и благоприятствуетъ тому опредѣленію твоему, ко-
 торое ты предоставилъ защищать мнѣ, какъ мое собствен-
 ное. Вѣдь помнится, ты опредѣлилъ чувство такъ, что отъ
 души не укрывается то, что испытываетъ тѣло. Такимъ обра-
 зомъ то, что даетъ намъ видѣть дымъ, мы называемъ чув-
 ствомъ: потому что, видя его, наши глаза, которые суть
 части тѣла и тѣла, испытываютъ (*впечатлѣніе отъ него*);
 но то, что мы узнаемъ огонь, отъ котораго тѣло не испы-
 тываетъ ничего, мы не называемъ чувствомъ.

А. Одобряю твою память и послѣдовательность въ суж-
 деніяхъ; но эта ограда, защищающая опредѣленіе, грозитъ

падениемъ. Е. Это какимъ образомъ? А. Думаю, ты не отрицаешь, что тѣло наше испытываетъ нѣчто, когда мы растемъ или старѣемся; очевидно также, что этого мы не чувствуемъ ни однимъ изъ своихъ чувствъ; однакоже это не укрывается и отъ души. Слѣдовательно отъ ней не укрывается нѣчто, что испытываетъ тѣло; и однакоже этого нельзя назвать чувствомъ. Видя ббольшимъ то, что мы нѣкогда видѣли меньшимъ, и видя стариками тѣхъ, о которыхъ извѣстно, что они были юношами и дѣтьми, мы заключаемъ, что и наши тѣла испытываютъ нѣкоторое того же свойства измѣненіе даже въ настоящее время, когда мы разговариваемъ. И въ этомъ мы, полагаю, не обманываемся. Скорѣе я готовъ признать обманъ въ томъ, что вижу, чѣмъ въ той мысли, что волосы мои въ настоящее время растутъ, или что тѣло мое поминутно измѣняется. Если это измѣненіе есть (*состояніе*) испытываемое тѣломъ,—чего не отрицаетъ никто,—и не чувствуется въ настоящее время нами, а между тѣмъ и не укрывается отъ души, потому что не укрывается отъ насъ: то тѣло, какъ я сказалъ, испытываетъ такое, что отъ души не укрывается, и однакоже то не есть чувство. Поэтому то опредѣленіе, которое не должно бы заключать въ себѣ ничего такого, что не есть чувство, оказывается на дѣлѣ неправильнымъ, потому что заключаетъ въ себѣ такое. Е. Вижу, что мнѣ остается только просить тебя, чтобы ты или далъ другое опредѣленіе, или исправилъ, если можешь, это: потому что не могу отрицать ошибочности его въ силу сказаннаго, что я вполне одобряю. А. Исправить его легко. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы ты на это рѣшился. Повѣрь мнѣ, что ты это и сдѣлаешь, если хорошо понялъ, въ чемъ оно грѣшитъ. Е. Да въ чемъ же другомъ, какъ не въ томъ, что обнимаетъ чужое? А. Но какимъ образомъ? Е. А такимъ образомъ, что тѣло, хоть бы и въ юношѣ, старѣется; поэтому нельзя отрицать, что оно

испытываетъ нѣчто; а если мы это знаемъ, то отъ души не укрывается нѣчто, что испытываетъ тѣло, и однакоже этого нельзя воспріять никакимъ чувствомъ: потому что я въ данное время не вижу, что я старѣюсь, и не чувствую этого ни слухомъ, ни обоняніемъ, ни вкусомъ, ни осязаніемъ. А. Откуда же ты это знаешь? Е. Заключаю объ этомъ разумомъ. А. На какихъ же основаніяхъ опирается твой разумъ? Е. На томъ, что я вижу другихъ стариками, которые также были юношами, какъ я теперь. А. А то, что ты ихъ видишь, развѣ не есть чувство? Е. Кто отрицаетъ это? Но изъ того, что я ихъ вижу, я предполагаю, что старѣюсь и я, хотя этого не вижу. А. Итакъ, какія же слова, по твоему мнѣнію, нужно прибавить къ тому опредѣленію, чтобы исправить его, если чувство есть не иное что, какъ испытываемое тѣломъ состояніе; не укрывающееся отъ души, и однакоже испытываемое такъ, что душа знаетъ о немъ не чрезъ другое какое либо испытываемое ею впечатлѣніе или иное тому подобное? Е. Скажи пожалуйста это нѣсколько пояснѣе.

ГЛАВА XXV.

Какъ нужно повѣрять правильность опредѣленія.

А. Сдѣлаю угодное тебѣ, и съ ббльшею готовностію когда ты не слышишь, чѣмъ если бы слышалъ. Но сосредоточь все свое вниманіе: то, что скажу я, будетъ имѣть значеніе для очень многаго. Опредѣленіе содержать не болѣе и не менѣе того, что нужно для уясненія предположеннаго; иначе оно во всякомъ случаѣ неправильно. Дѣйствительно ли оно не имѣетъ этихъ недостатковъ, это разясняется перестановкою. Яснѣе ты увидишь это изъ слѣдующихъ примѣровъ. Положимъ, что ты спросилъ бы меня: что такое человекъ; а я опредѣлилъ бы его слѣдующимъ образомъ: человекъ есть животное смертное. Изъ того, что сказанное

мною истинно, не слѣдуетъ, что ты долженъ признать и опредѣленіе вѣрнымъ. Прибавивъ къ нему частичку, именно—всякій, ты долженъ сдѣлать въ немъ перестановку и посмотреть, останется ли оно истиннымъ и послѣ перестановки, т. е. какъ истинно то, что всякій человѣкъ есть животное смертное, также ли истинно будетъ и то, что всякое животное смертное есть человѣкъ. Увидѣвъ, что послѣднее ложно, ты долженъ отвергнуть опредѣленіе въ силу того недостатка, что оно обнимаетъ чужое: потому что не одинъ человѣкъ есть животное смертное, а и всякое безсловесное животное. Это опредѣленіе человѣка обыкновенно исправляется тѣмъ, что къ смертному прибавляется разумное: потому что человѣкъ есть животное смертное разумное, и какъ всякій человѣкъ есть животное разумное смертное, такъ и всякое разумное смертное животное есть человѣкъ. Слѣдовательно прежнее опредѣленіе неправильно вслѣдствіе ббльшаго содержанія, потому что содержало и животное безсловесное вмѣстѣ съ человѣкомъ; а послѣднее вѣрно, потому что содержитъ всякаго человѣка и не содержитъ ничего болѣе, кромѣ человѣка. Оно будетъ неправильно вслѣдствіе меньшаго содержанія, если прибавишь грамотное. Ибо хотя всякое животное разумное, смертное, грамотное есть человѣкъ, однако очень многіе люди, которые не грамотны, въ этомъ опредѣленіи не будутъ содержаться. Поэтому опредѣленіе это въ первоначальномъ предложеніи будетъ ложно; но если сдѣлать въ немъ перестановку, оно истинно. Ибо ложно, что всякій человѣкъ есть животное разумное, смертное, грамотное; но истинно, что всякое животное разумное смертное грамотное есть человѣкъ. Но опредѣленіе будетъ гораздо неправильнѣе обоихъ приведенныхъ, если оно говорить ложь и въ первоначальномъ предложеніи, и по перестановкѣ. Таковы два слѣдующія: человѣкъ есть животное бѣлое; или: человѣкъ есть животное четвероногое. Скажешь

ли, что всякій человѣкъ есть животное бѣлое или четвероногое, или скажешь въ обратномъ порядкѣ,—одинаково скажешь ложь. Но разница будетъ въ томъ, что первое опредѣленіе простирается на нѣкоторыхъ людей, потому что много людей есть бѣлыхъ; но послѣднее не простирается ни на кого, потому что четвероногаго человѣка нѣтъ ни одного. Усвой это на всякій случай для провѣрки опредѣленій, чтобы судить о правильности ихъ, излагая ихъ въ видѣ предложенія и дѣлая въ нихъ перестановку. Много по этому предмету преподается и другаго, многословнаго и очень темнаго; я постараюсь познакомить тебя съ этимъ понемногу, когда то онажится кстати.

Теперь обрати свое вниманіе на извѣстное наше опредѣленіе, и разсмотрѣвъ его, какъ человѣкъ уже болѣе свѣдущій, исправь. Мы нашли, что, будучи опредѣленіемъ чувства, оно обнимаетъ собою нѣчто, что не есть чувство, и поэтому, если сдѣлать въ немъ перестановку, не будетъ истинно. Такъ истинно, пожалуй, то, что всякое чувство есть испытываемое тѣломъ состояніе, не укрывающееся отъ души, какъ истинно то, что всякій человѣкъ есть животное смертное; но какъ ложно то, что всякое животное смертное есть человѣкъ, потому что и животное безсловесное есть тоже самое; такъ ложно и то, что всякое испытываемое тѣломъ состояніе, не укрывающееся отъ души, есть чувство, потому что у насъ въ данное время растутъ ногти, и это отъ души не укрывается, мы это знаемъ, однакоже не чувствуемъ, а узнаемъ посредствомъ заключенія. Чтобы исправить первое опредѣленіе человѣка, мы прибавили къ нему слово — разумное: вслѣдствіе этого прибавленія, изъ него исключены животныя безсловесныя, которыя въ немъ содержались, и опредѣленіе въ такомъ видѣ не обнимало ничего, кромѣ человѣка, а человѣка обнимало всего. Не думаешь ли ты, что такимъ же точно образомъ слѣдуетъ прибавить нѣчто

и къ послѣднему опредѣленію (*чувства*), чтобыэтимъ исключить изъ него то, что содержится въ немъ чужаго, и чтобы въ немъ не разумѣлось ничего, кромѣ чувства, а чувство разумѣлось все? Е. Думаю, что такъ; но что можетъ быть прибавлено, того не знаю. А. Чувство есть несомнѣнно всякое испытываемое тѣломъ состояніе, не укрывающееся отъ души; но выраженіе это не допускаетъ перестановки по причинѣ извѣстнаго испытываемаго тѣломъ состоянія, когда оно растеть или умалается съ нашего вѣдома, т. е. такъ, что это не укрывается отъ души. Е. Это вѣрно. А. Ну, а это испытываемое состояніе само ли по себѣ не укрывается отъ души, или чрезъ что иное? Е. Очевидно, чрезъ иное: потому что иное дѣло видѣть ногти бѣлыми, и иное знать, что они растутъ. А. Слѣдовательно, если самый ростъ есть испытываемое состояніе, а эта величина, которую мы чувствуемъ, произошла отъ этого испытываемаго состоянія, но сама не есть это состояніе; то очевидно, что мы знаемъ это состояніе не чрезъ него же само, а чрезъ иное. Мы скорѣе чувствовали бы это состояніе, чѣмъ заключали о немъ, если оно не укрывалось отъ души само по себѣ, а не чрезъ другое. Е. Понимаю. А. Въ такомъ случаѣ чего же ты задумываешься надъ тѣмъ, что слѣдуетъ прибавить къ этому опредѣленію? Е. Теперь я знаю, что слѣдовало бы опредѣлить такъ: чувство есть испытываемое тѣломъ состояніе, само по себѣ отъ души не укрывающееся; ибо и всякое чувство есть такое, и все такое, по моему мнѣнію, есть чувство.

А. Если это такъ, я признаю опредѣленіе вполнѣ правильнымъ. Но попробуемъ, если угодно, не грѣшитъ ли оно тѣмъ другимъ недостаткомъ, какимъ грѣшитъ опредѣленіе чловѣка, къ которому прибавлено слово—грамотное. Вѣдь ты, полагаю, помнишь, что сказано было о чловѣкѣ. Онъ есть животное разумное смертное грамотное; и что опредѣленіе это неправильно потому, что оно истинно по переста-

новѣ, а въ первоначальномъ изложеніи ложно. Ибо то ложно, что всякій человѣкъ есть животное разумное смертное грамотное; хотя то истинно, что всякое животное разумное смертное грамотное есть человѣкъ. Опредѣленіе это неправильно потому, что хотя и не содержитъ ничего, кромѣ человѣка, однако человѣка содержитъ не всякаго. Можетъ быть таково же и это опредѣленіе чувства, которое мы выставляемъ за вполне вѣрное. Ибо хотя всякое испытываемое тѣломъ состояніе, само по себѣ отъ души не укрывающееся есть чувство, однако не всякое чувство есть именно это. Это ты можешь пояснить себѣ такъ. Животныя безсловесныя чувствуютъ, и всѣ почти обладаютъ упомянутыми пятью чувствами въ той мѣрѣ, въ какой дано имъ то природою; или ты отрицаешь это? Е. Менѣе всего.

ГЛАВА XXVI.

Есть ли въ животныихъ безсловесныихъ знаніе и разумъ.

А. А не согласишься ли ты съ тѣмъ, что знаніе получается лишь тогда, когда какой либо предметъ воспринять и сознанъ твердымъ разумомъ? Е. Соглашаюсь. А. Но животное безсловесное разумомъ не пользуется. Е. Согласенъ и съ этимъ. А. Слѣдовательно знаніе на животное безсловесное не простирается; но какъ скоро что нибудь не укрывается, оно познается; безсловесныя животныя, по этому, не чувствуютъ, если всякое чувство есть испытываемое тѣломъ состояніе, само по себѣ отъ души не укрывающееся. А между тѣмъ они чувствуютъ, какъ мы согласились въ томъ не задолго прежде. Послѣ этого какія же причины могутъ удерживать насъ отвергнуть опредѣленіе, которое оказалось не въ состояніи обнять всякое чувство потому что въ него не входитъ чувство безсловесныхъ животныхъ?

Е. Признаюсь, я ошибся, согласившись съ тобою, что знаніе получается лишь тогда, когда что либо воспринимается твердымъ разумомъ. Когда ты объ этомъ спрашивалъ, я принялъ въ соображеніе однихъ только людей. О живот-

ныхъ же безсловесныхъ я хотя и не могу сказать, чтобы они пользовались разумомъ; но не могу отрицать у нихъ и знанія. Думаю, что собака знала своего господина, если узнала его, какъ разказывается, спустя двадцать лѣтъ¹⁾; о другихъ безчисленныхъ примѣрахъ умалчиваю. А. Скажи, пожалуйста, когда тебѣ представляются двѣ вещи,—одна, которой нужно достигнуть, и другая, посредствомъ которой ты можешь достигнуть,—какой изъ нихъ ты придаешь большее значеніе, и какую предпочитаешь другой? Е. Безъ всякаго сомнѣнія предпочитаю ту, которой нужно достигнуть. А. Изъ этихъ же нѣгихъ двухъ вещей, знанія и разума, знаніемъ ли мы достигаемъ разума, или разумомъ знанія? Е. Насколько мнѣ представляется, та и другая вещь такъ тѣсно между собою связаны, что посредствомъ той и другой можно достигать каждой. Вѣдь и самаго разума мы не достигли бы, еслибы не знали, что нужно его достигнуть. Поэтому знаніе стоитъ впереди, такъ какъ посредствомъ его мы достигаемъ разума. А. Ну, а самое знаніе, которое, по твоимъ словамъ, стоитъ впереди, достигается безъ разума? Е. Я этого не говорилъ никогда; это было бы величайшимъ безразумствомъ. А. Стало быть достигается разумомъ? Е. Нѣтъ. А. Ну, такъ безразумствомъ? Е. Кто сказалъ это? А. Такъ чѣмъ же наконецъ? Е. Ничѣмъ, потому что знаніе врождено намъ.

А. Ты кажется забылъ, съ чѣмъ мы согласились выше, когда я спрашивалъ, думаешь ли ты, что знаніе получается тогда, когда какой либо предметъ воспринимается твердымъ разумомъ. Помнится, ты отвѣчалъ, что человѣческое знаніе представляется тебѣ такимъ; теперь же утверждаешь, что человѣкъ можетъ имѣть нѣкоторое знаніе и тогда, когда воспринимаетъ предметъ безъ всякаго разума. Кому не видно, что нѣтъ ничего болѣе противорѣчащаго себѣ, какъ эти два положенія—что знаніе получается только тогда, когда какая

¹⁾ Odys. XVII, 291 sqq.

либо вещь воспринимается твердымъ разумомъ, и—что есть знаніе нѣкоей вещи, не воспринятой никакимъ разумомъ. По этому я желалъ бы знать, какое изъ этихъ двухъ положеній выбираешь ты; потому что и то и другое вмѣстѣ никоимъ образомъ не могутъ быть истинными. Е. Избираю то, которое только что высказалъ; потому что съ предшествующимъ я согласился, признаюсь, необдуманно. Вѣдь когда мы другъ съ другомъ ищемъ разумомъ истиннаго, и это дѣлается посредствомъ вопросовъ и отвѣтовъ, какимъ образомъ разумъ могъ бы дойти до послѣдняго вывода, если бы предварительно не принялъ что нибудь за вѣрно? А какимъ образомъ онъ могъ бы принять что нибудь за вѣрное, еслибы это что нибудь не было нами узнано? Слѣдовательно; еслибы этотъ разумъ не нашелъ во мнѣ чего либо познаннаго, опираясь на чемъ онъ велъ бы меня къ непознанному, я рѣшительно ничего не узналъ бы чрезъ него, да и его самаго не назвалъ бы разумомъ. Въ виду этого ты напрасно не соглашаешься со мною, что въ насъ непременно существуетъ нѣкоторое знаніе прежде разума, отъ котораго самъ разумъ беретъ свое начало. А. Я сдѣлаю угодное тебѣ, и какъ предположилъ, дозволю тебѣ исправлять свои ошибки во всѣхъ случаяхъ, когда ты будешь недоволенъ на себя за высказанное съ чѣмъ либо согласіе. Но пожалуйста, не злоупотребляй этимъ дозволеніемъ и не относись небрежно къ моимъ вопросамъ. Иначе, слишкомъ часто даваемое тобою неправильно согласіе на что нибудь, заставитъ тебя сомнѣваться и въ томъ, съ чѣмъ ты согласился правильно. Е. Продолжай лучше начатое. Хоть я и усилю, насколько могу, все вниманіе: потому что и мнѣ стыдно столько разъ отступаться отъ своего мнѣнія; однако я никогда не побоюсь воспротивиться этому стыду и исправить свою ошибку, особенно при твоемъ содѣйствіи. Упрямство не должно быть терпимо изъ-за того, что желательно постоянство.

ГЛАВА XXVII.

Разумъ и умозаключеніе ¹⁾.

А. Пусть же постоянство это утвердится въ тебѣ какъ возможно скорѣе: такъ пріятна мнѣ высказанная тобою мысль! Но пока будь какъ можно болѣе внимательнымъ къ тому, что я хочу говорить. Спрашиваю у тебя, какое, по твоему мнѣнію, различіе между разумомъ и умозаключеніемъ? Е. Я недостаточно силенъ, чтобы указать это различіе. А. Въ такомъ случаѣ скажи, полагаешь ли ты, что человѣку уже юношѣ, или мужу, пожалуй даже (чтобы сказать безъ всякой околнчности) мудрому, если только умъ у него здоровъ, разумъ присущъ безъ всякой перемежки, какъ здоровое, на примѣръ, состояніе тѣлу, если оно не страдаетъ отъ язвы и отъ ранъ; или напротивъ, какъ способность, на примѣръ, ходить, сидѣть, говорить, можетъ то проявляться, то не про-

¹⁾ *Ratio et ratiocinatio*. Весь этотъ трактатъ о разумѣ и его дѣятельности будетъ недостаточно понятенъ, если не имѣть въ виду особенностей латинскаго языка, которыми онъ непосредственно вызванъ. Дѣло въ томъ, что словомъ *ratio* у римлянъ назывался и разумъ, и дѣятельность разума, и результатъ этой дѣятельности, т. е. и разумъ, какъ душевная способность, и умозаключеніе, какъ процессъ разумной дѣятельности, и добытый умозаключеніемъ выводъ, положеніе и пр., какъ слѣдствіе познавательной дѣятельности разума. Чтобы устранить вытекающую изъ этого спутанность понятій, особенно неудобную въ трактатѣ философскаго свойства, бл. Августинъ и останавливаетъ вниманіе своего собесѣдника на другомъ, производномъ отъ *ratio*, словѣ—*ratiocinatio*, при помощи котораго и старается уяснить Еводію недостаточно имъ понимаемое различіе между разумомъ и дѣятельностію разума. За недостаткомъ въ русскомъ языкѣ производнаго отъ разума слова, соотвѣтствующаго латинскому *ratiocinatio*, мы вынуждены замѣнить его въ переводѣ словомъ—умозаключеніе.

являться? Е. Я полагаю, что здравому уму всегда присущъ разумъ А. Ну, а то, что мы, спрашивая ли другаго, или сопоставляя одно съ другимъ, посредствомъ того, съ чѣмъ согласились и что очевидно само по себѣ, доходимъ до познанія какой нибудь вещи,—то всегда ли дѣлается нами или какимъ бы то ни было мудрымъ? Е. Не всегда. Ибо и всякій человѣкъ, и человѣкъ мудрый, какъ думаю я, не всегда самъ ли то съ собою или съ кѣмъ другимъ, доискивается чего бы то ни было посредствомъ разсужденія: потому что тотъ, кто доискивается, еще не нашелъ; слѣдовательно, если бы онъ всегда доискивался, то никогда бы не находилъ. Но мудрый нашелъ уже по крайней мѣрѣ (чтобы не упоминать о чемъ либо другомъ) саму мудрость, которой, будучи еще глупымъ, доискивался пожалуй и посредствомъ разсужденія, или какимъ могъ другимъ способомъ. А. Ты говоришь вѣрно. Такъ уясни же, пожалуйста, для себя, что то не есть самый разумъ, когда мы посредствомъ чего либо, съ чѣмъ согласились или что знаемъ, доходимъ до чего либо неизвѣстнаго: потому что это, какъ мы теперь согласились съ тобою, не всегда присуще здравому уму; а разумъ присущъ всегда.

Е. Понимаю; но къ чему это? А. А къ тому, что не задолго передъ этимъ ты сказалъ, что я долженъ согласиться съ тобою, что мы имѣемъ знаніе прежде разума, на томъ основаніи, что разумъ, руководя насъ къ неизвѣстному, опирается уже на чемъ нибудь извѣстномъ; между тѣмъ какъ въ настоящее время мы нашли, что это, когда оно дѣлается, не слѣдуетъ называть разумомъ: потому что здравый умъ не всегда это дѣлаетъ, хотя разумъ имѣетъ всегда; а это, пожалуй, правильно называется умозаключеніемъ, такъ какъ разумъ есть своего рода взоръ ума, а умозаключеніе—разумное изслѣдованіе, т. е. движеніе этого взора по всему, что подлежитъ обозрѣнію. Последнее нужно для того, чтобы

найти, а разумъ—чтобы видѣть. Итакъ, когда этотъ взоръ ума, который мы называемъ разумомъ, будучи брошенъ на какой либо предметъ, видитъ его,—это называется знаніемъ; а если умъ не видитъ, хотя и напрягаетъ взоръ,—это называется невѣжествомъ или незнаніемъ. Вѣдь и этими тѣлесными глазами не всякій, кто смотритъ, видитъ; это мы легко замѣчаемъ въ темнотѣ. Изъ этого, полагаю, ясно, что иное дѣло взоръ, и иное дѣло видѣть; въ умѣ эти двѣ вещи мы называемъ разумомъ и знаніемъ. Но, можетъ быть, ты имѣешь сказать что либо противъ этого, или находишь это различіе не достаточно яснымъ? Е. Я доволенъ этимъ различіемъ, и охотно соглашаюсь съ нимъ. А. Въ такомъ случаѣ скажи мнѣ теперь, для того ли, по твоему мнѣнію, мы бросаемъ взоръ, чтобы видѣть, или для того мы видимъ, чтобы бросить взоръ? Е. Ни одинъ слѣпой конечно не усумнится, что взоръ существуетъ ради того, чтобы видѣть, а не наоборотъ. А. Слѣдовательно мы должны признать, что видѣть имѣетъ гораздо большую цѣну, чѣмъ имѣть взоръ. Е. Нужно признать несомнѣнно. А. Слѣдовательно и знаніе имѣетъ ббольшую цѣну, чѣмъ разумъ. Е. Нахожу это послѣдовательнымъ. А. Полагаешь ли ты, что безсловесныя животныя лучше и счастливѣе людей? Е. Пусть Богъ хранить отъ такого крайняго безумія. А. Ты пришолъ въ ужасъ вполне справедливый; но къ этому насъ приводитъ высказанное тобою положеніе. Ты сказалъ, что они имѣютъ знаніе, а не имѣютъ разума. Человѣкъ же имѣетъ разумъ, посредствомъ котораго съ трудомъ достигаетъ знанія. Но пусть онъ достигаетъ и легко; что особеннаго придаетъ намъ разумъ, что мы считаемъ себя выше безсловесныхъ животныхъ, если они имѣютъ знаніе, а знаніе, какъ оказалось, слѣдуетъ цѣнить выше, чѣмъ разумъ?

ГЛАВА XXVIII.

Безсловесныя животныя имѣютъ силу чувства, но не имѣютъ знанія.

Е. Я рѣшительно вынужденъ или не допускать знанія въ безсловесныхъ животныхъ, или признать безъ возраженія ихъ дѣйствительное превосходство надо мною. Но объясни же, мнѣ, пожалуйста, свойство того, что я упомянулъ о собацѣ Улисса: вѣдь удивленіе къ ней-то побудило меня лаять на вѣтеръ. А. Да неужели ты думаешь, что это знаніе, а не просто только извѣстная сила чувства? Чувствомъ превосходятъ насъ многія безсловесныя (отыскивать причину этого теперь не у мѣста); но умомъ, разумомъ, знаніемъ Богъ поставилъ насъ выше ихъ. Упомянутое чувство въ соединеніи съ привычкою, которая имѣетъ великую силу, можетъ различать то, что подобнымъ душамъ доставляетъ удовольствіе, и можетъ различать тѣмъ легче, что душа животныхъ болѣе привязана къ тѣлу, которому принадлежатъ эти чувства и которыми она пользуется для жизни и удовольствія, получаемого ею отъ того же самаго тѣла. Душа же человѣческая посредствомъ разума и знанія, о которыхъ у насъ рѣчь и которыя несравненно превосходятъ чувства, выщаетъ, насколько можетъ, надъ тѣломъ, и охотнѣе наслаждается тѣмъ удовольствіемъ, которое внутри ея; а чѣмъ болѣе вдается въ чувства, тѣмъ болѣе дѣлаетъ человѣка похожимъ на скота. Отъ этого бываетъ, что и плачущія дѣти чѣмъ болѣе чужды разума, тѣмъ легче различаютъ чувствомъ даже прикосновеніе и приближеніе кормилицъ, и не могутъ выносить запаха другихъ женщинъ, къ которымъ не привыкли.

Поэтому, хотя бы я и прервалъ однимъ другое, я съ удовольствіемъ занялся бы бесѣдою такого свойства, которая убѣдила бы душу не погружаться въ чувства болѣе,

чѣмъ сколько требуетъ того необходимость, а отвлекаясь отъ нихъ, сосредоточиваться болѣе въ самой себѣ и младенчествовать въ отношеніи къ Богу. Последнее и значить, со-влекшись челоуѣка ветхаго, сдѣлаться челоуѣкомъ новымъ. Начинать этимъ есть прямая необходимость по причинѣ пренебреженія закономъ Божиимъ, и въ божественныхъ Писаніяхъ ничего не излагается съ такою истиною и таинственностію. Я желалъ бы поговорить объ этомъ поболѣе, чтобы, подѣ предлогомъ совѣтовъ тебѣ, понудить и себя самаго заботиться лишь о томъ, чтобы отдать себя обратно самому же себѣ, у котораго я особенно въ долгу; а черезъ это сдѣлаться и для Бога, какъ говоритъ Гораций, слугою—другомъ Господину ¹⁾. А последнее рѣшительно невозможно, если мы не преобразуемъ себя по Его образу, который Онъ далъ для сохраненія, какъ нѣчто самое драгоцѣнное и любезное, когда далъ намъ насъ же самихъ такими, что выше насъ нельзя считать ничего, кромѣ Него самаго. На мой взглядъ нѣтъ дѣла, болѣе труднаго къ выполненію, и нѣтъ дѣла болѣе похожаго на прекращеніе дѣятельности: ни предпринять, ни выполнить его душа не можетъ безъ помощи того, кому она отдаетъ себя обратно. Поэтому—то челоуѣкъ долженъ преобразовывать себя по милосердію Того, чьею благостію и властію онъ образованъ.

Но мы должны возвратиться къ предмету. Находишь ли ты для себя доказаннымъ теперь, что безсловесныя животныя не имѣютъ знанія, и что все то, чему мы удивляемся въ нихъ, какъ имѣющему нѣкоторое подобіе знанія, есть сила чувства? Д. Это дѣйствительно доказано; и если по этому предмету остаются нѣкоторые вопросы, которые слѣдовало бы разрѣшить, я воспользуюсь для того другимъ временемъ; а теперь я желалъ бы знать, какое ты изъ этого выведешь слѣдствіе?

¹⁾ Horat. Serm. lib. II. sat. 7. v. 2 et 3.

ГЛАВА XXIX.

Чѣмъ отличаются между собою знаніе и чувство.

А. А какое другое, по твоему мнѣнію, какъ не то, что вышеприведенное опредѣленіе чувства, заключавшее въ себѣ сперва что-то большее, чѣмъ чувство, оказывается въ настоящее время страдающимъ противоположнымъ недостаткомъ, потому что не можетъ обнимать всякое чувство? Ибо безсловесныя животныя имѣютъ чувство, и не имѣютъ знанія; а между тѣмъ, что не укрывается, то познается; а все, что познается, безъ сомнѣнія, относится къ знанію. Со всѣмъ этимъ мы съ тобою уже согласились. Слѣдовательно, или не вѣрно то, что чувство есть испытываемое тѣломъ состояніе, не укрывающееся отъ души; или его безсловесныя животныя не имѣютъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ знанія. Но мы признали за безсловесными животными чувство. Слѣдовательно неправильно опредѣленіе. Е. Признаюсь, я не нахожу ничего возразить противъ этого.

А. Но обрати вниманіе еще на одно обстоятельство, которое должно заставить насъ еще болѣе стыдиться за это опредѣленіе. Ты помнишь, конечно, что третій изъ указанныхъ тебѣ недостатковъ опредѣленія, безобразіе котораго ничего быть не можетъ, заключается въ томъ, что опредѣленіе является ложнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Таково извѣстное опредѣленіе человѣка: человѣкъ есть животное четвероногое. Кто говоритъ и доказываетъ, что всякій человѣкъ есть животное четвероногое, или—что всякое животное четвероногое есть человѣкъ, тотъ несомнѣнно сумасшедшій, если не шутить. Е. Ты говоришь правду. А. Ну, а если окажется, что и наше опредѣленіе чувства страдаетъ такимъ же недостаткомъ, не слѣдуетъ ли, по твоему мнѣнію, устранить и выбросить его изъ головы съ большею рѣшительностію, чѣмъ что либо другое? Е. Кто это станетъ отвергать?

Но я не желалъ бы, если это возможно, чтобы ты еще долго удерживалъ меня на этомъ предметѣ и терзалъ своими вопросиками. А. Не бойся ничего. Дѣло уже приведено къ концу. Или, такъ какъ рѣчь идетъ о различіи между бессловесными животными и людьми, ты быть можетъ не убѣдился еще, что иное дѣло чувствовать, иное знать? Е. Даже очень убѣдился. А. Итакъ иное чувствовать, иное знать? Е. Точно такъ. А. Но мы чувствуемъ не разумомъ, а зрѣніемъ, или слухомъ, или обоняніемъ, или вкусомъ, или осязаніемъ. Е. Согласенъ, А. Все же, что мы знаемъ, знаемъ разумомъ; поэтому никакое чувство не есть знаніе. А что не укрывается, то относится къ знанію; слѣдовательно, то, что какая либо вещь не укрывается, также точно не относится къ какому либо чувству, какъ къ какому либо человѣку нельзя правильно отнести названіе четвероногаго. Поэтому, то опредѣленіе наше, принятое тобою, какъ оказалось, не только входитъ въ чужую область и опускаетъ кое что свое, но даже вовсе своего не имѣетъ ничего, а содержитъ все чужое. Е. Что же мы станемъ дѣлать въ такомъ случаѣ? Неужели ты допустишь, чтобы съ этимъ оно и ушло съ твоего суда? Хотя защиту его, какъ могъ, велъ я; но самую формулу процесса, которая обманула насъ, составилъ ты. Если я и не могъ выиграть дѣла, я велъ его по крайней мѣрѣ добросовѣстно: этого для меня достаточно. Но ты, который съ одной стороны побудилъ его смѣло вступить въ тяжбу, а съ другой своими опроверженіями заставилъ съ стыдомъ отказаться отъ ней,—ты что станешь дѣлать, если тебя станутъ обвинять въ злоупотребленіи довѣренностію? А. Да развѣ здѣсь есть какой нибудь судья, котораго я изъ за этого долженъ былъ бы опасаться? Я, какъ частнымъ образомъ приглашенный юрисконсультъ, хотѣлъ опровергать тебя только для того, чтобы ты запасся нужными свѣдѣніями, и когда дойдетъ дѣло до суда, явился на него приготовленнымъ.

Е. Такъ стало быть есть нѣчто, что ты можешь сказать въ пользу этого опредѣленія, которое по необходимости ввѣрилъ для защиты и охраненія мнѣ немощному? А. Разумѣется есть.

ГЛАВА XXX.

Изъ того, что душа повсемѣстно въ тѣлѣ чувствуетъ, не слѣдуетъ, чтобы она разлита была по всему тѣлу.

Е. Что же это такое, скажи на милость? А. А вотъ что. Хотя иное дѣло чувство, и иное—знаніе, однако то свойство ихъ, по которому что—либо отъ души не укрывается, обще имъ обоемъ; какъ обще и человѣку, и безсловесному животному, свойство животного, хотя они и весьма различаются между собою. Ибо не укрывается то, что является душѣ, или чрезъ организацію тѣлесную, или чрезъ просвѣтъ умственный; первое составляетъ принадлежность чувства, послѣднее—знанія. Е. Слѣдовательно то опредѣленіе остается неприкосновеннымъ и вѣрнымъ? А. Безъ сомнѣнія, остается. Е. Такъ въ чемъ же была моя ошибка? А. Ошибка была въ томъ, что ты, не обдумавъ какъ слѣдуетъ дѣла, отвѣчалъ утвердительно, когда я спросилъ тебя: все ли то, что не укрывается, познается? Е. А какъ же я, по твоему, долженъ былъ бы отвѣчать? А. Если что либо не укрывается, это не всегда есть знаніе, а лишь тогда, если не укрывается чрезъ разумъ; а если не укрывается чрезъ тѣло, то называется чувствомъ, какъ скоро испытываемое тѣломъ состояніе не укрывается само по себѣ. Развѣ ты не знаешь, что нѣкоторые философы и мужи весьма остроумные полагали, что даже и то, что понимается умомъ, не подходитъ подъ названіе знанія, если пониманіе не будетъ такъ твердо, что поколебать его въ умѣ нельзя будетъ никакимъ доводомъ?

Е. Весьма благодаренъ за это. Но такъ какъ уже со всею, по моему мнѣнію, тонкостію разъяснено, что такое

чувство: то возвратимся, пожалуйста, къ тому вопросу, ради котораго мы входили въ это разъясненіе. Въ доказательство, что душа имѣетъ такой же объемъ, какъ и ея тѣло, я привелъ тотъ аргументъ, что, начиная съ головы и до послѣдняго пальца ноги, она чувствуетъ прикосновеніе всюду, гдѣ бы ты ни сдѣлалъ его; это и послужило поводомъ къ тому, что мы перешли къ опредѣленію чувства, задержавшему насъ весьма надолго, хотя, быть можетъ, это и необходимо для дѣла. Такъ покажи же теперь пользу этого труда, если она есть. А. А несомнѣнно есть, и при томъ весьма большая: все, чего мы добивались, сдѣлано. Для того, чтобы усвоить какъ можно тверже, мы продолжительнѣе, чѣмъ ты желалъ, разсуждали о томъ, что чувство есть испытываемое тѣломъ состояніе, не укрывающееся отъ души; помнишь ли ты по крайней мѣрѣ то наше открытіе, что глаза чувствуютъ или лучше испытываютъ извѣстное состояніе тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ? Е. Помню. А. Если не ошибаюсь, ты также согласился, или по крайней мѣрѣ не сомнѣваешься, что слѣдуетъ согласиться и съ тѣмъ, что душа гораздо лучше и могущественнѣе, чѣмъ всякое тѣло? Е. Сомнѣваться въ этомъ я дѣйствительно считаю преступнымъ. А. Въ такомъ случаѣ, если тѣло, въ силу нѣкакого соединенія съ душою, можетъ испытывать извѣстное состояніе тамъ, гдѣ не бываетъ, какъ — оказалось — случается это съ глазами въ зрѣніи: то неужели мы душу, благодаря которой обнаруживаютъ такую силу самыя глаза, признаемъ до такой степени грубою и неповоротливою, чтобы отъ ней укрывалось испытываемое тѣломъ состояніе, если она не находится тамъ, гдѣ происходитъ самое это испытываемое состояніе?

Е. Это заключеніе сильно поражаетъ меня, и до такой степени сильно, что я становлюсь въ полный тупицъ и не знаю не только что отвѣчать, но и того, гдѣ я самъ нахожусь. Въ самомъ дѣлѣ, что я могъ бы сказать? что то не

есть чувство, когда испытываемое тѣломъ состояніе само по себѣ отъ души не укрывается? Но что же такое оно будетъ, если не это? Или что глаза ничего не испытываютъ, когда мы видимъ? Но это крайне нелѣпо. Или они испытываютъ тамъ, гдѣ находятся? Но они не видятъ самихъ себя, и тамъ, гдѣ они, нѣтъ ничего кромѣ нихъ же самихъ. Или что душа не могущественнѣе глазъ, хотя она—то и составляетъ ихъ могущество? Но безмысленнѣе этого ничего нѣтъ. Ужъ не слѣдуетъ ли сказать, что высшую степень могущества составляетъ испытывать тамъ, гдѣ что либо находится, чѣмъ тамъ, гдѣ не находится? Но если бы это было вѣрно, зрѣніе не было бы превосходнѣе остальныхъ чувствъ. А. А что значить, что глаза, напримѣръ, испытываютъ какой нибудь ударъ, какой нибудь порѣзъ или измѣненіе влаги,—испытываютъ тамъ, гдѣ они находятся, и когда это отъ души не укрывается, называется не зрѣніемъ, а ощущеніемъ; и притомъ все подобное глазъ можетъ испытывать и въ бездушномъ тѣлѣ, хотя бы и не было души, отъ которой испытываемое состояніе не укрывалось бы; а то, чего глазъ не можетъ испытывать иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы была присуща ему душа, т. е. то, что испытываетъ онъ въ зрѣніи, то лишь одно онъ испытываетъ тамъ, гдѣ самъ не находится? Не видно ли изъ этого всякому, что душа не содержится никакимъ мѣстомъ, какъ скоро глазъ, который есть тѣло, испытываетъ не въ своемъ мѣстѣ лишь то, чего никогда не испытываетъ безъ души?

Е. Скажи пожалуйста, что же мнѣ послѣ этого дѣлать? Вѣдь на этихъ основаніяхъ можно заключать, что наши души не находятся въ тѣлахъ? А если это такъ, то вѣдь я же знаю, гдѣ я нахожусь? Кто вынудитъ меня признать, что я не сама душа? А. Не смущайся, и относись къ этому съ большею бодростію. Это разсужденіе обращаетъ насъ къ намъ же самимъ, и насколько то возможно, отвращаетъ отъ

тѣла. Хотя твое заключеніе, что душа не находится въ тѣлѣ существа живаго одушевленнаго, и кажется нелѣпостію: однако были, и думаю, есть и теперь весьма ученые мужи, которые такъ именно думали. Ты понимаешь самъ, что это предметъ весьма тонкій и требуетъ для своего разсмотрѣнія достаточно очищеннаго умственнаго взора. Въ данномъ случаѣ подумай лучше, какое можешь представить другое основаніе, чтобы доказать, что душа длинна, или широка, или что либо въ томъ же родѣ: потому что самъ видишь, что тотъ твой аргументъ, объ ощущеніи прикосновенія, къ истинѣ не прикасается и нисколько не доказываетъ, чтобы душа была разлита по всему тѣлу, какъ кровь, напимѣръ; или, если ты прибавить не имѣешь ничего, перейдемъ къ тому, что остается.

ГЛАВА XXXI.

Части разсѣченнаго червя движутся: не служитъ ли это доказательствомъ, что душа распространена по всему тѣлу?

Е. Можетъ быть я и ничего не имѣлъ бы, еслибы не вспомнилъ, сколько мы, будучи отроками, удивлялись обыкновенно, какъ подергивались хвосты ящерицъ, отбитые отъ остальнаго тѣла; я никоимъ образомъ не могу представить себѣ, чтобы подобное движеніе совершалось безъ души, и не понимаю, какъ это душа не имѣетъ никакого протяженія, если она можетъ быть разсѣкаема вмѣстѣ съ тѣломъ. А. Въ отвѣтъ на это я могъ бы указать тебѣ на воздухъ и огонь: эти двѣ стихіи удерживаются въ тѣлѣ земномъ и влажномъ присутствіемъ души, чтобы составлялось смѣшеніе всѣхъ четырехъ; а когда душа исходитъ изъ тѣла, устремляются вверхъ, и высвобождаясь, движутъ эти тѣла тѣмъ быстрѣе, чѣмъ неожиданнѣе они вырываются въ свѣже сдѣланную рану; а затѣмъ движеніе ослабѣваетъ и наконецъ прекра-

щается, какъ скоро убѣгающее дѣлается меньшимъ и меньшимъ, и улетучивается вовсе. Но меня останавливаетъ то, что я наблюдалъ этими самыми глазами,—наблюдалъ пожалуй позже, чѣмъ можно тому повѣрить, но на самомъ дѣлѣ не позже, чѣмъ я долженъ былъ наблюдать. Недавно, когда мы были въ Лигуріи, юноши наши, бывшіе въ то время со мною ради своихъ научныхъ занятій, лежа на землѣ въ тѣнистомъ мѣстѣ, замѣтили многоножное пресмыкающееся животное, т. е. нѣкотораго длиннаго червя. Животное это вообще извѣстно, но того, о чемъ я хочу сказать, я никогда въ немъ не наблюдалъ. Одинъ изъ юношей, повернувъ стили, который случайно имѣлъ при себѣ, разсѣкъ животное пополамъ: тогда обѣ части тѣла разошлись въ противоположныя отъ той раны стороны съ такою скоростію ногъ и съ такимъ неослабнымъ напряженіемъ движенія, какъ бы то были два животныя одного и того же рода. Пораженные этимъ дивомъ и любопытствуя знать причину, юноши тотчасъ же принесли эти два живые куска къ намъ, на мѣсто, гдѣ мы сидѣли вмѣстѣ съ Алипіемъ. Съ немалымъ удивленіемъ наблюдали и мы, какъ они могли бѣгать по доскѣ въ разныя стороны, и какъ одинъ изъ нихъ, тронутый стилемъ, сворачивался къ мѣсту боли, между тѣмъ какъ другой не чувствовалъ ничего и продолжалъ свои собственныя движенія въ другомъ мѣстѣ. Да чего болѣе? Мы производили опыты пока то было можно, и червяка, даже—червей уже разсѣкали на множество частей: всѣ онѣ двигались такъ, что, еслибы это не было сдѣлано нами, и не были видны свѣжія раны, мы подумали бы, что ихъ столько же и родилось отдѣльно и что каждый изъ нихъ жилъ самъ по себѣ.

Но что сказалъ я въ ту пору этимъ юношамъ, когда они съ напряженнымъ вниманіемъ обратились ко мнѣ, то я опасаюсь въ настоящее время сказать тебѣ. Мы уже настолько подвинулись впередъ, что не отвѣтъ я тебѣ иначе,

такъ чтобы это служило въ пользу защищаемаго мною мнѣнія, существенное положеніе наше, подкрѣпленное такимъ долгимъ разсужденіемъ, окажется рухнувшимъ, будучи проточено однимъ червякомъ. Тѣмъ я приказалъ, чтобы въ своихъ научныхъ занятіяхъ они, какъ начали, такъ и продолжали держаться опредѣленнаго порядка; что въ свое время имъ будетъ удобнѣе приступить къ изслѣдованію и изученію этого, еслибы то оказалось нужнымъ. Но еслибы я захотѣлъ изложить то, о чемъ, по удаленіи ихъ, я разсуждалъ съ Алиіемъ, когда каждый изъ насъ съ своей собственной точки зрѣнія припоминалъ видѣнное, высказывалъ предположенія, задавался вопросаи: то намъ пришлось бы говорить гораздо болѣе, чѣмъ сколько говорили мы съ самага начала со всѣми отступленіями и околичностями. Впрочемъ, я не скрою отъ тебя чтóдумаю. Еслибы въ то время мнѣ не было уже извѣстно многое касательно тѣла, вида, присущаго тѣлу, мѣста, времени, движенія, о чемъ весьма тонко и темно разсуждается по поводу этого же самага вопроса, я бы склонился признать побѣду за тѣми, которые говорятъ, что душа есть тѣло. Поэтому, насколько могу, я еще и еще убѣждаю тебя, не предавайся безразсудно книгамъ или разсужденіямъ людей слишкомъ болтливыхъ и до крайности довѣряющихъ этимъ тѣлеснымъ чувствамъ, пока не исправишь и не утвердишь стези, которая ведетъ душу къ самому Богу; чтобы научныя занятія и труды еще легче, чѣмъ бездѣйствіе и праздность, не отвратили тебя отъ этого таинственнѣйшаго и спокойнѣйшаго убѣжища ума, отъ котораго онъ странствуетъ въ настоящее время въ удаленіи, пока обитаетъ здѣсь.

Теперь же, въ противовѣсъ тому, чтó, какъ я чувствую, приводитъ тебя въ крайнее недоумѣніе, выслушай изъ многаго не то, чтó тяжеловѣснѣе, а то, что короче; я не могъ выбрать того, чтó для меня вѣроятнѣе остальнаго, а могъ выбрать то, что болѣе подходяще для тебя. Е. Говори, по-

жалуйста, какъ можешь скорѣе. А. Прежде всего скажу слѣдующее. Если причина, отъ которой при разсѣченіи нѣкоторыхъ тѣлъ это происходитъ, неизвѣстна намъ, изъ-за этого одного мы не должны еще приходить въ смущеніе до такой степени, чтобы считать ложнымъ то многое, что передъ тѣмъ казалось тебѣ яснѣе свѣта. Вѣдь можетъ случиться, что причина этого неизвѣстна намъ потому, что она скрыта отъ самой природы человѣческой; или быть можетъ она и извѣстна какому нибудь человѣку, но онъ не можетъ быть нами спрошенъ, или если бы и былъ спрошенъ, не могъ бы удовлетворить насъ, такъ какъ мы не владѣемъ нужными для того способностями умственными. Неужели вслѣдствіе этого у насъ должно быть отнято то, что мы съ противоположной стороны изучили самымъ основательнымъ образомъ и что признаемъ за самое истинное? Если же все то вѣрное и несомнѣнное, что отвѣчалъ ты на мои вопросы, остается неприкосновеннымъ, то намъ нечего подѣтски бояться упомянутого червячка, хотя бы мы и не въ состояніи были представить причину его живучести и множественности. Вѣдь еслибы ты имѣлъ о комъ нибудь твердое и несомнѣнное убѣжденіе, что онъ человѣкъ добрый, и засталъ бы его на пиру съ разбойниками, которыхъ преслѣдовалъ, при чемъ по какой нибудь случайности онъ умеръ бы прежде, чѣмъ могъ быть отъ тебя спрошенъ: ты, хотя бы это для тебя навсегда осталось тайною, придумалъ бы скорѣе какую угодно причину его сообщества и пиршества съ злодѣями, чѣмъ злодѣйство и соучастіе въ злодѣйствѣ. Такъ почему же и въ данномъ случаѣ, когда множествомъ вышеприведенныхъ доказательствъ, которыя и самъ ты обсудилъ основательнѣйшимъ образомъ, для тебя уяснилось, что душа не содержится въ опредѣленномъ мѣстѣ и потому не имѣетъ никакого такого количества, какое видимъ мы въ тѣлѣ,—почему ты для объясненія, отъ чего нѣкоторое животное, бу-

души разсѣчено, живетъ во всѣхъ частяхъ, не предположишь другой какой нибудь причины, только не той, чтобы душа могла быть разсѣкаема вмѣстѣ съ тѣломъ? Если этой причины мы открыть не можемъ, то не слѣдуетъ ли скорѣе искать истиннаго, чѣмъ вѣрить ложному?

ГЛАВА XXXII.

Съ разсѣченіемъ тѣла душа не разсѣкается. Куски разсѣченнаго тѣла могутъ жить, хотя бы душа и не была разсѣчена. Затѣмъ о количествѣ души въ отношеніи доблести и могущества.

Затѣмъ я спрошу у тебя, думаешь ли ты, что въ нашихъ словахъ иное есть самый звукъ, и иное то, что обозначается звукомъ? Е. По моему мнѣнію и то и другое одно и тоже. А. Въ такомъ случаѣ скажи мнѣ, откуда происходитъ самый звукъ, когда ты говоришь? Е. Кто усумнится, что онъ отъ меня происходитъ? А. Стало быть отъ тебя происходитъ и солнце, когда ты называешь солнце? Е. Ты спрашивалъ меня о звукѣ, а не о самомъ предметѣ. А. Слѣдовательно иное звукъ, и иное предметъ, который обозначается звукомъ; а ты сказалъ, что то и другое одно и тоже. Е. Пусть, я уже согласенъ, что иное обозначающій звукъ, и иное предметъ, который обозначается. А. Въ такомъ случаѣ скажи мнѣ, можешь ли ты, зная латинскій языкъ, употребить названіе *sol* (солнце) такъ, чтобы звуку не предшествовало представленіе о солнцѣ? Е. Никакъ не могу. А. Ну, а если прежде, чѣмъ названіе это вылетитъ изъ твоихъ устъ, ты, желая его высказать, нѣсколько времени пробудешь въ молчаніи; не будетъ ли содержаться въ твоей мысли то, что потомъ услышитъ другой выраженнымъ въ голосъ? Е. Это очевидно. А. Но вѣдь солнце имѣетъ огромную величину; такъ нельзя ли и понятіе его, которое

ты содержишь въ мысли до произношенія слова, представлять длиннымъ, широкимъ, и т. под.? Е. Никакъ нельзя.

А. Теперь скажи мнѣ: когда вырывается изъ устъ твоихъ самое названіе, и я, слыша его, представляю себѣ солнце, которое представлялъ ты до произношенія и при самомъ произношеніи слова, а теперь быть можетъ представляемъ мы оба,—не кажется ли тебѣ, будто самое названіе какъ бы получило отъ тебя то значеніе, которое передано мнѣ посредствомъ ушей? Е. Кажется. А. Слѣдовательно, если самое названіе состоитъ изъ звука и значенія, звукъ же относится къ ушамъ, а значеніе къ уму: то не полагаешь ли ты, что въ названіи, какъ бы въ нѣкоторомъ одушевленномъ существѣ, звукъ представляетъ собою тѣло, а значеніе—душу звука? Е. На мой взглядъ ничего нѣтъ болѣе сходнаго. А. Теперь обрати вниманіе на то, можетъ ли звукъ имени быть раздѣленъ на буквы, между тѣмъ какъ душа его, т. е. его значеніе, не можетъ? Вѣдь нѣсколько прежде ты сказала, что въ нашей мысли оно не представляется тебѣ ни длиннымъ, ни широкимъ. Е. Вполнѣ съ этимъ согласенъ. А. Ну, а когда этотъ звукъ раздѣлится на буквы, удерживаетъ ли онъ, по твоему мнѣнію, свое значеніе? Е. Какимъ образомъ отдѣльныя буквы могутъ имѣть то значеніе, какое имѣетъ составленное изъ нихъ названіе? А. Ну, а когда съ раздѣленіемъ звука на буквы теряется значеніе, не кажется ли тебѣ, что дѣлается нѣчто похожее на то, что бываетъ, когда изъ растерзаннаго тѣла исходитъ душа, и что съ названіемъ случается какъ бы нѣкоторый родъ смерти? Е. Соглашаюсь съ этимъ, и при томъ такъ охотно, какъ ни съ чѣмъ въ этой рѣчи.

А. Итакъ, если изъ этого сравненія ты достаточно уяснилъ для себя, какимъ образомъ душа съ разсѣченіемъ тѣла можетъ не разсѣкаться, то вникни теперь въ то, какимъ образомъ могутъ жить самые куски тѣла, хотя бы душа

и не была разсѣчена. Ты уже согласился, и согласился, по моему мнѣнію, справедливо, что значеніе, составляющее какъ бы душу звука, когда произносится имя предмета, само по себѣ никоимъ образомъ не можетъ быть дѣлимо, между тѣмъ какъ звукъ, представляющій собою какъ бы его тѣло, можетъ. Но въ имени *sol* звукъ дѣлится такъ, что ни одна часть его не удерживаетъ никакого значенія. Поэтому на буквы его, по разложеніи тѣла имени, мы будемъ смотрѣть какъ на члены, лишившіеся души, т. е. потерявшіе значеніе. Но если найдемъ имя, которое, будучи раздѣлено, можетъ имѣть какое нибудь значеніе и въ отдѣльныхъ частяхъ, то ты долженъ будешь согласиться, что разсѣченіе въ послѣднемъ случаѣ не непременно производитъ нѣчто подобное смерти: потому что разсматриваемые отдѣльно члены покажутся тебѣ имѣющими какое нибудь значеніе и какъ бы дышущими. Е. Разумѣется, соглашусь, и жду съ нетерпѣніемъ, чтобы ты произнесъ такое имя. А. Изволь. По соседству съ солнцемъ, объ имени котораго у насъ вышла рѣчь, мнѣ припоминается *lucifer* ¹⁾; если разсѣчь это слово между вторымъ и третьимъ слогомъ, оно въ первой своей части, когда мы скажемъ *luci* ²⁾, будетъ имѣть нѣкоторое значеніе, и слѣдовательно эту большую половину тѣла будетъ жить. Последняя часть также имѣетъ душу; потому что когда тебѣ приказываютъ принести что нибудь, ты слышишь эту часть ³⁾. Развѣ ты могъ бы повиноваться, когда кто нибудь скажетъ тебѣ: *Fer codicem* ⁴⁾, если бы слово *fer* ничего не значило? Когда это слово присоединяется къ *luci*,

¹⁾ Утренняя звѣзда, планета Венера.

²⁾ *Luci*—форма дательнаго падежа отъ *lux*—свѣтъ.

³⁾ *Fer*—повелительная форма отъ глагола *fero*—несу.

⁴⁾ *Принеси, подай книгу.*

оно произносится *lucifer*, и значить звѣзда; а когда отсѣ-
кается отъ него, все же нѣчто значить, и потому какъ бы
удерживаетъ жизнь.

Но такъ какъ все, что подлежить чувствамъ, находится
въ извѣстномъ мѣстѣ и времени, или точнѣе — занимаетъ из-
вѣстное мѣсто и время, то чувствуемое глазами раздѣляется
по мѣсту, а ушами — по времени. Какъ вышеупомянутый
червякъ, будучи цѣлымъ, занималъ болѣе мѣста, чѣмъ его
часть; такъ и когда произносится слово *lucifer*, требуетъ
болѣе продолжительнаго времени, чѣмъ еслибы говорилось
только *luci*. Поэтому, если послѣдняя часть слова живетъ
значеніемъ при томъ уменьшеніи времени, какое сдѣлано из-
вѣстнымъ раздѣленіемъ звука, хотя самое значеніе остается
нераздѣльнымъ (потому что протяженіе во времени имѣетъ
не оно, а звукъ): то также точно слѣдуетъ полагать, что и
по разсѣченіи тѣла червяка, хотя часть его, по тому самому,
что была частію, и жила въ меньшемъ мѣстѣ, однако душа
отнюдь не была разсѣчена и въ меньшемъ мѣстѣ не сдѣ-
лалась меньшею, хотя при цѣлости животнаго владѣла ра-
зомъ всѣми членами, простиравшимися на большее простран-
ство. Ибо она владѣла не пространствомъ, а тѣломъ, которое
приводила въ движеніе; также точно какъ извѣстное зна-
ченіе слова, хотя протяженія во времени не имѣетъ, однако
какъ бы одушевляло и наполняло всѣ буквы имени, имѣю-
щія каждая свою мѣру и протяженіе. Этимъ подобіемъ, ко-
торое, чувствую, тебѣ нравится, въ настоящее время, пожа-
луйста, и удовольствуйся. Разсужденій же болѣе тонкихъ,
для которыхъ потребовались бы не подобія, по большей части
обманывающія, а самое дѣло, въ настоящій моментъ не жди:
потому что съ одной стороны пора закончить такую длин-
ную рѣчь, а съ другой — чтобы проникнуть въ предметы
этого рода и постигнуть ихъ, душа твоя должна предвари-
тельно усвоить многое другое, чего у тебя не достаетъ;

только тогда ты можешь со всею ясностію понять, дѣйстви-тельно ли оно такъ на дѣлѣ, какъ говорятъ о томъ нѣкото-рые ученѣйшіе мужи, т. е. что душа сама по себѣ дѣлима быть не можетъ, но чрезъ тѣло—можетъ.

Теперь же, если хочешь, выслушай отъ меня, или лучше—узнай черезъ меня, колика душа не по объему мѣста и времени, а по силѣ и могуществу: потому что таковы, если помнишь, наши первоначальныя предположенія и распорядокъ. О числѣ же душъ, хотя по твоему мнѣнію и это относится къ тому же вопросу, я не знаю что тебѣ сказать. Скорѣе я сказалъ бы, что объ этомъ вовсе не слѣдуетъ спрашивать, или что по крайней мѣрѣ тебѣ слѣдовало бы подождать съ этимъ вопросомъ, чѣмъ сказать, что число и множество не относится къ количеству, или что по отношенію къ такому темному вопросу я въ настоящее время не могу ничѣмъ помочь тебѣ. Вѣдь еслибы я сказалъ, что душа одна, ты бы зашумѣлъ, что въ одномъ—де она блаженна, въ другомъ несчастна, и что одна—де и таже вещь въ одно и тоже время не можетъ быть и блаженною и несчастною. А еслибы я сказалъ, что она одна и въ тоже время ихъ много, ты сталъ бы смѣяться; а я не имѣлъ бы подъ руками ничего, чѣмъ могъ бы во время сдержатъ твой смѣхъ. А еслибы я сказалъ только, что ихъ много, я посмѣялся бы самъ надъ собою, и скорѣе выдержалъ бы твое, чѣмъ свое неудовольствіе на себя. Поэтому выслушай отъ меня то, что по моему мнѣнію ты можешь выслушать съ пользою; а что для обоихъ или одного изъ насъ такъ тягеловѣсно, что можетъ подавить, того не желай ни поднимать, ни налагать. Е. Согласенъ вполне, и надѣюсь, что, насколько то будетъ по силамъ моей душѣ, ты изложишь то, о чемъ на твой взглядъ можно говорить со мною съ пользою для меня.

ГЛАВА XXXIII.

Сила души создаетъ семь степеней могущества ея въ тѣлѣ, въ ней самой и предъ Богомъ. Первая степень души. Вторая степень души. Третья степень души. Четвертая степень души. Пятая степень души. Шестая степень души. Седьмая степень души.

О еслибы мы оба могли спросить объ этомъ какого либо ученѣйшаго, и не только ученѣйшаго, но и краснорѣчивѣйшаго, и во всѣхъ отношеніяхъ мудрѣйшаго и совершеннаго человѣка! Какъ прекрасно въ своей рѣчи и разсужденіяхъ онъ разъяснилъ бы, какую силу имѣетъ душа въ тѣлѣ, какую сама въ себѣ, и какую у Бога, къ которому она, будучи весьма чистою, весьма близка, и въ которомъ имѣетъ для себя высшее и всяческое благо! Теперь же, когда мнѣ недостаетъ такого другаго человѣка, тебѣ я однакоже рѣшаюсь предложить свои услуги. Выгода та, что въ ту пору, какъ я, неученый, буду объяснять, какую силу имѣетъ душа, я безъ опасенія испробую, какую силу имѣю самъ я. Прежде всего однакоже я урѣжу твои слишкомъ широкія и безграничныя ожиданія: не думай, что я буду говорить о всякой душѣ, а только—о человѣческой, о которой одной мы должны заботиться, если обязаны заботиться о себѣ. Итакъ, во первыхъ, она, какъ это легко видѣть всякому, животворитъ своимъ присутствіемъ это земное и смертное тѣло; собираетъ его въ одно и содержитъ въ единствѣ, не позволяя ему распадаться и истощаться; распредѣляетъ питаніе равномерно по членамъ, отдавая каждому изъ нихъ свое; сохраняетъ его стройность и соразмѣрность не только въ томъ, что касается красоты, но и въ томъ, что касается роста и рожденія. Все это, впрочемъ, можетъ казаться общимъ человѣку съ деревьями: потому что и о послѣднихъ мы говоримъ что они живутъ, и видимъ и утверждаемъ, что каж-

дое изъ нихъ въ своемъ родѣ сохраняетъ себя, питаетъ, растеть, раждаетъ.

Взойди поэтому на другую ступень, и посмотри, какою силою располагаетъ душа въ чувствахъ, гдѣ жизнь проявляется очевидно и ясно. Ибо не слѣдуетъ обращать вниманіе на то нечестіе, вполне грубое и болѣе деревянное, чѣмъ самыя деревья, которое оно беретъ подъ свое покровительство,—нечестіе, которое вѣрить, что виноградная лоза чувствуетъ боль, когда съ ней срываютъ кисть, и что деревья не только чувствуютъ, но и видятъ и слышатъ, когда ихъ рубятъ; для разбора этого святотатственнаго заблужденія будетъ другое мѣсто. Теперь, какъ я предположилъ, обрати вниманіе на то, какую силу обнаруживаетъ душа въ чувствахъ и въ самомъ движеніи существа болѣе наглядно одушевленнаго,—въ чувствахъ и въ движеніи, въ которыхъ у насъ нѣтъ ничего общаго съ тѣми, которыя прикрѣплены (къ мѣсту) корнями. Душа простирается въ ощущеніе, и въ немъ чувствуетъ и различаетъ теплое и холодное, шероховатое и гладкое, твердое и мягкое, легкое и тяжелое. Затѣмъ, вкушая, обоняя, слушая, видя, она различаетъ безчисленныя особенности вкусовъ, запаховъ, звуковъ, формъ. И во всемъ этомъ то, что соотвѣтствуетъ природѣ ея тѣла, она принимаетъ, и стремится къ тому, а что противоположно этой природѣ, то отвергаетъ и того убѣгаетъ. Въ извѣстный промежутокъ времени она отвлекается отъ этихъ чувствъ, и восстанавливаетъ ихъ чувствительность какъ бы посредствомъ праздниковъ своего рода, перебираетъ сама про себя цѣлыми рядами и на разные манеры образы вещей, которые чрезъ нихъ получила; все это и составляетъ собою сонъ и сновидѣнія. Дѣлая разныя тѣлодвиженія и бродя туда и сюда, она нерѣдко находитъ удовольствіе въ самой легкости движенія, и безъ труда приводитъ члены въ гармонію; для соединенія половъ дѣлаетъ что можетъ, и

общеніемъ и любовью двойственную природу обращаетъ въ одну; склоняетъ не только къ рожденію, но и къ ласканію, береженію и кормленію дѣтей. Силою привычки привязывается къ вещамъ, чрезъ среду которыхъ проводитъ тѣло, и которыми тѣло поддерживается, и отрывается отъ нихъ, будто отъ членовъ, съ болью; эта сила привычки, не разрываемаемая самою разлукою съ вещами и промежуткомъ времени, называется памятью. Но всю эту силу, какъ согласится каждый, душа проявляетъ и въ безсловесныхъ животныхъ.

Итакъ поднимись на третью ступень, которая составляетъ уже собственность человѣка, и представь эту память безчисленныхъ вещей, не приросшихъ силою привычки, а взятыхъ на сохраненіе и удержанныхъ наблюдательностію и при помощи условныхъ знаковъ; эти разные роды искусствъ, воздѣлыванія полей, постройки городовъ, многоразличныя чудеса разнообразныхъ сооружений и великихъ предпріятій; изобрѣтенія столькихъ знаковъ въ буквахъ, въ словахъ, въ тѣлодвиженіяхъ, въ звукѣ всякаго рода, въ живописи и ваeanіи; столько языковъ у народовъ, столько учреждений, то новыхъ, то возстановленныхъ; такую массу книгъ и всякаго рода памятниковъ для сохраненія памяти, и такую заботливость о потомствѣ; эти ряды должностей, властей, честей и сановъ, въ быту ли то семейномъ, или въ государственномъ внутреннемъ и военно-служебномъ, въ свѣтскомъ ли то или въ священномъ культѣ; эту силу соображенія и вымысла, потоки краснорѣчія, разнообразіе поэтическихъ произведеній, тысячи видовъ подражанія ради потѣхи и шутки, искусство музыкальное, точность измѣреній, науку вычисленій, разгадку прошедшаго и будущаго на основаніи настоящаго. Велико все это и вполне человѣчно. Но все это богатство еще обще съ одной стороны душамъ ученымъ и неученымъ, съ другой—добрымъ и злымъ.

Подними поэтому глаза выше и вспрыгни на четвертую ступень, съ которой начинается доброта и все то, что дѣйствительно заслуживаетъ хвалы. Начиная съ этой ступени, душа осмѣливается предпочитать себя не только своему, хотя и составляющему нѣкоторую часть мірового, но и самому міровому тѣлу, и не считать его блага своими благами, а по сравненіи съ собственнымъ могуществомъ и красотою, отдѣлять и презирать ихъ; и за тѣмъ, чѣмъ болѣе любить себя, тѣмъ болѣе удаляется отъ нечистотъ, очищаетъ себя отъ всякаго пятна и старается всячески о возможной красотѣ своей и убранствѣ; борется противъ всего, что становится ей на пути, чтобы отклонить ее отъ ея предположеній и намѣреній; высоко цѣнить общество человѣческое и не желаетъ другому ничего такого, чего не хочетъ себѣ; повинуется авторитету и заповѣдямъ мудрыхъ, и вѣритъ, что черезъ нихъ говорить ей Богъ. Этому свѣтлому стремленію души присущъ еще трудъ, и великое и весьма тягостное столкновеніе съ скорбями и прелестями этого міра. Ибо съ самымъ дѣломъ очищенія соединяется страхъ смерти, часто не великій, но часто весьма сильный. Не великъ онъ бываетъ тогда, когда въ простотѣ сердца вѣрится (ибо видѣть, дѣйствительно ли оно такъ, можно душѣ только вполне очистившейся), что все управляется божественнымъ провидѣніемъ и правдою такъ, что смерть не можетъ несправедливо прилучиться никому, хотя бы ее нанесъ человѣкъ несправедливый. Но боязнь смерти становится сильною и на этой уже степени, когда дѣло очищенія тѣмъ менѣе представляется прочнымъ, чѣмъ заботливѣе о немъ стараются, и кажется меньшимъ отъ того самаго, что по причинѣ страха уменьшается спокойствіе, крайне необходимое для изслѣдованія вещей таинственнѣйшихъ. За тѣмъ, чѣмъ болѣе душа, въ силу самаго успѣха своего, чувствуетъ, какъ велико различіе между нею чистою и оскверненною, тѣмъ болѣе опа-

сается, что, когда она сложитъ это тѣло, Богъ ее оскверненную можетъ потерпѣть еще менѣе, чѣмъ терпитъ она сама. А нѣтъ ничего труднѣе, какъ бояться смерти, и въ тоже время воздерживаться отъ прелестей этого міра, какъ требуютъ того самыя опасности. Но такова сила души, что она можетъ успѣвать и въ этомъ при помощи правды высочайшаго и истиннаго Бога, которою весь этотъ міръ поддерживается и управляется, которая дѣлаетъ и то, что не только все существуетъ, но и такъ существуетъ, что существовать лучше рѣшительно не можетъ. Этой правдѣ съ великимъ благочестіемъ и твердою надеждою она и ввѣряетъ себя въ столь трудномъ дѣлѣ своего очищенія, чтобы она помогла ей и усовершила ее.

Когда это совершится, т. е. когда душа будетъ свободна отъ всякаго тлѣнія и омыта отъ сквернъ, тогда наконецъ она чувствуетъ себя исполненною величайшею радостію, нисколько не боится за себя, не испытываетъ никакой тревоги за свое положеніе. Это составляетъ пятую степень. Ибо иное добиваться чистоты, иное имѣть ее; и иное совершенно дѣло очищать себя оскверненную, иное не позволять себѣ снова оскверняться. На этой степени душа чувствуетъ свою силу во всѣхъ отношеніяхъ; а когда почувствуетъ это, тогда съ нѣкоторою великою и невѣроятною самоувѣренностію устремляется къ Богу, т. е. къ самому созерцанію истины, и это составляетъ высочайшую и таинственнѣйшую награду, ради которой столько понесено труда.

Но это дѣйствіе, т. е. стремленіе души къ уразумѣнію того, что существуетъ истиннымъ и высочайшимъ образомъ, представляетъ собою высшее созерцательное душевное состояніе. Совершеннѣе, лучше и нормальнѣе его нѣтъ для души. Эта степень состоянія будетъ поэтому шестою. Ибо иное дѣло очищать самый глазъ души, чтобы онъ не смотрѣлъ напрасно и безцѣльно, и не видѣлъ превратно; иное—

сохранять и укрѣплять его здоровье; а иное обращать ясный и прямой взоръ на то, что подлежитъ разсмотрѣнію. Тѣ, которые хотятъ дѣлать послѣднее прежде, чѣмъ будутъ очищены и получаютъ исцѣленіе, до такой степени болѣзненно поражаются этимъ свѣтомъ истины, что не только не находятъ въ немъ ничего добраго, но даже, напротивъ, находятъ въ немъ весьма много дурнаго, отказываютъ ему въ названіи истины и съ нѣкоторымъ сладострастіемъ и жалкимъ наслажденіемъ, проклиная врачевство, погружаются обратно въ свой мракъ, который болѣзнь ихъ можетъ выносить. Поэтому-то по божественному вдохновенію и вполне правильно говоритъ Пророкъ: *Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей* (Псал. 50, 12). Духъ правый, по моему мнѣнію, дѣлаетъ то, что душа въ изысканіи истины не можетъ уклоняться отъ прямого пути и заблуждаться. А такой духъ не обновится въ ней прежде, чѣмъ сердце не будетъ чистымъ, т. е. прежде, чѣмъ самое помышленіе не устранится и не очистится отъ всякаго пожеланія и всякой нечистоты вещей смертныхъ.

А что скажу я тебѣ объ этихъ радостяхъ, объ этомъ наслажденіи высочайшимъ и истиннымъ благомъ, о тихомъ мерцаніи свѣта и вѣчности, присущихъ этому видѣнію и созерцанію истины, которое составляетъ седьмую и послѣднюю степень души, да даже и не степень, а нѣкоторое постоянное пребываніе, въ которое восходятъ тѣми степенями? Объ этомъ сказали, насколько сочли нужнымъ сказать, нѣкоторыя великія и несравненные души, о которыхъ мы думаемъ, что онѣ видѣли и видятъ это. Съ своей стороны съ полною увѣренностію скажу тебѣ одно: если мы будемъ съ полнымъ постоянствомъ держаться того направленія, которое предписываетъ намъ Богъ и котораго мы рѣшились держаться, то мы достигнемъ при помощи силы и мудрости божественной той высочайшей причины, или высочайшаго ви-

новника бытія, или высочайшаго начала всѣхъ вещей, или инымъ образомъ, болѣе соотвѣтственно, называемой вещи, постигнувъ которую, мы дѣйствительно увидимъ, что все подъ солнцемъ суета суетствующихъ ¹⁾). Суета есть ложь, а подъ суетствующими разумѣются или обманутые, или обманывающіе, или тѣ и другіе виѣстѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы будемъ въ состояніи распознать, какое различіе между этимъ и тѣмъ, что существуетъ истинно, и какимъ образомъ и это все сотворено однако же Богомъ творцемъ, и какъ оно, будучи въ сравненіи съ тѣмъ ничтожно, разсматриваемое само по себѣ кажется удивительнымъ и прекраснымъ. Тогда узнаемъ, какъ истинно то, чему повелѣно намъ вѣровать; какъ прекрасно и въ высшей степени спасительно мы были воспитываемы матерью церковію; какъ велика была польза того млека, о которомъ апостоль Павелъ сказалъ, что онъ далъ его въ питье младенцамъ (I Кор. 3, 2). Принимать эту пищу, когда кто кормится матерью, въ высшей степени полезно; но принимать тогда, когда кто выросъ уже, стыдно; отвергать ее, когда она нужна, достойно сожалѣнія; порицать же ее когда бы то ни было или ненавидѣть—злодѣйство и нечестіе; а готовить и надлежащимъ образомъ раздавать ее—дѣло въ высшей степени похвальное и полное любви. И въ этой тѣлесной природѣ, какъ скоро она повинуется законамъ божественнымъ, увидимъ такія смѣны и чередованія, что самое воскресеніе плоти, которому частію вѣрятъ съ большимъ трудомъ, частію вовсе не вѣрятъ, признаемъ за несомнѣнное до такой степени, что для насъ не будетъ вѣрнѣе восходъ солнца послѣ захода. Наконецъ и такихъ, которые смѣются надъ человѣкомъ, воспринятымъ

¹⁾ *Vanitas vanitantium*. Такъ цитуетъ бл. Августинъ эти слова Екклесіаста и въ другихъ случаяхъ. О чемъ самъ говорить въ *Retract. lib. I. cap. VII. n. 3.*

отъ могущественнѣйшаго, вѣчнаго и неизмѣннаго Сына Божіи во образъ и начатокъ спасенія и родившагося отъ Дѣвы, и надъ другими чудесами этой исторіи, и такихъ мы станемъ презирать, какъ тѣхъ дѣтей, которыя, видѣвши живописца, рисующаго съ лежавшихъ передъ нимъ картинъ, въ которыя онъ засматривалъ, думаютъ, что человѣкъ иначе и не можетъ рисовать, какъ только засматривая при рисованіи въ другую картину. Приэтомъ въ созерцаніи истины, насколько каждый въ состояніи ее созерцать, такое наслажденіе, такая чистота, такая неподдѣльность, такая несомнѣнная достовѣрность, что каждый полагаетъ, что кромѣ этого онъ никогда ничего не зналъ, хотя и казался самому себѣ знающимъ; и такъ какъ душа не встрѣчаетъ препятствій къ тому, чтобы отдаться истинѣ всецѣло, то смерть, которой она прежде боялась, т. е. полное бѣгство и отрѣшеніе отъ этого тѣла, обратится въ предметъ желанія, какъ высочайшій даръ.

ГЛАВА XXXIV.

Одинъ Богъ лучше души, и поэтому одинъ Онъ долженъ быть предметомъ почитанія.

Ты слышалъ, какъ велика сила и могущество души. Сказать коротко: если слѣдуетъ признать, что человѣческая душа не есть то, что есть Богъ; то также точно слѣдуетъ заключить, что изъ всего созданнаго нѣтъ ничего ближе нея къ Богу. Поэтому въ церкви католической существуетъ божественное и превосходное преданіе: »Никакое твореніе не должно быть чтимо для души« (съ особою охотою говорю тѣми же словами, какими мнѣ это и было внушено), а долженъ быть чтимъ только самъ Творецъ всѣхъ существующихъ вещей, изъ котораго все, чрезъ котораго все, въ которомъ все, т. е. неизмѣнное начало, неизмѣнная мудрость, неизмѣнная любовь; единый истинный и совершенный Богъ, который всегда былъ, всегда будетъ, никогда не былъ иначе

(*чѣмъ есть*), никогда не будетъ иначе; котораго ничего нѣтъ таинственнѣе, и ничего присущѣе; котораго трудно найти, гдѣ Онъ есть, а еще труднѣе найти, гдѣ Его нѣтъ; съ которыми не могутъ быть всѣ, и безъ котораго не можетъ быть никто (и такъ далѣе, если мы люди можемъ сказать о Немъ что-либо болѣе невѣроятное, но тѣмъ не менѣе болѣе подходящее и болѣе приличное). Итакъ сего единого Бога должна чтить душа, — чтить, не давая Ему опредѣленныхъ очертаній, но и безъ смутныхъ представлений о Немъ. Ибо необходимо, чтобы то, что душа чтить какъ Бога, она представляла лучшимъ, чѣмъ сама она. А лучшимъ души не слѣдуетъ считать ни природы, ни земли, ни морей, ни звѣздъ; ни луны, ни солнца, ни всего вообще, чего можно касаться или что можно видѣть глазами, ни того наконецъ, чего видѣть мы не можемъ. Все это даже далеко хуже, чѣмъ какая бы то ни была душа, какъ убѣждаетъ въ томъ точный разумъ, если только любители истины рѣшаются со всевозможнымъ постоянствомъ и тщательностію слѣдовать за нимъ по пути нѣсколько необычному, и отъ того трудному.

Если же въ природѣ вещей есть что либо иное, кромѣ того, что познается чувствами, и вообще кромѣ того, что занимаетъ какое либо опредѣленное мѣсто, надъ чѣмъ всѣмъ мы признали превосходство души; итакъ если есть что либо иное изъ сотвореннаго Богомъ, — одно изъ этого хуже души, другое равно ей. Хуже, на примѣръ, душа безсловеснаго животнаго; равны, на примѣръ, ангелы; но лучше ея ничто. А если есть что либо изъ этого лучше ея, это зависитъ отъ ея грѣха, но не отъ природы. Но и грѣхъ дѣлаетъ ее не до такой степени худшею, чтобы душу безсловеснаго животнаго слѣдовало ставить выше ея или уравнивать съ нею. Итакъ она должна чтить только Бога, который одинъ есть творецъ ея. Человѣка же, каковаго либо другаго, хотя бы мудрѣйшаго и совершеннѣйшаго, и вообще

какую бы то ни было душу, причастную разуму и блаженнѣйшую, она должна только любить, подражать ей, и отдавать ей приличное по заслугамъ и чину. Ибо *Господу Богу твоему* поклонишися, и *тому единому послужиши* (Втор. 6, 13). Родственнымъ же душамъ, заблуждающимъ и падающимъ, мы обязаны, насколько то возможно и заповѣдано, подавать помощь, представляя дѣло такъ, что и это самое, когда дѣлается хорошо, дѣлается черезъ насъ Богомъ. Ничего не должны мы считать за свое, увлекаясь жаждою пустой славы: одного этого зла достаточно, чтобы низвергнуть насъ съ высоты въ преисподнюю. И ненавидѣть мы должны не подавленныхъ пороками, а самые пороки, и не грѣшащихъ, а самые грѣхи. Ибо мы должны желать оказывать помощь всѣмъ, даже оскорбившимъ насъ, оскорбляющимъ или вообще желающимъ оскорбить. Это истинная, это единственная религія. Примириться чрезъ нее съ Богомъ относится къ величію души, о которомъ у насъ рѣчь, и которое дѣлаетъ ее достойною свободы; ибо освобождаетъ отъ всего Тотъ, служить которому въ высшей степени полезно для всѣхъ, и въ служеніи которому, совершенно угодномъ, заключается единственная свобода. Но я вижу, что переступилъ уже границы своего первоначальнаго предположенія, и много наговорилъ тебѣ безъ всякаго съ твоей стороны вопроса. Впрочемъ, не жалѣю объ этомъ. Такъ какъ это разсѣяно по множеству церковныхъ Писаній, то мы не некстати свели его въ одно; понять это однакоже вполне нельзя, развѣ только кто нибудь мужественно подвизаясь на четвертой изъ указанныхъ семи степеней, сохраняя благочестіе и приобрѣтая здоровье и силу для воспріятія этого, изслѣдуетъ все подробно съ особою тщательностію и проницательностію: ибо всѣмъ означеннымъ степенямъ присуща своя отличительная и особая красота. Болѣе правильно мы называемъ ихъ дѣйствіями.

ГЛАВА XXXV.

*Дѣйствія души по семи вышеизложеннымъ степенямъ
носятъ различныя названія.*

Вопросъ идетъ о могуществѣ души, и можетъ быть такъ, что все это она дѣлаетъ одновременно, но ей кажется что она дѣлаетъ лишь то, что дѣлаетъ съ затрудненіемъ или по крайней мѣрѣ со страхомъ: потому что она дѣлаетъ это съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ остальное. Итакъ, если снова всходить снизу вверхъ, первое дѣйствіе, при преподаваніи, называется одушевленіемъ; второе-чувствомъ; третье-искусствомъ; четвертое-доблестію; пятое-покоемъ; шестое-вступленіемъ; седьмое-созерцаніемъ. Могутъ быть они названы и такъ: изъ тѣла; чрезъ тѣло; около тѣла; къ себѣ самой; въ себѣ самой; къ Богу; у Бога. Можно и такъ: прекрасное изъ другаго; прекрасное чрезъ другое; прекрасное около другаго; прекрасное къ прекрасному; прекрасное въ прекрасномъ; прекрасное къ красотѣ; прекрасное предъ красотю. Обо всемъ этомъ, если тебѣ покажется что нужнымъ разъяснить, ты спросишь послѣ. Въ настоящее время я хотѣлъ обозначить это столькими названіями для того, чтобы ты не затруднялся, когда другіе тоже самое называютъ другими именами и употребляютъ даже иное дѣленіе, и чтобы изъ-за этаго ты не отвергалъ того или иного. Одно и тоже совершенно правильно и съ полною основательностію можетъ быть называемо и раздѣляемо безчисленными способами; а при такомъ обиліи способовъ, каждый пользуется тѣмъ, какой находитъ для себя болѣе подходящимъ.

ГЛАВА XXXVI.

*Затрогиваются остальные вопросы о душѣ. Какая
религія есть религія истинная.*

Итакъ высочайшій и истинный Богъ закономъ ненарушимымъ и неизмѣннымъ, которымъ управляетъ все создан-

ное имъ, подчинилъ тѣло душѣ, душу Себѣ, а черезъ это и все Себѣ; и не оставляетъ души ни въ какомъ дѣйстви ея, или наказаніемъ, или наградою. Онъ призналъ за самое прекрасное, чтобы существовало все, что есть, и существовало такъ, какъ оно есть, и распредѣлялось бы по степенямъ природы въ такой порядокъ, чтобы никакое безобразіе ни съ какой стороны не оскорбляло взоры, осматривающіе цѣлое, а всякое наказаніе и всякая награда душѣ своею соразмѣрностію всегда придавали бы нѣчто правильной красотѣ и предначертанному для всего порядку. Душѣ дано свободное произволеніе. Усиливающіеся опровергнуть это своими пустыми доводами слѣпы до такой степени, что не понимаютъ, что по крайней мѣрѣ эти пустыя и святотатственные вещи они говорятъ по своей доброй волѣ. Но свободное произволеніе дано душѣ однакоже не такъ, чтобы, принимая что либо въ силу, она ниспровергла въ какой либо части божественный порядокъ и законъ. Ибо дано оно мудрѣйшимъ и непобѣдимѣйшимъ Господомъ всякой твари. Но видѣть это дано немногимъ; и способнымъ къ тому дѣлаетъ каждаго только истинная религія. Эта истинная религія есть та, которая чрезъ примиреніе возсоединяетъ душу съ единымъ Богомъ, отъ котораго она какъ бы оторвалась чрезъ грѣхъ. Овладеваетъ же она душою и начинаетъ вести ее въ упомянутомъ третьемъ дѣйстви; въ четвертомъ ожидаетъ; въ пятомъ преобразуетъ; въ шестомъ вводитъ; въ седьмомъ пасетъ. Все это дѣлается въ одномъ случаѣ скорѣе, въ другомъ медленнѣе, соотвѣтственно степени любви и заслугъ той или другой души; и все это дѣлаетъ Богъ въ высшей степени справедливо, правильно и прекрасно, какъ бы ни вздумали распорядиться собою тѣ, относительно которыхъ Онъ это дѣлаетъ. Что же касается вопроса о томъ, насколько приносятъ пользу освященія дѣтей—младенцевъ, то вопросъ этотъ весьма темный; однако слѣдуетъ вѣрить, что нѣкоторую пользу приносятъ. Разумъ найдетъ это, когда

такого рода изслѣдованіе будетъ полезно (хотя я предпочелъ уже отложить на будущее время для своего изслѣдованія и многое другое, какъ нужно для познанія). А это будетъ въ высшей степени полезно, если изслѣдованіе будетъ совершаться подъ руководствомъ благочестія.

Если это такъ, то кто имѣетъ право досадовать на то, что душа дана тѣлу для приведенія его въ движеніе и управленія имъ, какъ скоро такой и столь божественный порядокъ вещей не могъ устроиться лучшимъ образомъ? Или сочтеть себя въ правѣ задавать вопросы о томъ, какою она дѣлается въ этомъ смертномъ и бренномъ тѣлѣ, когда она и смерти подвергнута справедливо за грѣхъ, и можетъ и въ самомъ тѣлѣ стать высоко по своей доблести? Или какою она будетъ по смерти, когда наказаніе смертію должно по необходимости оставаться, если будетъ оставаться грѣхъ, а добродѣтели и благочестію будетъ наградою самъ Богъ, т. е. сама истина? Поэтому прекратимъ наконецъ, если угодно, нашу слишкомъ длинную рѣчь, и приложимъ неусыпное и благоговѣйное стараніе о соблюденіи божественныхъ заповѣдей. Другаго убѣжища отъ столькихъ золъ нѣтъ. Если же я сказалъ что нибудь болѣе темно, чѣмъ ты ожидалъ, то постарайся, запомнивъ это, спросить о томъ въ другое болѣе удобное время. Намъ не откажетъ въ помощи, если будемъ просить Его, Тотъ, Кто свыше является учителемъ всѣхъ. Е. И эту рѣчью я до такой степени приведенъ въ восторгъ, что считалъ святотатствомъ прервать ее; и если ты находишь, что пора прекратить разговоръ, и если тѣхъ трехъ оставшихся вопросовъ ты счелъ нужнымъ въ настоящее время коснуться лишь коротко,—я отдамся въ этомъ на твой судъ, и въ послѣдующемъ изслѣдованіи столь великихъ предметовъ буду не только соображаться съ временемъ, въ виду твоихъ занятій, но и заботиться о томъ чтобы самому быть болѣе подготовленнымъ.

ОБЪ УЧИТЕЛѢ

ОДНА КНИГА.

Въ этой книгѣ ведется пространное разсужденіе о силѣ и значеніи словъ съ цѣлію убѣдить, что познаніе вещей пріобрѣтается не тѣми внѣшними словами, которыя человекъ произноситъ, а отъ вѣчной, внутреннимъ образомъ учащей, истины.

ГЛАВА I.

Съ какою цѣлію говоритъ человекъ?

Августинъ. Что, по твоему мнѣнію, имѣемъ мы въ виду, когда говоримъ? *Адеоданъ.* Судя по тому, что мнѣ теперь предстоитъ, или—учить, или—учиться. *Авг.* Съ первымъ я согласенъ: ибо ясно, что, когда говоримъ, мы имѣемъ въ виду учить; но учиться—какимъ образомъ? *Ад.* А какъ же бы иначе, думалъ ты, какъ не посредствомъ спрашиванія? *Авг.* Даже и въ этомъ случаѣ, мнѣ кажется, мы имѣемъ цѣлію не что иное, какъ учить. Ибо съ какою, скажи, иною цѣлію спрашиваешь ты, какъ не съ тою, чтобы вразумить того, кого спрашиваешь? *Ад.* Ты говоришь правду. *Авг.* Итакъ, ты видишь теперь, что, когда говоримъ, мы не имѣемъ въ виду ничего другаго, какъ учить. *Ад.* Не вполне: ибо, если говорить значитъ не что иное, какъ произносить слова, то, думаю, тоже самое мы дѣлаемъ и въ томъ случаѣ, когда поемъ. А поемъ мы часто одни, когда около насъ не бываетъ никого, кто учился бы: въ такомъ случаѣ, думаю, мы не имѣемъ въ виду учить чему-либо. *Авг.* По моему мнѣнію, есть нѣкоторый родъ ученія чрезъ приноми-

наніе, — родъ весьма важный, съ которымъ мы познакомимся самымъ дѣломъ изъ настоящей бесѣды. Но если ты не согласенъ ни съ тѣмъ, что мы сами учимся, когда воспоминаемъ, ни съ тѣмъ, что учимъ того, кто припоминаетъ, я тебѣ не прекословлю, и утверждаю, что есть два повода, по которымъ мы говоримъ: съ одной стороны—чтобы учить, съ другой—чтобы припоминать другимъ ли то, или самимъ себѣ; тоже дѣлаемъ мы и когда поемъ: не такъ ли и по твоему мнѣнію? *Ад.* Не совсѣмъ: ибо весьма рѣдко случается, что я пою ради припоминанія, а только лишь ради удовольствія. *Авг.* Вижу, что у тебя на умѣ. Но развѣ ты не понимаешь, что то, что въ пѣніи доставляетъ тебѣ удовольствіе, есть нѣкотораго рода модуляція звука и что, посліку слова могутъ быть и прибавлены къ ней и отняты отъ нея, иное значитъ говорить и иное пѣть. Въ самомъ дѣлѣ, поютъ на флейтѣ и цитрѣ, поютъ птицы и сами мы издаемъ иногда нѣчто музыкальное безъ словъ, каковой звукъ пѣніемъ назвать можно, но говореніемъ нельзя: но быть можетъ, ты имѣешь возразить что нибудь? *Ад.* Рѣшительно ничего.

Авг. Итакъ, не думается ли тебѣ, что, когда говоримъ, мы имѣемъ въ виду ничто иное, какъ учить и припоминать? *Ад.* Думалось бы, если бы меня не смущало то обстоятельство, что, и когда молимся, мы тоже говоримъ; однако думать, что Богъ чрезъ насъ чему-либо учится, или что-либо припоминаетъ, не пристойно. *Авг.* Тебѣ, полагаю, небезъизвѣстно, что молиться въ затворенной клѣтѣ (Мѡ. VI, 6), подъ которою разумѣются тайники нашего духа, намъ заповѣдано потому именно, что Богъ не пуждается въ нашихъ словахъ, которыя бы учили Его или напоминали Ему—доставлять намъ то, чего мы желаемъ. Ибо кто говорить, тотъ членораздѣльными звуками проявляетъ свою волю вовнѣ; Бога же должно и искать и умолять въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ разумной души, которая называется внут-

реннимъ человѣкомъ, поелику Ему угодно было наименовать ее своимъ храмомъ. Развѣ ты не читалъ у апостола: *не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте и Духъ Божій живеть въ васъ* (1 Кор. III, 16), и что Христосъ обитаетъ во внутреннемъ человѣкѣ (Еф. III, 16, 17)? Не останавливалъ ли ты также вниманія на словахъ пророка: *глаголюте въ сердцахъ вашихъ, и на ложахъ вашихъ умилилися. Пожрите жертву правды и уповайте на Господа* (Псал. IV, 5, 6)? Гдѣ, по твоему мнѣнью, приносится жертва правды, какъ не въ храмѣ ума, въ тайникахъ сердца? А гдѣ надлежитъ приносить жертву, тамъ должно и молиться. Посему, когда мы молимся, нѣтъ нужды въ томъ, чтобъ мы говорили, т. е. въ словахъ, вѣшнымъ образомъ произносимыхъ, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда эти слова, какъ у священниковъ, служатъ выраженіемъ мысли, дабы не Богъ, а люди слышали оныя, и возбуждая въ себѣ чрезъ припоминаніе нѣкоторое съ ними согласіе, возлагали свое упованіе на Бога. — Но, можетъ быть, ты думаешь иначе? *Ад.* Я совершенно согласенъ съ тобою. *Авг.* Значить, тебя не смущаетъ то обстоятельство, что высочайшій Учитель, когда училъ своихъ учениковъ молиться, научилъ ихъ и нѣкоторымъ словамъ (Мѣ. VI, 9), при чемъ Онъ сдѣлалъ, по видимому, не что иное, какъ научилъ ихъ, какія слова должно произносить во время молитвы? *Ад.* Это меня не смущаетъ нисколько: ибо Онъ научилъ ихъ не словамъ, а самымъ предметамъ посредствомъ словъ, которыя бы напоминали имъ, кому и о чемъ должны молиться они, когда молятся, какъ сказано, въ тайникахъ духа. *Авг.* Ты разуждаешь правильно. Полагаю, ты понимаешь также (пускай это и оспариваетъ кто-нибудь), что хотя мы и не произносимъ ни одного звука, тѣмъ не менѣе, представляя въ умѣ самыя слова, говоримъ внутренно, въ душѣ; равнымъ образомъ и когда говоримъ, мы дѣлаемъ не что иное, какъ

припоминаемъ, когда память, въ которой хранятся слова, перебирая ихъ, приводитъ на умъ тѣ самые предметы, знаками которыхъ эти слова служатъ. *Ад.* Понимаю и соглашаюсь съ этимъ.

ГЛАВА II.

Значеніе словъ показывается человѣкомъ не иначе, какъ словами.

Авг. Итакъ, мы согласны съ тобой, что слова суть знаки. *Ад.* Согласны. *Авг.* А можетъ ли знакъ быть знакомъ, если онъ не означаетъ чего либо? *Ад.* Не можетъ. *Авг.* Сколько словъ въ этомъ напр. стихѣ:

„Если ничего изъ этого города богамъ негодно оставить“¹⁾.

Ад. Восемь. *Авг.* Значить, восемь знаковъ. *Ад.* Да, восемь. *Авг.* Полагаю, ты понимаешь этотъ стихъ. *Ад.* Мнѣ кажется, понимаю достаточно. *Авг.* Скажи же мнѣ, что означаетъ каждое слово въ отдѣльности. *Ад.* Хотя я и понимаю, что значить *если*, но другаго слова, которымъ-бы оно могло быть истолковано, не нахожу. *Авг.* Но ты опредѣлишь по крайней мѣрѣ, что такое обозначается этимъ словомъ, гдѣ бы оно ни находилось? *Ад.* Мнѣ кажется, что *если* обозначаетъ сомнѣніе; а сомнѣнію гдѣ же быть, какъ не въ душѣ? *Авг.* Соглашаюсь пока съ этимъ,—продолжай дальше. *Ад.* *Ничего* что другое означаетъ, какъ не то, что не существовать. *Авг.* Быть можетъ, ты говоришь и правду; но согласиться съ этимъ мѣшаетъ мнѣ то, съ чѣмъ согласился ты выше, именно—что знакъ не есть знакъ, если онъ чего либо не означаетъ. Но то, что не существуетъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть чѣмъ либо. Поэтому второе слово

¹⁾ „Si nihil ex tanta superis placet urbe relinqui“. *Виргил. Энеида*, кн. II, ст. 659.

въ нашемъ стихѣ не есть знакъ, ибо не обозначаетъ ничего; и мы неправильно согласились съ тобой въ томъ, что всѣ слова—знаки, или что всякій знакъ означаетъ что либо. *Ад.* Твое возраженіе слишкомъ сильно; но какъ скоро мы не имѣемъ что обозначить словомъ, то слово наше будетъ безсмысленнымъ; а между тѣмъ разговаривая теперь со мною, ты, полагаю, ни одного звука не издаешь напрасно, а всѣмъ, что исходитъ изъ твоихъ устъ, даешь мнѣ знакъ, дабы я понималъ что либо. Поэтому тебѣ не слѣдовало бы произносить въ разговорѣ этихъ трехъ слоговъ, если бы ты не обозначалъ ими чего либо. Если же ты видишь, что изъ нихъ составляется слово необходимое, и мы учимся и припоминаемъ, когда оно касается нашего уха, то видишь, конечно, и то, что я хочу имъ высказать, хотя и не могу того объяснить: *Авг.* Что же намъ дѣлать? Развѣ скажемъ такъ, что словомъ этимъ обозначается не предметъ, котораго въ дѣйствительности нѣтъ, а скорѣе нѣкоторое состояніе нашего духа, когда онъ предмета не видитъ, и въ то же время находить (или думаетъ, что находить), что его нѣтъ? *Ад.* Это, быть можетъ, и есть то самое, что силился я объяснить. *Авг.* Оставимъ же это слово, какое бы тамъ оно ни имѣло значеніе, чтобы не случилось съ нами чего либо весьма нелѣпаго. *Ад.* Чего же именно? *Авг.* А того; чтобы насъ не задержало «ничто» и не заставило остаться на мѣстѣ. *Ад.* Хотя это и смѣшно, однако какимъ то образомъ это можетъ случиться, да даже очевидно и случилось.

Авг. Въ своемъ мѣстѣ мы, если Богъ дастъ, поймемъ яснѣе этого рода противорѣчіе; а теперь возвратись къ нашему стиху и постарайся, насколько можешь, объяснить, что означаютъ его остальные слова. *Ад.* Третье слово—предлогъ *изъ*, вмѣсто котораго, по моему мнѣнію, можно сказать *отъ*. *Авг.* Я добиваюсь не того, чтобы ты одно вполне извѣстное слово замѣнялъ другимъ, также вполне

извѣстнымъ, словомъ, имѣющимъ тоже самое значеніе: хотя еще вопросъ, имѣетъ ли оно тоже самое значеніе; но допустимъ пока, что имѣетъ. Вѣдь еслибы поэтъ сказалъ не «изъ этакого города», а «отъ этакого», а я спросилъ бы тебя, что означаетъ «отъ»? ты отвѣчалъ бы—«изъ», потому что оба эти слова, т. е. знака, означаютъ, по твоему мнѣнію, нѣчто одно. Но это-то именно неизвѣстное одно, обозначаемое обоими этими знаками, я и хочу знать. *Ад.* Мнѣ кажется, частица «изъ» означаетъ нѣкотораго рода отдѣленіе отъ предмета чего либо въ немъ бывшаго, о чемъ говорится, что оно—изъ этого предмета; пересталъ ли уже существовать самый предметъ, какъ въ этомъ стихѣ, когда по прекращеніи существованія города могли оставаться изъ него нѣкоторые троянцы, или продолжаетъ существовать, какъ напр. мы говоримъ, что въ Африкѣ находятся купцы изъ города Рима. *Авг.* Я пожалуй соглашусь съ тобою и не стану перечислять тебѣ, какъ много можетъ быть исключеній изъ твоего правила; но ты по крайней мѣрѣ понимаешь ясно, что объяснялъ извѣстнѣйшія слова такими же извѣстнѣйшими словами, т. е. знаки—знаками: между тѣмъ какъ я желалъ, чтобъ ты показалъ мнѣ, если можешь, то именно, знаками чего они служатъ.

ГЛАВА III.

Можно ли объяснить что либо безъ знака.

Ад. Удивляюсь, что ты не знаешь, или вѣрнѣе притворяешься, будто не знаешь, что съ моей стороны рѣшительно не можетъ быть такого отвѣта, какаго ты желаешь; потому что когда мы разговариваемъ, мы не можемъ отвѣчать иначе, какъ только словами. Ты спрашиваешь меня о такихъ вещахъ, которыя чѣмъ бы онѣ тамъ ни были, во всякомъ случаѣ не суть слова; а между тѣмъ спрашиваешь меня словами. Спрашивай меня по крайней мѣрѣ безъ словъ,

чтобы и я съ своей стороны могъ отвѣчать тебѣ подѣ тѣмъ же условіемъ *Авг.* Согласенъ, что ты правъ. Но если бы я спросилъ у тебя, что означаютъ два слога, напр., въ словѣ «стѣна»; развѣ ты не могъ бы показать мнѣ пальцемъ, чтобы я прямо увидѣлъ самый предметъ, знакомъ котораго служить это двусложное слово, просто по одному твоему указанію, безъ произнесенія какихъ либо словъ? *Ад.* Я допускаю возможность этого но только по отношенію къ именамъ, которыми обозначаются тѣла, если эти тѣла находятся на лицо. *Авг.* А цвѣтъ называемъ ли мы тѣломъ или же скорѣе—нѣкоторымъ качествомъ тѣла? *Ад.* Качествомъ. *Авг.* Почему же и цвѣтъ можетъ быть указанъ пальцемъ? Не прибавишь ли ты къ тѣламъ и свойствъ тѣлъ, которыя также, если будутъ на лицо, могутъ быть изучаемы безъ словъ? *Ад.* Когда я говорилъ о тѣлахъ, я разумѣлъ подѣ ними все тѣлесное, т. е. все, что въ тѣлахъ доступно чувствамъ. *Авг.* Однако подумай, не нужно ли тебѣ сдѣлать изъ этого какого либо исключенія? *Ад.* Предостереженіе твое основательно: мнѣ слѣдовало бы сказать не »все тѣлесное«, а »все видимое«. Сознаю, что звукъ, запахъ, вкусъ, тяжесть, теплота, и прочее, относящееся къ остальнымъ чувствамъ, хотя и не могутъ быть ощущаемы безъ тѣлъ, и потому тѣлесны, однако пальцемъ указаны быть не могутъ. *Авг.* А развѣ ты не видѣлъ никогда, какъ съ глухими ведутъ своего рода разговоръ посредствомъ жестикуляцій, и сами глухіе, при помощи жестовъ же, и спрашиваютъ, и отвѣчаютъ, и учатъ, и выражаютъ все, что хотятъ, или по крайней мѣрѣ—весьма многое. А если такъ, то безъ словъ можетъ быть указываемо не только лишь видимое, но и звуки, и вкусы, и прочее въ этомъ родѣ. Вѣдь и комедіанты весьма часто представляютъ въ театрахъ цѣлыя басни безъ словъ, посредствомъ пантомимъ. *Ад.* На это я не могу возразить тебѣ ничего, кромѣ того развѣ, что зна-

ченія частицы »изъ« не только я, но и самъ плясунъ — комедіантъ безъ словъ не въ состояніи показать тебѣ.

Авг. Быть можетъ, ты говоришь и правду; но вообразимъ себѣ, что онъ въ состояніи это сдѣлать. Полагаю, ты согласишься не колеблясь, что каково бы ни было то движеніе тѣла, при помощи котораго онъ будетъ стараться показать мнѣ обозначаемый этимъ словомъ предметъ, движеніе то будетъ не самымъ предметомъ, а знакомъ. Посему, и въ этомъ случаѣ онъ будетъ указывать, правда не слово словомъ, но во всякомъ разѣ—знакъ знакомъ, такъ что и эта односложная частица »изъ« и его тѣлодвиженіе означать будутъ нѣчто одно, то самое, что требую я показать мнѣ безъ знака. *Ад.* Но какимъ образомъ, скажи, возможно то, чего ты требуешь? *Авг.* Такимъ же, какъ могла это сдѣлать стѣна. *Ад.* Да и она, насколько показала мнѣ это предыдущая аргументація, не можетъ быть указана безъ знака. Ибо указаніе пальцемъ не есть вѣдь стѣна, а знакъ, посредствомъ котораго стѣна можетъ быть узнана. Такимъ образомъ я не вижу ничего, что могло бы быть указано безъ знака. *Авг.* Почему же? Предположимъ, что я спросилъ бы тебя, что значитъ ходить, а ты всталъ бы и началъ ходить: не воспользовался ли бы ты въ этомъ случаѣ, чтобы научить меня, скорѣе самымъ дѣломъ, чѣмъ словами, или другими какими либо знаками? *Ад.* Признаюсь, это такъ, и мнѣ стыдно, что я просмотрѣлъ столь очевидную вещь. Теперь и мнѣ представляется тысяча предметовъ, которые могутъ быть указаны сами собою, а не при помощи знаковъ, какъ напр. ѣсть, пить, сидѣть, стоять, кричать, и многое другое. *Авг.* Хорошо; но скажи мнѣ теперь, какъ бы ты научилъ меня, если бы я, совершенно не зная значенія слова »ходить«, спросилъ у тебя, прохаживающагося, что значитъ ходить? *Ад.* Я продолжалъ бы прохаживаться, только нѣсколько быстрѣе, чтобы этимъ новымъ, послѣ твоего во-

проса, оттънкомъ движенія сообщить тебѣ понятіе о томъ, о чемъ спросилъ ты, и это было бы именно то самое, что надлежало бы показать тебѣ. *Авг.* А развѣ ты не знаешь, что иное значить ходить и иное—спѣшить? Ибо какъ тотъ, кто ходить, не всегда спѣшить, такъ равно и кто спѣшить—не непремѣнно ходить: поспѣшность бываетъ въ письмѣ, въ разговорѣ и въ другихъ безчисленныхъ случаяхъ. Поэтому, если бы ты, что дѣлалъ, началъ дѣлать послѣ моего вопроса быстрѣе, я подумалъ бы, что ходить значить не что иное, какъ спѣшить; приданный тобою движенію новый оттънокъ ввелъ бы меня въ заблужденіе. *Ад.* Сознаюсь, что мы не въ состояніи безъ знака дать понятіе о предметѣ, когда насъ спрашиваютъ о томъ, что мы дѣлаемъ, и спрашиваютъ въ тотъ самый моментъ, когда дѣлаемъ: ибо если къ тому, что дѣлаемъ, мы не прибавимъ ничего новаго, спрашивающій подумаетъ, что мы не желаемъ показать ему того, о чемъ онъ спрашиваетъ, и не обращая на него вниманія, продолжаемъ дѣлать, что дѣлали. Но если онъ спроситъ насъ о чемъ либо такомъ, что мы можемъ дѣлать, но въ то время, когда онъ спрашиваетъ, не дѣлаемъ, въ такомъ случаѣ, принявшись послѣ его вопроса за это дѣло, мы можемъ самымъ дѣломъ лучше, чѣмъ знакомъ, показать ему то, о чемъ онъ спрашиваетъ.—Развѣ только въ ту пору, какъ я буду говорить, онъ спроситъ меня, что значить говорить. Въ такомъ случаѣ, что ни скажу я, чтобы уяснить ему, я буду по необходимости говорить, и продолжая такъ, я буду говорить до тѣхъ поръ, пока сдѣлаю для него яснымъ то, чего онъ желаетъ, не отрываясь отъ предмета, указать который просилъ онъ, и не ища знаковь, при помощи которыхъ могъ бы этотъ предметъ быть указанъ, помимо самаго же этого предмета.

ГЛАВА IV.

Объясняются ли знаки знаками.

Авг. Соображеніе весьма остроумное. Такъ стало быть мы согласны теперь съ тобой, что безъ знаковъ можетъ быть указано то, чего мы, когда насъ спрашиваютъ о томъ, или не дѣлаемъ, но можемъ тотчасъ дѣлать, или же и дѣлаемъ, но дѣлаемъ самые знаки? Вѣдь когда мы говоримъ, мы дѣлаемъ знаки, какъ уже сказано объ этомъ. *Ад.* Согласны. *Авг.* Значить, когда спрашивается о какихъ либо знакахъ, то знаки могутъ быть объясняемы знаками; а когда насъ спрашиваютъ о самыхъ предметахъ, которые не суть знаки, въ такомъ случаѣ мы можемъ указывать ихъ или самимъ дѣломъ, если эти предметы—нѣчто такое, что можемъ мы дѣлать послѣ того, какъ о нихъ спрошены, или давая знаки, посредствомъ которыхъ бы они могли быть замѣнены. *Ад.* Это такъ. *Авг.* Итакъ, въ этомъ троючастномъ раздѣленіи подвергнемъ разсмотрѣнію, если угодно, прежде всего то, что знаки объясняются знаками. Одни ли слова суть знаки? *Ад.* Нѣтъ, не одни. *Авг.* Мнѣ кажется, что когда говоримъ, мы обозначаемъ словами либо самыя слова, либо другіе знаки, напр., когда называемъ жестъ, или букву: ибо то, что въ этомъ случаѣ обозначается этими двумя словами, представляетъ собою знаки же; либо что нибудь другое, не представляющее собою знака, напр., когда говоримъ «камень»: ибо это слово хотя и представляетъ собою знакъ, такъ какъ означаетъ собою нѣчто; но то, то имъ обозначается, само не есть знакъ. Этотъ послѣдній случай, когда т. е. словами обозначается то, что не представляетъ собою знака, не входитъ въ область, изслѣдовать которую мы себѣ предположили. Мы предположили разсмотрѣть тѣ случаи, когда знаками обозначаются знаки; а такіе случаи бываютъ двухъ родовъ: знаками мы учимъ и припоминаемъ

или тѣ же самые знаки, или иные. Такъ ли это и по твоему мнѣнію? *Ад.* Совершенно такъ.

Авг. Скажи же мнѣ, знаки, когда ими служатъ слова, къ какому чувству относятся? *Ад.* Къ чувству слуха *Авг.* А жесты? *Ад.* Къ чувству зрѣнія. *Авг.* А когда мы встрѣчаемъ слова написанными, неужели они не суть слова? Или ихъ правильнѣе назвать знаками словъ? Вѣдь слово представляетъ собою то, что съ извѣстнымъ значеніемъ произносится членораздѣльнымъ звукомъ; а звукъ не можетъ быть воспринять никакимъ другимъ чувствомъ, кромѣ чувства слуха. Поэтому, когда слово пишется, пишется знакъ для глазъ, при помощи котораго приходило бы на умъ то, что относится къ слуху. *Ад.* Я совершенно согласенъ съ тобою. *Авг.* Полагаю, ты согласишься и съ тѣмъ, что, когда мы говоримъ »имя«, то означаемъ этимъ что нибудь. *Ад.* Разумѣется. *Авг.* Что же? *Ад.* А то именно, чѣмъ что либо называется, напр., Ромуль, Римъ, мужество, рѣва, и многое другое. *Авг.* А означаютъ ли эти четыре имени какіе нибудь предметы? *Ад.* Означаютъ. *Авг.* Нѣтъ ли какого различія между этими именами и тѣми предметами, которые они означаютъ? *Ад.* Есть и—весьма большое. *Авг.* Желалъ бы я слышать отъ тебя, въ чемъ заключается это различіе. *Ад.* Въ томъ, во-первыхъ, что имена—знаки, а предметы—нѣтъ. *Авг.* Угодно ли тебѣ называть тѣ предметы, которые могутъ быть обозначаемы знаками, небудучи знаками сами, предметами »обозначаемыми«,—подобно тому, какъ называемъ мы предметы, которые могутъ быть видимы, предметами видимыми,—для того, чтобы впередъ удобнѣе было намъ разсуждать о нихъ? *Ад.* Изволь. *Авг.* А не обозначаются ли тѣ четыре знака, которые ты привелъ передъ этимъ, другимъ какимъ нибудь знакомъ? *Ад.* Удивляюсь, что ты полагаешь, будто я забылъ уже дознанное нами, что написанное служить знакомъ тѣхъ знаковъ, ко-

торые произносятся голосомъ. *Авг.* Скажи же, какое между ними различіе? *Ад.* А то, что написанное—видимо, а произносимое голосомъ—слышимо. Ибо, почему тебѣ не допустить и этотъ терминъ, если мы допустимъ терминъ «обозначаемый»? *Авг.* Вполнѣ и съ удовольствіемъ допускаю. Но я опять спрашиваю у тебя, могутъ ли быть тѣ четыре знака обозначены инымъ какимъ,нибудь слышимымъ знакомъ, подобно тому, какъ ты припомнилъ это относительно знаковъ видимыхъ? *Ад.* Помню и это, какъ еще болѣе недавно сказанное. Я отвѣчалъ тебѣ, то имя означаетъ собою нѣчто, и въ подтвержденіе этого значенія привелъ тѣ четыре слова; думаю, что и имя, и эти приведенныя мною слова, если они произносятся голосомъ, слышимы. *Авг.* А чѣмъ различаются между собою тотъ слышимый знакъ и эти тобою приведенныя обозначаемыя, которыя въ свою очередь суть знаки? *Ад.* Между тѣмъ, что мы называемъ именемъ, и этими четырьмя знаками, которые приведены мною въ примѣръ имени, по моему мнѣнію, то различіе, что первое есть слышимый знакъ слышимыхъ знаковъ, а послѣдніе хотя и суть знаки,, слышимые, но не знаковъ, а частію предметовъ видимыхъ какъ, напр., Ромуль, Римъ, рѣка; частію же предметовъ мысленныхъ, какъ, напр., мужество.

Авг. Согласенъ и одобряю; но знаешь ли ты, что всякій произносимый нами съ извѣстнымъ значеніемъ членораздѣльный звукъ называется словомъ? *Ад.* Знаю. *Авг.* Значить, и имя есть слово, поелику и оно, какъ мы знаемъ, произносится членораздѣльнымъ голосомъ съ извѣстнымъ значеніемъ, такъ что, когда говоримъ мы, напр., что краснорѣчивый человекъ въ своей рѣчи употребляетъ изящныя слова, онъ употребляетъ также и имена; и когда у Теренція слуга обратился къ своему старому господину: «пожалуйста, добрыя слова» ¹⁾, тотъ назвалъ и многія

¹⁾ Анд. дѣйств. 1 сц. 2.

имена. *Ад.* Согласенъ. *Авг.* Значить, согласенъ ты и съ тѣмъ, что, когда мы произносимъ, напр., «слово», этими двумя слогами обозначается и имя, и то, чему оно служить знакомъ? *Ад.* Согласенъ. *Авг.* Теперь отвѣтъ мнѣ и на слѣдующій вопросъ. Если слово—знакъ имени, а имя—знакъ рѣки, рѣка же—знакъ предмета, который можетъ быть уже видимъ, такъ что между этимъ предметомъ и рѣкою, т. е., его знакомъ, и между этимъ знакомъ и именемъ, которое ты назвалъ знакомъ этого знака, существуетъ нѣкоторое различіе: то въ чемъ же, по твоему мнѣнію, заключается различіе между знакомъ имени, за который признали мы слово, и самымъ именемъ, знакомъ котораго служить слово? *А).* Въ томъ, по моему представленію, что обозначаемое именемъ обозначается и словомъ, ибо какъ имя есть слово, такъ точно и рѣка есть слово же; но обозначаемое словомъ не всегда обозначается именемъ. Вѣдь и частица «если», стоящая въ началѣ предложеннаго тобою стиха, а также и предлогъ «изъ», о которомъ мы такъ долго толкуемъ въ настоящей аргументаціи, суть также слова, но отнюдь не имена; и такихъ примѣровъ мы находимъ много. Поэтому, такъ какъ всѣ имена суть слова, но слова не всѣ суть имена: то, по моему мнѣнію, различіе между словомъ и именемъ ясно; оно такое, какое между знакомъ такого знака, который не означаетъ собою никакихъ уже иныхъ знаковъ, и знакомъ такого знака, который, напротивъ, означаетъ иные еще знаки. *Авг.* Согласенъ ли ты, что всякій конь—животное, но не всякое животное—конь? *Ад.* Кто же въ этомъ станетъ сомнѣваться? *Авг.* Слѣдовательно, между именемъ и словомъ такое же различіе, какъ между конемъ и животнымъ; если только согласиться съ этимъ не мѣшаетъ тебѣ то обстоятельство, что словомъ называемъ мы и то, что склоняется по временамъ, напр., пишу; написалъ, говорю, сказалъ, каковыя слова, ясно, не суть имена. *Ад.*

Ты сказалъ сейчасъ именно то, что заставляло еще меня колебаться. *Авг.* Пускай же это не смущаетъ тебя. Вѣдь и знаками вообще мы называемъ все, что означаетъ что либо, въ числѣ чего могутъ быть и слова. Но знаками мы называемъ также и военныя знамена, которыя суть знаки въ собственномъ смыслѣ и подъ которыми слова не разумѣются. Теперь, если бы я сказалъ тебѣ, что какъ всякій конь—животное, но не всякое животное—конь, такъ точно всякое слово—знакъ, но не всякій знакъ—слово, ты, думаю, насколько въ этомъ не усумнился бы. *Ад.* Теперь я понимаю и совершенно согласенъ, что между словомъ вообще и именемъ такое же различіе, какъ между животнымъ и конемъ.

Авг. А знаешь ли ты также, что когда мы говоримъ »животное«, иное есть это четырехсложное имя, произносимое голосомъ, и иное—то, что имъ обозначается. *Ад.* Съ этимъ я уже согласился выше относительно всѣхъ знаковъ и всего обозначаемого. *Авг.* А всѣ ли знаки, по твоему мнѣнію, означаютъ иное, чѣмъ они сами подобно тому, какъ, когда мы говоримъ »животное«, это четырехсложное слово ни въ какомъ случаѣ не означаетъ того, что оно само по себѣ? *Ад.* Не всѣ конечно; ибо слово »знакъ«, напр., означаетъ не только прочіе, какіе только существуютъ, знаки, но и само себя: оно—слово, а всѣ слова—непремѣнно знаки. *Авг.* А не примѣнно ли что нибудь подобное и къ этому, изъ двухъ слоговъ состоящему, рѣченію »слово«? Вѣдь если этимъ двухсложнымъ словомъ обозначается все, что съ извѣстнымъ значеніемъ произносится членораздѣльно голосомъ, то къ тому же роду принадлежитъ и само оно. *Ад.* Это такъ. *Авг.* А чѣтъ ли чего подобнаго по отношенію и къ имени? Ибо оно означаетъ и имена всѣхъ родовъ, и само—имя средняго рода. Вѣдь если бы я спросилъ у тебя, къ какой части рѣчи принадлежитъ имя, отвѣтъ твой будетъ правильнымъ только въ томъ случаѣ, если скажешь, что

оно — имя (*существительное*). *Ад.* Ты говоришь правду. *Авг.* Итакъ, есть знаки, которые, означая другое, означаютъ и самихъ себя. *Ад.* Есть. *Авг.* Не представляется ли тебѣ такимъ знакомъ и этотъ двухсложный знакъ, — «союзъ»? *Ад.* Ни въ какомъ случаѣ, ибо то, что имъ обозначается, не суть имена; самъ же онъ — имя.

ГЛАВА V.

Знаки, означающіе взаимно другъ друга.

Авг. Ты понялъ хорошо. Теперь обрати вниманіе на то, не встрѣчается ли такихъ знаковъ, которые бы означали другъ другъ взаимно, такъ чтобы вотъ-это обозначалось тѣмъ, а то въ свою очередь — этимъ. Двухсложное слово «союзъ» и то, что имъ обозначается, напр. «если», «или», «ибо», «такъ какъ», «развѣ», «итакъ», «послику» и под., въ такомъ взаимномъ отношеніи не находятся: потому что всѣ эти частицы обозначаются однимъ этимъ терминомъ, самъ же онъ не обозначается ни одною изъ нихъ. *Ад.* Понимаю, и желалъ бы знать, какіе это знаки, взаимно означающіе одни другіе? *Авг.* Итакъ, ты не знаешь, что, когда мы говоримъ, напр., «имя» и «слово», мы произносимъ два слова? *Ад.* Знаю. *Авг.* А когда говоримъ «имя» и «слово», не знаешь, что мы произносимъ два имени? *Ад.* Знаю и это. *Авг.* Слѣдовательно ты знаешь, что какъ имя означается словомъ, такъ, въ свою очередь, и слово — именемъ. *Ад.* Согласенъ съ этимъ. *Авг.* Можешь ли ты сказать, чѣмъ они различаются между собою, за исключеніемъ того, что пишутся и произносятся различнымъ образомъ? *Ад.* Пожалуй, могу: думаю, различіе это указано уже мною нѣсколько раньше. Когда мы говоримъ «слова» мы обозначаемъ этимъ все, что съ известнымъ значеніемъ произносится членораздѣльно голосомъ; отсюда, всякое имя, а равно

и самый терминъ „имя“ есть слово, но не всякое слово есть имя (*существительное*), хотя самый терминъ «слово» есть имя (*существительное*).

Авг. Ну а еслибы ктонибудь началъ утверждать и доказывать тебѣ, что какъ всякое имя есть слово, такъ равно и всякое слово—имя: могъ ли бы въ такомъ случаѣ найти между ними какоенибудь различіе, кромѣ различнаго звука въ буквахъ? *Ад.* Не могъ бы да и не думаю рѣшительно, чтобы между ними было тогда какоенибудь различіе. *Авг.* Ну а если все, что съ извѣстнымъ значеніемъ произносится членораздѣльно голосомъ, хотя и представляетъ собою и слова, и имена, однако по одной причинѣ бываетъ словомъ, а по другой—именемъ: развѣ между именемъ и словомъ не будетъ въ такомъ случаѣ никакого различія? *Ад.* Не понимаю, какимъ это образомъ. *Авг.* Ну, а понимаешь, по крайней мѣрѣ, что все окрашенное видимо, а все видимое окрашено, хотя эти два слова имѣютъ каждое свое и различное значеніе? *Ад.* Это понимаю. *Авг.* Но вѣдь точно также и всякое слово можетъ быть именемъ, и всякое имя—словомъ, хотя эти два имени или слова имѣютъ и различное значеніе? *Ад.* Вижу теперь, что это можетъ быть; но какъ это можетъ быть, прошу показать мнѣ. *Авг.* Полагаю, ты знаешь, что все, съ извѣстнымъ значеніемъ произносимое членораздѣльно голосомъ, прежде всего поражаетъ ухо, добы могло быть чувствуемо, а затѣмъ передается памяти, чтобы могло быть познано. *Ад.* Знаю. *Авг.* Слѣдовательно происходятъ два явленія, когда что либо произносится голосомъ. *Ад.* Это такъ. *Авг.* Ну, а если названіе »слово« произошло отъ одного изъ этихъ двухъ явленій, а названіе »имени« отъ другаго ¹⁾)—т. е. слово отъ

¹⁾ Слово по латини—*verbum* отъ *verberare*—бить, ударять, имя—*nomen* отъ *noscere*—знать.

того, что поражаетъ (*ухо*), а имя отъ познанія, такъ что первое дано слухомъ, а второе душою?

Ад. Соглашусь съ тобою, если ты покажешь, какимъ бы это образомъ мы могли правильно называть каждое слово именемъ. *Авг.* Сдѣлать это легко. Думаю, что ты заучилъ и помнишь, что такъ называемое мѣстоименіе ставится вмѣсто имени, хотя обозначаетъ предметъ и менѣе полно, чѣмъ имя (*существительное*). Полагаю, что тотъ, у кого ты изучалъ грамматику такъ опредѣлилъ его: «Мѣстоименіе есть часть рѣчи, поставляемая вмѣсто имени (*существительнаго*) и имѣющая то же самое, только менѣе полное, значеніе». *Ад.* Припоминаю это опредѣленіе и одобряю его. *Авг.* Итакъ ты видишь, что, согласно съ этимъ опредѣленіемъ, мѣстоименія служатъ только именамъ и могутъ быть поставляемы только вмѣсто нихъ; напр., когда говоримъ: «сей мужъ», «самъ царь», «таже женщина», «это золото», «оное серебро», — *сей, самъ, таже, это, оное* суть мѣстоименія, а *мужъ, царь, женщина, золото, серебро* — имена, которыми предметы обозначаются полнѣе, нежели вышеприведенными мѣстоименіями. *Ад.* Вижу и согласенъ съ этимъ. *Авг.* Назови же мнѣ теперь нѣсколько какихъ нибудь союзовъ. *Ад.* *И, а, но, же.* *Авг.* Не кажется ли тебѣ все то, что ты назвалъ, именами? *Ад.* Рѣшительно нѣтъ. *Авг.* По крайней мѣрѣ, правильно ли, по твоему мнѣнію, выразился я, когда сказалъ: «все то, что ты назвалъ»? *Ад.* Совершенно правильно, и я уже понимаю, съ какимъ удивительнымъ искусствомъ покажешь ты мнѣ сейчасъ, что я перечислилъ тебѣ имена (*существительныя*); ибо въ противномъ случаѣ о перечисленномъ мною не могло бы быть сказано: «все т». Но при этомъ я опасаясь еще, не потому ли ты представляешься мнѣ правильно выразившимся, что приведенные мною четыре союза я считаю словами; такъ что по отношенію къ нимъ выраженіе » все

то« могло быть правильнымъ потому собственно, что правильно выраженіе »всѣ эти слова«. А если ты спросишь у меня, къ какой части рѣчи относятся *слова*, я отвѣчу—къ имени существительному. Къ этому, вѣроятно, существительному и относилось у тебя мѣстоименіе, такъ что выраженіе твое было правильнымъ.

Авг. Хотя ты и остроумно ошибаешься, но чтобы перестать ошибаться, остроумно вступи въ то, что буду я говорить, если только смогу высказать это, какъ желаю, потому что толковать о словахъ словами тоже, что, сложивъ руки, тереть пальцы о пальцы: кромѣ самого такъ дѣлающаго, едва ли кто можетъ распознать, какіе именно пальцы зудятъ, а какіе помогаютъ зудящимъ. *Ад.* Я весь—вниманіе, ибо самый этотъ примѣръ твой крайне заинтересовалъ меня. *Авг.* Слова, безъ сомнѣнія, состоятъ изъ звука и буквъ. *Ад.* Такъ *Авг.* Воспользуемся же лучше всего такимъ свидѣтельствомъ, которое для насъ всего дороже. Когда ап. Павелъ говоритъ: *не бысть въ Немъ (І. Христѣ) ей и ни, но въ Немъ Самомъ ей бысть* (2 Кор I, 19), слѣдуетъ, мнѣ кажется, думать, что въ І. Христѣ были не тѣ двѣ буквы, которыя мы произносимъ, говоря *ей*, а скорѣе то, что этими двумя буквами обозначается. *Ад.* Ты говоришь правду. *Авг.* Итакъ, ты понимаешь, что апостоль, сказавши: *въ Немъ Самомъ ей бысть*, сдѣлалъ не что иное, какъ словомъ *ей* назвалъ то, что было въ І. Христѣ; подобно тому, какъ если бы апостоль сказалъ: »въ Немъ была добродѣтель«, надлежало бы согласиться, что онъ сдѣлалъ не что иное, какъ назвалъ добродѣтелью то, что въ І. Христѣ было: не эти четыре слога, которые мы произносимъ, говоря »добродѣтель«, должны мы думать, были во Христѣ, а то, что этими слогами обозначается. *Ад.* Понимаю и соглашаюсь. *Авг.* А неужели не понимаешь того, что нѣтъ никакого различія, сказать ли »назвалъ добродѣтель«, или же »про-

изнесъ имя добродѣтели? *Ад.* Ясно. *Авг.* Значить ясно и то, что нѣтъ никакого различія, сказать ли „словомъ ей назвалъ“, или же „наименовалъ“ то, что было въ І. Христѣ. *Ад.* Вижу, что тутъ нѣтъ никакого различія. *Авг.* Не видишь ли теперь, что хотѣлъ я показать тебѣ? *Ад.* Не вполне еще. *Авг.* Не видишь, значить, что имя—это то, чѣмъ извѣстный предметъ называется? *Ад.* Несомнѣнно этого не вижу ничего. *Авг.* Смотри же: *ей*—имя, если имъ называется то, что было въ І. Христѣ. *Ад.* Не могу этого отрицать. *Авг.* Но если бы я спросилъ у тебя, къ какой части рѣчи принадлежитъ *ей*, ты, думаю, сказалъ бы такъ, что оно—не имя, а слово, хотя аргументація наша и показываетъ, что оно—имя. *Ад.* Это совершенно такъ, какъ ты говоришь. *Авг.* Сомнѣваешься ли еще, что именами бываютъ и прочія части рѣчи, какъ это мы доказали? *Ад.* Не сомнѣваюсь, поелику допускаю, что онѣ обозначаютъ собою нѣчто. Но если бы ты спросилъ о самыхъ обозначаемыхъ ими вещахъ, какъ называется или какое носить имя въ отдѣльности каждая изъ нихъ, я не могъ бы дать тебѣ другаго отвѣта, кромѣ того, что это части рѣчи, которыя не называются именами, но которыя, какъ вижу, мы имѣемъ основанія называть именами.

Авг. А не смущаетъ ли тебя опасеніе, какъ бы не отыскался человекъ, который бы расшаталъ эту нашу аргументацію, сказавши, что апостолу приписывать нужно авторитетъ не словъ, а предметовъ; почему основаніе нашего убѣжденія въ первомъ не столь твердо, какъ мы это думаемъ. Вѣдь, можетъ быть, что Павелъ, хотя жилъ и училъ самымъ правильнымъ образомъ, однако, когда сказалъ: «въ Немъ Самомъ ей бысть», выразился неправильно, особенно, если и самъ онъ признаетъ себя неискуснымъ въ словѣ (2 Кор., XI, 6).—Какъ бы, по твоему мнѣнію, слѣдовало опровергнуть такого человекѣка? *А).* Не имѣю ничего,

что въ данномъ случаѣ я представилъ бы въ опроверженіе, и потому прошу тебя отыскать изъ числа людей, обладающихъ высшимъ знаніемъ словъ кого нибудь такого, опираясь на авторитетъ котораго ты скорѣе бы могъ достигнуть того, чего желаешь. *Авг.* Неужели, помимо всякихъ авторитетовъ, тебѣ представляется недостаточнымъ тотъ здравый смыслъ, при помощи котораго мы доказали, что каждую изъ частей рѣчи что нибудь да обозначается, а слѣдовательно и называется; если же называется, то и именуется, а если именуется, то именуется непременно именемъ? Это весьма легко подтверждается при существованіи различныхъ языковъ. Вѣдь, если бы ты спросилъ: какъ у грековъ называется то, что у насъ называется словомъ «кто»; — тебѣ отвѣтятъ *τις*; какъ называется у нихъ то, что у насъ называется «хочу», — отвѣтятъ *θέλω*; какъ называется у нихъ то, что у насъ называется «хорошо», — отвѣтятъ *καλῶς*; какъ называется у нихъ то, что у насъ называется «написанное», — отвѣтятъ *τὸ γεγραμμένον*; какъ называется у нихъ то, что у насъ называется «отъ», — отвѣтятъ *ἀπὸ*; какъ называется у нихъ то, что у насъ называется „увы“, — отвѣтятъ *οἶ*; во всѣхъ этихъ случаяхъ спрашивающій не имѣлъ бы права употреблять мѣстоименія „что“, если бы перечисленные мною части рѣчи не были именами. Итакъ, если оставивъ въ сторонѣ авторитеты всякихъ ораторовъ, мы можемъ доказать, что апостоль Павелъ выразился правильно: то какая нужда искать намъ челоуѣка, авторитетъ котораго бы подтверждалъ наше мнѣніе?

Но, — чтобы кто нибудь болѣе тупой или болѣе безстыдный не продолжалъ настаивать на своемъ и не сталъ утверждать, что онъ можетъ подчиниться развѣ только тѣмъ авторитетамъ, которые общимъ мнѣніемъ признаются законодателями языка, — что можетъ быть указано на латинскомъ языкѣ превосходнѣе сочиненій Цицерона? А между тѣмъ,

зился бы нисколько не безразсудно такимъ образомъ: „это—животное, если оно—человѣкъ“. *Авг.* Ты говоришь правильно. И такъ, въ твоёмъ выраженіи мнѣ нравится „если“, нравится оно и тебѣ; но и тебѣ, и мнѣ не нравится въ моёмъ—„поелигу“. *Ад.* Согласенъ. *Авг.* Смотри же теперь, полныя ли предложенія представляютъ собою слѣдующія двѣ мысли: нравится—*если*, не нравится—*поелигу*? *Ад.* Совершенно полныя. *Авг.* Укажи же мнѣ, что тутъ—глаголы и что—имена? *Ад.* Глаголы—„нравится“ и „не нравится“, а имена—что же другое, какъ не „если“ и „поелигу“? *Авг.* Значить, достаточно доказано, что эти два союза суть имена. *Ад.* Совершенно достаточно. *Авг.* Не можешь ли ты теперь и самъ по эту же правилу дѣлать тоже самое и съ прочими частями рѣчи? *Ад.* Могу.

ГЛАВА VI.

Знаки сами себя обозначающіе.

Авг. Перейдемъ теперь къ другому предмету. Скажи мнѣ, не представляется ли тебѣ, что всё имена суть названія, а всё названія—имена, подобно тому, какъ мы признали, что всё слова суть имена, а имена—слова? *Ад.* Кромѣ различнаго звука въ слогахъ, между тѣмъ и другимъ я рѣшительно не вижу различія. *Авг.* Пока не возражаю тебѣ, хотя есть люди, которые различаютъ ихъ и по значенію; мнѣніе ихъ, въ данную минуту, подвергать разсмотрѣнію не считаю нужнымъ. Но ты, безъ сомнѣнія, понимаешь, что мы перешли теперь къ такимъ знакамъ, которые обозначали бы себя взаимно, не различаясь между собою ничѣмъ, кромѣ звука, и которые бы означали вмѣстѣ со всёми прочими частями рѣчи и самихъ себя. *Ад.* Этого не понимаю. *Авг.* Значить, ты не понимаешь, что имя обозначается названіемъ, а названіе—именемъ, и при томъ такъ, что, за исключеніемъ звука буквъ, они ничѣмъ не различаются между

собою, насколько это касается имени вообще: ибо частнѣе именемъ (существительнымъ) называемъ мы то, что въ ряду восьми частей рѣчи занимаетъ такое положеніе, что не обнимаетъ остальныхъ семи. *Ад.* Понимаю. *Авг.* А это и есть то, что сказалъ я, именно—что названіе и имя означаютъ себя взаимно.

Ад. Понимаю, но спрашиваю, что означаютъ твои слова: »которые бы имѣть со всеми прочими частями рѣчи означали и самихъ себя«? *Авг.* Не показала ли намъ предыдущая аргументація, что все части рѣчи могутъ быть названы именами и названіями, т. е. могутъ быть обозначаемы словами: имя и названіе? *Ад.* Это такъ. *Авг.* Ну, а если бы я спросилъ тебя, чѣмъ называешь ты само имя, т. е. самый звукъ, выражаемый его двумя слогами, не правиленъ ли будетъ отвѣтъ твой, что оно—имя (*существительное*)? *Ад.* Правиленъ. *Авг.* А означаетъ ли себя подобнымъ же образомъ знакъ, который выражаемъ мы двумя слогами, когда говоримъ „союзъ“? Вѣдь это имя не можетъ быть поставлено въ число того, что само оно обозначаетъ. *Ад.* Понимаю. *Авг.* А это и значитъ то, что сказано мною, именно—что имя въ ряду того, что оно означаетъ, означаетъ и само себя; а что въ этомъ родѣ можно сказать о названіи, ты поймешь самъ. *Ад.* Это уже не трудно; но мнѣ пришло теперь на мысль, что имя имѣетъ общее и частное значеніе; между тѣмъ какъ названіе не находится въ ряду восьми частей рѣчи: поэтому, я полагаю, что имя и названіе различаются между собою и этимъ, а не однимъ лишь различнымъ звукомъ. *Авг.* А различаются ли, думаешь ты, имя и *бюва* чѣмъ либо еще, кромѣ того звука, которымъ различаются между собою языки латинскій и греческій? *Ад.* На этотъ разъ другаго различія между ними не вижу никакого. *Авг.* Итакъ, мы пришли къ слѣдующимъ выводамъ: знаки могутъ означать и самихъ себя; одинъ знакъ можетъ вза-

имно означаться другимъ; что обозначается однимъ, тоже обозначается и другимъ; что есть знаки, которые за исключеніемъ звука, не различаются между собою ничѣмъ. Последнее положеніе найдено нами только теперь; первыя же три разумѣются относительно имени и слова. *Ад.* Совершенно такъ.

ГЛАВА VII.

Эпилוגъ предыдущихъ главъ.

Авр. Теперь я желалъ бы, чтобы ты сдѣлалъ обзоръ того, къ чему пришли мы въ своей бесѣдѣ. *Ад.* Сдѣлаю, насколько могу. Припоминаю прежде всего, что мы съ тобой заняты были нѣкоторое время изслѣдованіемъ вопроса, съ какою цѣлію мы говоримъ, и остановились на томъ, что говоримъ съ цѣлію учить и припоминать, потому что и когда спрашиваемъ, мы дѣлаемъ это не съ иною какою цѣлію, какъ съ тою, чтобы спрашиваемый учился тому, что желаемъ мы слышать отъ него; пѣніе же, которымъ мы занимаемся, очевидно, ради удовольствія, не составляетъ говоренія въ собственномъ смыслѣ; а въ молитвѣ къ Богу, о Которомъ мы не можемъ думать, чтобы Онъ учился или припоминалъ, слова имѣютъ то значеніе, что, при помощи ихъ, или мы надоумливаемъ самихъ себя, или же припоминаютъ и учатся черезъ насъ другіе. Наконецъ, когда достаточно уяснилось, что слова—не что иное, какъ знаки, и что знаки не могутъ быть знаками, если они не означаютъ чего либо, ты предложилъ стихъ, значеніе отдѣльныхъ словъ котораго старался я показать; стихъ этотъ слѣдующій:

„Если ничего изъ такого города богамъ не угодно оставить“.

Хотя второе слово этого стиха весьма извѣстно и ясно, однако мы не могли открыть, что оно означаетъ. Когда я высказалъ мнѣніе, что мы употребляемъ это слово въ разговорѣ не напрасно, а при помощи его слушающій

насъ учиться чему либо, ты отвѣчалъ, что слово это означаетъ, вѣроятно, состояніе нашего ума, когда онъ находится, или считаетъ себя нашедшимъ, что предмета, котораго онъ ищетъ, не существуетъ; впрочемъ, избѣгая шуточно какой-то, не знаю, трудности вопроса, ты отложилъ разъясненіе его до другаго времени.—Не думай, чтобы я забылъ твое обѣщаніе!—Затѣмъ, когда я старался объяснить третье слово въ нашемъ стихѣ, ты потребовалъ отъ меня, чтобы я указывалъ не на другое слово, имѣющее тоже самое значеніе, а скорѣе—на самый предметъ, который означается этимъ словомъ. И послѣ того, какъ мною было сказано, что, когда говоримъ, мы не можемъ этого сдѣлать, было приступлено къ изслѣдованію того, что спрашивающему можетъ быть указано пальцемъ. Я высказалъ мнѣніе, что пальцемъ можетъ быть указано все тѣлесное; но потомъ мы нашли, что такимъ образомъ указать можно только лишь видимое. Отсюда, не знаю ужъ какимъ образомъ, мы перешли къ глухимъ и комедіантамъ, которые обозначаютъ, не пользуясь голосомъ, при помощи лишь жеста, не только то, что можетъ быть видимо, но и многое другое, даже почти все, о чемъ говоримъ мы; и эти жесты мы признали знаками. Тогда мы снова приступили къ изслѣдованію вопроса о томъ, какимъ образомъ можемъ мы, помимо всякихъ знаковъ, указать самыя предметы, обозначаемые этими знаками, такъ какъ было доказано, что и стѣна, и цвѣтъ, и вообще все видимое, что указываетъ пальцемъ, указывается при посредствѣ какого либо знака. Когда я при этомъ по ошибкѣ сказалъ, что ничего подобнаго найти нельзя, мы разъяснили далѣе, что безъ знака можетъ быть показано то, чего мы, когда насъ о томъ спрашиваютъ, не дѣлаемъ, но послѣ вопроса можемъ дѣлать; но что говореніе не относится однакоже къ этому роду предметовъ, поелику достаточно ясно, что если насъ, когда мы говоримъ, спросятъ о томъ,

что значить говорить, то это легко показать самымъ дѣломъ.

Отсюда мы пришли къ заключенію, что мы можемъ указывать или знаки знаками; или нѣчто иное, не представляющее собою знаковъ, знаками же; или наконецъ—самые предметы, которыми, послѣ изслѣдованія, можемъ заняться, безъ знака. На разсмотрѣніи и изслѣдованіи перваго изъ этихъ трехъ положеній мы остановились наиболѣе внимательно. Путемъ этого изслѣдованія мы пришли къ тому результату, что съ одной стороны есть такіе знаки, которые не могутъ быть взаимно обозначаемы тѣми знаками, которые сами означаютъ, какъ напр. двухсложное слово „союзъ“; съ другой—есть такіе, которые могутъ, какъ напр., когда говоримъ „знакъ“, мы обозначаемъ имъ и слово; а когда говоримъ „слово“, имъ обозначаемъ и знакъ. Ибо знакъ и слово въ одно и тоже время суть и два знака, и два слова. Было показано, что въ числѣ этихъ знаковъ, означающихъ взаимно другъ друга, нѣкоторые имѣютъ не равносильное значеніе, нѣкоторые же—равносильное, а нѣкоторые—и совершенно тождественное. Дѣйствительно, односложное слово „знакъ“, напр., обозначаетъ собою рѣшительно все, чѣмъ что либо означается; напротивъ того „слово“ представляетъ собою знакъ не всякихъ знаковъ, а только тѣхъ, которые произносятся членораздѣльнымъ голосомъ. Отсюда ясно, что хотя знакомъ обозначается и слово, а словомъ—знакъ, т. е. слоги перваго—слогами втораго, и наоборотъ, однако знакъ имѣетъ болѣе широкое значеніе, нежели слово, т. е. слогами перваго обозначается болѣе, чѣмъ слогами послѣдняго. Слово же вообще и имя вообще имѣютъ равносильное значеніе. Ибо было доказано, что всѣ части рѣчи суть и имена, потому что къ нимъ примѣнимы мѣстоименія, и относительно всѣхъ ихъ можно сказать, что ими именуется что нибудь, и въ ряду ихъ нѣтъ ни одной, которая не могла бы, когда соединится съ глаголомъ, не составить полного

предложенія. Но хотя имя и слово имѣютъ равносильное значеніе: потому что все, что представляетъ собою слово, есть и имя; однако они—не одно и тоже. Было разъяснено съ достаточною вѣроятностію, что по одной причинѣ высказываемое нами называется словами, а по другой—именами. Ибо, что слово свое названіе имѣетъ отъ того, что оно касается слуха, а имя—отъ того, что припоминается душою, можно понять уже изъ того, что желая упрочить въ памяти извѣстный предметъ, мы говоримъ весьма просто, что предметъ этотъ имѣетъ такое-то имя; но не имѣемъ обыкновенія говорить, что онъ имѣетъ такое-то слово. Изъ числа же знаковъ, которые имѣютъ не только равносильное, но и совершенно тождественное значеніе, и между которыми не существуетъ другаго различія, кромѣ различнаго звука буквъ, мы нашли имя и *двома*. При этомъ дѣйствительно у меня ускользнуло изъ вниманія, что изъ числа знаковъ, взаимно означающихъ другъ друга, мы не нашли ни одного, который между означаемымъ прочимъ не обозначалъ бы и самъ себя.— Вотъ все, что я могъ припомнить. Хорошо ли и въ надлежащемъ ли порядкѣ пересказалъ я это, суди самъ; потому что ты, думаю, въ этой бесѣдѣ не сказалъ ни одного слова иначе, какъ съ знаніемъ дѣла и съ убѣжденіемъ.

ГЛАВА VIII.

Разсуждалось обо всемъ этомъ не напрасно. Чтобы дать отвѣтъ спрашивающему, душа наша, услышавъ знаки, должна переноситься къ обозначаемымъ этими знаками предметамъ.

Авг. Ты хорошо припомнилъ все, чего я желалъ, и я долженъ признаться тебѣ, что все это представляется мнѣ теперь гораздо яснѣе и раздѣльнѣй, чѣмъ въ то время, когда мы оба съ тобой рыводили это на свѣтъ изъ какого-то

мира путемъ изслѣдованія и разсужденія. Но чего я старался достигнуть съ тобою такими околичностями, въ данное время высказать трудно. Быть можетъ, ты думаешь, что мы съ тобою забавляемся и отвлекаемъ духъ отъ серьезныхъ предметовъ какъ-бы нѣкоторыми ребяческими вопросами, или занимаемся изслѣдованіемъ предмета пустой или посредственной важности; или же, если и подозрѣваешь, что настоящее наше состязаніе можетъ имѣть своимъ результатомъ нѣчто великое, то желаешь немедленно же знать, или, по крайней мѣрѣ, слышать объ этомъ. Съ своей стороны я желалъ бы, чтобы ты вѣрилъ, что, въ настоящей нашей бесѣдѣ, я не забавлялся пустыми шутками, и если шутилъ подъ часъ, этого не слѣдуетъ цѣнить съ точки зрѣнія ребяческаго смысла. Я думалъ о благахъ не маловажныхъ или посредственныхъ. Но если я скажу, что есть нѣкая блаженная и вѣчная жизнь, и я желалъ бы, чтобы мы достигли ея подъ руководствомъ Бога, т. е. самой истины, какими либо ступенями, приспособленными къ нашей нетвердой поступи, то опасаюсь, какъ бы мнѣ не показаться смѣшнымъ изъ-за того, что началъ такой путь съ разсмотрѣнія не самыхъ вещей, обозначаемыхъ знаками, а знаковъ. Итакъ, извини меня, если я начинаю съ тобою прелюдію не ради игры, а ради упражненія силъ и остроты ума, при помощи которыхъ мы могли бы не только переносить, но и любить свѣтъ и теплоту той страны, въ которой находится блаженная жизнь. *Ад.* Продолжай, лучше, какъ началъ: я никогда не подумаю, чтобы то заслуживало пренебреженія, что ты нашелъ нужнымъ говорить или дѣлать.

Авг. Разсмотримъ же теперь тѣ случаи, когда знаками обозначаются не знаки, а то, что назвали мы „обозначаемымъ“. И прежде всего, скажи мнѣ: человекъ -- есть ли человекъ? *Ад.* Вотъ теперь я ужъ не знаю, не шутишь ли ты. *Авг.* Почему такъ? *Ад.* А потому, что думаешь, будто

слѣдуетъ еще спрашивать меня о томъ, не есть ли человекъ иное что нибудь, чѣмъ человекъ. *Авг.* Точно также ты, вѣроятно, подумалъ бы, что я издѣваюсь надъ тобой, если бы спросилъ у тебя, не суть ли первые два слога этого имени иное что нибудь, чѣмъ *чело*, а послѣдній—иное, чѣмъ *вѣкъ*. *Ад.* Совершенно вѣрно. *Авг.* Но эти три слога, вмѣстѣ соединенные, суть ли человекъ; или ты отрицаешь это? *Ад.* Кто же станетъ это отрицать? *Авг.* Въ такомъ случаѣ я спрошу тебя: эти три слога, соединенные вмѣстѣ, не ты ли? *Ад.* Ни въ какомъ случаѣ. Но понимаю, къ чему ты клонишь. *Авг.* Въ такомъ случаѣ скажи, чтобы я не представился тебѣ человекомъ, желающимъ обидѣть тебя. *Ад.* Ты думаешь вывести то заключеніе, что я не человекъ? *Авг.* А развѣ ты не то же самое, думаешь, какъ скоро согласился, что вѣрно все предыдущее, откуда вытекаетъ это? *Ад.* Я не скажу тебѣ, что думаю, если прежде не услышу отъ тебя, о трехъ ли тѣхъ слогахъ спросилъ ты меня, когда задалъ вопросъ „человекъ—человекъ ли“, или же о самой вещи, которую они означаютъ? *Авг.* Лучше отвѣть мнѣ ты, въ какомъ смыслѣ понялъ ты вопросъ мой: вѣдь если онъ—вопросъ двусмысленный, ты долженъ былъ отвѣчать мнѣ не прежде, какъ выяснивъ для себя, въ какомъ смыслѣ я спросилъ тебя. *Ад.* Чѣмъ же помѣшала бы мнѣ эта двусмысленность, если бы я на то и другое отвѣчала такимъ образомъ: человекъ во всякомъ случаѣ есть человекъ; ибо и тѣ три слога суть не что иное, какъ тѣ именно три слога, и означаемое ими—не что иное, какъ то, что оно есть. *Авг.* Отвѣтъ—тонкій; но почему ты въ томъ и другомъ смыслѣ понялъ лишь одно слово „человекъ“, но не остальное, что нами говорилось? *Ад.* Откуда же видно, что и остальное я понялъ не также? *Авг.* Да не говоря о чемъ другомъ, самый первый вопросъ мой, если бы ты понялъ весь въ томъ смыслѣ, что звучать лишь слоги, ты

не отвѣтилъ бы мнѣ ничего; вѣдь тебѣ могло бы показаться, что я ни о чемъ и не спрашиваю тебя. А между тѣмъ когда я произнесъ три слова, изъ коихъ одно въ началѣ я повторилъ дважды, сказавъ: „человѣкъ—человѣкъ ли есть“,—ты два послѣднія слова понялъ не какъ знаки, а какъ то, что ими обозначается; это видно по крайней мѣрѣ изъ того, что ты тотчасъ же счелъ нужнымъ отвѣчать на вопросъ. *Ад.* Ты говоришь правду *Авг.* Почему же только поставленное въ началѣ тебѣ вздумалось понимать и въ смыслѣ того звука, который въ немъ слышится, и въ смыслѣ того значенія, которое оно имѣеть? *Ад.* Ну представляй уже себѣ, что я понимаю все со стороны лишь того, что имъ обозначается: потому что соглашаюсь съ тобой, что мы рѣшительно не въ состоянїи говорить, если только душа наша, услышавъ слова, не перенесется къ тому, знаками чего они служатъ. Угажи же мнѣ теперь, какимъ образомъ могло ввести меня въ обманъ то умозаключеніе, изъ котораго вытекаетъ, что я—не человѣкъ. *Авг.* Напротивъ, я снова хочу спросить тебя о томъ же, чтобы ты самъ нашелъ, въ чемъ погрѣшилъ. *Ад.* Хорошо.

Авг. Впрочемъ, я не стану спрашивать тебя о томъ, о чемъ я спрашивалъ съ самаго начала, такъ какъ ты уже отвѣтилъ мнѣ. Обрати на этотъ разъ побольше вниманія на то, суть ли два слога *чело* иное что нибудь, чѣмъ *чело*, а слогъ *въкъ*—иное, чѣмъ *въкъ*? *Ад.* Другаго въ нихъ не вижу рѣшительно ничего. *Авг.* Ну, а если эти три слога соединить вмѣстѣ, не выйдетъ ли человѣкъ? *Ад.* Съ этимъ я нибакъ не могу согласиться: вѣдь мы рѣшили и рѣшили правильно, что какъ скоро данъ знакъ обращать вниманіе на то, что имъ обозначается, и соотвѣтственно уже этому или принять, или отвергнуть сказанное. Эти же три слога, произносимые отдѣльно, поелику звучать безъ всякаго значенія, относятся къ тому, что мы рѣшили считать звукомъ.

Авт. Итакъ ты рѣшилъ и твердо держишься того убѣжденія, что спрашивающимъ должно отвѣчать не иначе, какъ только съ точки зрѣнія тѣхъ предметовъ, которые обозначаются словами. *Ад.* Если это—только слова, не понимаю, почему бы и не такъ. *Авт.* Желалъ бы я знать, какъ опровергъ бы ты того человѣка, о которомъ въ шутливой рѣчи приходится слышать, что онъ вывелъ заключеніе, будто изъ усть того, съ кѣмъ онъ велъ споръ, выскочилъ левъ? Когда онъ спросилъ, дѣйствительно ли то, что мы говоримъ, исходить изъ нашихъ усть,—тотъ не могъ съ этимъ не согласиться; затѣмъ онъ повелъ рѣчь съ этимъ человѣкомъ такъ что заставилъ его—что было не трудно—произнести въ разговорѣ имя льва. Когда же это имя было произнесено, онъ началъ насмѣхаться надъ нимъ и нападать на него за то, что онъ, будучи не злымъ человѣкомъ, оказался изплевавшимъ столь лютое животное, поелику согласился, что все, что мы ни говоримъ, исходить изъ нашихъ усть и поелику не могъ отпертаться отъ того, что произнесъ имя льва. *Ад.* Опровергнуть этого шутника было бы не трудно: я не согласился бы съ тѣмъ, что все, что только говоримъ мы, исходить изъ нашихъ усть. Ибо когда мы говоримъ, мы только обозначаемъ то, что говоримъ; и изъ усть говорящаго исходить не самая обозначаемая вещь, а знакъ, коимъ вещь означается, если только—не знакъ другихъ знаковъ, о чемъ разсуждали мы нѣсколько раньше.

Авт. Противъ этого человѣка ты, пожалуй, вооруженъ хорошо; но что отвѣтилъ бы ты мнѣ, если бы я спросилъ тебя: человѣкъ—имя ли? *Ад.* А что же иное, если—не имя? *Авт.* Стало быть, видя тебя, я вижу имя? *Ад.* Нѣтъ. *Авт.* Хочешь ли, чтобъ я сказалъ, что отсюда слѣдуетъ? *Ад.* Объ этомъ я не прошу тебя; потому что и самъ вижу, что я—не человѣкъ, если на твой вопросъ „человѣкъ—имя ли“, я далъ отвѣтъ, что человѣкъ—имя. Вѣдь я прежде еще

рѣшилъ, что слѣдуетъ соглашаться съ тѣмъ, или отрицать то, что говорится, съ точки зрѣнія предмета, который обозначается. *Авг.* Но на мой взглядъ, ты не ошибся, давъ такой отвѣтъ; въ этомъ случаѣ прирожденный нашимъ умамъ законъ разума оказался сильнѣе твоей осмотрительности. Ибо, если бы я спросилъ тебя, что такое человѣкъ, ты, вѣроятно, отвѣтилъ бы, что онъ животное; а если бы я спросилъ, къ какой части рѣчи относится человѣкъ, ты не могъ бы правильно отвѣтить иначе, какъ такъ, что человѣкъ — имя существительное. Поэтому какъ скоро оказывается, что человѣкъ — и имя, и животное, то первое говорится о немъ когда рѣчь идетъ о знагѣ, а послѣднее когда — о предметѣ, который обозначается. Такимъ образомъ, если бы кто нибудь спросилъ меня: „человѣкъ — имя ли“, — я отвѣтилъ бы — имя, поелику достаточно видно, что спрашивающій желаетъ слышать отвѣтъ въ этомъ именно смыслѣ. А если бы онъ спросилъ меня: „человѣкъ — животное ли“, — я еще скорѣе отвѣтилъ бы, утвердительно; потому что если бы онъ, и умолчавъ объ имени и животномъ, просто спросилъ лишь: „что такое человѣкъ“, — душа наша, руководимая законами рѣчи, прямо остановилась бы на томъ, что обозначается этими тремя слогами; и отвѣтъ данъ былъ бы или такой, что человѣкъ — животное или же въ полномъ опредѣленіи — животное разумное и смертное. Такъ ли и по твоему мнѣнію? *Ад.* Совершенно такъ. Но если мы отвѣтили, что человѣкъ — имя, въ такомъ случаѣ какъ избѣжать намъ того крайне оскорбительнаго вывода, что мы — не люди? *Авг.* А не иначе, разумѣется, какъ сказавъ, что заключеніе это не вытекаетъ изъ того смысла, въ какомъ мы дали утвердительный отвѣтъ на вопросъ. А если онъ скажетъ, что выводить его изъ того же самаго смысла, и въ такомъ случаѣ бояться нечего: ибо чего бояться мнѣ — согласиться, что я — не человѣкъ, т. е. не эти три слога? *Ад.* Вѣрнѣе ска-

зать нельзя ничего. Но почему же, когда говорятъ: „слѣдственно ты не человѣкъ“,—нашъ духъ оскорбляется, если согласно съ тѣмъ, какъ теперь между нами признано, сказать вѣрнѣе нельзя ничего? *Авг.* Потому что когда звучать эти слова, я не могу не думать, чтобы заключеніе это не относилось къ тому, что обозначается этими тремя слогами, въ силу того, имѣющаго естественно наибольшее значеніе, правила, по которому вниманіе наше отъ слышимыхъ знаковъ переносится къ обозначаемымъ ими предметамъ. *Ад* Согласенъ.

ГЛАВА IX.

Извѣстная вещь, или ея познаніе имѣютъ ли больше значенія, чѣмъ ея знаки.

Авг. Теперь я желаю, чтобы ты понялъ, что обозначаемые предметы должны быть цѣнны болѣе, нежели ихъ знаки. Ибо все, что только существуетъ ради другаго, необходимо ниже, чѣмъ то, для чего оно существуетъ. Но, быть можетъ, ты думаешь иначе? *Ад.* По моему мнѣнію, необдуманно соглашаться съ этимъ не слѣдуетъ. Когда мы говоримъ напр. *соенит* (*грязь*), то имя это, думаю я, гораздо превосходнѣе того предмета, который имъ обозначается. Вѣдь то, что въ немъ оскорбляетъ нашъ слухъ, принадлежитъ не самому звуку слова: если въ словѣ *соенит* перемѣнить одну только букву, получится *соелит* (*небо*); а между тѣми предметами, которые обозначаются этими именами, великое различіе. По этому я никогда не приписалъ бы знаку того, что ненавистно намъ въ обозначаемомъ имъ предметѣ; и потому считаю себя въ правѣ предпочесть знакъ предмету: ибо мы охотнѣе слышимъ знакъ, чѣмъ коснемся какимъ либо чувствомъ самаго предмета. *Авг.* Въ высшей степени осмотрительно. Итакъ ложно, что предметы над-

лежить цѣнить выше, чѣмъ ихъ знаки? *Ад.* Повидимому такъ. *Авг.* Въ такомъ случаѣ скажи мнѣ, что, по твоему мнѣнію имѣли въ виду тѣ, которые дали имя столь гнусному и презрѣнному предмету; одобряешь ли ты ихъ, или не одобряешь? *Ад.* Я не смѣю ни одобрять, ни не одобрять ихъ; да и не знаю, что имѣли они въ виду. *Авг.* Не можешь ли, по крайней мѣрѣ, сказать, что имѣешь въ виду самъ ты, когда произносишь это имя? *Ад.* Вполнѣ могу: желая научить человѣка, съ которымъ говорю, и напомнить ему объ этомъ предметѣ, я имѣю въ виду обозначить этимъ именемъ то, чему онъ, по моему мнѣнію, долженъ учиться и что—припомнить себѣ. *Авг.* Ну, а это ученіе или напоминаніе, которое ты съ удобствомъ даешь или получаешь посредствомъ этого имени, не слѣдуетъ ли считать дороже самаго имени? *Ад.* Согласенъ, что знаніе, приобретаемое посредствомъ знака, должно предпочитать самому знаку; но не думаю, чтобы слѣдовало предпочитать ему и предметъ.

Авг. Итакъ, въ высказанномъ нами положеніи, хотя и ложно то, что все предметы должны быть предпочитаемы ихъ знакамъ, вѣрно однакоже, что все существующее для другаго, ниже, чѣмъ то, для чего оно существуетъ. Такъ, познаніе о грязи (*soenit*), ради котораго придумано это имя, слѣдуетъ считать болѣе важнымъ, чѣмъ самое это имя, которое, въ свою очередь, какъ признано нами, надлежитъ предпочитать грязи. Ибо познаніе это предпочитается знаку, о коемъ мы говорили, не по чему либо другому, какъ потому именно, что не познаніе—убѣждены мы—существуетъ для знака, а наоборотъ, знакъ—для познанія. Такъ, когда какой-то обжора, или, по выраженію ап. Павла, работающій чреву (Римл. XVI, 18), сказалъ, что онъ живетъ для того, чтобы ѣсть: то слышавшій его слова человѣкъ жизни умѣренной не стерпѣлъ и сказалъ: „Гораздо бы лучше было, если бы ты ѣлъ для того, чтобы жить“. Онъ сказалъ это

на основаніи того же правила. Рѣчь перваго не могла по-правиться не по чему либо иному, какъ потому, что жизнь свою онъ цѣнилъ столь мало, что считалъ ее ниже удовольствій чрева, когда говорилъ, что живетъ ради пищи. Съ другой стороны и рѣчь послѣдняго похвальна не по чему либо иному, какъ потому, что, понимая — что изъ двухъ ради чего существуетъ, жизнь ли ради питанія, или наоборотъ, т. е. что изъ нихъ подчинено другому, онъ напомнилъ, что скорѣе мы должны ѣсть для того, чтобы жить, чѣмъ жить для того, чтобы ѣсть. Возможно, что подобнымъ же образомъ и ты, и всякій другой изъ числа людей, умѣющихъ цѣнить вещи, какому нибудь говоруну и любителю словъ, въ отвѣтъ на его слова: „я учу для того, чтобы говорить“, — сказалъ бы: „а почему бы тебѣ, другъ мой, лучше не говорить для того, чтобы учить“? Если это такъ (а оно, ты знаешь, такъ), то ты вполне понимаешь теперь, что слова должны имѣть меньше значенія, чѣмъ то, для чего мы ихъ употребляемъ; ибо употребленіе словъ должно быть предпочитаемо самымъ словамъ: слова существуютъ для того, чтобы мы пользовались ими, а пользуемся мы ими для того, чтобы учить. Слѣдовательно, насколько учить лучше, чѣмъ говорить, настолько говореніе лучше, чѣмъ слова. Наука, слѣд., гораздо лучше, чѣмъ слова. Но я желалъ бы слышать возраженія, которыя ты можешь быть считаешь нужнымъ сдѣлать.

Ад. Я согласенъ, что наука лучше словъ; но не знаю, нѣтъ ли чего нибудь такого, что можно бы было возразить противъ правила: „все, что существуетъ ради другаго, ниже того, для чего существуетъ оно“? Авг. Въ другое время мы обсудимъ этотъ предметъ съ большимъ удобствомъ и внимательностію; а теперь и того, съ чѣмъ согласился ты, достаточно для моей цѣли. Ты вѣдь соглашаешься, что познаніе вещей дороже, чѣмъ ихъ знаки. Поэтому познаніе

вещей, обозначаемыхъ знаками, надлежитъ предпочитать познанию знаковъ. Такъ ли и по твоему мнѣнію? *Ад.* Развѣ я согласился съ тѣмъ, что познаніе вещей превосходитъ познания знаковъ, а не съ тѣмъ, что оно превосходитъ самыхъ знаковъ? Поэтому я боюсь, что не соглашусь съ тобой и теперь. Въ самомъ дѣлѣ, если имя «грязь» лучше самаго предмета, который оно означаетъ; то почему бы и познаніе этого имени не предпочесть познанию его предмета, хотя бы самое имя было и ниже этого познания? У насъ на-лицо теперь четыре вещи—имя и предметъ, познаніе имени и познаніе предмета. Если первое превосходитъ второго, то почему же и третье не превосходитъ четвертаго? Но положимъ, что и не превосходитъ; развѣ потому уже и слѣдуетъ ставить ниже?

Авг. Вижу, что ты отлично помнишь, съ чѣмъ согласился, и выяснилъ превосходно, что думаешь. Но, полагаю, ты понимаешь, что двухсложное, напр., слово „порокъ“—лучше, чѣмъ то, что имъ обозначается; хотя знаніе самаго имени гораздо ниже, чѣмъ знаніе пороковъ. Представимъ теперь, что ты сопоставишь между собою и степень разсматривать: имя и предметъ, знаніе имени и знаніе предмета: первое мы въ правѣ предпочесть второму. Въ самомъ дѣлѣ, имя это, поставленное въ стихъ Персея: „но онъ изумился пороку“¹⁾ не только не вноситъ въ стихъ ничего порочнаго, но напротивъ придаетъ ему нѣкоторое украшеніе, хотя самый предметъ, обозначаемый этимъ именемъ, дѣлаетъ порочнымъ того, въ комъ находится. Но не таково отношеніе между третьимъ и четвертымъ: мы находимъ въ этомъ случаѣ, что четвертое преимуществуетъ надъ третьимъ. Въ самомъ дѣлѣ, знаніе этого имени ничтожно сравнительно

¹⁾ Pers. Satira III. v. 32.

съ знаніемъ пороковъ. *Ад.* Даже и въ томъ случаѣ, когда познаніе это дѣлаетъ насъ несчастнѣйшими, оно, по твоему мнѣнію, должно быть предпочитаемо? Вѣдь тотъ же Персей выше всѣхъ наказаній, которыя или измышляетъ жестокость тирановъ, или несетъ на себѣ ихъ жадность, ставить то одно, которымъ мучатся люди, вынужденные сознавать пороки, коихъ избѣжать не могутъ. *Авг.* Такимъ путемъ ты можешь отрицать и то, что познаніе добродѣтелей слѣдуетъ предпочитать познанію этого имени: поелику знать добродѣтель и не имѣть ея—также мученіе; и тотъ же самый сатирикъ желалъ, чтобы тираны несли такое наказаніе ²⁾. *Ад.* Пусть Богъ обережетъ отъ этого безумія! Теперь я понимаю, что не слѣдуетъ винить самыхъ знаній, которыми напояетъ нашъ духъ лучшая изъ всѣхъ наукъ; но слѣдуетъ считать несчастнѣйшими,—какъ, полагаю, считалъ ихъ и Персей,—тѣхъ, которые заражены такою болѣзнію, коей не помогаетъ даже и это врачество. *Авг.* Ты разсуждаешь хорошо; но какое отношеніе къ намъ имѣетъ мнѣніе Персея? Въ подобныхъ вещахъ мы не подчинены авторитету такихъ людей. Да наконецъ, слѣдуетъ ли одно изъ этихъ познаній предпочитать другому, въ настоящемъ случаѣ рѣшить нелегко. Для меня достаточно и того, что сдѣлано, именно—что познаніе предметовъ, обозначаемыхъ знаками, если не лучше познанія знаковъ, то лучше, по крайней мѣрѣ, самыхъ знаковъ. Поэтому, рассмотримъ теперь пообстоятельнѣе, что за родъ предметовъ, относительно которыхъ мы сказали, что они могутъ быть указываемы помимо знаковъ, сами собою, какъ напр: говорить, ходить, сидѣть, лежать и проч. *Ад.* Припоминаю о чемъ ты хочешь говорить.

²⁾ Ibid. v. 35—38.

ГЛАВА X.

Можно ли чемунибудь учиться помимо знаковъ. Предметы не изучаются посредствомъ самыхъ словъ.

Авг. Все ли, чѣмъ мы, будучи спрошены о томъ, можемъ немедленно заняться, можетъ быть, по твоему мнѣнію, указано помимо знака, или же ты чтонибудь исключашь? *Ад.* Пересматривая съ особеннымъ вниманіемъ весь этотъ классъ предметовъ, я доселѣ не нахожу въ немъ ничего такого, чему можно было бы учиться помимо знака, за исключеніемъ развѣ говоренія и того, если спросить ктонибудь, что значить учить. Въ самомъ дѣлѣ, я вижу, что всему, что ни сталъ бы я дѣлать съ цѣлю научить коголибо, этотъ послѣдній не научится отъ самаго того предмета, который требуетъ онъ показать себѣ. Такъ, если бы меня, когда я ничего не дѣлаю, или дѣлаю что либо другое, спросилъ ктонибудь, что значить ходить; а я, стараясь научить его помимо знака, началъ бы тотчасъ ходить: то всегда буду опасаться, какъ бы не подумалъ онъ, что ходить значить (*двигаться*) столько именно, сколько я ходилъ. А если онъ подумаетъ такъ, введенъ будетъ въ заблужденіе: потому что когда ктонибудь походить болѣе или менѣе, чѣмъ я, онъ будетъ думать, что этотъ не ходилъ. А что сказалъ я объ одномъ этомъ словѣ, то примѣнимо и ко всему, что можетъ быть, какъ думалъ я, указано безъ знака, за исключеніемъ только вышеупомянутыхъ двухъ.

Ад. Пусть такъ; но не представляется ли тебѣ, что это значить говорить и иное—учить? *Ад.* Конечно, представляется: если бы это было одно и тоже, то училъ бы только тотъ, кто говоритъ; а такъ какъ многому мы можемъ учиться при помощи и иныхъ знаковъ, кромѣ словъ, то кто станетъ сомнѣваться въ различіи между тѣмъ и дру-

гимъ? *Авг.* А учить и обозначать не различаются между собою ничѣмъ, или же различаются чѣмънибудь? *Ад.* Думаю, что это одно и то же. *Авг.* А кто говоритъ, что мы обозначаемъ для того, чтобы учить,—правильно ли говорить? *Ад.* Совершенно правильно. *Авг.* Ну, а если бы другой сказалъ, что мы учимъ для того, чтобы обозначать,—не опровергалось ли бы это предыдущимъ положеніемъ? *Ад.* Это-такъ. *Авг.* Слѣдовательно, если мы обозначаемъ для того, чтобы учить, а не учимъ для того, чтобы обозначать, то иное значить учить и иное—обозначать. *Ад.* Ты говоришь вѣрно,—я не правильно отвѣтилъ, что то и другое—одно и то же. *Авг.* Теперь отвѣть мнѣ на слѣдующее: тотъ кто учить тому, что значить учить, дѣлаетъ это при помощи знаковъ, или иначе какъ? *Ад.* Не вижу, какъ иначе онъ могъ бы это дѣлать. *Авг.* Значить, то ложно, что нѣсколько раньше сказалъ ты, т. е. что можно научить безъ знаковъ, когда спрашиваетъ кто, что значить учить: потому что какъ мы видимъ, и этого нельзя дѣлать помимо знаковъ. Самъ ты призналъ, что иное значить обозначать и иное—учить. А если то и другое различно, какъ это оказалось на дѣлѣ, и одно можетъ быть указано только другимъ: то ни въ какомъ случаѣ оно не можетъ быть показано само собою, какъ это представилось тебѣ. Слѣдовательно до сихъ поръ еще не найдено ничего, что могло бы быть указано само собою, за исключеніемъ говоренія, которое, означая иное, означаетъ и само себя; но такъ какъ оно и само есть знакъ, то оказывается, что нѣтъ рѣшительно ничего, чему можно бы было научиться безъ знаковъ. *Ад.* Не имѣю основанія не согласиться съ тобою.

Авг. Итакъ, рѣшено, что мы ничему не учимся безъ знаковъ и что само познаніе должно быть для насъ дороже знаковъ, посредствомъ которыхъ мы познаемъ; хотя и не все, что обозначается, можетъ быть лучше своихъ знаковъ.

Ад. Повидимому такъ. *Авг.* А помнишь ли ты, скажи мнѣ, какимъ окольнымъ путемъ мы дошли до такой малости? Вѣдь все, изъ-за чего мы перебрасывались между собою такъ долго словами, ограничивалось тѣмъ, чтобы найдти слѣдующія три вещи: дѣйствительно ли нельзя научиться ничему безъ знаковъ; есть ли какіе нибудь такіе знаки, которые слѣдуетъ предпочитать самимъ предметамъ, ими обозначаемымъ; и наконецъ, самое познаніе предметовъ лучше ли знаковъ. Но есть и четвертое, о чемъ я хотѣлъ бы вкоротѣ освѣдомиться у тебя: считаешь ли ты все это, нами найденное, настолько вѣрнымъ, что въ немъ ты уже не можешь сомнѣваться? *Ад.* Было бы желательно, чтобы такими околичностями и извилинами мы достигли несомнѣннаго; но этотъ вопросъ твой, не знаю какимъ образомъ, обезпокоиваетъ меня и заставляетъ опасаться утвердительнаго отвѣта. Мнѣ кажется, ты не спросилъ бы меня объ этомъ, если бы не имѣлъ чего нибудь возразить; да и самая многосложность предметовъ не позволяетъ мнѣ охватить всю совокупность ихъ и отвѣчать съ увѣренностію: я боюсь, не скрывается ли чего нибудь въ этихъ извилинахъ такого, чего взоръ ума моего усмотрѣть не могъ. *Авг.* Твое сомнѣніе встрѣчаю я съ удовольствіемъ; оно означаетъ духъ отнюдь не безразсудный и представляетъ собою величайшую охрану спокойствія. Ибо весьма трудно не прійти въ сильное смущеніе, когда то, что усвоили мы охотно и съ довѣріемъ, расшатывается возраженіями съ противоположной стороны и какъ бы вырывается изъ рукъ. Поэтому, какъ хорошо и справедливо уступать благоразумнымъ и разсудительнымъ доводамъ, такъ опасно считать неизвѣстное за извѣстное. Если часто разрушается то, что мы считаемъ весьма прочно обоснованнымъ и имѣющимъ остаться навсегда неизмѣннымъ, то есть основаніе бояться, что мы впадемъ въ состояніе такого умственнаго отвращенія или страха, что придемъ къ мысли—не вѣрить и въ самую очевидную истину.

Но давай поскорѣе разсмотримъ въ этомъ случаѣ, имѣли ты основаніе думать, что слѣдуетъ сомнѣваться въ этомъ. Представь себѣ, что человѣкъ, незнакомый съ ловлею птицъ, которая совершается при помощи прутовъ и птичьяго клея, встрѣтился съ птицеловомъ, хотя и вооруженнымъ своими снарядами, но еще не ловащимъ птицъ, а идущимъ только на охоту; увидѣвши его, онъ бы остановился и началъ, какъ это бываетъ, съ удивленіемъ размышлять про себя и спрашивать, что значитъ убранство этого человѣка; а птицеловъ, замѣтивъ устремленное на себя вниманіе и движимый желаніемъ похвастаться, приготовилъ бы свои трости, и замѣтивъ вблизи себя птичку, при помощи дудки и ястреба остановилъ бы ее, привлекая къ себѣ и поймалъ: спрашивается, не научилъ ли бы онъ своего зрителя, помимо всякихъ знаковъ, а самымъ дѣломъ тому, что тотъ хотѣлъ знать? *Ад.* Боюсь, не то же ли это самое, что сказалъ я о человѣкѣ, который спросилъ бы, что значитъ ходить. Не думаю, чтобы и здѣсь вполнѣ показано было птицеловство. *Авт.* Отъ этого опасенія тебя освободить не трудно: достаточно съ моей стороны допустить, что онъ былъ настолько понятливъ, что изъ того, что видѣлъ, вполнѣ уразумѣлъ этотъ родъ искусства; для дѣла достаточно и того, чтобы о нѣкоторыхъ только предметахъ, хотя и не о всѣхъ: и нѣкоторые только люди могутъ приобрѣтать познаніе безъ знаковъ. *Ад.* Тоже самое могу допустить и я относительно своего: онъ былъ-де настолько понятливъ, что, хотя хожденіе было указано ему нѣсколькими шагами, уразумѣлъ вполнѣ, что значитъ ходить. *Авт.* Изволь, я не только не препятствую этому, а напротивъ помогаю: самъ видишь, что мы оба приходимъ къ одному и тому же выводу, что кое-кто можетъ кое-чему учиться безъ знаковъ и что ложно то, что мы утверждали нѣсколько выше, будто нѣтъ рѣшительно ничего, что могло бы быть показано безъ зна-

ковъ. Вѣдь не только одно или другое что нибудь изъ указаннаго, а встрѣчаются тысячи предметовъ, которые узнаются сами собою безъ всякаго знака. Изъ-за чего же, скажи на милость, мы будемъ сомнѣваться? Не говорю уже о тѣхъ безчисленныхъ зрѣлищахъ, которыя представляютъ во всѣхъ театрахъ люди самымъ дѣломъ, безъ всякихъ знаковъ;—это солнце и этотъ свѣтъ, все наполняющій и все украшающій, эту луну и прочія свѣтила, эту землю, моря и все въ нихъ рождающееся безъ числа, — все это не показываетъ ли созерцающимъ Богъ и природа непосредственно, какъ оно есть само по себѣ?

А если всмотришься въ это внимательнѣе, то, быть можетъ, ты не найдешь и ничего такого, что узнается посредствомъ знаковъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда дается знакъ, этотъ знакъ не можетъ научить меня ничему, если я не знаю, ~~какого~~ предмета служить онъ знакомъ; а если знаю, то чему я учусь при его помощи? Когда я читаю: «и сарабаллы ихъ не измѣнились» (Дан. III, 94), то слово это не даетъ мнѣ видѣть того предмета, который оно означаетъ. Ибо если этимъ именемъ обозначаются нѣкотораго рода головныя покрывала, то, слыша это слово, научаюсь ли я тому, что такое голова, или тому, что такое покрывала, если раньше не знаю этихъ предметовъ? Представленіе о нихъ приобретается мною не тогда, когда я слышу о нихъ отъ другихъ, а когда вижу ихъ самъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда три слога слова: «голова», въ первый разъ касаются моего слуха, я такъ-же мало знаю, что они означаютъ, какъ и то, когда въ первый разъ слышу или прочитываю слово «сарабаллы». Но когда часто говорятъ слово «голова», то, замѣчая и соображая, въ какомъ случаѣ оно произносится, я открываю, что это—названіе предмета, который мнѣ давно весьма извѣстенъ. Пока же я не открылъ этого, слово это было для меня только звукомъ; а что оно—и знакъ, это я

узналъ, когда открылъ, какого предмета оно служить знакомъ; а открылъ я это, какъ замѣтилъ я, не по значенію, а посредствомъ наблюденія. Такимъ образомъ мы скорѣе узнаемъ знакъ послѣ того, какъ узнаемъ предметъ, чѣмъ узнаемъ предметъ по данному знаку.

Чтобы яснѣе понять это, вообрази себѣ, что мы съ первый разъ слышимъ слово «голова», и не зная, звукъ ли это только, или же имѣетъ и значеніе какое нибудь, спрашиваемъ, что значить голова (помни, что мы желаемъ имѣть представленіе не о предметѣ обозначаеомъ, а о самомъ знакѣ, котораго мы совершенно не понимаемъ, пока не знаемъ, знакомъ чего онъ служить): и вотъ, когда мы задаемъ такой вопросъ, намъ указали бы на самый предметъ пальцемъ; увидѣвъ предметъ, мы получили бы познаніе и о знакѣ, который раньше слышали только, но не знали. Но послѣдугу въ этомъ знакѣ двѣ стороны—звукъ и значеніе, то звукъ воспринимаемъ мы не посредствомъ знака, а тѣмъ самымъ, что онъ поражаетъ слухъ, значеніе же уразумѣваемъ, когда видимъ предметъ обозначаеомый. Ибо указаніе пальцемъ можетъ означать не что иное, какъ то, на что оно направлено; а направлено оно не на знакъ, а на ту часть тѣла, которая называется головою. Такимъ образомъ, посредствомъ указанія пальцемъ я не получаю познанія ни о предметѣ, который зналъ раньше, ни о знакѣ, на который указаніе пальцемъ не простирается. Впрочемъ, я не придаю большой важности указанію пальцемъ, потому что оно представляется мнѣ скорѣе знакомъ указанія, въ родѣ нарѣчій—«вотъ», чѣмъ знакомъ какихъ либо указываемыхъ предметовъ: обыкновенно къ указанію пальцемъ мы присоединяемъ и это нарѣчіе, считая одного указанія пальцемъ недостаточнымъ. Я стараюсь преимущественно о томъ, чтобы убѣдить тебя, если смогу, что при помощи знаковъ, называемыхъ словами, мы не научаемся ничему; ибо, какъ я

сказалъ, скорѣе силу слова, т. е. значеніе, которое скрывается въ звукѣ, мы узнаемъ, узнавши самый обозначаемаый предметъ, нежели получаемъ представленіе о предметѣ при помощи этого значенія.

Что сказано мною о головѣ, тоже самое скажу я о покрывалахъ и о другихъ безчисленныхъ предметахъ. Хотя бы я и зналъ ихъ, сарабаллъ я все же еще не знаю. Если бы ктонибудь или жестомъ обозначилъ мнѣ ихъ, или нарисовалъ, или указалъ на нѣчто такое, на что онѣ похожи, — я не скажу, что онѣ не научилъ бы меня: я понялъ бы этотъ предметъ безъ особаго труда, если бы захотѣлъ поболѣе поговорить; но я говорю, что ближайшее понятіе о предметѣ я получилъ бы не изъ словъ его. Также точно, какъ если бы онѣ находились на лицо, я стоялъ вмѣстѣ съ нимъ, и онъ указалъ бы мнѣ на нихъ, говоря: «вотъ сарабаллы»; я получилъ бы познаніе о неизвѣстномъ мнѣ предметѣ не посредствомъ сказанныхъ словъ, а посредствомъ взгляда на предметъ, при помощи котораго я узналъ бы и усвоилъ, что значитъ это имя. Ибо, какъ скоро изучаю я самый предметъ, то довѣряю не чужимъ словамъ, а собственнымъ глазамъ; довѣряю, пожалуй, и чужимъ словамъ, но лишь настолько чтобы обратить свое вниманіе, т. е. посредствомъ осмотра изслѣдовать то, что вижу.

ГЛАВА XI.

Мы учимся не посредствомъ словъ, внѣшнимъ образомъ звучащихъ, а отъ онутреннимъ образомъ учащей истины.

Значеніе словъ не простирается далѣе этого. Они если приписать имъ даже самое большее, только убѣждаютъ насъ изслѣдовать предметы, но не доставляютъ познанія о нихъ. Учитъ меня чему либо тотъ, кто представляетъ или глазамъ или другому какому либо тѣлесному чувству, или же са-

не могутъ помочь имена ихъ. Признаюсь, что я скорѣе вѣрю, чѣмъ знаю, что все разсказываемое въ этой исторіи такъ тогда и происходило, какъ описано. Это различіе не было безъизвѣстно и тѣмъ самимъ, кому мы вѣримъ. Ибо пророкъ говоритъ: *еще не узрите, ниже имате разумѣти* (Исаи, VII, 9). Этого онъ не сказалъ бы, если бы, по его представленію, между тѣмъ и другимъ не было никакого различія. Итакъ, чтò я разумѣю, тому и вѣрю; но не все, чему я вѣрю, то и разумѣю. Все, что я разумѣю, то я знаю; но не все то знаю; чему вѣрю. Я знаю, какъ полезно вѣрить многому и такому, чего не знаю; къ области этого полезнаго отношу я и эту исторію о трехъ отрокахъ. Поэтому, хотя многихъ предметовъ я и не могу знать, однако знаю какъ полезно вѣрить имъ.

О всемъ, постижимомъ для насъ, мы спрашиваемъ не у того говорящаго человѣка, который внѣшнимъ образомъ произноситъ звуки, а у самой, внутренно присущей нашему уму, истины, побуждаемые къ тому, пожалуй, словами. Сей, у кого мы спрашиваемъ и кто насъ учитъ, есть обитающій во внутреннемъ человѣкѣ Христосъ (Еф. III, 16. 17), т. е. непреложная Божія сила и вѣчная премудрость; хотя къ ней обращается съ вопросами и всякая разумная душа, она открывается однакоже каждому изъ насъ лишь настолько, насколько онъ въ состояніи принять то, смотря по своей худой или доброй волѣ. И если иногда мы ошибаемся, происходитъ то не по винѣ этой учащей истины; такъ точно, какъ не по винѣ этого внѣшняго свѣта бываетъ, что тѣлесные наши глаза часто ошибаются. Въ дѣйствительности и къ этому свѣту мы обращаемся относительно видимыхъ предметовъ для того, чтобы онъ показалъ ихъ намъ, насколько мы въ состояніи видѣть ихъ.

ГЛАВА XII.

Истина—Христосъ учитъ внутреннимъ образомъ.

Если же относительно цвѣтовъ мы обращаемся за свѣденіями къ свѣту, а относительно остального, ощущаемаго нашимъ тѣломъ—къ стихіямъ этого міра, къ тѣмъ же тѣламъ, которыя ощущаемъ, и къ самымъ чувствамъ, которыми, какъ истолкователями, нашъ умъ пользуется для познанія этихъ предметовъ; относительно же всѣхъ предметовъ умственныхъ—къ внутренней истинѣ: то на что можно было бы указать еще, откуда бы видно было, будто мы научаемся словами чему нибудь, кромѣ самаго поражающаго нашъ слухъ, звука? Ибо все, что познаемъ, мы познаемъ или тѣлеснымъ чувствомъ, или умомъ. Первое называется чувственнымъ, послѣднее—умственнымъ, или, говоря языкомъ нашихъ писателей, первое—тѣлеснымъ, послѣднее—духовнымъ. Когда насъ спрашиваютъ о перваго рода предметахъ, мы даемъ отвѣтъ, когда у насъ—на-лицо то, что мы ощущаемъ, какъ тогда напр., когда мы смотримъ на только-что родившуюся луну, и у насъ спрашиваютъ, какова луна, или гдѣ она. Въ этомъ случаѣ спрашивающій насъ, если самъ не видитъ предмета, вѣрить (нашимъ) словамъ, а часто и не вѣрить; но ни въ какомъ случаѣ не учится, если только не видитъ и самъ того, о чемъ говорить ему; а если видитъ, то учится уже не посредствомъ звучащихъ словъ, а посредствомъ самыхъ предметовъ и чувствъ. Ибо для видящаго слова звучать также, какъ звучали бы они и для невидящаго. Но если насъ спрашиваютъ не о томъ, что мы ощущаемъ передъ собою, а о томъ, что ощущали когда-то,—въ такомъ случаѣ мы говоримъ уже не о самыхъ предметахъ, а объ образахъ, отпечатлѣвшихся и сохраняющихся въ памяти: какимъ образомъ въ этомъ случаѣ мы выдаемъ за истинное то, что сами считаемъ за ложное, и

рѣшительно не знаю,—развѣ только утверждаемъ, что мы этого не видимъ и не ощущаемъ, но видѣли и ощущали. Такимъ образомъ, сохраняющіеся въ нашей памяти образы предметовъ, раньше подлежавшихъ нашему ощущенію, представляютъ намъ собою нѣкотораго рода документы, созерцающая мысленно которые, мы не лжемъ, коль скоро говоримъ по чистой совѣсти; но они—документы для насъ только: ибо, если слушающій насъ самъ ощущалъ и находился при томъ, о чемъ мы говоримъ ему, онъ не учится тому на основаніи моихъ словъ, а припоминаетъ, воспроизводя самъ про себя образы; если же оно его ощущенію не подлежало, то кто не пойметъ, что онъ въ этомъ случаѣ скорѣе вѣрять словамъ, чѣмъ учиться?

Когда же рѣчь идетъ о предметѣ, который мы созерцаемъ умомъ, т. е. разсудкомъ и разумомъ, то хотя мы говоримъ о томъ, что созерцаемъ, какъ присущее, во внутреннемъ свѣтѣ истины,—свѣтѣ, коимъ просвѣщается и улаживается, такъ называемый, внутренний человѣкъ: однако и въ этомъ случаѣ слушающій насъ, если онъ и самъ видитъ этотъ предметъ сокровеннымъ и простымъ окомъ, познаетъ, о чемъ я говорю ему посредствомъ собственнаго созерцанія, а не посредствомъ моихъ словъ. Такимъ образомъ и его, созерцающаго истину, я не учу, когда говорю истину: ибо онъ учится не отъ моихъ словъ, а самыми вещами, ясными для него по внутреннему откровенію Божию; слѣдовательно, будучи спрошенъ съ этомъ, можетъ отвѣчать и самъ. А что можетъ быть нелѣпѣе мнѣнія, будто своею рѣчью я научу того, который, прежде чѣмъ я стану говорить, можетъ сказать тоже самое, если его спросить? Ибо то, что спрашиваемый, какъ случается часто, сперва отрицаетъ что нибудь, а потомъ рядомъ вопросовъ вынужденъ бываетъ это признать, то происходитъ отъ слабости умственнаго взора спрашиваемаго, который не въ состояніи разомъ

обнять въ томъ свѣтѣ цѣлаго предмета; почему его и заставляютъ дѣлать это по частямъ, когда спрашиваютъ объ этихъ самыхъ частяхъ, изъ коихъ слагается то цѣлое, котораго онъ не въ состояніи былъ обнять своимъ взоромъ за одинъ разъ. Если къ этому онъ приводится и словами спрашивающаго, то слова не учатъ его, а примѣняютъ къ изслѣдованію такіе приемы, посредствомъ которыхъ спрашиваемый способенъ научиться внутренно. Такъ, если бы я спросилъ тебя о томъ самомъ, о чемъ мы разсуждаемъ теперь съ тобою, именно—неужели при помощи словъ нельзя научиться ничему? Будучи не въ состояніи на первыхъ порахъ обнять этого предмета въ цѣломъ, ты нашелъ бы это нелѣпымъ.—Тогда, чтобы силы твои оказались способными слушать внутренно онаго учителя, я долженъ былъ бы спрашивать тебя, и сказалъ бы: Откуда ты научился тому, что признаешь въ моихъ словахъ истиннымъ, въ чемъ увѣренъ, и о чемъ утверждаешь, что знаешь то? Допустимъ, ты отвѣтилъ бы, что этому научилъ тебя я. Тогда я прибавилъ бы: Ну, а еслибы я сказалъ тебѣ, что видѣлъ летающаго человѣка; слова мои убѣдятъ ли тебя такъ, какъ если бы ты услышалъ, что умные люди лучше глупыхъ? Ты конечно отвергъ бы это и отвѣчалъ, что первому не вѣришь, а еслибы и повѣрилъ, то не знаешь этого; послѣднее же знаешь несомнѣннѣйшимъ образомъ.—Уже изъ одного этого ты долженъ конечно понять, что моими словами ты не могъ научиться ни первому, чего ты, когда я утверждалъ, не зналъ, ни послѣднему, что зналъ очень хорошо; потому что и послѣ того, какъ я спросилъ тебя порознь о томъ и другомъ, ты поклялся бы, что первое тебѣ неизвѣстно, а послѣднее ты знаешь. Послѣ этого ты признаешь и все то, что ты отрицалъ въ цѣломъ, такъ какъ частности, изъ которыхъ оно слагается, и на твой взглядъ будутъ несомнѣнными и ясными, именно: слушающій насъ

или не знаетъ, истинно ли то, что мы говоримъ; или знаетъ, что оно ложно; или наконецъ знаетъ, что оно истинно. Въ первомъ изъ этихъ трехъ случаевъ онъ или вѣрить, или раздумываетъ, или сомнѣвается относительно нашихъ словъ; во второмъ противится имъ, или отвергаетъ ихъ; въ третьемъ—подтверждаетъ ихъ: слѣдовательно не учится ни въ томъ, ни въ другомъ, ни въ третьемъ случаѣ. Поелику и тотъ, кто и послѣ нашихъ словъ не знаетъ предмета, и тотъ, кто знаетъ, что услышалъ отъ насъ ложное, и наконецъ тотъ, кто, будучи спрошенъ, самъ могъ бы отвѣтить тоже самое, что сказано нами,—всѣ они, очевидно, при помощи моихъ словъ не научились ничему.

ГЛАВА XIII.

Посредствомъ словъ не открывається даже и душа говорящаго.

Поэтому и относительно тѣхъ предметовъ, которые созерцаются умомъ, тотъ напрасно слушаетъ слова созерцающаго, кто самъ созерцать этихъ предметовъ не можетъ; и если не напрасно, то потому только, что подобнымъ предметамъ полезно вѣрить и не зная ихъ. А кто въ состояннн созерцать, тотъ—внутренно ученикъ истины, внѣшне—судья говорящаго, или лучше—судья самой рѣчи. Ибо весьма часто онъ знаетъ, о чемъ говорится, между тѣмъ какъ самъ говорящій не знаетъ того, что сказалъ. Такъ, если бы кто нибудь, слѣдуя эпикурейцамъ и считая душу смертною, началъ развивать тѣ доводы, которые приводятся въ защиту ея безсмертiя, въ слухъ такого человѣка, который можетъ созерцать духовное; послѣднiй подумалъ бы, что тотъ говоритъ правду, между тѣмъ какъ говорящій не знаетъ, правду ли онъ говоритъ, а пожалуй считаетъ даже свои слова въ высшей степени ложными: не слѣдуетъ ли

въ такомъ случаѣ думать, что онъ учитъ тому, чего не знаетъ самъ? А вѣдь онъ пользуется тѣми же самыми словами, которыми могъ бы пользоваться и знающій.

Такимъ образомъ на долю словъ не остается даже и того, чтобы ими обнаруживалась по крайней мѣрѣ душа говорящаго, такъ какъ остается неизвѣстнымъ, знаетъ ли она то, что говорить. Прибавь къ этому лгуновъ и обманщиковъ, на примѣрѣ которыхъ ты легко увидишь, что слова не только не отрываютъ, но даже скрываютъ душу. Я нисколько не спору, что слова людей правдивыхъ направлены и нѣкоторымъ образомъ обязываютъ къ тому, чтобы душа говорящаго вынаруживалась; при общемъ согласіи они достигли бы этой цѣли, если бы не дозволялось говорить лгунамъ. Хотя мы часто испытывали и на себѣ, и на другихъ, что слова произносятся не о тѣхъ предметахъ, о которыхъ мы думаемъ. Это, по моему мнѣнію, можетъ случаться двояко: или когда изъ устъ нашихъ выливается рѣчь, заученная на память и часто вертящаяся на языкѣ, — выливается въ то время, когда мы думаемъ о другомъ: что случается съ нами часто во время пѣнія гимна; или же когда одни слова срываются съ языка вмѣсто другихъ, противъ нашей воли, по ошибкѣ языка: ибо и въ этомъ случаѣ слышатся знаки не тѣхъ предметовъ, которые мы имѣемъ въ виду. Что же касается лгуновъ, то они думаютъ о тѣхъ самыхъ предметахъ, о которыхъ говорятъ, такъ что, хотя мы и не знаемъ, правду ли они говорятъ, знаемъ, однако, что они имѣютъ въ виду то именно, о чемъ говорятъ; если только съ ними не бываетъ одного изъ двухъ, мною указанныхъ, случаевъ (если бы кто сталъ утверждать, что иногда случается, и когда случается, обнаруживается ясно, я отвергать не буду, хотя часто это вовсе не ясно, и часто вводило меня въ заблужденіе).

Но къ этимъ двумъ случаямъ присоединяется еще одинъ,—случай, весьма часто встрѣчающійся и служащій сѣменемъ безчисленныхъ разногласій и споровъ, именно—когда говорящій хотя и обозначаетъ то, о чемъ онъ мыслить, но весьма часто только для себя и для нѣкоторыхъ другихъ; для того же, съ кѣмъ говоритъ, а равно для многихъ другихъ обозначаетъ нѣчто иное. Такъ, если бы кто нибудь сказалъ въ нашемъ присутствіи, что человѣкъ превосходить нѣкоторыхъ животныхъ доблестію, мы не могли бы потерпѣть этого и отвергли бы столь ложное и вредное мнѣніе съ крайнимъ негодованіемъ; между тѣмъ онъ, быть можетъ, доблестію называетъ тѣлесныя силы, и этимъ терминомъ выражаетъ именно то, о чемъ онъ думаетъ,—не лжетъ, не заблуждается въ предметѣ, не спутываетъ хранящихся въ памяти словъ, думая о чемъ либо другомъ, не высказываетъ наконецъ по ошибкѣ языка чего либо иного, чѣмъ то, о чемъ думаетъ, а только лишь называетъ предметъ, о которомъ, думаетъ, инымъ, чѣмъ мы, именемъ. Мы и согласились бы съ нимъ тотчасъ же, еслибы могли усмотрѣть мысль его, которую онъ не былъ въ состояніи уяснить намъ произнесенными имъ словами и въ высказанномъ предложеніи. Говорять, что подобную ошибку можетъ устранить опредѣленіе; такъ, если бы въ настоящемъ случаѣ было сдѣлано опредѣленіе, что такое доблесть, то оказалось бы, говорятъ, что споръ касается не предмета, а словъ. Съ этимъ, пожалуй, я согласенъ; но развѣ можно считать каждаго умѣющимъ дѣлать хорошія опредѣленія? Притомъ относительно науки дѣлать опредѣленія было много споровъ, разбирать которые въ настоящемъ случаѣ не благовременно; да я ихъ вообще и не одобряю.

Не говорю уже о томъ, что многое мы не вполне расслушиваемъ, и долго и много споримъ о немъ, какъ о такомъ, что слышали. Такъ недавно, когда я назвалъ какимъ-

то пуническимъ словомъ милосердіе, ты замѣтилъ, что словомъ этимъ, какъ слышалъ ты отъ лицъ лучше знающихъ этотъ языкъ, обозначается благочестіе; я не соглашался съ тобою, настаивая, что ты забылъ то, что слышалъ: мнѣ показалось, что ты сказалъ не „благочестіе“, а „вѣра“, хотя ты сидѣлъ возлѣ меня и эти два имени ни въ какомъ случаѣ не могли обмануть моего слуха сходствомъ звука. При этомъ я долго былъ того мнѣнія, будто ты не знаешь, что тебѣ было сказано, хотя я самъ не зналъ того, что ты сказалъ. Если бы я вполне тебя разслушалъ, то мнѣ ни въ какомъ случаѣ не показалось бы нелѣпнымъ, что милосердіе и благочестіе на пуническомъ языкѣ называются однимъ и тѣмъ же словомъ. Такъ случается весьма часто; но мы это, какъ сказалъ я, обойдемъ молчаніемъ, чтобы не показалось, будто мы порицаемъ слова изъ-за нерадивости слушающаго, даже изъ-за глухоты людей. Меня заботятъ болѣе прежде указанные мною случаи, когда мы не въ состояніи бываемъ понять мысли людей, говорящихъ словами, ясно воспринимаемыми нашимъ слухомъ, — словами латинскими, которыми мы и сами говоримъ.

Но вотъ я допускаю и соглашаюсь, что, когда слова воспринимаются слухомъ человѣка, которому они извѣстны, ему можетъ быть извѣстно и то, что думаетъ говорящій о предметахъ, обозначаемыхъ этими словами: узнаетъ ли онъ въ силу этого и то, чего мы теперь доискиваемся, именно — истину ли онъ сказалъ?

ГЛАВА XIV.

Христосъ учитъ внутренно, а человекъ напоминаетъ внѣшнимъ образомъ словами.

Съ тою ли цѣлію занимаются учителя преподаваніемъ, чтобы воспринимались и усваивались ихъ мысли, а не тѣ науки,

которыя они считают себя обязанными преподавать посредствомъ слова? Ибо, кто же настолько неразумно любопытенъ, чтобы послать своего сына въ школу съ цѣлю, дабы онъ узналъ о томъ, что думаетъ учитель? Но когда они, при помощи словъ, преподали всѣ тѣ науки, обученіе которымъ они приняли на себя,—науки о добродѣтели и мудрости,—тогда такъ называемые ученики отдають сами себѣ отчетъ, истинно ли то, что имъ сказано, созерцая т. е. внутреннюю истину сообразно съ своими способностями. Значить, они тогда собственно учатся, и когда внутренне откроютъ, что сказанное истинно, хвалять, не подозрѣвая, что хвалять не учителей, а скорѣе наученныхъ; если впрочемъ и тѣ знаютъ, что говорятъ. Обманываются же люди, называя учителями тѣхъ, которые совсѣмъ не учителя, потому что по большей части между моментомъ говоренія и моментомъ познанія не бываетъ никакого промежутка; и такъ какъ внутреннее наученіе является вслѣдъ же за напомниманіемъ говорящаго, то и кажется, будто учатся совнѣ, отъ того, кто напомнилъ.

Но о пользѣ словъ вообще, которая, если хорошенько разсмотримъ ее, не мала, мы поразсудимъ, если Богъ поможетъ, въ другое время. Теперь же я старался убѣдить тебя, что мы не должны приписывать словамъ значенія больше, чѣмъ сколько слѣдуетъ, дабы мы не вѣрили только, но и понимали, насколько истинно сказано въ божественномъ писаніи, чтобы мы не называли на землѣ учителемъ никого, поелику одинъ есть Учитель всѣхъ на небесахъ (МѠ. XXIII, 8—10). А что такое—на небесахъ, этому научить насъ Самъ Онъ, Который и чрезъ людей напоминаетъ намъ внѣшнимъ образомъ, знаками, дабы, обращаясь къ Нему, мы научались внутренне. Любить и знать Его составляетъ блаженную жизнь, о которой всѣ кричатъ, что ищутъ ее, но не многіе могутъ радоваться, что нашли ее

дѣйствительно. Но я желалъ бы, чтобъ ты сказалъ мнѣ теперь, какъ ты думаешь о всей этой моей рѣчи? Если то, что мною сказано, ты признаешь истиннымъ, и будучи спрошенъ о каждой мысли въ отдѣльности, скажешь, что знаешь это: то ты знаешь теперь, кто научилъ тебя тому; во всякомъ случаѣ—не я, на чьи вопросы ты все отвѣчалъ, Если же не признаешь, то не научимъ тебя ни я, ни Онъ; я—потому, что и вообще не могу учить; Онъ—потому, что ты еще не въ состояніи учиться. *Ад.* Изъ твоихъ словъ я узналъ, что слова только располагаютъ человѣка учиться, и что рѣдко бываетъ, чтобы въ словахъ ясно была видна мысль говорящаго; а истинно ли говорить тотъ или другой, этому научаетъ меня единственно Тотъ, Который, какъ Онъ убѣждаетъ меня въ томъ, живетъ во мнѣ внутренно, хотя говорить и внѣшнимъ образомъ. При Его же помощи я буду любить тѣмъ пламеннѣе, чѣмъ долѣе буду учиться. Твоему же краснорѣчію, которымъ ты отличаешься постоянно, я благодаренъ особенно за то, что оно предусмотрѣло и разрѣшило всѣ возраженія, какія я готовъ былъ представить; тобою не пропущено ничего, что наводило на меня сомнѣніе, на что и тотъ таинственный голосъ не давалъ мнѣ такого отвѣта, въ какомъ увѣряли меня твои слова.

ОГЛАВЛЕНІЕ

2 ЧАСТИ

Твореній Блаженнаго Августина.

	СТР.
I. Противъ академиковъ, три книги	1—104
II. О жизни блаженной, одна книга	105—138
III. О порядкѣ, двѣ книги	139—226
IV. Монологовъ, двѣ книги	227—298
V. О безсмертіи души, одна книга	299—326
VI. О количествѣ души, одна книга	327—418
VII. Объ учителѣ, одна книга	419—473

мому уму то, что я хочу познать. При посредствѣ же словъ мы учимся только словамъ, даже только звуку, треску словъ; ибо, если то, что не есть знакъ, не можетъ быть словомъ, то я хотя и слышу слово, не знаю однакожь, что оно — слово, пока не узнаю, что оно значить. Слѣдовательно, познаніе словъ пріобрѣтается послѣ того уже, какъ познаются предметы; по одному же слуху не научаемся даже и словамъ. Ибо мы не изучаемъ тѣхъ словъ, которыя знаемъ; а если мы ихъ не знаемъ, не можемъ сказать, что мы ихъ изучили, если не усвоили себѣ ихъ значенія; значеніе же усваивается не тѣмъ, что мы слышимъ издаваемые звуки, а познаніемъ предметовъ обозначаемыхъ. Мнѣніе весьма вѣрное и говорится весьма правильно, что, когда произносятся слова, мы или знаемъ, что они значать, или не знаемъ: если знаемъ, то мы скорѣе припоминаемъ, чѣмъ учимся; если же не знаемъ, то и не припоминаемъ, а побуждаемся, пожалуй, къ исканію этого значенія.

Такъ, если бы, ты сказалъ, что хотя познаніе о тѣхъ головныхъ покрывалахъ, имя которыхъ для насъ не болѣе какъ—звукъ, мы можемъ имѣть дѣйствительно только въ томъ случаѣ, когда ихъ увидимъ, и что самое имя это мы вполне узнаемъ лишь узнавъ самую покрывала: однако же тому, что извѣстно намъ о самыхъ отрокахъ, какъ они вѣрою и благочестіемъ побѣдили, какія хвалы воспѣли Богу, какія почести заслужили отъ своего врага, мы научились не иначе, какъ посредствомъ словъ, то я отвѣчу тебѣ, что мы уже имѣли понятіе о всемъ, что этими словами обозначается. Ибо что такое три отрока, что такое печь, огонь, царь, наконецъ — что такое невредимые отъ огня, и вообще все, что этими словами обозначается, я уже зналъ и прежде. Ананія же, Азарія и Мисаиль для меня также неизвѣстны, какъ и сарабаллы; и познанію о нихъ не помогаютъ, да и